

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Сибирский федеральный университет»

На правах рукописи

Гергилев Денис Николаевич

**Административно-территориальное управление Сибирью
в XVIII – начале XX в.**

07.00.02. – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Научный консультант:
доктор исторических наук,
профессор
М. Д. Северьянов

Красноярск–2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава 1. ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ОБ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ РАЗВИТИИ СИБИРИ.....	32
1.1. Теоретико-методологические аспекты изучения административно-территориального устройства Сибири XVIII – начале XX в.	32
1.2. Историография административно-территориального управления Сибирью с 1708 до 1917 г.	47
1.3. Обзор источников по проблеме административно-территориального развития Сибири с 1708 до 1917 г.	88
Глава 2. СИБИРСКИЙ ВАРИАНТ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ.....	118
2.1. Территориальное устройство Сибири в контексте преобразований правителей 1708–1763-х гг.	118
2.2. Административно-территориальные единицы в системе реформ Екатерины II (наместничества, губернии, области, провинции, уезды и округа)	144
2.3. Территориальное деление «восточной окраины» Российской империи в 1797–1860 гг.	156
2.4. Административно-территориальное устройство Сибири в 1870–1917 гг.	184
Глава 3. АДМИНИСТРАТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В СИБИРИ.....	208
3.1. Институциональные компоненты местной государственной власти с 1708 до 1763 г.	208
3.2. Наместническая, губернская, областная и уездная администрация в 1764–1822 гг.	255
3.3. Административное управление Восточной и Западной Сибирью в 1823–1890-х гг.	289
3.4. Поиск формы организации государственной власти в Сибири в конце XIX – начале XX в.	325
Глава 4. НИЗОВЫЕ ЗВЕНЬЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ СИБИРЬЮ.....	344

4.1. Города, остроги, слободы и ясашные волости в Сибири от Петра I до Екатерины II	344
4.2. Реформы в системе местной власти в Сибири, их реализация и изменения (1762–1822).....	358
4.3. Волостное, городское, сельское и инородческое управления как самостоятельные звенья местного уровня власти в 1822–1880-х гг.	372
4.4. Организация местной власти в Сибири в конце XIX – начале XX в...	401
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	425
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	433
ПРИЛОЖЕНИЕ	516

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В большинстве государств мира в зависимости от исторических, национальных и культурных традиций выделяются определенные административно-территориальные единицы: провинции, графства, земли, губернии, области, округа. Это разделение является одной из основ государственного строя, так как в первую очередь затрагивает такой важный институт общественно-политических отношений, как местное управление. Возникает необходимость четко определить политические, экономические и иные взаимоотношения между центральной и региональной властью, то есть между центром и частями – административно-территориальными единицами и автономными образованиями. Это необходимо для прогрессивного развития государства в экономическом и социально-политическом плане, а также для предотвращения внутривластных конфликтов. Важной задачей является разработка оптимальной модели административно-территориального устройства государства с учетом множества внутренних и внешних факторов.

Территория в значительной степени влияет на человеческое сообщество (этнотерриториальность) и может либо сближать, объединять людей, либо разъединять. В научном аспекте проблема влияния территории на человеческое сообщество исследуется в контексте устойчивого развития территории.

Актуальность данной проблемы обусловлена вызовами, возникшими перед современной Россией и требующими настоятельного решения. Система административно-территориального устройства Российской Федерации, в силу особенностей исторического развития нашего государства, постоянно меняется, отражая потребности времени¹.

---

¹ См.: Общероссийский классификатор экономических регионов. ОК 024-95. Издание официальное. М.: Изд-во стандартов, 2000. URL:

Сейчас назревает круг проблем, вызванный неравномерностью расселения людей по территории регионов, приводящей к перенаселенности их центров при одновременном опустении окраин, деиндустриализации и депопуляции, неравномерности развития регионов в социально-экономическом и культурном отношении. Игнорирование этих проблем приводит к их усугублению, усилению тенденций этнорегионализма, созданию геополитической напряженности в отношении данной территории.

В современном глобализирующемся мире, наряду с тенденцией к стиранию границ между государствами, расширению связей, усилению межгосударственных финансовых, информационных и прочих потоков, формируется устойчивая тенденция к фрагментации мира – усилению региональных различий. Догоняющие в развитии регионы проявляют тенденцию к суверенизации. Локализация, несмотря на кажущееся противопоставление процессу глобализации, на самом деле является его неотъемлемой частью. Действительно, расширение экономических и культурных связей возможно тогда, когда существуют различия между регионами-источниками и регионами-получателями. Увеличивающееся многообразие приводит к тому, что государственные, административные границы становятся более прозрачными. Регион в процессе глобализации выходит на первое место: как вследствие переноса глобальных процессов на местный уровень, так и вследствие того, что региональные процессы становятся общемировой тенденцией.

Стремление отдельных регионов к признанию своей отличности от других зачастую приводит к росту сепаратистских настроений. Причинами этого являются несовпадение административных и социально-экономических и культурных границ, резкие отличия между регионами в пределах одного государства.

---

http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/59f8e48040d8fac69441fc4d51240c37/OKER_5.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=59f8e48040d8fac69441fc4d51240c37&CACHE=NONE (дата посещения: 02.10.2019);
Распоряжение правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р.
URL: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUtT08o60RktoOX122JjAe7irNxc.pdf> (дата посещения: 02.10.2019).

Развитие Сибири в XVIII – начале XX в., которая по своему географическому расположению, уровню хозяйственного развития и национальному составу населения вполне могла считаться отдельным регионом, имело свои четко выраженные особенности: колониальный характер освоения этого края, большая степень зависимости от экономической политики центра страны, отставание по времени от аналогичных процессов в Европейской России².

Сибирь в экономике Российской империи занимала место поставщика сырья. Причем в разные периоды сырье было разным: в XVII в. это была пушнина, в XVIII в. – пушнина и серебро, в XIX в. – золото и зерно, в начале XX в. – зерно. В советское и нынешнее время – нефть и газ³. Как в дореволюционное, так и в послереволюционное время особенностями развития Сибири были дефицит кадров и финансов, низкий уровень жизни местного населения по сравнению с уровнем жизни в Европейской России. Таким образом, можно сделать вывод о том, что Сибирь в России считалась скорее колонией, чем равноправной провинцией⁴.

В современных условиях накопленный опыт решения административно-территориальных проблем может оказаться очень полезным. В результате административно-территориальной реформы, проводимой с 2005 г. по настоящее время, в России идет процесс формирования субъектов федерации. Из этих субъектов около 10 являются донорскими, а все остальные – дотационными. Диспропорции в социально-экономическом развитии регионов способствуют росту таких проблем, как бюрократизация, коррупция, межнациональные конфликты и т. п., что свидетельствует о необходимости продолжения реформ. Сами внутренние проблемы развития Российской Федерации обуславливают необходимость

---

² Зиновьев В. П. Очерки социальной истории индустриальной Сибири. XIX – начало XX в. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 96.

³ Там же. С. 97.

⁴ Дацышен В. Г., Зиновьев В. П., Лысенко Ю. А. и др. Очерки истории освоения и изучения Северной Азии / отв. ред. В. П. Зиновьев. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2019. С. 98.

изучения исторического опыта административно-территориального устройства нашего государства.

В последние десятилетия было проведено значительное реформирование структуры государственной власти. К этим реформам следует отнести и укрупнение регионов, и изменения в порядке назначения губернаторов. Реформирование структур государственной власти происходит с целью модернизации экономики России для повышения ее конкурентоспособности на международной арене. Анализ управленческих проблем в исторической перспективе может способствовать построению выверенной политики центра по отношению к регионам Российской Федерации, в частности по отношению к Сибири.

Наша страна обладает уникальным историческим опытом в управлении огромными регионами, и этот опыт требует осмысления: форма правления, установившаяся в результате слияния традиций пришлого и автохтонного населения, особенности имперской власти в комплексе ее отношений со всеми слоями общества, отношения центра и периферии, роль государства в защите общенациональных интересов, обороне страны, разработке и реализации геополитики, соотношении государственных и общественных начал в управлении. Специальное историческое исследование эволюции системы управления сибирской окраиной позволит выявить органику сложного, динамичного процесса формирования административно-территориального деления, определить роль государства на критических рубежах, выявить закономерность постоянной модернизации⁵, будет способствовать сохранению преемственности управленческих традиций на различных этапах развития государства.

Степень научной разработанности темы исследования. Сибирь привлекала исследователей своей спецификой: протяженностью и многонациональным характером населения, приграничным положением ряда

---

⁵ Боханов А. Н., Буганов В. И., Назаров В. Д., Новосельцев А. П., Соколов А. К., Куликова Г. Б., Пиковский Л. В. Российская государственность: исторический аспект / общ. ред. и введ. В. П. Дмитренко. М.: Общество «Знание» России, 1995. С. 4–5.

территорий. Все работы в той или иной степени акцентировали внимание на бюрократизации управленческой системы в Российском государстве. Литературу по изучаемому нами периоду можно разделить на три этапа: досоветский, советский и современный. При этом уже в досоветский период начали оформляться отдельные направления в научной, учебной и справочной литературе, посвященные конкретным аспектам управленческой деятельности в различных регионах Российской империи.

В целом дореволюционная историография располагала значительным объемом данных о развитии административного устройства Сибири в XVIII–XIX вв., когда отечественное законодательство изучалось довольно подробно. Вместе с тем делопроизводственная документация не стала полноценным объектом исследования. Исследователи использовали информацию о деятельности административных органов Сибири только в случаях, являвшихся типичными для отечественной системы местного управления. Ученым этого периода удалось обозначить проблемы формирования основных принципов и форм совместной деятельности центральных и местных органов власти, однако целостных исследований в этом направлении не хватало.

В советский период исследование административно-территориального развития Сибири долгие годы оставалось без должного внимания. В отдельных работах этого периода получили освещение вопросы взаимоотношений представительных органов государственной власти и местного чиновничества, проводился анализ результатов колониальной политики правительства.

На рубеже XX–XXI вв. исследователи во многом переосмыслили содержание научных категорий, отражающих административно-территориальное устройство Российской империи. Благодаря современной методологии был достигнут новый уровень в проведении междисциплинарного компаративистского исследования.

Наиболее подробно анализ исторической литературы по изучаемому нами периоду представлен в параграфе «Историография вопроса административно-территориального управления Сибирью с 1708 до 1917 г.» первой главы диссертации. В предшествующие периоды исследователями был накоплен значительный опыт изучения истории административного управления и территориального устройства Сибири. Вместе с тем введение в научный оборот новых источников, появление новых подходов, позволяют провести комплексное исследование, углубить анализ структуры власти и ее эволюции в Сибири.

Объектом исследования является административно-территориальное управление Сибирью в XVIII – начале XX в.

Предметом исследования являются процессы формирования административно-территориальной системы Сибири как структурно-вариантной части внутренней политики Российской империи.

Цель диссертационного исследования – реконструкция процессов формирования окраинного варианта административно-территориального управления Сибирью на различных уровнях государственной власти в XVIII – начале XX в., определение роли управленческой сферы в процессе присоединения и освоения Сибири.

Достижение поставленной цели исследования предполагает решение следующих **задач**.

1. Установление теоретико-методологических особенностей понимания пространственного развития Сибири в контексте имперского дискурса освоенческих процессов и формирования административных властных структур на ее территории.

2. Анализ историографии и источников по административно-территориальному делению Сибири, относящихся к имперскому периоду.

3. Исследование сибирского варианта административно-территориальной системы управления на разных этапах ее существования с начала XVIII до начала XX в.

4. Изучение итогов реформ управления Сибирью на уровне высших административных структур государственной власти в регионе в исследуемый период.

5. Выявление и изучение результатов реформаторской деятельности институтов государственной власти на микрозональном уровне управления Сибирью, включая органы городского, волостного, сельского и иногородческого управления с начала XVIII до начала XX в.

6. Определение закономерностей социально-экономического развития Сибири в исследуемый период, обусловленных политикой центральной власти в области административно-территориального устройства региона.

7. Изучение практики реализации административно-территориальных реформ в Сибири с учетом региональной специфики с начала XVIII до начала XX в.

Хронологические рамки исследования охватывают имперский период с 1708–1710 гг. по начало 1917 г. Нижняя хронологическая граница исследования связана с реформаторской деятельностью Петра I: в 1708 г. началось осуществление губернской реформы, а в 1710 г. она была реализована на территории Сибири.

Верхняя граница исследования обусловлена революционными потрясениями в России, послужившими началом разрушения существовавшей административно-территориальной системы государства в феврале 1917 г.

Территориальные рамки исследования ограничены административными границами Сибири в период с XVIII до начала XX в.

В первой четверти XVIII в. была образована Сибирская губерния (1708) с входившими в нее провинциями: Вятской (до 1727), Соликамской (до 1727), Енисейской, Иркутской и Тобольской (1719–1724). С 1764 г. Сибирь включала Тобольскую и Иркутскую губернии «Сибирского царства». Позже границы Сибири образовывались Тобольским (1782), Иркутским и

Колыванским (1783–1796) наместничествами. Иркутская и Тобольская губернии определяли границы Сибири в 1797–1803 гг. В 1803–1822 гг. Сибирское генерал-губернаторство включало собственно территорию Сибири. Западно-Сибирское генерал-губернаторство – в 1822–1882 гг. и Восточно-Сибирское генерал-губернаторство – 1822–1884 гг. Иркутское генерал-губернаторство – в 1887–1917 гг. Томская губерния – 1882–1917 гг. и Тобольская губернии – 1882–1917 гг.⁶

Сибирское Иркутское и Сибирское Тобольское генерал-губернаторства составляли Сибирь в 1803–1822 гг. Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское генерал-губернаторства – в 1822–1882 гг. Томская и Тобольская губернии и Восточно-Сибирское генерал-губернаторство – в 1882–1887 гг. Томская и Тобольская губернии и Иркутское генерал-губернаторство – в 1887–1917 гг.⁷

Методологическая и теоретическая основа диссертации. В качестве парадигмы исследования выступает теория модернизации, поскольку она позволяет определить место Сибири и системы управления ею во всемирном историческом процессе как его части во времени и пространстве. В рассматриваемый период сибирское общество, как и общество Российской империи в целом, проходило сложный процесс преобразования из аграрного в индустриальное. Теория модернизации позволяет рассмотреть этот процесс во взаимосвязи его различных аспектов: социально-экономического и культурного развития, административно-территориального устройства, политики центральных властей.

Принципы исследования объединены в соответствии со спецификой изучения административно-территориального устройства Сибири. Формулирование выводов происходило на основе принципа объективности. Рассмотрение развития и становления административно-территориального устройства Сибири осуществлялось на основе принципов системности и

---

⁶ Прим.: см. прил.

⁷ Прим.: см. прил.

историзма. При выявлении общего и особенного, сопоставлении характеристик различных исторических периодов использовался сравнительный анализ.

Исследование развития государства с позиции исторической науки заключалось в комплексном анализе конкретно-исторических этапов развития государства, в раскрытии закономерностей исторического развития.

Использование историко-социологического подхода при анализе каждого этапа позволило рассмотреть проблемы бюрократизации административной системы и достижения абсолютной монархии.

Проблемно-хронологический метод, предполагающий выделение из широких вопросов ряда узких проблем и рассмотрение их в хронологической последовательности, повлиял на структуру, цели и задачи исследования. Использование историко-генетического метода позволило раскрыть как субъективные факторы, так и объективные закономерности в развитии административной системы Сибири.

Сочетание разнообразных методов и подходов позволило рассмотреть процесс создания и реформирования системы административно-территориального управления Сибирью с учетом особенностей региона. Наиболее подробно методологические и теоретические аспекты исследования раскрыты в параграфе «Теоретико-методологические аспекты понимания административно-территориального устройства Сибири XVIII – начала XX в.» первой главы диссертации.

Следует представить авторскую трактовку использованных в данном исследовании понятий, таких как: «административно-территориальное устройство», «административно-территориальное деление», «административное управление», «территориальное деление», «область», «областная реформа», «государственное управление», «государственное центральное управление», «местное государственное управление», «самоуправление», «микрорональный уровень управления». При этом решение поставленных исследовательских задач осуществлено с учетом

авторской конкретизации качественных признаков названных терминов с опорой на энциклопедический словарь, составленный в конце XIX – начале XX в. Ф. А. Брокгаузом и И. А. Ефроном⁸, что позволило трактовать представленный понятийный ряд с учетом исторических и смысловых особенностей.

«Административно-территориальное устройство» – это деление государства на территориальные единицы, имевшие административные органы управления, представлявшие собой до 1897 г. (до реализации судебной реформы в губерниях Сибири) местные подведомственные структуры исполнительной ветви власти, подконтрольные центральным и верховной властям. Заметим, что в качестве равнозначного часто используется понятие «административно-территориальное деление». В данном исследовании административно-территориальное устройство рассмотрено как категория, относящаяся к уровню высшего и среднего звена местного управления, т. е. в нашем понимании административно-территориальными единицами Сибири были такие структурные элементы, как генерал-губернаторство, губерния, область, провинция, состоявшие в первой четверти XVIII в. из городов и их округов, а затем – уездов, дистриктов, округов, отделений или управлений (отдельных управлений), делившихся, в свою очередь, на волости, складывавшиеся из сельских обществ и инородческих управлений.

В целом понимание административно-территориального устройства как формы государства включает ответы на вопросы о формировании и существовании «территориального деления» – политико-географического плана государства, а также «административного управления» – реализации исполнительной власти в пределах административно-территориальных границ областей государства в соответствии с принципом разграничения предметов ведения, т. е. всего рабочего механизма реализации высшей и

---

⁸ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: в 86 т. (с иллюстрациями и дополнительными материалами). URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/> (дата посещения: 21.10.2019).

центральной власти на местах, а в рамках темы диссертационного исследования – на территории Сибири как одной из «областей» России (с 1722 г. – Российской империи).

«Область» – универсальное «дореволюционное» название административно-территориальной части России, соотносившейся с современным термином «регион», но имевшей, в отличие от последнего, только административные (исполнительные) органы государственной местной власти, что соответствовало монархической форме правления. Поэтому реформы по изменению системы административно-территориального деления Российской империи назывались «областными реформами».

Заметим, что с XVIII до начала XX в. категория «область» претерпела некую трансформацию, поскольку с внедрением в Сибири положений «губернской» реформы Екатерины II (с 1780-х) под областью стала пониматься конкретно административно-территориальная единица, соответствовавшая провинции как части наместничества, а с 1797 и вплоть до 1917 г. – соответствовавшая губернии, но уступавшая ей по выстроенной системе органов государственной власти в связи с недавним присоединением ее территории и нерусским составом населения или буферным положением, что в том или ином случае подразумевало «шаткий» статус включенности области в состав России (например, Якутская, Нерчинская, Забайкальская области и др.).

«Государственное управление» – это организованное и упорядоченное со стороны государства регулирование общественной жизни (различных сфер жизни общества) посредством централизованно установленного правового функционирования органов государственной власти и их служащих. При реализации названной формы деятельности государства на уровне всего государства мы говорим о «*центральном государственном управлении*», а если на местах, т. е. в отдельных административно-территориальных единицах и, конкретнее, в рамках данного исследования –

на территории Сибири и каждой ее губернии, наместничества, области, уезда, округа, дистрикта и других частей, – мы употребляем термин *«местное государственное управление»*, реализуемое через местные органы власти и местных высших государственных служащих, которыми были непосредственно генерал-губернаторы, губернаторы, областные и уездные начальники, губернские и областные, уездные и окружные палаты и правления, а также правительственные структуры на уровне дистриктов, управлений (отдельных управлений), комиссарств, отделений и других территориальных единиц.

Понятие *«самоуправление»* в настоящем исследовании не противопоставляется термину *«государственное управление»*, имевшему особенную форму в Сибирском регионе в XVIII – начале XX в. В то время на территории центральной части России самоуправление как юридическое право управлять некоторым перечнем дел без участия государства реализовывалось в более полноценном виде через дворянское сословие, имевшее монополию на власть. В свою очередь, в Сибири самоуправление имело, по нашему мнению, более условный, чем фактический, характер, так как существовавший в имперский период России при абсолютно-монархической форме правления принцип централизации власти на стратегически важной сибирской территории подавлял принцип децентрализации, поскольку волостные органы власти подчинялись уездным (окружным), сельские и инородческие – волостным, а города зависели от губернаторов.

Таким образом, в предмет исследования диссертации были включены все ступени местной власти, в перечень которых вошли все уровни местного управления на территории Сибири: высшее звено (генерал-губернаторский, губернский и областной / провинциальный), среднее звено (уездный, окружной, дистрикт), нижнее звено, формально названное в диссертации *«микрозональным уровнем управления»*, т. е. в острогах, крепостях, городах, волостях, селах, инородческих *«сообществах»*.

Источниковая база диссертации представлена как опубликованными, так и неопубликованными источниками. Источники можно разделить на несколько групп: законодательные акты и проекты, делопроизводственные материалы, справочно-статистические издания, периодическая печать, материалы личного происхождения и воспоминания.

К первой группе источников относятся законодательные акты, регламентировавшие внутреннюю организацию. Материалы делопроизводства позволяют проанализировать деятельность как центральной, так и местной администрации. Особый интерес представляют всеподданнейшие донесения и доклады местных органов власти, которые раскрывают влияние региональных особенностей на законотворческий процесс в Российской империи.

Ценным источником информации по управлению Сибирью стали нарративные источники – труды И. Г. Гмелина, Г. Ф. Миллера, И. К. Кирилова, И. И. Крафта, П. С. Палласа, В. Н. Татищева, Г. В. Штеллера. В работах этих исследователей представлены как статистические и справочные сведения, так и авторские концепции, состоявшие из суждений по вопросу предполагавшихся преобразований системы управления на территории Сибири. Приведенные статистические данные из историко-статистических сборников по Сибири и ее отдельным областям и губерниям позволили исследовать кадровый состав органов местной власти, получить сведения о социально-экономическом положении территорий, данные о различных категориях населения, состоянии транспортной и социальной инфраструктуры, хозяйственных объектов, необходимые для комплексного анализа поставленных задач диссертационной работы.

Основой для исследования стали материалы федеральных и региональных архивов Российской Федерации и Республики Казахстан. В частности, важные сведения содержатся в фондах Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива древних актов, Российского государственного исторического архива, Российского

государственного военно-исторического архива и Центрального государственного архива Республики Казахстан. Также богатый материал содержится в фондах Государственного архива Красноярского края, Иркутской, Томской, Омской областей и в Национальном архиве Республики Хакасия. Кроме того, в диссертации использовались материалы архивов гг. Тобольска и Минусинска.

Наиболее подробно источниковая база исследования рассмотрена в параграфе «Источниковедческий обзор административно-территориального развития Сибири с 1708 до 1917 г.» первой главы диссертации. Изученные источники по достоверности и по количеству вводимых в научный оборот данных позволяют решить задачи, поставленные диссертантом.

Научная новизна исследования состоит в следующем.

Изучение развития административно-территориального управления Сибирью в XVIII – начале XX в. выносится в качестве комплексного исследования эволюции системы местного государственного управления и административно-территориального состава Сибири на уровне генерал-губернаторств, губерний, областей, провинций, управлений, а также входивших в их состав уездов, округов, ландратских долей, обер-комендантских провинций и отделений в разные исторические периоды.

Исследование углубило теоретическое и методологическое понимание исторического опыта России в государственном строительстве (территориальном делении и административном управлении) на протяжении двухсотлетнего имперского периода ее истории по отношению к отдаленному и стратегически важному региону – Сибири, которая сегодня рассматривается в числе приоритетных территорий в спорном вопросе выбора оптимальной системы государственного управления регионами, малонаселенными и отдаленными от федерального центра.

Введен в научный оборот широкий круг исторических источников различных типов, позволяющих провести комплексный анализ обозначенных задач исследования в изучаемый период.

Впервые проведена систематизация законодательства Российской империи в отношении территориального деления и административного управления Сибирью на всех уровнях местной власти – генерал-губернаторском, губернском, областном, окружном, уездном, волостном, сельском, инородческом.

Уточнены географические границы и названия административно-территориальных единиц Сибири (от генерал-губернаторского до окружного / уездного звена управления) в разные исторические этапы на протяжении всего имперского периода истории Российского государства.

Разработана концепция поэтапного формирования пространственной политики административно-территориального деления и управления Сибирью с начала XVIII до начала XX в. по критериям, определяющим характер преобразований: субъекты, управленческий центр, движущие силы и институциональная среда. Основой введенной дихотомии системы административно-территориального управления Сибирью в рассматриваемый период стали современные парадигмы управленческой практики, среди которых универсальная теория Анри Файоля и применяемая в региональной политике кластерная модель развития.

Так, установлены хронологически доминирующие типы реформаторской деятельности: вестернизация (ориентация на повторение западного опыта в 1710–1725/27 гг.), историческая (совмещение принципов управления московского и петровского периодов в 1725/27 – конец 1770-х гг., 1783–1796, 1797–1822 гг.), релятивистская (ориентация на когнитивный анализ своевременности и практической целесообразности в 1822–1917 гг.). При этом анализ включения общественных и финансово-экономических институтов власти в процесс решения административно-территориального вопроса в Сибири показал несформированность аналитической модели аккумуляции и синтеза управленческой практики в 1870–1917 гг., откликом на которые были реформы ведомственных местных структур и самоуправления в конце XIX – начале XX в.

Практическое развитие административно-территориального управления Сибирью в период с XVIII по начало XX в. было эволюционным и осуществлялось в особых политических, социально-экономических и этнокультурных условиях, определявшихся шедшим здесь процессом подконтрольного и относительно регулируемого государством освоения. В диссертации наравне с теоретическими формами моделей управления выведены и семь этапов, отличных от общероссийской хронологии реформаторской деятельности: 1708–1763, 1764–1782, 1783–1796, 1797–1803, 1804–1822, 1823–1886, 1887–1917 гг., что обосновало наличие окраинного сибирского варианта системы управления, а также эпигенетичность местной власти.

Доказано, что все преобразования осуществлялись в имперско-командном стиле с постепенным усилением в имперском дискурсе понимания необходимости особой управленческой практики в Сибири. Это было необходимо для успешного использования потенциала ее территории в ресурсном, фискально-экономическом и геополитическом отношении, что соответствовало целям и задачам эпохи, времени, форме правления, политическому режиму и административно-территориальному устройству Российской империи в разные этапы ее истории.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Особенности пространственного развития Сибири в контексте имперского дискурса понимания освоенческих процессов и формирования административных властных структур на ее территории заключались в наличии трех этапов трансформации политической системы, частью которой было территориальное деление и административное управление, направленное на достижение единой на протяжении XVIII – начала XX в. стратегической цели (фискальное и ресурсное использование территории) посредством реализации тактических задач, являвшихся в какой-то степени и самостоятельными целями (крестьянское заселение, выстраивание эффективной системы местного управления, расширение зоны влияния

России на граничащие территории соседних государств). Последнее соответствовало традиционной политике имперского государства, в составе которого Сибирь была по сравнению с другими частями России более «колонией», ориентированной на ее экономическое использование.

Так, развитие административного и территориального управления имперской России в отношении Сибири в период с XVIII по начало XX в. имело три формы, реализованные одна за другой в соответствии с тактикой правительственных структур:

– «модель вестернизации» – кардинальные реформы Петра I всей политической системы России и Сибири, впервые воспринимавшейся в имперском дискурсе частью империи, достойной общероссийского управления;

– «историческая модель» – политика преемников Петра I в эпоху, предшествовавшую Екатерине II, совместившая в себе принципы управления Московской и Петровской России;

– «релятивистская модель» – формирование когнитивной системы власти в Сибири, получившей развитие с реализации в 1780-е гг. губернской «екатерининской реформы» и продолжившейся после реализации проектов М. М. Сперанского вплоть до 1917 г. включительно.

Возможная модель управления Сибирью, названная нами «аналитической моделью» управления, так и не была реализована. Ее суть заключалась в согласии через оформленный общественный договор или неформальный компромисс достичь взаимопонимания между государственными структурами и общественными деятелями по вопросу выстраивания наилучшей формы местной власти в Сибири, а именно ее территориального деления и административного управления. Попытками внедрения «аналитической модели» были стремления представителей движения «сибирского областничества», а также отдельных местных политических деятелей и общественных структур ввести в систему местного управления начала реального самоуправления, имевшего наибольшую

степень реализации по сравнению с Сибирью в губерниях Центральной России, или, например, доказать возможность самообеспечения Сибири и ее присутствия в качестве самостоятельного и самоуправляющегося субъекта на федеративных началах в составе Российского государства.

2. Административно-территориальные реформы в Сибири были неотъемлемой частью общеимперских преобразований с учетом сибирской специфики региона. Теоретические аспекты реформ создавались в центре с учетом общеимперской специфики, а практическая реализация оставалась на усмотрение местных органов власти с учетом единого направления реформ. Степень свободы реализации преобразований местными управленцами не была однородной, а зависела от силы центральной власти и выполнения фискальной дисциплины региона.

Административно-территориальное деление изучаемого региона зависело и от внешнеполитических факторов, прежде всего от обеспечения безопасности российско-китайской границы и включения в состав Российской империи территорий Средней Азии. Внутренние политические события (череда крестьянских восстаний) нашли прямое отражение на административно-территориальной карте Сибири.

3. Проведенный анализ изменений системы административно-территориального управления Сибирью с начала XVIII до начала XX в. выявил несколько подходов государства к освоению ее территории: от финансового к политическому, которые были проявлением вышеуказанной стратегической цели государства в отношении Сибири, а именно происходило изменение отношения государства к территории Сибири от налогового и ресурсного содержания до понимания значимости территории в качестве «внутреннего ресурса» развития всего государства в целом.

Однако характер изменений в административно-территориальном управлении Сибирью по форме и типу реализации был колониальным. При этом государством выполнялась задача удержания территории путем выделения в самостоятельные административно-управленческие единицы,

сначала имевшие усеченный аппарат управления за счет его включения в более «развитую» административно-территориальную структуру.

Результаты реализации реформ были половинчатые (противоречивые). Только после выявления череды крупных злоупотреблений сибирских чиновников начала XIX в. и реформ М. М. Сперанского появилось понимание необходимости политической осторожности внедрения реформ на данной территории.

4. Исторические периоды эволюции административных преобразований на территории Сибири имели несколько иные хронологические рамки, чем в России в целом. Это было обусловлено опаздывающим принципом реализации общероссийских реформ, а также наличием так называемого «сибирского законодательства», суть которого заключалась в издании законов (нормативных правовых актов), имевших по пространственному признаку действие только на территории Сибири, являвшейся с конца XVII в. также объектом действия принципа экстерриториальности, т. е. нераспространения какого-либо законодательства, ориентированного на применение в России без конкретного упоминания его действия в Сибири в частности.

Так, введенная периодизация истории административно-территориального управления Сибирью представлена этапами, крайние даты которых определены максимальной степенью внедрения новых основ реализации местной государственной власти на всех ее уровнях:

– первый этап (1708–1763) – период действия введенного Петром I порядка управления Сибирью по общероссийскому губернскому принципу с организацией местной власти как на территории Сибирской губернии, так и в Вятской и Соликамской (до 1727), Исетской (с 1738 до 1744), Енисейской (до 1736), Тобольской и Иркутской провинциях, в их уездах и дистриктах (с усиленным экономическим профилем), а также крестьянских острогах, городах, слободах и ясашных волостях; непосредственный контроль над местной властью с 1708 по 1730 г. осуществлял сибирский генерал-

губернатор, а с 1730 по 1763 г. – действовавший в этот период Сибирский приказ – центральный орган управления; главная проблема административно-территориального устройства Сибири в составе России в этот период заключалась в несоответствии механизма совместной работы центральных и местных органов власти историческим реалиям России; в результате административных реформ 1726–1730 гг. была создана несколько преобразованная система управления, функционировавшая без каких-либо существенных изменений до реформы 1763 г.; присутствовали и дефицит работников канцелярий, и нехватка средств на их содержание. В послепетровскую эпоху система управления эволюционировала таким образом, что соотношение центральных и местных органов власти напоминало перевернутую пирамиду – основанием служила развитая сеть центральных учреждений, вершиной – воеводская канцелярия, на которую была направлена работа центральных учреждений;

– второй этап (1764–1782) – период «Сибирского царства», воспринимавшийся в имперском дискурсе частью Российской империи с более усиленной, чем в других частях страны, самостоятельностью в системе местного управления; политические центры – города Тобольск и Иркутск, возглавлявшие одноименные губернии; в 1779 г. образована Колыванская область, имевшая значительный хозяйственный и ресурсный потенциал развития; с середины 1770-х гг. на микроразональном уровне власти внедрены принципы военизированного управления, так как города, являвшиеся с этого времени самостоятельными административными единицами, стали гарантами социального спокойствия в государстве;

– третий этап (1783–1796) – принятие правительственными структурами новых методов в управлении Сибирью, обострение ситуации на границе России и Китая, усиление централизации административного управления привели к применению губернской реформы 1775 г. и на территории Сибири; два генерал-губернаторства – Тобольское и Пермское, Колыванское и Иркутское – прототипы последовавшего позднее деления

Сибири на западную и восточную ее части; Тобольское, Иркутское, Колыванское наместничества – прообразы губерний как высшей формы децентрализации административной власти после 1822 г.; Тобольская, Томская, Иркутская, Якутская, Охотская, Нерчинская и Колыванская провинции / области, состоявшие из распределенных по фискально-экономическому и геополитическому принципам 38 уездов, – адаптированный к потребностям населения вариант местного государственного управления, позволившего реализовывать правительственные решения верховной и центральной власти в рамках административно-территориальных структур с наивысшей степенью точности исполнения (по сравнению с предшествовавшим временем) для обеспечения социально-экономического порядка, ориентированного на политику «просвещенного абсолютизма» Екатерины II;

– четвертый этап (1797–1803) – период действия новой губернской «павловской» реформы 1796 г.; деятельность и состав государственного местного аппарата в усеченном виде, меньшая численность гражданских служащих, экономичный вариант финансирования сибирских правительственных структур; города Тобольск и Иркутск – сибирские центры административной власти и одноименных губерний, первая из них состояла из 16 крупных уездов, а вторая – из 15 уездов и Нерчинской, Охотской и Камчатской областей;

– пятый этап (1803–1822) – период попыток возвращения к усложненному варианту системы местного управления Сибирью, установленного по проектам Екатерины II; новое территориальное деление Сибири, объединенной под властью сибирского генерал-губернатора как центрального лица единого Тобольского и Иркутского генерал-губернаторства, с 1804 г. переименованного в Тобольское, Томское и Иркутское генерал-губернаторство, вновь расчлененного на Тобольскую, Томскую, Иркутскую губернии, Якутскую область (с 1805), Охотскую область (с 1803), преобразованную с 1812 г. в Охотское приморское

управление наравне с созданным в это время Камчатским приморским управлением; сохранение и усугубление так называемой «недоуправляемости» Сибирью как следствие предшествовавших преобразований, направленных на сокращение управленческого аппарата, а также при отсутствии действенных методов работы системы «сдержек и противовесов» местного и центрального контроля и надзора;

– шестой этап (1823–1887) – период действия реализованного в 1822 г. проекта преобразований управления Сибирью ее генерал-губернатора и известного российского реформатора М. М. Сперанского; сложное территориальное деление на четыре уровня местной власти, строго соподчиненных между собой: 1) генерал-губернаторский; 2) губернский и областной; 3) окружной; 4) волостной и инородческий; введение дополнительного центра контроля и координации управления из Центра посредством функционирования в 1821–1838 гг. Первого Сибирского комитета; сохранение до середины 1850-х гг. усеченной формы административного управления Омской и Якутской областями (Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского генерал-губернаторств соответственно), а далее с этого времени ее применение для присоединенных к России и относившихся к Западно-Сибирскому генерал-губернаторству Области Сибирских киргизов (1854–1868) как «правопреемника» Омской области, далее с 1868 г. Акмолинской и Семипалатинской областей, а также с 1851 г. Забайкальской и с 1858 г. Амурской областей Восточно-Сибирского генерал-губернаторства; присутствие в составе последнего Камчатского приморского управления, в 1849–1856 гг. существовавшего в форме Камчатской области, с 1856 г. – Приморской области, до 1863 г. – Троицко-Савского пограничного управления. Реализованный проект М. М. Сперанского по волостному и инородческому управлению включил государственные начала в традиционное общинное руководство, ранее имевшее меньшую степень огосударствления; наличие малоэффективности городского самоуправления в условиях его всеобщности, являвшейся, в свою очередь, причиной

высокого уровня патернализма государственных административных структур вплоть до реализации городской реформы 1870 г.;

– седьмой этап (1887–1917) – продолжение реализации административно-территориальной политики государства в отношении управления Сибирью в имперско-командном стиле со значимыми отступлениями от проектов М. М. Сперанского; четкое обозначение территориальных границ Сибири с включением в ее состав Тобольской и Томской губерний, имевших систему управления, более схожую с губерниями Центральной России, реорганизованного Иркутского генерал-губернаторства с входившими в него Иркутской, Енисейской губерниями, Якутской и Забайкальской областями, в комплексе представлявших собой 42 уезда, с 1914 г. – Усинский пограничный округ и Урянхайский край; включение с 1890-х гг. общественного (волостного, сельского и инородческого) самоуправления в жесткую административно-распорядительную систему местной власти при сохранении большей самостоятельности городских властей как центров сосредоточения социально-экономической активности населения в условиях Сибири конца XIX – начала XX в.

Следовательно, субъектами и управленческим центром преобразований территориального деления и административного управления Сибири с 1708 по 1917 г., несомненно, были государство как основной политический институт российского общества обозначенного периода, а также политические деятели, начиная от императорских особ и заканчивая представителями местной (сибирской) высшей власти в лице сибирских генерал-губернаторов. При этом губернаторы, или областные начальники, или прочие представители высшей местной власти имели фактически слабую степень влияния на принятие управленческих решений, бывших значимыми для управления Сибирью. Примером этому является деятельность И. И. Крафта, так и не сумевшего реализовать свои реформаторские планы и стремления в начале XX в.

5. Опыт реализации административно-территориального управления Сибирью в XVIII – начале XX в. служит примером формирования управленческого аппарата власти на отдаленных от государственного политического центра территориях, который показал возможные «промахи» и «успехи» в реализации успешного их использования и сохранении Российской государственности в целом.

С учетом особенностей региона представленный исторический материал позволит создать модель эффективного социально-экономического освоения Сибири с сохранением имеющихся административных центров при административной целостности региона, но уже с использованием корпоративных подходов в решении крупных государственных задач (освоение Сибирского Севера, Ангаро-Енисейского бассейна, строительство железной дороги Красноярск – Абакан – Кызыл – Улан-Батор – Пекин). Это приведет к формированию нового «имиджа», комплексного представления о территории в целом, а не об отдельных административно-территориальных единицах.

Теоретическая и практическая значимость диссертации обусловлена тем, что результаты исследования могут быть использованы при анализе последствий административно-территориальных реформ в современной Сибири, при определении правового статуса регионов на законодательном уровне. В результате исследования был проведен комплексный исторический анализ реализации административно-территориальных реформ в Сибири на различных уровнях государственной власти в период существования Российской империи. Также материалы диссертационного исследования могут быть использованы при разработке таких учебных дисциплин, как: история Сибири, история России, история государственных учреждений России, история государства и права. Материалы исследования могут быть использованы при создании электронных систем и баз данных по истории Сибири и России. Диссертационная работа позволяет восполнить некоторые пробелы в

источниковедении и современной историографии по проблемам развития административно-территориального устройства Сибири.

Апробация темы исследования. Основные выводы и положения диссертационного исследования были опубликованы в 48 научных работах, из которых 26 в журналах из списка, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации для опубликования основных научных результатов диссертаций. В 4 научных статьях, опубликованных в журналах из списка рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в соответствии с пунктом 5 правил формирования перечня рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора наук, утвержденных приказом Минобрнауки России от 12 декабря 2016 г. № 1586, с изменениями, внесенными Приказом Минобрнауки России от 12 февраля 2018 г. № 99, включенных в Перечень (по состоянию на 3 августа 2018 г.).

Выводы и положения исследования были представлены в коллективной монографии «Управление Россией. Опыт. Традиции. Новации. XVI–XX вв.»⁹, в двух авторских монографиях – «Административное управление Сибирью в XVIII – первой трети XIX века»¹⁰ и «Административно-территориальное устройство Сибири (1708–1917)»¹¹.

С использованием материалов диссертационного исследования была разработана и создана информационная система «Историко-культурное наследие города Енисейска»¹².

---

⁹ Управление Россией. Опыт. Традиции. Новации. XVI–XX вв.: кол. монография / Рос. академия наук; Ин-т рос. истории; отв. ред. А. Н. Сахаров. М.: Наука, 2007. 382 с.

¹⁰ Гергилев Д. Н. Административное управление Сибирью в XVIII – первой трети XIX века: монография. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. 172 с.

¹¹ Гергилев Д. Н. Административно-территориальное устройство Сибири (1708–1917): монография. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. 223 с.

¹² Информационная система «Историко-культурное наследие города Енисейска» / М. В. Румянцев, Р. А. Барышев, А. С. Генвальд, А. В. Ёжкин, И. А. Меньщиков, А. Ю. Литвинцева, А. В. Волощук, Д. Н. Гергилев, А. Ю. Перебоев, И. Н. Рудов, Н. О. Пиков, Е. В. Гевель, К. Ю. Шумов, А. А. Смолин, А. П. Свитин. Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ RUS 2013613335 13.02.2013.

Основные положения и результаты исследования были представлены соискателем на международных всероссийских и региональных научных и научно-практических конференциях: Материалы межвузовской научно-практической конференции, выпуск VII (Красноярск, 2002); Красноярск: история и современность: к 375-летию со дня основания: материалы межвузовской научно-теоретической конференции, выпуск 2 (Красноярск, 2003); V Исторические чтения: материалы научно-практической конференции, посвященной 60-летию Великой Победы (Красноярск, 2005); Парламентаризм в России: исторический опыт и современные проблемы: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию начала деятельности первой российской Государственной думы (Красноярск, 2006); Красноярский край: исторические аспекты территориального, экономического и культурного развития: тезисы докладов и сообщений научной конференции (Красноярск, 2006); Лесной и химический комплексы – проблемы и решения: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции (Красноярск, 2007); Материалы Вторых университетских социально-гуманитарных чтений (Иркутск, 2008); Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: сборник материалов XII Международной научно-практической конференции: в 3 частях (Красноярск, 2009); Социокультурное освоение Сибири: материалы Всероссийской научно-практической конференции Сибирского исторического форума с международным участием (Красноярск, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017); Феномен России: память прошлого и перспективы развития: материалы международной научно-практической конференции (Краков, 2014); Региональная научно-практическая конференция «Духовно-исторические чтения» (Красноярск, 2016); Международный глобальный форум «Образование» 2016 (ОАЭ, 2016); Административно-территориальное устройство Сибири (круглый стол). Красноярский экономический форум (Красноярск, 2017); Десятые Байкальские социально-гуманитарные чтения: материалы: в 2 томах

(Иркутск, 2017); Международная научная конференция «Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы» (Красноярск, 2017); Международная научно-практическая конференция «IV Центральноазиатские исторические чтения. Пространство культур: через призму единства и многообразия» (Кызыл, 2018) и др.

Результаты диссертационного исследования были использованы соискателем в разработке учебно-методических пособий¹³ и конспектов лекций по дисциплинам, реализуемым в Сибирском федеральном университете, среди которых можно выделить: Новую локальную историю макрорегиона (Сибирь), Историю административно-территориального деления постсоветской России, Историю административно-территориального деления Сибири, Историю Сибири.

Материалы диссертационного исследования прошли апробацию в результате выполнения работ по грантам: Российского гуманитарного научного фонда «Комплексный анализ датировок историко-архитектурных памятников Сибири: методико-прикладной аспект» (2015, 2016, 2017) и Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности «Разработка научно-методического обеспечения сохранения уникального культурного наследия для кетской и энецкой этнокультурных групп коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, проживающих на территории Красноярского края» (2018).

Результаты исследования соискателя были отмечены благодарственными письмами: министра спорта, туризма и молодежной политики Красноярского края (2010), полномочного представителя Президента России в Сибирском федеральном округе (2013); губернатора Красноярского края (2014); начальника Управления по Красноярскому краю

---

¹³ Гергилев Д. Н., Тарасов М. Г. Гражданско-патриотическое воспитание: учебно-методическое пособие. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2011. 84 с.; Гергилев Д. Н., Малютина Л. Ф. История многопартийности в России: российский и региональный компоненты: учебное пособие. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. 130 с.; Гергилев Д. Н., Тарасов М. Г., Колесник Э. Г. История макрорегиона (Сибири): в 2 ч.: учебно-методическое пособие. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. Ч. I. 68 с.

Федеральной службы безопасности Российской Федерации (2017); почетными грамотами: администрации Октябрьского района г. Красноярска (2013), Всероссийской общественной организации Героев, Кавалеров Государственных наград и Лауреатов Государственных премий «Трудовая доблесть России» (2017), VIII Общероссийского конкурса изданий для вузов «Университетская книга – 2018» в номинации «Лучшая книга по Сибирской тематике» (2018); памятной медалью «Патриот России» (2015).

Структура диссертационного исследования состоит из Введения, четырех глав, разделенных на разделы, Заключение, списка использованных источников и литературы и Приложений.

Глава 1. ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ОБ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ РАЗВИТИИ СИБИРИ

1.1. Теоретико-методологические аспекты изучения административно-территориального устройства Сибири XVIII – начале XX в.

В современной исторической науке используется большое количество теоретических концепций. В зависимости от выбранной концепции одним и тем же историческим событиям, проблемам можно дать разную оценку и интерпретацию. Автор настоящего исследования опирался в основном на теорию модернизации. Эта теория, получившая распространение в отечественной исторической науке в последние три десятилетия, широко используется при изучении различных проблем отечественной истории, в том числе и периода XVII–XIX вв.

Теория модернизация сформировалась благодаря развитию концепций XIX в.: эволюционизма, функционализма, учения М. Вебера о развитии капитализма. В работах Э. Дюркгейма и Г. Спенсера развитие общества рассматривалось как имеющее однолинейное движение от простого к сложному. Т. Парсонс внес вклад в развитие теории модернизации благодаря разработке категорий типовых переменных. Под типовыми переменными в рамках структурного функционализма подразумеваются ключевые социальные отношения, изменение которых является основным показателем начала модернизации¹⁴.

Появление и разработка теории модернизации в западных странах в середине XX в. связаны с именами таких ученых, как Г. Алманд, Д. Аптер, Д. Белл, У. Ростоу, Т. Парсонс, Ф. Саттон, Ш. Эйзенштадт и других. На становление и развитие теорий модернизации повлиял распад колониальных империй середины XX в. Появление на мировой политической карте новых

---

¹⁴ Побережников И.В. Теория модернизации: основные этапы эволюции // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2001. Вып. 4. С. 223.

независимых государств вызывало вопросы о путях их дальнейшего развития. Для обеспечения быстрого перехода от традиционности к современности западные ученые предложили программы модернизации. Во второй половине XX в. появились теории, по-разному оценивавшие сущность и последствия модернизации.

Так, линейные теории (У. Ростоу, М. Леви, Ш. Эйзенштадт и др.) рассматривают развитие общества как однонаправленное. Модернизация рассматривается как процесс, приводящий к радикальным изменениям во всех сферах жизни общества. При этом под модернизацией подразумевается заимствование опыта Западной Европы и США в организации политической и экономической жизни развивающихся стран.

В рамках многолинейных теорий (у. Бек, Р. Робертсон, Э. Тириакьян и др.) культурные и исторические особенности служат дополнительными стимулами развития. Сама модернизация является не единым всеохватывающим процессом, а подразумевает, что разные системы общества могут развиваться по-разному, с учетом местных особенностей. Важным отличием многолинейных теорий от линейных является допущение существования альтернативы западному пути в развитии общественных институтов и систем ценностей.

Первые работы в рамках теории модернизации в отечественной историографии, появившиеся в постсоветское время, были написаны с учетом идей, высказанных западными коллегами. При этом при трактовке результатов модернизации в истории России также существуют разные подходы. Так, Б. Н. Миронов писал об эволюционном и прогрессивном характере российских модернизаций, что являлось воплощением общих закономерностей перехода от традиционного к индустриальному обществу. Таким образом, историческое развитие России повторяет историю Запада, «Россия живет в другом часовом поясе по сравнению с Западом»¹⁵. В основе

---

¹⁵ Цит. по: Побережников В. И. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: Роспэн, 2006. С. 67.

этой точки зрения лежит идея о европейском происхождении основ российской государственности. Существующие же географические, этнические особенности, особенности развития общественных институтов в целом не нарушают западную модель развития.

Согласно позиции А.иС. Ахиезера, В. Г. Хороса, В. А. Красильщикова и др., модернизации в истории России были лишь попытками скопировать западный опыт развития. При этом данные попытки приводили к усилению бюрократического аппарата и снижению уровня жизни большей части населения. Имперская модель модернизации в конечном итоге привела к обострению социальных противоречий и революциям начала XX в.¹⁶

Интересную точку зрения предлагает финский исследователь Т. Пиирайнен: российская цивилизация сочетает в себе европейские и азиатские черты. Азиатские черты проявились в сильной авторитарной власти, являвшейся главным собственником в государстве. В силу того что в обществе не было экономически свободных действующих лиц и организаций, импульсы к модернизации не могли появиться снизу. В результате единственным носителем идей модернизации могла быть только элита, которую главным образом интересовало соперничество с Западом в военной сфере¹⁷.

В работах А. Г. Вишневого, В. Г. Федотова также была высказана идея о присущем Российскому историческому развитию «догоняющего» характера модернизации. Согласно этой концепции, ряду государств, в числе которых была и Россия, следовало стремиться к достижению стандартов, заданных наиболее развитыми западными странами. В течение трех столетий целью России было достижение уровня развития западных стран, прежде всего в сферах промышленности и военного дела. М. Д. Северьянов писал, что главной целью российского варианта модернизации было «догнать в своем развитии развитые индустриальные страны, не допустить слишком

---

¹⁶ Там же. С. 68.

¹⁷ Там же. С. 67.

большого разрыва в военно-экономической области, включиться в мировую экономическую систему и тем самым отстаивать свои национальные интересы, укрепить свое положение в мире как великой державы. Характерной чертой российских модернизаций является то, что толчком для них были, как правило, внешние факторы – военное поражение или угроза со стороны более мощных и динамичных в военном и экономическом отношении стран»¹⁸.

Исследователи по-разному отвечают на вопрос о начале модернизационных преобразований в России. По оценкам одних исследователей, начало преобразований приходится на XVII в., свидетельством чего является появление полков иноземного строя, развитие образования и культуры, появление мануфактур¹⁹. Согласно другой точке зрения, именно реформы Петра I первой четверти XVIII в. дали начало модернизации в стране. По другим оценкам, с реформ второй половины XIX в. Александра II в России действительно начались модернизационные преобразования²⁰. Вместе с тем исследователи сходятся во мнении о том, что в XX в. Россия вступила аграрной страной. Индустриализация завершилась только в советское время. Точки зрения российских исследователей также сходятся в том, российская модернизация носила стадийный и волнообразный характер. Существует лишь различие в количестве выделяемых периодов и их длительности. Также существует единое мнение о том, что в России модернизация часто была мерой вынужденной, на которую шли, чтобы в экономическом и военном отношении не отстать от соседей. При этом основным инициатором преобразований в России являлась центральная власть. Так, А. С. Сенявский отмечал: «Модернизация в России всегда инициировалась и проводилась сверху государством, а иначе и быть

---

¹⁸ Северьянов М. Д. Россия в конце XIX – начале XX в.: историографические иллюзии и исторические реалии // Духовно-исторические чтения: материалы регион. науч.-практ. конф. Красноярск – Шира, 28 июня – 5 июля 2014 г. / под ред. М. Д. Северьянова. Красноярск: ООО «Академия», 2014. Вып. XVII С. 118–127.

¹⁹ Баггер Х. Реформы Петра Великого. Обзор исследований. М., 1985; Рязанов В. Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. Спб., 1998. С. 161–166.

²⁰ Журавлев В. В. Россия XX века: типы, этапы и механизмы модернизации // Россия в условиях трансформаций. Вестник фонда развития политического централизма. 2001. № 7. С. 4–23.

не могло в силу цивилизационных, исторических особенностей ее развития»²¹. Центральная власть сама решала, какие преобразования и каким образом следует осуществлять. Для осуществления поставленных задач мобилизовывались тысячи граждан, выделялись финансовые ресурсы. И коренное отличие российских модернизаций от западных заключается в том, что в России модернизации имели догоняющий характер. В западных государствах модернизации являлись результатом внутреннего развития, что естественным образом приводило к глубоким изменениям во всех сферах жизни общества.

В качестве начала модернизационных преобразований в России в своем исследовании мы определяем эпоху Петра I. В этот период происходит становление особого политического режима – полицейского государства, в котором монарху было предоставлено право решать, что лучше для блага подданных, выбирать методы достижения поставленных государством целей. Основными целями модернизации стали укрепление позиций России в мире, усиление ее военно-политического влияния²². В. Г. Хорос охарактеризовал политику модернизации, сформировавшуюся в эту эпоху, как имперскую и выделил ее основные черты: выборочный характер заимствований опыта западноевропейских государств, при котором предпочтение отдавалось мероприятиям по усилению власти и военно-промышленным отраслям экономики, созданию сильной армии; игнорирование нужд гражданских отраслей экономики и социальной сферы; усиление феодальных методов эксплуатации низов; бюрократизация системы управления и централизации власти²³.

Отличительной чертой подобного типа модернизации являлось использование внеэкономических методов принуждения, расширение

---

²¹ Сенявский А. С. Цивилизационная специфика российского модернизационного процесса: теоретико-методологические вопросы // Цивилизационное многообразие российских модернизаций: региональное измерение. Материалы Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2009. С. 25, 33.

²² Побережников В. И. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: Роспэн, 2006. С. 155.

²³ Хорос В. Г. В поисках ключа к прошлому и будущему (размышления в связи с книгой А. С. Ахиезера) // Вопросы философии. 1993. № 5. С. 109.

феодалных привилегий и монополий, что было необходимо для снабжения ресурсами экономической элиты. В. А. Красильщиков²⁴ характеризует подобную модернизацию в технологическом аспекте как доиндустриальную. В результате этой модернизации Россия добилась значительных экономических успехов. В этот период Сибирь становится важным источником пополнения казны для осуществления государственных замыслов. Сначала отсюда везли пушнину, затем полезные ископаемые, драгоценные металлы. Заселение Сибири происходило в формах правительственной колонизации, политической ссылки, депортации военнопленных и вольнонародного переселения. При этом ведущая роль в заселении и развитии зауральских территорий принадлежала государству.

После реформ Александра II 1860–1870-х гг. начался новый этап модернизации в России, который продолжался до начала XX в. В этот период одной из основных целей преобразований также было усиление военно-промышленного комплекса. Поражение в Крымской войне привело к пониманию необходимости предоставления обществу некоторых свобод, освобождения частной инициативы граждан. Реформы 1860–1870-х гг. способствовали переходу от системы феодально-крепостнического труда к свободному, от административно-мобилизационных методов модернизации к рыночно-капиталистическим²⁵. Этот период в технологическом отношении представлял из себя доиндустриальную и раннеиндустриальную стадию модернизации. В производстве происходил переход от ручного труда к машинному, на смену мануфактуры приходило машинное или фабрично-заводское производство. В результате в целом по России объем промышленного производства с конца 1860-х гг. до начала Первой мировой войны вырос в 8,5 раза, производительность труда – в 2,2 раза²⁶. Широко развернувшееся строительство сети железных дорог в Сибири

---

²⁴ Красильщиков В. А. Модернизация в России на пороге XX века // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 44–46.

²⁵ Побережников И. В. Пространственно-временная модель в исторических реконструкциях модернизации: дис. ... д-ра. ист. наук: 07.00.09. Екатеринбург, 2011. С. 365.

²⁶ Там же. С. 365.

способствовало втягиванию малоосвоенных и малозаселенных земель в общероссийский процесс хозяйственного развития, стимулировало оживление экономической жизни. Вместе с тем процессы модернизации сопровождались усиливавшейся неравномерностью в развитии различных сегментов общества. Так, ускорение социально-экономического и культурного развития страны происходило при одновременном сохранении пережитков крепостного строя, сословной системы, в Европейской России – помещичьего землевладения. Это обостряло взаимоотношения города и деревни, «верхов» и «низов»: работников и их нанимателей, крестьян и помещиков.

Изучение административно-территориального устройства Сибири в рамках модернизационного подхода позволяет изучать историческую реальность как единый поступательный процесс постепенного перехода от традиционного общества к индустриальному. При этом исторические события анализируются с учетом их преемственности и изменчивости, постоянно изменяющихся социально-экономических условий. В рассматриваемый период ведущим в экономике России являлось аграрное производство. Переход к современному, индустриальному производству произошел только в XX в. Затянувшийся качественный переход от традиционного к современному обществу в России связывают с сохранением на протяжении длительного периода возможности экстенсивного хозяйственного освоения обширных сибирских пространств. Не было иных экономических стимулов для интенсификации производства. При этом сложившаяся административно-территориальная система отражала социально-экономическое положение.

Стоит отметить, что модернизационные процессы в разных регионах страны протекали по-разному. Так, в Сибири земское самоуправление введено не было и казалось несбыточной мечтой либерально настроенной сибирской общественности. Судебная система, основанная на демократических принципах, была внедрена только в 1897 г., и то в

усеченном виде. Первый университет открылся в Томске только в 1888 г. При скудности товарно-денежного оборота среди сибирских крестьян финансовые реформы были бездейственными. В результате незавершенный характер и высокие темпы реформ приводили к росту социальной напряженности.

Стоит отметить, что работ, посвященных проблеме модернизации России с учетом внутрорегионального аспекта, не так много. Историки, изучавшие влияние пространственно-регионального фактора на историческое развитие страны, сделали вывод о том, что евразийское положение России приводило к столкновению традиций Запада и Востока, порождало противоречия в общественном развитии²⁷.

В. В. Алексеев писал о том, что на развитие России с раннего Средневековья влияло соседство со Степью, что требовало постоянных усилий по их охране. С постепенным расширением границ увеличивалась потребность в их обороне и в удержании контроля над обширной территорией, что способствовало формированию централизованного традиционалистского государства. Впоследствии это имело важные последствия для модернизации, поскольку традиционалистские правительства «инициировали программы ограниченной или защитной модернизации, разрабатывавшиеся в значительной степени для консервации традиционного общества и защиты его от более интенсивных и радикальных изменений»²⁸. В таких государствах модернизации носили догоняющий характер и приводили к усилению роли правительства в экономике.

На рубеже XX–XXI вв. историки В. В. Алексеев и И. В. Побережников в обобщающих работах исследовали возможность применения теории

---

²⁷ Тертышный А. Т., Трофимов А. В. Российская история: модели измерения и объяснения. Екатеринбург, 2005. С. 442; Империя пространства: хрестоматия по геополитике и геокультуре России / сост. Д. Н. Замятин, А. Н. Замятин. М., 2003; Мир России – Евразия: Антология. М., 1995; Савицкий П. Н. Континент Евразия. М., 1997; Люкс Л. Россия между Западом и Востоком. М., 1993; История России: Россия и Восток / сост. Ю.А. Сандулов. СПб., 2002.

²⁸ Алексеев В. В. Промышленная политика как фактор российских модернизаций (XVIII–XX вв.) // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII–XX вв.: материалы Международной научной конференции, посвященной 350-летию Н. Д. Антуфьева-Демидова. Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 2006. С. 6–14.

модернизации для изучения региональной истории России, в частности истории восточных регионов страны. При этом авторы пришли к выводу о фронтальной модели модернизации восточных окраин²⁹. И. В. Побережников писал, что волны модернизации в ходе исторического развития распространяются неравномерно, с учетом региональных особенностей возникают модернизационные subprocesses: рост городов, развитие промышленности, появление новых специальностей и других. Также И. В. Побережников исследовал региональные процессы, возникающие в ходе модернизации. Следует отметить, что разный уровень развития регионов в значительной степени был обусловлен государственной политикой: осуществление крупных государственных преобразований в отдельных регионах способствовало появлению и росту новых городов, развитию промышленности, увеличению численности населения³⁰.

Изначально концепция фронта была сформулирована Ф. Дж. Тернером в ходе изучения истории американского освоения Дикого Запада³¹. Под фронтом подразумевалась область свободных земель, которая осваивалась белыми поселенцами и постепенно смещалась на Запад. В рамках этой концепции освоение поселенцами диких земель сыграло важнейшую роль в формировании политической традиции американского общества, а не традиции Старого Света³².

Среди российских исследователей вопрос возможности применения концепции фронта к истории освоения Сибири остается открытым. Так, Л. И. Шерстова писала о маловероятности появления у русских в Сибири политических и экономических традиций, отличных от традиций,

---

²⁹ Алексеев В. В. Регионализм в России: Екатеринбург, 1999; Алексеев В. В., Алексеева Е. В., Зубков К. И., Побережников И. В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века. М.: Наука, 2004; Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006.

³⁰ Долголюк А. А. Кадровый потенциал строительной индустрии Сибири (1946–1970 гг.): дис. ... д-ра. ист. наук: 07.00.02. Новосибирск, 2015. С. 16.

³¹ Тернер Ф. Дж. Фронт в американской истории. М.: Весь мир, 2009. 303 с.

³² Дацьшен В. Г., Зиновьев В. П., Лысенко Ю. А. и др. Очерки истории освоения и изучения Северной Азии / отв. ред. В. П. Зиновьев. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2019. С. 15.

существовавших в местах исхода³³. «Вероятнее будет предположить, что это Москва активно переносила свои порядки на Восток. Безусловно, часть пришельцев, в ходе взаимодействия с местным населением, перенимала новые традиции, однако другая часть переселенцев еще в большей степени консервировала принесенный в Сибирь свой образ жизни»³⁴. Также первым русским поселенцам не было присуще чувство культурного превосходства над местным населением³⁵. Как известно, американские поселенцы, уверенные в превосходстве своей культуры, несли гибель местным культурам. Наконец, ключевое отличие в освоении Нового Света и Сибири в том, что европейцам в первую очередь нужны были земли, а Московской власти – местное население – плательщики ясака³⁶.

Наличие в стране слабозаселенных территорий способствовало переселению населения, его миграции в неосвоенные земли. В. О. Ключевский писал: «История России есть история страны, которая колонизируется <...> Так переселение, колонизация страны была основным фактом нашей истории, с которым в близкой или отдаленной связи стояли все другие ее факты»³⁷.

А. П. Щапов обратил внимание на важную роль колонизации в русской истории. Ученый выделил такие направления русской колонизации, как пушное, рыбное, земледельческое: «В самом деле, есть ли где в Европе другая страна, где была бы такая обширная земледельческая колонизация. Именно хлеб и земледелие были первыми, главными рычагами колонизации и культуры русской земли»³⁸. Широкая колонизация и процессы ассимиляции разнородного по составу населения сначала на Восточно-

---

³³ Дацышен В. Г., Зиновьев В. П., Лысенко Ю. А. и др. Очерки истории освоения и изучения Северной Азии / отв. ред. В. П. Зиновьев. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2019. С. 15.

³⁴ Там же.

³⁵ Шерстова Л. И. Евразийское наследие в социогенезе Сибири XVII в. // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний: материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск: ТГУ, 2010. С. 374–378.

³⁶ Дацышен В. Г., Зиновьев В. П., Лысенко Ю. А. и др. Очерки истории освоения и изучения Северной Азии / отв. ред. В. П. Зиновьев. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2019. С. 17.

³⁷ Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. М., 1987. Т. 1: Курс русской истории. Ч. 1. С. 53.

³⁸ Щапов А. П. Историко-географическое распределение русского народонаселения // Сочинения. СПб., 1906. С. 193.

Европейской равнине, а потом и за Уралом привели к замедленным темпам формирования единой нации, а также осознанию своего национального единства³⁹. Это приводило к тому, что вместо общегосударственной идентичности складывались региональные идентичности. В Сибири одной из их форм стала «областная идея»⁴⁰.

Так, Г.Н. Потанин в своих работах писал о природных особенностях Сибири, ее богатствах, особенностях социально-экономического развития: «отсутствие дворянства, оторванность от великорусской традиции, индивидуализация в сельском хозяйстве <...> нахождение в крае многочисленных культурных рас...».⁴¹ Осознание своеобразия Сибири, по мнению Г. И. Пелих, подтолкнуло Г. Н. Потанина к выводу о собственном пути развития региона⁴². В созданной им концепции общество должно развиваться, постепенно эволюционируя от первичной до высшей стадии. Первичной стадии соответствовала общественная организация в виде сельской или патриархальной общины. Вторую стадию представляла «община-область», третью – «община-государство». По мнению Г. Н. Потанина Сибирь представляла из себя «общину-область» со своими географическими границами и региональными особенностями. При этом Сибирь-община могла успешно развиваться в составе Российского государства (общины-государства), только ей была необходима «экономическая и культурная автономия»⁴³. То есть областники не стремились к отделению Сибири от России⁴⁴, для них была важна задача экономического развития Сибири. Таким образом, в рамках областничества происходило осмысление экономических и культурных интересов Сибири: «Мы хотим жить, развиваться самостоятельно, иметь свои права и законы, читать и писать, что нам хочется, а не что прикажут из России, воспитывать

---

³⁹ Дацышен В. Г., Зиновьев В. П., Лысенко Ю. А. и др. Очерки истории освоения и изучения Северной Азии / отв. ред. В. П. Зиновьев. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2019. С. 21.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Пелих Г. И. Историческая концепция Г. Н. Потанина. Томск, 2005. С. 63.

⁴² Дацышен В. Г., Зиновьев В. П., Лысенко Ю. А. и др. Очерки истории освоения и изучения Северной Азии / отв. ред. В. П. Зиновьев. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2019. С. 24.

⁴³ Пелих Г. И. Историческая концепция Г. Н. Потанина. Томск, 2005. С. 43.

⁴⁴ Там же. С. 42–43.

детей по своему желанию, по-своему собирать налоги, тратить их только на себя»⁴⁵.

В работах Г. Н. Потанина, А. П. Щапова и Н. М. Ядринцева формируется понимание Сибири как колонии России. Н. М. Ядринцев в работе «Сибирь как колония. Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности в прошлом и будущем» выделил признаки, свидетельствовавшие о колониальном положении Сибири: неразвитая экономика, слабое развитие транспортной сети, ограниченный по сравнению с Европейской Россией характер реформ 1860–1870-х гг., уголовная ссылка и низкий культурный уровень населения, подчиненность ресурсов Сибири центральному правительству⁴⁶.

Стоит отметить, что представление о Сибири как о колонии России стало формироваться в центральном правительстве. В течение XVII в. географические границы Сибири не были определены, как и все российские земли, она была царской вотчиной. Только в XVIII в., с появлением мировых империй с метрополиями и колониями в их составе, в Российской империи в 1764 г. по указу Екатерины II появляется «Сибирское царство». Очевидно, это была попытка привнести в российскую государственную систему принцип организации европейских империй. Становится понятным появление в Сибири своего герба и своей денежной системы. Искусственное создание Сибирского царства внешне приближало Российскую империю к европейским империям. В возникшей системе Европейской России отводилась роль метрополии, а Сибири – колонии⁴⁷.

Вопрос о месте регионов в российской истории был поставлен в работах П. Словцова и получил дальнейшее развитие в работах А. П. Щапова, Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева, С. Шашкова. В целом идеи областников отражали понимание особенностей развития не только Сибири, но и других окраин Российской империи.

---

⁴⁵ Потанин Г. Н. Письма. Иркутск, 1977. Т. 1. С. 28.

⁴⁶ Дацьшен В. Г., Зиновьев В. П., Лысенко Ю. А. и др. Очерки истории освоения и изучения Северной Азии / отв. ред. В. П. Зиновьев. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2019. С. 26.

⁴⁷ Там же. С. 27.

В советский период это направление сибирской историографии, как не соответствующее идеям коммунистической партии, было свернуто. В послесоветский период А. В. Ремнев продолжил изучение системы «метрополия-колония» в предложенной им концепции «центр-периферия».

При анализе политики центральной власти по отношению к восточной окраине можно говорить о релятивизме в управлении. Релятивистский подход берет начало в идеях культурного релятивизма, связанного с «признанием относительности, то есть ограниченной ценности и истинности всех вероисповеданий, нравственных кодексов, научных теорий, философских воззрений и художественных форм. Релятивизм утверждает множественность культур, разнообразие путей их развития, ценностных систем и культурно-исторических типов»⁴⁸. Культурный релятивизм возник как реакция на кризис просветительского рационализма и гуманизма⁴⁹, как противопоставление идеям эволюционизма «об однолинейности и стадиальной последовательности исторического развития культуры»⁵⁰. Идеи этого направления разрабатывали в своих трудах Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, П. А. Сорокин, Ф. Боас, М. Мид, Р. Бенедикт.

Наиболее близким к истории является определение данного термина в социальной философии, где под релятивизацией подразумевается отказ от мнения, что какая-то система ценностей может быть единственно правильной, а также признание того, что в мире существует множество различных систем ценностей и каждая из них имеет право на существование.

Релятивизм в управлении подразумевает осознание многовариантности подходов к управлению регионами в зависимости от их особенностей, а также от целей, стоящих перед центральным правительством. Так, одной из задач правительства было поддержание правопорядка, укрепление восточных малонаселенных границ империи, организация сбора налогов. Релятивизм

---

⁴⁸ Сорокина Н. В. Релятивистский подход к проблеме национальных стереотипов в педагогическом контексте // Педагогические науки. Вестник ЗабГУ. 2013. № 8 (99). С. 49.

⁴⁹ Хоруженко К. М. Культурология: энциклопедический словарь. Ростов-н/Д, 1997. С. 584.

⁵⁰ Сорокина Н. В. Релятивистский подход к проблеме национальных стереотипов в педагогическом контексте // Педагогические науки. Вестник ЗабГУ. 2013. № 8 (99). С. 49.

здесь проявляется в политике центрального правительства по отношению к разным регионам – по отношению к Европейской России Сибирь являлась колонией.

Также релятивизм подразумевает отсутствие абсолютно совершенной системы управления – каждая система управления, административно-территориального деления может быть применима к определенной исторической эпохе, конкретным социально-экономическим условиям. В период Российской империи предположение о том, что территории Сибири могут войти в четыре самостоятельных государства, выглядело маловероятным.

С приходом в Сибирь русские познакомились с племенами инородцев, проживавшими в регионе. Релятивизация предполагает осознание национальных стереотипов как одних из многих стереотипов, которыми люди пользуются в повседневной жизни. При этом национальные стереотипы отражают некие групповые черты и признаки, но не личностные качества одного индивида. Поэтому переносить представления о каком-либо народе на одного человека и представления об одном человеке на целый народ нецелесообразно. В одной ситуации национальные стереотипы могут соответствовать действительности, а в другой – нет. В связи с этим эффективность опоры на национальные стереотипы зависит от ситуации и необходим взвешенный подход к использованию стереотипов в качестве основы для межкультурного, межнационального общения.

Особенности управления Сибирью диктовались особенностями ее социально-экономического развития. Например, при проведении губернской реформы правительство Екатерины II было вынуждено учитывать слабую заселенность огромной сибирской территории и то, что проживавшее в этих землях коренное население по условиям жизни и культуре значительно отличалось от русского населения. Положение осложнялось наличием общей границы с Китаем. Результатом было сохранение полувоенного управления Сибирью, выделение внутренней Сибирской провинции. Отсутствие в

Сибири крепостного права и дворянского сословия, которое могло бы занять главенствующее положение в местной администрации, привело к тому, что функции дворянских органов управления и суда были переданы бюрократическим учреждениям: разветвленной системе административных, фискальных и судебных органов. Также отсутствие дворянского сословия приводило к недостатку общественного контроля, который мог бы компенсировать недостаточный правительственный контроль над соблюдением прав граждан местными властями.

Таким образом, особенностью модернизационных процессов в России в целом и в Сибири в частности была их противоречивость. С одной стороны, меры центрального правительства способствовали индустриальному развитию, а с другой – вели к усилению государственного контроля, ограничивали свободу предпринимательства, защищали интересы дворян, превратили территориально большую часть государства – Сибирь – в колонию.

На модернизацию восточных окраин Российской империи влияли такие факторы, как: пограничное расположение региона, что вело к значительным расходам на оборону, оказывало влияние на внутреннее устройство сибирских провинций; наличие разнородного по этническому составу коренного населения, его кочевой образ жизни; обширная территория и богатые природные ресурсы, что создавало предпосылки для сохранения экстенсивного типа хозяйствования, замедляло совершение качественного скачка в организации хозяйственного уклада на пути к индустриализации, формировало политику центральной власти по эксплуатации природных ресурсов.

1.2. Историография административно-территориального управления Сибирью с 1708 до 1917 г.

Методология исследования административно-территориального устройства Сибири как части Российской империи тесно связана с историографией. Вопросы пространственного развития Сибири в контексте имперского дискурса, а именно проблемы и аспекты формирования верховной и центральной властями модели территориального деления и административного управления в контексте политической системы Российской империи, базируются на традиционной хронологии. Поэтому в данном исследовании анализ историографии, как и история развития Сибири, проведен по трем этапам: дореволюционный; советский; современный.

Названная периодизация обусловлена устоявшимся и объяснимым различием в теоретико-методологических установках, на которых базировались конкретные концепции, знаменующие различные подходы к данной проблематике.

Дореволюционная историография. В соответствии с избранной в данном исследовании концепцией деления истории территориального деления и административного управления Сибирью на модели управления весь комплекс исторических дореволюционных трудов разделен на три направления:

– работы исследовательского характера, посвященные в большей степени историко-статистическому описанию. Особенностью этих работ является идеализация модели вестернизации местного управления, которая была разработана Петром I и применена в Сибири его преемниками в ходе модернизации управления регионом, проводившейся вплоть до губернской реформы Екатерины II в 1780-е гг. (работы XVIII – середины XIX в.);

– труды о системе государственного управления Сибирью, о деятельности М. М. Сперанского, причинах и сущности его реформ, рассматривавших своевременный и правильный курс на необходимое

усиление централизации. В целом это соответствовало релятивистской модели управления модернизацией территориальных и властных структур (работы середины – конца XIX в.);

– аналитические работы, авторы которых стремились проанализировать различные пути модернизации системы управления в Сибири, предложить собственные программы реформ политической системы, включая реформы территориального деления, административного управления и общественного самоуправления (работы конца XIX – начала XX в.).

Дореволюционная историография располагала значительным объемом сведений об эволюции системы территориального и административного управления Сибирью в XVIII – начале XX в., потому что отечественное законодательство в то время изучалось довольно подробно. При этом активные общественные деятели, являвшиеся авторами данных работ, были не так далеки от происходивших событий, возможно, даже вынесенных в ракурс политологических, что было обусловлено совпадением времени жизни исследователя и рассматриваемых им вопросов.

Проведенный анализ работ периода Российской империи показал, что исследователи использовали информацию о деятельности административных органов Сибири преимущественно в тех случаях, когда эти примеры являлись типичными для отечественной системы местного управления и самоуправления. Анализ дореволюционных исследований, посвященных административно-территориальной системе Сибири, показывает, что ученым удалось определить ключевые проблемы формирования принципов совместной работы центральных и местных органов власти. Тем не менее целостных исследований в этом направлении сегодня явно не хватает.

Первое направление исторических работ не имело критической подоплеки и представляло собой больше исследовательские труды по изучению Сибири как малоизведанной территории в географическом, историческом, политологическом аспектах.

Научное исследование Сибири началось с освоения этого огромного региона. Анализом деятельности местных управленческих структур в XVIII в. занимались исследователи: 1) А. К. Шторх⁵¹ как собиратель летописей; 2) И. Г. Гмелин⁵², Г. Ф. Миллер⁵³ как активные участники краеведческих экспедиций; 3) И. К. Кирилов⁵⁴ и В. Н. Татищев⁵⁵ как высокообразованные чиновники.

Особенностью данного направления работ было то, что они концентрировали внимание в первую очередь на описании ресурсного потенциала Сибири, при этом частично рассматривались взаимоотношения местных властей и населения, а также основы организации местного самоуправления. Правители государства осознавали важность такого изучения и описания сибирской территории. Однако полученные данные ученых были проанализированы современниками весьма фрагментарно и использованы лишь частично на узкоспециализированные нужды.

Заметим, деятельность Г. Ф. Миллера хорошо известна исторической науке и его материалы были опубликованы и проанализированы в многочисленных источниковедческих работах историков А. Х. Элерта, Д. Я. Резуна в 1980–2000-е гг. Однако анкеты, разработанные В. Н. Татищевым, проанализированы и опубликованы частично, хотя их изучение началось еще в середине XX в.

---

⁵¹ Шторх А. К. Летописи царствования Екатерины II, самодержцы Всероссийской. Законодательство. Спб., 1801. Ч. 1. С. 70–200.

⁵² Gmelin J. Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733–43. Teile I–IV. Göttingen, 1751–1752.

⁵³ Miller G. F. Zur Geschichte der Akademieder Wissenschaftenzu S. Petersburg // Материалы для истории императорской Академии наук. Спб., 1890. Т. 6. С. 252–422; Миллер Г. Ф. Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов. Описание сибирских народов // Этнографические труды. М., 2009; Резун Д. Я. О работе Г. Ф. Миллера над источниками по истории городов Сибири XVII в. // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982; Элерт А. Х. Описание уездов Сибири Г. Ф. Миллера как исторический источник // Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма. Новосибирск, 1986. С. 97–104; Его же. Историко-географическое описание Томского уезда Г. Ф. Миллера (1734 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода: сб. науч. тр. Новосибирск, 1988. С. 59–101; Его же. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990; Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера. Описи копийных книг. Сер.: История Сибири. Первоисточники. Новосибирск, 1993. Вып. I, т. 1. 365 с.

⁵⁴ Кирилов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. 443 с.

⁵⁵ Татищев В. Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской // В. Н. Татищев. Избранные произведения. Л., 1979. С. 153–360; Историко-географическое описание Верхнего Приобья и Прииртышья 1730–1740-х годов (по анкетам В. Н. Татищева): сб. док. СПб., 2010. 260 с.

Для исследований первой четверти XIX в. преобладающим становится историографический характер работ⁵⁶, хотя часто историческое значение подобных сочинений снижалось, поскольку они выходили в свет спустя десятилетия после написания. К середине 1840-х гг. начали оформляться отдельные направления научной, учебной и справочной литературы, посвященные конкретным аспектам управленческой деятельности в различных регионах Российской империи. Активизации подобной деятельности в Сибири способствовало издание в 1830-е гг. «Полного собрания законов Российской империи». Приблизительно в этот же период складывается специальное историческое направление, где исследовались хронологические этапы становления России как государства, которое сложилось в пределах определенных границ.

В рамках описания выстроенной системы государственного управления согласно теории вестернизации работал М. М. Богословский⁵⁷. Основываясь на обширном архивном материале, он подробно описал деятельность местных учреждений XVIII в. Заметим, что его фундаментальный труд «Областная реформа Петра Великого. Провинция, 1719–1727 гг.», опубликованный в 1889 г., почти полностью закрыл потребность дальнейшего научного исследования положений реформ местного управления 1708 и 1719 гг., детально описав строение и функции учреждений.

Одними из первых попытались рассмотреть развитие управленческой системы в Российском государстве как непрерывный процесс, базирующийся на логике диалектического подхода, ученые и практикующие правоведы К. И. Арсеньев⁵⁸, А. В. Лохвицкий⁵⁹, И. Е. Андреевский⁶⁰, Э. Н. Берендс⁶¹,

---

⁵⁶ Шторх А. К. Летописи царствования Екатерины II, самодержцы Всероссийской. Законодательство... Ч. 1. С. 70–200.

⁵⁷ Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого. Провинция, 1719–1727 гг. М., 1902. 132 с.

⁵⁸ Арсеньев К. И. Об устройстве управления в России с XV до исхода XVIII столетия // Материалы для статистики Российской империи, издаваемые с Высочайшего соизволения при статистическом отделении совета МВД. Спб., 1839. С. 3–58.

⁵⁹ Лохвицкий Л. В. Губерния, ее земские и правительственные учреждения. Спб., 1864. С. 81.

⁶⁰ Андреевский И. Е. О наместниках, воеводах и губернаторах. Спб., 1864. С. 139.

И. М. Страховский⁶², В. М. Гессен⁶³. Стимулом для их работы стала явившаяся необходимость более активного изучения исторических особенностей административно-территориального устройства России в условиях подготовки проведения и реализации либеральных реформ 1860–1870-х гг. Ученые определили, что Сибирь в вопросе выстраивания системы государственного и общественного управления с самого начала своей российской истории имела определенную специфику, обусловленную не только ее протяженностью и многонациональным характером населения, но также ее приграничным положением. Согласно теории государственной школы историографии в их работах систематизирован фактологический материал по системе местного управления в России.

Несомненный вклад в экономический, географический, социологический и политологический анализ положения Сибири с позиции статистики внес русский экономист, член-корреспондент Имперской Академии наук сенатор Ю. А. Гагемейстер. Его труд «Статистическое обозрение Сибири», вышедший в 1854 г., на протяжении уже полутора сотен лет ложится в основу любого исторического исследования, затрагивающего период XIX в.⁶⁴ Ю. А. Гагемейстер анализировал политическую систему в Сибири с позиции развития свободной торговли и включения ее в общеимперское пространство в составе «неделимой и единой» России.

Особенности местного управления детально были проанализированы Ю. В. Готье⁶⁵, который отмечал, что в Сибирском регионе проявились особенности, которые характеризуют областной уровень управления, поэтому возникает насущная необходимость исследовать историю местного управления как процесс развития от Петра I до Екатерины II. Можно согласиться с авторитетным ученым в том плане, что указанная им специфика отразилась в административно-территориальном управлении

---

⁶¹ Берендтс Э. Н. О прошлом и настоящем русской администрации: (Записка, сост. в дек. 1903 г.). М., 2002. 286 с.

⁶² Страховский И. М. Губернское устройство // Журнал Министерства Юстиции. 1913. № 8. 107 с.

⁶³ Гессен В. М. Вопросы местного управления. Спб., 1904. 198 с.

⁶⁴ Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири. Спб., 1854. Т. II. 523 с.

⁶⁵ Готье Ю. В. История областного управления от Петра I до Екатерины II. М., 1913. Т. 1. 258 с.

Сибирью на протяжении нескольких столетий. Однако эффективность деятельности государственного местного управления им оценивалась с точки зрения требований бюрократического административного законодательства, следовательно, в его понимании она была на высоком уровне.

Второе направление дореволюционной историографии включило работы по анализу управления Сибирью в преддверии и после 1822 г., оправдавшие реализацию релятивистской модели изменения местного управления, заключавшейся в убежденности и догматизме совершенства выстроенной системы М. М. Сперанского.

Подобный подход наблюдается в официальном сборнике «Обозрения главных оснований местного управления Сибири»⁶⁶, подготовленного Вторым Отделением Собственной Е. И. В. канцелярией в 1841 г. Его составители постарались максимально обосновать необходимость реформы 1822 г., раскрыли содержание разработанных М. М. Сперанским законопроектов по управлению Сибирью, критически проанализировали состояние системы государственного управления предшествовавшего периода и показали ее недостатки, заключавшиеся в нерациональном планировании реформ Павла I и невозможности пользоваться им отмененными проектами Екатерины II, которые в силу казавшейся направленности обратной децентрализации власти противопоставлялись действовавшему курсу усилившейся централизации.

Однако согласно содержанию «Обозрения...» реализованные проекты М. М. Сперанского, безусловно, правильные и нужные, не были лишены и недостатков. Так, одним из тезисов была критика губернского звена в административной системе Сибири. Например, по мнению А. П. Величко, служившего в качестве управляющего делами Сибирского комитета, сибирский губернатор, в отличие от великорусского, имел надзор над губернскими чиновниками лишь формальный, так как казенной палатой и губернским правлением руководили отдельные председатели, а не вице-

---

⁶⁶ Обозрение главных оснований местного управления Сибири. Спб., 1841. 61 с.

губернатор, а в управлении экономикой и хозяйством губернии, сосредоточенном в казенной палате, губернатор имел лишь «случайное участие»⁶⁷.

Одной из первых работ, ставившей цель историко-правового анализа системы государственного управления Сибирью с определением перспектив его развития, стал труд В. И. Вагина «Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822»⁶⁸. В своем исследовании историк и правовед представил сведения о причинах и объективных предпосылках введения «Учреждения для управления Сибирских губерний» в 1822 г., показав в специально отведенных первых главах первого тома работы неприглядное прошлое Сибири во время правления И. Б. Пестеля, злоупотребления местных чиновников и прочие народные бедствия, выявленные во время сибирского путешествия М. М. Сперанского и обусловленные несовершенством ранее применяемых моделей территориального деления и административного управления. Важно, что В. И. Вагин предпринял попытку оценить ресурсный потенциал сибирских реформ М. М. Сперанского, по его мнению, актуальных еще в 1870-е гг. и предотвративших самоуправство с авторитарным характером децентрализованной местной власти.

Напротив, такие авторитетные исследователи, как А. В. Романович-Славатинский⁶⁹, П. Н. Мрочек-Дроздовский⁷⁰, поддержали важный вывод, сделанный еще в конце 1850-х гг. известным русским философом, правоведом, одним из основоположников конституционного права России Б. Н. Чичериным⁷¹, о реализованном укреплении государства в XVIII в. на расширявшейся территории Сибири и четко направленной централизации

---

⁶⁷ Обзорение главных оснований местного управления Сибири. Спб., 1841. С. 26.

⁶⁸ Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822: в 2 т. Спб., 1872. Т. 1. 801 с.; Его же. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822: в 2 т. Спб., 1872. Т. 2. С. 49.

⁶⁹ Романович-Славатинский А. В. Исторический очерк губернского управления от первых преобразований Петра В. до учреждения губерний в 1775 году. Киев, 1859. С. 97.

⁷⁰ Мрочек-Дроздовский П. Н. Областное управление России XVIII века до Учреждения о губерниях 7 ноября 1775 г. Историко-юридическое исследование. М., 1876. Ч. 1. С. 123.

⁷¹ Чичерин Б. Н. Областные учреждения России в XVII веке. М., 1856. С. 201.

власти, что стало своеобразным противовесом концепции «феодалной междоусобицы», якобы характеризующей Сибирь в составе России до 1822 г. Однако правовед государственной школы А. Д. Градовский⁷² поставил под сомнение концепцию значительного усиления вмешательства государства в местное управление, которое, в частности, проявлялось в подчинении местных чиновников губернатору и генерал-губернатору, поскольку в Сибири ведущим инструментом повышения эффективности управления являлся принцип коллегиальности.

Большой вклад в изучение специфики административно-территориального развития Сибири внесли работы Е. П. Карновича⁷³, С. М. Прутченко⁷⁴. Ученые занимались изучением истории местного государственного управления, в той или иной степени акцентируя внимание на его бюрократизации. Поскольку они были сторонниками либеральных основ политической системы общества, их работы имеют проблемное содержание, нацеленное на просветительские задачи.

В частности, С. М. Прутченко провел историко-правовой анализ административной политики по отношению к Сибири. При этом особое внимание было направлено на изучение соотношения интересов Российской империи и потребностей регионов. Он считал, что правительство при принятии решений должно учитывать местные особенности.

Третье направление в историографии периода Российской империи представлено рядом работ критического содержания, по хронологии соответствовавших периоду попыток модернизации управления Сибирью на основе общественного договора между государством и обществом, что так и не было реализовано, так как общественность не могла быть субъектом принятия важных политических решений в силу противопоставления их

---

⁷² Градовский А. Д. Начала русского государственного права: в 3 ч. // Собрание сочинений. Спб., 1904. Ч. 3: Органы местного управления. С. 54.

⁷³ Карнович Е. П. Очерки наших порядков административных, судебных и общественных. Спб., 1873. 260 с.

⁷⁴ Прутченко С. М. Сибирские окраины Областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства: ист.-юрид. очерки: в 2 т. Спб., 1899. 553 с.

теорий официальной концепции имперского регионализма, консервативно сохранившегося до конца имперской истории Российского государства.

Историки и правоведы Н. С. Щукин⁷⁵, С. С. Шашков⁷⁶, И. С. Москвин⁷⁷ как представители «демократического» направления историко-правовой школы в 1860–1880-х гг. в многочисленных публицистических статьях краеведческого характера описывали злоупотребления чиновников сибирских городов, вследствие чего появились устойчивые выражения «сделать по-тобольски», «решить вопрос по-томски», применяемые общественностью и сегодня.

Исторические очерки Сибири иркутского губернского воинского начальника В. К. Андриевича⁷⁸, основанные на данных анализа законодательства, материалах сенатского архива и периодической печати, приводят сведения и доказательства недостаточной организации государственной власти на территории, расположенной к востоку от р. Енисей. Его труды были нацелены в первую очередь на привлечение внимания «власть имеющих», которые были вправе изменить «недоуправляемость» Сибири.

В этом направлении важным является общеизвестный фундаментальный труд В. К. Андриевича «Сибирь в XIX столетии». В данной работе критикуется современное ему административное управление, повторявшее «режим пестелевского времени»⁷⁹. Кроме того, в работе «красной линией» проходит идея о нерациональности генерал-губернаторской власти в Сибири: «Генерал-губернаторский режим имеет смысл в крае, богатом местной интеллигенцией и помещичьим элементом; Сибирь же страна крестьян, мещан, купцов и служащих, для которых

---

⁷⁵ Щукин Н. С. Сибирские воеводы // Дело. 1866. № 1. С. 1–16.

⁷⁶ Шашков С. С. Восточные окраины // Дело. 1870. № 3. С. 3.

⁷⁷ Москвин И. С. Воеводы и начальники г. Якутска и их действия // Памятная книжка Якутской области на 1863 г. Спб., 1864. С. 165–202; Его же. Сибирские сатрапы. 1765–1819. Письмо барона В. Штейнгеля к А. П. Ермолову // Исторический вестник. 1884 г. (август). Т. 17. С. 366–386.

⁷⁸ Андриевич В. К. Исторический очерк Сибири по данным, представляемым Полным Собранием Законов. 1-е изд. Красноярск: Тип. Кудрявцева. Т. V: Екатерининский период (Отделы: горное дело, духовенство, лихоимство и общий очерк), 1889. 237 с.

⁷⁹ Андриевич В. К. Сибирь в XIX столетии. Спб., 1889. Ч. 1: Период от смерти императрицы Екатерины II до 1806 г. 425 с.

заседатель, исправник, полицмейстер и губернские учреждения, разумеется, пригоднее, чем тон жизни, настраиваемый генерал-губернаторским камертоном»⁸⁰.

Критический характер по отношению к организации государственной власти в Сибири в конце XIX в. имеет и его «Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времен до 1762 года»⁸¹, подготовленный в конце 1880-х гг., т. е. в период нахождения на должности начальника штаба войск Забайкальской области. В нем В. К. Андриевич представил читателю информацию о неоцененной правительством ценности Забайкалья, в то время все еще наводненного ссыльнокаторжными и существовавшего «без всякого пособия со стороны правительства, пренебреженный бывшими администраторами восточной Сибири»⁸².

Автор пишет: «Забайкалье, величающееся сибирской Италией, нуждается не в таких щедрых денежных затратах, которые расходуются на амурские земли, в чаянии будущих благ; оно нуждается в установлении администрации, которая соответствовала настоящему экономическому положению края; нуждается только в некотором внимании к нуждам края; чувствует необходимость в прекращении действия в оном областного положения, и, обладая более чем полумиллионным населением, оно имеет больше права, чем Иркутская губерния, пользоваться губернскими учреждениями»⁸³. При этом заметим, в теоретический базис его работы вошли идеи «Сибирского областничества».

Оппозиционное официальной идеологии имперского регионализма направление «сибирское областничество» выросло в конце XIX – начале XX в. из либерального общественно-политического кружка студентов-сибиряков и посвятило свою деятельность проблемам территориального и

---

⁸⁰ Андриевич В. К. Сибирь в XIX столетии. Спб., 1889. Ч. 1... С. 28.

⁸¹ Андриевич В. К. Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времен до 1762 года. Спб., 1887. 249 с.

⁸² Там же. С. 147.

⁸³ Там же. С. 153.

административного устройства территории российского Востока⁸⁴. Его яркие лидеры Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев, а также «предтеча» областников А. П. Щапов разработали популярную среди сибирской общественности концепцию самоуправляемой и автономной Сибири, при этом они критиковали современные административно-территориальное устройство и правительственные порядки, устаревшие и неприемлемые для сторонников исторической эпохи, воспринимая административную политику самодержавия в качестве важной части общей имперской политики по управлению регионами.

В многочисленных работах областников, имевших огромную историческую и социально-политическую ценность, ставилась задача выяснения причин сложившихся проблем в системе местного управления Сибирью. В этих работах отмечалось, что одним из действенных путей решения вопроса они считали введение на территории России федеративного устройства и создание «Сибирской области» в форме самостоятельного региона, имевшего собственную конституцию и органы управления по трем ветвям власти. Заметим, что их взгляды сформировались под воздействием идей «петрашевцев», властителей умов передовой общественности Н. Г. Чернышевского, Н. П. Огарева, А. И. Герцена, последний из которых говорил о противоречивости государственной централизации и духа славян.

А. П. Щапов⁸⁵ утверждал, что сущностью правительственного подхода к Сибири и в конце XIX в. оставалось стремление к хищнической эксплуатации богатств края посредством выраженных крайностей централизма. Для преодоления сложившейся ситуации им была разработана довольно убедительная концепция внедрения земско-областного устройства России, оправданного с этноисторической точки зрения, а для Сибири объясненной еще и ментальностью «русско-сибирской народности»,

---

⁸⁴ Шиловский М. В. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск, 1995. Вып. 1: Областники. С. 58.

⁸⁵ Щапов А. П. Сибирское общество до Сперанского // Собрание сочинений. Спб., 1908. Т. 3. С. 643–717; Его же. Социальные потребности Сибири накануне реформ // Собрание сочинений. Доп. том к изданию 1905–1908 гг. Иркутск, 1937. С. 325–334.

упомянутой еще историком и статистиком П. А. Словцовым⁸⁶. Кроме этого, А. П. Шапов показал роль сибирского купечества в системе управления Сибири, доказывая, что его представители составляли весомую оппозицию местной бюрократии.

Лидер областничества Н. М. Ядринцев в работе «Сибирь как колония» провел анализ вопросов взаимоотношений центра и периферии на примере сибирских губерний и областей⁸⁷. На основе широкой источниковой базы по истории и социально-экономическому освоению региона, а также анализа предшествовавшего опыта государственного управления и самоуправления им был сделан вывод о необходимости слома прежних устоев властных отношений в Азиатской России. Он поддержал концепцию формирования политической системы в Сибири, адаптированной к ее реалиям и нацеленной на выстраивание паритета между центром и регионами, сохранение природных богатств, уважения культуры и традиций коренных народов Сибири.

«Областник» и известный русский историк, географ, этнограф Г. Н. Потанин⁸⁸ приобрел большой опыт общественно-политической деятельности благодаря участию в несанкционированных оппозиционных комитетах и собраниях, а также общению с ссыльными и представителями государственной власти на всех ее уровнях. Г. Н. Потанин критиковал местную правительственную ограниченность и европоцентристскую концепцию, отвергавшую наличие собственной истории у Сибири и возможной государственности у кочевых народов.

Согласно общественной теории областников конца XIX – начала XX в. Сибирь в территориально-административном отношении должна была добиться самостоятельности и равноправия, развиваться как часть «большой

---

⁸⁶ Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. Спб., 1886. Кн. 2. С. 286; Его же. История Сибири. От Ермака до Екатерины II. М., 2006. 203 с.

⁸⁷ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония: к юбилею трехсотлетия: современное положение Сибири, ее нужды и потребности, ее прошлое и будущее. Спб., 1882. 76 с.

⁸⁸ Потанин Г. Н. Областническая тенденция в Сибири. Томск: Паровая типо-литография Сибирского товарищества печатного дела. 1907. 64 с.; Потанин Г. Н. Нужды Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды: сб. ст. Спб. С. 260–294.

России», но свободно. Правовыми реалиями, подтвержденными на законодательном уровне, должны были стать идеи борьбы с административным произволом, защита инородцев, отмена ссылки, расширение прав самоуправления среди горожан и сельчан Сибири, преодоление экономической отсталости и формирование хозяйственной самостоятельности сибиряков, совершенствование народных форм производительных сил в регионе, культурное освоение. Одним из итогов их деятельности стало учреждение в 1878 г. и открытие в 1888 г. университета в г. Томске, а также и введение праздника «Сибирского дня», отмечавшегося 26 ноября в память взятия столицы Сибирского ханства Искера Ермаком Тимофеевичем.

В последние десятилетия XIX в. в рамках исследования вопроса территориально-административного устройства Сибири были опубликованы работы, базировавшиеся на законодательных актах.

В частности, проблемы, связанные с административно-территориальным управлением Сибирью, рассматривались в зарубежной историографии Ф. Голдером⁸⁹.

Среди российской авторов в названной категории трудов назовем историка и географа И. В. Щеглова⁹⁰, правоведа Д. Е. Лаппо⁹¹, а также якутского и затем енисейского губернатора И. И. Крафта⁹², еще более укоренивших тезис о низкой эффективности территориального деления азиатской части России и местного управления администрации.

Юрист Д. Е. Лаппо в работах по изучению «степного права», а также законов общественной жизни сибирских киргизов и минусинских инородцев акцентировал внимание на «тотальной» неразработанности в научной литературе к началу XX в. данного вопроса.

---

⁸⁹ Golder F. Russian Expansion to the Pacific (1641–1850). Cleveland, 1914. P. 17–33.

⁹⁰ Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1882 гг. Иркутск, 1883. 102 с.

⁹¹ Лаппо Д. Е. Степное право и имперский закон. М., 1909. 91 с.; Его же. Общественное управление минусинских инородцев: репринтное издание. М.: Книга по Требованию, 2012. 73 с.

⁹² Положение об управлении в степных областях. Сост. по изд. 1892 г. и продолж. 1893 и 1895 гг. с разъяснениями Правительствующего сената и министерств / сост. старший советник Тургайского областного правления И. И. Крафт. Оренбург, 1898. С. 32.

Его критический взгляд на общественный строй, например, минусинских качинцев или ачинских кизыльцев был основан на личных наблюдениях автора и архивных материалах, выявленных им в Минусинском городском музее. Тезис о нерациональности использования тождественных государственных институтов для разных инородческих племен был объяснен суждениями о значительных различиях самобытных традиций и укладов хозяйственной жизни⁹³.

В свою очередь, Д. Е. Лаппо в книге «Степное право и имперский закон» обратил внимание на подъем интереса политических структур к «польскому вопросу» и проблемам управления степняками или сибирскими инородцами. Он писал: «Стопудовою гирей висит инородческий вопрос на правовой жизни русского государства. Один член Государственной думы в своей парламентской речи сделал, к слову, сопоставление польского и бурятского вопроса, причем мерилем сопоставления он взял удельный вес в культурном отношении польского и бурятского народов, и, конечно, поляки и буряты оказались величинами несоизмеримыми. Но если взять да перечислить только те вопросы, которые в правовом отношении можно отнести к одному порядку, – поляки, буряты, киргизы, калмыки, башкиры, татары, армяне, грузины, самоеды, тунгусы – тогда... тогда польский вопрос, пожалуй, может потонуть среди других однородных вопросов, разрешаемых ныне каждый с особой точки зрения, под углом интересов не общегосударственных, а в субъективной точки зрения того или другого политического лица, отождествляющего свою точку зрения с общегосударственным целями и задачами»⁹⁴. При этом правовед и исследователь Д. Е. Лаппо сожалел, что для формирования своей комплексной точки зрения на решения проблем государственного управления нерусскими народами Сибири и Степи ему не хватило

---

⁹³ Лаппо Д. Е. Общественное управление минусинских инородцев: репринт. издание. М., 2012. С. 3.

⁹⁴ Лаппо Д. Е. Степное право и имперский закон. М., 1909. С. 50–51.

ознакомления с записками И. И. Крафта «о преобразовании управления оседлыми и кочевыми народами»⁹⁵.

И. И. Крафт как практикующий управленец сформировал концепцию системы взаимоотношений центральных и местных властей в Сибири, примененную во время управления в 1906–1913 гг. Якутской областью, а затем более детально разработанную для Степных областей Туркестанского края⁹⁶.

Модель управления отдаленными районами Российской империи, по мнению И. И. Крафта, могла быть улучшена в высшем звене местной власти за счет формирования института личной ответственности высших должностных лиц за реализацию имперской политики на местах. При этом основным средством достижения эффективного управления окраинами должно было стать назначение на значимые должности служащих, если для Сибири, то сибирского происхождения, если для Степных областей, то из представителей местной национальной элиты, т. е. не приезжих. Кроме того, принцип непосредственного управления территорией, реализованный за счет ограничения выезда высших должностных лиц, например в столицы, пребывание в которых не ограничивалось положенным по закону двухмесячным отпуском, по его мнению, должен был обеспечить правильный анализ сложившейся на местах ситуации, разрешить которую бывает невозможно без личного участия «наместника» царя или его заместителей.

Советский период историографии проблемы. С победой социалистической революции и образованием советского государства

---

⁹⁵ Лаппо Д. Е. Общественное управление минусинских инородцев... С. 3.

⁹⁶ Судебная часть в Туркестанском крае и степных областях / сост. И. И. Крафт. Оренбург. 1898; Сборник узаконений о киргизах степных областей / сост. И. И. Крафт, Оренбург, 1898; Крафт И. И. Из киргизской старины. Отдельный оттиск из «Тургайских областных ведомостей» за 1891 и 1899 г. и «Тургайской газеты» за 1896, 1897 и 1898 г. Оренбург, 1900. 157 с.; Его же. Тургайский областной архив. Описание архивных документов с 1731 г. по 1782 г., относящихся к управлению киргизами. Спб., 1901. 141 с.; Сборник узаконений, правил и разъяснений об инородцах Якутской области / сост. якутский губернатор И. И. Крафт. Якутск, 1912. 867 с.; Законы и правила о ссыльно-поселенцах и их семействах / сост. якутский губернатор И. И. Крафт. Якутск, 1912; Сборник узаконений и распоряжений Правительства об административ. и обществ. устройстве и управлении Якутской области / сост. якутский губернатор И. И. Крафт. Якутск. 1912; Законы и правила о крестьянах и переселенцах Якутской области / сост. якутский губернатор И. И. Крафт. Якутск, 1912. С. 10.

начинается новый этап в исторической науке, характеризовавшийся иной трактовкой истории государственного местного управления на территории Сибири. В сферу внутривнутриполитических интересов России попадает идея о «колониальной политике царизма», имевшей форму и приемы завоевания русского Востока. Впрочем, генеральная линия отечественной науки в этом направлении не была едина, а может быть поделена на два этапа в соответствии с предметом научного рассмотрения:

– 1917–1950-е гг. – разработка самой концепции колониального завоевания отдаленной и отсталой окраины царской России, приобретшей после прихода русских статус источника пополнения казны, места спасения крепостного крестьянства от социальной несправедливости, а также местом каторги и ссылки;

– 1960-е – 1991 гг. – изучение субрегиональных проявлений колониальной политики управления сибирской частью Российской империи, ее отдельных территорий и народов.

Первый этап советской историографии включает в себя большую часть работ, подготовленных с использованием только произведений классиков марксизма-ленинизма, а также документов, одобренных Коммунистической партией и Советским правительством. Так, основным тезисом понимания дореволюционной истории Сибири были слова В. И. Ленина о том, что до Великой Октябрьской социалистической революции в Сибири царили «патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость»⁹⁷.

Методологический базис настоящей диссертации соотносится с концепцией российского и советского историка М. К. Любавского, представленной им в 1936 г. в одном из его фундаментальных трудов «Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века», после ареста автора забытых на долгое время советскими историками⁹⁸.

---

⁹⁷ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М., 1970. Т. 43. С. 228.

⁹⁸ Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996. 688 с.

Академик М. К. Любавский, продолжая исследовательскую традицию В. О. Ключевского, разработал теорию об одной из универсальных форм жизни русского общества – формы колониального расселения, названной согласно историографии того периода «русской колонизацией». Содержание его концепции заключалось в идеи сначала стихийного, а затем государством поддержанного хозяйственного освоения русским народом огромных пространств, Русской равнины и территории за Уралом. По мнению М. К. Любавского, этому процессу способствовали естественные природные факторы – огромные пространства и отсутствие водных границ, социально-экономические и духовные причины – сохранившееся до 1861 г. крепостное право и свойственное русскому народу стремление к свободе и независимости духа, выраженные в русском феномене староверчества или казачества⁹⁹.

Концепция историка М. К. Любавского, принятая в первые десятилетия советской власти, нашла продолжение в работах 1930–1940-х гг. С. Б. Окуня «Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае»¹⁰⁰ и В. И. Шункова «Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII в.»¹⁰¹, специализировавшихся на рассмотрении Сибирского региона в имперский период как российской колонии. Данный тезис был поддержан изданием архивных материалов, которые преимущественно иллюстрировали подобные процессы на территории Камчатского и Чукотского края¹⁰².

Советские историки 1920–1930-х гг. концентрировали свое внимание на особенностях решения царской властью национального вопроса в Сибири и истории национально-территориального устройства многочисленных ее народов, что соотносилось с причинами победы красных в Гражданской войне и государственной теорией целесообразности формирования

---

⁹⁹ Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996. С. 5–6.

¹⁰⁰ Окунь С. Б. Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае. Л., 1935; Окунь С. Б. Сибирский комитет // Архивное дело. 1936. №1 (38). С. 92–103.

¹⁰¹ Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII в. М., 1946. С. 59.

¹⁰² Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в.: сб. архивных материалов. Л., 1935. С. 301.

автономий¹⁰³.

В этом вопросе значимыми представляются статьи «истпартовского» периода, публикуемые на страницах литературно-исторического журнала «Сибирские огни», затрагивавшие как некоторые вопросы истории территорий Бурятии, Якутии, Тувы, Хакасии, Горного Алтая, народов Крайнего Севера¹⁰⁴, так и вопросы управления государственными крестьянами¹⁰⁵.

Так, например, в научной исторической статье К. К. Рычкова «К вопросу о вымирании северных народностей в Сибири»¹⁰⁶ приводятся суждения о влиянии нерационально выстроенной системы административного управления дореволюционной России на неуклонное убывание тунгусского населения Якутской области, доходившее в 1858–1895 г. в некоторых родах до 45–46 %. При этом говорилось, что вымирающее племя при помощи администрации благополучно переносит ломку старого общественного строя и с успехом приспосабливается к новым условиям¹⁰⁷. Положения официальной теории русификации российских окраин в конце XIX – начале XX в. должны были способствовать более выраженному вмешательству коронной администрации в дела инородцев Сибири, предотвращая их гибель по причине спаивания и поваральных болезней, что, впрочем, фактически оставалось на бумаге.

Аналитическим статьям советских исследователей по вопросу государственного управления дореволюционной Сибирью было свойственно безусловное и категорическое отрицание сепаратистских идей. Так,

---

¹⁰³ Огородников В. И. Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI–XVIII вв. // Сб. трудов профессоров и преподавателей Гос. иркут. ун-та. Иркутск, 1921. Вып. 1. С. 41; Бахрушин С. В. Сибирские туземцы под русской властью до революции до 1917 г. // Советский Север. 1929. № 1–2. С. 67–98; Барер И. Сперанский и его реформы // Ист. журнал. 1938. № 8. С. 65–74; Сыромятников Б. И. М. М. Сперанский как государственный деятель и политический мыслитель // Советское государство и право. 1940. № 3. С. 92–113; Тройнин И. Советская власть и освобождение национальностей // Национальный вопрос и Советская Россия. М., 1921. С. 8–34.

¹⁰⁴ Шелестов Д. К. У истоков советской историографии Сибири // Москва: Русский Либмонстр (LIBMONSTER.RU). URL: <http://libmonster.ru/m/articles/view/y-истоков-советской-историографии-сибири>.

¹⁰⁵ Шелестов Д. К. О начале поворота сибирского трудового крестьянства на сторону Советской власти // История СССР. 1962. № 1. С. 122–136.

¹⁰⁶ Рычков К. К вопросу о вымирании северных народностей в Сибири // Сибирские огни. 1923. № 1–2. С. 182–192.

¹⁰⁷ Там же. С. 183.

например, в 1923 г. в журнале «Сибирские огни» вышла серия статей, раскрывающих несовершенство либеральной теории сибирского областничества. Наиболее известным их автором был деятель большевистской партии и участник Гражданской войны в Сибири В. Д. Вегман, опиравшийся на официальную теорию решения административно-территориального устройства новой Советской России¹⁰⁸.

Событием в сибирской исторической науке первых десятилетий советской власти стал выход в свет четырехтомной «Сибирской советской энциклопедии»¹⁰⁹, включившей в содержание статьи, попутно касавшиеся истории территориального и административного устройства Сибири, в частности сибирской реформы М. М. Сперанского, рассматривавшейся как следствие подробно описанных злоупотреблений царской власти под руководством генерал-губернатора Сибири И. Б. Пестеля¹¹⁰.

В свою очередь, англо- и германоязычные исследователи, среди которых был известный «сибиревед» Р. Кернер¹¹¹, в отличие от советских историков первой половины XX в., были более сосредоточены на выявлении причин свойственного как для Запада, так и Российской империи процесса колонизации. Так, они заявляли, что стремление русских расширить торговые связи было основным поводом формирования «заднего двора» Европейской России, выступавшего в качестве выгодной базы для продвижения русских в Азию.

На основании этого можно утверждать, что точка зрения многих исследователей о слабом интересе исторической науки 1920–1950-х гг. к вопросам окраинной административной политики Российской империи является верной¹¹², поскольку объяснена сменой идеологической парадигмы преобразованного по социалистическому образцу Российского государства.

---

¹⁰⁸ Вегман В. Д. Областные иллюзии, рассеянные революцией (К истории возникновения Сибоблдумы) // Сибирские огни. 1923. № 4. С. 89–115; Вегман В. Д. Сибоблдума // Сибирские огни. 1923. № 4. С. 89–111.

¹⁰⁹ Сибирская советская энциклопедия: в 4 т. / гл. ред. Б. З. Шумяцкий [и др.]. М., 1929–1932.

¹¹⁰ Сибирская советская энциклопедия. М., 1932. Т. 4. Столб. 975.

¹¹¹ Kerner R. J. The urge to the sea. The course of Russian History. The role of rivers, portages, ostrogs, monasteries and furs. Berkeley and Los Angeles, 1942. P. 56.

¹¹² Васильев Д. В. Форпост империи. Административная политика России в Центральной Азии. Середина XIX века. М., 2015. С. 12.

Однако значимым достижением советской науки в первые десятилетия СССР было теоретическое обоснование ранее окончательно не сформулированной концепции колониальной политики, проводившейся имперской Россией в отношении административного управления Сибирью и ее народами.

Второй этап советской историографии охарактеризован увеличением числа исследований, посвященных субрегиональным проявлениям политики государственного управления сибирской частью Российской империи.

В период 1950–1980-х гг. вышли работы, в которых не только обобщался опыт административно-территориального устройства СССР в целом, но этот процесс был конкретизирован на историческом и региональном уровнях, проводилась переоценка процессов, протекавших в национальных районах страны¹¹³. Подобные вопросы анализировались во взаимосвязи с другими проблемами, поэтому отдельных исследований практически не проводилось.

В соответствии с направлением настоящего исследования интересным представляется фундаментальный научный труд Л. П. Потапова «Очерки по истории алтайцев»¹¹⁴, вышедший в свет в 1953 г. Во второй главе работы рассмотрен вопрос положения алтайцев в составе Русского государства в XVIII–XIX вв. Автор подтверждает концепцию неугодного советской власти историка М. К. Любавского о разноуровневом направлении политики царского правительства на территории Алтая в русле «колониальной» системы.

Так, отрицательным проявлением распространения власти русского царя на землях алтайцев, по мнению Л. П. Потапова, было звено налоговой и земельной политики. Примером служило то, что зайсанско-байская верхушка после 1822 г. не имела существенного влияния на алтайцев при росте вмешательства имперской местной администрации в систему самобытного самоуправления. Она формально распоряжалась землей на прежних

---

¹¹³ Златопольский Д. Л. Государственное устройство СССР. М., 1960; Фарберов Н. П. От ленинских декретов к Конституции общенародного государства. М., 1978 и др. 96 с.

¹¹⁴ Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.; Л., 1953. 444 с.

основаниях феодальных владельцев. При этом положительными были следующие приведенные автором факты, более характерные для южных районов Алтая: «изменение материального быта, повышение его уровня в результате культурных связей с русским народом»¹¹⁵.

В 1954 г. выходит труд английского историка Т. Армстронга¹¹⁶, рассматривавшего колонизацию Российской империей северных территорий страны.

Другой зарубежный историк М. Раев¹¹⁷, в свою очередь, не писавший о колонизации Сибири, а занимавшийся изучением реформ М. М. Сперанского, сформулировал тезис об отсутствии у центрального правительства единого вектора административной политики, а также о периодическом ослаблении внимания со стороны центральных властей к состоянию управления Сибирью.

Выход академического пятитомного издания «История Сибири» стал важным событием, стимулировавшим отечественную региональную историческую науку. Второй и третий тома издания, хронологически сконцентрированные на периодах феодализма и капитализма соответственно, дали толчок для научного исследования различных сибирских вопросов обозначенных этапов ее истории, среди которых была проблема эволюции дореволюционной системы государственного управления¹¹⁸.

Ученые различных направлений 1960–1970-х гг. намного больше, чем их предшественники, уделили внимание анализу проблем, с которыми сталкивалась сибирская администрация.

Так, в диссертационном исследовании, монографиях и многочисленных статьях Л. С. Рафиенко¹¹⁹ предприняла анализ соотношения

---

¹¹⁵ Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев... С. 184, 229.

¹¹⁶ Armstrong T. Russian Settlement in the North. Cambridge, 1965; Semjonow J. Sibirien. Die Eroberung und Erschliessung der wirtschaftlichen Schatzkammer des Osten. Olten; Stuttgart; Salzburg, 1954. 76 p.

¹¹⁷ Raeff M. Siberia and the Reforms of 1822. Seattl, 1956. 63 p.

¹¹⁸ История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Л., 1968. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России. С. 456–465; Там же. Т. 3: Сибирь в эпоху капитализма. С. 71–74.

¹¹⁹ Рафиенко Л. С. Управление Сибирью в 20–80-е гг. XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1968; Рафиенко Л. С. Следственные комиссии в Сибири в 30–60-х годах XVIII в. // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII–XIX вв.). Новосибирск, 1969; Её же. Компетенция сибирского

правительственной политики в Сибири с общим ходом государственного развития в XVIII в., основываясь на изучении статуса местных учреждений, а также личного состава аппарата местных органов и оценке их профессиональной пригодности.

Историк С. М. Троицкий¹²⁰ рассматривал историю административного управления в дореволюционной России через оценивание изменения роли дворянства в политической системе того периода. Его последователи, в числе которых известные советские историки Н. П. Ерошкин¹²¹, П. Н. Зайончковский¹²², М. М. Шумилов¹²³, а также зарубежные авторы D. Field¹²⁴, B. Lincoln¹²⁵, W. Pintner¹²⁶, более основательно аргументировали вывод, согласно которому государственное управление царской России не имело возможности успешной эволюции, поскольку сословное происхождение, являвшееся определяющим фактором в чиновничьем производстве XVIII–XIX вв., привело к истощению потенциала управленческих кадров, так как личные заслуги были лишь только эфемерным признаком, по сути, не открывавшим доступа в политическую элиту.

В 1980-е гг. изучением системы административного управления Сибирью успешно занимался красноярский историк Г. Ф. Быконя¹²⁷. Ученым

губернатора в XVIII в. // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма): сб. ст. памяти В. И. Шункова. М., 1973; Ее же. Города Сибири в общей системе городского управления Сибири XVIII в. // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1975; Рафиенко Л. С. Лоренц Ланг и Восточная Сибирь // Изв. Сиб. отд. АН СССР. Сер: Общ. наук. 1977. № 6, вып. 2 и др.

¹²⁰ Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974. 400 с.

¹²¹ Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. 352 с.; Его же. Местные государственные учреждения дореволюционной России (1800–1860 гг.): учеб. пособие / Моск. гос. истор.-архив. ин-тут. М., 1985. 98 с.

¹²² Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. 288 с.

¹²³ Шумилов М. М. Местное управление и центральная власть в России в 50 – начале 80-х гг. XIX века. М., 1991. 218 с.

¹²⁴ Field D. The End of Serfdom: Nobility and Bureaucracy in Russia, 1855–1861. Cambridge (Mass.), 1976. 431 p.

¹²⁵ Lincoln B. W. The Genesis of an «Enlightened» Bureaucracy in Russia, 1826–1856 // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. 1972. Vol. 3, № 20. P. 321–330.

¹²⁶ Pintner W. M. The Social Characteristics of the Early Nineteenth-Century Russian Bureaucracy // Slavic Review. 1970. № 3. P. 429–443.

¹²⁷ Быконя Г. Ф. Особенности состава и функционирования сибирской бюрократии XVIII в. // Россия и социально-экономическое развитие Сибири: тез. докл. и сообщ. зональной науч. конф., посвященной 60-й годовщине образования СССР и 400-летию присоединения Сибири к России. Тюмень, 1982. С. 41–44; Его же. Общее и особенное в развитии государственного феодализма на сибирской окраине России в XVII–XVIII вв. // Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России. Воронеж, 1983. С. 78–85; Его же. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX в. (Формирование военно-бюрократического дворянства). Красноярск: Изд-во КГУ, 1985. 297 с.

впервые был выдвинут тезис о роли сибирских чиновников в общественных отношениях в условиях Сибири, имевшей такие особенности, как огромная территория, удаленность от политических центров, пестрый социальный и многонациональный состав населения, богатство природными ресурсами¹²⁸.

По мнению Г. Ф. Быкони, «противоречия между фактическим положением слоя чиновников и их сословными устремлениями не могли не проявиться в их служебной деятельности, способствуя различного рода злоупотреблениям и нарушениям бюрократического административного законодательства»¹²⁹.

В 1980-е гг. историк и юрист С. В. Кодан изучал законодательное наследие М. М. Сперанского. Им с правовой точки зрения было проанализировано регулирование сибирской ссылки в XIX в.¹³⁰

Вопрос формирования правительственной концепции государственного управления инородцами в Сибири по «Учреждению для управления Сибирских губерний» детально был рассмотрен в диссертационном исследовании, а затем в монографии и статьях историка Л. М. Дамешека, который и сегодня продолжает исследования в данном направлении¹³¹.

По истории Забайкалья в историографии 1970–1980-х гг. наиболее заметными трудами были работы Б. Б. Батуева¹³², Г. Л. Санджиева¹³³, П. Т. Халтаева¹³⁴ и др. Основной вектор их исследований – это позиционирование идеи колониального освоения Сибири, что, естественно, предполагало историческое оправдание органов национальной автономии

---

¹²⁸ Быконя Г. Ф. Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX века (демографо-сословный аспект). Красноярск, 2007. 416 с.

¹²⁹ Быконя Г. Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX вв. (Формирование военно-бюрократического дворянства). Красноярск, 1985. С. 66.

¹³⁰ Кодан С. В. Устав об этапах 1822 года // Государственно-правовые институты самодержавия в Сибири. Иркутск, 1982. С. 24–40; Кодан С. В. Ссылка и колонизация Сибири в 1820 – 1850-х годах (политико-правовой аспект) // Экономическая политика царизма Сибири в XIX – нач. XX века. Иркутск, 1984. С. 15–25.

¹³¹ Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири XIX – нач. XX в. Иркутск, 1986. 243 с.; Его же. Сибирская реформа 1822 г. // Очерки истории Сибири. Иркутск, 1973. Вып. 3. С. 116–146.

¹³² Батуев Б. Б. Партия большевиков организатор победы Советской власти в Восточной Сибири. Улан-Удэ, 1971. 263 с.

¹³³ Санжиев Г. Л. В. И. Ленин и национально-государственное строительство в Сибири (1917–1937 гг.) Улан-Удэ, 1971. 176 с.

¹³⁴ Хаптаев П. Т. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Бурятии. Улан-Удэ, 1964. Ч. 1–2. 336 с.

бурят, которые были созданы в постреволюционную эпоху в период Гражданской войны.

Тема административно-территориального устройства Хакасии в советской историографии освещалась через призму инородческого самоуправления, где особо указывались причины выделения территории с компактно проживающим на ней хакасским этносом. Подобные подходы свидетельствовали о проблемах внутреннего районирования Советской России, имевших исторические корни в дореволюционном периоде¹³⁵.

Отдельную ветвь исследования административно-территориального развития Сибири в составе Российской империи представляет собой так называемое «советское» сибирское областничество. Наиболее значимой здесь является фундаментальное исследование сибирского историка М. В. Шиловского¹³⁶, который анализировал участие сибирских областников в Гражданской войне и попутно оценивал их роль в процессе выработки политически значимых решений в имперский период. Важно, что, несмотря на приоритетный классовый подход, сибирские ученые сумели избежать некой тенденциозности в изучении идей сибирского областничества, позиционировавшегося как контрреволюционное направление либеральной мысли. Однако современное время потребовало и новой методологии.

Подводя итоги рассмотрению вопросов территориального деления и административного управления Сибирью, можно сделать вывод об отсутствии их комплексной разработанности в 1960–1991 гг. Несмотря на тенденциозность советской исторической науки, второй период советской историографии богат значимыми научными исследованиями национальной политики Российской империи, а также работами, знакомившими читателей с историей включения территорий Приенисейской Сибири, Алтая, Забайкалья,

---

¹³⁵ Кызласов Л. Р. История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. М., 1983; Артеменко А. Л. Осуществление национальной политики в Хакасии в 1921–1925 годы // Вопросы социально-экономического развития Хакасии (история, экономика, культура, наука). Абакан, 1968; Асочаков В. А. К 50-летию образования Хакасского уезда // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Абакан, 1974. Вып. XIX. Сер. историческая. № 5 и др.

¹³⁶ Шиловский М. В. Сибирские областники в общественно-политическом движении в конце 50–60-х годов XIX века. Новосибирск, 1989. 144 с.

Тувы, Приморья в состав страны. Важно, что именно в это время закончилось теоретическое оформление парадигмы, что в дореволюционный период Российской империи существовал «сибирский сегмент российской политической системы», подсистемой которой было административно-территориальное управление, имевшее региональные особенности.

Современный период историографии. Историография сегодняшнего дня по вопросам государственного и общественного управления Сибирью немыслима без исторических исследований Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (ИИ СО РАН), которые аккумулируют в себе теоретико-методологические инновации современной исторической науки. Используя огромный советский опыт в комплексном исследовании истории Сибири в XVI–XX вв., институт продолжает работу в обозначенном русле в хронологических рамках до начала XXI в., сосредоточившись на выявлении особенностей исторического развития Сибири как Азиатской России и части мировой цивилизации¹³⁷. При этом трудно переоценить вышедшее в 2009 г. историко-справочное издание «Историческая энциклопедия Сибири», статьи которой включили разноплановые вопросы по истории государственного и общественного управления¹³⁸.

В рамках предмета диссертации важными представляются результаты проведенной в г. Новосибирске в 2011 г. Всероссийской конференции на базе ИИ СО РАН «Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XX в.»¹³⁹. Избрав в качестве опоры тезис о присутствии региональной специфики, сибирские ученые подтвердили общую актуальность нашего исследования.

---

¹³⁷ Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XX в.: сб. мат. VII Всерос. науч. конф. Новосибирск, 2011; Трансформация российской политической системы в период революции и гражданской войны: сибирская специфика. Новосибирск, 2014; Демографическое пространство Азии: история, современность, гипотезы будущего: сб. материалов междунар. науч. конф. Новосибирск, 2014. Вып. 3.

¹³⁸ Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Новосибирск, 2009. Т. 1. 715 с.; Т. 2. 807 с.; Т. 3. 783 с.

¹³⁹ Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XX в.: сб. материалов VII Всероссийской науч. конф. Новосибирск, 2011.

Принципиальное значение в изучении административно-территориального развития Сибири имеют многочисленные научные работы ИИ СО РАН, вышедшие под началом сектора истории второй половины XVI – начала XX в., заведующим которого является д-р истор. наук М. В. Шиловский. Методологические основы понимания роли государства в освоении и управлении Сибирью базируются на конкретно-исторических работах данного сектора по переселенческой практике¹⁴⁰, проблемам сословных и социокультурных трансформаций населения¹⁴¹, а также по зарубежной историографии сибиреведения¹⁴². При этом исторические сведения из опубликованных институтом СО РАН сборников статей и документов о национально-государственном и этнокультурном взаимодействии на территории Верхнего Прииртышья дополняют новыми фактами концепцию о колониальном характере освоения территории Сибири в XVII–XIX вв.¹⁴³

В изучении областничества в Сибири еще остались белые пятна. Изучением этого вопроса продолжает заниматься М. В. Шиловский¹⁴⁴. Он

---

¹⁴⁰ Аблажей Н. Н. Казахский миграционный маятник «Казахстан – Синьцзян». Эмиграция. Репатриация. Интеграция. Караганды, 2014; Государственные и общественные структуры в Сибири: взаимодействие и конфликты (XVII – начало XX вв.). Новосибирск, 2014; Комлева Е. В. Государственная политика и частная инициатива в области освоения северо-востока России в конце XVIII – первой половине XIX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 4. С. 32–36; Матханова Н. П. Участие деятелей западносибирской администрации XIX века в освоении северных территорий // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 4. С. 28–32.

¹⁴¹ Сословные и социокультурные трансформации населения Азиатской России (XVII – начало XX века): сб. мат. междунар. науч. конф. Новосибирск, 2014.

¹⁴² Ананьев Д. А. История Сибири конца XVI–XIX веков в англо- и германоязычной историографии. Новосибирск, 2012; Его же. Изучение дореволюционной истории Сибири в Германии в XX веке // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. № 3. С. 55–59; Его же. Источники по дореволюционной истории Сибири в архивных и книжных собраниях Великобритании, США, Канады и Германии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Вып. 2 (62), т.4. С.11–16.

¹⁴³ Мусабалина Г. Т. Семипалатинская область в административной политике Российской империи во второй половине XIX века // Верхнее Прииртышье в XVII–XXI вв.: сб. науч. ст. Новосибирск, 2009. С. 74–84; Селиверстов С. В. Историко-цивилизационные представления Г. Д. Гребенщикова: Европа, Азия, Сибирь // Верхнее Прииртышье в XVII–XXI вв.: сб. науч. ст. Новосибирск, 2009. С. 130–145; Сибирские переселения: сб. док. Новосибирск, 2010. Вып. 3: Освоение Верхнего Прииртышья во второй половине XVII – начале XX вв. 276 с.

¹⁴⁴ Шиловский М. В. Сибирские областники в 1917 г.: к историографии проблемы // Историческая наука на рубеже веков: материалы Всерос. конф., посвященной 120-летию Том. гос. ун-та. Томск, 1999. Т. II. С. 88–99; Шиловский М. В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов в 1917–1920 гг. Новосибирск, 2003; Его же. Сибирские областники как первые биографы Ч. Ч. Валиханова // Евразия: народы, культуры, социумы. Астана, 2005. С. 173–175; Его же. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск, 2008. 270 с.

предложил разделение областничества на два направления: первое – как течение общественной мысли, обладавшее программой и лозунгами в решении управленческих вопросов Сибири; второе – как течение общественной мысли, сторонники которого не позиционировали себя в качестве политической силы. Мы придерживаемся точки зрения, отмеченной в диссертации А. В. Двойнева¹⁴⁵, о том, что областничество в исторической ретроспективе представляется разновидностью регионализма. Однако заметим, что возросший общественный интерес к данной теме исследования требует ее дальнейшего изучения.

С конца 1990-х гг. сектором истории второй половины XVI – начала XX в. разрабатывается тема «служилые люди и администрация». Так, исследователями Д. А. Ананьевым и Н. П. Матхановой было установлено, что бюрократизация властных структур в Сибири была свойственна системе воеводского управления XVIII в.¹⁴⁶, а также генерал-губернаторской власти середины XIX в.¹⁴⁷ В докторской диссертации и других многочисленных работах Н. П. Матхановой детально проанализирован вопрос проявления личных интересов, а также амбиций высшей администрации Восточной Сибири¹⁴⁸. На основании проведенного ею деления высшей администрации на два разряда – по стратификации этакратического типа, т. е. по формальным признакам, а также по степени неофициального влияния отдельных представителей политической элиты сибирского общества – формируется целостная картина особенностей административной политики в Восточной Сибири, заключающаяся в личностных качествах ее чиновников. Во многих работах Н. П. Матхановой сделан обоснованный вывод о некой самостоятельности высшей власти в Восточной Сибири, осуществлявшейся в

---

¹⁴⁵ Двойнев А. В. Отечественная историография сибирского областничества (60-е годы XIX века – 20-е годы XX века): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2006.

¹⁴⁶ Ананьев Д. А. Воеводское управление Сибири в XVIII в. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. 264 с.

¹⁴⁷ Матханова Н. П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века. Новосибирск, 1998. 428 с.; Ее же. Власть и чиновники в мемуарах сибирского купечества XIX в. // Сибирские исторические исследования. 2016. № 2. С. 58–75.

¹⁴⁸ Матханова Н. П. Высшая администрация Восточной Сибири всередине XIX в.: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск, 2002. 255 с.

середине XIX в. неформальными местными лидерами, а также о присутствии большей управленческой свободы со стороны губернских и окружных властей.

Проблема компетенций отдельных государственных структур в рамках институционального компонента политической системы в Сибири рассмотрена в работах М. О. Акишина¹⁴⁹. Его исследования, имеющие междисциплинарный историко-юридический характер, рассматривают вопрос присоединения Востока в состав России с учетом степени деконцентрации власти на уровне генерал-губернаторств и губерний. При этом в работе «Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата», подготовленной в соавторстве с А. В. Ремневым, прослеживается тезис о специфичности сибирского законодательства, ориентированного на «сибирские нужды»¹⁵⁰.

В то же время О. А. Авдеева¹⁵¹ в своих статьях детально проанализировала развитие судебной системы Сибири как одной из частей механизма управления этим регионом. При этом выводы автора подтверждают защищаемое в данном исследовании положение о «недоуправляемости» территорией Сибири. О. А. Авдеева обосновывала это запоздалым внедрением судебных уставов на территории региона.

Тематика «Азиатской России в политической системе Российской империи» получила подтверждение актуальности благодаря многочисленным работам безвременно ушедшего омского историка А. В. Ремнева¹⁵². В

---

¹⁴⁹ Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата. Новосибирск, 2003; Власть в Сибири. XVI – начало XX века. Новосибирск, 2005; Его же. Этнические общности Сибири в истории российского права: проблема дефиниций // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 60–67; Его же Русское государство, международное право и присоединение Сибири: постановка вопроса // Вопросы правоведения. 2013. № 3 (19). С. 424–437.

¹⁵⁰ Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века... С. 18–19.

¹⁵¹ Авдеева О. А. Индивидуализация административно-судебной системы Сибири по «Учреждениям для управления губерний всероссийской империи» 1775–1780 гг. // История государства и права. 2004. № 4. С. 21–24; Ее же. Судебная реформа М. М. Сперанского в Сибири // История государства и права. 2002. № 3. С. 2–7.

¹⁵² Ремнев А. В. Правительственные поиски новых административных границ на Дальнем Востоке России (1860-е – первая половина 1880-х гг.) // Россия и Восток: История и культура: материалы IV Междунар. научн. конф. «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». Омск, 1997; Его же. Проконсул Сибири Иван Борисович Пестель // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 141–149; Его же. Генерал-губернаторская власть в XIX столетии. К проблеме организации регионального управления Российской империи // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX в.). М., 1997; Ремнев А. В., Савельев П. И. Актуальные проблемы изучения региональных процессов в

1990–2000-е гг. им рассматривались особенности управленческой модели преимущественно на территории Западной Сибири, а также кадровая политика и проблемы организации местных органов власти. Его двухтомный труд «Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX века» и «Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX века»¹⁵³ представляет собой комплексное фундаментальное исследование по истории правительственных реформ системы управления за Уралом, но, как было сказано ранее, без конкретизации по Восточной Сибири.

А. В. Ремнев, основываясь на богатом фактологическом материале, доказал, что центральное правительство при организации местной власти допускало существенные отступления от общероссийских принципов. А. В. Ремнев убедительно показал, что в Сибири была осуществлена попытка формирования местного правительственного аппарата, основанного не на принципах патернализма, а на принципах рационализма¹⁵⁴. Согласимся, что безусловным его примером служат ликвидация Западно-Сибирского генерал-губернаторства в 1882 г. и реструктуризация Степных областей, а также вывод Тобольской и Томской губерний на общероссийский уровень внутренних губерний Центральной России.

Однако сохранение на территории Восточной Сибири прежних устоев институционального компонента политической системы свидетельствует о неприменении названного тезиса А. В. Ремнева, поддержанного рядом исследователей¹⁵⁵, к реорганизованному Иркутскому генерал-губернаторству, Енисейская губерния которого ничем не уступала по

имперской России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX в.). М., 1997; Его же. Западные истоки сибирского областничества // Русская эмиграция до 1917 года – лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб., 1997; Его же. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Ом. ун-та, 2004. 552 с.

¹⁵³ Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX века. Омск, 1995. 237 с.; Его же. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков. Омск, 1995. 240 с.

¹⁵⁴ Ремнев А. В. Административная политика самодержавия в Сибири в XIX – начале XX веков. Омск, 1997. С. 555.

¹⁵⁵ Васильев Д. В. Форпост империи. Административная политика России в Центральной Азии. Середина XIX века. М., 2015. С. 12.

развитию Томской и Тобольской губерниям, а, например, густонаселенная Забайкальская область объективно стремилась в ряд губерний, что предполагало более разветвленную структуру местной администрации.

И. А. Коновалов в статье «Управление и административно-территориальное устройство Сибири в XVIII в.»¹⁵⁶ приходит к выводу, что для развития местного управления в Сибири в дореволюционный период были характерны централизация и бюрократизация власти, а тенденция централизации и бюрократизации преобладала почти во всех государственно-правовых мероприятиях XVIII в.

Исследователи Л. М. Дамешек¹⁵⁷ и И. Л. Дамешек¹⁵⁸ в многочисленных научных работах доказывают, что территория Сибири была последовательно инкорпорирована в состав Российской империи. Их выводы подтверждает анализ архивного материала и законодательства по национальному вопросу, а также примеры конкретных дел из управленческой практики чиновников. Административно-территориальный аспект теории Л. М. Дамешек об «имперской политике в Сибири и месте Сибири в империи» заключается в авторской аксиоме о том, что принципы управления окраинами складывались одновременно с присоединением и освоением новых территорий¹⁵⁹. Следовательно, содержание проблемы взаимоотношений центра и региона, столицы и провинции, административного и хозяйственного управления Сибирским краем, по мнению Л. М. Дамешека, состоит в том, что «центр – провинция» – это не

---

¹⁵⁶ Коновалов И. А. Управление и административно-территориальное устройство Сибири в XVIII в. // Вестник Омского ун-та. Сер.: Право. 2012. № 4 (33). С. 15–19.

¹⁵⁷ Дамешек Л. М. Административные преобразования в Сибири в первой четверти XIX века // Сибирский город XVIII – начала XX веков: межвуз. сб. ст. Иркутск, 1998. Вып. I. С. 55–66; Его же. Россия и народы Сибири: организация управления и административные реформы в XIX в. // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: История и современность: докл. Международ. науч.-практич. конф. Иркутск, 1995. Кн. 1. С. 215–218; Его же. Российские окраины в имперской административной системе: принципы управления // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: История. 2009. № 1. С. 32–46.

¹⁵⁸ Дамешек И. Л. Имперская география генерал-губернаторской власти в России: от Александра I до Николая II // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: История. 2016. Т. 15. С. 15–21.

¹⁵⁹ Дамешек Л. М. Сибирь в империи – империя в Сибири: этнический фактор в окраинной политике Российской империи // Вест. Бурят. науч. центра Сиб. отд-ния Рос. академии наук. 2012. № 4 (8). С. 124–130.

антиподы, «центр – провинция» – это единое Российское государство¹⁶⁰. Проблемы взаимоотношений центра империи и Сибири подробно рассмотрены в научных исследованиях книжной серии «Азиатская Россия»¹⁶¹.

Различные аспекты истории государственной власти в Сибири и административно-территориального устройства и управления изучены в работах С. В. Макаrchука¹⁶², В. А. Волчека¹⁶³, А. Н. Ермолаева¹⁶⁴, Н. А. Горской¹⁶⁵. При этом С. В. Макаrchук большее внимание уделяет изучению общественных, политических движений в Сибири в дореволюционный этап ее развития. В работах В. А. Волчека анализируются административная политика имперского правительства в отношении Сибири, деятельность генерал-губернаторов и функционирование Второго Сибирского комитета. А. Н. Ермолаев проанализировал многочисленные факты о городских выборах, Городской Думе и управе, организации хозяйственной деятельности.

Широкий ряд работ по регионоведению Сибири (В. П. Зиновьев¹⁶⁶, В. Н. Кудряшев¹⁶⁷, О. А. Харусь¹⁶⁸, Л. И. Шерстова¹⁶⁹) поднимает вопросы

---

¹⁶⁰ Курас Л. В. Сибирь в империи – империя в Сибири: имперские процессы на окраинах России в XVII – начале XX в. (историография проблемы в трудах профессора Льва Михайловича Дамешка) // Сибирь в империи – империя в Сибири: имперские процессы на окраинах России XVII – начале XX в.: сб. науч.ст. Иркутск, 2013. С. 15. (Азиатская Россия).

¹⁶¹ Дамешек Л. М. История органов местного управления у бурят в XIX – начале XX в. Иркутск, 2013. 503 с.; Его же. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). Palmarium Akademik Publishing is a trademark of: LAP LAMBERT Akademik Publishing GmbH 8 Co. KG Heinrich – Bochkinh – Str. 8, 66121 Saarbruchkn, Germanu. 2012. 441 p.; Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Ясак в Сибири в XVIII – начале XX веков. Иркутск, 2014. 303 с.; Дамешек Л. М. Иркутск в 1917 г. Очерки политической истории города. Иркутск, 2017. 544 с.

¹⁶² Макаrchук С. В. Общественно-политическое движение начала XX века в документации музеев и архивов негубернских городов Восточной Сибири // Вест. Кемер. гос. ун-та. 2014. № 3–2 (59). С. 210–215.

¹⁶³ Волчек В. А. Осуществление имперской политики на восточных окраинах России в деятельности Второго Сибирского комитета. Новосибирск, 2006. 375 с.

¹⁶⁴ Ермолаев А. Н. Уездный Мариинск 1856–1917 гг. Кемерово, 2008. 741 с.

¹⁶⁵ Горская Н. А. Русская феодальная деревня в историографии XX века. М., 2006. С. 365.

¹⁶⁶ Зиновьев В. П., Фоминых С. Ф. Сибирь как стратегический ресурс России в период Первой мировой войны // Русин. 2014. № 3 (37). С. 48–61; Его же. Традиции самоуправления и народного представительства в России // Вест. Том. гос. ун-та. История. 2013. № 5 (25). С. 6–8.

¹⁶⁷ Кудряшев В. Н. Концепт русской нации в общественно-политической мысли России второй половины XIX века. Томск, 2017. 390 с.; Его же. Проблемы формирования национальных государств в интерпретации российских либералов второй половины XIX в. // Вест. Том. гос. ун-та. 2012. № 356. С. 62–68.

¹⁶⁸ Харусь О. А. Реорганизация государственной власти в России начала XX века: проекты и рефлексия либеральной интеллигенции Томска (1905 – февраль 1917 гг.) // Вест. Том. гос. ун-та. 2012. № 365. С.85–92.

организации государственной власти за Уралом через призму хозяйственного и этнокультурного освоения территории. В своих работах д-р истор. наук В. П. Зиновьев последовательно доказывает, что Сибирь в дореволюционный период развития представляла собой ресурсный «регион», каждая часть которого имела комплекс политических, социально-экономических и культурных условий, определявших традиции самоуправления, но мало используемых в выработке системы местного государственного управления¹⁷⁰. В. П. Зиновьева и А. Н. Жеравина делают вывод о колониальных интересах государства в Сибири, что подтверждает, например, устройство кабинетского хозяйства на Кольвано-Воскресенских и Нерчинских заводах¹⁷¹.

В. В. Ведерников, А. В. Старцев и А. А. Пережогин делают вывод об эксплуатации природных ресурсов императорским Кабинетом как факторе развития Российской империи и вводят в научный оборот историческую категорию «алтайского производственно-территориального комплекса»¹⁷², его признаки современного территориально-экономического образования, но, получается, уже существовавшего на Алтае с начала XVIII в. В рамках тематики исследования доказано, что взаимоотношения России с сопредельными государствами (Джунгарией, Китаем) в XVIII–XIX вв. имели двусторонний характер и определяли социально-экономическое освоение Алтайского Приобья, все это время развивавшегося в качестве буферной территории со свойственной ей спецификой¹⁷³, а система государственного управления была схожа с общероссийской при наличии ряда региональной

---

¹⁶⁹ Шерстова Л. И. Концепция фронта и освоение русскими Сибири // Вест. Том. гос. ун-та. 2018. № 426. С. 217–222; Ее же. Аборигенная политика России и этнополитические процессы в Сибири: конец XVI – начало XX в.: учеб. пособие. Томск, 2017. 252 с.

¹⁷⁰ Зиновьев В. П. Г. Н. Потанин как друг азиатских народов // Вест. Том. гос. ун-та. История. 2011. № 2. С. 34–36.

¹⁷¹ Жеравина А. Н. Кабинетское хозяйство в Сибири (1747–1861 гг.). Томск, 2005. 322 с.

¹⁷² Эксплуатация природных ресурсов Алтая императорским Кабинетом как фактор развития российской монархии (XVIII – начало XX в.). Барнаул, 2012. 243 с.

¹⁷³ Ведерников В. В. Кабинетская цветная металлургия Сибири в XVIII – первой половине XIX в. Барнаул, 2012. 186 с.; Старцев А. В. Сибирь и сопредельные территории: история, историография, методология. Барнаул, 2016. 445 с.

специфики, как то: неразвитость транспортной инфраструктуры и постоянные преобразования институтов власти¹⁷⁴.

Данный тезис находит национальную интерпретацию в трудах д-ра истор. наук, академика РАН Б. В. Базарова¹⁷⁵, специализирующегося на социально-политической истории Центральной и Восточной Азии, а также профессора Л. В. Кураса¹⁷⁶ и др., активно занимающихся вопросами национально-государственного строительства в Сибири. Член-корреспондент РАН, д-р истор. наук Н. Н. Крадин¹⁷⁷ разработал теорию об экзополитарном обществе у кочевников Сибири, так называемой ксенократии, суть которой заключалась в признании лишь поверхностного влияния российского государственного строя на общественный порядок кочевых народов Сибири и соседствующих с ней государств, а значит, лишь формального влияния Российской империи на правила общежития у кочевых инородцев, по сути, не менявшихся и развивавшихся по национальным традициям самобытности.

Развитие городского самоуправления в Енисейской губернии в конце XIX – начале XX в. рассмотрено в работах Д. В. Кускашева¹⁷⁸. В своих работах Д. В. Кускашев исследовал проблемы социально-сословного состава органов городского самоуправления, развития законодательства в сфере самоуправления, взаимосвязь структуры органов управления с уровнем развития экономики. Различные аспекты развития системы управления Восточной Сибири в XVIII–XIX вв. рассмотрены в многочисленных работах

---

¹⁷⁴ Пережогин А. А. Чиновничество Алтая (1747–1871 гг.). Барнаул, 2012. 152 с.

¹⁷⁵ Базаров Б. В. Буряты в этнополитическом пространстве России: от империи до федерации. Улан-Удэ, 2017. 400 с.

¹⁷⁶ Курас Л. В. У истоков бурятской государственности // Вест. Бурят. научн. центра Сиб. отд. Рос. академии наук. 2013. № 2 (10). С. 18–35; Иванов А. А. Забайкальская периферия на переломе эпох. Иркутск, 2012. 300 с. и др.

¹⁷⁷ Крадин Н. Н. Кочевые общества. Владивосток, 1992. 239 с.; Его же. Социальная структура хунну Забайкалья. Владивосток, 2004. 106 с. и др.

¹⁷⁸ Проблемы борьбы с коррупцией и должностными злоупотреблениями муниципальных служащих Енисейской губернии во второй половине XIX в. // Органы государственной власти в системе правозащитной деятельности на современном этапе: сб. науч. трудов междунар. науч.-практ. конф. СПб.: Изд-во: САЙ, 2015. С. 133–137; Аграрные аспекты бюджетной политики городского самоуправления Енисейской губернии (1870–18892 гг.) // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. №2. С. 114–119; К вопросу о роли городского самоуправления г. Минусинска Енисейской губернии в развитии образовательных учреждений в 1870–1892 гг. // Формирование электронной культуры в процессе непрерывного образования: проблемы и перспективы. Санкт-Петербург, 15 апреля 2016 г.: сб. науч. тр. участников междунар. науч.-практ. конф. СПб.: изд-во: САУ, 2016. С. 172–178.

М. М. Плотниковой¹⁷⁹. О. А. Тяпкина¹⁸⁰ в своем исследовании рассмотрела социально-экономическое развитие малых городов Западной Сибири.

В русле представленного диссертационного исследования несомненную ценность имеют сделанные М. Д. Северьяновым выводы в отношении исторической ретроспективы системы государственной власти на территории Сибирского региона: «В современной Российской Федерации только начинает складываться территориальная политика внутри государства. Пример тому – образование Забайкальского, Красноярского и Пермского краев, создание федеральных округов, столицы которых находятся не в национальных республиках, а в “русских” регионах»¹⁸¹. В работах Г. Ф. Быконя¹⁸² и В. И. Федоровой¹⁸³, С. Н. Ценюги и И. Н. Ценюги¹⁸⁴ исследованы различные аспекты государственной политики в Сибири периода феодализма и капитализма.

С. А. Сафронов¹⁸⁵, исследующий дореволюционную историю государственного управления в Сибири, поднял вопрос о реализации государственной политики по регулированию вино-водочного производства в широких хронологических рамках как в России, так и Сибири. Историко-

---

¹⁷⁹Плотникова М. М. Формирование коллективной идентичности в городах Восточной Сибири в конце XVIII – начале XIX вв.: монография / М. М. Плотникова. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 191 с.; Плотникова М. М. Роль Иркутской Городской Думы в ходе подготовки распространения на Сибирь земских учреждений // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: История. 2011. № 1. С. 50–58; Дамешек Л. М., Плотникова М. М. Екатерина II и Павел I об управлении городами: тандемность или разномыслие // Изв. Иркут. гос. ун-та. 2012. № 2. С. 207–212.

¹⁸⁰ Тяпкина О. А. Социально-экономическое развитие малых городов Западной Сибири во второй половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2003; Тяпкина О. А. Малые города Западной Сибири во второй половине XIX в.: социально-экономическое исследование. Новосибирск, 2008. 304 с.

¹⁸¹ Северьянов М. Д. Современный этнофедерализм: российские проблемы в сравнительной перспективе // Центральноазиатские исторические чтения: сб. материалов III Междунар. науч.-практ. конф. (г. Кызыл, 20–21 июня 2014 г.). / ред. З. Ю. Доржу, В. М. Дамдынчап, А. А. Стороженко. Кызыл: РИО ТувГУ, 2014. Вып. 3. С. 182.

¹⁸² Быконя Г. Ф. О влиянии политической воли на развитие этнонациональной русской идентичности в XV–XVII вв. // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: История. 2017. Т. 21. С. 8–14; Его же. Особенности и результаты крещения ясачного населения Восточной Сибири в XVIII в. // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: История. 2015. Т. 13. С. 25–30.

¹⁸³ Иллюстрированная история Красноярья (XVI – начало XX века) / В. А. Безруких, Г. Ф. Быконя, В. И. Федорова. Красноярск, 2015. 240 с.; Очерки истории народного образования Красноярского края (XVII – начало XXI в.): монография / Г. Ф. Быконя, В. И. Федорова, С. Н. Ценюга и др.; отв. ред. В. И. Федорова; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. Красноярск, 2014. 580 с.

¹⁸⁴ Ценюга С. Н. Социальная политика Красноярской городской думы в период 1914–1917 гг. (по материалам государственного архива Красноярского края) // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2018. № 2 (125). С. 211–216.

¹⁸⁵ Сафронов С. А. Пьяный вопрос в России и сухой закон 1914–1925 годов: монография. Красноярск, 2017. 546 с.

философский контекст причин противоборства различных группировок в системе управления Енисейской губернии в XIX – начале XX в. рассмотрен красноярским ученым С. К. Черепановым¹⁸⁶, который обосновал необходимость всесторонней оценки истории подобных управленческих конфликтов в рамках философии и теории принятия управленческих решений.

Проблемы взаимосвязи административно-территориального устройства и государственной границы затрагивал в своих работах д-р истор. наук В. Г. Дацышен¹⁸⁷. Он приходит к выводу о том, что административное устройство Сибири зависело от внешнеполитических факторов и состояния дел на границе Российской империи. В своей работе мы доказываем, что данный фактор влиял, но не являлся определяющим при формировании территориального и административного устройства Сибири.

Социальный облик сибирского чиновничества на примере Енисейской губернской администрации подробно рассмотрен в многочисленных научных статьях красноярского историка Т. Г. Карчаевой. Ряд ее работ сосредоточен на вопросах функционирования государственной власти в Сибири через анализ реализации на практике системы служебных привилегий в среде чиновников Енисейской губернской администрации или вопросов функционирования отдельных управленческих местных структур на уровне губернского звена управления¹⁸⁸. Несомненную научную ценность имеют установленные исследователем биографические сведения о нескольких десятках высших управленцев всех ведомств в администрации Енисейской

---

¹⁸⁶ Черепанов С. К. Лохвицкий versus Куртуков: опыт анализа внутривластной ситуации в Енисейской губернии на рубеже 60–70-х гг. XIX в. // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: История. 2014. Т. 7. С. 51–62; Черепанов С. К. О внутренних конфликтах в системе финансового управления Енисейской губернии // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: История. 2015. Т. 13. С. 112–132.

¹⁸⁷ Дацышен В. Г. История российско-китайских отношений в конце XIX – начале XX в.: монография. М., 2014. 593 с.; Его же. Саянский рубеж. Южная часть Приенисейского края и русско-тувинские отношения в 1616–1911 гг. М.; Берлин, 2014. 309 с.

¹⁸⁸ Верхотурова Т. Г. Штаты и численность енисейской губернской администрации (1822–1917 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 1. С. 19–23; Карчаева Т. Г. Привилегии государственной службы в Енисейской губернии: исторический аспект (1822–1917) // Вест. Красн. гос. аграрн. ун-та. 2012. № 4. С. 229; Ее же. Социальные ограничения доступа в органы государственной власти в XIX – первой трети XX вв. (на материалах Приенисейского края) // Проб. соц.-эконом. разв. Сибири. 2016. № 4 (26). С. 85 – 90.

губерний¹⁸⁹. Указанные в монографии¹⁹⁰ статистические сведения, приведенные по многочисленным формулярным спискам и личным делам чиновников, позволяют сделать выводы о динамике численности всех уровней чиновничества и изменении их социального и профессионального облика.

Нами на протяжении многих лет ведется системная работа по формированию собственного исторически обоснованного видения эволюции территориального деления и административного управления Сибирью в течение всего имперского периода истории. Первый период научной деятельности был посвящен исследованию управленческих механизмов в административной практике Сибири в XVIII – начале XIX в., т. е. с момента образования Сибирской губернии и до реформ М. М. Сперанского¹⁹¹. Вторым периодом исследовательской работы автора заключен в формировании концепции системы имперского управления в рамках теории колонизации Сибири, выраженной в политике властных структур, т. е. имперском

---

¹⁸⁹ Верхотурова Т. Г. Социальный состав Енисейской губернской администрации (1822–1917 гг.) // Гум. исслед. в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2010. № 2. С. 48–52; Карчаева Т. Г. Управленцы «особых» ведомственных учреждений Енисейской губернской администрации: социальный состав сибирского чиновничества // Гум. науки в Сибири. 2013. № 2. С. 100–103; Ее же. Губернаторы Енисейской губернии (социальный портрет сибирского чиновничества) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: История. 2014. Т. 7. С. 44–50; Ее же. Книжное собрание Г. В. Юдина как исторический источник изучения сибирского чиновничества XIX в. // VIII Юдинские чтения: материалы Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Гос. универ. науч. библ. Красноярского края. 2015. С. 70–74; Ее же. Енисейский вице-губернатор из рода князей Урусовых: к биографии чиновника конца XIX – начала XX в. // Общество: философия, история, культура. 2016. № 1. С. 60–62 и др.

¹⁹⁰ Карчаева Т. Г. Енисейская губернская администрация: численность и состав (1822–1917 гг.). Красноярск, 2017. 252 с.

¹⁹¹ Гергилев Д. Н. Духоборы (духоборцы) в Сибири в первой четверти XIX в. // Материалы межвузов. науч.-практ. конф. Красноярск, 26 апреля 2002 г. Красноярск, 2002. Вып. VII. С. 311–316; Его же. Население и хозяйственная жизнь Красноярска в XVII–XIX вв. // Красноярск: история и современность к 375-летию со дня основания: материалы межвузов. науч.-теор. конф. Красноярск, 2003. Вып. 2. С. 33–37; Его же. М. М. Сперанский и его проекты // Парламентаризм в России: исторический опыт и современные проблемы: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию начала деятельности первой Российской Государственной думы. 18 мая 2006 г. Красноярск. Красноярск, 2006. С. 61–66; Его же. Губернская реформа 1822 года // Красноярский край: исторические аспекты территориального, экономического и культурного развития: тез. докл. и сообщений науч. конф. 14 ноября 2006 г. Красноярск. Красноярск, 2006. С. 81–87; Его же. Особенности реализации «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи» на территории Сибири // Вторые университетские социально-гуманитарные чтения 2008 года: материалы. Иркутск, 2008. С. 249–255; Его же. Ссылка как мера наказания в конце XVI – начале XIX вв. // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: сб. материалов XII Междунар. науч.-практ. конф. (19–20 февраля 2009 г.): в 3 ч. Красноярск, 2009. Ч. 1. С. 346–349.

регионализме, нацеленном на реализацию собственных интересов, в свою очередь, менявшихся с течением времени и потребностей государства¹⁹².

В 2016 г. была опубликована монография «Административное управление Сибирью в XVIII – первой трети XIX в.»¹⁹³, в которой последовательно изложена система выстраивания государственной власти за Уралом по историческим периодам Российской истории, а именно в 1730–1760-х, 1763–1801, 1801–1830-х гг.

Государственное управление и территориальное деление как предмет всестороннего изучения соответствует междисциплинарному характеру научного исследования, но и интегрирует в себе различные концепции трактовки его содержания. Так, реформа по укрупнению регионов Российской Федерации середины 2000-х гг. активизировала изучение административно-территориального переустройства Сибири в правовом поле исследований. В этом направлении были опубликованы юридические статьи с привлечением исторического материала по анализу опыта «районирования» дореволюционной России. Среди них наиболее значимыми, по нашему мнению, являются работы правоведа Н. И. Краснякова¹⁹⁴, среди которых его

---

¹⁹² Гергилев Д. Н. Особенности региональной политики в России в первой четверти XVIII в. (на примере Сибири) // Десятые Байкальские социально-гуманитарные чтения: материалы: в 2 т. 2017. С. 213–218; Его же. Сибирь как пример оптимальных государственных механизмов управления // Вест. Том. гос. ун-та. 2017. № 421. С. 103–108; Его же. Пути решения проблем административно-территориального устройства России в начале XX века (на примере Сибири) // Гум. и соц.-эконом. науки. 2017. № 5 (96). С. 76–80; Его же. Особенности административно-территориального положения России в начале XIX века (на примере Сибири) // Вест. Кем. гос. ун-та. 2017. № 2. С. 30–33; Его же. Отличительные черты деятельности губернских администраций в Сибири в XIX – начале XX в. // Клио. 2017. № 8 (128). С. 114–117; Его же. Административно-территориальное реформирование Сибири в XIX – начале XX веков: опыт и необходимые выводы // Клио. 2017. № 4 (124). С. 129–133; Его же. Проблема административно-территориального реформирования Сибири в XIX в. // Клио. 2017. № 7 (127). С. 74–79; Его же. Административно-территориальная реформа Екатерины II в контексте проблем управления регионами России (на примере Сибири) // Клио. 2017. № 5 (125). С. 75–78; Его же. Административно-территориальное деление России как фактор сохранения государственности (на примере Сибири в 1917–1923 гг.) // Общество: философия, история, культура. 2017. № 9. С. 53–56; Его же. К вопросу об административно-территориальном управлении Казахской степью и Сибирью в начале XIX в. // Общество: философия, история, культура. 2017. № 6. С. 61–64; Его же. Структура губернского и областного управления в Восточной Сибири в 1822–1917 гг.: принципы функционирования и региональные особенности // Genesis: исторические исследования. 2017. № 6. С. 56–69 и др.

¹⁹³ Гергилев Д. Н. Административное управление Сибирью в XVIII – первой трети XIX вв. Красноярск, 2016. 173 с.

¹⁹⁴ Красняков Н. И. Оптимизация властеотношений в Сибири по реформе 1822 года // Вест. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2016. Т. 15, № 1. С. 72–84; Его же. Интеграция власти-территорий-населения в имперской России // Развитие территорий. 2017. № 2 (8). С. 9–13; Его же. Проблематика имперского периода России в трудах историков права // Genesis: исторические исследования. 2015. № 3. С. 27–42.

монография «Имперский фактор в государственном управлении России XVIII – начала XX в.»¹⁹⁵, в которой рассмотрены юридические аспекты инкорпорирования управленческих структур национальных регионов в правовое пространство Российской империи. Данное направление поддержано и другими исследователями, среди которых, например, философские работы¹⁹⁶ и статьи начинающих юристов-исследователей¹⁹⁷, а также сибирских историков, работающих по смежной тематике: А. А. Борисова¹⁹⁸, Б. М. Шпонова¹⁹⁹, А. Е. Съемщикова²⁰⁰, Б. Ц. Жалсановой²⁰¹, Л. Б. Жабоевой²⁰² и др.

Кроме того, параллельно с классической теорией модернизации Сибири, разрабатывается распространенная на сегодняшний день концепция «сибирского фронта», получившая собственное оригинальное прочтение, отличное от мнения англоязычных исследователей²⁰³. О понятии «сибирский фронт» впервые было заявлено учеными Томского государственного университета²⁰⁴, затем оно было поддержано и развито учеными Института истории Сибирского отделения Российской академии наук²⁰⁵, использовано

---

¹⁹⁵ Красняков Н. И. Имперский фактор в государственном управлении России XVIII – начала XX в. М., 2011. 374 с.

¹⁹⁶ Орлов М. О. Россия в 1917 году: институциональный ресурс, социальные риски и цивилизационный коллапс. Саратов, 2017. 860 с.

¹⁹⁷ Диулина О. А. Основные социально-правовые характеристики обычного права народов как факторы его интеграции в правовую систему Российской империи (XVII–XIX вв.) // Genesis: исторические исследования. 2018. № 1. С. 10–19.

¹⁹⁸ Борисов А. А. Исторические предпосылки и значение образования Якутского областного управления (к постановке проблемы // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: История. 2017. Т. 19. С. 6–16.

¹⁹⁹ Шпонов Б. М. Европейские исследования в Сибири: материалы Всерос. науч. конф. «Американский и сибирский фронт» // Новая и новейшая история. М., 2004. С. 208.

²⁰⁰ Съемщиков А. Е. Государственная гражданская служба в Сибири в XIX в.: особенности структуры и кадрового обеспечения // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2016. № 4 (38). С. 47–53.

²⁰¹ История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX века. Иркутск, 2013. 503 с.

²⁰² Жабоева Л. Б. История местного самоуправления // Вест. Бурят. науч. центра Сиб. отд. Рос. академии наук. 2013. № 2 (10). С. 257–260.

²⁰³ Turner F. J. The Significance of the Frontier in American History // Report of the American Historical Association. 1893. P. 199–227; Rereading Frederick Jackson Turner. The significance of the Frontier in American history and other essays. Yale Univ, 1998. P. 33.

²⁰⁴ Американские исследования в Сибири: сб. ст. / отв. ред. М. Я. Пелипась. Томск: ТГУ, 1990. Вып. 1; Американский и сибирский фронт: сб. ст. / отв. ред. М. Я. Пелипась. Томск: ТГУ, 1997. Вып. 2.

²⁰⁵ Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX в.: общее и особенное. Новосибирск, 2001. Вып. 1; Резун Д. Я., Шиловский М. В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005. 193 с.

историками А. Д. Агеевым²⁰⁶, И. Л. Дамешек и Л. М. Дамешек²⁰⁷, А. С. Хромых²⁰⁸ при рассмотрении политики центрального правительства по отношению к Сибири.

Новый этап в осмыслении освоения Сибири предложен учеными в рамках теории «фронтирной модернизации», т. е. модернизации всех сфер жизни сибирского общества в условиях незавершенного освоения территории (фронтира), что проявлялось в различиях административно-управленческих вариантов, принятых центральной властью. Данная концепция представлена в интересных научных с философским подтекстом работах историков И. В. Побережникова²⁰⁹, Д. С. Боброва²¹⁰, Д. А. Ананьева, Е. В. Комлевой, В. П. Румянцева, Е. В. Хахалкина и др.²¹¹

Идеи теории колонизации, наиболее ярко выраженные в работах советского историка М. К. Любавского, нашли продолжение в монографии философско-исторического значения А. В. Головнева «Антропология движения (древности Северной Евразии)»²¹². Предметом ее рассмотрения стал «феномен колонизации», примененный как древними греками и скандинавами, так и русскими в отношении Сибири. В генеральной идеи книги лежит вполне обоснованная концепция о выделении двух видов колонизации – локальной и магистральной, последней из которых был

---

²⁰⁶ Агеев А. Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М., 2005. 334 с.; Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма (компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.). Иркутск, 2002. 208 с.

²⁰⁷ Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма (компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.). Иркутск, 2002. 208 с.

²⁰⁸ Хромых А. С. Сибирский фронт. Встреча цивилизаций от Урала до Енисея (Последняя треть XVI – первая четверть XVII века): монография. Красноярск, 2012. 312 с.

²⁰⁹ Побережников И. В. Модернизации в истории России: направления и проблемы изучения // Урал. ист. вестник. 2017. № 4 (57). С. 36–45; Его же. Акторы российской имперской модернизации: региональные кейсы // Азиатская Россия: люди и структуры империи: сб. науч. тр. Омск: Ом. гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского 2016. С. 25–33; Poberezhnikov I. V. Russian Imperial modernization: the general and the specific // Былые годы. Рос. истор. журнал. 2016. № 41-1 (3). С. 867–873.

²¹⁰ Бобров Д. С. Формирование российской границы в Верхнем Обь-Иртыше в оценках ученых и путешественников XVIII в. // Вест. Кем. гос. ун-та. 2017. № 1. С. 12–18; Стрелец К. Е. Образ Горного Алтая по материалам обследований региона конца XIX – начала XX в. // Изв. Алт. гос. ун-та. 2016. № 4 (92). С. 139–143.

²¹¹ Ананьев Д. А., Комлева Е. В., Раев Д. Я. «Новые земли» и освоение Сибири в XVII–XIX вв.: очерки истории и историографии. Новосибирск, 2006. С. 70–123; Румянцев В. П., Хахалкина Е. В. Использование теории фронтира в сравнительно-исторических исследованиях: итоги перспективы // «Славянский мир» Сибири: новые подходы в изучении процессов освоения Северной Азии. Томск, 2009. С. 106–126.

²¹² Головнев А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург, 2009. 496 с.

присущ военно-административный стиль подчинения, одним из его проявлений было внедрение на колонизируемой территории имперского порядка.

Монографическая работа историка Д. В. Васильева «Форпост империи. Административная политика в Центральной Азии. Середина XIX века»²¹³ имеет форму исторического исследования, подготовленного, по нашему мнению, в русле обновленной идеи русской колонизации национальных окраин империи, подтвержденной динамикой правовых норм, регулировавших практику государственного управления в степных областях и Туркестанском крае в 1820–1860-х гг. В понимании автора история взаимодействия России и Центральной Азии была выражена в целенаправленной политике «включения территории казахских владений непосредственно в тело империи»²¹⁴, что оценивается историками вполне положительно в рамках цивилизационного развития региона.

В свою очередь, зарубежных историков, например А. Вуд²¹⁵, У. Линкольна²¹⁶ и М. Бассина²¹⁷, в рамках современного периода историографии все более привлекает вопрос присутствия противоречий фактической деятельности сибирской администрации и планов правительства. Опорой их работ является дихотомия Запад – Восток, что формирует понимание актуальности региональной тематики в современной исторической науке.

Таким образом, анализ современного периода историографии показал, что отличительной чертой российской и региональной сибирской исторической науки в 1991 – начале 2000-х гг. было стремление компенсировать недостающие элементы исторического знания по вопросам

---

²¹³ Васильев Д. В. Форпост империи. Административная политика в Центральной Азии. Середина XIX века. М., 2015. 304 с.

²¹⁴ Васильев Д. В. Форпост империи... С. 9.

²¹⁵ Wood A. The History of Siberia. From Russian Conquest to Revolution. L., 1991. 272 p.; Lincoln W. B. The Conquest of a Continent: Siberia and the Russians. London, 1994. 500 p.

²¹⁶ Lincoln W. B. The Conquest of a Continent: Siberia and the Russians. London, 1994. P. 321–330.

²¹⁷ Bassin M. Inventing Siberia: Visions of the Russian Far East in the 19th century // American Historical Review. Vol. 96, № 3 (jun. 1991). P. 763–794.

управления Сибирью, сформировавшиеся в период советской истории. С этого времени сибирские историки концентрировали внимание на отдельных аспектах изучения пространственной политики имперской власти в Сибири, а некими ее научными центрами в этом направлении стали, кроме города Новосибирска, еще Иркутск, Омск, Томск, Кемерово и Красноярск. При этом 2000-е гг. «богаты» на научные работы конкретно-исторической, теоретической и практической тематики. Так, научные работы А. В. Ремнева, М. О. Акишина, Г. Ф. Быкони, Л. М. Дамешека, И. Л. Дамешек, Н. П. Матхановой, М. В. Шиловского, Е. В. Комлевой, Д. Я. Резун, В. П. Зиновьева и др. представляют собой классические труды, содержащие в себе огромную научную ценность, и являются базисом для дальнейших исследований. Поэтому активизация историков 2010-х гг., среди которых Д. Н. Гергилев (автор диссертации), Д. А. Ананьев, Н. И. Красняков, Т. Г. Карчаева, А. Е. Съемщиков и др., обусловлена формированием новых подходов к вопросам управления Сибирью, а также необходимостью более детального рассмотрения различных вопросов государственного участия в административном и общественном управлении регионом.

Заметим, что переход к основательному изучению административного управления и территориального устройства Сибири обусловлен введением в научный оборот новых источников, что позволило приступить к решению поставленных исследовательских вопросов, а также углубить анализ соответствующих проблем.

1.3. Обзор источников по проблеме административно-территориального развития Сибири с 1708 до 1917 г.

При написании диссертационной работы автор использовал опубликованные и неопубликованные источники, среди которых: 1) законодательные акты и проекты; 2) делопроизводственные документы; 3) справочные издания; 4) периодическая печать; 5) материалы личного происхождения и воспоминания.

Значительная часть привлеченных для исследования источников не были опубликованы ранее – это выявленные архивные материалы, зачастую впервые введенные в научный оборот. Среди опубликованных – изданное в трех собраниях «Полное собрание законов Российской империи», памятные книжки по губерниям Сибири, историко-статистические сборники и др.

Законодательные акты и проекты. На основе Полного собрания законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ) было исследовано имперское законодательство, определившее политику государства в отношении к Сибири, а также систему территориального деления, структуру, состав и функции местных органов власти и планы по их преобразованиям²¹⁸.

Исследование нормативно-правовых актов, выходящих за пределы данного исследования, обусловлено необходимостью рассмотрения политики государства в Сибири на предшествовавшем губернскому этапу развития, т. е. до реализации губернской реформы 1708 г.

Так, анализ законодательства, показал, что в понимании правителей до Петра I огромная территория за Уралом представлялась как сырьевая база, необходимая для развития европейской части России. Среди материалов первого собрания ПСЗ РИ присутствуют **фискальные законы** «Об учреждении, где должно крепких застав для преграждения самовольного

---

²¹⁸ Прим.: в первом собрании ПСЗ РИ собрана законодательная база до 1708 г. и с 1708 по 1825 г., во втором собрании – до 1881 г., в третьем собрании – до 1913 г. Полный список используемых законодательных актов, перечисленных в хронологическом порядке, смотреть в разделе диссертации «Список источников и литературы».

перехода Русских людей в Сибирь» (1683 г., № 1030), «О непропуске всяких чинов, людей из Сибирских городов в Москву сторонними дорогами, мимо Верхотурья, и о взятии с провозимых ими товаров пошлин» (1695 г., № 1518), «О сделании вновь казенной печати Сибирского Царства, о прикладывании оной к грамотам и подорожным, о непропуске никого с грамотами без печатей и о конфискации провозимых товаров и вещей, у которых сей печати не будет» (1696 г., № 1559), «О покупке соболей и других мехов из казны и о непровозе оных из Сибири в Москву и в другие города без таможенной печати» (1697 г., № 1578), «О непровозе табаку в улусы к инородцам для мены на соболи и на всякую мягкую рухлядь, под смертной казней, и о непропуске откупщиков из Сибири с соболями и с другой мягкой рухлядь, под опасением конфискации оных» (1697 г., № 1590), «О сборе пошлин в Сибирских городах с Русских, Сибирских, Китайских, Бухарских и со всяких товаров» (1693 г., № 1474) и др., свидетельствующие о колониальном статусе Сибири в восприятии верховной и центральной власти и об отсутствии принятия ее территории как части России, равной другим ее частям.

Разумеется, учет исторических особенностей присоединения сибирской территории к общероссийскому пространству оправдывает «особое» отношение правительства к землям, на которых проживали разные нерусские народы, многие из которых все еще считали себя завоеванными «белым» царем. Ориентация высших государственных структур на использование ресурсного потенциала Сибири, закрепленное в законах конца XVII – начала XVIII в., доказывает ее колониальное положение, которое обуславливало ведение административно-территориальной политики в соответствовавшем задачам курсе.

Среди многочисленных законов, ставших источниками данного исторического исследования, необходимо выделить особые группы нормативно-правовых актов, определявших систему территориального

деления и административного управления Сибири в разные исторические этапы, соотнесенные с периодами правления российских самодержцев.

Законы о территориальном делении Сибири. В период от правления Петра I до губернской реформы Екатерины II был принят ряд законопроектов, определивших систему территориального деления в Сибири от наиболее крупной ее единицы – губернии и до наиболее мелких ее частей – ландратов, провинций, областей, уездов и пр.

Законы «Об учреждении Губерний и о расписании к ним городов» (1708 г., № 2218), «О разделении Сибири на три провинции» (1719 г., № 3378), «О расписании Сибирских городов на три провинции и об определении в оных двух вице-губернаторов» (1724 г., № 4606), «О Сибирских заводах, о приписки города Кунгура к провинции Соли-Камской, об учреждении в Сибири почты, и об определении в приписных к заводам слободам Земских Комиссаров» (1724 г., № 4529), «О разделении управления Сибирской Губернии на две части, с назначением в Иркутске Вице-Губернатора и о сношении его с Тобольским Губернатором промемориями» (1736 г., № 6876), «Об учреждении в Сибирском Царстве другой Губернии, под названием Иркутской» (1764 г., № 12269) и др., разумеется, были ранее известны исследователям, однако их комплексное рассмотрение позволило воссоздать историческую картину происходивших преобразований.

Территориальное деление Сибири в следующий исторический этап (1779–1796) базировалось на царском манифесте о новом областном делении Российской империи. Анализ законодательства этого периода показал, что присутствовало существенное отставание Сибири от общероссийской практики, что было обусловлено значительной отдаленностью территории. Например, в ряд основополагающих законов «екатерининского времени» вошли указы «Об учреждении Колыванской области» (1779 г., № 14868), «О именовании Колыванской областью окружности Колывано-Воскресенских заводов и о назначении в оную Областного Правителя» (1779 г., № 14882), «Об открытии Управления в Колыванской области» (1779 г., № 15044), «Об

открытии Вологодского Наместничества и Областей Архангельской и Колыванской» (1780 г., № 15065), «Об учреждении Тобольского Наместничества из двух областей, Тобольской и Томской, и о разделении оных на уезды» (1783 г., № 15327), «Об устройстве Иркутского наместничества» (1782 г., № 15327), «Об открытии Иркутского и Выборгского Наместничеств» (1784 г., № 15921), «Об открытии Колыванской губернии» (1783 г., № 15857).

Анализ законодательства по территориальному делению и административному управлению Сибирью на последующих этапах исторического развития позволил сделать вывод о преемственности преобразований Павла I императором Александром I, что усугубило ситуацию «недоуправляемости». Законы «О новом разделении Государства на Губернии» (1796 г., № 17634), «О числе городов в Тобольской губернии» (1796 г., № 15327), «Об образе управления сими Губерниями (Тобольской и Иркутской)» (1803 г., № 20771) не противопоставлялись друг другу, а были выражением «попустительской» политики государства к территориальному вопросу в Сибири, проявлением которой были многочисленные злоупотребления со стороны местных властей.

От данного ряда нормативно-правовых актов отличаются законы: «О Высочайше подтвержденном положении об устройстве Областного Правления в Камчатке и предварительного управления в Охотске» (1803 г., № 20889), «О разделении Тобольской Губернии на две части и об учреждении Томской Губернии» (1804 г., № 21183), «О разделении Иркутской Губернии на семь уездов, с присоединением города Охотска, а остающиеся уезды на Комиссарства; о соединении Губернского Правления с Казенной Палатою; об учреждении в городе Якутске Гражданского Правления, под именем Якутского Областного Правления и об упразднении в Нерчинске такового Правления» (1805 г., № 21726), «О преобразовании в Камчатке Воинской и Гражданской части, также об улучшении состояния тамошних жителей и вообще тамошнего края» (1812 г., № 25081) – все они

имели важное значение и определили наличие собственной истории у обозначенных Александром I новых российских территориально-административных единиц.

Следующим этапом был анализ законодательства с 1822 по 1917 г. Разработанное великим реформатором М. М. Сперанским правовое поле Сибири позволило начать новую историю данной территории.

При этом для рассмотрения системы управления Сибирью в обозначенный период недостаточно опираться только на «Учреждение для управления Сибирских губерний» (1822 г., № 29125), так как ему предшествовали и другие законы, рассмотренные в данном исследовании. Например, указ «О разделении Сибирских Губерний на Западное и Восточное Управления» (1822 г. № 22892) и др.

Законодательные акты, появившиеся и после 1822 г., вносили существенные изменения в территориальное деление и административное управление Сибирью: указы «Высочайше утвержденное положение об отдельном управлении Сибирскими Киргизами» (1838 г., № 11122), «Об управлении Забайкальской областью» (1851 г., № 25394), «Высочайше утвержденное положение об управлении Кяхтинским градоначальством» (1851 г., № 25322), «Высочайше утвержденное положение об управлении Амурской области» (1858 г., № 33862), «Временное положение об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях» (1867 г., № 44831), «О преобразовании управления Киргизскими степями Оренбургского и Сибирского ведомств и Уральским и Сибирским казачьими войсками» (1868 г., № 46380) устанавливали правовой статус территорий, включенных или исключенных в то время из рамок Сибири.

Завершили процесс территориального деления Сибири в имперский период ее истории законы «О разделении Восточно-Сибирского округа на два: Иркутский и Приамурский» (1884 г., № 2366), «Об освобождении Генерал-Губернатора Восточной Сибири от обязанностей по главному местному управлению Нерчинским горным округом и о подчинении

Начальника сего округа непосредственно Кабинету Его Императорского Величества» (1884 г., № 2402), «Об образовании Усинского пограничного округа в Енисейской губернии и об упразднении некоторых должностей в Управлениях Восточной Сибири» (1885 г., № 3424), «О крестьянских начальниках в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской» (1898 г., № 15503), «О преобразовании Главного управления Восточной Сибири» (1887 г., № 4517), «О новом распределении военных округов в Сибири, в связи с изменением высшего гражданского управления Иркутским и Приамурским генерал-губернаторствами» (1906 г., № 27565) и др.

Все названные законодательные акты, приведенные в трех собраниях «Полного собрания законов Российской империи», значительно изменили административно-территориальный облик Сибири, а их изучение в данном диссертационном исследовании определяет также еще и научную новизну нашей работы, претендующую на ее оценку историками.

Законы об административном управлении Сибирью. Структура, функции, штатный состав местных государственных органов власти в Сибири сначала на высшем и губернском, затем на уездном, окружном и волостном уровнях управления определялись нормативно-правовыми актами центрального управления, также фиксировавшимися в Полном собрании законов Российской империи.

Во-первых, правовой статус высших должностных лиц в Сибири до 1708 г. определяли персонифицированные указы и инструкции посланным на управление высшим лицам: «Наказные статьи Нерчинским воеводам. Об управлении земскими и военными делами» (1696 г., № 1542); «Наказ Ближнему Боярину Князю Черкасскому, назначенному в Тобольск Воеводою. Об управлении казенными земскими и военными делами» (1697 г., № 1594), «Наказ Верхотурским Воеводам. Об управлении казенными земскими и военными делами» (1697 г., № 1595), «Об определении Римского Корсакова в Ингермаландскую губернию Земским

судьею, и при оном статьи порядке управления сею Губерниєю» (1706 г., № 2135).

Анализ законодательства показал, что именно Петр I был первым императором, повелевшим применять в системе управления не персонифицированные инструкции и указы, а универсальные, что было одним из направлений начавшейся в его время бюрократизации. Примером этому могут служить «Указ губернаторам и воеводам» (1728), «Инструкция губернатору Сибири» (1741), «Наставление губернаторам» (1764) и др.

Во-вторых, в период установления образцов имперского правления, т. е. как до, так и после 1708 г., высшей властью на законодательном уровне подчеркивалось, что Сибирь имела особое положение, при этом ее правители, с одной стороны, были более, чем другие, административно скованы, а с другой – более независимы, что определялось отсутствием ближнего (т. е. территориально близкого) за ними контроля со стороны высших правительствующих структур.

Так, ряд выявленных нормативно-правовых актов доказывает, что государство ограничивало возможные проявления самоуправства высших должностных лиц в Сибири, однако история показывает, что это не способствовало ограничению лихоимства и казнокрадства с их стороны: «О неисполнении в Сибирских городах предписаний приказов без послушных грамот из Сибирского приказа, под опасением штрафа и наказания» (1695 г., № 1516), «О делах, по которым Губернаторы должны рапортовать Правительственному Сенату» (1720 г., № 3508), «Об отсылке по требованиям Президентов Коллегий из Канцелярии Сената, также из Губерний от Губернаторов и прочих управителей всяких ведомостей, без замедления» (1718 г., № 31965), «О позволении Иркутской и Колыванской Губернии Генерал-Губернатору присылать к Ее Императорскому Величеству курьеров с донесениями» (1783 г., № 15734), «Об определении, впредь до указа, к Статским должностям в Сибирских, Новороссийских, Астраханской и

Кавказской Губерниях и в Грузии по усмотрению способностей и представлений Начальства» (1804 г., № 21273) и др.

При этом верховная власть установила пути разрешения всех спорных вопросов по государственному управлению в Сибири, определив механизм выявления и наказания должностных нарушений (см., например, «О неподаче Государю прошений о таких делах, которые принадлежат до рассмотрения на то учрежденных Правительственных мест, и о нечинении жалоб на Сенат, под смертной казней» (1718 г., № 3261), «О рассылке из оной дел фискальских и при них доносителей и колодников по Губерниям в надлежащие судебные места» (1719 г., № 3453), «О учинении смертной казни Иркутскому Вице-Губернатору Жолобову за разные его законопротивные поступки» (1736 г., № 7009)).

В-третьих, в группе законов, определявших систему административного управления в Сибири, были высочайшие и сенатские указы о заселении Сибири, осуществлявшиеся целенаправленно правительством с момента ее вхождения в состав России и вплоть до 1917 г. При этом анализ их в хронологии и очередности позволил выявить характер заселения Сибири в разные исторические этапы и конкретные социально-экономические условия, вызывавшие необходимость заселения ее русским народом, что отвечало задачам колонизации.

Принятые в середине XVIII в. законы свидетельствуют об интересе государства к Сибири как источнику ценных горнорудных месторождений. Из содержания законов, например, «О записывании в Иркутск и Нерчинск в цеховые зашедших туда из других мест чернососных крестьян для населения тех городов, и о непринятии в оных городах помещичьих, дворцовых и монастырских крестьян» (1759 г., № 10974) или «Об отправлении впредь в Сибирь для работ и поселения при Нерчинских заводах колодников обою пола, осуждаемых к ссылке в Рогервик и другие места» (1760 г., № 11123), усматривается стремление власти получить максимальный результат с устанавливавшегося в то время в Сибири горнозаводского дела, затем

переданного в руки императорского Кабинета, следовательно, вышедшего из подведомственности местных структур.

В-четвертых, группа нормативно-правовых актов, определявших штатный состав органов управления, наиболее важна при оценке правительственных мероприятий по организации местной власти в Сибири как на высшем и губернском, так и на более низких уровнях. Заметим, что детально проанализированные штаты местных правительственных учреждений, с завидной частотой менявшиеся на протяжении с 1708 по 1917 г., позволяют конкретизировать данное исследование с опорой на источниковедческий материал.

Из содержания штатных расписаний, которые были использованы в данном исследовании, можно узнать о требованиях к лицам, назначаемым на те или иные должности (класс чина, необходимое звание), о нормах оплаты их труда и сводных государственных расходах на содержание названных учреждений.

При этом если в XVIII в. штатные расписания были узкоориентированными, например «Об определении в Иркутскую Рентерию дворян с переменою погодно и о даче чиновникам сей Рентерии одного денежного жалованья по указу 1715 г.» (1754 г., № 10300), или широкими и комплексными, скажем, «Штаты» (1763 г., № 11991), то с течением времени детализация приведенных штатных сведений в законодательных актах увеличивается, например, «Штат Городского Правления или Ратгауза в Губернском Городе; с присовокуплением к оному всех предыдущих штатов с 1796 по 1801 г. по управлению Губерниями» (1800 г., № 19763) или «О чиновниках, назначаемых к замещению вакансий в новооткрываемой Томской Губернии» (1803 г., № 21042), а местные государственные органы власти дифференцируются по ведомству и назначению в XIX в. – «О расписаниях чиновников и окладов по присутственным местам в Сибирских губерниях и Кавказской области ведомства Министерств: Финансов, Внутренних дел и Юстиции» (1837 г., № 10812).

Следовательно, штатные расписания сибирских правительственных структур после 1822 г. исследованы нами по соответствовавшим министерствам, что позволило объективно усмотреть все качественные и количественные изменения в их функционале и структурном строении:

– по Министерству внутренних дел: «О преобразовании полиции Сибири» (1867 г., № 44681), «О новых штатах учреждений ведомства Министерства Внутренних дел в Восточной Сибири» (1874 г., № 54030), «О преобразовании губернских установлений ведомства Министерства Внутренних дел в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской и об учреждении штата означенных установлений» (1895 г., № 11757) и др.;

– по Министерству финансов: «Об учреждении губернских казначейств и расходных отделений и преобразовании уездных казначейств» (1865 г., № 42728), «Об открытии с 1 января 1866 г. местных контрольных учреждений в губерниях, в которых вводится единство кассы» (1865 г., № 42755) и др.;

– по Министерству юстиции: «Временные правила о применении судебных уставов к губерниям и областям Сибири» (1896 г., № 13582) и др.

Делопроизводственные документы. Делопроизводственная документация XVIII – начала XX в., отложившаяся в центральных и региональных архивах Российской Федерации и Республики Казахстан, содержит важные и разнообразные по характеру сведения о проектировании и осуществлении государственной политики по административно-территориальному устройству Сибири.

Разнообразные сведения об организации административно-территориального устройства и системы управления, об особенностях работы канцелярий, движении чиновничества по карьерной лестнице содержатся в фондах Российского государственного архива древних актов. Наиболее информативными по вопросам организации административно-территориального управления в Сибири являются дела фонда Сибирского приказа и управления Сибирью и фонда Сената и его учреждений, которые

раскрыли содержание деятельности центральных и местных органов власти (Правительствующего Сената, Коммерц-коллегии, Сибирского приказа, Сибирской губернской канцелярии и др.) в отношении конкретных проблем государственного и общественного управления, торговли, налогообложения, дипломатического сотрудничества с Китаем, а также по деятельности конкретных должностных лиц.

Колониальный характер отношений Центра и Сибири нашел подтверждение в отчетах из Сибирской губернии по сборам налогов и развитию промыслов²¹⁹. Представляют интерес систематические донесения в Сенат о находке золота и серебра в Сибири, а также проводимой в 1710–1750-е гг. «конвертации» сибирских товаров на китайское золото и серебро, переплавляемых денежным двором для выплат по военному, артиллерийскому и гражданскому ведомству, в частности, для содержания Артиллерийского приказа Адмиралтейского приказа, Мундирной канцелярии, Оружейной канцелярии, полков, а также Посольского приказа, Аптекарского приказа и на строительство жилых домов в Петербурге, судов и гаваней в Кронштадте и на Котлинском острове²²⁰.

В фонде, в который вошли дела Кабинета Петра I, в исторических сведениях описательного характера раскрыты причины губернской реформы 1709–1711 гг. Интерес представляют сведения о злоупотреблениях губернатора М. П. Гагарина, а также жалобы, прошения и донесения к Петру I разных лиц, показания проводившихся следствий и перечисления изъятых у подследственных материальных ценностей²²¹.

Вариативность отношений между сибирской администрацией, крестьянами и «братскими» ясачными народами показана в

---

²¹⁹ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 25 «Ведомости о состоянии Сибирской губернии. 1722–1724 гг.». Л. 1–19; Д. 38 «Доклады Тайного Советника Федора Соимонова о Сибирском приказе. 1763 года». Л. 1–13; Оп. 4. Д. 161 «О Сибирских казенных заводах, за 1727–1734 гг.». Л. 27.

²²⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Д. 154 «Канцелярия Сената по Сибирской губернии за 1711–1719 гг.». Л. 417–418, 503; Д. 188 «Канцелярия Сената. Дела экспедиции по Сибирскому приказу (1745–1751 гг.)». Л. 1–547.

²²¹ РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1 «Письма, прошения и донесения к Петру Великому от разных лиц, с 1690-х годов по 1725 год. На литеры А – К, прошения кн. М. и А. Гагариных». Л. 1–231; Оп. 4. Ч. 1. Д. 52 «Дело прошений князя Матвея Гагарина, годов назначит о отпущении вины его». Л. 1–820; Ф. 199. Оп. 2. Д. 497. Ч. 2. Д. 1 «Следственное дело о бывшем Тобольском губернаторе Князе Матвее Гагарине, и людях его, и откупщике Звереве, во взятках и других делах 1719–1721 г.». Л. 1–444.

делопроизводственной документации, описывавшей присутствие взаимных случаев притеснения сторон²²², а также проведения политики централизованной христианизации в 1740–1760-е гг. «иноземцев», как происходило в Казанской, Астраханской, Нижегородской и Воронежской губерниях²²³.

Кроме того, донесения Сибирской губернской канцелярии о развитии хлебопашества²²⁴, необходимости внутреннесибирских преобразований по духовному ведомству²²⁵, а также об исключении из подушного оклада служилых казаков в городах и форпостах²²⁶ подтвердили переход от военной формы колонизации Сибири к крестьянской в 1730–1740-х гг.

Рассмотрение случаев служебных злоупотреблений²²⁷ позволило засвидетельствовать присутствие проблемы «недоуправляемости» Сибири, на решение которой и были нацелены все реформы административно-территориального деления окраин.

Архивные дела свидетельствуют о понимании правительственными структурами вариативности административно-территориального реформирования. С одной стороны, правительство стремилось достичь стратегической цели, т. е. эффективного экономического (фискального и

---

²²² РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 48 «Показание, поданное Сибирским Губернатором Денисом Чичериным и отобранное от чукотской женщины Иттени о чукотской земле и островах». Л. 1–3; Д. 7 «Жалоба Дадья (Сабдея) Жадовского, принесенная в Якутскую канцелярию на притеснения и неправильные над ним действия Григория Скорнякова-Писарева. 1734 год». Л. 1–6; Д. 51 «Донесения губернатора Адама Бриля об Иркутской губернии. 1769–1776 годов». Л. 2; Ф. 248. Оп. 4. Д. 187 «Канцелярия Сената. 1746–1752 гг. Дела по Сибирской губернии». Л. 57–90; Оп. 5. Д. 227 «Сибирская губернская канцелярия. Дело о наказании кнутом крестьян Берского острога Прокофия Соколова и Филиппа Похорукова с товарищами за поездку без разрешения к калмыкам, сопротивление выборным властям, неуважение к правительственным распоряжениям, оскорблении управителя г. Кузнецка Бориса Серединина, избииении приказчика Берского острога Максюкова и сотника Буткеева и др. Ч. 1». Л. 1–580.

²²³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Д. 185 «Канцелярия Сената. 1744–1762 гг. Дела по конторе Новокрещенских дел». Л. 1–402.

²²⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Д. 566 «О развитии хлебопашества в Сибирском крае». Л. 12–18.

²²⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. 1730–1739 гг. Д. 3 «Доклад о приписке к Иркутской Епархии от Тобольской двух городов Илимска и Якутска». Л. 4.

²²⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Д. 187 «Канцелярия Сената. 1746–1752 гг. Дела по Сибирской губернии». Л. 329–342.

²²⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Д. 244 «Дела по следственной комиссии о сибирских делах под ведением генерал-адъютанта Артемия Волынского по Коммерц-коллегии за 1731–1737 гг.». Л. 1–431; Д. 248 «1739–1741 гг. Следственное дело о злоупотреблении иркутского вице-губернатора Алексея Бибикова, якутского воеводы Алексея Заборовского и др.: казнокрадстве, взяточничестве, притеснениях ясачного населения; злоупотреблениях при продаже казенного вина; о подготовке восстания среди бурят и тунгус (эвенков)». Л. 1–216.

ресурсного) использования Сибирского региона; с другой – , правительство проводило научные изыскания в поиске наилучшей формы организации местной власти²²⁸.

Несомненную важность для проведения исследования представляет богатый материал, хранящийся в фондах Комитета министров, Государственного совета, I и II Сибирских комитетов, министерств, управлений в Российском государственном историческом архиве. Сведения о реформаторской политике Александра I в отношении Сибири и порядок введения в действие «Учреждения для управления Сибирских губерний» и сопровождавших его уставов и положений содержатся в отчетах сибирского генерал-губернатора И. Б. Пестеля²²⁹. Дела о расследовании злоупотреблений в Иркутской губернии²³⁰, о ходе управленческой реформы в Сибири²³¹ подтвердили объективную необходимость проведенных М. М. Сперанским реформ. Длительный срок осуществления этих реформ обосновывался трудностями утверждения штатов нововведенных местных установлений – Главных управлений по Восточной и Западной Сибири и Енисейской губернии, а также невозможностью использования общероссийских принципов кадровой политики²³².

Важные сведения, впервые вводимые в научный оборот, содержатся в картах Западной Сибири и Оренбургской губернии²³³, а также в их описаниях²³⁴. Эти сведения позволяют лучше понять административно-

---

²²⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Д. 180 «О Камчатской экспедиции с 1736 по 1747 г.». Л. 46; Д. 314 «Канцелярия Сената. Следственная комиссия по делам тайного советника В. Н. Татищева и др. (Следственное дело об уфимском воеводе статском советнике Степ. Вас. Шемякине. 1737–1742 гг.)». Л. 52, 440–440 об.

²²⁹ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 1 «Отчет сибирского ген-губ. И. Б. Пестеля с опровержением доноса – председателя Иркутской уголовной палаты С. А. Горновского о злоупотреблениях по управлению Иркутской губернией, 1818–1819 гг.». Л. 1–21.

²³⁰ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 58 «Дело по доносу б. председателя Иркутской уголовной палаты С. А. Горновского о злоупотреблениях в Иркутской губ., с приложением записок и указов XVIII в. о киргизах, развитии хлебопашества в Сибири и содержании колодников. перечень поселений, 1818 г.». Л. 1–22.

²³¹ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 19 «Дело об утверждении уставов и «Положений» по управлению Сибирью (19 мая 1822 – 22 июля 1822 г.)». Л. 8–13, 29–31.

²³² РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 157 «Дело о разрешении поступления на службу в Главное управление Восточной Сибири лицам податного сословия». Л. 1–8.

²³³ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. 1752–1838 гг. Д. 350 «Пограничная карта Западной Сибири с Оренбургской губ. за 1838 г.». Л. 3–8 об.

²³⁴ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 73 «Описание историко-географических карт Сибири с 1588 по 1843 гг.». Л. 47–52.

территориальное устройство Зауралья до и после введения «Учреждения для управления Сибирских губерний». При этом важными являются свидетельства современников о проводимой реформе – сама реформа от 22 июня 1822 г. была примером возврата к прошлому («как сие было до 1797 г.»), учета природных факторов при определении административных границ («...естественную черту сего главного разделения составляет хребет, идущий между Обью и Енисеем»), необходимости введения общегосударственного управления на сибирских территориях, уже отдаленных от внешних границ в связи с расширением на Восток, а также попыток достижения военно-стратегических и торгово-экономических задач в Казахской Степи и пограничных территориях Восточной Сибири.

В делах, посвященных Второму Сибирскому комитету, содержатся разнородные исторические сведения о функционировании комитета в 1852–1866 гг., включенного в состав центральной власти как дополнительное звено между министерствами и Главными управлениями Восточной и Западной Сибири²³⁵.

Интерес для исследователя представляет сборник отчетов о состоянии дел, связанных с управлением и устройством Сибири²³⁶. Помимо отчетов, в сборнике содержатся описания дел, доставленных на разбирательство в комитет, связанных с вопросами местного управления. Важность проводимых в комитете разбирательств подтверждена тем, что данные отчеты (с приложениями) были составлены министрами финансов, путей сообщения, государственных имуществ, внутренних дел, юстиции, а также другими высокопоставленными лицами, например, обер-прокурором Синода, председательствовавшим в Совете по управлению Восточной Сибири, генерал-губернатором Восточной Сибири и др.

---

²³⁵ РГИА. Ф. 1265. Оп. 2. Д. 2 «Дело об учреждении Второго Сибирского комитета и об открытии его действия (1852–1857 гг.)». Л. 1–5, 25–25 об., 30–34 об.

²³⁶ РГИА. Ф. 1265. Оп. 12. Д. 3 «О положении производящихся в Министерствах и Главных Управлениях дел по устройству Сибири. Здесь же доставленные Генерал-Губернаторами ведомости о делах, числящихся неоконченными и Главными Управлениями». Л. 11, 16, 26.

В свою очередь, поднятые из данного фонда генерал-губернаторские и губернаторские годовые отчеты о губерниях и областях Сибири позволили проанализировать кадровую политику и условия реализации государственного управления на всех уровнях местной власти в зависимости от социально-экономических и географических условий столь разных территорий. Например, в отчете по управлению Западной Сибирью за 1859 г.²³⁷, представлена подробная ведомость об административно-территориальном делении Западно-Сибирского генерал-губернаторства с географической и социально-экономической характеристикой Тобольской, Томской губерний, Семипалатинской и Сибирских киргизов областей до волостного уровня власти включительно.

В отчетах военного губернатора Забайкальской области об управлении этой областью за 1851 г. содержатся разнородные по характеру сведения об обустройстве на основе новых принципов областного управления, а также изменившегося в связи с этим порядка сношений различных органов власти как областной, так и окружной администрации²³⁸. В отчетах Кяхтинского градоначальника за 1851 г.²³⁹ содержатся сведения о внешних отношениях и торговле с Китаем, взаимоотношениях между русскими и китайцами, от которых зависело выстраивание гражданского управления, включая городское и таможенное, и планирование административно-территориального деления всего Забайкалья, отразившееся в правительственных проектах.

Основные положения проекта реформирования управления Сибирью, составленного в высших кругах центральной власти в середине XIX в., отражены в записках генерал-адъютанта Н. Н. Анненкова, ревизовавшего Западную Сибирь²⁴⁰. Эти материалы позволили проанализировать

---

²³⁷ РГИА. Ф. 1265. Оп. 13. Д. 9 «Отчет по управлению Западной Сибири за 1859 год». Л. 1–31 об.

²³⁸ РГИА. Ф. 1265. Оп. 2. Д. 14 «Дело Второго Сибирского комитета. Отчет военного губернатора Забайкальской области об управлении этой областью за 1851 год». Л. 3–8 об.

²³⁹ РГИА. Ф. 1265. Оп. 2. Д. 22 «Дело Второго Сибирского комитета. Копия отчета Кяхтинского градоначальника об управлении этим градоначальством в 1851 году». Л. 5–14.

²⁴⁰ РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1 «Дело Второго Сибирского комитета по всеподданнейшим докладным запискам ревизовавшего Западную Сибирь генерал-адъютанта Анненкова: о некоторых изменениях в

предложения верховной власти, составленные на основании отчета Н. Н. Анненкова об особенностях и недостатках в управлении Западной Сибирью сенатора, ставшего впоследствии генерал-губернатором Юго-Западного края, «по благоустройству управления во всей Сибири» с приведением соображения по этому поводу министров государственных имуществ и юстиции, а также управляющего II Отделением Е. И. В. канцелярии статс-секретаря Д. Н. Блудова. Архивные материалы свидетельствуют, что указанные выше чиновники связывали недостатки управления с отсутствием или малым количеством дворян-чиновников, что, в свою очередь, объяснялось недостатком плодородных земель и необъятными пространствами Сибири.

При этом важными для исследования представляются отчеты по устройству государственного управления с расписанием доходов и расходов по отдельным территориям Восточной и Западной Сибири, подтверждающие проведение рациональной политики государства по экономии средств на государственное управление²⁴¹, а также сохранившаяся в фонде статистическая информация о городском управлении, формировании отдельных округов в Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерниях, Забайкальской области, выстраивании государственной власти на Камчатке, в том числе и об оседлых и кочевых народах Сибири²⁴².

Проанализировать деятельность И.И. Крафта на посту губернатора Якутской области позволил «Краткий перечень наиболее важных мероприятий и дел, исполненных за время управления Якутской областью губернатора, действительного статского советника И. И. Крафта с 27 марта

порядке нынешнего управления Сибирью и о пользе введения в Сибири тех же сословий, какие присутствуют в других частях Империи (9.04.1852 – 27.08.1860 гг.)). Л. 1–320.

²⁴¹ РГИА. Ф.1265. Оп. 2 Д. 30 «Дело Второго Сибирского комитета. Копия расписаний доходов и расходов по Восточной и Западной Сибири на 1853 год». Л. 27, 28, 77, 90 об. – 91 об., 136, 157, 208–208 об, 258–259.

²⁴² РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 4 «Дело Второго Сибирского комитета о прикомандировании к канцелярии комитетов Кавказского и Сибирского из Департамента Военных Поселений 4-х писарей для переписки по Сибирскому комитету (1852–1853 гг.)». Л. 1–8; Оп. 2. Д. 54 «Дело Второго Сибирского комитета о дозволении избирать в г. Красноярск на общественные должности купеческих детей и братьев (1853 г.)». Л. 1–23; Д. 62 «Дело Второго Сибирского комитета о переводе в г. Троицкосавск конкурсных управлений из Кяхтинской слободы». Л. 2–8; Д. 63 «Дело Второго Сибирского комитета на счет избрания в начальнические должности между инородцами Восточной Сибири». Л. 2–15, 40–40 об.

1907 года по 18 июня 1910 год»²⁴³. И. И. Крафтом были инициированы такие изменения в политической системе Якутской области, как: «Об учреждении должности мирового судьи для Верхоянского и Колымского округов» (состояние – на рассмотрении в юрисконсультской части); «О выделении Якутской области в самостоятельную учебно-административную единицу» (в Департаменте общих дел); «Об ассигновании кредита на постройку здания Якутского окружного суда» (в Первом департаменте); «Об освобождении сельского населения от платежа ружного сбора в пользу духовенства, взимающего с населения плату за требы» (в Святейшем Правительствующем Сенате); «Об освобождении города Якутска от участия в расходах по содержанию городской полиции» (в Главном управлении по делам местного хозяйства); «Об учреждении приходно-расходных касс в окружных городах области» (в Департаменте государственного казначейства); «Об ассигновании кредита на пособия переселенцам, имеющим заселить вновь учреждаемый Якутск-Неверский почтовый тракт» (в Переселенческом управлении); «Об увеличении окладов содержания служащих Якутской области чиновникам и об отмене особых преимуществ службы» (в Департаменте общих дел); «Об усилении штата Якутской почтово-телеграфной конторы» (в Главном управлении почт и телеграфов); «Об усилении таможенного надзора на границе с Иркутской губернией» (в Департаменте таможенных дел) и др.

Заметим, что личное участие И. И. Крафта в преобразованиях государственного управления Восточной Сибирью и Степными областями Центральной Азии в конце XIX – начале XX в. недостаточно отражено в современной историографии, подлежит дальнейшему изучению исследователями.

Преемники М. М. Сперанского на посту генерал-губернатора Сибири не оставляли попыток реформировать систему управления в Сибири. В фондах Государственного архива Российской Федерации хранится записка

---

²⁴³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. 1907–1917 гг. Д. 151. Л. 39–40, 90–93 об.

генерал-губернатора Восточной Сибири А. С. Лавинского²⁴⁴, указывавшего на отсутствие необходимого контроля над политическими ссыльными, дублирование полномочий и неразбериху в управлении отдаленными восточными территориями, например Охотско-Камчатским краем. С. Б. Броневский, ставший генерал-губернатором после А.С. Лавинского, предлагал реформировать административное устройство региона²⁴⁵. Стоит отметить, что стремление к административному переустройству Сибири сохранялось и в последующем. В Российском государственном военно-историческом архиве подняты материалы из фонда «Азиатская часть»²⁴⁶ по тематике выстраивания структуры государственного управления в степных областях Сибири, которые в середине XIX в. вышли из территориальных границ диссертационного исследования.

Несомненно важное значение для характеристики правительственной политики в Семипалатинской области имеют документы, хранящиеся в фондах Центрального государственного архива Республики Казахстан. Делопроизводственная переписка в форме докладных записок и журналов учета документации об административно-территориальном устройстве Степных областей Центральной Азии позволила почерпнуть сведения об образовании внешних округов Семипалатинской области за 1844–1860-е гг.²⁴⁷, о заселении новообразованных в ней городов²⁴⁸ и организации городского управления²⁴⁹, особенностях положения казачьих войск «при

---

²⁴⁴ ГАРФ. Ф. 109. I эксп. 1837 г. Д. 218 «Записка генерал-губернатора Восточной Сибири А. С. Лавинского». Л. 1–18.

²⁴⁵ ГАРФ. Ф. 109. I эксп. 1837 г. Оп. 12. Д. 174 «О предположениях генерал лейтенанта Броневского о разделении Восточной Сибири; о секте архимандрита Израиля в Иркутской губернии и о составленном по сим предметам по высочайшему повелению комитете». Л. 1–19.

²⁴⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 63 «Записка генерал-губернатора Восточной Сибири» Л. 154–154 об.; Д. 4786. Л. 4–4 об.; Оп. 258/908. 1873 г. Д. 8. Л. 24–27, 50–55; Ф. 365. Оп. 9. Д. 34510. Л. 4, 59.

²⁴⁷ ЦГА РК. Ф. И-15. Оп. 1. Д. 1 «Дело об учреждении Кокпектинского внешнего округа и взаимоотношениях между окружным приказом и станичными правлениями». Л. 1–55; Д. 4 «Дело об устройстве и заселении новых городов Кокпекты, Аягуза и Копала». Л. 1–48.

²⁴⁸ ЦГА РК. Ф. И-15. Оп. 1. Д. 65 «Дело об устройстве в г. Копале и Кокпекты Семипалатинской области хозяйственных управлений». Л. 1–10;

²⁴⁹ ЦГА РК. Ф. И-15. Оп. 1. Д. 60 «Дело об открытии городского хозяйственного управления в г. Павлодаре». Л. 1–17; Д. 69 «Дело об упразднении Семипалатинского городского суда». Л. 1–7; Ф. И-3. Оп. 1. Д. 487 «Дело о строительстве дорог и пикетов между Верным и Александровским укреплениями». Л. 1–33.

киргизах Большой Орды»²⁵⁰ и принципах функционирования инородческого управления в Российской империи 1820–1830-е гг.²⁵¹

Согласно тематике диссертационного исследования и задаваемого сегодня официального направления по формированию исторического обоснования единой «Енисейской Сибири» материалы Государственного архива Красноярского края позволили раскрыть вопросы административно-территориального управления Сибирью с конца XVIII по начало XX в. в хронологии, динамике и с выделением регионального компонента понимания проблемы.

Среди делопроизводственных исторических источников следует выделить группу документов, иллюстрирующих решение конкретно-исторических вопросов местного управления с 1797 по 1822 г. Это документы, отражающие деятельность Енисейской нижней расправы²⁵², Енисейского уездного стряпчего²⁵³, Енисейского уездного суда²⁵⁴, Туруханского уездного суда²⁵⁵, Енисейского нижнего земского суда²⁵⁶.

Несомненную ценность для понимания особенностей реализации государственного управления и территориального деления в наиболее отдаленных частях Сибири в таких самобытных для нее административно-территориальных формах, как «комиссарство», «отделение», «область /

---

²⁵⁰ ЦГА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 6. Приказы по Семиреченскому казачьему войску. Л. 1–124; Д. 9. Приказы по сибирскому линейному казачьему войску. Л. 1–40.

²⁵¹ ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 200 «Рапорты. Донесения управляющих родами Малого Жуза и предписаниях Оренбургского военного губернатора о пленных рабах, о самовольном переходе через линии, о нападениях казахов на крепости и другим вопросам». Л. 2–330; Д. 261а. «Журнал полковника А. З. Горихвостова – пристава при хане Малого Жуза Ширгази Айчувакове, 1822–1823 г.». Л. 1–43.

²⁵² ГАКК. Ф. 907. Оп. 1. Д. 1 «Дело о высылке из Тобольской верхней расправы обнаруженных при разборе дел упраздненной Енисейской провинциальной канцелярии документов по делу об оскорблении присыльным К. Бурманом капитана И. Новоселова», 1746–1788-е гг. Л. 1–5, 96.

²⁵³ ГАКК. Ф. 908. Оп. 1. Д. 1 «Указы Тобольского наместнического правления. Сообщения Енисейского городского магистрата, Енисейского нижнего земского суда, Енисейского городничего», 1782–1785 гг. Л. 1–3.

²⁵⁴ ГАКК. Ф. 909. Оп. 1. Д. 1 «Ведомость о числе жителей по сословиям Енисейского уезда», 1781 г. Л. 1–47; Д. 10 «Дело о принуждении жителей г. Енисейска, совершающих акты купли-продажи недвижимости в городе, к заключению купчих через Енисейскую нижнюю расправу и уплате пошлин». Л. 1–4; Д. 13 «Документы о совершении крепостных актов на недвижимое имущество жителями г. Енисейска». Л. 1–5.

²⁵⁵ ГАКК. Ф. 910. Оп. 1. Д. 2 «Ревизские сказки государственных и экономических крестьян, проживающих в г. Мангазее, 1782 г.». Л. 1–22.

²⁵⁶ ГАКК. Ф. 913. Оп. 1. Д. 1 «Ведомость о числе ясачных мужского и женского пола по Енисейскому острогу», 1781 г. Л. 1–5.

округ» в составе уезда и «отдельное управление», представляет фонд Туруханского областного правления²⁵⁷.

Многочисленные документальные свидетельства проектирования и реализации административно-территориального управления Восточной Сибирью в 1822–1917 гг. содержатся в фондах, сформированных делами Енисейского губернского суда, Енисейской казенной палаты, Красноярской городской управы, Балахтинского волостного правления Балахтинской волости, Красноярского уезда, Енисейской губернии, Енисейского губернского по крестьянским делам присутствия, Енисейского губернского управления, Енисейского губернского по крестьянским делам присутствия Енисейского губернского управления. Сведения этих фондов дают богатый фактологический материал о губернском уровне власти²⁵⁸, окружном²⁵⁹, местном городском или волостном²⁶⁰ и инородческом²⁶¹. Фонды содержат формулярные списки с подробными послужными сведениями о конкретных вышестоящих чиновниках или служащих среднего и низшего звена управления. Эти сведения позволили проследить правительственную

---

²⁵⁷ ГАКК. Ф. 117 Оп. 1. Д. 43 «Указы Енисейского губернского правления об упразднении Туруханского округа и о присоединении г. Туруханска к Енисейскому округу, 1823 г.». Л. 2; Д. 991 «Книга записи условий и контрактов Туруханского отдельного управления», 1873 г. Л. 1–4.

²⁵⁸ ГАКК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 86 «Дело о найме квартиры для помещения Енисейского губернского суда». Л. 4; Д. 110 «Алфавит чиновников судебного ведомства». Л. 18; Ф. 344. Оп. 1. Д. 26 «Приказ комиссара с объявлением о назначении сибирским генерал-губернатором Михаила Михайловича Сперанского». Л. 3–10; Ф. 595. Оп. 39. Д. 465 «Переписка енисейского губернатора с земским отделом, управлением государственными имуществами, иркутским военным генерал-губернатором по вопросам землеустройства в губернии», 1908 г. Л. 3–12.

²⁵⁹ ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 80 «Формулярный список о службе чиновников Ачинского окружного казначейства». Л. 1–12; Ф. 595. Оп. 1. Д. 2093 «Дело об организации особого Пограничного управления в Усинском крае». Л. 6; Оп. 1. Д. 2093 «Дело об организации особого Пограничного управления в Усинском крае». Л. 6; Оп. 48. Д. 894 «Дело об учреждении полиции на участке Ачинско-Минусинской железной дороге». Л. 11–12.

²⁶⁰ ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 170 «Материалы о ревизии Шушенского волостного правления». Л. 2–8; Д. 821 «Переписка с Главным управлением Восточной Сибири о применении к ссыльно-поселенцам губернии манифеста от 15.05.1883 г. Списки округов и волостей, в которых образованы новые деревни за 1860–1875 гг.». Л. 14, 40–45; Ф. 161. Оп. 2. Д. 1162 «Дело о работе маклера и нотариуса Парфентьева». Л. 1–2, 31–31 об.; Ф. 595 Оп. 4. Д. 80 «Дело о рассмотрении правительствующим сенатом и Енисейским губернским управлением жалобы Енисейского мещанина Е. Иванова на купца А. Тонконогова». Л. 2–6; Оп. 19. Д. 3685 «О выдаче Шушенскому обществу Минусинского округа из капитала общественной запашки 300 рублей на постройку мостов». Л. 1.

²⁶¹ ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 88 «Дело о представлении обзорных сведений об инородцах в Главное управление Восточной Сибири для составления проекта свода степных законов и обычаев инородцев Восточной Сибири». Л. 3 об.; Оп. 30. Д. 1204 «Дело об изменении действующих узаконений об инородцах, пересмотре Положения о Сибирских инородцах Ведомости об инородцах, проживающих по уездам губернии и кочующих». Л. 79.

политику в кадровом вопросе формирования местных правительственных учреждений в конкретно-исторические периоды²⁶².

Выстраивание системы управления инородцами как до 1822 г., так и после учреждения степных дум, управ по инициативе правительства родового деления сибирских инородцев проиллюстрировано в фондах Енисейского губернского статистического комитета²⁶³ и Качинской степной думы²⁶⁴.

Правительственную политику в отношении инородцев иллюстрируют материалы фондов Национального архива Республики Хакасии. Для исследователя представляют интерес сведения о работе степной думы разнородных племен Минусинского окружного управления²⁶⁵, Абаканской²⁶⁶ и Аскизской²⁶⁷ инородных управ Минусинского окружного управления. Эти сведения позволяют дополнить конкретными фактами вопрос организации власти среди кочевых и бродячих инородцев южных территорий

---

²⁶² ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 66 «Формулярные списки на букву “К” за 1874–1916 гг.». Л. 1–20; Д. 70 «Формулярные списки на букву “С” за 1875–1917 гг.». Л. 1–94; Д. 75 «Формулярные списки на букву “Д” за 1875–1913 гг.». Л. 1–120.

²⁶³ ГАКК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 208 «Алфавитный список инородческих племен и народностей, проживающих в губернии, 1899 г.». Л. 6–59.

²⁶⁴ ГАКК. Ф. 303. Оп. 1. Д. 1 «Предписания Енисейской Казенной палаты, Минусинского общего окружного присутствия, Минусинских окружного, земского, словесного судов Качинской степной думе. Договор (копия) между Минусинским городским мещанским обществом и ясачными Качинской степной думы о передаче части земель по р. Енисей во владение ясачных (1832). Список крестьян Ужурской волости с указанием количества скошенного сена». Л. 112 об., 113, 192 об.; Д. 3 «Дело по рассмотрению прошений крестьян, поселенцев, инородцев о возврате лошадей, излишних сборов, об уплате денег за сено». Л. 5; Д. 4 «Предписания Минусинских общего окружного управления, Минусинских земского, словесного судов о явке крестьян, поселенцев в присутственные места», за 1838 г. Л. 9; Д. 4 «Предписания Минусинских общего окружного управления, Минусинских земского, словесного судов о явке крестьян, поселенцев в присутственные места», за 1838 г. Л. 4; Д. 5 «Предписания Минусинского общего окружного управления, рапорты князцов Шилошина улуса о назначении и увольнении со службы». Л. 3–8; Д. 1 «Предписания Енисейской Казенной палаты, Минусинского общего окружного присутствия, Минусинских окружного, земского, словесного судов Качинской степной думе. Договор (копия) между Минусинским городским мещанским обществом и ясачными Качинской степной думы о передаче части земель по р. Енисей во владение ясачных (1832). Список крестьян Ужурской волости с указанием количества скошенного сена». Л. 41.

²⁶⁵ НА РХ. И-2. Оп. 1. Д. 519 «Сведения о переселении жителей думы в крестьяне и оседлое состояние, за 1853 г.». Л. 1–9; Д. 527 «Переписка с Минусинской полицейской управой о взыскании штрафов за незаконное винокурение. 6 марта 1853 – 6 ноября 1853 г.». Л. 1–9; Д. 703 «Статистические сведения о посеве и урожае хлебов, о сборе сена по ведомству думы». Л. 11; Д. 1012 «Книга записи учета наказаний инородцев за проступки и преступления». Л. 15; Д. 1397 «Статистические сведения о состоянии думы». Л. 15, 28; Д. 1408 «Книга записи жителей думы, отданных под надзор, 1888–1890-е гг.». Л. 1–10.

²⁶⁶ НА РХ. И-5. Оп. 1. Д. 7 «Предписания Минусинского окружного казначейства об избрании мальчика из коренного населения для обучени на должность письмоводителя управы, 1856 г.». Л. 1 об. – 2; Д. 15 «Сведения о числе родов или племен и о числившихся в них жителях, 1861 г.». Л. 1–22; Д. 37 «Статистические сведения о географическом положении Абаканской инородной управы». Л. 7.

²⁶⁷ НА РХ. И-6. Оп. 1. Д. 1 «Книга записи сделок, договоров и обязательства жителей думы». Л. 1–57; Д. 7 «Книга записи общественных приговоров». Л. 1.

«Енисейской Сибири». Принципы действия вертикали власти среди оседлого крестьянского населения (от губернской администрации до сельского старосты) восстановлены через анализ делопроизводственной документации 1890–1917 гг. Бейского волостного правления²⁶⁸ и Кальского сельского управления²⁶⁹.

Сведения о волостном, городском и сельском управлении южных территорий Енисейской Сибири конца XVIII – середине XIX вв. содержатся в архиве города Минусинска. Богатые статистические сведения Минусинского²⁷⁰ и Шушенского²⁷¹ волостных правлений позволяют восстановить картину возникновения отдельных населенных пунктов, время и условия их образования. При этом были выявлены сходства и различия волостного и сельского управления Сибирью в сравнении с внутренними губерниями Российской империи.

Изучение проблем региональной политики Российской империи на востоке связано с именем Н. Н. Муравьева. В фонде Главного Управления Восточной Сибири Государственного архива Иркутской области хранится большой комплекс документов, относящихся к периоду генерал-губернаторства Н. Н. Муравьева. Стоит отметить, что при Н. Н. Муравьеве архив Главного управления Восточной Сибири начал комплектоваться целенаправленно. Для исследователя представляют интерес исторические источники, связанные с преобразовательными проектами Н. Н. Муравьева, крестьянской, переселенческой (колониальной), народнической политикой, всеподданейшие доклады и донесения генерал-губернатора. В архивных документах сохранились оценки современников по проектам

---

²⁶⁸ НА РХ. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 1 «Сведения о поселенцах, получавших пособие на питание». Л. 1–6; Д. 3 «Книга для записывания договоров и сделок Бейского волостного правления», Л. 1; Д. 12 «Переписка со старостами о выборе сотских и десятских волости». Л. 1–24.

²⁶⁹ НА РХ. И-14. Оп. 1. Д. 1 «Книга записи решений сходов общества». Л. 1–60; Д. 5 «Копии циркуляров Енисейского губернатора, 1900–1916 гг.». Л. 1–45.

²⁷⁰ АГМ. Ф. 34. Оп. 1. Д. 2 «Статистические сведения о количестве населения по селам волости, о количестве браков, о родившихся, умерших. Списки жителей по селам волости». Л. 1–2; Д. 170 «Статистические сведения о Красноярском уезде Томской губернии». Л. 31 об.

²⁷¹ АГМ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 95 «Приговоры сельских сходов и рапорты о выборах сельских начальников, 1829 г.». Л. 1–13; Д. 145 «Переписка с земским судом о краже вещей у крестьянина Худоногова из с. Шушенского, 1829 г.». Л. 1, 3; Д. 332 «Переписка с земским судом о ссыльных скопцах, 1835 г.». Л. 1, 3, 5.

преобразований, что позволяет увидеть различные точки зрения на местные проблемы, проследить процесс формирования административной политики.

Важные сведения, содержащие конкретные исторические примеры реализации политики административно-территориального управления на местах в Иркутской губернии, отложились в фондах Усть-Киренской воеводской канцелярии²⁷², Киренского окружного суда Иркутского губернского суда²⁷³, Селенгинской городской ратуши²⁷⁴. Примеры несовершенства управления на территории Восточной Сибири позволяют увидеть дела, связанные чиновничьей службой в канцелярии Приамурского генерал-губернатора в Забайкальской, Амурской и Приморской областях²⁷⁵.

Сведения о деятельности Сибирского генерал-губернатора²⁷⁶ в 1802–1822 гг. и Главного управления Западной Сибири в Омске²⁷⁷ в 1821–1905 гг. содержатся в фондах Государственного исторического архива Омской области. Эти сведения позволили полнее раскрыть особенности административного управления западной частью Сибири. Стоит отметить, что сведения о деятельности II Сибирского комитета отложились как в фондах Государственного архива Иркутской области, так и в фондах Государственного архива Омской области. Фонд Главного управления

---

²⁷² ГАИО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14 «Дела денежные, т. 3. Отчеты о сборе денег и переписка, 1778 г.». Л. 2–18; Д. 17 «Дела соляные, том 1 (указы о продаже соли, 1778 г.». Л. 3.

²⁷³ ГАИО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 40 «Указы Иркутского губернского правления и копии указа Сената: 1. По административно-судебным вопросам (...).» Л. 133–140.

²⁷⁴ ГАИО. Ф. 75. Оп. 10. Д. 102 «Дело об учреждении Второго Сибирского комитета». Л. 2–16, 28–30, 87–89.

²⁷⁵ ГАИО. Ф. 29. Оп. 1 (1). Д. 25 «О исходатайствовании чиновников Забайкальской области добавочного жалования за службу в Сибири». Л. 1–67; Д. 55 «О злоупотреблениях чиновников Управления Нерченскими ссыльно-каторжными на Каре». Л. 1–178; Оп. 2. Д. 8 «Дело о распространении на чиновников Забайкальской области служебных прав и преимуществ присвоенных чиновникам Приамурской и Амурской области». Л. 1–27.

²⁷⁶ ГИАО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14 «О приготовлении в Томске на ассигнованные единовременно 6 000 руб. для присутственных мест (переписка и об открытии Томской губернии и о проч.), 1803 г.». Л. 2–8; Д. 65А «Служебное письмо министра финансов Д. А. Гурьева Сибирскому генерал-губернатору М. М. Сперанскому о распределении земель сибирского края. 28 августа 1819 год». Л. 228–229.

²⁷⁷ ГИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 30 «Из штатного расписания Управления Западной Сибири. 1822 год». Л. 18, 18 об.; Д. 36. Ч. 1 «Из письма к генерал-губернатору Западной Сибири П. М. Капцевичу. Автограф М. М. Сперанского. 14 апреля 1822 года». Л. 16, 18; Д. 1348 «Свидетельство инженера Акцынова об окончании строительства двухэтажного дома для присутственных мест Омского областного правления. 29 октября 1836 года. Копия». Л. 375–376; Д. 1624. Т.1 «Указ о ликвидации Омской области и переводе Главного Управления Западной Сибири из Тобольска в Омск. 13 апреля 1838 года. Копия». Л. 46–48; Оп. 6. Д. 9392 «Докладная записка военного губернатора Акмолинской области Н. А. Окольного генерал-губернатору Западной Сибири А. П. Хрущову об упорядочении делопроизводства в Акмолинском областном правлении. 7 мая 1869 года». Л. 25–28.

Западной Сибири, помимо сведений о деятельности Сибирского комитета и о развитии региона, содержит данные о ревизии Н. Н. Анненкова, послужившей толчком к созданию II Сибирского комитета.

Полнее понять организацию власти на местах в Западной Сибири помогли материалы Государственного архива Томской области. Материалы фондов Томского губернского правительства, канцелярии Томского губернатора, Томского губернского управления содержат богатые сведения о формировании правительственной системы управления на местах. Используемые источники можно условно разделить на группы по предмету описания: на губернский уровень власти²⁷⁸, окружной / уездный²⁷⁹, городской²⁸⁰, волостной²⁸¹ и сельский²⁸². Эти источники позволили

---

²⁷⁸ ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 158 «Указ губернского правительства по предписанию управляющего министерством полиции о запрете иностранцам свободного переезда из одной губернии в другую». Л. 1–158; Ф. 2. Оп. 2. Д. 4 «Рапорты Семипалатинского коменданта, переписка с Тобольским губернатором о лицах, бежавших из-за границы и проживающих в пределах Семипалатинской области и Тобольской губернии». Л. 1–53; Ф. 3. Оп. 1. Д. 379 «Указ Правительствующего Сената, циркуляр Министерства внутренних дел, переписка томского губернатора с Главным управлением Западной Сибири, Томской казенной палатой о составлении сметы по сбору земских повинностей, выписки из журналов заседаний, переписка губернатора с казенной палатой, Томским приказом общественного призрения о предоставлении денежных средств на содержание почтовых станций, сельских училищ, жалованье сельским учителям, волостным писарям и др.». Л. 1–784; Оп. 2. Д. 12 «Переписка с Главным управлением Западной Сибири, томским губернатором, Томской казенной палатой о назначении, увольнении и производстве в следующий чин и др. чиновников и канцелярских служащих Томской экспедиции о ссыльных, Бийского земского, Каинского окружного судов и др., аттестат о службе». Л. 1–470; Д. 620 «Дело о предоставлении в Томское губернское правление статистических сведений об инородцах». Л. 1–21.

²⁷⁹ ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 644 «Указ правительствующего Сената о правилах привоза товара в Охотский порт и на полуостров Камчатский». Л. 1–43; Ф. 2. Оп. 1. Д. 127 «Переписка с Министерством внутренних дел и крестьянскими начальниками Барнаульского и Змеиногорского уездов о жалобах крестьян на действия крестьянских начальников». Л. 1–103; Ф. 528. Оп. 1. Д. 1 «Указы Нарымской воеводской канцелярии за 1750–1752 годы». Л. 1–274; Д. 2 «Указы Нарымской воеводской канцелярии за 1753–1754 г.». Л. 1–317; Д. 3 «Указы Нарымской воеводской канцелярии за 1757–1759 годы». Л. 1–223; Д. 4 «Указы Нарымской воеводской канцелярии за 1760–1763 годы». Л. 1–363; Д. 5 «Указы Нарымской воеводской канцелярии за 1764–1766 годы». Л. 1–367.

²⁸⁰ ГАТО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 25 «Рапорты бургомистра Томского городского магистрата о распределении присутственных должностей». Л. 1–18; Д. 42 «Рапорты городских магистратов, уездных судов о получении указа Правительствующего сената о правилах пропуска через границы России». Л. 1–36; Ф. 3. Оп. 13. Д. 210 «Копия с предписания генерал-губернатора Западной Сибири о переименовании г. Кийска в г. Мариинск и сопроводительное письмо к нему». Л. 1–2.

²⁸¹ ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 872 «Постановление губернского правительства и переписка с Томской казенной палатой о взыскании податей с волостей губернии». Л. 1–28; Ф. 2. Оп. 2. Д. 39 «Переписка с Министерством почт и телеграфа, Главным управлением Западной Сибири и окружными исправниками Томской губернии о жалобах крестьян на действия местных властей». Л. 1–39.

²⁸² ГАТО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 215 «Распоряжение Губернатора Западной Сибири о заселении берегов реки Васюган». Л. 1–4; Д. 584 «О переводе волостных правлений в другие населенные пункты». Л. 1–58; Оп. 44. Д. 3 «Переписка с Главным управлением Западной Сибири, Томской казенной палатой, Бийским окружным полицейским управлением и др. о порядке причисления переселенцев к населенным пунктам Алтайского горного округа, перечислении в другие сословия и сельские общества крестьян Алтайского горного округа». Л. 1–61; Д. 5 «Дело о переводе волостного правления из с. Уртамского в с. Вороново Уртамской волости Томского округа». Л. 1–18; Д. 25 «Дело об образовании самостоятельного сельского общества крестьянами заимки Казаровой Боготольской волости Мариинского округа». Л. 1–47.

установить особенности управления Сибирью и его эволюцию с конца XVIII до конца XIX в. При этом часть материалов (проекты, переписка, письма официальных местных правительственных структур) доказали неформальный принцип принятия управленческих решений²⁸³, стандартный для дореформенной Сибири XVIII – начала XIX в. и применяемый в последующее время.

Статистические материалы фондов Государственного архива в г. Тобольске: Тобольской городской управы, Тобольского губернского правления – содержат сведения об исторических реалиях организации местной государственной власти на территории западной части Сибири. При этом наиболее ценными для нас оказались документы о формировании и деятельности городского, волостного уровня управления в конце XVIII – начале XIX в.²⁸⁴, а также материалы, подтверждающие фискальный и ресурсный интерес центральных властей к осваиваемым территориям Зауралья²⁸⁵.

Таким образом, проанализированные архивные данные позволили рассмотреть эволюцию системы управления в сторону бюрократизации, взгляды центральной власти на принципы работы местных административных учреждений всех уровней власти. Главная ценность этих сведений – в разнообразии представленных мнений и оценок, широком охвате проблем административно-территориального устройства Сибири в контексте функционирования политической системы Российской Империи.

---

²⁸³ ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 249 «Переписка с Томским губернатором, Енисейским, Томским и другими земскими судами о правилах оформления и увольнения со службы нижних чинов; Д. 872 «Постановление губернского правительства и переписка с Томской казенной палатой о взыскании податей с волостей губернии». Л. 1–28; Ф. 3. Оп. 1. Д. 212 «Документы о выборе членов Нарымского словесного суда (указы, рапорты, списки, переписка); Оп. 6. Д. 1 «Документы о разделении Томской губернии на судебно-мировые участки (журналы, определения, проект, письма, списки)». Л. 1–214.

²⁸⁴ ГА г. Тобольска. Ф. И 8. Оп. 1. Д. 9 «Регистр исходящих бумаг Тобольской городской думы», 1799 г. Л. 1–124; Ф. И 329. Оп. 1. Д. 47 «Дело о предоставлении сведений о пожаловании в вечное пользование земли коллежскому асессору Путилову», 1826–1827 г. Л. 1–19; Оп. 13. Д. 32 «Ведомость о формировании волостей и учреждении волостных правлений, 1800 г». Л. 1–24. Оп. 1. Д. 47 «Дело о предоставлении сведений о пожаловании в вечное пользование земли коллежскому асессору Путилову». Л. 1–19.

²⁸⁵ ГА г. Тобольска. Ф. И 329. Оп. 1. Д. 43 «Переписка с Главным управлением Западной Сибири, с общим управлением Тобольской губернии о взыскании денег с Тюкалинского окружного суда, о пресечении тайного провоза соли из Киргизской степи и по другим вопросам», 1825–1827 г. Л. 1–321; Оп. 3. Д. 1 «Дело по запросу экономической экспедиции Тобольской казенной палаты о положении дела о землях Ясачных татар Киповских юрт», 1823 г. Л. 1–3.

При этом заметим, что материалы региональных архивов использованы в качестве дополнения к основным источникам центральных архивов. При этом степень научной ценности всех обработанных архивных документов велика, поскольку они иллюстрируют многие процессы административно-территориального управления Сибирью конкретно-историческими фактами о функционировании воеводств, провинций, канцелярий различного уровня управления.

Справочные издания и периодическая печать. Географическое, этнографическое и культурно-бытовое описание Сибири и включенных в ее огромное пространство территорий дают справочные издания, составленные в большей степени в конце так называемого века статистики, т. е. в конце XIX в., а также в начале XX в. Их содержание в целом обращает внимание на основные вопросы жизненного уклада Сибири, на тот момент еще малоизвестные широкой общественности Центральной России. Однако некоторые справочные издания стали для нашего исследования важным историческим источником за счет приведенной в них уникальной исторической информации, позволившей оценить отношение государственных структур к формированию системы управления Сибирью, а также подтвердить ее колониальный статус, сохраненный вплоть до начала XX в.

Среди важных работ справочного характера, подготовленных к изданию в начале XIX в., следует назвать «Статистическое обозрение Сибири, составленное на основании сведений, почерпнутых из Актов правительства и других достоверных источников»²⁸⁶. В книге отражены ранние географические и исторические сведения о положении и пространстве Сибири XVIII в., при этом включение территории в состав России составителями рассмотрено как военное покорение, а именно

---

²⁸⁶ Статистическое обозрение Сибири, составленное на основании сведений, почерпнутых из Актов правительства и других достоверных источников. Спб., 1810. 363 с.

экстраполяция общегосударственных интересов на необжитые русским народом земли.

Историко-статистические сведения о численности русского и инородческого населения, его занятиях, уровне развития сельского хозяйства и промышленности подняты из справочника П. М. Головачева «Сибирь»²⁸⁷. Сведения об административном делении Сибири рассмотрены в трех основных главах, посвященных справочному описанию Западной Сибири, Восточной Сибири и Амурско-Приморской окраины. Важно, что в конце каждой главы приведена справочная информация о крупных населенных пунктах (городах) Сибири, которые дополнили данное диссертационное исследование статистическими сведениями.

«Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах» описывает ее историю и ожидаемое будущее как местность огромной Российской империи, заслуживавшей тщательного изучения. В рамках данного исследования были использованы материалы об устройстве водного сообщения, а также о проектах ожидаемого разделения Сибири в 1870-е гг., позволившие описать и оценить общественное мнение по вопросу территориальной реструктуризации и административного управления²⁸⁸.

Фундаментальное трехтомное «Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему его императорского величества повелению, при Сибирском комитете, действительным статским советником Гагемейстером», дает подробнейшую информацию о Сибири середины XIX в., включая детальные сведения об органах власти региона²⁸⁹.

Рассмотренные Памятные книжки Западной Сибири, Енисейской, Иркутской, Томской и Тобольской губерний, как и «Статистико-

---

²⁸⁷ Головачев П. М. Сибирь. М., не ранее 1911. 236 с.

²⁸⁸ Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах: в 2 т. Спб., 1876. Т. 2. 461 с.

²⁸⁹ Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему его императорского величества повелению, при Сибирском комитете, действительным статским советником Гагемейстером: в 3 ч. Спб., 1854. Ч. 1. 1227 с.; Спб., 1854 г. Ч. 2. 697 с.; Спб., 1854. Ч. 3. 112 с.

экономические итоги по Якутской области за 1906 г.»²⁹⁰ и «История статистических учреждений и Степного края в XIX – начале XX в.»²⁹¹, содержат ценную информацию о структурном строении ведомственных учреждений губернских, окружных администраций и их руководителях, а приведенные сведения о климатических, природных условиях, национальном составе населения и форме хозяйствования подтвердили особое положение Сибири как неординарной части Российской империи, сравниваемой с западными частями государства, такими как Царство Польское или Княжество Финляндское.

Важным источником о процессах административно-территориального управления Сибирью и ее народами является **периодическая печать**, которая чаще всего была проводником общественного дискурса, имевшего оппозиционную форму по отношению к официальной политике.

Для пропаганды своих идей представители различных политических движений использовали периодические издания общероссийских политических партий, входивших в их состав. Необходимо подчеркнуть, что сибирские областники имели значительный ряд периодических изданий: газеты «Сибирская жизнь», «Свободная Сибирь», «Вольная Сибирь», «Автономная Сибирь», «Бюллетени Красноярского Союза Сибирских областников-автономистов», а также некоторые журналы: «Сибирские записки», «Сибирские вопросы», «Вольная Сибирь», которые позволяют осознать закономерности развития идеи возможной суверенизации Сибири, имевшие место в регионе в конце XIX–XX вв.

Материалы личного происхождения и воспоминания. При исследовании эволюции системы управления Сибирью использовался широкий круг нарративных источников: научные работы И. Г. Гмелина, Г. Ф. Миллера, И. К. Кирилова, П. С. Палласа, В. Н. Татищева, Г. В. Штеллера; письма и воспоминания должностных лиц; служебные

---

²⁹⁰ Статистико-экономические итоги по Якутской области за 1906 г. Якутск, 1906. 290 с.

²⁹¹ Скопа В.А. История статистических учреждений Западной Сибири и Степного края в XIX – начале XX в.: монография. Барнаул: АлтГПУ, 2015. 411 с.

записки таких общественных деятелей, как О. П. Козодавлев, И. Б. Пестель, И. О. Селифонтов и др.; воспоминания иностранцев и сибирские летописи.

Среди опубликованных документов официального делопроизводства выделяется «Отчет тайного советника М. М. Сперанского в обозрении Сибири с предварительными сведениями и основаниями к образованию ее управления»²⁹². Материалы этого отчета повлияли на развитие взглядов правительства на роль Сибири в Российской империи, положили начало новому этапу в политике российского правительства по отношению к Сибири. Взгляды М. М. Сперанского побудили правительство отойти от принципа унификации к принципам управления окраинами с учетом этнорелигиозных, культурных и экономических особенностей регионов.

Особое место занимает мемуарная литература, которая, несмотря на присущий ей субъективизм, дает возможность продемонстрировать различные мнения по вопросам управления Сибирским регионом в среде государственных деятелей, а также других людей, которые имели отношение к системе управления. Этот вид источников представляет особую ценность для реконструкции тех обстоятельств, в которых осуществлялась политика верховной власти, поскольку они отражают личностные оценки событий представителями местной администрации.

Таким образом, поступательный рост научного знания по истории территориального и административного устройства дореволюционной Сибири обусловлен обновленным видением дореволюционной, советской и современной отечественной и зарубежной историографии, включением в ряд источников новых архивных материалов, систематизацией нормативно-правовых актов и статистических материалов и других исторических источников.

Таким образом, в исторической науке сложились разные подходы к трактовке проблем управления Сибирским регионом. Внимание историков к

---

²⁹² Прутченко С. М. Сибирские окраины. Областные установления, связанные с Сибирским Учреждением 1822 года, в строе управления русского государства. Историко-юридические очерки. Спб., 1899. Т. 2. Приложения. С. 1–16.

этой тематике в предшествовавшие периоды позволило создать значительное количество работ теоретического и фактологического характера. Источники, использованные во время проведения исследования, вкупе со сведениями, введенными в научный оборот предшествующими исследователями, дают прочную базу для системного изучения поставленных проблем и решения сформулированных задач.

Глава 2. СИБИРСКИЙ ВАРИАНТ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ

2.1. Территориальное устройство Сибири в контексте преобразований правителей 1708–1763 гг.

Территориальное деление Сибири в 1708–1725 гг. Проблема оптимального территориального устройства Сибири – одна из наиболее важных для определения направлений внутренней политики, от решения которой зависела эффективность государственного участия в жизни отдаленного от политического центра региона. В первой четверти XVIII в. Россия вступила в эпоху преобразований, затронувших все сферы общества. Преобразование системы управления Сибирью представляли собой важную составляющую этих изменений, поскольку природные ресурсы, расположенные за Уралом, входили в общее государственное богатство, на которое рассчитывали правительственные структуры империи.

В первые десятилетия XVIII в. территориальный облик России существенно изменился. Разработка планов территориального устройства Сибири производилась с учетом общегосударственных целей – увеличение поступаемых из Сибири ресурсов и улучшение фискальной системы²⁹³. Эти стратегические цели рассчитывались на долгосрочную перспективу и для каждого конкретного действия со стороны государства включали более мелкую цель – тактическую, уже направленную на преодоление специфических черт Сибирского региона, а именно: слабую заселенность, полиэтничный состав населения, огромную протяженность территории, отдаленность от столиц, неразвитость системы коммуникаций, суровый климат.

Заселение Сибири, как тактическая цель в рамках более общей стратегической цели, происходило под контролем государства. Увеличение

---

²⁹³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Д. 607. Л. 2–8.

фискальных поступлений из Сибири напрямую зависело от объемов добычи ресурсов (ценных пород зверя и рыбы, природных ископаемых, продуктов земледелия, золота, серебра и других металлов).

Одними из первых форм заселения Сибири, прежде всего западной ее части, были: правительственная колонизация и вольнонародное переселение. Стихийное крестьянское переселение из европейской части России шло по направлению с Запада на Восток. Так происходило заселение русскими пустующих территорий, что должно было привести к увеличению площади обрабатываемых земель, укреплению внешних границ и торговых связей. Однако значительный по объему отток населения из центральной части страны наносил урон существовавшему социально-экономическому и правовым отношениям в России, основанным на феодальных порядках. Поэтому с конца XVII в. переселение крестьян в Сибирь стало контролироваться²⁹⁴. В 1683 г. была введена в действие пропускная система в форме пограничных застав «в Перми, Чердыни, Соликамске и других местах с целью прекращения самовольного перехода людей из России в Сибирь»²⁹⁵. В 1696 г. был организован перевыпуск печати Сибирского Царства, которая ставилась на пропусках и подорожных грамотах, предъявляемых при переезде из России в Сибирь через Верхотурье²⁹⁶.

С этого времени государство стало выступать непосредственным организатором заселения Сибири. Примером добровольной формы правительственного переселения было отправление «указом Царя на житье переведенцев»²⁹⁷.

Кроме этого, примерами принудительной формы организованного правительством переселения были следующие действия:

---

²⁹⁴ ГАКК. Ф. 262. Оп. 1. Д. 30. Л. 5.

²⁹⁵ Об учреждении, где должно, крепких застав для преграждения самовольного перехода Русских людей в Сибирь // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1683. 24 июня. Т. 2. № 1030. С. 551.

²⁹⁶ О сделании вновь казенной печати Сибирского Царства, о прикладывании оной к грамотам и подорожным, о непропуске никого с грамотами без печатей и о конфисковании провозимых товаров и вещей, у которых сей печати не будет // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1696. 22 января. Т. 3. № 1559. С. 266.

²⁹⁷ Там же. С. 268.

- перевод по «указу» казаков, стрельцов, духовенства, дворцовых крестьян из Европейской России в «дальнюю государеву вотчину» на службу в остроги, города и пригородные пашенные слободы (за льготы и пособия);
- ссылка уголовных и политических преступников, приговоренных на поселение и каторжные работы;
- депортация военнопленных и представителей мятежных народов (шведов, литовцев, поляков и др.).

Колонизация Сибири по частной инициативе не получила должного распространения. Примеры ее форм:

- переселение состоятельных предпринимателей, впоследствии ставших слободчиками и получивших разрешение на удобных местах «пашню распахать и вольных людей с Руси созывать, и слободу строить»;
- освоение территорий служилыми людьми, получившими вместо хлебного жалованья пахотные и сенокосные угодья;
- обустройство монастырями территорий для прихожан²⁹⁸.

Практика показала, что без активного государственного вмешательства зауральские территории не могли иметь перспектив развития в составе России. Петр I в свойственной ему манере однозначно определил роль Сибири в составе государства. Он понимал, что Сибирь – это колониальная часть России, требующая повышенного внимания центральной власти и максимально оперативной управленческой системы. При этом он осознавал масштабы экономических ресурсов, которые может предоставить эта территория для финансового потенциала и общего благосостояния России. Ведь важным качеством Петра I, как и приближенных к нему лиц, было умение видеть перспективы. Общеизвестно, что тот, кто не умеет предвидеть, не может управлять.

Петровская губернская реформа 1708 г. реорганизовала территориальную структуру России. Разрушение воеводско-приказной

---

²⁹⁸ Слабуха А. В. Градостроительное освоение Приенисейского края в XVII–XVIII веках. Красноярск, 2006. С. 9–14.

системы управления (приказ – в центре, воеводы как главы уездов – на местах) произошло в результате создания новой территориальной единицы – губернии, включившей в себя в качестве более мелких структурных единиц города и уезды.

Заметим, что термин «губерния» впервые в имперском дискурсе был упомянут указом 1706 г. в отношении к Ингерманландской губернии (Санкт-Петербургской – с 1710 г.). Использование термина «губернатор» встречается еще раньше – в 1694 г., а именно Петр I назвал губернатором Ф. М. Апраксина при назначении его архангельским воеводой²⁹⁹.

Впервые попытка реформирования административной системы в России была предпринята в 1707 г.³⁰⁰, когда вышел указ о том, что все города на расстоянии 100 верст от Москвы, следовало «приписать» для более удобного их управления к более крупным в то время городам – Архангельску, Смоленску, Азову, Казани, Киеву³⁰¹. Так были образованы шесть округов. Эти округа не назывались губерниями, но напоминали их по принципам административного устройства.

В рамках проведенной Петром I «территориальной» реформы 18 декабря 1708 г. был издан указ «Об учреждении Губерний и о расписании к ним городов». Эта реформа, получившая название губернской, в числе учрежденных восьми губерний выделила Сибирскую губернию с центром в г. Тобольске. В дореволюционной историографии она получила наименование первой областной реформы³⁰². К концу ее реализации в 1710 г. количество губерний было доведено до 10 единиц, к каждой было приписано

---

²⁹⁹ Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1905. С. 255, 260–261; Губернии Российской империи. История и руководители. 1707–1917. М., 2003. С. 250.

³⁰⁰ Мрочек-Дроздовский П. Н. Областное управление России XVIII века до учреждения о губерниях 7 ноября 1775 г. М., 1876. Ч. 1: Областное управление эпохи первого учреждения губерний (1708–1719). С. 18; Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Л., 1989. С. 146.

³⁰¹ О расписании городов на Округи кроме тех, которые во 100 верстах от Москвы до Киева и о высылке в Москву с трех дворов по человеку для работ по укреплению города // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1707 г. 18 декабря. Т. 4. № 2176. С. 397.

³⁰² Областное управление России XVIII века до учреждения о губерниях 7 ноября 1775 года: Историко-юридическое исследование. Областное управление эпохи первого учреждения губерний: (1708–1719 г.) М.: Унив. тип. (Катков), 1876. Ч. 1. 359 с.

несколько десятков уездов: к Ингерманландской было приписано 39 уездов (с 1710 г. – Санкт-Петербургской в составе 29 уездов); к Азовской – 77 уездов; к Архангелогородской – 20 уездов; к Казанской – 71 уезд; к Киевской – 56 уездов; к Смоленской губернии было приписано 17 уездов; к Сибирской губернии, самой большой по территории, было приписано 30 уездов³⁰³.

В состав учрежденной в декабре 1708 г. Сибирской губернии вошли 26 городов и пригородки (крупные населенные пункты), среди которых были: Тобольск, Енисейск, Илимский, Тара, Березов, Сургут, Тюмень, Томский (сейчас Томск), Мангазея, Иркутский (Иркутск), Кузнецкий (Кузнецк), Туринск, Нарым, Верхотурье, Якуцкий (Якутск), Нерчинской (Нерчинск), Красный Яр (Красноярск), Пелым, Кетский (Кетск); в Поморье – Пермь Великая, Кунгур, Чердынь, Соликамская, Яренск, Кай-городок, Вятка с четырьмя уездами³⁰⁴.

«Уезд» в первой четверти XVIII в. имел формальное значение, так как был административным округом, земли которого тянулись к городу или другой административной единице как к центру, где находились правительственные учреждения. При этом в период 1708–1715 гг. местное управление было преобразовано по двухступенчатому принципу и предполагало деление на губернию и уезд. В Сибирскую губернию вошли 20 сибирских и 6 уральских уездов (каждый из указанных 26 городов был уездным центром). При этом поддерживаем мнение, высказанное рядом исследователей, что «в территориальном составе уездов никаких значимых изменений по первой областной реформе не произошло, т. е. они были объединены в одну Сибирскую губернию, чем все и закончилось»³⁰⁵.

---

³⁰³ Об учреждении Губерний и о расписании к ним городов // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1708. 18 декабря. Т. 4. № 2218. С. 437–438.

³⁰⁴ Там же. С. 437–438.

³⁰⁵ Черемных, Е. А. Власть и общество в Прибайкалье в XVIII – начале XIX в. (административное устройство, правовой статус, проблемы взаимодействия и конфронтации). дис... канд. ист. наук. 07.00.02. Иркутск, 2004. С. 45.

Сибирская губерния от других девяти губерний отличалась несравнимо более обширной территорией – от р. Вятки до п-ова Камчатки, т. е. свыше 10,9 млн кв. км (1710), против, например 128,6 тыс. кв. км Московской губернии (1708) – в 84,8 раза больше. При этом численность населения в Сибири была прямо противоположным показателем ее развития – 257,5 тыс. чел. (1766 г.), а в Московской губернии – 2,23 млн чел. (1766), т. е. в 8,7 раза меньше³⁰⁶.

Причем «поморские города» были присоединены к Сибирской губернии по личному распоряжению Петра I³⁰⁷. Активным посредником в этом выступал князь А. Д. Меншиков, за что М. П. Гагариным был «награжден» собольими и лисьими мехами³⁰⁸. Иная версия включения городов в состав Сибирской губернии была выдвинута историком В. Н. Татищевым, согласно которой М. П. Гагарин представлял собой чрезмерно жадного человека, поскольку он «нахватал» городов, чтобы потом их грабить³⁰⁹. Однако суть события от этого не менялась – старая единица административного деления «разряд» была ликвидирована и введена новая пространственная структурная единица – «губерния», что, впрочем, не изменило ранее применимого принципа объединения нескольких уездов в одну крупную территориально-административную единицу.

В Российских губерниях с 1710 по 1719 г. сменились два вида занимавших среднее положение территориальных единиц, стоявших между уездами и губернским центром. С 1710 по 1715 г. им была «обер-комендантская провинция», включавшая в себя несколько уездов губернии, с 1715 по 1719 г. – «ландратская доля».

Выработанный в XVII в. принцип приписки второстепенных городов к главному и подчинения воевод второстепенного значения воеводе главного

---

³⁰⁶ Сибирская губерния // Большая Российская энциклопедия [электронный ресурс]: официальный сайт. URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/3660237; Московская губерния // Большая Российская энциклопедия [электронный ресурс]: официальный сайт. URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2232827.

³⁰⁷ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб. [Б. и.], 1907. Т. V, вып. 1. С. 131.

³⁰⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 942-а. Л. 1об. – 2.

³⁰⁹ Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири в XVIII веке: структура и состав государственного аппарата. М., 2003. С. 33.

города лег в основу обер-комендантской провинции, получившей всеобщее распространение в 1710 г. А бывшие воеводы наиболее крупных городов, вокруг которых и были организованы обер-комендантские провинции, были переименованы в обер-комендантов. Воеводы мелких городов (в рамках объединенных уездов) стали называться комендантами. Иерархическая система городов с уездами получила название провинции. Важно, что не было издано общего указа о введении подобного территориального деления, что доказывает эволюционный путь его формирования с опорой на местные потребности, вызванные удаленностью городов от губернского центра³¹⁰.

Анализ законодательства и архивных материалов показал, что в Сибири обер-комендантские провинции сложились только в 1711 г. и включали в себя уезды, объединенные вокруг городов Енисейска и Иркутска в рамках восточной части Сибири, наиболее удаленной от центрального сибирского города Тобольска, расположенного на западе³¹¹. При этом нет данных о наличии обер-комендантских провинций на территории западной части Сибири, так как комендант стоял даже во главе города Тобольска (на начало 1715 г.)³¹².

На общероссийском уровне с 1715 г. на смену обер-комендантским провинциям пришли ландратские доли – это, по мнению историков XIX в., более совершенное «искусственное» территориально-административное деление, основанное на статистическом принципе. Губерния делилась на ландратские доли, объединявшие примерно 5536 тяглых дворов. В губерниях центральной части России при высокой плотности населения количество тяглых дворов доходило до 8000. В малонаселенной Сибири не удалось создать ландратских долей, но управленцы в лице ландратов были назначены³¹³.

---

³¹⁰ Богословский М. Областная реформа Петра Великого. М., 1902. С. 48–49.

³¹¹ Черемных, Е. А. Власть и общество в Прибайкалье в XVIII–XVIII вв. (административное устройство, правовой статус; проблемы взаимодействия и конфронтации)... С. 45.

³¹² Указ тобольского коменданта Д. А. Траурнихта комендантам сибирских городов о снабжении цинских послов подводами и фуражом, от 4 февраля 1715 г. // Памятники сибирской истории XVIII в. Спб., 1885, Кн. II, № 19/3. С. 61.

³¹³ Богословский М. Областная реформа Петра Великого. М., 1902. С. 50.

Таким образом, согласно первой областной реформе Петра I российская территория за Уралом (от р. Вятки до п-ова Камчатки) была выделена в Сибирскую губернию. Процесс усовершенствования территориально-административной единицы не был на этом закончен. В границах огромных пространств, которые охватывались губернией, шел дальнейший поиск среднего звена между уездом и губернией, который стал предметом самостоятельного изучения, анализа и разработки рекомендаций по дальнейшей систематизации предложений, поступивших в центральное правительство.

Территориальное деление Сибири в 1719–1726 гг. Именной указ императора «О разделении Сибири на три провинции» от 29 мая 1719 г. поделил единую Сибирскую губернию на провинции как дополнительные между губернией и уездом административно-территориальные структуры. Введенные провинции должны были делиться на привычные для России уезды и новые дополнительные мелкие территориально-административные единицы – дистрикты. Предполагалось, что деление на дистрикты упростит сбор подушной подати и обеспечение всем необходимым армейских полков³¹⁴. Провинции были подведомственны на центральном уровне власти недавно учрежденным коллегиям и только через них – Сенату. Право непосредственного сношения с Сенатом сибирский губернатор как руководитель губернии и прочие местные правители (провинциальные воеводы, вице-губернаторы) имели только в случае начала военных действий, сильного падежа (мора) скота или вспыхнувшего народного бунта³¹⁵. По всем остальным вопросам губернатор и провинциальные воеводы (вице-губернаторы) обращались только в определенные коллегии соответственно докладываемому вопросу, что было важным решением для формирования отраслевого местного управления.

---

³¹⁴ О разделении Сибири на три провинции // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1719. 29 мая. Т. 5, № 3378. С. 700; Черемных Е. А. Власть и общество в Прибайкалье в XVIII–XVIII вв. (административное устройство, правовой статус; проблемы взаимодействия и конфронтации)... С. 47.

³¹⁵ Богословский М. Областная реформа Петра Великого. М., 1902. С. 55.

Проект учреждения провинций начал внедряться с 1 июня 1719 г. При всех возможных изменениях Сибирская губерния как основная административно-территориальная единица сохранялась³¹⁶.

Громадные просторы Сибири, удаленность уездов от г. Тобольска, ставшего губернской резиденцией, а также реализация в усеченном виде деления губернии на обер-коммендатские провинции и ландратские доли привели к тому, что в 1719 г. Сенат затруднился самостоятельно своим указом разделить Сибирь на провинции и дистрикты³¹⁷.

Согласно решению Сената от сибирских городов первоначально отошло Восточное Приуралье, расчлененное вокруг г. Вятки и г. Соликамска на две провинции – Вятскую и Соликамскую, при этом сибирские города остались не разделенными, образовав фактически Тобольскую провинцию (см. прил., табл.1).

Правительственный Сенат, понимая необходимость деления Сибири с учетом местной специфики, поручил сибирскому губернатору произвести деление Сибири непосредственно «на месте», назначив только число провинций. Объединенная пока в одну Тобольскую провинцию Сибирь должна была состоять из трех провинций как мелких административно-территориальных частей огромной по площади территории от Урала до п-ва Камчатки. Этим же указом, вместо отстраненного М. П. Гагарина, должность сибирского губернатора занял князь Алексей Михайлович Черкасский³¹⁸ – сын князя Михаила Яковлевича Черкасского, бывшего Тобольского воеводы (1698–1710 гг.), состоявшего в детские годы Петра I его «комнатным стольником» и пользовавшегося безграничным уважением со стороны царя³¹⁹.

---

³¹⁶ Коновалов, И. А. Управление и административно-территориальное устройство Сибири в XVIII в. // Вест. Ом. ун-та. Сер.: Право. 2012. № 4 (33). С. 15.

³¹⁷ О разделении Сибири на три провинции // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1719. 29 мая. Т. 5, № 3378. С. 700

³¹⁸ Там же. С. 701

³¹⁹ Газенвинкель, К. Б. Систематический перечень воевод, дьяков, письменных голов и подьячих с приписью в сибирских городах и главнейших острогах с их основания до начала XVIII века. К истории Сибири XVII в. Тобольск: Тип. Губ. Правления, 1892. С. 14.

Князь А. М. Черкасский предлагал создать в Сибири три провинции, что нашло отражение в докладе Сенату от 10 мая 1720 г. Первая провинция – Тобольская, в которую входили бы Березовский, Верхотурский, Пелымский, Тарский, Тобольский, Туринский и Тюменский уезды.

Вторая провинция – Енисейская в составе Енисейского, Туруханского, Томского, Кузнецкого, Сургутского, Нарымского и Кетского уездов. Третьей должна была стать Иркутская провинция, в которую вошли бы Иркутский, Илимский, Красноярский, Нерчинский и Якутский уезды³²⁰.

Анализируя проект реформ в целом, можно предположить, что при определении границ провинций А. М. Черкасский руководствовался принципами ранее существовавшей системы деления населенных пунктов на разряды. В своем проекте князь А. М. Черкасский исходил из реалий своего времени. В тот период активно развивалась торговля с Китаем. Именно поэтому А. М. Черкасский посчитал необходимым повысить значение Иркутской провинции. В частности, это нашло отражение в том, что к Иркутской провинции были отнесены некоторые области прежнего Енисейского и Ленского разрядов.

С течением времени проект дорабатывался, и через год сибирский губернатор предложил Сенату некоторые изменения: передать Сургутский уезд Тобольской провинции, а Красноярский уезд – Енисейской провинции. Это объяснялось тем, что эти уезды географически ближе к г. Тобольску и г. Енисейску. При этом, по словам князя А. М. Черкасского, при проведении реформы он продолжал опираться на мнение простых обывателей³²¹. Предложения А. М. Черкасского получили одобрение Сената только в 1724 г., уже после того как сибирским губернатором стал князь М. В. Долгоруков (см. прил., табл. 2).

Анализ законодательства показал, что в административном дискурсе в рамках второй областной реформы под Сибирью понимались только

---

³²⁰ РГАДА. Ф. 248. Кн. 156. Л. 128–129 об.

³²¹ Там же. Л. 1197–1198.

сибирские города и возглавляемые ими уезды, после 1719 г. оставшиеся в составе Тобольской провинции.

Указ Сената «О расписании Сибирских городов на три провинции и об определении в оных двух вице-губернаторов» от 26 ноября 1724 г. предписывал: «Понеже по указу Его Императорского Величества, состоявшемуся в 1719 году Мая 29 дня, велено Сибирские города для дальности разделить на три провинции и быть в них Вице-Губернаторам под Губернаторским ведением, а ныне Сибирский Губернатор Князь Долгорукой требует, чтоб для пособия в делах определить в Иркутск и в Енисейск двух Вице-Губернаторов»³²².

Следовательно, с 1719 г. (до преобразований преемников Петра Великого) уезды Восточного Приуралья отъединились от сибирской территории в форме самостоятельных провинций, которые, впрочем, формально все так же входили в Сибирскую губернию:

1. Вятская провинция – из семи уездов: Хлыновский, Слободской, Котельничский, Орловский, Шестаковский, Кайгородский, Кунгурский (до 1721).

2. Соликамская провинция – из трех уездов: Чердынский, Соликамский, Кунгурский (после 1721 г.) (см. прил., табл. 2).

В 1719–1724 гг. Сибирь, неформально отождествляемая с Тобольской провинцией, делилась на 21 уезд: Березовский, Верхотурский, Енисейский, Илимский, Ишимский, Кетский, Краснослободской, Красноярский, Кузнецкий, Мангазейский, Нарымский, Нерчинский, Пелымский, Сургутский, Тарский, Тобольский, Тобольский подгорный, Томский, Туринский, Тюменский, Ялуторовский.

В 1724–1726 гг. Сибирь уже состояла из трех провинций, разделенных на 28 уездов, 2 дистрикта, 5 крепостей (см. прил., табл. 2):

---

³²² О расписании Сибирских городов на три провинции и об определении в оных двух вице-губернаторов // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1724. 26 ноября. Т. 5, № 4606. С. 380.

1. Тобольская провинция – Березовский, Верхотурский, Ишимский, Кузнецкий (с 1726), Краснослободской, Пелымский, Нарымский (с 1726), Тарский, Тобольский, Сургутский, Томский (с 1726), Тюменский, Туринский, Ялуторовский уезды; Тобольский подгорный дистрикт; Ямышевская, Семипалатинская, Усть-Каменогорская, Омская, Железинская крепости.

2. Енисейская провинция – Мангазейский (Туруханский), Енисейский, Красноярский, Томский (до 1726), Кузнецкий (до 1726), Нарымский (до 1726), Кетский уезды.

3. Иркутская провинция – Иркутский, Илимский, Нерчинский, Якутский, Верхоленский, Балаганский, Селенгинский уезды; Иркутский подгорный дистрикт.

Нужно учесть, что в 1726 г. из Енисейской в Тобольскую провинцию перешли Нарымский, Кузнецкий, Кетский и Томский уезды³²³. Однако эти изменения были запланированы при Петре I, так как шел поиск наилучшей формы административно-территориального деления Сибири.

Вторая областная реформа понималась как перманентная на среднем уровне управления. Рамки уездов – территориальных единиц, а также дистриктов, созданных в Сибири в 1724 г. фискальных единиц, были различны. В Сибири до 1726 г. действовали всего два дистрикта – Тобольский подгорный и Иркутский подгорный, предназначенные для совершенствования системы экономического использования этих территорий. Однако если границы уезда и дистрикта совпадали, то в управленческой практике уезд чаще называли дистриктом, что подчеркивало соответствие местной системы управления «новой» шведской модели.

Недавно колонизованные территории закреплялись за Россией с помощью постройки фортификационных сооружений, укрепленных оборонительных пунктов. Например, основанные в 1707–1718 гг. Абаканский и Саянский остроги защищали границу в верховьях р. Енисей. Омская, Железинская, Семипалатинская, Ямышевская, Усть-Каменогорская

---

³²³ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 25. Л. 1–17.

крепости вошли в Иртышскую укрепленную линию, расположенную на Юго-востоке Тобольской провинции и важную во взаимоотношениях с сибирскими киргизами, представлявшими тогда военную угрозу.

Таким образом, разделение Сибири на три провинции произошло в 1724 г. – на пять лет позднее, чем по всей России, когда были выделены Иркутская и Енисейская провинции. При этом Тобольская провинция формально существовала с 1719 г. как результат выделения территорий Восточного Приуралья. На среднем уровне управления произошло вычленение фискальных и военных функций в форме создания дополнительных к уездам территориальных структур – дистриктов и крепостей. На наш взгляд, такое административное разделение Сибири позволило выделить территориальные особенности региона, заложив основу восприятия государством Западной (Тобольская провинция), Центральной (Енисейская провинция) и Восточной (Иркутская провинция) Сибири.

Территориальное деление Сибири при преемниках Петра I. В истории России 1727 г. ознаменовался приходом к власти на уровне Центра новых политических сил, имевших иной взгляд на управление государством: столица была перенесена из г. Санкт-Петербурга в г. Москву, шла открытая политическая борьба, а расходы государства увеличивались, ложась тяжелым бременем на податное население, и в том числе богатыми ресурсами сибирских земель. Однако сложившаяся при Петре I система территориального управления Сибирью не была переосмыслена правительственными структурами вплоть до периода правления Екатерины II. В эпоху политической нестабильности никаких изменений не происходило в управлении «Зауральем» вплоть до 1762 г.

В 1727–1736 гг. Сибирская губерния, как и ранее, состояла из трех провинций – Тобольской, Иркутской, Енисейской (см. прил., табл. 2).

Тобольская провинция, как и до 1726 г., делилась на 20 уездов, дистриктов и крепостей: Березовский, Верхотурский, Ишимский, Кузнецкий (с 1726), Краснослободской, Пелымский, Нарымский (с 1726), Тарский,

Сургутский, Тобольский, Томский (с 1726), Тюменский, Туринский, Ялуторовский уезды; Тобольский подгорный дистрикт; Ямышевская, Семипалатинская, Усть-Каменогорская, Омская, Железинская крепости.

Территориальное деление Иркутской провинции было представлено девятью структурными единицами: Иркутским, Илимским, Нерчинским, Якутским уездами; Охотским приморским управлением (с 1731), Балаганским, Верхоленским, Селенгинским (с 1736 – уезд), Иркутским подгорным дистриктами.

Енисейская провинция включила Мангазейский, Енисейский, Красноярский, Кетский уезды и недавно присоединенные территории, объединенные в Абаканское и Канское комиссарства. Новым для Енисейской провинции было исключение к 1727 г. из ее состава Томского, Кузнецкого и Нарымского уездов, включенных в 1726 г. в Тобольскую провинцию.

Однако Сибирь могла иметь и другое территориальное деление. Согласно научному ее описанию, составленному по инициативе президента берг-коллегии Я. В. Брюса геодезистами В. М. и И. И. Шишковыми и Г. Ф. Миллером, территория Западной и Центральной Сибири могла бы делиться на Обдорскую и Удорскую провинции, чего в реальности никогда не было.

В конце 1730-х гг. историк В. Н. Татищев, занимаясь районированием Сибири, отнес почти все города Томского уезда Енисейской провинции (после 1736 – Сибирской провинции) в состав территорий Обдорской провинции³²⁴: Томск, Уртамский, Верхотомский и Сосновский остроги. В Удорскую провинцию им были включены города-крепости, расположенные в бассейне р. Оби: «Ачинский, Кузнецк, Берской, Малышева, Белоярск, Бийской, Нарым, Кецкой, Маковской» и в бассейне р. Енисея: «Енисейск, Рыбной, Кемской, Белской»³²⁵.

---

³²⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Кн. 314. Л. 36–37.

³²⁵ Татищев В. Н. Россия или как ныне зовут Россия // Татищев В. Н. Избранные труды по географии России. М., 1950. С. 115.

Позднее при подготовке фундаментального труда «Истории Российской» В. Н. Татищев изменил схему разделения Сибири. К Обдорской провинции он отнес нижнее и среднее течение р. Оби с городами Березов, Мангазея, Сургут и Нарым. В Удорскую провинцию были помещены города Томской провинции – «Томск, Кузнецк, Колыванский завод, место знатное»³²⁶.

В настоящее время понятно, что Томский и Кузнецкий уезды были отнесены к Удорской провинции ошибочно, так как в Верхнем Приобье их никогда не существовало. При этом все перечисленные города и крепости, расположенные в разных местах Сибири, были объединены в Обдорскую и Удорскую провинции в результате «умозрительной классификации» историка, не имевшей ничего общего с реальностью, так как в титуле российских монархов XVI в. существовала строка: «Государь всея Руси и Великий князь... и Удорский, и Обдорский, и Кондинский»³²⁷.

В целом научный вклад В. Н. Татищева имел огромное значение для дальнейшей судьбы Сибири. Благодаря составленным историком в 1730–1740 гг. «анкетам по географии и истории Сибири» ученые-геодезисты В. М. и И. И. Шишковы, Г. Ф. Миллер и П. Е. Старцов и др. предоставили научному сообществу и верховной власти первые подробные сведения о климатических условиях и географических границах отдельных частей огромной Сибири, о возможностях производственной деятельности (сельскохозяйственной и промышленной), о составе и традициях местного инородческого населения, включая историю их взаимоотношений с русским населением, а для развития ресурсного потенциала Сибири были составлены ландкарты отдельных уездов с указанием полезных ископаемых, гор, лесов и водных путей³²⁸.

---

³²⁶ Татищев В. Н. *Россия или как ныне зовут Россия...* С. 252, 427.

³²⁷ Карамзин Н. М. *История государства Российского*. Кн. 2: Т. 5, 6, 7, 8: репринтное воспроизведение пятого издания (СПб., 1842). М., 1989. Т. 7, гл. 3. Стб. 112.

³²⁸ Историко-географические описания Верхнего Приобья и Прииртышья 1730–1740-х годов (по анкетам В. Н. Татищева): сб. док. / авт. вступ. ст. и археограф. справки В. Б. Бородаев, А. В. Контев. СПб., 2010. 260 с.

Так, в описании Колыванского завода и Иртышских крепостей говорилось, что границы этой территории очерчены только в ста тридцати верстах от Усть-Каменогорской крепости вверх по направлению р. Иртыш, при этом точных границ не было, в связи с чем местное коренное население (например, барабинские татары) находилось в статусе двоеданцев – России и Джунгарского ханства. Территория Прииртышья имела водное сообщение с г. Тобольском только в летнее время (с 1 июня по август) вниз по течению р. Чарыш и р. Оби, а затем вверх по р. Иртыш, р. Тобол и его притоку р. Туре до г. Тюмени. С начала 1730-х гг. был налажен вывоз меди из Колывано-Воскресенского завода на Урал, потому что в г. Екатеринбурге находилось Томское и Кузнецкое горное начальство, которому подчинялись канцелярии Главного правления Казанских и Сибирских горных заводов³²⁹.

«Колыванский завод» воспринимался правительством как отдельная территориальная единица в рамках Тобольской провинции (с 1736 – Сибирской провинции), поскольку возникшие в предгорьях Алтая во второй половине 1720-х гг. демидовские предприятия подчинялись Сибирской губернской канцелярии в г. Тобольске, а вовсе не воеводской канцелярии Кузнецкого уезда, на территории которого находились³³⁰.

На территории Тобольской провинции состав жителей был различен. Если в «Иртышских крепостях» находились солдаты и служивые, Колыванский завод был населен «дворянина Демидова людьми и пришлыми из других мест», то в острогах, т. е. в городах, находились приезжие крестьяне. Например, «в крепости Усть Каменогорской солдат и служивых 135 человек, в Семи Полатной священник 1, солдат и служивых 331 человек; в Ямышевской крепости священник 1, солдат и служивых 390 человек. Да в

---

³²⁹ «Опись, по силе присланных от его превосходительства действительного статского советника Василия Никитича Татищева ордеру и пунктов, в Колыванском заводе, в Иртышских крепостях: в Ямышевской, Семи Полатной, Усть Каменогорской и в Томском и Кузнецком ведомстве в острогах Берском и Чеуском» (копия). Л. 399 об. // Попов Н. А. В. Н. Татищев и его время. Эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России, первой половины прошедшего столетия. Соч. Нила Попова. М., 1861. С. 667.

³³⁰ Историко-географические описания Верхнего Приобья и Прииртышья 1730–1740-х годов (по анкетам В. Н. Татищева)... С. 59.

острожках крестьян по переписным подушным книгам 2546 человек»³³¹. Заметим, что платившее ясак население на территории Верхнего Приобья и Прииртышья проживало на родовых землях, и русская администрация «ясачные земли» делила на возглавляемые князьями волости и улусы.

Из описания Томского уезда, составленного по анкетам В. Н. Татищева геодезистом Иваном Шишковым в 1739 г., следует, что названная территория, в отличие от многих других, имела строгие границы с Красноярским, Кузнецким, Нарымским, Кецким, Енисейским уездами и Барабинской степью Тарского уезда. Территория Красноярского уезда, расположенного с Востока по отношению к Томскому, ранее называлась Кыргызской степью. Однако их «землица» окончательно вошла в состав России через неоднократные сражения в 1679–1680, 1682–1683, 1690–1691, 1696–1698, 1700–1701 гг. тобольских, томских, кузнецких и тарских служивых чинов с сибирскими кыргызами, возглавляемыми князьками Еренячкой Ишеевым, Корчинко и Чигунка Ереняковыми, Кутешкой Мунзиным и другие³³².

На карте Томского уезда, составленной Василием Шишковым в 1737 г., были расположены Ачинский, Верхотомский, Мелецкий, Сосновский, Умревинский, Уртамский, Чаусский остроги³³³. Однако не были учтены Каинский форпост и другие территории.

В Томском уезде наравне с русским населением («переведенцами», «гулящими», «присланными из г. Москвы и прочих городов») проживало

---

³³¹ «Опись, по силе присланных от его превосходительства действительного статского советника Василия Никитича Татищева ордеру и пунктов, в Колыванском заводе, в Ыртышских крепостях: в Ямышевской, Семи Полатной, Усть Каменогорской и в Томском и Кузнецком ведомстве в острогах Берском и Чеуском» (копия). Л. 403 об. ... С. 676.

³³² Описание Удорской провинции Томского уезда по данным при наказе пунктам от его превосходительства тайного советника Василия Никитича Татищева, писанного в 1738-м году июня 18-го, полученном в Ылимском уезде 1739 года марта 17 дня. Л. 1–1 об. // Татищев В. Н. Предложение о сочинении истории и географии российской // под ред., со вст. ст. и ком. А. И. Андреева. М., 1950. С. 77–78.

³³³ Историко-географические описания Верхнего Приобья и Прииртышья 1730–1740-х годов (по анкетам В. Н. Татищева): сб. док. ... С. 145.

множество и других народов: «ишимцы, пришедшие с р. Ишима Тарского уезда, остяки, калмыки, новокрещенные и магометанского закона татары»³³⁴.

На основе деления жителей Томского уезда на духовных, военных, гражданских, торговых, земских и ясачных в «Предложении» В. Н. Татищева на 1738 г. были указаны следующие сведения (без учета малолетних детей и ясачного населения):

– духовные: 1 архимандрит, 2 иеромонаха, 1 иеродиакон, 3 монахов, 39 попов, 4 дьякона, 37 дьячков и пономарей, в девичьем монастыре – 1 игуменья и 6 монахинь;

– служилых (по штату): 20 дворян, в том числе 1 казачий полковник, 80 детей боярских, 300 конных казаков, 500 пеших казаков, 52 чацких татар, 25 еуштинских татар, 16 приезжих белых калмыков;

– положенных в подушный оклад разночинцев в городе Томске – 2617 чел., в уезде – 4808 чел., татар – 1254 муж. души;

– посадских людей – 1133 муж. души;

– монастырских крестьян и вкладчиков – 240 муж. душ;

– в ведомстве Чауского острога разночинцев и беломестных конных казаков – 162 чел.³³⁵

Жители Томского уезда имели развитые торговые связи с Китаем. В связи с чем «здешние ездят с товарами для торга в г. Москву, Ыркуцк (*авт. – Иркутск*), до Кяхты и прочие русские и сибирские города (...), а из русских городов и ярмонок (*авт. – ярморок*) Макарьевской и Ирбитской привозят юфть (*авт. – мягкую выделанную кожу*), парчу, сукно, а отвозят более китайские товары»: шелковые, холщовые, хлопчатобумажные ткани, зеленые чаи, фарфоровую посуду, сухофрукты³³⁶.

---

³³⁴ Описание Удорской провинции Томского уезда по данным при наказе пунктам от его превосходительства тайного советника Василия Никитича Татищева, писанного в 1738-м году июня 18-го, полученном в Ылимском уезде 1739 года марта 17 дня. Л. 13 об., 19 об. – 20... С. 84, 86.

³³⁵ Там же. С. 86–88.

³³⁶ Описание Удорской провинции Томского уезда по данным при наказе пунктам от его превосходительства тайного советника Василия Никитича Татищева, писанного в 1738-м году июня 18-го, полученном в Ылимском уезде 1739 года марта 17 дня. Л. 25... С. 86.

Описание Кузнецкого уезда Сибирской губернии, подготовленное Иваном Шишковым, датируется 1742–1743 гг. Его название было связано с тем, что на его территории жили иноземцы, владевшие кузнечным мастерством. По сведениям И. Шишкова, Кузнецкий уезд в то время граничил на востоке с Красноярским уездом и китайскими владениями, на юге – с «Ыртышскими» крепостями и владением Зенгорской земли (Джунгарией), на западе – с «Ыртышскими крепостями» и Барабинской степью, на севере – с Томским уездом³³⁷.

Заметим, что российское правительство вплоть до середины 1750-х гг. допускало совместное с Джунгарией владение пограничной территорией в верховьях р. Иртыш и р. Оби, а также на Алтае. К концу 1720-х гг. в Кузнецком уезде двоеданническими признавались Итеберская, Каргинская, Шелканская, Келканская, Кергешская, Верхняя и Нижняя Кумандинские, Елейская, Ближняя Карга, Кузедеева, Кызыл Карга, Кавинская, Коинская, Шерская, Тогульская, Тагапская, Азкыштымская волости, а также Бежбояков и Ендаев улусы³³⁸.

В середине XVIII в. Цинский Китай разгромил Джунгарское ханство, но с позиции наличия военной угрозы для Сибири мало что поменялось. С целью закрепления русского населения на южных ее границах продолжали укрепляться ранее выстроенные крепости. С форпостами и редутами они образовывали укрепленные военные пограничные линии. Таким образом, к концу 1750-х гг. была выстроена Пресногорьковская линия, расположенная между р. Иртыш и р. Тобол. В 1760-х гг. строилась Колывано-Кузнецкая укрепленная линия, включившая в себя новые Усть-Каменогорскую, Верхне-Чарышскую и Катунскую крепости, соединявшиеся с Бийской крепостью и городом Кузнецком. С этого времени заселение крестьянским населением территории Горного Алтая расширилось, что позволило включить данную

---

³³⁷ Описание Сибирской губернии Удорской провинции Кузнецкого уезду по данным при наказе пунктам от его превосходительства тайного советника Василия Никитича Татищева, писанным в 1738-м году июня от 18, полученном в Ылимском уезде 1739 году марта 17 дня. Л. 53 // Татищев В. Н. Предложение о сочинении истории и географии российской // под ред., со вст. ст. и ком. А. И. Андреева. М., 1950. С. 80.

³³⁸ Боронин О. В. Двоеданничество в Сибири. XVII–60-е гг. XIX в. Барнаул, 2004. С. 131–132.

территорию в интегрированное пространство российской хозяйственной системы³³⁹.

В описании Кузнецкого уезда В. Н. Татищев подчеркивал, что на его территории расположены 10 глубоководных и способных для судоходства рек: Томь, Кондома, Мраса, Абакан, Бий, Лебедь, Катунь, Чарыш, Алей, Чюмыш, Обь. Однако никаких крупных торговых судов в то время по ним из-за отсутствия каналов не ходило. Благоприятными были условия для охоты и рыболовства, земледелия и скотоводства. Избыточный домашний скот и хлеб на маломерных судах шел «для продажи на медные господина Демидова заводы, в города Томск, Нарым, Сургут и до Березова»³⁴⁰.

Жители Кузнецкого уезда более всего по составу были схожи с населением городов Центральной России. В Кузнецком уезде русские представляли собой следующие группы:

– в городе: дворяне, дети боярские, сотники, пятидесятники, служилые люди, отставные и казачьи дети, посадские, дворовые и монастырские крестьяне;

– в острогах и слободах: беломестные казаки и казачьи дети, оброчные крестьяне и гулящие люди;

– в ясачных волостях: татары-идолопоклонники.

В уездном центре – г. Кузнецке, по данным воеводской канцелярии за 1738–1739 гг., на службе находились следующие лица: духовные чины – 4 чел.; обер- и унтер-офицеры, драгуны и солдаты, состоявшие на форпостах, – 402 чел.; дворяне, отправленные на службу, – 4 чел.; дети боярские – 23 чел.; конные казаки – 230 чел.; пешие казаки – 142 чел.; казачьи дети мужского

---

³³⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Д. 566. Л. 12–18.

³⁴⁰ Описание Сибирской губернии Удорской провинции Кузнецкого уезду по данным при наказе пунктам от его превосходительства тайного советника Василия Никитича Татищева, писанным в 1738-м году июня от 18, полученном в Ылимском уезде 1739 году марта 17 дня. Л. 61–66 об. ... С. 82–83.

пола, находившиеся еще в малолетстве, – 283 чел.; абинские татары – 20 чел.³⁴¹

В г. Кузнецке и прилегавших к нему деревнях, а также в острогах, слободах и приписанных к ним деревнях русских жителей, по переписи 1719 г. (в 1723), числилось:

- посадских – 94 чел.;
- разночинцев – 2741 чел.;
- оброчных крестьян, не считая приписанных к заводам, – 1991 чел.;
- приписанных к Колыванским и Барнаульским заводам крестьян – 1070 и 632 души соответственно;
- пашенных крестьян, которые платят отсыпной провиант, – 223 чел.;
- работников кузнецкого Рождественского монастыря – 43 чел.;
- дворовых людей, записанных за разночинцами, – 66 чел.³⁴²

Ясачные иноверцы, проживавшие в ясачных волостях, составляли 1376 чел., в том числе двоеданцев России и Джунгарии – 734 чел. Наряду с этим в кузнецкой воеводской канцелярией делался акцент на том, что количество русских и иноверцев, не обложенных подушной податью и ясаком, не было известно властям. При этом число малолетних детей, кроме казачьих, также не считалось.

Проведение Сибирского тракта и общесибирское перемещение населения на юг оказали решающее влияние на перераспределение русского населения в Прибайкалье, в районы по берегам р. Лены, вокруг городов Илимск, Иркутск, Братск, Бельск. Несмотря на успехи в научном описании территории Западной Сибири, восточная ее часть оставалась к середине XVIII в. малоисследованной. Для современников были неясны территориальные рубежи многих сибирских пограничных уездов в связи с неустановленными интересами соседних государств. Например, только в

---

³⁴¹ Описание Сибирской губернии Удорской провинции Кузнецкого уезду по данным при наказе пунктам от его превосходительства тайного советника Василия Никитича Татищева, писанным в 1738-м году июня от 18, полученном в Ылимском уезде 1739 году марта 17 дня. Л. 68 об. ... С. 84–85.

³⁴² Там же. С. 85.

1727 г. по Буринскому трактату и Кяхтинскому договору были урегулированы споры и установлены четкие русско-китайские границы в Забайкалье, в ответ на что была заложена Троицко-Савская крепость и в трех километрах к югу от нее – Кяхтинская слобода.

В политически и экономически нестабильную эпоху «дворцовых переворотов» верховная власть в рамках вопроса территориального деления Сибири реализовывала нововведения, имевшие прикладной и фискальный характер.

Во-первых, количество дистриктов, т. е. наиболее адаптированных к взиманию налогов территориальных единиц, было увеличено в 1727–1736 гг. с двух до девяти: Краснослободской, Тобольский подгорный – в Тобольской провинции, Балаганский, Верхоленский, Иркутский подгорный, Селенгинский (с 1736 – уезд), Окуневский, Шадринский, Исетский – в Иркутской провинции (см. прил. табл. 2). При этом происходили изменения в церковном распределении епархиальной территории в зависимости от административного деления³⁴³.

Во-вторых, в 1735 г. главный начальник горных заводов Урала и Сибири В. Н. Татищев добился передачи Колывано-Воскресенского завода (алтайского завода действительного статского советника господина Акинфия Демидова) в государственную собственность (на один год), а с 1747 г. – по указу императрицы Елизаветы Петровны – уже в вечную императорскую собственность³⁴⁴. В свою очередь, расположенный в Забайкалье Нерчинский завод, основанный казной в 1704 г., был первым в России по объемам добычи серебра, максимумом которого считается 1744 г. – 629,5 пуда³⁴⁵. Значение Нерчинска и Алтая было обусловлено мировым значением не только меди и серебра, но и свинца как побочного продукта сереброплавильного производства, используемого для производства боеприпасов к огнестрельному оружию и артиллерии. Поэтому открытие рудников в

³⁴³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. 1730–1739 гг. Д. 3. Л. 4.

³⁴⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Д. 161. Л. 27.

³⁴⁵ История Алтая в документах и материалах. Конец XVIII – начало XX века. Барнаул, 1991. С. 52.

Сибири непосредственно влияло на роль России в геополитическом плане и было средством обеспечения потребностей армии в соответствующем вооружении.

Для более успешного освоения территорий, приносивших казне огромную прибыль, на законодательном уровне были приняты решения, например, о том, что «всех пришлых в Сибирь людей селить при Колывано-Воскресенских, Барнаульских и Шульбинских заводах (с 1749 г.)»³⁴⁶, «записывать в Иркутск и Нерчинск зашедших туда из других мест черносошных крестьян (с 1759 г.)»³⁴⁷, «колодников, осуждаемых к ссылке, посылать впредь в Сибирь для поселения при Нерчинских заводах (1760 г.)»³⁴⁸, «ссылных селить на дистанциях от Тобольска к Иркутску, а от Иркутска до (г.) Нерчинска»³⁴⁹ и пр. При этом была организована защита этих земель на том же уровне, что и других пограничных линий; доставлялся провиант³⁵⁰.

Определенным рубежом в территориальном делении Сибири был 1736 г. По указу императрицы Анны Иоанновны от 30 января 1736 г. «О разделении управления Сибирской Губернии на две части, с назначением в Иркутске Вице-Губернатора и о сношении его с Тобольским Губернатором промемориями»³⁵¹ были установлены равные отношения между Иркутским вице-губернатором и Сибирским губернатором, при этом Иркутский вице-губернатор по спорным вопросам и с отчетами обращался сразу в столичные

---

³⁴⁶ О позволении военным чиновникам покупать у чужеземцев Калмык и Калмычек, о пропуске их чрез Верхотурье в Россию // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1749. 7 июня. Т. 13, № 9626. С. 75.

³⁴⁷ О записывании в Иркутск и Нерчинск в цеховые зашедших туда из других мест черносошных крестьян для населения тех городов, и о непринятии в оных городах помещичьих, дворцовых и монастырских крестьян // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1759. 7 июля. Т. 15, № 10974. С. 361.

³⁴⁸ Об отправлении впредь в Сибирь для работ и поселения при Нерчинских заводах колодников обоего пола, осуждаемых к ссылке в Рогервик и другие места // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1760. 17 октября. Т. 15, № 11123. С. 533.

³⁴⁹ О прекращении ссылки на Колыванские заводы колодников, и о селении их на основании указа 1761 г. август 22 (сентября 25) дня на дистанциях от Тобольска к Иркутску, а от Иркутска до Нерчинска // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1762. 22 января. Т. 15, № 11414. С. 891.

³⁵⁰ О неотложном исполнении требований Кабинета к распространению выгод и к пользе Колывано-Воскресенских заводов // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1761. 12 января. Т. 15, № 11185, п. 8. С. 616; О порядке доставления из ближних мест казенного провианта на Иркутскую, Колывановоскресенскую и Кузнецкую линии и о развозе оного в полки // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1761. 28 ноября. Т. 15, № 11368. С. 843.

³⁵¹ О разделении управления Сибирской Губернии на две части, с назначением в Иркутске Вице-Губернатора и о сношении его с Тобольским Губернатором промемориями // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1736. 30 января. Т. 9, № 6876. С. 733.

правительственные структуры – различные в зависимости от вопроса коллегии и Сенат³⁵². Так, с этого времени Сибирь фактически делилась на две административно-территориальные единицы – Сибирскую (Тобольскую) и Иркутскую провинции.

Территориальной основой для Сибирской провинции была Тобольская провинция в составе 13 уездов, 2 дистриктов, 5 крепостей: Березовский, Верхотурский, Ишимский, Кузнецкий, Нарымский, Пелымский, Сургутский, Тарский, Тобольский, Томский, Туринский, Тюменский, Ялуторовский, Краснослободской и Тобольский подгорный дистрикты, Ямышевская, Семипалатинская Усть-Каменогорская, Омская, Железинская крепости; присоединились к ним 4 уезда и 2 комиссарства ликвидированной Енисейской провинции: Мангазейский, Енисейский, Красноярский, Кетский, Абаканское и Каинское комиссарства (см. прил., табл. 2).

Иркутская провинция, с 1736 г. юридически равная по уровню «суверенитета» Сибирской (Тобольской) провинции, включила в себя девять территориально-административных единиц: Иркутский, Илимский, Нерчинский, Селенгинский, Якутский уезды, Балаганский, Верхотурский, Иркутский подгорный дистрикты и Охотское приморское управление, вошедшее в состав Иркутской губернии в 1731 г. (см. прил. А., табл. 2).

Включение Охотского приморского управления в состав Иркутской провинции, несомненно, стало одной из причин приобретения последней самостоятельности и выведения ее из-под непосредственной власти Сибирского губернатора³⁵³.

Охотское приморское управление было образовано указом Правительствующего Сената в 1731 г. и охватило побережья Охотского и Берингова морей, Анадырский край, Камчатский полуостров, Алеутские и Курильские острова, Удский острог с округом (с 1739)³⁵⁴.

³⁵² ГАКК. Ф. 907. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–5, 96.

³⁵³ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 38. Л. 4.

³⁵⁴ Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей, со включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран / сост. преп. Благовещ. муж. гимназии Александр Кириллов. Благовещенск: Тип. т-ва Д. О. Мокин и К, 1894. Прил. IV. 543 с.

Интенсивное проникновение России на территорию Тихоокеанского побережья началось в середине XVIII в. В это время верховная власть была озабочена развитием морского пути, соединявшего побережье Охотского моря и п-ов Камчатку, а также морского пути на Восток, т. е. в Японию (с севера и вдоль Курильских островов), а также на Запад – через Алеутские о-ва к берегам Северо-Западной Америки³⁵⁵.

Заметим, что портовый город Охотск, находившийся тогда в составе Иркутской провинции, был первым основным российским городом на Тихоокеанском побережье и играл роль отправного пункта всех морских экспедиций. Уже в 1735 г. на его территории присутствовали около 200 казаков, 30 мастеровых, 2 кораблестроителя, 1 строитель и 2 штурмана, а среди постоянных жителей в г. Охотске находилось около 80 казачьих семей и 60 семей якутов³⁵⁶. Успешный зверобойный промысел привлекал в Охотск предприимчивых людей из городов Центральной России и других (более западных) территорий Сибири. Имперская власть принимала идею о направлении труда промысловиков и торговцев не только на собственное благо, но и на благо государства. Наиболее действенным решением поставленной задачи тогда казалось выведение данной территории в самостоятельную административную единицу, позволявшую эффективно организовать систему налогообложения и более пристальный государственный контроль.

В 1783 г., через полвека после освоения русскими этой территории, была создана Охотская область как самостоятельная административно-территориальная единица, управлявшаяся наравне с другими областями (провинциями) Иркутского и Тобольского наместничеств.

В 1738–1744 гг. в Сибирскую губернию входила и Исетская провинция в составе Окуневского, Шадринского и Исетского дистриктов, отошедшая затем в Оренбургскую губернию (см. прил., табл. 2).

---

³⁵⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Д. 180. Л. 46.

³⁵⁶ РГАДА. Ф. 199. Портф. 497.

Таким образом, в результате преобразований периода правления Петра I территориальное деление Сибири было организовано по общероссийским принципам. Территориальное устройство Сибири подверглось серьезной модернизации, которая предполагала унификацию структуры управления³⁵⁷. В 1708–1763 гг. шел поиск наилучшей формы административно-территориальной единицы между губернией и уездом (дистриктом) в рамках всей России. Комендантские и обер-комендантские провинции, сменившие собой разряды и ландратские доли, так и не внедренные в Сибири, не удовлетворили имперскую администрацию. Их заменили на провинции, которые оказались наиболее оптимальной формой деления и все более приобретали статус губерний. При этом экономически-производственные районы Сибири формировались также сверху в зависимости от установленных административно-территориальных единиц, а социально-экономические в них отношения регламентировались государством в целях обеспечения казенных интересов верховной власти.

Сибирская губерния и после Петра I сохранила статус территории, владения которой объединяли земли Дальнего Востока, Сибири и части Восточного Приуралья. Все вышеуказанные реформы говорят о попытках правительства не только внешне очертить административные границы Сибири в составе России, но и постараться выделить внутреннее административное деление территории на понятных для того времени принципах с попыткой учета огромных сибирских пространств и малочисленности проживавшего на них населения.

---

³⁵⁷ ГАКК. Ф. 908. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–3.

2.2. Административно-территориальные единицы в системе реформ Екатерины II (наместничества, губернии, области, провинции, уезды и округа)

Административно-территориальное управление в 1764–1778 гг.

Начало царствования Екатерины II было ознаменовано планированием изменений системы управления Российской империей. Сибирь, названная сибирским губернатором Ф. И. Соймоновым «золотым дном» государства, входила в перечень территорий, удостоенных внимательного отношения императрицы. Согласно «Высочайшей резолюции» от 11 июня 1763 г. на доклад бывшего губернатора тайного советника Ф. И. Соймонова³⁵⁸ и действующего губернатора Д. И. Чичерина³⁵⁹ в Сибири действовала Секретная комиссия (в лице губернатора), предоставлявшая сведения Екатерине II о реальном положении дел в отдаленной от Центра восточной окраине³⁶⁰. Этим самым власть подтверждала, что преобразования в административно-территориальном строении, нацеленные на усовершенствование ранее существовавшей системы, ждут и Сибирь.

Сибирский регион во второй половине XVIII в., несмотря на интенсивное экономическое освоение, оставался малонаселенным. Удельный вес сибиряков (русских и аборигенов) в составе населения России был крайне низким: 1719 г. – 3,1 %, 1795 г. – 3,2 %. Хотя данные регулярно проводимых «ревизий» или переписей населения показывают, что рост населения Сибири был значительно выше, чем по стране в целом. Так, в Сибири численность русских между первой и четвертой ревизиями (1719–1795) увеличилась в 2,43 раза, что почти в полтора раза больше, чем по всей стране, при этом

³⁵⁸ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 38. Л. 1–13.

³⁵⁹ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 48. Л. 1–3 об.

³⁶⁰ «О бытии учрежденной в Сибири Секретной Комиссии и находящемуся там гарнизону в ведомстве Губернатора; об определении в Сибирь Лекарей, Аптекаря и к ним из отставных Обер-Офицеров и рядовых для призрения погибающих оспой, с производством жалованья из тамошних доходов; об освобождении Сибирских жителей от рекрутского набора впредь до указа; о поставке провианта вверх Иртышской крепости подрядом; о ежегодной отставке из Сибирских полков; о сборе с тамошнего купечества рекрут для поселения; о переписи и положении в подушный оклад бежавших в Сибирь крестьян и живущих там с просроченными паспортами // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1763. 11 июня. Т. 16, № 11860. С. 294.

размеры среднегодового прироста населения в Сибири и остальной части России соотносились в значениях 11,9 и 8,2 чел. на 1000 жителей. Все это в определенной степени выявило источник заселения Сибири – внешний приток из европейской части Российского государства, а также естественный прирост населения за счет высокой рождаемости среди сибирских старожилов³⁶¹.

Землепроходцы и внутренняя миграция к концу XVIII в. раздвинули границы Сибири. Переселенцы из освоенных территорий Верхотурско-Тобольского земледельческого района, лесостепи Иртыша, Верхнего Приобья и Приенисейского края переселялись на юг в Минусинскую котловину, Алтай, Восточное Забайкалье и далее на Восток. Экспедиции, организованные для описания земель, составления новых карт и поиска полезных ископаемых, открыли для русско-народного заселения просторы Дальнего Востока, Камчатки, северного побережья Азии.

Административная ссылка, более всего распространившаяся после указа 1760 г. «О приеме в Сибирь на поселения от помещиков дворовых, синодальных, монастырских, купеческих и государственных крестьян с зачетом их за рекруты...», наводняла Сибирь уже не «политическими преступниками», а ссылными из «простого» люда, которые, например, в Каинском уезде Томской области Тобольского наместничества к середине 1780-х гг. насчитывали 80 % от всех государственных крестьян в составе его населения³⁶².

Сибирь с 1760-х гг. уже была неотъемлемой составной частью Российской империи. Земледелие, ремесленное производство, торговля, соледобыча, винокурение, крупная промышленность мануфактурного типа (добыча и обработка железной, медной и серебряной руд) вышли на более высокий уровень развития, соответствовавший общероссийскому. Позитивными и стимулирующими факторами социально-экономического

---

³⁶¹ Кабузан В. М. Народонаселение России в XVIII – в первой половине XIX в. по материалам ревизии. М.: АН СССР, 1963. С. 63–67.

³⁶² ГАКК. Ф. 908. Оп. 1. Д. 1 «Дела по разным предметам, 1782 г.». Л. 2 об.

развития Сибири стали: строительство Сибирского тракта, выпуск бумажных денег, ограничение монополий, отмена внутренних таможен, законодательное определение прав и привилегий купечества, развитие торговой инфраструктуры, открытие и работа учебных заведений (в Тобольске и Иркутске – Главные народные училища, семинарии, гарнизонные школы, многочисленные начальные классы при монастырях и церквях). Однако Сибирь, по ряду причин, все еще оставалась в ранге «особых» российских территорий: отсталая инфраструктура, неразвитая денежная система, огромные расстояния, налоговая политика государства, отличный от России этнический, конфессиональный и сословный состав населения, его слабая правовая защищенность, а часто и противоречия в административно-территориальном управлении регионом.

В 1762 г. Екатерина II поручила Сенату разработку общероссийской реформы местной власти, а составление ее проекта Сенат возложил на князя Я. П. Шаховского. Он, в свою очередь, для решения поставленного вопроса для Сибири обратился за помощью к бывшему сибирскому губернатору, на тот момент сенатору и советнику Екатерины II «по сибирским делам» Ф. И. Соймонову, зарекомендовавшему себя «разумным политиком». Проект Я. П. Шаховского включал идею создания генерал-губернаторств в количестве 7 территориальных единиц, губерний – 17 единиц, провинций – 30, приписных городов – 116, пригородков – 13, а количество служивших в них чиновников разного ранга должно было составлять 16 860 человек³⁶³. Предложения Я. П. Шаховского были не одобрены, но обсуждены в Сенате и рассмотрены императрицей. Последствием работы Я. П. Шаховского стало создание законодательных актов, разработанных при участии Н. И. Панина и А. И. Глебова: О штатах от 15 декабря 1763 г., Наставление губернатору от 21 апреля 1764 г. и указ от 11 октября 1764 г. – о новых принципах

---

³⁶³ РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 21. Л. 76 об. – 77 об.

административно-территориального деления. При этом все возможные недочеты в управлении Екатерина II обещала исправить³⁶⁴.

В имперском понимании территориально-административные структуры управления в Сибири должны были соответствовать стратегическим интересам России, в том числе и в военном отношении. В тот период двухсторонние отношения с Китаем были достаточно напряженными. В указе Екатерины II от 28 ноября 1763 г. говорилось о необходимости сибирских пограничных властей иметь подготовленные войска для защиты от нападений маньчжуров. В связи с этим были начаты строительство Иркутской укрепленной линии и передислокация войск в Забайкалье³⁶⁵.

В проекте административно-территориального устройства Сибири Я. П. Шаховского предлагалось выделение в регионе трех губерний: Сибирской (или Тобольской), Иркутской и Якутской³⁶⁶. Но проект не был осуществлен. Когда это предложение проходило обсуждение, Екатерина II и Сенат обратились к бывшему сибирскому губернатору Ф. И. Соймонову. Ф. И. Соймонов считал, что для увеличения числа жителей приграничных с Китаем территорий и для эффективной защиты русской-китайской границы достаточно провести деление Сибири на Тобольскую и Иркутскую губернии³⁶⁷.

На наш взгляд, подходы к административно-территориальному устройству Сибири князя Я. П. Шаховского и бывшего сибирского губернатора Ф. И. Соймонова четко отражают две точки зрения. Первая была сформирована на основе опыта управления центральной частью Российской империи, когда такие большие пространства должны быть разделены на три губернии. Другая точка зрения сложилась в результате опыта управления территорией Сибири и понимания его внутренних сложностей и противоречий, таких как малонаселенность Сибири (несмотря на высокие

---

³⁶⁴ Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 2. М.; Л., 1941. С. 161–175.

³⁶⁵ Быконя, Г. Ф. Русское неподатное население... С. 179.

³⁶⁶ Готье Ю. В. История областного управления в России... С. 166.

³⁶⁷ Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 80.

показатели прироста населения), нехватка профессиональных чиновничьих кадров.

Последнее предложение было реализовано в именном указе от 11 октября 1764 г., согласно которому Сибирь получила наименование Сибирского царства, в котором была учреждена Иркутская губерния³⁶⁸. При этом в составе Сибирского царства находилось две губернии: Сибирская (Тобольская) – с административным центром в городе Тобольске и губернатором во главе; Иркутская – с центром в городе Иркутске и Иркутским губернатором, равным по статусу Сибирскому (Тобольскому).

Топоним «Тобольская губерния» официально не употреблялся еще в течение четырех лет, так как анализ законодательной практики дает право утверждать, что оставшаяся после выделения Иркутской губернии часть Сибирского царства именовалась не Тобольской, а именно Сибирской губернией: «Об учреждении в Сибирском Царстве другой Губернии (1764 г.)»³⁶⁹; «О сравнении Сибирских Губерний по откупам и подряду вина с прочими Губерниями; о составлении для сего купеческой компании и о цене вина (1764 г.)»³⁷⁰; «О произведении служащих в Сибирской и Иркутской Губерниях в чин чрез шесть лет (1765 г.)»³⁷¹; «О поручении в ведомство Тобольского и Иркутского Губернаторов соляной продажи в подведомственных им Губерниях (1766 г.)»³⁷²; «Об отсылке оказывающихся в Сибирской Губернии сумасшедших людей, не имеющих своего пропитания, в те монастыри, где неполное число по штатам монахов (1767 г.)»³⁷³ и др. Первое упоминание на законодательном уровне Тобольской

---

³⁶⁸ Об учреждении в Сибирском Царстве другой Губернии, под названием Иркутской // ПРЗ РИ. Собр. 1. 1764. 19 октября. Т. 16, № 12269. С. 944.

³⁶⁹ Об учреждении в Сибирском Царстве другой Губернии, под названием Иркутской // ПРЗ РИ. Собр. 1. 1764. 19 октября. Т. 16, № 12269. С. 945.

³⁷⁰ О сравнении Сибирских Губерний по откупам и подряду вина с прочими Губерниями; о составлении для сего купеческой компании и о цене вина // ПРЗ РИ. Собр. 1. 1765. 28 октября. Т. 17, № 12500. С. 367.

³⁷¹ О произведении служащих в Сибирской и Иркутской Губерниях в чин чрез шесть лет // ПРЗ РИ. Собр. 1. 1766. 16 декабря. Т. 17, № 12524. С. 462.

³⁷² О поручении в ведомство Тобольского и Иркутского Губернаторов в соляной продажи в подведомственных им Губерниях // ПРЗ РИ. Собр. 1. 1766. 22 марта. Т. 17, № 12599. С. 614.

³⁷³ Об отсылке оказывающихся в Сибирской Губернии сумасшедших людей, не имеющих своего пропитания, в те монастыри, где неполное число по штатам монахов // ПРЗ РИ. Собр. 1. 1768. 1 июля. Т. 18, № 13143. С. 696.

губернии произошло 15 апреля 1770 г. в указе «Об отправлении из Тобольской и Иркутской Губерний в Москву или С. Петербург остающихся за расходом сумм, принадлежащих Штатс-Конторе»³⁷⁴, что, впрочем, не доказывает содержательных различий на фактологическом уровне в топонимах «Сибирская губерния» и «Тобольская губерния» периода 1764–1770 гг. Важно, что при этом термин «генерал-губернаторство» в законодательной практике вовсе не употреблялся.

Правительственным решением Тобольская (Сибирская) губерния с 1764 г. была составлена из уездов до этого времени существовавшей ранее Сибирской провинции, включавшей в свой состав с 1736 г. территории Тобольской и Енисейской провинций³⁷⁵.

В Тобольскую (Сибирскую) губернию в 1764 г. вошли 17 уездов: от Тобольской провинции – Березовский, Верхотурский, Ишимский, Кузнецкий, Нарымский, Пелымский, Сургутский, Тарский, Тобольский, Томский, Туринский, Тюменский, Ялуторовский; от Енисейской провинции – Мангазейский, Енисейский, Красноярский, Кетский; два дистрикта Тобольской провинции – Краснослободской и Тобольский подгорный; пять крепостей Тобольской провинции – Ямышевская, Семипалатинская, Усть-Каменогорская, Омская, Железинская крепости; два комиссарства Енисейской провинции – Абаканское, Каинское (см. прил., табл. 3). Следовательно, Енисейская провинция как административно-территориальная единица была ликвидирована.

В 1764 г. Иркутская губерния пополнилась четырьмя уездами: Илимским, Иркутским, Нерчинским, Якутским; огромным по территории Охотским приморским управлением; четырьмя дистриктами: Иркутским

---

³⁷⁴ Об отправлении из Тобольской и Иркутской Губерний в Москву или С. Петербург остающихся за расходом сумм, принадлежащих Штатс-Конторе // ПРЗ РИ. Собр. 1. 1770. 15 апреля. Т. 19, № 13449. С. 54.

³⁷⁵ Об учреждении в Сибирском Царстве другой Губернии, под названием Иркутской // ПРЗ РИ. Собр. 1. 1764. 19 октября. Т. 16, № 12269. С. 944; Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 80.

подгородным, Верхолениским, Баргузинским, Селенгинским³⁷⁶ (см. прил., табл. 3). Такое деление просуществовало до 1778 г.

Территориальное деление в 1779–1796 гг. Реорганизация местного управления в России началась с выходом в ноябре 1775 г. законодательного акта «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи»³⁷⁷. Стоит отметить, что Екатерина II первоначально не планировала применять «Учреждение» для выстраивания системы реализации государственной власти в Сибири, это планировалось осуществить лишь в Малороссии, Лифляндии и на прочих территориях³⁷⁸. Особенности отдаленного региона требовали своего подхода в управлении. В Сибири были несравненно большие по площади территории, освоенные еще недостаточно, при этом наличие границы с враждебным Китаем привело императрицу к идее о необходимости деления восточной части зауральской России на губернии «внутренние» и «пограничные»³⁷⁹. Коренные народы Сибири составляли значительную часть всего ее населения, что требовало индивидуального подхода к решению вопроса их управления, через который решали фискальные и ресурсные задачи³⁸⁰. В Сибири же помещичье землевладение практически отсутствовало, что не давало возможности опоры государства на дворянское сословие. Однако внутривосточные события в контексте крестьянской войны под руководством Е. Пугачева способствовали распространению взглядов на необходимость реформирования местной системы управления и за Уралом.

«Учреждение для управления губерний Всероссийской империи» Екатерины II вступило в стадию реализации на территории Сибири спустя четыре года после его принятия (см. прил., табл. 3).

Во-первых, в мае 1779 г. был принят Именной указ императрицы «Об учреждении Колыванской (Колыванско-Воскресенской) области» как части

³⁷⁶ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 51. Л. 2.

³⁷⁷ Полное собрание узаконений о губерниях по хронологическому порядку с 1754 по 1818 июнь месяц. Спб.: Сенат. тип., 1818. С. 2–138.

³⁷⁸ Акишин М. О. Российский абсолютизм... С. 257, 300.

³⁷⁹ Там же. С. 301.

³⁸⁰ ГАИО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14. Л. 2–18; Д. 17. Л. 3.

Тобольской губернии³⁸¹. Сенат определил, что в нее войдет «окружность, объемлемая Колывано-Воскресенскими Заводами», управляемая с этого времени по смешанному принципу, так как «смешение разных родов дел» в одном было уже неприемлемо – вызывало «путаницу в делах», «обременяло население»³⁸². Учреждение Колыванской области, открытой 1 мая 1779 г.³⁸³, определило разделение правления на две самостоятельные части: 1) горное правление, остававшееся, как и прежде, под началом Кабинета Е. И. В., в который отправлялись доходы, полученные с Колывано-Воскресенских заводов; 2) гражданское, отныне сосредоточивавшееся в области. В Колыванскую область вошли прежние Кузнецкий и Томский уезды, а также новые Бурлинский и Барнаульский уезды³⁸⁴.

Во-вторых, Тобольская и Иркутская губернии были реорганизованы и в рамках Сибири созданы два наместничества и одна губерния: 19 января 1782 г. выделено Тобольское наместничество³⁸⁵; 6 марта 1783 г. – Иркутское наместничество³⁸⁶; 16 мая 1783 г. – Колыванское наместничество³⁸⁷, названное также Колыванской губернией³⁸⁸. Из Тюменской провинции Сибирской губернии в 1781 г. было выделено самостоятельное и с тех пор относившееся к восточному Приуралью Пермское наместничество, делившееся на Пермскую и Екатеринбургскую области.

В-третьих, наместничества Сибири были включены в созданные более крупные территориально-административные образования – главные управления в форме генерал-губернаторств. В Пермское и Тобольское

---

³⁸¹ Об учреждении Колыванской области // ПРЗ РИ. Собр. 1. 1779. 1 мая. Т. 20, № 14868. С. 814–817.

³⁸² О именовании Колыванской областью окружности Колывано-Воскресенских заводов и о назначении в оную Областного Правителя // ПРЗ РИ. Собр. 1. 1779. 27 мая. Т. 20, № 14882. С. 828–829.

³⁸³ Общий свод Штатов Наместничеств и Губерний в Царствование Государыни Императрицы Екатерины II // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1796. Т. 44. Книга штатов. Ч. 2, № 17494. С. 262.

³⁸⁴ Об открытии Управления в Колыванской области // ПРЗ РИ. Собр. 1. 1779. 14 августа. Т. 20, № 15044. С. 969; Об открытии Вологодского Наместничества и Областей Архангельской и Колыванской // ПРЗ РИ. Собр. 1. 1780. 17 сентября. Т. 20, № 15065. С. 988.

³⁸⁵ Об учреждении Тобольского Наместничества из двух областей, Тобольской и Томской, и о разделении оных на уезды // ПРЗ РИ. Собр. 1. 1783. 19 января. Т. 20, № 15327. С. 385–386.

³⁸⁶ Об устройстве Иркутского наместничества // ПРЗ РИ. Собр. 1. 1782. 6 марта. Т. 21, № 15327. С. 875; Об открытии Иркутского и Выборгского Наместничеств // ПРЗ РИ. Собр. 1. 1784. 6 марта. Т. 21, № 15921. С. 18.

³⁸⁷ Высочайше утвержденный штат Колыванского Наместничества // ПРЗ РИ. Собр. 1. 1783. 16 мая. Т. 21, № 15737. С. 923.

³⁸⁸ Об открытии Колыванской губернии // ПРЗ РИ. Собр. 1. 1783. 23 октября. Т. 21, № 15857. С. 1039.

генерал-губернаторство вошло Тобольское наместничество (в рамках Сибири). В Иркутское и Колыванское генерал-губернаторство включены два других наместничества – Иркутское и Колыванское³⁸⁹. Условно говоря, Восточная и Южная Сибирь были соединены в один крупный административно-территориальный округ – Колыванское и Иркутское генерал-губернаторства, Западная Сибирь – в Пермское и Тобольское генерал-губернаторства.

Важно, что наместничества в Сибири имели разный статус, в зависимости от которого назначались денежные выплаты служившим в них чиновникам. Тобольское наместничество, Колыванская (Колывано-Воскресенская) область и после ее реорганизации Колыванское наместничество относились к I разряду, объединявшему территории, имевшие более стандартизованное управление, Иркутское наместничество относилось ко II разряду территорий, а служившие в них чиновники имели более высокий размер жалованья. В перечень территориально-административных единиц II разряда, образованных в 1783 г. и позднее, вошли, например, Рижское, Ревельское, Выборгское, Курляндское наместничества, Санкт-Петербургская губерния, по праву считавшиеся на особом положении среди других российских земель. К подобным относилось и Иркутское наместничество³⁹⁰.

Причисление Колыванского наместничества к территориям I разряда было обусловлено выделением в 1764 г. горного правления в отдельную структуру, подотчетную Кабинету Е. И. В., в связи с чем часть гражданского правления, как тогда казалось в правительстве империи, могла быть приравнена к общероссийскому.

На практике Колыванское наместничество сохранило «особый» статус, и зачастую в официальном режиме многие вопросы по организации хозяйства и управления в нем решались заодно с Иркутским

---

³⁸⁹ РГАДА. Ф. 248. Д. 6500. Ч. 3. Л. 84–85 об.

³⁹⁰ Общий свод Штатов Наместничеств и Губерний в Царствование Государыни Императрицы Екатерины II // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1796. Т. 44. Книга штатов. Ч. 2. № 17494. С. 262.

наместничеством³⁹¹. При этом по отношению к Колыванскому наместничеству, как и Иркутскому, государство проводило политику военизации населения, усиленного контроля за заселением их территорий, что с начала XVIII в. не применялось к более западным землям Тобольского наместничества³⁹².

Два сибирских наместничества (Тобольское и Иркутское) делились на провинции, которые представляли собой промежуточные звенья административно-территориального управления между наместничеством и уездом. Этим самым коронная администрация приспособила систему управления к огромным сибирским территориям. В свою очередь, деление наместничеств на более «мелкие» по площади административно-территориальные единицы типа «провинций и областей» в Центральной России не применялось.

Согласно именному указу Екатерины II Сенату Тобольское наместничество делилось на две провинции, или, как еще называли, области, – Тобольскую и Томскую.

Тобольская провинция (область) включала 10 уездов: Березовский, Ишимский, Курганский, Омский, Сургутский, Тарский, Тобольский, Туринский, Тюменский и Ялуторовский. Томская область состояла из 6 уездов: Ачинского (составленного из шести северных волостей Красноярского уезда – Устюжской, Атамановской, Сухобузимской, Нахвальской, Подъемской и Большекемчугской), Енисейского, Нарымского, Каинского, Томского и Туруханского уездов (см. прил., табл. 3).

Иркутское наместничество было разделено на четыре провинции (области), охватывавшие 17 уездов. В Иркутскую область вошли Иркутский, Верхоленинский, Нижне-Удинский, Киренский уезды. В Якутскую область – Якутский, Алданский (Алекминский), Оленский, Жиганский, Зашиверский

---

³⁹¹ Об отпуске каждогодно суммы на разные расходы в Иркутской и Колыванской Губерний // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1783. 15 мая. Т. 21, № 15735. С. 922.

³⁹² О распределении поселенных в Колыванской Губернии казачьих детей, пришедших в указанные лета, в казацкие команды // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1790. 10 декабря. Т. 23, № 16927. С. 199; О поселении Волжских Калмыков в Колыванской Губернии // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1791. 27 января. Т. 23, № 16937. С. 206.

уезды. В Охотскую область – Охотский, Гижигинский, Акланский, Нижнекамчатский уезды. В Нерчинскую область – Нерчинский, Доронинский, Баргузинский, Сретенский уезды (см. прил., табл. 3).

Территории Колывано-Воскресенских заводов, с 1779 г. объединившиеся в Колыванскую (Колывано-Воскресенскую) область еще при Тобольской губернии, в 1783 г. были преобразованы в самостоятельную Колыванскую губернию. В нее вошли Колыванский, а также Семипалатинский, Бийский, Кузнецкий и Красноярский уезды. Открытие Колыванской губернии состоялось 28 июля 1783 г. Впервые статус городов получили Бийск и Семипалатинск. Важно, что Колыванская губерния не делилась на области, что подтверждает ее более низкий по иерархии статус по сравнению с наместничеством. Отсюда мы считаем, что «наместничество» и «губерния» не понимались правительственными структурами при Екатерине II как равные административно-территориальные единицы (см. прил., табл. 3).

Так, в результате губернской реформы 1775 г., получившей реализацию в Сибири только в 1779–1784 гг., были выделены значительные по территории административные единицы. Тобольское наместничество включало Западную и Среднюю Сибирь, Иркутское наместничество включало Восточную и Среднюю Сибирь и Дальний Восток, Колыванское наместничество включало Южную и Среднюю Сибирь. Важно, что деление территории на наместничества и области отражало естественное деление Сибири на западную, южную и восточную ее части. При этом естественную целостность Центральной Сибири в долине р. Енисей разделили между наместничествами в угоду внешнеполитических интересов, создав буферную зону между Российской империей и Китаем.

Так, Тобольское наместничество включало Западную и Среднюю Сибирь (в составе Тобольской и Томской областей). Иркутская, Нерчинская и Якутская области, относившиеся к Иркутскому наместничеству, большей частью находились на территории Восточной Сибири. Тем временем

Охотская область относилась к Дальневосточному региону (в границах объединенных территорий).

Хозяйственное развитие этих территорий во многом было обусловлено особенностями данной местности – здесь находились Колывано-Воскресенские горно-металлургические заводы.

Однако специфика Восточной Сибири не была учтена в предложенной территориальной сетке, так как Енисейская провинция, представлявшая Среднюю Сибирь, была ликвидирована, а ее уезды распределены по наместничествам³⁹³. По мнению историка Г. Ф. Быкони, которое мы поддерживаем, ликвидация Енисейской провинции как самостоятельной административной единицы было ошибочным решением. С 1719 до 1782 г. Енисейская провинция географически воплощала Среднюю Сибирь, и Приенисейский край, благодаря развитию торгово-экономических связей уже был сформирован в своих естественных географических границах. Причину в неестественном административном делении Енисейской провинции он видит в стремлении центральной власти иметь хотя бы одно сибирское наместничество (Тобольское) в качестве внутреннего, так как пограничными были Иркутское наместничество и Колыванская губерния³⁹⁴.

Таким образом, выстроенная по губернской реформе 1775 г. территориальная сетка существовала в Сибири с 1779 до 1797 г. На высшем уровне административно-территориального деления она была представлена системой: генерал-губернаторство – наместничество (губерния) – область. Увеличение числа административных единиц за счет трехчленной территориальной структуры Сибири, внедренной в 1779–1784 гг. и действовавшей до 1797 г., можно считать продолжением «малой» областной реформы 1764 г., которые в комплексе представили собой единый замысел императрицы сделать административно-территориальное управление Сибири более приспособленной к ее огромным пространствам.

---

³⁹³ Власть в Сибири XVI – начало XX вв. Новосибирск, 2005. С. 114.

³⁹⁴ Быконя Г. Ф. Русское неподатное население... С. 221.

2.3. Территориальное деление «восточной окраины» Российской империи в 1797–1860 гг.

Территориальное управление в 1797–1821 гг. Развитие экономики, усложнение общественных связей в Сибири в конце XVIII – начале XIX в. вызвали необходимость изменения системы административно-территориального управления Сибирью. Региональная политика государства была нацелена на сокращение расходов и упрощение системы управления. При этом, по исследованиям М. Г. Рутц, численность населения за Уралом за период с 1795 по 1850 г. выросла с 595 тыс. до 1 млн 210 тыс. душ мужского пола, то есть в два раза. Темпы роста населения в Сибири опередили центральные регионы, а удельный вес численности сибиряков по отношению к России повысился с 3,26 до 4,32 %. Однако развитие экономики региона отставало от демографических процессов и менее освоенной частью Сибири были все те же дальние восточные территории, требовавшие пристального внимания со стороны правительственных структур³⁹⁵.

На законодательном уровне государство стремилось увеличить количество русского населения на пограничных землях от о. Байкала до городов Нерчинска и Кяхты, что должно было обезопасить границы России с Китаем и Монголией, увеличить доходы от русско-китайской торговли, обеспечить ее обслуживание, завести суконные и юфтевые мануфактуры. В 1799 г. вступил в стадию реализации проект заселения «Сибирского края, прилежащего к границам китайским»³⁹⁶. В 1806 г. указом императора Александра I политика заселения Сибири за о. Байкал была продолжена, и на отдаленные территории Российского Востока отправлялись отставные солдаты, крестьяне, отданные помещиками в зачет рекрутов, уголовные и политические преступники. При этом в качестве поселенцев в Сибирь в

---

³⁹⁵ Рутц М. Г. Динамика численности городского населения Западной Сибири в первой половине XIX в. // Города Сибири XVIII – начала XIX вв.: сб. науч. ст. Барнаул: АлтГУ, 2001. С. 10–26.

³⁹⁶ РГИА. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 216. Л. 1.

числе помещичьих крестьян могли быть отправлены работоспособные мужчины не старше 45 лет и при условии неразлучения их с женами³⁹⁷.

Изменения в системе государственной власти на местах при Павле I и Александре I (до сибирских реформ М. М. Сперанского) шли в одном русле централизации управления, что отличалось от ранее применимой децентрализации власти при Екатерине II.

Император Павел I личным указом от 12 декабря 1796 г. пересмотрел границы административно-территориальных единиц России и сократил число губерний с 50 до 41 единицы³⁹⁸. Изменения в организации административно-территориального деления России были, на наш взгляд, вполне рациональной «губернской реформой». Задачи этой реформы сводились к уменьшению административных расходов и упрощению системы местного государственного управления.

В Сибири административно-территориальная реорганизация на высшем уровне местной власти заключалась в следующем:

- 1) преобразование Тобольского и Иркутского наместничеств в новую форму – Тобольскую губернию и Иркутскую губернию;
- 2) ликвидация Колыванского наместничества и разделение его территории между Иркутской и Тобольской губерниями;
- 3) ликвидация Тобольской, Томской, Иркутской, Якутской, Охотской, Нерчинской провинций как внутренних структурных единиц бывших наместничеств.

При этом нужно учитывать, что при Екатерине II наместничества обладали почти автономным положением, так как наместники обращались в центральные правительственные учреждения только для решения наиболее важных дел, при этом губернаторы и подотчетные им губернские структуры

---

³⁹⁷ О производстве поселения за Байкалом и о принятии для водворения поселенцев, уступленных Хоринскими Бурятами земель // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1806. 29 июня. Т. 29, № 22189. С. 395.; РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Д. 565. Л. 9.

³⁹⁸ О новом разделении Государства на Губернии // ПСЗРИ. Собр. 1. 1796. 12 декабря. Т. 24, № 17634. С. 229–230.

были подконтрольны непосредственно Сенату и имели меньшую степень автономии.

Согласно реформе Павла I Сибирь делилась на Тобольскую и Иркутскую губернии, упразднялась Колыванская губерния, а ее уезды приписывались к тем территориям, к которым они относились до выделения Колыванской области, т. е. до 1779 г.³⁹⁹

Доклад Сената «О числе городов в Тобольской Губернии» (от 1797) рекомендовал верховной власти делегировать полномочия в установлении смежных границ вновь соединенных сибирских губерний их «управителям», т. е. губернаторам⁴⁰⁰. Уезды как основные административно-территориальные единицы впредь именовались округами⁴⁰¹.

В 1797 г. Тобольская губерния включила в себя 16 округ: Кузнецкая, Семипалатинская, Красноярская, Ишимская, Ялуторовская, Курганская, Березовская, Тарская, Туринская, Тюменская, Тобольская, Сургутская, Томская, Нарымская, Енисейская, Туруханская⁴⁰².

Иркутская губерния с этого времени стала состоять из 15 административно-территориальных единиц, т. е. на две единицы меньше (Сретенский и Доронинский уезды объединили с Нерчинской областью). Среди них были 13 округ: Акланская, Баргузинская, Верхнеудинская, Жиганская, Зашиверская, Гижигинская, Иркутская, Киренская, Нижнеудинская, Нижнекамчатская, Олекминская, Оленская, Якутская и 2 области – Нерчинская, в которую вошли ликвидированные Сретенский и Доронинский уезды, и Охотская⁴⁰³.

При этом Бийский и Колыванский уезды отошли к Иркутской губернии; Кузнецкий, Семипалатинский, Красноярский – Тобольской губернии.

---

³⁹⁹ Там же. С. 229.

⁴⁰⁰ О числе городов в Тобольской губернии // ПРЗ РИ. Собр. 1. 1796. 2 ноября. Т. 21, № 15327. С. 789.

⁴⁰¹ Прим.: «Округа» – устаревший термин, обозначавший административно-территориальную единицу, входившую в состав губерний; в современном звучании – округ.

⁴⁰² О числе городов в Тобольской губернии // ПРЗ РИ. Собр. 1. 1797. 2 ноября. Т. 24, № 18233. С. 789.

⁴⁰³ Быконя Г. Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири... С. 49.

Предполагаем, что Нерчинская и Охотская области сохранили административный статус областей по причине необходимости выстраивания в них более автономного областного управления в связи с их пространственной обширностью, экономическим и геополитическим значением. Управление на уровне округа было для страны единым, а не так давно присоединенные к России территории требовали специфики управления, что и реализовалось в применении для Сибири отмененной в центре дефиниции «область».

Подобное территориальное деление Сибири сохранилось до окончания «павловского правления» и было преобразовано в некую другую форму только со вступлением на престол нового российского императора.

При формальном отрицании предшествовавших принципов организации государственной власти Александр I в отношении Сибири продолжил политику отца, направленную на централизацию власти. Мерой укрепления самодержавной власти монарха стало сохранение прежней структуры управления «губерния – округа», адаптированного к преобразованиям учреждений центральной власти в 1803–1805 гг.

Министерская реформа 1802 г. осуществила переход к общей централизации и отраслевому принципу управления. Следовательно, заложенная в «Учреждении о губерниях (1775 г.)» децентрализация не соответствовала условиям времени, а «павловский принцип централизации» здесь был более применим и даже усилен.

В 1801 г. Непременный совет принял решение о восстановлении в Сибири генерал-губернаторства на повсеместной основе⁴⁰⁴. Ревизором в Сибирь был отправлен сенатор И. О. Селифонтов – бывший Тобольский вице-губернатор и в свое время несостоявшийся Иркутский губернатор⁴⁰⁵. Он получил особую инструкцию: «Сибирский Край по пространству своему, по разностям естественного его положения, по состоянию народов, его

---

⁴⁰⁴ Об обозрении Сибирского края // ПСЗРИ. Собр. 1. 1801. 9 июня. Т. 26, № 19910. С. 693.

⁴⁰⁵ Сибирь в составе Российской империи / отв. ред.: Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. М., 2007. С. 80.

населяющих, нравам и обычаям <...> нуждается <...> в самом образе управления особенного постановления, основанного на достоверном представлении местных обстоятельств, <...> коих по всем их подробностям сообразить и привести в надлежащее единство на столь великом расстоянии невозможно»⁴⁰⁶.

Особое внимание в инструкции было уделено необходимости изменения местного законодательства в соответствии с особенностями региона, определению наиболее оптимальных принципов административного устройства Сибири и местного управления. При этом предполагалось, что отличия от остальной России могут быть в устройстве судов, системе образования и принципах расселения⁴⁰⁷.

В результате ревизии И. О. Селифонтова в 1803 г. на территории всей Сибири было образовано единое Тобольское и Иркутское (Сибирское) генерал-губернаторство с центром в Иркутске. Император Александр I назначил новым Иркутским и Тобольским генерал-губернатором самого И. О. Селифонтова. С этого времени округа (округа), составляющие административно-территориальные части губернии, вновь в некоторых случаях стали именоваться по-прежнему – уездами. При этом в указе 1803 г. можно найти много общего с политикой Павла I, выражавшейся в том, что «...необходимо разделение Сибирских губерний на великое число уездов, мало населенных и обитаемых по большей части людьми, коих нравы и образ жизни более имеют нужды в простом полицейском надзоре, нежели в судебных установлениях...»⁴⁰⁸.

Под началом Тобольского и Иркутского (Сибирского) генерал-губернатора И. О. Селифонтова (с февраля 1804 г. – «генерал-губернатора Тобольского, Томского и Иркутского») был проведен ряд преобразований,

---

⁴⁰⁶ Об образе управления сими Губерниями (Тобольской и Иркутской) // ПСЗРИ. Собр. 1. 1803. 23 мая. Т. 27, № 20771. С. 627.

⁴⁰⁷ Об образе управления сими Губерниями (Тобольской и Иркутской) // ПСЗРИ. Собр. 1. 1803. 23 мая. Т. 27, № 20771. С. 628.

⁴⁰⁸ ГАИО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 40. Л. 133–140.

направленных на усиление бюрократической власти и совершенствование административной системы в Сибири (см. прил., табл. 4).

В 1803 г. были организованы Камчатская область и Охотское приморское управление⁴⁰⁹.

26 февраля 1804 г. из Тобольской губернии была выделена самостоятельная Томская губерния⁴¹⁰, включившая восемь уездов, три из которых из Приенисейского региона: Томский, Нарымский, Красноярский, Енисейский, Туруханский, Каинский, Колывано-Воскресенский (Алтайский), Бийский⁴¹¹. При этом 6000 руб. из казны было потрачено на организацию губернских и уездных присутственных мест⁴¹².

В именном указе Александра I, данном Сенату, говорилось: «По великому пространству Тобольской Губернии и неудобствам в управлении ее от сего происходящим, предназначив разделить ее на две и учредить Губернию Томскую...»⁴¹³.

Верховной властью Томская губерния рассматривалась как губерния, имевшая внешние границы, в частности с Монголией. Интересно, что при просмотре штатов Тобольской и Томской губерний законодатель рекомендовал как образец штаты Канцелярии Главнокомандующего в Грузии, управлявшего Гражданской частью и пограничными делами⁴¹⁴.

С 1804 г. в составе Тобольской губернии осталось девять уездов: Березовский, Ишимский, Омский, Курганский, Тарский, Тобольский, Туринский, Тюменский, Ялуторовский⁴¹⁵.

В 1805 г. Иркутская губерния включала семь уездов, а именно: пять округ (уездов) – Иркутский, Нижне-Удинский, Верхне-Удинский, Киренский, Нерчинский; две области – Якутскую и на особом статусе

⁴⁰⁹ О Высочайше подтвержденном положении об устройстве Областного Правления в Камчатке и предварительного управления в Охотске // ПСЗРИ. Собр. 1. 1803. 11 августа. Т. 27, № 20889. С. 823.

⁴¹⁰ ГИАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14. Л. 2–8.

⁴¹¹ Быконя Г. Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири... С. 53.

⁴¹² ГИАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14. Л. 4.

⁴¹³ О разделении Тобольской Губернии на две части и об учреждении Томской Губернии // ПСЗРИ. Собр. 1. 1804. 26 февраля. Т. 28, № 21183. С. 156.

⁴¹⁴ Высочайше утвержденный штат Канцелярии Главнокомандующего в Грузии, управляющего Гражданской частью и пограничными тамошними делами // ПСЗРИ. Собр. 1. 1812. Т. 32, № 24985. С. 186.

⁴¹⁵ Губернии Российской империи. История и руководители. 1708–1917. М., 2003. Ч. 2. С. 76–78.

Камчатскую. Восьмым уездом был «Портовый город Охотск с бывшей его округой»⁴¹⁶.

Так, Якутский уезд был преобразован в Якутскую область, подчинявшуюся Иркутскому губернскому правительству. При этом Камчатская область и Охотское приморское управление имели особый статус, названный «предварительным», что предопределило выделение крайних восточных территорий в самостоятельный Приморский регион⁴¹⁷. При этом в 1812 г. в связи с дальнейшим освоением Камчатки административно-территориальная единица «Камчатская область» была реорганизована в Камчатское Приморское управление, представлявшее собой некую особую экономическую зону упрощенного режима таможенных пошлин на ввоз импортируемых товаров⁴¹⁸.

Административно-территориальное деление перед введением в действие реформ (до декабря 1822 г.) было следующим⁴¹⁹:

– губернии: Тобольская (9 уездов, 35 комиссариатств, 219 волостей, обывателей м. п. русских – 248.478, инородцев – 30.466); Томская (8 уездов, 13 комиссариатств, 212 волостей, обывателей м. п. русских – 106.663, инородцев – 34.493); Иркутская (5 уездов, 12 комиссариатств, 49 волостей, обывателей м. п. русских – 113.765, инородцев – 79.579);

– область: Якутская (4 комиссариатства, 21 волость, русских м. п. – 2.921, инородцев – 71.301);

– горные заводы: Колыванские (10 управительств, 37 волостей, 16.918 рабочих, 86.723 приписных крестьян); Нерчинские (5 управительств, 5 волостей, 3.757 рабочих, 17.771 приписных крестьян, 1530 ссыльных);

– пограничное управление:

---

⁴¹⁶ О разделении Иркутской Губернии на семь уездов, с присоединением города Охотска, а остающиеся уезды на Комиссарства; о соединении Губернского Правления с Казенной Палатою; об учреждении в городе Якутске Гражданского Правления, под именем Якутского Областного Правления и об упразднении в Нерчинске такового Правления // ПСЗ ПИ. 1805. 22 апреля. Т. 28, № 21726. С. 1002.

⁴¹⁷ ГИАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14. Л. 7.

⁴¹⁸ ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 644. Л. 2–5.

⁴¹⁹ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 73. Л. 47–48 об.

а. Сибирская линия (от Тобола до Усть-Каменогорска. Отсюда же по двум направлениям идет в одну сторону до Кузнецка, в другую – до Нарыма). На сей линии стояло 19 крепостей, в том числе 3 штатных редута и форпоста, 16.602 строевых и казаков, 5.873 киргиз.

б. Китайская линия (от Кузнецка через Абакан по Алтайскому хребту через Кяхту или Троицкосавскую крепость до Горбицы. 8 штатных крепостей, 65 караулов, войск русских строевых и казаков – 1.117);

– приморское управление: Охотский порт (4 комиссариатства, 4 волости, морского экипажа 385, адмиралтейской команды 99, казаков 152, обывателей русских м. п. – 414, инородцев 3.263); Камчатка (2 порта, морского экипажа 113, казаков 53, обывателей русских м. п. 571, инородцев – 2.071).

Таким образом, все части делились на три отделения управления: 1) гражданское: губернии, Якутская область, приморские управления; 2) пограничное; 3) горное. При этом был сформирован четкий курс государства на политику централизации управления Сибирью и отказ от опыта децентрализации как возможного пути к автономии Сибири.

Подобное административно-территориальное деление объединенной в 1803 г. в одно Тобольское и Иркутское генерал-губернаторство (с 1804 г. – Тобольское, Томское и Иркутское) сохранялось до реализации реформистских проектов М. М. Сперанского, изменившего структуру управления с учетом имевшегося опыта предшествовавших преобразований.

Территориальное управление в 1822–1860 гг. «Учреждение для управления Сибирских губерний» от 22 июня 1822 г. делило Сибирь на два генерал-губернаторства: Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское «по примеру как сие было до 1797 г., а естественной чертой разделения стал горный хребет, идущий между Обью и Енисеем»⁴²⁰.

---

⁴²⁰ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 73. Л. 50 об.

Согласно историко-географическому описанию, сделанному в приложении к картографическому материалу 1841 г., понимание обоснования и содержания разделения Сибири заключалось в следующем:

«1. Прежний состав Тобольской и Иркутской губерний не изменился. Томская же разделилась на две части.

2. Великие расстояния препятствовали отделяемую к Восточной Сибири часть присовокупить к Иркутской губернии, а потому наименованная по главной реке Енисейскою, с помещением губернского управления в Красноярске. К сей губернии отошла от Иркутской часть Нижнеудинского уезда.

3. Управление Сибирскими линиями во всех отношениях было отделено от губернского управления и составило особенную область, наименованную по главному месту – Омскою, и в округе ее действия учреждено было управление Киргизскою среднею Ордою.

4. Якутская область оставлена в прежних пределах с разделением на 4 округа.

5. В Иркутской губернии составлены были по-прежнему два приморских управления: Охотское и Камчатское, и одно пограничное Троицко-савское.

Итого стало, что в Западной Сибири были две губернии – Тобольская и Томская, и одна область Омская. В Восточной Сибири: две губернии – Иркутская и Енисейская, и одна область Якутская, два приморских управления и одно пограничное. При сем разделении уничтожились два прежних малолюдных уезда: Нарымский и Туруханский. И учредились: в Тобольской губернии вместо одного Бийского уезда – Берский, Барнаульский и Колыванский; в Енисейской губернии: Ачинский, Канский и Минусинский уезды; в Якутской области – Олекминский, Вилюйский, Верхоянский, Средне-Колымский; в области Омской – Петропавловский, Семипалатинский и Усть-Каменогорский»⁴²¹.

---

⁴²¹ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 73. Л. 51–51 об.

Таким образом, Западно-Сибирское генерал-губернаторство с центром в городе Тобольске включало в свой состав Томскую и Тобольскую губернии и Омскую область (с 1854 г. реорганизованную в область Сибирских киргизов и Семипалатинскую, с 1868 г. – в Акмолинскую область) (см. прил., табл. 5).

Восточно-Сибирское генерал-губернаторство с центром в Иркутске объединило Иркутскую и Енисейскую губернии, Охотское и Камчатское приморские управления, Троицко-Савское пограничное управление и Якутскую область (до 1848)⁴²²; с 1851 г. – Забайкальскую область⁴²³, Камчатскую область (с 1856), Амурскую область (с 1858) (см. прил., табл. 5).

Пространство земли, занимаемой Западной Сибирью, равнялось, по приблизительному измерению 2 959 754 кв. верст⁴²⁴. По «Учреждению для управления Сибирских губерний» 1822 г. губернии подразделялись на округа (далее по-современному – округа), а термин «уезд» не употреблялся (до 1898 г.).

В состав Тобольской губернии вошли девять округов: Березовский, Ишимский, Курганский, Тарский, Тобольский, Туринский, Тюкалинский, Тюменский, Ялуторовский.

Томская губерния состояла из Барнаульского, Каинского, Колыванского, Кузнецкого, Томского, Чарышского округов.

Омская область состояла из четырех округов: Омского, Петропавловского, Семипалатинского, Усть-Каменогорского⁴²⁵.

Восточная Сибирь была значительно обширнее Западной Сибири. При площади около 10 млн кв. км (охватывая Притихоокеанские территории) она включала 15 округов и 3 отдельных управления.

Иркутская губерния состояла из пяти округов: Иркутский, Нижне-Удинский, Верхне-Удинский, Нерчинский, Киренский.

---

⁴²² Учреждение для управления Сибирских губерний // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1822. Т. 44, ч. 1, № 29125. С. 44, 52, 321.

⁴²³ Об управлении Забайкальской областью // ПСЗ РИ. Собр. 2. 1851. Т. 26, ч. 1, № 25394. С. 476–480.

⁴²⁴ РГИА. Ф. 1265 Оп.13 Д. 9. Л. 6.

⁴²⁵ Учреждение для управления Сибирских губерний // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1822. Т. 38, № 29125. С. 392–394.

Енисейская губерния включала в свой состав пять округов: Красноярский, Енисейский, Ачинский, Минусинский, Канский.

Якутская область – Якутский, Олекминский, Вилюйский, Верхне-Янский, Средне-Колымский⁴²⁶.

Якутская область как административная единица соответствовала губерниям по площади, но по иерархичному признаку была ниже губерний и Омской области. Это было связано с тем, что эти земли вошли в состав Российской империи позже и считались недостаточно освоенными в экономическом отношении. Поэтому Якутское областное управление находилось в подчинении непосредственно у Иркутского Общего губернского управления и только затем – у Главного управления и генерал-губернатора Восточной Сибири.

Охотское, Камчатское и Троицко-Савское пограничные управления были равны по площади всей территории Западной Сибири, но не имели самостоятельного статуса из-за недостаточного уровня развития инфраструктуры и освоенности.

При выборе модели управления Охотско-Камчатским краем М. М. Сперанский остановился уже на известном варианте, использовавшемся с 1803 г. для Охотска и приписанных к нему земель⁴²⁷, для Камчатки – с 1812 г.⁴²⁸ Эта модель управления предполагала формальную зависимость Камчатских и Охотских территорий от Иркутской губернии, но фактически власть Начальников Камчатки и Охотска при условии отдаленности была безгранична, включая распоряжения по финансовым и материальным вопросам⁴²⁹.

В свою очередь, Троицко-Савское пограничное управление было новой структурной формой территориального деления и состояло из Троицко-

---

⁴²⁶ Там же. С. 392–394.

⁴²⁷ О Высочайше подтвержденном положении об устройстве Областного Правления в Камчатке и предварительного управления в Охотске // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1803. 11 августа. Т. 27, № 20889. С. 823.

⁴²⁸ О преобразовании в Камчатке Военной и Гражданской части, также об улучшении состояния тамошних жителей и вообще тамошнего края // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1812. 9 апреля. Т. 32, № 25081. С. 282.

⁴²⁹ ГАРФ. Ф. 109. I экзп. 1837 г. Оп. 12. Д. 218. Л. 1–18.

Савской крепости, Кяхтинской и Усть-Кяхтинской слобод и прилегавших к ним земель, ранее объединенных в форме «Кяхтинской таможни». В начале XIX в. кяхтинская (русско-китайская) торговля переживала свой расцвет. На территории города Кяхты работало более полусотни оптовых фирм, а пограничная таможня с конца XVIII в. вновь находилась уже не в центре Иркутской губернии – городе Иркутске, а на месте – в Кяхте. Роль форпоста с пограничными функциями выполняла Троицко-Савская крепость, с 1822 г. располагавшая пограничными командами, но до 1846 г. не имевшая статус города⁴³⁰. Реформа 1822 г. оценила интенсивное развитие данной территории, и Кяхтинская таможня была преобразована в Троицко-Савское пограничное управление⁴³¹.

Впоследствии названия и границы территориальных единиц Западной и Восточной Сибири менялись неоднократно. Направлением всех изменений была единая и определенная еще в начале XVIII в. стратегическая цель – улучшение экономического использования богатых ресурсами сибирских территорий, которое обеспечивалось за счет достижения уже адаптированных к середине XIX в. тактических целей – увеличение государственного участия в экономике и жизни населения Сибири посредством усовершенствования территориального деления за счет его дробления.

Положение осложнялось тем, что хозяйственно-экономические границы районов не совпадали с административными границами. Например, в городе Омске в 1839 г. была организована резиденция Западно-Сибирского генерал-губернатора, но центром экономических связей все еще оставался Тобольск. Даже границы некоторых епархий не совпадали с границами губерний и областей⁴³².

---

⁴³⁰ Хохлов А. Н. Кяхта и кяхтинская торговля (20-е гг. XVIII – сер. XIX в.) // Бурятия XVII – нач. XX в. Экономика и социально-культурные процессы. Новосибирск, 1989. С. 56–89.

⁴³¹ РГИА. Ф.1265. Оп. 2. Д. 62. Л. 4.

⁴³² РГИА. Ф. 948. Оп. 1. Д. 63. Л. 3–12.

В рамках Западно-Сибирского генерал-губернаторства существенным преобразованиям подверглась Омская область. В ее состав к концу 1830-х гг. вошли земли «Сибирских Киргизов», по причине чего она уже не смогла выполнять «функции того устройства, которое для сего многочисленного племени могло быть удовлетворительным»⁴³³. Сразу же через год после внедрения в жизнь «Учреждения для управления Сибирских губерний», в 1823 г., были образованы по уставу о сибирских киргизах внешние округа – Каркаралинский и Кокчетавский. В 1831 г. был создан Аягузский округ, который также имел внешние границы. В 1832 г. другим внешним округом стал Акмолинский, созданный для предотвращения набегов кокандцев, через год – Баян-Аульский и Уч-Букальский, в 1834 г. – Аман-Карагайзский округ, в 1844 г. – Кокпектинский, находившиеся в Казахской степи⁴³⁴. При этом в ее составе (до 1838 г.) оставались и внутренние округа: Омский, Петропавловский, Семипалатинский, Усть-Каменогорский. Заметим, что с переносом в 1838 г. из города Тобольска в город Омск резиденции Западно-Сибирского генерал-губернатора Омский и Петропавловский округа вошли в состав Тобольской губернии, Семипалатинский и Усть-Каменогорский – Томской губернии, а в Омске образовано Пограничное управление сибирскими киргизами⁴³⁵. Таким образом, Омская область с областными органами власти была ликвидирована⁴³⁶.

Отдельное управление «Сибирскими Киргизами» было устроено в апреле 1854 г.⁴³⁷ Высочайше утвержденное положение Сената, разработанное при участии Государственного Совета и Второго Сибирского комитета по планам, предварительно предложенным Азиатским комитетом (работавшим до 1847 г. при Комитете министров), и утвержденное императором Николаем I, реорганизовало Пограничное управление сибирскими киргизами

---

⁴³³ Высочайше утвержденное положение об отдельном управлении Сибирскими Киргизами // ПСЗ РИ. Собр. 2. 1838. 6 апреля. Т. 13, № 11122. С. 272.

⁴³⁴ ЦГА РК. Ф. И-15. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

⁴³⁵ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. 1752-1838 гг. Д. 350. Л. 3–8 об.

⁴³⁶ ГИАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1624. Т. 1. Л. 46–48.

⁴³⁷ РГИА. Ф. 1265. Оп. 3. Д. 51. Л. 56–57.

в административно-территориальную единицу новой формы – Область Сибирских киргизов (центр – город Омск), а также в 1854 г. была создана Семипалатинская область. При этом за 10 лет до официального принятия положения о новом административно-территориальном делении Казахской степи была начата работа по обустройству и заселению новых городов (Какпекты, Аягуза, Копала, Павлодара), выстраиванию системы административного управления по схеме, отвечавшей новым требованиям⁴³⁸. При этом устранялась надобность в дальнейшем существовании Омского Областного управления, заведовавшего одними внутренними округами⁴³⁹.

Вместе с этим устанавливалось, что территории и селения ликвидированного Омского округа впредь войдут в состав Тобольской губернии путем объединения их с территорией расформированного Тюкалинского округа, не существовавшего в период с 1854 до 1876 г. Город Петропавловск вошел в Ишимский округ Тобольской губернии, а Семипалатинск и Усть-Каменогорск – в Бийский округ Томской губернии. Территории и селения, прилегавшие к городам Омску, Петропавловску, Семипалатинску и Усть-Каменогорску, по усмотрению Западно-Сибирского генерал-губернатора, были разделены между Курганским, Ишимским и Бийским округами (Тобольской и Томской губерний соответственно)⁴⁴⁰.

Согласно отчету генерал-губернатора по управлению Западной Сибирью за 1859 г.: «Тобольская губерния составляла 1.163.930 кв. верст, а народонаселение: 527.274 – муж., 540.928 – жен.; Томская губерния – 739.027 кв. верст, 355.202 – муж., 345.170 – жен.; области Семипалатинская и Сибирских киргизов – 1.055.800 кв. верст., при этом в области Сибирских киргизов – 151.924 муж., 123.981 жен., в Семипалатинской – 98.340 муж., 89.830 жен.; всего по Западной Сибири: в 1859 г. – 2.141.808 чел. Обоего пола, а 1860 г. – 2.231.742. При этом не было «особого дворянского сословия,

---

⁴³⁸ ЦГА РК. Ф. И-15. Оп. 1. Д. 4. Л. 2–3; Д. 60. Л. 8; Д. 65. Л. 3; Д. 69. Л. 28.

⁴³⁹ Высочайше утвержденное положение об отдельном управлении Сибирскими Киргизами // ПСЗ РИ. Собр. 2. 1838. 6 апреля. Т. 13, № 11122. С. 272.

⁴⁴⁰ Там же. С. 272.

а число дворян-помещиков – очень незначительно (29 имений) и крепостных людей в этих имениях – до 2.754 душ обоего пола (в 1859 г.); купцов – 7.523, мещан – 45.920, государственных крестьян – 927.978, горнозаводских (Алтайские горные заводы) – 306.645, инородцев (кроме сибирских киргизов) – 137.907, евреев – 3.271, казаков – 965 муж. и 756 жен.»⁴⁴¹.

Так, в течение одного учетного года народонаселение Западной Сибири увеличилось на 89 941 душу обоего пола, что соответствовало задаче заселения отдаленных земель. Однако, как указывалось в самом отчете, увеличение это произошло не только из-за роста числа родившихся, превысившего число умерших, или добровольных переселений из внутренних губерний империи, но и «от прибывших ссыльных и от вступления в русское подданство неподвластных ранее киргизов»⁴⁴².

В 1864 г. был образован Особый комитет как центральный орган власти, предназначенный для решения вопроса о территориальном управлении Средней Азией, земли которой до этого входили в состав Оренбургского генерал-губернаторства, но непосредственно соприкасались с Западной и отчасти с Восточной Сибирью⁴⁴³.

Особый комитет пришел к следующему мнению:

1. Образовать степной военный округ, начальник которого будет иметь права генерал-губернатора и сношений со среднеазиатскими владениями. В состав этого нового округа включить: а) всю Киргизскую степь, т. е. область Семипалатинскую и Сибирских киргизов, а также земли Оренбургских, Сыр-Дарьинских и Дикокаменных киргизов, разделив их на восточную и западную области; б) Сибирское, Оренбургское и Уральское казачьи войска; в) Оренбургскую губернию, упразднив при этом Оренбургское генерал-губернаторство и Сибирский и Оренбургский отдельные военные корпуса.

---

⁴⁴¹ РГИА. Ф. 1265 Оп. 13 Д. 9. Л. 6–8.

⁴⁴² РГИА. Ф. 1265 Оп. 13 Д. 9. Л. 6.

⁴⁴³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 63. Л. 15.

2. Генерал-губернаторство Западной Сибири создать исключительно из не представлявших военной угрозы Томской, Тобольской и Енисейской губерний.

3. Уфимскую, Самарскую губернии и земли «внутренних» (Букеевских) киргизов подчинить на общем основании непосредственно Министерству внутренних дел⁴⁴⁴.

Однако тогдашний оренбургский генерал-губернатор, генерал-адъютант А. П. Безак, не согласился с заявленными предложениями и представил иной проект:

1. Гражданское управление областями Сибирских киргизов и Семипалатинской области слить в одно управление; к Томской губернии отнести внутренние округа области Сибирских киргизов, а также города Семипалатинск и Усть-Каменогорск.

2. Управление Сыр-Дарьинской линией, Алатаевским военным округом и приобретенными землями (за р. Чу) соединить в одно управление.

3. Для удобства управления всей Киргизской степью (из г. Оренбурга) учредить прямое сообщение между городами Оренбургом и Акмолинском⁴⁴⁵.

Результатом выдвинутых Особым комитетом и оренбургским генерал-губернатором было лишь создание Туркестанской области, а также сосредоточение управления Киргизской степью в лице начальника Самарской губернии. В Восточной Сибири Енисейская губерния не была выделена из ее состава.

Вопросы преобразования Западной и Восточной Сибири остались лишь «на бумаге», поскольку окончательное решение по ним, запланированное на апрель 1865 г., так и не было принято по причине расхождения проектов генерал-губернатора Восточной Сибири М. С. Корсакова, как представителя местной власти, и Военного министерства – центрального органа управления.

---

⁴⁴⁴ Сборник историко-статистических сведений о Сибири. Спб., 1874. Т. 2. С. 3–5.

⁴⁴⁵ Сборник историко-статистических сведений о Сибири. Спб., 1874. Т. 2. С. 5–6.

Генерал-лейтенант М. С. Корсаков полагал:

1. Тобольскую губернию причислить к «внутренним» российским, Киргизские степи отделить в «особое» отдельное управление.

2. На территории Сибири, имевшей уже конкретные границы, образовать два генерал-губернаторства: Сибирское и Амурское. В состав Сибирского генерал-губернаторства планировалось включить Иркутскую, Енисейскую, Томскую губернии и Якутскую область. В Амурское генерал-губернаторства – Амурскую и Забайкальскую области⁴⁴⁶.

Военное министерство со своей стороны считало более удобное территориальное деление в следующем виде:

1. Тобольскую и Томскую губернии, Киргизскую степь и земли Оренбургских и Уральских казаков включить в один созданный военный округ и генерал-губернаторство с центром в г. Омске.

2. Степную часть образованного военного округа разделить на четыре области: «передовую» – Туркестанскую, восточную – Семипалатинскую, среднюю – Акмолинскую, западную – Оренбургскую.

3. Казачьи войска не включать в состав каких-либо областей и Енисейскую губернию оставить в составе Восточной Сибири⁴⁴⁷.

Главными мотивами заявленного проекта Военного министерства были соображения по максимальному ограничению денежных расходов и отсутствию ломки функционировавших учреждений (затраты – лишь на устройство почтовых станций, а город Омск – пункт с базой правительственных учреждений).

Выводы Министерства внутренних дел в решении вопроса об административно-территориальном устройстве Азиатской России были следующими:

1) временно отказаться от объединения казахских степей в одну территориальную единицу с целью формирования имперской политики в

---

⁴⁴⁶ Там же. С. 6.

⁴⁴⁷ Сборник историко-статистических сведений о Сибири. Спб., 1874. Т. 2. С. 7.

Центральной Азии (в тексте: «для устранения существующих ныне неудобств в направлении нашей среднеазиатской политики»);

2) определить государственные границы на юго-востоке с учетом концентрации всех политических и торговых сношений⁴⁴⁸.

Свою точку зрения на вопрос об административно-территориальном устройстве Туркестана в 1867 г. заявил оренбургский генерал-губернатор Н. А. Крыжановский, утверждая, что Россия должна определиться сначала с границами «своих – чужих» владений, а затем «сделать Русский Туркестан частью империи, а не отделять в виде особой удаленной колонии в качестве особого генерал-губернаторства»⁴⁴⁹. При этом возникали определенные управленческие сложности в административном аппарате при взаимодействии по вертикали власти на губернском уровне⁴⁵⁰.

Приняв во внимание все заявленные планы, верховная власть и правительственные структуры начали осуществлять частные изменения, не имея единой стратегии реализации реформ.

В июле 1867 г. царь Александр II утвердил «Временное положение об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях»⁴⁵¹, а в октябре 1868 г. – «О преобразовании управления Киргизскими степями Оренбургского и Сибирского ведомств и Уральским и Сибирским казачьими войсками» (известное также как «Временное положение об управлении в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторства»)⁴⁵².

Согласно содержанию именных указов вся среднеазиатская территория делилась на Западно-Сибирское, Оренбургское и Туркестанское генерал-губернаторства. Каждое генерал-губернаторство делилось на области. К

---

⁴⁴⁸ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 63. Л. 154–154 об.

⁴⁴⁹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4786. Л. 4–4 об.

⁴⁵⁰ Гергилев Д. Н. К вопросу об административно-территориальном управлении Казахской степью в Сибири в начале XIX в. // Общество: философия, история, культура. 2017. № 6. С. 61–64.

⁴⁵¹ Временное положение об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях // ПСЗ РИ. Собр. 2. 1867. 11 июля. Т. 42, № 44831. С. 1150–1151.

⁴⁵² О преобразовании управления Киргизскими степями Оренбургского и Сибирского ведомств и Уральским и Сибирским казачьими войсками // ПСЗ РИ. Собр. 2. 1868. 21 октября. Т. 43, ч. 2, 46380. С. 364.

Западно-Сибирскому отнесены были Акмолинская и Семипалатинская области. Заметим, что Уральская и Тургайская области вошли в Оренбургское генерал-губернаторство, Семиреченская и Сырдарьинская – в Туркестанское генерал-губернаторство. Управление было военизированным, поскольку и гражданская власть сосредоточивалась в руках военного генерал-губернатора, а каждую область возглавляли военные губернаторы. Так, область Сибирских киргизов, ранее входившая в состав Западной Сибири, была отнесена к среднеазиатским владениям Российской империи.

В состав «сибирской» Акмолинской области вошли четыре округа: Омский, Петропавловский, Кокчетавский, Акмолинский, с октября 1869 г. – еще Сарысуйский (в сентябре 1878 г. переименован в Атбасарский). Центром Акмолинской области стал г. Акмолинск, однако структуры его управления оставались в г. Омске, пока в Акмолинске готовилось помещение для областного правления⁴⁵³. Территориально Акмолинская область была образована из округов ликвидированной Области Сибирских киргизов (Кокчетавского, Атбасарского, Акмолинского) и некоторых земель полковых округов Сибирского казачьего войска, а также городов Омска и Петропавловска⁴⁵⁴.

Семипалатинская область делилась на Каркаралинский, Семипалатинский, Усть-Каменогорский округа. Административным центром стал г. Семипалатинск.

Заметим, что данная территория была отнесена к Западно-Сибирскому генерал-губернаторству без учета ее исторической составляющей, так как большую часть жителей Семипалатинской области составляли казахи (в 1897 г. казахи – около 90 %) ⁴⁵⁵. При этом довольно частыми были случаи перебежки местного населения с «нероссийских территорий» в «сибирскую

---

⁴⁵³ ГИАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 9392. Л. 25–28.

⁴⁵⁴ Васильев Д. В. Форпост империи. Административная политика России в Центральной Азии. Середина XIX века. М., 2015. С. 134–146.

⁴⁵⁵ Энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 3. С. 59.

Семипалатинскую область», что не вызывало противодействия со стороны местных сибирских властей⁴⁵⁶.

Одной из задач имперского регионализма было стремление к экономии расходов на управление. По расчетам генерал-губернатора Западной Сибири А. О. Дюгамеля, территориальное переустройство среднеазиатских земель по лучшему проекту 1864 г. обошлось бы государству минимум в 926 826 руб., а устройство почтовых сообщений – 363 550 руб., что казалось недопустимо много⁴⁵⁷. Следовательно, было понятно, что реализованные действия 1867 г. не окончательные и разработка оптимальной модели системы административно-территориального деления Средней Азии продолжалась.

Преобразование территориальной структуры Восточно-Сибирского генерал-губернаторства также было ответом на требования времени. В июле 1851 г. было издано два Высочайше утвержденных положения. Первое касалось управления Якутской области и давало администрации области независимость от Иркутского областного начальства. Нам представляется, что такое решение было продиктовано результатом ревизии⁴⁵⁸.

Второе положение было об образовании Забайкальской области. В Забайкальскую область вошли некоторые округа Иркутской губернии: Нерчинский (кроме города Троицко-Савска и Кяхтинской и Усть-Кяхтинской слобод с их землями) и Верхне-Удинский. Чита приобрела статус свободного города.

Для того чтобы объединить в одной структуре управление пограничной, таможенной и полицейской служб на русско-китайской границе 20 июня 1851 г., было образовано Кяхтинское градоначальство. Однако архивные материалы свидетельствуют, что по распоряжению министра юстиции, инициированного генерал-губернатором Восточной Сибири на основе предложения кяхтинского градоначальника по ходатайству торгующего в Кяхте купечества, правительственные учреждения находились

---

⁴⁵⁶ ГАТО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 4. Л. 2–52.

⁴⁵⁷ Сборник историко-статистических сведений о Сибири. Т. 2... С. 11.

⁴⁵⁸ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. 1752–1838 гг. Д. 68. Л. 31.

в двух городах – Кяхте и Троицко-Савске⁴⁵⁹. Данная мера сдерживала негативные последствия меновой торговли китайцев, ведущей к беспорядкам, а значит, невозможности выполнять управленческие действия из одного центра⁴⁶⁰.

Кяхтинское градоначальство в 1863 г. было упразднено по причине учреждения российских консульств в г. Пекине и г. Урге, а также из-за очередного переноса таможни в административный центр Восточной Сибири – г. Иркутск⁴⁶¹.

В 1852 г. начал работу Второй Сибирский комитет – продолжатель дела ранее существовавшего Первого Сибирского комитета (1821–1838), в котором «сосредоточивалось производство всех дел, как законодательных, так и исполнительных по Сибири, решение коих превышает власть министров и главноуправляющих»⁴⁶². Компетенции Второго Сибирского комитета распространились на территорию всей Сибири, Приамурского и Степного краев, Оренбургское генерал-губернаторство, Русскую Америку – Русско-американскую компанию (РАК) и некоторые зарубежные территории, граничащие с Сибирью. Сибирский комитет был упразднен 31 декабря 1864 г., путем его включения в состав Комитета Министров. При этом генерал-губернаторы с тех пор имели «прямые сношения по принадлежности дел с соответствующими министрами и трижды в год (1 января, 1 мая и 1 сентября) сдавали ведомости по делам, считающимися по их управлению неоконченными по причине неполучения от Министров и Главноуправляющих (для истребования ответов по оным вопросам от Министров) сведений»⁴⁶³, что вело к более строгой централизации.

---

⁴⁵⁹ РГИА. Ф. 1265. Оп. 2. Д. 62. Л. 2–8.

⁴⁶⁰ РГИА. 1265. Оп. 2. Д. 22. Л. 5-6.

⁴⁶¹ Высочайше утвержденное положение об управлении Кяхтинским градоначальством // ПСЗ РИ. Собр. 2. 1851. 20 июня. Т. 26. № 25322. С. 425.

⁴⁶² РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 2. Л. 2-3.

⁴⁶³ ГАИО. Ф. 24. Оп. ОЦ. Д. 18. Л. 4, 8.

В целом, за период работы «Второго Сибирского комитета» управляемость регионом стала более эффективной. Важные управленческие решения были приняты по инициативе его членов или при их участии.

Из-за значительного расширения территорий Восточной Сибири, а также важности присоединенного Амурского края, в 1860 г. генерал-губернатор граф Н. Н. Муравьев-Амурский представил Сибирскому комитету предложения изменения территориального устройства и «Дальнего востока», нуждающегося в преобразовании в связи с развитием промышленности губернии, необходимости лучшего сбора податей и повинностей, общественного благоустройства, здравоохранения, образования, более эффективной системы местной администрации и судопроизводства⁴⁶⁴. Основное содержание предложенных изменений было следующим:

1. Выделить Приморскую область из подчинения Главному управлению Восточной Сибири, при этом оставив ее в ведении военного губернатора. Военный губернатор получал все права генерал-губернатора. В лице его соединить права по гражданскому управлению, начальство морскими и сухопутными силами и право непосредственного сношения с Сибирским комитетом и Министерством иностранным, морским и военным.

2. Передать Енисейскую губернию в Западную Сибирь⁴⁶⁵.

Большинство членов Сибирского комитета одобрило решения графа Н. Н. Муравьева-Амурского. Прямым практическим результатом заявления графа было дарование ему помощника М. С. Корсакова. Но вскоре после этого, в начале 1861 г. граф был уволен от должности генерал-губернатора, а на его должность был назначен его же помощник, что свело на нет идею генерал-губернатору иметь заместителя. Заметим, что генерал-лейтенанту М. С. Корсакову было дано право при его отсутствии заменять иркутского

---

⁴⁶⁴ ГАИО. Ф. 24. Оп. ОЦ. Д. 644. Л. 2, 3, 98.

⁴⁶⁵ Сборник историко-статистических сведений о Сибири. Т. 2... С. 5.

губернатора на председательствовании в Совете Главного управления Восточной Сибири, что воспринималось как его замещение⁴⁶⁶.

Изменения административно-территориальных границ в Азиатско-Тихоокеанском регионе начались с 1850-х гг., что было обусловлено изменением внешнеполитической ситуации на уже так называемом территориально «дальнем» востоке, усложнением управленческих задач, активным развитием экономики, появлением новых экономических центров, увеличением населения и его неравномерным расселением по региону, появлением новых транспортных путей.

В январе 1856 г. вместо Камчатской области была учреждена Приморская область. В 1858 г. в ее состав вошло все вновь приобретенное по Айгунскому договору пространство между реками Амур, Уссури и Японским морем. Центром управления областью сделан г. Николаевск, в который был переведен флот из г. Петропавловска. В том же году было основано село Хабаровка, а в 1859 г. заложен г. Софийск. В 1861 г. графом Н. П. Игнатьевым был заключен с Китаем Пекинский трактат, по которому южная часть Приморской области приняла нынешние ее границы. Так, первоначально к ней было приписано 6 округов: Николаевский, Софийский, Охотский, Петропавловский, Гижигинский и Удской, а в 1860 г. в состав ее вошел и присоединенный к России Уссурийский край⁴⁶⁷.

Амурская область была образована в декабре 1858 г., ее центром был г. Благовещенск. По представлению генерал-губернатора Восточной Сибири, поддержанному решением Второго Сибирского комитета, Амурская область, заселенная почти полностью инородцами и не имевшая каких-либо годных для эксплуатации путей сообщения, была составлена из земель, которые отошли России по Айгунскому трактату, «находившихся на левом берегу реки Амур, начиная от соединения реки Шилки и Аргуни или от границ Забайкальской и Якутской областей, по всему течению Амура, до устья реки

---

⁴⁶⁶ Там же. С. 5–6.

⁴⁶⁷ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Спб., 1898. Т. XXV. С. 211–220.

Уссури и до новой границы Приморской области»⁴⁶⁸. По общему исчислению Амурская область занимала пространство в 394 984,2 кв. верст и, следовательно, была немного меньше Испании⁴⁶⁹.

Колонизация Приамурья началась гораздо ранее формального присоединения Россией данной территории.

Начало освоения Амурской области было положено еще прежде ратификации Айгунского трактата. В 1856 г. были основаны посты, служившие складскими местами для размещения военных запасов возвращавшихся с Нижнего Амура в Забайкалье войск. Первыми поселенцами Амурской области стали «невольные колонисты» – казаки Забайкальской области, жившие по рекам Шилке, Аргуни и Онону, переселявшиеся правительством в интересах обеспечения и защиты новых русских границ со стороны Китайского государства. В 1857–1862 гг. было образовано около 60 российских селений, в которых числилось 11 850 душ обоего пола⁴⁷⁰.

Малоосвоенные Николаевский и Софийский округа и Уссурийский край, вошедшие в Приморскую область, колонизировались Россией с середины XIX в. Еще в июне 1850 г. в одном из заливов Охотского моря («залива Счастья») амурской экспедицией было основано Петровское зимовье, в августе 1850 г. было положено начало Николаевскому посту, в 1853 г. были основаны посты: Мариинский, Александровский (в заливе де-Кастри), Константиновский (в Императорской гавани), Муравьевский (в заливе Анева, на о. Сахалин)⁴⁷¹.

В рамках основного долгосрочного стратегического планирования, нацеленного имперской властью на увеличение экономического благосостояния страны, освоение новых территорий было одним из средств

---

⁴⁶⁸ Высочайше утвержденное положение об управлении Амурской области // ПСЗ РИ. Собр. 2. 1858. 8 декабря. Т. 33, ч. 1, № 33862. С. 452.

⁴⁶⁹ Там же. С. 453.

⁴⁷⁰ Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей, со включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран... С. 19–20.

⁴⁷¹ Там же. С. 334.

усиления позиций России на новых территориях в Азиатско-Тихоокеанском регионе и включения их в общероссийское пространство. Ярким примером этого служит предоставление права генерал-губернатору Восточной Сибири награждать инородцев Приморского края и Забайкальской области государственными наградами, дававшими право на различные привилегии⁴⁷².

Так, в 1855 г. к низовьям р. Амур было отправлено 3000 чел. (по другим сведениям, 2500 чел.) военных, сотня казаков, а также под начальством князя М. С. Волковского прибыли первые переселенцы – крестьяне Иркутской губернии и Забайкальской области в числе 50 семей и 481 души об. пола (271 муж. и 210 жен. пола), которые были поселены между Мариинском и Николаевском и образовали селения: Иркутское, Богородское, Михайловское, Сергиевское (кроме названных, одно селение погибло по причине смерти его жителей от тифа). В 1856 г. в Приморскую область прибыли 1638 чел. нижних чинов и 24 офицера. В 1857 г., кроме войска, отправленного в Мариинск, в числе 2400 чел. прибыло 100 душ переселенцев – земледельцев, а в г. Николаевск отправлены 62 ссыльно-каторжные женщины. В 1858 г. началось заселение низовий Уссури прибывшими из Забайкалья казаками в числе 146 семей и 185 душ муж. и 184 жен. пола, которые образовали 4 станицы: Корсакова, Казакевича, Невельского и Дьяченко. Основаны также с. Софийск и с. Хабаровка. Свободных переселенцев было только 18 душ. Общее количество населения области составляло, за исключением инородцев, до 12 595 душ обоего пола. В этом же году (8 декабря 1858 г.) правительство с целью привлечения поселенцев в область ввело поземельное обеспечение переселенцев в области. С этого времени отправлявшиеся за собственный счет крестьяне приобретали участки земли в собственность, а неимущие получали денежные суммы из выделенных государственным казначейством ежегодных 100 тыс. руб.⁴⁷³

---

⁴⁷² ГАИО. Ф. 24. Оп. 1. Раздел 3. Д. 160. Л. 1 а.

⁴⁷³ Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей, со включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран... С. 335.

В 1859 г. в низовья Амура прибыло 50 душ переселенцев и продолжилось заселение берегов р. Уссури. Переселившиеся из Забайкалья казаки в числе 340 семей и штрафованные нижние чины – 339 душ, переименованные в казаков, основали 16 станиц. В 1860 г. прибыли переселенцы из Пермской, Вятской, Воронежской, Тамбовской губерний – 227 семей, или 1806 душ обоего пола, отправленные за казенный счет «из России» в 1859 г. Они поселены были между селами Хабаровкой и Софийском и образовали селения: Петропавловское, Воронежское, Вятское, Малышевское, Куруп, Малмыжское, Орловское, Троицкое, Пермское, Оханское, Жеребцовское и Тамбовское. Переселение и водворение каждого семейства обошлось правительству в 800 руб. вместо предполагаемых первоначально 150 руб., а потом – 333 руб. 33 коп. В этом же году был основан военный пост во Владивостоке, состоявший из 40 нижних чинов под начальством 1 офицера. В 1860 и 1861 гг. забайкальскими казаками в числе 7 семей, 294 семьями переведенных в казаки штрафованных солдат основаны последние 4 станицы по р. Уссури. Все население Приморской области с включением северных округов в 1861 г. составляло 35 283 души обоего пола (21 035 муж., 14 248 жен.)⁴⁷⁴.

Архивные материалы свидетельствуют о массовых случаях злоупотреблений со стороны местных служащих, которые были задействованы в организации переселения и работе со ссыльными. «Дело о незаконной продаже и скупке золота в Чите, провозе муки, табака, крупы для продажи состояло в том, что служащий усмотрителем складочных магазинов Ширь-Али-Бек-Тамзаев, поселенец Верхнеудинского округа, Нарымской волости и смотритель складочных магазинов коллежский секретарь Г. А. Саватеев привлечены за сокрытие растраты хранившихся в магазинах припасов. Дело о массовых злоупотреблениях по содержанию нерчинских

---

⁴⁷⁴ Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей, со включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран... С. 336.

ссылно-каторжных за время заведования майора Патулова в 1881–1886 гг. выразилось в незаконной продаже товара на сумму 10 9481 руб. 67 коп.»⁴⁷⁵.

Для привлечения вольных колонистов в Амурскую область Сибирский комитет в марте 1861 г. принял положение о предоставлении льгот переселенцам. По прибытии каждая семья получала право пользоваться 100 десятинами земли и покупать землю в собственность по цене 3 руб. за 1 десятину. Переселенцы-крестьяне податей в казну не платили, а также освобождались от денежных и натуральных повинностей в течение трех лет со дня водворения. Первыми были земледельцы Таврической и Самарской губерний и территорий Восточной Сибири, основавшие селения Астрахановку и Белогорье. Затем прибыли переселенцы из Воронежской, Вятской, Астраханской, Пермской и Тамбовской губерний. За десятилетний период (1859–1869) переселилось 7424 чел., население в Амурской области возросло до 23 517 чел., а население на квадратную версту составляло 0,059 жителей⁴⁷⁶.

Одновременно было приостановлено переселение крестьян за казенный счет на территорию Приморской области. С 1861 г. переселенцам выдавались только «заимообразные пособия». Поэтому прилив колонистов приостановился, и с 1862 по 1870 г. всего переселилось в низовья р. Амур до 400 чел., которые расселились в уже основанные селения. В 1862 г. с переселением 294 семей казаков из Забайкалья и с причислением 228 семей нижних чинов в казачье сословие окончилось заселение долины р. Уссури. Но в этом же году началась колонизация Южно-Уссурийского края. Первыми здесь переселенцами были крестьяне Астраханской, Воронежской, Тамбовской губерний, затем пошли переселенцы с берегов Амура (не сумевшие там освоиться), а также несколько несколько сотен семей корейцев⁴⁷⁷.

---

⁴⁷⁵ ГАИО. Ф. 29. Оп. 1 (1). Д. 55. Л. 1–178.

⁴⁷⁶ Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей, со включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран... С. 20.

⁴⁷⁷ ГАИО. Ф. 24. Оп. ОЦ. Д. 678. Л. 2–39.

Таким образом, политика Российской империи после сибирской реформы М. М. Сперанского в эпоху казавшейся стабильности была на деле схожа с политикой, предшествовавших исторических этапов XVII–XVIII вв., когда шел процесс стремительного продвижения России в глубь Азии (на юг и восток) и освоения в столь короткий срок огромных пространств, сравнимых с присоединениями периода Великих географических открытий. В связи с этим Западная и Восточная Сибирь, разделенная на соответствующие части в 1822 г., не оставалась статичной до 1860-х гг. Во второй половине XIX в. границы были значительно увеличены за счет присоединения огромных среднеазиатских и дальневосточных пространств, на территориях которых распространились те же формы административного деления – области (Уральская, Тургайская, Акмолинская, Семипалатинская, Амурская). При этом государство по причине экономии средств и сложностей понимания внутренней обстановки на недавно освоенных землях распространяло военный стиль управления и не проводило каких-либо крупных постоянных правительственных действий, ограничившись территориальной реструктуризацией. Так, к территории Западно-Сибирского генерал-губернаторства были отнесены Акмолинская и Семипалатинская области, а в состав Восточно-Сибирского – включены Амурская и преобразованные Забайкальская и Приморская области. Было понятно, что процесс определения более четких территориальных границ Сибири за счет выделения самостоятельных соседских с ней регионов неизбежен, а его условием было все усиливавшееся крестьянское переселение на Дальний Восток и упрочнение русско-казахских связей на территории Средней Азии.

2.4. Административно-территориальное устройство Сибири в 1870–1917 гг.

Проекты территориального устройства Сибири в 1870-е гг.

Не все либеральные реформы 1860–1870-х гг., изменившие жизнь российской провинции, коснулись российской «восточной» окраины. Земское самоуправление введено не было и казалось несбыточной мечтой либерально настроенной сибирской общественности. Ожидания введения новой судебной системы, выстроенной на демократических принципах, были реализованы только в 1897 г., и то в усеченном виде. Первый университет открылся в г. Томске только в 1888 г. При скудности товарно-денежного оборота среди сибирских крестьян финансовые реформы были бездейственными.

Вопрос о новом административно-территориальном устройстве Сибири возник вновь в 1870-е гг. Разрабатываемый в высших административных кругах, он не имел окончательного решения. По мнению либерально настроенной сибирской общественности, в имперском дискурсе сложилось непонимание сложности ситуации в Сибири: «Одни говорят, что он (вопрос. Авт.) уже решен в принципе, приведение же в исполнение решения приостанавливается вследствие финансовых соображений. Другие удостоверяют, что вопрос еще в зародыше разрешения. В печать проникают слухи, и довольно противоречащие, о предполагаемом разрешении»⁴⁷⁸.

Выведенное противоречие объяснялось тем, что к концу 1870-х гг. было неизвестно, по каким причинам вопрос о новом административно-территориальном устройстве Сибири не попал в категорию тех проблем, для правильного разрешения которых признавалось необходимым общественное обсуждение. По мнению современников, «он составляет до сих пор как бы канцелярскую тайну»⁴⁷⁹. Хотя в печати конца 1870 – начала 1880-х г.

---

⁴⁷⁸ Сборник историко-статистических сведений о Сибири. Спб., 1874. Т. 2. С. 1.

⁴⁷⁹ Там же. С. 2.

присутствовали теоретические статьи, посвященные обсуждению степени необходимости, например генерал-губернаторской власти вообще, а в Сибири в частности⁴⁸⁰.

В имперском дискурсе разделение Сибири на две части представлялось в «естественном» отношении абсолютно верным, а в административном взгляде удобным. Однако при сложившихся границах Восточной Сибири, значительно отодвинувшихся на восток, для населения Амурской области казалось неправильным то, что г. Благовещенск и г. Иркутск имели расстояние между собой в 2414 верст. Например, в Приморской области г. Иркутск и г. Николаевск были удалены друг от друга на 4163 версты, а г. Владивосток – 4229 версты. Кроме того, в отдаленных частях Сибири к этому времени резко возросло количество населения. Например, в 1867 г. население Приморской области исчислялось 43 320 душами обоего пола, в 1870 г. – 50 512 душами (табл. 1). Заметим, число корейцев в 1879 г. было 5895 чел., а китайцев – 6000–7000 чел., что вызывало опасение у государства и общественности и «требовало желать увеличения участия России в области»⁴⁸¹.

Таблица 1. Население Приморской области по округам и участкам (1870 г.)⁴⁸²

Округ	Население, душ обоего пола	Участок	Население, душ обоего пола
Николаевский	9031	Уссурийский	6779
Софийский	8087	Суйфунский	1196
Петропавловский	5846	Ханкайский	4779
Охотский	4608	Аввакумвский	1157
Гижигинский	6901	Сучанский	656
Удской	1454	–	–

По свидетельству дореволюционной печати, в верховной и центральной власти считали, что для административно-территориального

⁴⁸⁰ Авдеева О. А. Сибирь в государственно-правовой системе России // Сибирская газета. 1881. 3 мая.

⁴⁸¹ Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей, со включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран... С. 335–336.

⁴⁸² Там же. С. 336.

устройства какого бы то ни было края расстояния сами по себе – это не причина ломки существовавшей ранее системы управления. Объяснялось это тем, что, например, п-ов Камчатка не мог быть самостоятельной единицей в сложившихся к тому времени условиях. Однако Охотский край был присоединен к Приморской области потому, что имел более удобные пути сообщения с г. Николаевском, чем с г. Якутском⁴⁸³.

Вопрос будущего управления Восточной Сибирью и Амурским краем был поручен специально созданному для этого местному комитету, называвшемуся Амурской комиссией. Ее решения различались от предложений генерал-губернатора Восточной Сибири М. С. Корсакова лишь тем, что комиссия, в отличие от мнения М. С. Корсакова, считала излишним соединение Амурской и Забайкальской областей в одно генерал-губернаторство, каждая из них могла быть независимым административно-территориальным образованием⁴⁸⁴.

Предложения Амурской комиссии были рассмотрены в 1871 г. в особом совещании по амурским делам, которое, однако, не решило вопрос окончательно и признало необходимым передать его для решения, во-первых, генерал-губернатору Восточной Сибири и начальнику Приморской области, во-вторых, поручить министру внутренних дел по согласованию с Военным министерством внести в годичный срок окончательные предложения о переустройстве всего «Сибирского края», Оренбургского и Туркестанского генерал-губернаторств.

Разработанный к ноябрю 1871 г. проект включал следующие положения:

1. Упразднить Западно- и Восточно-Сибирское и Оренбургское генерал-губернаторства.
2. Взамен ранее существовавших образовать Амурское и Степное генерал-губернаторства. Первое – в указанных генерал-лейтенантом

---

⁴⁸³ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 1. Л. 4.

⁴⁸⁴ Сборник историко-статистических сведений о Сибири. Т. 2. ... С. 7.

М. С. Корсаковым пределах, второе – из Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской областей, северной части Семиреченской области, при этом административный центр Степного генерал-губернаторства должен располагаться в г. Омске

3. Переформировать Оренбургский и Казанский военные округа в такую форму, чтобы к первому были отнесены Оренбургская, Уфимская, Самарская, Астраханская губернии и Уральская область⁴⁸⁵.

4. Присоединить градоначальство Кяхты к Иркутской губернии, чему способствовала постройка новой дороги в Кяхте, затем сумевшей улучшить бы внешнеторговые отношения в России в целом⁴⁸⁶.

Данный проект выделялся тем, что в нем в первый раз была подвергнута сомнению необходимость существования генерал-губернаторской власти. Однако в ответ ему были предложены два контрпроекта военных географов, полковников Генерального штаба, имевших разведывательные миссии в Средней Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе, – М. И. Венюкова и А. П. Проценко⁴⁸⁷.

Побывав в Амурском и Уссурийском крае, районе оз. Иссык-Куль, в Забайкалье, Тянь-Шане, Алтае и Кавказе, они считали, что более определенное административное положение России на малоосвоенных и «спорных» с другими государствами территориях будет возможно только при условии соединения государственного их управления в одних руках. Так, по обоим проектам предполагалось образовать четыре генерал-губернаторства.

Полковник А. П. Проценко полагал Оренбургское и Туркестанское генерал-губернаторства оставить в их существующих границах, а относительно Амурского края – создать одноименное генерал-губернаторство, т. е. по амурскому вопросу поддержал заявление генерал-губернатора Восточной Сибири генерал-лейтенанта М. С. Корсакова, а в

---

⁴⁸⁵ Сборник историко-статистических сведений о Сибири. Т. 2. ... С. 7–8.

⁴⁸⁶ ГАИО. Ф. 24. Оп. ОЦ. Д. 533. Л. 1–3; Д. 650. Л. 2–48.

⁴⁸⁷ РГВИА. Д. 400. Азиатская часть. Оп. 258/908. 1873 г. Д. 8. Л. 24–27, 50–55.

состав созданного Сибирского генерал-губернаторства (нынешнего Западно-Сибирского) включить «внутренние», или, как правильно сказать, срединные губернии Сибири, к которым относилась и Енисейская губерния, что поддержал и В. И. Венюков⁴⁸⁸.

Полковник М. И. Венюков видел устройство окраин Сибири в следующем. Во-первых, в состав Амурского генерал-губернаторства включить не все Забайкалье, а только Нерчинский край (восточную часть Забайкалья). Туркестанское генерал-губернаторство создать из Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей и Зайсанского приставства. Степное генерал-губернаторство образовать из трех областей – Уральской, Троицкой, Омской (с центром в г. Оренбурге)⁴⁸⁹.

Результатом обоих проектов М. И. Венюкова и А. П. Проценко было бы следующее распределение края относительно пространства и населения, представленное в табл. 2.

Таблица 2. Генерал-губернаторства Азиатской России по проектам переустройства территориального деления 1870-х гг.⁴⁹⁰

Территория	Проект			
	М. И. Венюкова	А. П. Проценко	М. И. Венюкова	А. П. Проценко
	Пространство, кв. миль		Население, душ обоего пола	
Амурское	43 276	50 000	247 890	477 000
Сибирское	152 302	206 000	2 201 901	3 700 000
Туркестанское	17 425	–	1 635 500	–
Степное (или Оренбургское)	31 795	–	1 524 478	–

Между тем начальник Приморской области контр-адмирал А. Е. Кроун, исполняя распоряжение совещания по Амурским делам, представил свой

⁴⁸⁸ Сборник историко-статистических сведений о Сибири. Т. 2. ... С. 8.

⁴⁸⁹ Там же. С. 8.

⁴⁹⁰ Сост. по: РГВИА. Д. 400. Азиатская часть. Оп. 258/908. 1873 г. Д. 8. Л. 24–27, 50–55; Сборник историко-статистических сведений о Сибири. Т. 2... С. 8.

проект устройства Амурского края, с которым ознакомился генерал-губернатор Восточной Сибири сенатор Н. П. Синельников.

Контр-адмирал А. Е. Кроун, исходя из представлявшихся в его понимании морских интересов через р. Амур, предложил отделить от Восточно-Сибирского генерал-губернаторства лишь полосу по берегу от Кореи до Берингова пролива и часть Амурского бассейна от хребта Сихотэ-Алинь до Хингана, а Верхнеамурский край (от Хингана до стрелки – площадью 5000 кв. миль) признавал возможным присоединить к Забайкальской области⁴⁹¹.

В ответ генерал-губернатор Восточной Сибири Н. П. Синельников согласился с решением отделить береговую линию, передав ее в непосредственное управление морскому ведомству. Однако полагал, что остальная часть Восточной Сибири могла бы остаться в составе одноименного генерал-губернаторства. А если верховная власть считает необходимым сократить его площадь, то следует отделить от нее Енисейскую губернию, которую наравне с Тобольской губернией можно уже передать в прямое ведение Министерству внутренних дел.

В период с марта 1873 по май 1874 г. в столице работала очередная комиссия по разработке окончательного проекта административно-территориального устройства Сибири.

Ниже приведены положения проекта, выработанного комиссией.

1. Пространство Сибири площадью в 178 266 кв. миль и с населением в 4 871 800 чел., представлявшее собой 8 губерний и областей, «освобождалось» от генерал-губернаторской власти и поступало в непосредственное ведение Министерства внутренних дел; Якутская область подчинялась Иркутским губернским властям; Букеевская орда – Астраханским⁴⁹².

---

⁴⁹¹ Сборник историко-статистических сведений о Сибири. Т. 2. ... С. 10.

⁴⁹² Там же. С. 10.

2. Из прочих губерний и областей следует создать три генерал-губернаторства:

– Степное генерал-губернаторство – с центром в г. Омске, площадью 36 610 кв. миль, населением 2 164 100 чел. – из Уральской, Орской (Оренбургское Казачье войско), Омской областей, Каркалинского уезда, заиртышской частью Павлодарского округа и Семипалатинской области, в состав которой предполагалось отнести Сергипольский, Копальский и Верненский уезды;

– Туркестанское генерал-губернаторство – с центром в г. Ташкенте, площадью 15 010 кв. миль и населением 1 497 000 чел. – из Сыр-Дарьинской, Самаркандской областей, Таньшанского и Амур-Дарьинского отделов;

– Амурское генерал-губернаторство – с центром в г. Благовещенске, площадью 48 946 кв. миль, населением 488 000 чел. – из приамурских областей и Забайкальской области⁴⁹³.

Решение Комиссии вновь не приобрело статус реально выполняемого из-за невозможности переноса центров новых территориальных единиц, что требовало бы значительных денежных расходов. Кроме того, из восьми членов, составлявших присутствие комиссии (имена членов комиссии пока неизвестны), на последнем заседании комиссии не присутствовало два ее члена, имевших собственное противоположное комиссии мнение. Одним из них был контр-адмирал А. Е. Кроун, который видел иным устройство подвластного ему Амурского края.

Окончание работы комиссии совпало с назначением в Восточную Сибирь нового генерал-губернатора. Приступив к работе, генерал-адъютант барон П. А. Фредерикс тут же представил два собственных проекта гражданского и военного устройства края, основные черты которых были следующими:

1) переустройство гражданского управления Приамурским краем и Енисейской губернией отклонить;

---

⁴⁹³ Сборник историко-статистических сведений о Сибири. Т. 2. ... С. 10.

2) частично преобразовать управление в Забайкальской области за счет слияния ее с Амурской областью в одну территориально-административную единицу с центром в г. Благовещенске;

3) отдать управление флотом и портами Приморской области новому должностному лицу – главному командиру, а через него – Морскому министерству, а управление сухопутными войсками Амурской и Забайкальской области – губернскому воинскому начальнику⁴⁹⁴.

Среди основных проблем переустройства Сибири были завышенные ожидания авторов проектов на возможно выделяемые государством денежные суммы, которые при общей сложности внешнеполитической и внутривосточной ситуации и бедности «государевой казны» не могли быть выделены. Верховная власть и центральные правительственные структуры искали достаточно недорогой проект, который при относительной дешевизне был бы результативен в решении стратегической цели и тактических задач государства относительно Сибири, приносившей России, в свою очередь, огромные фискальные доходы и ресурсы.

Одним из спорных вопросов был выбор городов, выступавших в роли административных центров учреждаемых территориальных единиц. Приводились следующие доводы: г. Оренбург находился в 2089 верстах от столицы Санкт-Петербурга, а г. Омск – в 3359 верстах, т. е. более чем в полтора раза дальше⁴⁹⁵. Однако при выборе центром учреждаемого Степного генерал-губернаторства г. Оренбург потребовались бы большие денежные вложения на перенос губернских (областных) учреждений, организацию транспортной инфраструктуры и почты. Поэтому вопрос не решался, хотя проекты по переустройству Сибири разрабатывались.

В 1860–1870-е гг. – эпоха оживления общественно-политического развития Сибири, основой которого, по данным генерал-губернаторских отчетов, были объективные положительные тенденции социально-

---

⁴⁹⁴ Сборник историко-статистических сведений о Сибири. Т. 2. ... С. 14–15.

⁴⁹⁵ РГИА. Ф. 365. Оп. 9. Д. 34510. Л. 4, 59.

экономического, внешнеторгового и военно-стратегического потенциала огромнейшей восточной территории страны⁴⁹⁶.

Таким образом, прогнозирование территориального устройства Сибири имело все-таки не инерционную, а целевую форму, поскольку исходило из конкретных ожиданий со стороны правящих структур. Правительством учитывалась необходимость обсуждения вопроса о будущем Сибири. Анализ ее особенностей и изменений, а также их последствий, отражавшихся на результатах принятия тех или иных решений, позволил расконсервировать политическую систему – изменения начались.

Территориальное устройство Сибири в 1880–1917 гг. Выработанные варианты изменений системы территориального деления Сибири отражали рациональный подход к данному вопросу.

В 1880 г. управление Амурской и Приморской областями было переведено в г. Хабаровку (теперь г. Хабаровск), тогда же в составе Амурской области образован Хабаровский округ, а из состава Приморской области выделен Владивостокский порт с полуостровом Муравьева-Амурского, образовавшим Владивостокское военное губернаторство.

Высочайше утвержденным мнением Государственного совета в 1882 г. было установлено правило (в качестве эксперимента на три года) о перевозке на территорию «Дальнего Востока» России за казенный счет из г. Одессы морским путем по 250 семейств переселенцев, на что выделялось по 315 тыс. руб. ежегодно. Для организации переселения был образован переселенческий комитет, подчиненный военному губернатору. Каждому переселенцу (на одну душу муж. пола) выдавалось не менее 15 дес. земли. Эффектом принятых со стороны государства мер стало переселение в течение трех лет (1883–1885) в Приморскую область 6711 душ об. пола (800 «казеннокоштных» семей, состоявших из 4710 душ) и основано 37 новых

---

⁴⁹⁶ ГАИО. Ф. 24. Оп. ОЦ. Д. 678. Л. 2–4; Д. 679. Л. 2–4, 8, 72–74; Д. 680. Л. 2–4, 61–68; Д. 675. Л. 2–4, 89–93; Д. 781. Л. 2–27.

селений. Затем был реализован менее затратный проект переселения, который подразумевал привлечение в область уже не «обездоленных пролетариев», а более полезных колонистов, т. е. работоспособных крестьян с семьями, у каждой из которых на руках было не менее собственных 600 руб., а при отсутствии денег выдавалась, ссуда в этом размере сроком на 30 лет. И даже при таких условиях в 1886–1890 гг. в Приморскую область переселилось 7696 душ крестьян⁴⁹⁷. Значительный прилив переселенцев позволил обеспечить выход Дальневосточной территории из состава сибирских регионов и образовать самостоятельное правление.

На территории Средней Азии было учреждено в 1882 г. Степное генерал-губернаторство, оно включало в себя Акмолинскую и Семипалатинскую области (из расформированного генерал-губернаторства Западной Сибири) и с 1891 по 1898 г. еще Семиреченскую область (из Туркестанского генерал-губернаторства). При этом административным центром был назначен г. Омск. Так «Сибирская степь» вышла из состава Сибири и приобрела административные границы, соответствовавшие географическим и историческим, при этом доминантой Среднеазиатской территории была военная ориентация, а проект образования Степного генерал-губернаторства разрабатывал военный министр П. С. Ванновский⁴⁹⁸.

В то же время Западно-Сибирское генерал-губернаторство упразднялось. Одновременно с этим сибирские Тобольская и Томская губернии переходили на равное положение с губерниями Центральной (Европейской) России с непосредственным подчинением Министерству внутренних дел и другим центральным органам власти, находившимся в г. Санкт-Петербурге (см. прил., табл. 5).

В июне 1884 г. было создано отделенное от Сибири Приамурское генерал-губернаторство. Оно было составлено из Амурской, Забайкальской и

---

⁴⁹⁷ Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей, со включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран... С. 336.

⁴⁹⁷ Высочайше утвержденное положение об управлении Амурской области // ПСЗ РИ. Собр. 2. 1858. 8 декабря. Т. 33, ч. 1, № 33862. С. 452.

⁴⁹⁸ Об этом см.: Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Омск, 1997. С. 8–87.

Приморской областей и о. Сахалин, получившего особое отдельное управление. В 1888 г. Владивостокское военное губернаторство вошло в состав Приамурского генерал-губернаторства, которое было создано в 1884 г. в ответ на активизацию внешней политики европейских государств в Азии и быстрое развитие Японии⁴⁹⁹. Территория самой восточной части Российского государства была выведена из состава Восточной Сибири, получив самостоятельное географическое наименование, применяемое и сегодня – «Дальний Восток». Заметим, что в 1903 г., незадолго до войны с Японией, в результате слияния Приамурского генерал-губернаторства и Квантунской области было образовано Наместничество Дальнего Востока. Руководитель Наместничества обладал широчайшими полномочиями. Наместничество Дальнего Востока было упразднено после окончания русско-японской войны. В 1909 г. Приморская область была поделена на Камчатскую, Приморскую и Сахалинскую области. Но эти преобразования происходили уже не в Сибири, а в отделенном от нее регионе.

В составе генерал-губернаторства Восточной Сибири по-прежнему находились Иркутская и Енисейская губернии, а в 1906 г. генерал-губернаторство пополнилось Забайкальской областью. В 1887 г. Восточно-Сибирское генерал-губернаторство было переименовано в Иркутское⁵⁰⁰. По характеристике известного русского правоведа А. Д. Градовского, «генерал-губернаторство – власть чрезвычайная», поэтому оно сохранилось на восточных азиатских пространствах империи⁵⁰¹.

До 1898 г. губернии и области Сибири состояли из округов, которые на основании Временного положения от 2 июня 1898 г. «О крестьянских начальниках в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской»

---

⁴⁹⁹ Энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 1. С. 46.

⁵⁰⁰ О разделении Восточно-Сибирского округа на два: Иркутский и Приамурский // ПСЗ РИ. Собр. 3. 1884. 14 июля. Т. 4, ч. 1, № 2366. С. 412; Об освобождении Генерал-Губернатора Восточной Сибири от обязанностей по главному местному управлению Нерчинским горным округом и о подчинении Начальника сего округа непосредственно Кабинету Его Императорского Величества // ПСЗ РИ. Собр. 3. 1884. 23 августа. Т. 4, ч. 1, № 2402. С. 718; О преобразовании Главного управления Восточной Сибири // ПСЗ РИ. Собр. 3. 1887. 2 июня. Т. 7, ч. 1, № 4517. С. 266.

⁵⁰¹ Дамешек Л. М. Институт генерал-губернаторской власти Азиатской России и его особенности. Иркутск, 2011. С. 38; Градовский А. Д. Собрание сочинений. Спб., 1899. Т. 1. С. 324.

были переименованы в уезды, без каких-либо изменений содержательной части⁵⁰².

В хозяйственном отношении Тобольская, Томская, Иркутская и Енисейская губернии были более освоены, чем Якутская и Забайкальская области, поскольку эти земли были присоединены к Российской империи относительно недавно.

В составе западной части Сибири, приобретшей четкие границы после выделения Средней Азии, наиболее приближенной к внутренним губерниям Центральной России, административно-территориальной единицей была Тобольская губерния. Как территория, освоенная первой в рамках присоединения Сибири к Московской Руси, она с мая 1882 г. безоговорочным решением верховной власти была подчинена общей системе империи.

В состав Тобольской губернии вошли 10 округов (с 1898 – уездов): Тобольский, Березовский, Сургутский, Туринский, Ялуторовский, Тюменский, Курганский, Ишимский, Тарский и Тюкалинский. Их общая площадь была 1166,3 тыс. кв. верст⁵⁰³, а численность населения в 1897 г. составляла 1433,0 тыс. чел., в 1906 г. – 1656,7 тыс. чел., 1914 г. – 2054,4 тыс. чел., 1916 г. – 2191,4 тыс. чел. В национальном составе абсолютно преобладали русские. В 1897 г. их доля в общей численности населения составляла 90 %⁵⁰⁴. По сравнению с территориальным делением Тобольской губернии по «Учреждению о Сибирских губерниях» (1822) из ее состава в последующее время была выведена часть территории существовавшей до 1854 г. Омской области. Эта территория была реструктурирована из области Сибирских киргизов, а именно приписанных к г. Омску земель, объединенных до 1838 г. в рамках одноименного Омского уезда, включенного в 1882 г. в состав Степного генерал-губернаторства.

---

⁵⁰² О крестьянских начальниках в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской // ПСЗ РИ. Собр. 3. 1898. 2 июня. Т. 18. № 15503. С. 403–404.

⁵⁰³ Прим.: по другим данным за 1906 г., площадь Тобольской губернии – 1228 тыс. кв. верст. См.: Статистико-экономические итоги по Якутской области за 1906 г. Якутск, 1906. С. 3.

⁵⁰⁴ Энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 3. С. 258.

Томская губерния так же, как и Тобольская, выведенная на уровень внутренних губерний Центральной России, т. е. более не включенная в генерал-губернаторство, отличалась от других территориальных единиц своим пограничным положением и промышленной инфраструктурой, сосредоточенной на юге в горных районах края. До середины XIX в. Томская область имела земли Сибирской Степи, но к 1880-м гг. существенно была сокращена после территориальных преобразований Средней Азии второй половины XIX в. Так, в рамках границ 1882 г. Томская область граничила по западной стороне с Семипалатинской областью Степного генерал-губернаторства, по северной – с Тобольской губернией, по восточной – с Енисейской губернией, по южной – с Монголией и Урянхайским краем.

В состав Томской области 1882 г. входили семь округов (с 1898 – уездов): Барнаульский, Бийский, Змеиногорский, Каинский, Кузнецкий, Мариинский и Томский. Площадь Томской губернии «составила 757,9 тыс. кв. верст, а численность населения в 1897 г. – 1927,7 тыс. чел.; в 1906 г. – 2412,7 тыс. чел., в 1914 – 3999,0 тыс. чел., 1916 – 4510,0 тыс. чел.»⁵⁰⁵. Значимый прирост численности населения был связан с аграрным переселением в Сибирь, начавшимся в 1889 г., так как ее территории, особенно современного Алтая, были удобны для сельскохозяйственного производства.

Енисейская губерния, относившаяся к Средней (Срединной) Сибири и не имевшая внешних границ (помимо Урянхайского края на Юге и побережья Карского моря и моря Лаптевых на Севере, так и не приобрела «самостоятельности» подобно Тобольской и Томской губерний, с 1882 г. находившихся напрямую под Министерством внутренних дел.

Енисейская губерния на 1887 г. состояла из Ачинского, Енисейского (с Туруханским отделением / краем), Канского, Красноярского и Минусинского округов (с 1898 – уездов), а также Усинского пограничного округа на самом южном ее рубеже (с 1885) и Урянхайского края, вошедшего под протекторат

---

⁵⁰⁵ Энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 3. С. 266.

Российской империи в 1914 г. Площадь Енисейской губернии составляла 2297,9 тыс. кв. верст (в 1913)⁵⁰⁶. Численность населения в 1897 г. была 570,2 тыс. чел., в 1906 г. – 657,9 тыс. чел., в 1914 г. – 990,4 тыс. чел., в 1916 г. – 1090,3 тыс. чел.⁵⁰⁷, а его количественный рост, как и в предшествовавшие исторические эпохи, в конце XIX – начале XX в. был обусловлен переселенческой политикой верховной власти и развитием аграрного и промышленного хозяйства региона, что во многом объяснялось улучшением транспортного сообщения региона.

Усинский пограничный округ вошел в состав Сибири «высочайше утвержденным мнением Государственного совета» от 30 декабря 1885 г. в процессе освоения Россией Урянхайского края, находившегося ранее в китайском владении⁵⁰⁸. Территория Усинского пограничного округа площадью в 151 тыс. кв. верст включала южную часть Минусинского округа Енисейской губернии и пограничную с Китаем черту, заселенную тувинцами, т. е. до китайских границ Урянхайского края. При этом нужно отметить, что линии русско-тувинских взаимодействий при закрытом режиме русско-китайской границы к этому времени были уже исторически оформлены, так как на протяжении более ста лет существовали устоявшиеся между тувинским и русским народами торговые отношения и социальные связи. Так, по словам В. А. Ватина, тувинцы в середине XIX в. бывали и в г. Минусинске⁵⁰⁹. Архивные материалы показали, что по ходатайству генерал-губернатора Восточной Сибири в декабре 1864 г. министр внутренних дел положил разрешить русским раскольникам поселиться «смежно китайской границе» на р. Усу с причислением их в сословие казенных крестьян Минусинского округа⁵¹⁰.

---

⁵⁰⁶ Прим.: по другим данным, за 1906 г., площадь Енисейской губернии – 2260 тыс. кв. верст. См.: Статистико-экономические итоги по Якутской области за 1906 г. Якутск, 1906. С. 3.

⁵⁰⁷ Энциклопедия Сибири... С. 531.

⁵⁰⁸ Об образовании Усинского пограничного округа в Енисейской губернии и об упразднении некоторых должностей в Управлениях Восточной Сибири // ПСЗ РИ. Собр. 3. 1885. 30 декабря. Т. 5. № 3424. С. 542.

⁵⁰⁹ Ватин В. А. Минусинский край в XVIII в. Минусинск, 1913. С. 20.

⁵¹⁰ ГАКК. Ф. 595. Оп. 19. Д. 299. Л. 2–3.

Урянхайский край вошел под протекторат России в апреле 1914 г., что было «актом удовлетворения доброй воли Тувы и его правителей того времени»⁵¹¹. До этого периода с середины XVIII в. тувинские земли фактически были «пушной колонией» Китайской империи. С ослаблением Цинской династии в результате Синьхайской революции 1911 г. Урянхайский край избрал курс на независимую от Монголии историю под покровительством Российского государства, которому это, в свою очередь, было выгодно для создания буферной зоны с Китаем. Российская общественность поддержала в этом государство, так, например, российский инженер некий Вс. Родичев писал «о необходимости утверждения России в Урянхайском крае, являвшемся выгодной в геополитических отношениях территорией и удобным регулятором русско-китайских отношений»⁵¹².

Иркутская губерния – другая часть восточной части Сибири – была на протяжении уже долгого времени политически и экономически важной территорией, в конце XIX в. сохранила свое положение, и г. Иркутск после 1887 г. остался единственным в Сибири центром, сосредоточившим в себе три уровня государственной власти – Иркутского генерал-губернаторства, губернской администрации, окружного (уездного) управления⁵¹³. В состав Иркутской губернии входили Иркутский, Верхоленинский, Балаганский, Нижнеудинский, Киренский уезды и Олекминско-Витимский горный округ. В конце 1913 г. площадь Иркутской области была 786,4 тыс. кв. верст. Численность населения Иркутской губернии была в 1897 г. – 514,3 тыс. чел., в 1906 г. – 552,7 тыс. чел., в 1914 г. – 750,2 тыс. чел., в 1916 г. – 810,9 тыс. чел. При этом по причине большого потока переселенцев удельный вес коренного населения, главным образом бурят, еще в середине XIX в. составлял примерно треть всего населения, а после существенно снизился⁵¹⁴.

---

⁵¹¹ Бичелдей К. А. Особенности исторического момента в Урянхайском крае между начертаниями Николая II «Согласен» и «Успешно» в 1914 году [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2014. № 3. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_23/7317-bicheldey.html.

⁵¹² Ватин В. А. Минусинский край в XVIII в. Минусинск, 1913. С. 41.

⁵¹³ Иркутский край. Четыре века: История Иркутской губернии (области) XVII–XXI вв. Иркутск., 2012. С. 9.

⁵¹⁴ Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 1. С. 647.

Самой большой административно-территориальной единицей Российской империи, как и Российской Федерации сегодня, была Якутская область – 3489,7 кв. верст (1913)⁵¹⁵. Расположенная в малоблагоприятной для жизни климатической зоне, ее огромная территория всегда оставалась малонаселенной: 269,9 тыс. чел. – в 1897 г., 277,2 тыс. чел. – в 1911 г. Все это обусловило особое положение Якутской области как наиболее подходящее место для реализации пенитенциарной политики государства⁵¹⁶.

В конце XIX в. в состав Якутской области входили Якутский, Вилуйский, Верхоянский, Колымский и Олкминский округа (уезды). Несмотря на огромные по площади размеры уездов, все они делились на 12 полицейских участков, 8 руссконаселенных волостей и 1 инородческую волость и включали 169 населенных мест, 15 якутских улусов с наслегами и 36 родами других «инородцев». Национальный состав Якутской области был представлен широким спектром народов, имевших сложившиеся веками культуру и традиции: якутов – 82,1 %, русских – 11,4 %, эвенков – 4,3 %, татаров – 0,6 %, чукчей – 0,6 %⁵¹⁷.

Территория Якутской области с учетом сурового климата и неразвитости транспортной инфраструктуры воспринималась верховной властью в как перспективная территория в связи с использованием ее богатых природными ресурсами земель для добычи пушнины затем полезных ископаемых – драгоценных металлов, включая золото и серебро⁵¹⁸. Недаром герб Якутской области, утвержденный 5 июля 1878 г., имел следующий вид: «В серебряном щите черный орел, держащий в когтях червленого соболя. Щит увенчан древней царской короной и окружен золотыми дубовыми листьями, соединенными с Александровской лентою»⁵¹⁹. В историко-статистических сведениях, составленных местной властью в 1906

---

⁵¹⁵ Прим.: по другим данным, за 1906 г., площадь Якутской области – 3489 тыс. кв. верст. См.: Статистико-экономические итоги по Якутской области за 1906 г. С. 3.

⁵¹⁶ Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 1. С. 647.

⁵¹⁷ Статистико-экономические итоги по Якутской области за 1906 г. Якутск, 1906. С. 36.

⁵¹⁸ ГАИО. Ф. 24. Оп. 6. Т. 1. Д. 12. Л. 23.

⁵¹⁹ Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 1. С. 605.

г., указывалось: «Якутская область занимает несколько более 1/130 земного шара и 1/34 поверхности всей суши. (...). На пространстве, занимаемом Якутской областью, можно бы 126 раз уложить Калужскую губернию и 234 раза – Петроковскую (...). Если от Анабарской губы поехать по прямой линии на юг к границам Амурской области, то придется сделать около 2000 верст. Если ехать с запада на восток от границ Енисейской губернии к Приморской области, – это составит около 2600 верст»⁵²⁰.

Промышленный и ресурсный потенциал Якутской области, не в полной мере реализованный и сегодня (по истечении более 100 лет), был не разработан по причине неразвитой транспортной и социальной инфраструктуры. Транспортное сообщение ее огромных просторов было опасным (в прямом смысле – опасным для жизни) и несравненно дорогим и осуществлялось только в теплое время года по речным (водным) путям⁵²¹. Удельный вес городских жителей Якутской области составлял в 1897 г. всего 3,4 % населения, в 1911 г. – 4,1 %, что в разы меньше других сибирских территорий, также недостаточно «урбанизованных» к началу XX в. по сравнению с европейской частью России. Например, в 1916 г. доля городского населения в Енисейской губернии составляла 10,3 %, Забайкальской области – 13,9 %, Иркутской – 16,7 %, Тобольской – 6,8 %, Томской – 7,7 %⁵²².

1906 г. был политически важным временем для Забайкальской области. Расположенная по правую (юго-восточную) сторону оз. Байкал, она была включена в состав Иркутского генерал-губернаторства, что было обусловлено тяготением ее жителей более к Сибири, чем к Приамурскому (до 1888 г. Владивостокскому) генерал-губернаторству. В состав Забайкальской области входили Акшинский, Баргузинский, Верхне-Удинский, Нерчинский, Нерчинско-Заводский, Селенгинский, Троицко-

---

⁵²⁰ Статистико-экономические итоги по Якутской области за 1906 г. Якутск, 1906. С. 3.

⁵²¹ Там же. С. 3–8.

⁵²² Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 1. С. 531, 564, 647; Там же. Т. 3. С. 258, 266, 605.

Савский и Читинский уезды. Площадь ее была самой маленькой по сравнению с другими территориальными единицами Сибири – 538,9 тыс. кв. верст (на 1913). Численность населения росла незначительно: 1897 г. – 672,0 тыс. чел., 1906 г. – 742,2 тыс. чел., 1914 г. – 945,7 тыс. чел., 1916 г. – 897,4 тыс. чел. Большинство населения составляли крестьяне – 31,3 %, казаки – 30,1 %, буряты и тунгусы (эвенки) – 28,2 % (данные на 1900)⁵²³. При этом одним из важнейших социально-экономических вопросов был обмен земель между казаками и инородцами, переходивших к совмещению традиционных промыслов с земледелием⁵²⁴.

Стоит отметить, что в конце XIX – начале XX в. Сибирь пережила заметное оживление в связи со строительством через ее территорию Транссибирской магистрали, являвшейся «мегапроектом» освоения «Российского Востока», с тех пор уже фактически не являвшегося окраиной.

Однако и в последний период проходившей в имперской России модернизации Сибирский регион, территориально окончательно оформленный, развивался все так же под патронатом государства. Поскольку Сибирь в этот период была местом уголовной и политической ссылки, здесь жили и работали такие личности, как М. И. Михайлов, Н. Г. Чернышевский, С. Г. Стахевич, П. А. Мартьянов, Н. А. Серно-Соловьевич, члены кружков И. А. Худакова, Н. А. Ишутина, А. В. Долгушина, осужденные по разным процессам народовольцы, боровшиеся за автономию Царства Польского ссыльные поляки, а также марксисты, перевернувшие затем историю России, среди которых были их главные лидеры – В. И. Ульянов (Ленин), Я. М. Свердлов (Гаухмани), Л. Д. Бронштейн (Троцкий), И. В. Джугашвили (Сталин), Ф. Э. Дзержинский и др.

В условиях политической напряженности, царившей как в городах, так и в самых отдаленных «ссыльнокааторжных» местах Сибири, в рамках вопроса организации политической системы ее управления государственный

---

⁵²³ Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 1. С. 564.

⁵²⁴ ГАИО. Ф. 24. Оп. 6. Т. 1. Д. 112. Л. 2–12.

патронат воспринимался сибирской общественностью как внешнее управление, выражавшееся в требовании обязательного следования «рекомендациям» верховной власти. Данный вопрос рассматривался в пределах либерального (либерально-буржуазного) движения, получившего с 1860-х гг. распространение под названием «Сибирское областничество». Его лидеры – А. П. Щапов, Г. Н. Потанин, В. И. Вагин, М. В. Загоскин, М. Я. Писарев, Н. М. Ядринцев – были выдающимися «умами» России того периода. Они самоотверженно работали над тем, чтобы Сибирь перестала быть фактической колонией и требовали ее перевода на автономное (федеративное) положение в составе Российской империи⁵²⁵.

В начале 1880-х гг., ко времени начала коренного переустройства административно-территориальной системы Сибири, областниками была разработана единая платформа для всех общественных деятелей Сибири. Она получила отражение в труде одного из лидеров областников – Н. М. Ядринцева «Сибирь как колония», первоначально изданном в 1882 г.⁵²⁶

Областники вошли в состав центральной системы власти через работу в Государственной думе, ставшей одним из результатов первой русской революции 1905–1907 гг. Так, например, к началу избирательной кампании в IV Думу областники подошли с уже разработанным вопросом о полномочиях, функциях, условиях существования Сибирской областной думы. В предвыборных речах депутаты от Томской области Н. В. Некрасов, от Енисейской – С. В. Востротин, будущие члены IV Государственной думы, цитировали Г. Н. Потанина, особенно поддерживая его лозунг «Удовлетворение местных нужд», а также провозглашая адаптированные к политическим условиям начала XX в. тезисы о равноправии Сибири с Европейской Россией, что сейчас «Сибирь – колония», а необходима «Сибирь – самобытная область» и др.⁵²⁷

---

⁵²⁵ Иркутский край. Четыре века: История Иркутской губернии (области) XVII–XXI в. ... С. 188–194.

⁵²⁶ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 555 с.

⁵²⁷ Хроника // Сибирские вести. 1913. 18 янв.

Г. Н. Потанин высоко оценил деятельность Н. В. Некрасова в Думе: «Депутату от Томской губернии служение России есть в то же время и служение целому государству»⁵²⁸.

Разумеется, идеи сибирских областников в рамках существовавшей тогда унитарной формы административно-территориального устройства Российской империи остались не реализованными.

В дальнейшем, после революционных потрясений 1917 г., советским государством будет выполнена часть их программы. Так, на самой дальней восточной территории Азиатской России с 6 апреля 1920 по 14 ноября 1922 г. существовало временное буферное государственное образование – Дальневосточная республика (ДВР) с включенными в нее территориями Прибайкалья, Забайкалья, Амурской, Сахалинской и Камчатской областями. Однако ДВР была расформирована по достижении ее основной цели – победы большевиков над японской интервенцией в Забайкалье и на Дальнем Востоке мирными средствами⁵²⁹. И в рамках истории СССР к программе областников более не возвращались, считали их либерально-буржуазными и оппозиционными идеям Советского государства, выстроенного на принципах народного единства.

Некие альтернативы правительственному курсу в развитии территориального управления окраинами Российской империи были официально озвучены в 1890–1910-е гг. непосредственными участниками политического процесса – высокопоставленными чиновниками.

Так, в 1898 г. было опубликовано «Положение об управлении в степных областях», составленное старшим советником Тургайского областного правления И. И. Крафтом⁵³⁰.

В 1906–1913 гг. он был якутским губернатором, а в 1913–1914 гг. возглавлял Енисейскую губернию. По оценкам историков и современников,

---

⁵²⁸ Потанин Г. Н. Сибирские проблемы в Государственной думе // Сибирская жизнь. 1912. 18 января.

⁵²⁹ Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 1. С. 449.

⁵³⁰ Положение об управлении в степных областях. Сост. по изд. 1892 г. и продолж. 1893 и 1895 гг. с разъяснениями Правительствующего сената и министерств / сост. старший советник Тургайского областного правления И. И. Крафт. Оренбург, 1898. 284 с.

им было сделано много полезных преобразований на вверенных ему для государственного управления территориях⁵³¹. И. И. Крафт, подобно историку В. Н. Татищеву и петровским геодезистам, во время якутского губернаторства провел статистико-географическое обследование Якутской области, во всех улусах исследовал более 2200 хозяйств, и по полученным им сведениям на карты были нанесены ранее неизвестные населенные пункты, а также организованы экспедиции для изыскания более удобных скотопрогонных путей, направлений телеграфных линий и др.

Опытный чиновник, а также практикующий ученый географ, историк, этнограф, И. И. Крафт в «Положении об управлении в степных областях» видел перспективой устройства Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областей предоставление коренному населению большей свободы и отсутствие насаждения на Среднеазиатских владениях Российской империи чуждых для них форм государственного и общественного устройства как по предмету деления территории, так и работы администрации и суда⁵³².

Однако его практические замечания не были учтены правительственными структурами, что было вызвано его преждевременной смертью в 1914 г., а также сменой политического режима в 1917 г.

Таким образом, административно-территориальное устройство Сибири начиная с 1870-х гг. было уже не предметом «внутреннего» рассмотрения правительственных структур, как например, в 1860-е гг., а вопросом дискуссии двух участников политического процесса – государства и общества. Рост либеральных настроений, имевших «антиколониальный» и сепаратистский толк, был вызван внутренней нестабильностью самого государства. Как итог, в конечный период модернизации, 1880–1917 гг., азиатская часть России вступила в обновленном виде – Сибирь, Средняя Азия, Дальний Восток. Так, от восточной части Сибири отошли наиболее

---

⁵³¹ Хроника // Енисейские губернские ведомости. 1913. № 83. 17 августа. С. 1; Реформатор земли Якутской губернатор Иван Иванович Крафт, 1906–1913. Якутск, 2011. С. 19–26.

⁵³² Положение об управлении в степных областях... С. 28.

географически отдаленные территории, образовавшие Приамурское генерал-губернаторство (до 1888 еще и Владивостокское). Из западной части Сибири вышли территории, когда-то называвшиеся землями Сибирских киргизов, исторически соединившись с другими среднеазиатскими областями в созданном Степном генерал-губернаторстве. Сибирь была представлена более точными границами четырех губерний и двух областей. Из них западносибирские Тобольская и Томская губернии с 1882 г. управлялись уже на общероссийских основах; Енисейская губерния, о положении которой велись споры, осталась в «конгломерате» с Иркутской губернией, Якутской и Забайкальской (с 1906) областями. На восточной части Сибири генерал-губернаторство сохранилось до 1917 г. При этом государство, нацеленное на использование богатств Сибири в качестве источника пополнения казны, сохранило территориального деление, испытанное временем и работавшее по принципу – чем дальше территория от центра, тем она более нуждается в особой системе управления.

Выводы. Анализ территориальной политики Российской империи по формированию административного деления Сибири показал, что преобразования государства имели целенаправленный характер.

Целевое прогнозирование, позволявшее на плановой стадии изыскать варианты возможных решений и действий, давало возможность изменить в нужном направлении структуру территориального устройства Сибири и регулировать нужды и потребности региона с целью обеспечения увязывания двух факторов: планомерности и возможности финансирования.

Предпринятые в первой половине XVIII в. попытки распространить общероссийское деление государства на все его части, включая и отдаленную и неосвоенную Сибирь, показали несостоятельность «экспериментов» в отличных от европейской части России условиях. Эпоха дворцовых переворотов не внесла существенных изменений в управление азиатской частью России. В свою очередь, губерния, утвердившаяся как общая административно-территориальная единица, дробилась Екатериной II

на более мелкие промежуточные элементы – наместничества и провинции, предшествовавшие уездам.

Реформы Павла I вновь отменили выстроенную разветвленную систему территориального деления Азиатской России, при этом новая ее структура, по нашему мнению, предшествовала уже более детально разработанному проекту М. М. Сперанского. Его «Учреждение для управления Сибирских губерний» 1822 г. использовалось в качестве программы управления до 1917 г. включительно. Однако если сначала оно было распространено на всю Сибирь, то с течением времени, а именно после 1880-х гг., осталось действовать только там, где сохранились характерные для нее черты предшествовавшего исторического этапа развития – малонаселенность, неразвитость транспортной инфраструктуры, пограничное положение. «Переросшие» названные условия территории в конце XIX в. приобрели общероссийскую систему управления. Ими стали после 1882 г. Тобольская и Томская губернии, более всего схожие с внутренними губерниями европейской части России.

Корпоративный дух принятия решений наиболее ярко показал свои возможности с 1870-х гг. и позволил осуществиться преобразованиям, выведшим Сибирь в определенные географические границы. Государство, имевшее в своем арсенале средства активного воздействия на общество, сдержало зарождающуюся тенденцию борьбы за «сибирский суверенитет». Ресурсный потенциал и возможности фискальных доходов с начала XVIII и до начала XX в. признавались стратегической целью политики России в отношении ее азиатской части – Сибири. Вместе с тем, геополитическая важность положения порождала условие, согласно которому политика государства зачастую проводилась в ущерб «национальным» интересам коренных народов и сложившегося сибирского субэтноса.

Сибирь в конце XIX в. все так же входила в ряд регионов, наиболее географически и культурно близких к колониальным территориям, выступавшим ресурсными придатками к «основной» центральной части

Российской империи и обеспечивавшим ее выгодное геополитическое положение. Административно-территориальные образования в рамках географической Сибири к этому времени образовали сегмент периферийного развития, который, как и в зарубежном пространстве, оказался в несколько лучшем экономическом положении при наличии богатого ресурсного потенциала по примеру Турции, или ряда стран Латинской Америки, или Северной Африки. Но это, как и в приведенных примерах, не привело к радикальному улучшению социально-экономических, духовных или политических перспектив Сибири. При этом комплекс стратегических интересов верховной власти (ресурсных и фискальных) по отношению к Сибири казался вполне выполнимым.

Предполагаем, что необходимость нового административного передела Сибири была понятна правительственным структурам. Ведь правильно организованный управленческий стиль поведения характеризуется стремлением к изменениям или хотя бы предвосхищением и адекватным ответом на будущие «вызовы», выступающие средствами перехода на следующий исторический этап развития. Новые возможности в системе административно-территориального деления могли быть претворены в жизнь лишь через широкий поиск управленческих решений, разработку многочисленных альтернатив и выбор из них оптимальных. При этом в выработке системы территориального устройства Сибири государство в конце XIX в. только вступило на путь изменений в планомерно выстроенной цепи реформ, в которых выделялись эффективность и успех будущей единой России.

Глава 3. АДМИНИСТРАТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В СИБИРИ

3.1. Институциональные компоненты местной государственной власти с 1708 до 1763 г.

Административное управление в 1708–1718 гг. В первой половине XVIII в. преобразования в аппарате управления Сибири шли в контексте усовершенствования системы государственной власти на местах в ответ на изменения территориального устройства региона. Процесс выстраивания властных отношений на параллели Центр – Сибирь имел выраженный эпигенетический характер, заключающийся в преемственности основных характеристик местного управления европейской части России со значимой временной отсрочкой, доходившей до нескольких десятков лет, и применением местных политико-правовых и социально-экономических отношений, распространившихся только в территориальных рамках Сибири.

Законодательство строго определяло особое место восточной окраины в составе других территорий страны, что определяло специальную правовую, налоговую, денежную и демографическую (миграционную) политику государства. Ведь «управлять» – значит, вести объект управления к определенной цели, которая, на наш взгляд, в то время была четко определена и заключалась в расширении экономических благ государства за счет максимального извлечения имевшихся в Сибири природных ресурсов. При этом принципы управления определялись как гибкие и требовавшие творческого подхода, а вовсе не абсолютные.

При Петре I в конце XVII в. были более четко обозначены обязанности населения Сибири по выплате ясака и пошлин. Например, таможенные головы в сибирских городах с торговцев брали пошлину в размере 1/10 части (или гривну – с рубля) от стоимости товара, даже если уже в Русских городах

пошлины на этот товар были уплачены⁵³³. В 1695 г. вышел указ, запрещающий выезжать из Сибири на территорию европейской части России, минуя таможенную Верхотурья⁵³⁴. С 1696 г. в Сибирском приказе целовальники начали вести учетные книги по приходу и расходу мягкой рухляди, так называемую «соболиную казну»⁵³⁵.

В Сибири действовало монопольное право государства на производство и продажу наиболее прибыльных видов товаров и услуг. Помимо мехов, исключительное право на торговлю которыми было закреплено только за государством⁵³⁶, в этот перечень вошли ремень⁵³⁷, вино⁵³⁸, табак⁵³⁹, винокуренное производство⁵⁴⁰.

Денежное обращение в Сибири, как признак включения в единое экономическое пространство государства, представляло собой в XVII–XVIII вв. сферу экономики, организованную по особым правилам. Так, медные монеты, по указу царя 1657 г., в отличие от центральных территорий, не вводились за Уралом⁵⁴¹. В связи с общим недостатком и дороговизной привозимых денег, в Сибири действовала в 1763–1781 гг. чеканка собственной сибирской гривенной, пятикопеечной, грошовой, копеечной и полущечной монеты, имевшей право ходить только за

---

⁵³³ О сборе пошлин в Сибирских городах с Русских, Сибирских, Китайских, Бухарских и со всяких товаров // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1693. 30 августа. Т. 3, № 1474. С. 160–161;

⁵³⁴ О непропуске всяких чинов, людей из Сибирских городов в Москву сторонними дорогами, мимо Верхотурья, и о взятии с провозимых ими товаров пошлин // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1695. 21 сентября. Т. 3, № 1518. С. 206.

⁵³⁵ О заведении целовальникам книг по приходу и расходу соболей и другой мягкой рухляди // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1695. 26 июня. Т. 3, № 1514. С. 204.

⁵³⁶ О покупке соболей и других мехов из казны и о непровозе оных из Сибири в Москву и в другие города без таможенной печати // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1697. 22 марта. Т. 3, № 1578. С. 282.

⁵³⁷ О запрещении Сибирским жителям, Русским и Азиатцам, торговать ремнем копытчатым и черенцовым // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1657. 21 ноября. Т. 1, № 215. С. 442.

⁵³⁸ О продаже в Сибирских городах на кружечных дворах вина простого по 1 рублю 20 копеек, двойного по 2 рубля по 40 копеек за ведро // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1698. 7 ноября. Т. 3, № 1652. С. 489.

⁵³⁹ О непровозе табаку в улусы к инородцам для мены на соболи и на всякую мягкую рухлядь, под смертной казней, и о непропуске откупщиков из Сибири с соболями и с другой мягкой рухлядь, под опасением конфискации оных // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1697. 4 сентября. Т. 3, № 1590. С. 329.

⁵⁴⁰ О построении в Сибири казенного винокуренного двора и об уничтожении построенных по слободам и деревням частных винокуренных заводов // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1695. 4 сентября. Т. 3, № 1516. С. 206.

⁵⁴¹ О допущении в обороте новых серебряных рублей, четвертей и других мелких денег, и о запрещении в Сибирских городах торговать медными деньгами // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1657. 8 апреля. Т. 1, № 204. С. 421.

Уралом⁵⁴². Эти экономические меры позволяют говорить о том, что, несмотря на включенность территории Сибири в административное пространство Российской империи, сами центральные власти относились к территории за Уралом как к восточной сухопутной колонии.

Управление Сибирью в целях развития этого региона к началу XVIII в. было неэффективным. Законодательные акты свидетельствуют, что государство принимало за данность нерешенность проблем казнокрадства, лихоимства, волокиты и неповиновения мест Центру. Главное, что требовалось от властей на местах, – это своевременное пополнение государевой казны ясачным сбором. При этом отношение к сибирской территории определялось исключительно потребностями экономической выгоды для Центра, а не для региона.

Государство призывало население «не поддаваться искушениям, производимым воеводами, дьяками и их родственниками, как и другими должностными лицами», призванными сохранять, но фактически открыто нарушавшими закон: «...Будучи в Сибирских городах некоторые Воеводы воруют, делают преступя свои наказы, каковы им в Сибирском Приказу даны, и через Великих Государей грамоты соболи добрые и лисицы и иным зверем крадут и переменяют (...). Вместо добрых кладут худые и с ясачных иноземцев емлют себе многие взятки и ясачных сборщиков по уговору с них берут себе посул большой и заставляют с иноземцев себе брать и грабить насильно...»⁵⁴³.

Отсутствие однообразных общих начал первой ступени местного территориального или, как тогда называли, областного управления – воеводства и его администрации компенсировалось правительственным обычаем, вносившим в управление большую пестроту. Число самостоятельных областных единиц, воеводы которых самостоятельно

---

⁵⁴² Коньков Н. Л. «Имеет хождение в Сибири». Денежное обращение в Сибири XVII–XVIII в. Тобольск, 2001. 144 с.

⁵⁴³ О невзятии торговым людям у Сибирских Воевод, Дьяков и их родственников соболей и других товаров для провоза и торговыми оными под своим именем // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1696. 16 января. Т. 3, № 1533. С. 217.

контактировали с Москвой, превышало сотню. Воеводы крупных городов были поставлены в этом отношении в совершенно одинаковые условия с воеводами мелких соседних городов, если последние не были приписаны к главному. Поэтому воевода мелкого города нередко отказывался исполнять законное требование воеводы более крупного соседнего города под предлогом, что у него «о том великого государя указа не прислано»⁵⁴⁴. Воеводы в городах Центра оказывались подчиненными разным приказам, а в Сибири – только одному Сибирскому приказу. Каждый из сибирских воевод получал от Верховного Правителя собственный наказ, адаптированный к местным условиям, но при этом содержащий руководство о том, не как воеводам «должно», а как «запрещено» управлять⁵⁴⁵. «Наказы воеводам» предоставляли широчайшие полномочия руководителям на местах (военно-административные, хозяйственно-организаторские, фискальные и судебные)⁵⁴⁶. Это обуславливало невозможность существования монархического правления в неограниченной (абсолютной) ее форме.

Сложившаяся к XVIII в. вертикаль власти определяла наличие управленческой прерогативы у самодержавного царя, с 1721 г. – императора. Следовательно, разрушение системы «царь – приказ – воевода – воеводская канцелярия» было необходимо, так как обеспечивало утверждение абсолютизма, выраженного в нарождавшейся тенденции к «патернализму» и всестороннему политическому и социально-экономическому контролю над Сибирью со стороны центральных правительственных структур.

В 1599–1637 гг. делами восточных окраин государства, наравне с Казанью, Средним и Нижним Поволжьем, Башкирией, Уралом, занимался Приказ Казанского дворца⁵⁴⁷. В 1637 г. из него в независимую

---

⁵⁴⁴ Богословский М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–27 гг. М., 1902. С. 54.

⁵⁴⁵ Там же. С. 54.

⁵⁴⁶ Наказные статьи Нерчинским воеводам. Об управлении земскими и военными делами // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1696. 18 февраля. Т. 3, № 1542. С. 235; Наказ Ближнему Боярину Князю Черкасскому, назначенному в Тобольск Воеводою. Об управлении казенными земскими и военными делами // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1697. 1 сентября. Т. 3, № 1594. С. 335; Наказ Верхотурским Воеводам. Об управлении казенными земскими и военными делами // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1697. 1 сентября. Т. 3, № 1595. С. 375.

⁵⁴⁷ Приказ Казанского дворца // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 2: К–Р. С. 3.

правительственную структуру выделился Сибирский приказ, существовавший как самостоятельный орган центральной власти при Петре I до 1710 г., затем при наследниках Петра I – с 1730 по 1763 г. В подведомственность приказа входило управление территорией всей Сибири. Он отличался от других областных приказов более широким полем деятельности: ведал административными, судебными, военными, финансовыми, торговыми, ямскими, горнорудными и другими вопросами, и частично, до 1711 г., посольскими сношениями с сопредельными с Сибирью странами – Китаем и «владельцами Мунгальскими и Калмыцкими»⁵⁴⁸.

Петр I в 1695 г., утвердил правило о нераспространении на Сибирь каких-либо предписаний приказов «без послушных грамот из Сибирского приказа, под опасением штрафа и наказаний»⁵⁴⁹. Это был наиболее предпочтительный вариант из перечня альтернативных решений, позволявших реализовать идею государственного участия в наиболее подходившей для Сибири форме с учетом удаленности от политического центра, огромной территории, малоосвоенности и геополитически важного региона.

В декабре 1708 г. начался этап введения новых политических структур государственного управления Сибирью, связанных с выделением Сибирской губернии в составе других российских губерний по первой областной реформе Петра I.

По первоначальному замыслу реформаторов система местной администрации должна была быть унифицирована по общему образцу. В 1708–1710 гг. созданные по губернской реформе центральные органы управления уже не имели областного характера, какими обладали прежние общие приказы. Губернии Петра I не стали подчиняться приказам, как это было ранее, когда до 1708 г. (фактически – до 1710 г.) присутствовали две ступени местного управления: 1) приказ в Центре; 2) воеводское управление

---

⁵⁴⁸ Сибирский приказ // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 3: С–Я. С. 85–86.

⁵⁴⁹ О неисполнении в Сибирских городах предписаний приказов без послушных грамот из Сибирского приказа, под опасением штрафа и наказания // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1695. 4 сентября. Т. 3, № 1516. С. 206.

в местности. Реформой 1708 г. ликвидировались смешение полномочий, неразбериха в делах, волокита и прочие отрицательные характеристики предшествовавшей структуры местной власти⁵⁵⁰.

Во главе губерний были поставлены губернаторы – начальники гражданского, зачастую и военного управления на вверенной им территории, подчинявшиеся непосредственно самому царю. В проекте реформы 1708 г. предполагалось губернатору быть управленцем губернии не единоличным, а одним из четырех «губернских персон». Так, военными силами должен был управлять обер-комендант, отвечать за денежные сборы предполагалось обер-комиссару, организовывать сбор хлеба и контролировать пополнение хлебных магазинов должен был обер-провиант, руководить губернской юстицией – ландрихтер. Однако в рамках реализации реформы по стране был введен только обер-комендант в качестве помощника губернатору по военным вопросам, а значит, губернатор обладал единоличной властью, т. е. правом разрешения всех вопросов на его территории⁵⁵¹. Так, реализовывался принцип единства руководства, согласно которому один руководитель отвечал в целом за реализацию подведомственного управления.

Первые десять губерний были подчинены Сенату как центральному органу с момента его учреждения. Сенат заменил собой сеть приказов⁵⁵². Регулярные сношения губернских канцелярий с Сенатом, в свою очередь, вызывали неразбериху и напряженную остановку в Сенатском правлении из-за большого количества местных вопросов, поступающих в него для разбирательства⁵⁵³. Власти восприняли это как проблему, требовавшую дальнейшего разрешения.

В 1710 г. «Областные приказы» были перенесены на местность в виде губернских канцелярий, которые учреждались одновременно с назначением

---

⁵⁵⁰ Богословский М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–27 гг. ... С. 42–43.

⁵⁵¹ Об определении Римского Корсакова в Ингермаландскую губернию Земским судьей, и при оном статьи порядке управления сею Губернией // ПЗС РИ. Собр. 1. 1706. 17 января. Т. 4, № 2135. С. 364.

⁵⁵² Богословский М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–27 гг. ... С. 55.

⁵⁵³ О делах, по которым Губернаторы должны рапортовать Правительственному Сенату // ПЗС РИ. Собр. 1. 1720. 8 февраля. Т. 6, № 3508. С. 126.

губернатора. Общее число губернских канцелярий было равно количеству губерний в империи: в 1708 г. – 8, в 1775 г. – 21⁵⁵⁴.

В Сибири структура губернской власти была выстроена в 1711 г., позже, чем в других российских губерниях. Она имела по сравнению с другими губерниями иную форму: губернатор, Московская канцелярия сибирского губернатора, губернская канцелярия в г. Тобольске, при которой были введены обер-комендант как первый помощник губернатора и обер-фискал – выполнявший контрольные и надзорные функции за работой всего сибирского управления (рис. 1). Все это объяснялось «адаптацией» общероссийского проекта местного управления к сибирским условиям.

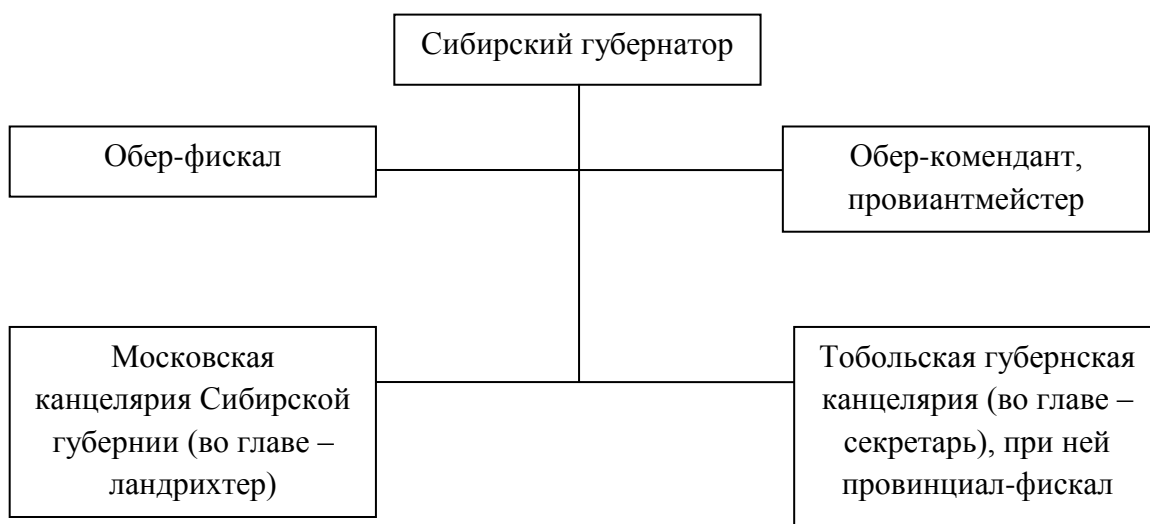

Рис. 1. Структура губернского управления в Сибири (1711–1719)⁵⁵⁵

Региональный уровень системы управления в Сибири 1708–1719 гг. выстраивался вокруг губернатора – формального заместителя императора, главного начальника гражданского управления и командира расположенных в губернии войск. Некое смешение гражданского и военного управления не было характерно для «внутренних губерний» России, так, например, Казанский и Нижегородский губернаторы не имели военных полномочий. В перечень основных функций губернатора входили фискальные и

⁵⁵⁴ Бабич М. В. Государственные учреждения России XVIII века: словарь-справочник. М., 1996. С. 573–574.

⁵⁵⁵ Петр I. 6 марта 1711. Об именовании некоторых лиц губернаторами и вице-губернатором // Бумаги императора Петра I / изданы академиком А. Бычковым. Спб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1873. С. 185.

контрольные полномочия. Законодательство обязывало губернатора организовывать казенные сборы, вести надзор за исполнением всех повинностей, включая рекрутчину и ясак с инородцев⁵⁵⁶. На губернаторов не возлагались задачи по устройству благосостояния населения, например, социальной инфраструктуры.

Важно отметить, что функции губернатора в Сибири были теми же, что и начальника Сибирского приказа, ранее ведавшего полностью сибирскими делами, что отличало его от других. Следовательно, права и обязанности главы Сибирского приказа были почти идентичны полномочиям сибирского губернатора. В то время сибирским губернатором и начальником Сибирского приказа было одно и то же лицо – князь Матфей Петрович Гагарин. Старое положение новому не противопоставлялось, а заключалось в высказывании: «Сибирский приказ ведал, что ныне Сибирской губернии губернатор»⁵⁵⁷.

В период с 1706 по 1710 г. пост «начального человека» Сибирского приказа или «Генерального Президента и Сибирских Провинций Судьи» занимал М. П. Гагарин⁵⁵⁸. В его функции входило: формирование воинских подразделений (драгунских полков), распоряжение провиантом, фискальный надзор. Указом от 18 декабря 1708 г. он был поставлен во главе Сибирской губернии, но далее еще более двух лет носил служебный статус «Господин Полковник и Комендант Сибирской губернии», имевший широкую полноту власти, включая военные полномочия⁵⁵⁹. Князю Матфею Петровичу Гагарину официально присвоили звание сибирского губернатора 6 марта 1711 г.⁵⁶⁰ И он оставался в должности до 1719 г. Как известно, первый

---

⁵⁵⁶ О сборе в губерниях вновь рекрут с пятидесяти дворов по человеку // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1718. 20 ноября. Т. 5, № 3240. С. 595; О подряде к 1719 году провианта, и о сборе вновь на сей предмет по рублю с двора // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1718. 20 ноября. Т. 5, № 3242. С. 596.

⁵⁵⁷ Власть в Сибири XVI – начало XX в. 2-е изд. перераб. и доп. / сост. М. О. Акишин, А. В. Ремнев. Новосибирск, 2005. С. 44.

⁵⁵⁸ О сформировании Президенту и Сибирских провинций Судьи Гагарину драгунского полка из Царедворцев и из вольных людей, городских Дворян, солдат, пушкарей и детей их, и о ведении ему сбора лошадей с городов: Орла, Болхова, Кромы и других // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1707. 27 января. Т. 4, № 2136. С. 366–367.

⁵⁵⁹ О заготовлении в Сибирских Губерниях провианту, муки 13 236 четвертей и о собрании рекрут // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1710. 17 сентября. Т. 4, № 2295. С. 552.

⁵⁶⁰ Петр I. 6 марта 1711. Об именовании некоторых лиц губернаторами и вице-губернатором // Бумаги императора Петра I... С. 185.

губернатор Сибирской губернии был казнен Петром I в 1721 г. по обвинению в присвоении казенных средств, в чем обвинялись и другие должностные лица местной власти⁵⁶¹. Это представляло собой в XVIII в. чрезвычайную меру наказания для должностных лиц такого высокого уровня. Интересно, что, еще будучи стольником и Нерчинским воеводой, князь М. П. Гагарин в конце XVII в. подозревался вместе со своими братьями, иркутским воеводой Иваном Петровичем и якутским воеводой Иваном Михайловичем Гагариными, руководившими всей Сибирью, в сокрытии перевозимого в Китай товара и неуплате в царскую казну таможенных пошлин⁵⁶², что, впрочем, не помешало ему затем быть назначенным «начальником» Сибирского приказа и Сибирской губернии. Отправление царем в управление Сибири представителей одной семьи подтверждает концепцию о восприятии со стороны правительства восточной окраины в качестве «государевой вотчины» с системой государственного феодализма⁵⁶³. Опора государя на старые кадры при переходе на новую систему управления привела к еще большему увеличению числа случаев казнокрадства и мздоимства на местах.

Сибирский приказ был упразднен не сразу после учреждения Сибирской губернии (1708), и это было особенностью административного освоения Сибири, бюрократическая система которой еще не была готова к новому функционированию. В 1711 г. Сибирский приказ приобрел новую форму московской канцелярии Сибирской губернии или «представительства-канцелярии» сибирского губернатора, который значительную часть времени проживал не в Сибири, а в г. Москве. При этом много времени он проводил в разъездах между Тобольском, Москвой и Санкт-Петербургом.

---

⁵⁶¹ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Д. 497. Ч. 2. Д. 1. Л. 1–444; РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Д. 497. Ч. 2. Д. 2. Л. 1–379.

⁵⁶² О взятии показания с торговых людей в Сибирских городах о всех злоупотреблениях по управлению и о притеснениях торговым людям от бывших там Воеводами Князей Гагариных // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1696. 22 января. Т. 3, № 1535. С. 219; О взыскании с Воеводы и с таможенного Головы незаконно взятых пошлин, о непродаже мягкой рухляди и Китайских товаров из Сибирских таможен и о неприсвоении Воеводам власти по таможенным делам в противность наказов // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1696. 30 июля. Т. 3, № 1545. С. 255.

⁵⁶³ Быконя Г. Ф. Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX века (демографо-сословный аспект): монография / Краснояр. гос. пед. ун-т им В. П. Астафьева. Красноярск, 2007. 415 с.

Состав московской канцелярии сибирского губернатора был представлен штатом служащих, ранее работавших во главе с М. П. Гагариным в Сибирском приказе. Руководителем «походной» канцелярии был ландрихтер. Бессменно эту должность в 1712–1719 гг. занимал дьяк И. Л. Чепелев, который относился не к канцелярскому, а руководящему звену. Главой канцелярии так же, как и в г. Тобольске, был секретарь канцелярии в чине дьяка. Ему подчинялись канцелярские служители с чином подьячего и внеканцелярские служители, занимавшиеся переписью многочисленных бумаг, а также сторожа, рассыльщики⁵⁶⁴.

В документах сохранилось одно из последних упоминаний о Сибирском приказе от 21 января 1719 г. Тогда князю Алексею Михайловичу Черкасскому было поручено проконтролировать торговлю с Китаем через работу его отделений⁵⁶⁵. Коллежская реформа Петра I окончательно упразднила Сибирский приказ, а для оценки сибирских и китайских товаров была создана специальная канцелярия при Штатс-конторе⁵⁶⁶.

Наличие двух сибирских губернских канцелярий – в Москве и Тобольске – было вынужденной правительственной мерой и выступало как средство преодоления барьера явной «недоуправляемости» Сибирью в данную историческую эпоху. Одной из ее причин, как казалось, было «фактическое» отсутствие сибирского губернатора на подвластной ему территории, а также необходимость частичного сохранения «преждевременно» отмененного Сибирского приказа, без которого управление Сибирью еще было «неотработанным».

Губернская канцелярия в г. Тобольске имела второе название «Большой Сибирской канцелярии» и представляла собой исполнительный орган власти губернатора непосредственно в Сибири. Тобольская губернская канцелярия занималась в широком смысле обеспечением общегосударственных интересов на территории: охраной норм

---

⁵⁶⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 17. Л. 20–75 об.

⁵⁶⁵ Вестник СИБЮИ МВД России. 2010. № 4 (8). [Электронный ресурс] URL: <http://sibli.ru>

⁵⁶⁶ Ананьев Д. А. Воеводское управление Сибири в XVIII веке. Новосибирск: Сова, 2005. С. 102.

общественного правопорядка, учетом населения, контролем за повинностями и поступлением налогов, принятием мер по благоустройству края и др.

Структурное строение тобольской губернской канцелярии повторяло «московскую» и было представлено двумя частями – присутствием и собственно самой канцелярией, в составе которой во главе с секретарем были канцелярские служители и писцы⁵⁶⁷. Секретарь как глава канцелярии имел дьяческий чин, а канцелярские служители должны были иметь чин подьячего⁵⁶⁸. По подсчетам исследователя Д. А. Редина, в сибирской губернской канцелярии за 1711–1719 гг. служило одновременно разное количество дьяков, но средним их числом было 10 чел.⁵⁶⁹ Согласно отчету губернатора князя М. П. Гагарина, присланного в Сенат в 1714 г., в тобольской губернской канцелярии находилось 7 чел. и их совокупное жалованье составляло 1400 руб. в год. Однако, как показал анализ архивных документов, штат дьяков был больше официально заявленного, при этом Сенат планировал в целях экономии сократить их число с 7 до 3 чел., каждый из которых мог рассчитывать на ежегодную оплату труда в 50 руб., но это реализовано не было⁵⁷⁰.

Сибирский губернатор управлял вверенным ему краем при помощи обер-коменданта. Он был губернатору помощником и советчиком по военным вопросам и управлял губернией совместно с «большой» (тобольской) губернской канцелярией в периоды отсутствия самого губернатора⁵⁷¹.

В результате первой областной реформы был сформирован орган по контролю за работой местного государственного аппарата. Так, на уровне центральных и губернских учреждений в марте 1711 г. был учрежден институт фискалов, а только через три года были подробно определены

---

⁵⁶⁷ Бабич М. В. Государственные учреждения России XVIII века... С. 573–574.

⁵⁶⁸ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 25. Л. 2–6.

⁵⁶⁹ Редин Д. А. Дьяческий корпус Сибирской губернии в царствование Петра I // Рос. история. 2013. № 3. С. 66–73.

⁵⁷⁰ РГАДА. Ф. 248. Кн. 17. Л. 75 об.

⁵⁷¹ Об определении Римского Корсакова в Ингермаландскую губернию Земским судьей, и при оном статьи порядке управления сею Губерниею // ПЗС РИ. Собр. 1. 1706. 17 января. Т. 4, № 2135. С. 364.

организация и обязанности института фискалтуры как правительственного местного учреждения. В губернскую канцелярию был помещен провинциал-фискал, работавший совместно с тремя помощниками – «товарищами», а в уездные и штатные города, с учетом размера населенного пункта, – от одного до двух фискалов. При этом число обеспечивавших их работу персонала штатом не предусматривалось и определялось по их усмотрению на месте. Подчинение местных органов фискалтуры было «уровневым»: уездные – губернским, а они – обер-фискалу с его четырьмя товарищами, подчиненному Сенату и назначаемому императором⁵⁷².

Следствием неудачных попыток заменить предыдущую систему новой стало усиление власти сибирского генерал-губернатора в результате приобретения им ряда функций судьи Сибирского приказа и тобольского воеводы. Усилению влияния сибирского генерал-губернатора способствовало и то, что высшие государственные судебные органы не могли справиться со всеми судебными и административными делами, поступавшими к ним на рассмотрение из всех губерний Российской империи.

Государственное обеспечение должностных лиц в Сибири осуществлялось согласно штатному расписанию с включением сведений о жалованье губернаторам и прочим чинам от 1715 г. (табл. 3).

Таблица 3. Штат и оклады губернских чинов в Сибири (1715)⁵⁷³

Должность	Количество мест	Жалованье в год, руб.	Жалованье хлебом в год, пуд.
Губернатор	1	1200	600
Вице-губернатор (обер-комендант)	1	600	300
Ландрихтер	1	300	150
Провиантмейстер	1	60	45
Дьяки	5	120	45
Подьячие старые	7	60	30
Подьячие средней статьи	2	40	20
Подьячие молодые	15	15	10

⁵⁷² РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 942-а. Л. 1 об–21.

⁵⁷³ Штат, находящийся в Именном указе о жалованье Губернаторам, Вице-Губернаторам и прочим чинам // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1715. Т. 44, ч. 2, № 2879. С. 1.

Согласно этому документу все служащие в России, включая Сибирь, имели равное жалованье. Исключением была только столичная Санкт-Петербургская губерния и остзейские земли, в которых устанавливались расценки оплаты труда государственных управленцев в два раза выше.

Государственное жалованье губернатора в России составляло 1200 руб. и дополнительно 600 пудов хлеба. Обер-комендант и ландрихтер имели жалованье по 600 и 300 руб. в год, при этом хлеба они получали в том же соотношении – по 300 и 150 пудов. Применительно для Сибири обер-комендантом и ландрихтером были первые заместители губернатора М. П. Гагарина в Тобольской и Московской канцеляриях соответственно. Служащие с чином дьяка, которыми были в основном секретари, имели жалованье по 120 руб. в год и 45 пудов хлеба, с чином подьячего – от 15 до 60 руб. и по 10–30 пудов хлеба. Интересно, что оплата труда провиантмейстера, отвечавшего на уровне губернии за сборы в натуральной форме, была совсем небольшой – 60 руб. и 45 пудов хлеба, т. е., видимо, с учетом возможных неофициальных доходов⁵⁷⁴. При этом финансовые хищения у казны в законодательстве рассматривались как преступления.

До губернской реформы 1708 г. во главе уездов стояли воеводы, работавшие при помощи воеводских канцелярий, которые состояли из канцелярских служителей и писцов. Ранее назначение на воеводство обычно рассматривалось как способ вознаграждения за служебные заслуги – за сиденье в осаде, раны, участие в походах и т. д.⁵⁷⁵ В связи с отсутствием в сибирских городах бурмистров в обязанности воевод включался надзор за осуществлявшими сборы таможенными и кабацкими головами и целовальникам⁵⁷⁶. Так, должность воеводы рассматривалась как выгодное в

---

⁵⁷⁴ Штат, находящийся в Именном указе о жалованье Губернаторам, Вице-Губернаторам и прочим чинам // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1715. Т. 44, ч. 2, № 2879. С. 1.

⁵⁷⁵ См. подробнее: Быконя Г. Ф., Федорова В. И., Бердников Л. П. Красноярск в дореволюционном прошлом (XVII–XVIII вв.). Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1990. С. 34–35. 304 с.

⁵⁷⁶ О невыборе в Сибирских городах Бурмистров; о поручении сбора пошлин Головам и целовальникам из Русских и из Сибирских городов и о надзирании над ними Воеводами // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1699. 27 октября. Т. 3, № 1708. С. 654.

материальном плане место, позволявшее за счет служебных правонарушений повысить материальное благосостояние.

Губернская реформа 1708 г. сохранила принцип общего управления по уездам Сибири. Первая областная реформа как составная часть преобразований на местах начала менять прежнюю воеводского систему в 1710 г. Термин «воевода» как глава уезда и уездного города был заменен новыми – «комендант», «уездный комиссар», «управитель», при этом на бумагах понятия были взаимозаменяемыми. Новое название должности заимствовалось из прибалтийских провинций. С октября 1712 г. сибирский губернатор поручил тобольской канцелярии в делопроизводственной документации воевод уже называть комендантами по образцу столичной Москвы⁵⁷⁷. При этом в руках коменданта соединялись и гражданские и военные полномочия. Коменданты только номинально подчинялись сибирскому губернатору (как сибирскому «вице-царю») и практически самостоятельно и единолично управляли уездами.

Коменданты (они же – уездные комиссары) как главы сибирских городов и приписанных к ним уездов унаследовали функции воевод, административные, финансовые, судебные и военные полномочия. Канцелярия коменданта пользовалась административной самостоятельностью и проводила множество дел по уездному управлению: учет податного населения, надзор за несением повинностей, ознакомление населения с распоряжениями властей, контроль за местным самоуправлением, суд по тяжким преступлениям, организация подавления различных форм социального протеста и др.⁵⁷⁸ При этом в связи с новым положением уезда, с 1708 г. структурированного в огромную Сибирскую губернию, но все еще бесконтрольного в связи с удаленностью от Центра,

---

⁵⁷⁷ Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы / ред. В. В. Коновалов. Тюмень: Управление по делам архивов администрации Тюменской области, 2000. С. 42.

⁵⁷⁸ Быконя Г. Ф., Федорова В. И., Бердников Л. П. Красноярск в дореволюционном прошлом (XVII–XVIII в.)... С. 60–79.

возросла потребность в создании дополнительных промежуточных властных структур.

В 1710–1714 гг. административно-управленческая дистанция между губернией и уездом изменилась. С 1711 г. на территории Сибири были введены дополнительные должностные лица – обер-коменданты, стоявшие между губернатором и комендантом (уездным комиссаром) и возглавлявшие обер-комендантские провинции, т. е. административно-территориальные единицы, включавшие в себя несколько уездов. Правительство ввело обер-комендантов в городах Иркутске и Енисейске, т. е. в отдаленной восточной части Сибири и наиболее социально-экономически развитых районах⁵⁷⁹. При этом нет данных о присутствии обер-комендантов на территории западной части Сибири, так как комендант стоял даже во главе г. Тобольска (на начало 1715)⁵⁸⁰.

Полномочия обер-комендантов и их канцелярий не были строго оговорены, по сути, они были почти «губернаторскими». Так, введение в восточной части Сибири двух должностных лиц, подконтрольных губернатору, по факту выполнявших его функции, было попыткой со стороны верховной власти заполнить «вакуум управления» на наиболее отдаленных территориях, тем самым сгладив проблему их «недоуправляемости».

В 1715 г. был введен в стадию реализации очередной правительственный проект о разделе губерний России на ландратские доли, которые должны были заменить собой так и не введенные окончательно обер-комендантские провинции. В связи с этим в число местных служащих Сибири были включены ландраты (ландраторы) – высшие должностные лица, которые так и не объединились в ландратский совет, рассчитанный на

---

⁵⁷⁹ Черемных Е. А. Власть и общество в Прибайкалье в XVIII – начале XIX вв. (административное устройство, правовой статус; проблемы взаимодействия и конфронтации). дис. ... канд. ист. наук. 07.00.02. Иркутск, 2004. С. 45.

⁵⁸⁰ Указ тобольского коменданта Д. А. Траурнихта комендантам сибирских городов о снабжении цинских послов подводами и фуражом, от 4 февраля 1715 г. // Памятники сибирской истории XVIII в. Спб., 1885. Кн. II. № 19/3. С. 61.

то, чтобы «все дела с губернатором делать и подписывать»⁵⁸¹. Штатный корпус ландратов в Сибири состоял из 10 служащих.

В малонаселенной Сибири не удалось создать ландратских долей, которые должны были объединять по 5536 тяглых дворов. Анализ архивных материалов показал, что на территории Урала, формально включенного в состав Сибирской губернии, в 1715–1719 гг. функционировали Кунгурская, Слободская и Шадринская ландратские канцелярии, занимавшиеся судебными и уголовными делами, таможенными и кабацкими сборами, и единственной на территории «сибирских городов» была Тобольская ландратская канцелярия во главе с В. П. Грековым⁵⁸². Реальными действующими органами на среднем уровне управления все еще оставались комендантские канцелярии.

Именным указом от 28 января 1715 г. должности обер-коменданта и коменданта должны были быть упразднены по России в целом именно в тех городах, где не было военного гарнизона, поскольку комендант с этого времени становился командиром гарнизона, а ландраты принимали на себя его административные, судебные и фискальные обязанности. Однако во всех сибирских городах действовали военные гарнизоны, поэтому коменданты в Сибири сохранились и продолжали исполнять все свои прежние обязанности. Ландратура в подобном «усеченном и имитационном» виде сохранилась до реализации «второй областной реформы Петра I», 1719–1720 гг. Кроме того, начальники городов и приписанных к ним уездов и после 1715 г. назывались комендантами, при этом в официальном делопроизводстве сохранялось их название «воеводы», что на западных территориях считалось малоприемлемым⁵⁸³.

---

⁵⁸¹ О жаловании разным лицам; об учреждении при Губернаторах и Вице-Губернаторах Ландратского Совета и о наказании вредителей государственного интереса // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1713. 24 апреля. Т. 5, № 2673. С. 27.

⁵⁸² РГАДА. Ф. 684. Оп. 1. Д. 1. Л. 2; Ф. 973. Оп. 1. Д. 1. Л. 4; Ф. 1015. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

⁵⁸³ Об отсылке по требованиям Президентов Коллегий из Канцелярии Сената, также из Губерний от Губернаторов и прочих управителей всяких ведомостей, без замедления // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1718. 28 апреля. Т. 3, № 31965. С. 255.

Ландратское управление оказалось жизнеспособным только в Прибалтике, где существовало до конца XVIII в. В «уральской» части Сибири ландраты не выполняли функции управленцев, а занимались переписью тяглого населения: например, в г. Хлынове (Вятке) – ландрат князь Я. И. Вяземский, в Слободском – И. М. Кологривов, в Кунгуре – Б. В. Еварлаков⁵⁸⁴. При этом ландраты могли являться и заместителями комендантов, например, в городе Тюмени – Б. В. Еварлаков или князь Я. И. Вяземский – в Хлынове (Вятке). В восточной части Сибири коменданты были переименованы в ландратов без изменения полномочий. Ими были: в городе Якутске – комендант (воевода) в звании ландрата И. Ракитин, в Иркутске – комендант (воевода) в звании ландрата М. Воронцов-Вельяминов⁵⁸⁵.

В январе 1715 г. на законодательном уровне были введены официальные штаты, включившие сведения о количестве местных служащих и их жалованье из расчета на одну долю как часть губернии (табл. 4).

Таблица 4. Штат местных чинов (1715)⁵⁸⁶

Должность / чин	Количество чел. (на 1 долю)	Годовое жалованье на 1 чел., руб.	Годовое жалованье хлебом на 1 чел., четверти
Ландрат	1	120	120
Комиссар / комендант	1	60	60
Подьячие старые	4	30	30
Подьячий средней статьи	4	20	20
Подьячий молодой	4	15	15
Рассыльщик с лошадью	12	12	12

Известно, что ландратские доли в Сибири введены не были, но жалованье ландратам, уездным комиссарам и подьячим служащим уездного

⁵⁸⁴ Сибирские ландраты. 1714–1720 гг. (Материалы к исследованию) // Петровское время в лицах. СПб., 2005. С. 181–187.

⁵⁸⁵ Там же. С. 182–194.

⁵⁸⁶ Штат, находящийся в Именном указе о жалованье Губернаторам, Вице-Губернаторам и прочим чинам // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1715. Т. 44, ч. 2. № 2879. С. 1.

уровня управления выплачивалось по тем же штатным расписаниям, что и по России в целом. По данным штатов исключением были только столица Санкт-Петербург и завоеванные города Нарва, Ревель, Выборг, Шлютельбург, в которых размер выплат был увеличен вдвое.

Согласно законодательству жалованье ландрата равнялось 120 руб. в денежной сумме и 120 четвертям хлебом, что было в 10 раз меньше, чем, например, у губернатора. Жалованье коменданта, т. е. воеводы, от которого непосредственно зависела реализация управленческого процесса в уездном городе и приписанном к нему уезде, было равно 60 руб. и 60 четвертям хлебом. Служащие в чине подьячего были низкооплачиваемым персоналом и, за исключением подьячего «молодой статьи», получали в два раза меньше, чем в губернской канцелярии. На прочие расходы (бумагу, дрова, свечи) была установлена точная сумма, равная 100 руб. в год. Материальные и финансовые средства на содержание управления черпались из фискального сбора по каждому уезду – из расчета одна гривна на один податный двор⁵⁸⁷.

Так, первая областная реформа 1708 г., детализировавшаяся введением штатного расписания 1715 г., усовершенствовала существовавший порядок государственного управления. Власть в Сибири приобрела новый публично-правовой облик в системе государственного подданства, была рационализирована и бюрократизирована. Уездные администрации в Сибири мало чем отличались от других администраций в России и были стержнем сформированной Петром I системы.

Административное управление в 1719–1727 гг. Второй проект переустройства административного управления Сибирью начал реализовываться в 1719 г. Его проведение было обусловлено изменениями, проходившими на уровне центральной власти. В 1718–1724 гг. Сенат получил уточненный список компетенций в системе управления на уровне губерний, а введенные в систему коллегии стали высшими ведомственными

---

⁵⁸⁷ Штат, находящийся в Именном указе о жалованье Губернаторам, Вице-Губернаторам и прочим чинам // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1715. Т. 44, ч. 2. № 2879. С. 1.

структурами. Решение вопросов отношений с другими государствами, обеспечения армии и флота были сосредоточены в коллегии иностранных дел и военной и адмиралтейской коллегии. Вопросы финансов были рассредоточены между камер-, штат-контор- и ревизион-коллегиями. Решение судебных вопросов сосредоточивалось в юстиц-коллегии. Торговля и промышленность находились под ведомством коммерц-коллегии и берг-мануфактур-коллегии. Городское население находилось в ведомстве Главного магистрата. Управление духовными делами сосредотачивалось в Синоде. Высшие органы управления имели функцию контроля над работой местных государственных учреждений.

Согласно административной реформе 1719–1722 гг. Сибирская губерния была поделена на провинции, возникли строго определенные связи на трех уровнях высшей власти в Сибири:

- 1) коллегии – на уровне Центра;
- 2) губернатор и губернская канцелярия – на уровне губернии;
- 3) на уровне провинции – провинциальный воевода и провинциальная канцелярия как общее управление, надворный суд как судебное учреждение.

Восточная часть Российской империи, воспринимавшаяся верховной центральной властью в качестве «восточной сухопутной колонии», понималась частью государства, но требовавшей генерирования уже альтернативных вариантов управления. Создание дополнительных управленческих структур – провинциальной администрации – обеспечило формирование лучшей по сравнению с предшествовавшей управленческой конъюнктуры на территории огромной по площади Сибири, превышавшей европейскую часть России.

Новый аппарат местного управления Сибирью в значительной степени выстраивался по общероссийскому образцу. Однако наравне с обозначенной правительством линией унификации системы местного управления за Уралом присутствовали региональные особенности организации государственной власти (рис. 2).

Рис. 2. Структура губернской и провинциальной администрации в Сибири (1719–1727)

Так, при проведении провинциальной реформы 1719 г. в Сибири, получившей название второй областной реформы, центральная власть пошла на значительные отступления от законодательства. Причинами можно назвать казнь сибирского губернатора князя М. П. Гагарина и существовавшую ранее «недоуправляемость» Сибири со стороны верховной и центральной власти.

Князь А. М. Черкасский, второй сибирский губернатор, был назначен на должность как «особое доверенное лицо» именным указом от 29 мая 1719 г. Высочайшим повелением ему вверялись все сибирские города. Сибирский губернатор по причине удаленности Сибири от центра олицетворял собой верховную власть. При вступлении в должность А. М. Черкасский получил инструкцию по управлению регионами. В его полномочия входило право назначения на должности чиновников различных

рангов вплоть до вице-губернатора. Такие же широкие полномочия имел и князь М. В. Долгоруков, третий сибирский губернатор, который был назначен на должность 15 января 1724 г.

Внутренняя организация и функции местных учреждений губернского и провинциального уровней в Сибири регламентировались штатными расписаниями и инструкциями, общими для России и Сибири (табл. 5, 6).

Таблица 5. Штат высших служащих в Сибирской губернии 1725 г.⁵⁸⁸

Должность	Служащие до августа 1724 г.		Служащие – после 17 августа 1724 г.		Жалованье на 1 чел.	
	Чел.	Чин / класс	Чел.	Чин / класс	Руб.	Коп.
Генерал-губернатор	–	–	–	–	–	–
Губернатор	1	–	1	Генерал-лейтенант	809	50
Вице-губернатор	1	–	2	Генерал-майор	671	60

Таблица 6. Штат канцелярских служащих в Сибирской губернии 1725 г.⁵⁸⁹

Должность	При генерал-губернаторе	При губернаторе	При вице-губернаторе	При обер-коменданте, коменданте	В крепостях	При плац-майоре	Жалованье, на 1 чел.	
							руб.	коп.
Секретарь	1	–	–	–	–	–	83	33 1/2
Канцелярист	2	1	1	1	1	–	28	–
Писарь	4	2	1	1	1	1	13	32 1/2
Сторож	2	1	1	1	1	1	9	95

Во главе Сибирской губернии стоял губернатор, возглавлявший еще с 1719 по 1724 г. Тобольскую провинцию, до 1724 г. единственную. С августа 1724 г. Сибирская губерния стала делиться на три провинции – Тобольскую, Енисейскую, Иркутскую. Однако Тобольская провинция по-прежнему управлялась губернатором, Енисейская провинция – провинциальным воеводой, а в Иркутской провинции должность вице-губернатора была

⁵⁸⁸ Штат Генерал-Губернаторов, Губернаторов, Коммендантов, Плац-Майоров и Гарнизонных Канцелярий // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1725. 17 августа. Т. 44, ч. 1, № 4764. С. 44.

⁵⁸⁹ Там же. С. 44.

введена значительно позже – в 1730-х гг.⁵⁹⁰ При этом провинциальные воеводы и вице-губернаторы находились под непосредственной властью губернатора как «вице-царя», что соответствовало колониальному статусу зауральской окраины. Только провинциальные воеводы Вятской и Соликамской провинций, фактически отошедших, но формально остававшихся в рамках Сибири, имели независимость от сибирского губернатора.

В соответствии со штатами 1725 г., действовавшими и ранее, губернатор имел ранг генерал-лейтенанта, вице-губернатор (правитель провинции) должен был иметь ранг генерал-майора. При губернаторе, вице-губернаторе (правителе провинции) был определен перечень канцелярских служащих, представленных единичными местами канцеляристов и писарей. При этом годовое жалованье «обеспечивающего» персонала было в несколько десятков раз меньше, чем их прямых начальников. Однако канцелярские служащие, в штат которых входил и сторож, обеспечивали возможность функционирования местного управления и зачастую отождествлялись с действительными органами власти.

По законодательству вице-губернаторы Иркутской и Енисейской провинций были наделены широкими полномочиями, повторявшими функции губернатора: «...дабы оные в возможных делах решение сами чинили, а о великих и о сомнительных делах писали в Тобольск...»⁵⁹¹. Но в действительности в противоречие провинциальной реформе енисейский и иркутский провинциальные воеводы, подобно разрядным воеводам XVII в., оказались в полной зависимости от сибирского губернатора.

Во всех трех сибирских провинциях были созданы камерирские и рентмейстерские конторы – местные учреждения специального назначения, функционировавшие в 1719–1727 гг. и действовавшие в городах Тобольске, Иркутске, Енисейске как центрах одноименных провинций.

---

⁵⁹⁰ Ананьев Д. А. Воеводское управление Сибири в XVIII веке. Новосибирск, 2005. С. 105–108.

⁵⁹¹ О расписании Сибирских городов на три провинции и об определении в оных двух вице-губернаторов // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1715. 26 ноября. Т. 5, № 4606. С. 380.

Камерирская контора состояла в ведении Камер-коллегии и была главным финансовым органом управления на уровне провинции (фактически до 1724 г.), в ее подчинении которой находились рентмейстер и провиантмейстер (с их штатами служащих), земские комиссары (так называемые «камер-коллежские»). Главой учреждения был камерир, ответственный за казенное имущество в провинции. Он и возглавляемая им контора были непосредственно подчинены провинциальному воеводе (вице-губернатору) и его провинциальной канцелярии, а тобольская камерирская контора – губернатору и губернской канцелярии. В перечень функций камерирских контор вошли обязанности контролировать денежные сборы – прямые и косвенные налоги и пошлины, казенное хозяйство, сдачу государством на откуп оброчных статей, освидетельствование приходно-расходной документации, организация сбора сведений о хозяйственном и ресурсном потенциале провинции и платежеспособности ее жителей, ведение следствия и суда по делам о нарушениях интересов казны⁵⁹². Заметим, что в ведомстве тобольской камерирской конторы числилось 18 городов и 8 дистриктов⁵⁹³. Но с 1724 г. некоторые ее фискальные функции стали исполняться совместно с созданной рентмейстерской конторой Сибирской губернии.

Деятельность администрации в провинции была устроена по образцу центральных учреждений. В частности, это касалось разделения компетенций между органами власти. В каждой провинции был создан довольно разветвленный аппарат чиновников по гражданскому ведомству. По нашим данным, с 1719 по 1723 г. его составляли следующие служащие: комиссар, решавший пограничные конфликты; ландрихтер, ведавший судебными делами; провиантмейстеры, заведовавшие хлебными запасами в крепостях. В помощь каждому из них были определены подьячие. Комплексное содержание каждой провинции на законодательном уровне не

---

⁵⁹² Бабич М. В. Государственные учреждения XVIII века... С. 575.

⁵⁹³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 156. Л. 1–7.

устанавливалось, а прописывалась общая сумма на все учреждения по России в целом. Однако по общепризнанной оценке его стоимости провинциальный аппарат управления был дорогим⁵⁹⁴.

При реализации провинциальной реформы суд только формально отделился от губернской администрации. По мнению верховной и центральной власти, суд «шел от высокого начальства», другими словами, высшая судебная власть была сосредоточена в руках монарха и именно от его имени суды выносили свои решения. Судебные дела рассматривались совместно «некоторым числом честных особ», и суд не отказывал в рассмотрении дела, если челобитье относилось к его округу и предмету рассмотрения, а после разбора дела суд выносил решение «по правам»⁵⁹⁵.

Проведение судебной реформы осуществлялось на основании указа от 22 декабря 1718 г. Петр I ограничивал сферу судебных вопросов, по которым ему следовало принимать участие, объясняя это загруженностью государственными делами. Теперь частные челобитчики могли разрешать свои конфликты в нижних судах в городах и провинциях. Решения этих судов могли быть оспорены в надворных судах, утверждаемых в «знатных губерниях». Решения надворных судов могли быть обжалованы в юстиц-коллегии. Решения юстиц-коллегии могли быть обжалованы в Сенате, который уже решал дело окончательно⁵⁹⁶.

Созданные 8 января 1719 г. надворные суды стали основными судебными органами на местах⁵⁹⁷. В Сибирской губернии они были созданы в г. Тобольске и г. Енисейске в 1720 и 1722 гг. соответственно. Надворные суды действовали на коллегиальных началах, как и юстиц-коллегия. В совет надворного суда входили президент, вице-президент и несколько ассессоров. Обеспечивавшими органами их деятельности были канцелярии,

---

⁵⁹⁴ Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого... С. 48.

⁵⁹⁵ Законодательство Петра I. М., 1997. С. 824.

⁵⁹⁶ О неподаче Государя прошений о таких делах, которые принадлежат до рассмотрения на то учрежденных Правительственных мест, и о нечинении жалоб на Сенат, под смертной казней // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1718. 22 декабря. Т. 5, № 3261. С. 603.

⁵⁹⁷ О рассылке из оной дел фискальских и при них доносителей и колодников по Губерниям в надлежащие судебные места // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1719. 16 ноября. Т. 5, № 3453. С. 754.

возглавляемые секретарями. Заметим, что надворный суд не был отделен от администрации, поскольку юстиц-коллегия на места президента и вице-президента назначала, как правило, губернаторов и вице-губернаторов⁵⁹⁸.

Надворный суд рассматривал гражданские и уголовные дела, а также преступления должностных лиц местной администрации. Ему были подсудны даже провинциальные воеводы, так как надворный суд возглавлялся их вышестоящим начальством. В компетенцию надворного суда первой инстанции входили дела о фискальных доносах, должностных преступлениях, уголовные и гражданские дела по всему уезду, где был расположен суд.

В надворный суд в порядке апелляции поступали дела из нижних судов. «Однако компетенция надворного суда (как и нижних судов) была ограничена по роду дел и кругу лиц. Из юрисдикции надворного суда были изъяты дела о государственных преступлениях, рассматриваемые в Преображенском приказе, и поземельные дела, судившиеся в Вотчинной коллегии»⁵⁹⁹. Также там не могли разбираться дела по офицерам и солдатам гвардии, посадскому населению городов, переданные соответственно Преображенскому приказу и Главному и городovým магистратам.

При надворных судах в России для официального оформления гражданско-правовых актов, требовавших составления или засвидетельствования, действовали крепостные конторы. Составлением купчих крепостей, записью в реестровые книги векселей, закладных, доверенностей в них занимались специально отведенные для этого должностные лица – надсмотрщики и писцы⁶⁰⁰.

---

⁵⁹⁸ Об открытии новых судебных мест, об отношениях Московского Губернатора к Приказам Земского и Поместному, о присылке ведомостей решенным и нерешенным делам и Губернским чинам о порядке разбирательства спорных дел, о слушании докладных записок истцу и ответчику, о приложении к оным рук и о дополнении их, если важные обстоятельства и доводы допущены будут // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1719. 15 января. Т. 5, № 3282. С. 780; О не учинении в Нижних Судах над виновными экзекуции без апробации Надворных Судов, и о наказаниях, каковые должно определять ворам и смертоубийцам // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1721. 10 ноября. Т. 6, № 3847. С. 452.

⁵⁹⁹ Акишин М. О. Судебная реформа Петра I: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. СПб., 2005. С. 68.

⁶⁰⁰ Штаты юстиц-коллегии с 10 надворными Судами и Крепостными Конторами, и Вотчинной Коллегии // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1725. 24 февраля. Т. 44, № 4668. С. 6.

Попытка разделения властей на судебную и исполнительную в Сибири, как и по всей России, провалилась. В Сибири судебные структуры контролировались губернатором.

В кадровой политике формирования местных судебных органов власти Петр I призывал следовать принципу назначения на важные должности бывших офицеров, списанных из состава регулярных войск по ранению или старости. Это сужало круг лиц, которые могли быть назначены на эти должности. Судьями становились ветераны, которые по состоянию здоровья были не способны нести военную службу. Судьи из числа бывших военных не были детально знакомы с достаточно запутанным гражданским законодательством. Это приводило не только к затягиванию судебного процесса, но и к обширным неточностям в вынесенных приговорах и к злоупотреблениям.

Принципы общегосударственной кадровой политики старались соблюдать и в Сибири. Так, в петровскую эпоху тобольским надворным судом руководили военные: князья С. М. и М. И. Козловские⁶⁰¹, князь А. М. Черкасский, подполковник Р. Ушаков; в ассессорах служили майоры Н. Кондырев и князь Н. Мещерский, капитан Ф. Старого-Милюков, ротмистр А. Коротеев⁶⁰². Следует отметить, что в дальнейшем многие из этих людей обвинялись в разного рода злоупотреблениях.

Надворный суд в Енисейске также состоял из офицеров в отставке. С 1722 г. им руководил полковник в отставке А. Т. Возницын, его заместителем был подполковник Г. Т. Опухтин⁶⁰³.

Провинциальные суды в Сибири, созданные в центральных городах Тобольской, Иркутской, Енисейской и Исетской провинциях, были низшей инстанцией государственных гражданских судов. Их апелляционной инстанцией были надворный суды – тобольский и енисейский, т. е. в

---

⁶⁰¹ РГАДА. Ф. 941. Оп. 1. Д. 2. Л. 2–16.

⁶⁰² Кирилов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М.: Наука, 1977. С. 206.

⁶⁰³ Быконя Г. Ф. Русское неподатное население... С. 71.

западной и восточной частях Сибири соответственно⁶⁰⁴. Провинциальным судам были подсудны городские и сельские обыватели, которые принадлежали к составу жителей провинции. Надворные суды были включены в финансовое управление провинциями, так как в соответствии с сенатским указом от 22 января 1719 г. о передаче финансовых дел в ведение юстиц-коллегии ведомости по финансовым делам высылались в тобольский надворный суд, а денежная казна – в провинциальную рентерию⁶⁰⁵.

Применение общегосударственной системы административного управления в Сибири стало возможным при налаживании на восточной окраине регулярного почтового сообщения. По указу Петра I от 20 мая 1720 г. было поручено наладить ординарную почту от Санкт-Петербурга до Москвы (два раза в неделю), а далее – по крупным городам Сибири (один раз в неделю). Учреждение из Сибири почты (в 1724) стало одним из важных этапов включения Сибири в общегосударственную структуру управления, так как «всякого рода отписки и доношения, и всякие письма о делах Его Императорского Величества» стали доставляться в Сибирь регулярно, а ранее это происходило всего один раз в месяц «способом частных посылок»⁶⁰⁶.

Таким образом, изменения в организации местной администрации происходили параллельно с территориальными реформами и были свидетельством начавшейся бюрократизации единого российского общества. Первая областная реформа в Сибири, начатая в 1708–1710 гг., закончилась только с введением в действие второй областной реформы 1719–1724 гг.⁶⁰⁷, согласно которой сформировалась система: губернская администрация –

---

⁶⁰⁴ О ведении судных дел Губернаторам и Воеводам, кроме тех городов, где учреждены Надворные Суды, и о назначении в некоторых городах особых судебных Комиссаров, для суждения челобитчиковых дел до 50 рублей // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1722. 4 апреля. Т. 6, № 3935. С. 524–525.

⁶⁰⁵ Там же. С. 525

⁶⁰⁶ О Сибирских заводах, о приписки города Кунгура к провинции Соли-Камской, об учреждении в Сибири почты, и об определении в приписных к заводам слободам Земских Комиссаров // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1724. 4 июня. Т. 5, № 4529. С. 302.

⁶⁰⁷ Областное управление России XVIII века до учреждения о губерниях 7 ноября 1775 года: Историко-юридическое исследование. Областное управление эпохи первого учреждения губерний: (1708–1719 г.). М., 1876. Ч. 1. 359 с.

провинциальная администрация. Выстроенный механизм управления Сибирью на высшем его уровне должен был обеспечить решение «хронических» проблем управления «сухопутной восточной колонией». Верховной властью был создан местный административный аппарат, вписанный в новую систему центральной власти и способный на самостоятельное принятие управленческих решений, таких как выявление, диагностика, анализ и определение механизма разрешения управленческих вопросов через соотнесение их со стратегическими и тактическими целями в отношении Сибири.

Вторая областная реформа Петра I, вступившая в стадию реализации на территории Сибири в 1719–1722 гг., внесла изменения в функционировании воеводского управления, еще с 1710 г. включенного в бюрократическую административную систему Российской империи. Структуры уездного уровня власти были основным механизмом реализации стратегической цели государства по отношению к Сибири, следовательно, на них было обращено пристальное внимание.

В ходе провинциальной реформы Петра I (второй областной реформы) административные структуры в Сибири на уровне уезда были включены в строго определенные связи многоуровневого управления и, как по всей России, вошли в предмет непосредственного контроля провинциальной администрации. Так, комендант (воевода) в качестве главы уезда был подчинен провинциальному воеводе (вице-губернатору). Воеводская канцелярия как общее управление находилась ниже провинциальной канцелярии, но имела право реализовывать правительственную политику на местах через принятие собственных указов⁶⁰⁸. Соответственно, нижний надворный суд был нижестоящим по юрисдикции судебным учреждением после надворного суда, являвшегося для него апелляционной инстанцией.

На уездном уровне власти личное начало не уступало коллегиальному. Существовавшая форма правления в виде абсолютной монархии была

---

⁶⁰⁸ ГАТО. Ф. 528. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–6; Д. 2. Л. 1–15; Д. 3. Л. 1–5; Д. 4. Л. 1–7; Д. 5. Л. 1–9.

применена здесь на повсеместной основе, а уездные учреждения в Сибири были вписаны в качестве составляющих элементов в систему государственной власти и повторяли собой провинциальную (рис. 3).

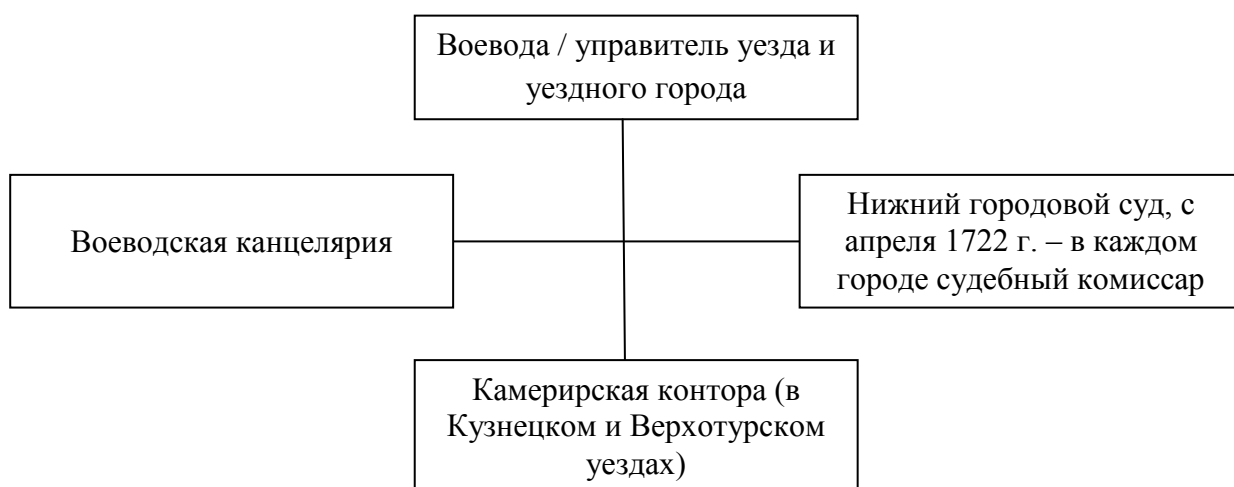

Рис. 3. Структура уездного управления в Сибири (1719–1725)

Согласно указу от 14 декабря 1724 г. было опубликовано штатное расписание местных служащих уездного управления (табл. 7). Все они, включая писарей и сторожей, имели установленное денежное жалованье, при этом выплаты натуральными продуктами (как по штатам 1715 г.) уже официально не применялись.

Таблица 7. Штат служащих в уезде / крепости (1724)⁶⁰⁹

Должность	Служащие – после 17 августа 1724 г.		Размер годового жалованья, на 1 чел.	
	чел.	чин / класс	руб.	коп.
Комендант / воевода	1	Бригадир	342	65
Камерир	1	н/с	н/с	н/с
Плац-майор	1	Майор	117	90
Канцелярист при коменданте / воеводе	1	–	28	–
Канцелярист при крепостях	1	–	28	–
Писарь при крепостях	1	–	13	32 1/2
Писарь при коменданте / воеводе	1	–	13	32 1/2
Сторож при коменданте / воеводе	1	–	9	95
Сторож при крепостях	1	–	9	95

⁶⁰⁹ Штат Генерал-Губернаторов, Губернаторов, Коммендантов, Плац-Майоров и Гарнизонных Канцелярий // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1725. 17 августа. Т. 44, ч. 1, № 4764. С. 44; О жалованье Коллежским Членам, Камерирам и Рентмейстерам // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1724. 14 декабря. Т. 7, №. 4613. С. 384.

В соответствии с указом от 29 мая 1719 г. «О расписании Сибирских городов на три провинции и об определении в оных двух вице-губернаторов» управители уездов Сибири приобрели вновь наименование воевод, т. е. коменданты стали именоваться уездными воеводами (управителями), а в населенных пунктах, не имевших статуса уездного центра, стоял городской воевода. Вторым лицом в уезде был камерир – надзиратель сборов⁶¹⁰. Камериры и городские воеводы в Сибири были подотчетны камерирским конторам, учрежденным в г. Тобольске и некоторых уездных городах, например в Верхотурье и Кузнецке⁶¹¹.

Во главе дистриктов – фискальных административно-территориальных единиц, вмещавших в себя по 1500–2000 дворов, стояли земские комиссары, равные по статусу воеводам. Однако в связи с низкой плотностью населения в Сибири соответствовавшими указу дистриктами были только Тобольский, Верхотурский, Тюменский, Тарский, Томский. Другие дистрикты, по сути, были переименованными слободами (пригородками в составе уездов), которые управлялись, как и раньше, приказчиками⁶¹². Земские комиссары и приказчики были подотчетны провинциальным и городским воеводам соответственно.

Для управления сибирскими уездами императорским указом в 1724 г. были выделены следующие должностные лица: один обер-комендант как глава Тобольской провинции – при объединенных уездах вокруг г. Тобольска; девять воевод – управителей уездов и крупных городов, стоявших в их главе; восемь камериров – управленцев по финансовой части, ведавших фиском и хозяйством губернии⁶¹³.

Претенденты на должности были определены Сенатом в перечне лиц, среди которых сибирский губернатор должен был лично распределить должности. Так, полковник Иван Соловцов, служивший в Сенатской конторе

---

⁶¹⁰ Ананьев Д. А. Воеводское управление Сибири в XVIII в.... С. 109.

⁶¹¹ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 4. Л. 52.

⁶¹² Ананьев Д. А. Воеводское управление Сибири в XVIII в.... С. 110.

⁶¹³ О расписании Сибирских городов на три провинции и об определении в оных двух вице-губернаторов // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1715. 26 ноября. Т. 5, № 4606. С. 380.

в г. Москве, в 1719 г. был отправлен в г. Тобольск незамедлительно, а для занятия второй должности вице-губернатора были первоначально названы: полковники Василий Супоров и Дмитрий Новокшенов, генерал-аудитор Федор Глебов, майоры Михаил Домогацкий и Петр Тилочков, царедворцы Леонтий Глебов и Богдан Телищев, Семен Дурново, Димитрий Полонский, капитан Иван Чаадаев, поручик Никифор Тютчев⁶¹⁴.

Низшей инстанцией государственных гражданских судов были нижние суды. В нижнем суде, находившемся в центре провинции или судебного округа, заседала коллегия судей под председательством обер-ландрихтера, а в других нижних судах городов находились городовые судьи⁶¹⁵. В подсудность «нижних» судов попадали сельчане и горожане, не входившие в состав посадских людей.

В марте 1722 г. «нижние» суды были реформированы. Должность городского судьи, действующая в 1719–1722 гг., была ликвидирована. В городах Сибири появились судебные комиссары, которые подчинялись воеводам. Зоной ответственности судебных комиссаров были судебные округа, состоявшие из одного или нескольких уездов⁶¹⁶. Судебные комиссары разбирали малозначительные уголовные дела и гражданские иски в размере не более 50 руб.⁶¹⁷

Апелляционными инстанциями для городских судей (судебных комиссаров) были надворные суды. Следует отметить: несмотря на то, что в законе были прописаны права истца и ответчика, на практике эти права использовались редко. Практика обращения комиссаров в тобольский надворный суд во время судейства сложных дел показывала, что «те никакой

---

⁶¹⁴ О расписании Сибирских городов на три провинции и об определении в оных двух вице-губернаторов // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1715. 26 ноября. Т. 5, № 4606. С. 380.

⁶¹⁵ О переносе дел по апелляциям из нижних в высшие инстанции и об отводах тяжущимися судей по подозрениям // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1720. 4 мая. Т. 6, № 3577. С. 189; О нечинении в Нижних Судах над виновными экзекуции без апробации Надворных Судов, и об наказаниях, каковые должно определять ворам и смертоубийцам // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1720. 10 ноября. Т. 6, № 3847. С. 452.

⁶¹⁶ Акишин М. О. Судебная реформа Петра I... С. 72.

⁶¹⁷ О ведении судных дел Губернаторам и Воеводам, кроме тех городов, где учреждены Надворные Суды, и о назначении в некоторых городах особых судебных Комиссаров, для суждения челобитчиковых дел до 50 рублей // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1722. 4 апреля. Т. 6, № 3935. С. 524–525.

резюлюции того суда судьям не чинят, только чинят волокиту и разорение»⁶¹⁸.

Стоит отметить, что отделение и заявленная независимость суда от административных органов была лишь формальной. В 1719 г. уездные воеводы получили обязанность организации приведения в исполнение судебных приговоров и продолжали осуществлять надзор за уездным судом и земскими судьями⁶¹⁹. В свою очередь, суд выполнял административные функции в отношении финансов: земские комиссары осуществляли сбор податей от населения управляемых уездов и дистриктов (их назначали уездный воевода и камерир)⁶²⁰; в нижних судах, как и надворных, находились «крепостные дела», заключающиеся между жителями городов и приписанных к ним территорий⁶²¹.

Таким образом, в Петровскую эпоху особое значение в управлении уездом (дистриктом) уделялось выстраиванию финансовых потоков, поступающих из Сибири в Центр, а местные административные структуры имели экономическое направление деятельности. Проект функционирования суда в Сибири, отделенного от администрации, как и по всей России, реализован не был. Структура местного государственного аппарата власти в Сибири расширилась и усложнилась.

Административное управление в 1727–1763 гг. Преемники великого реформатора в системе власти на местах во многом руководствовались основами, созданными петровским правлением. Но если для Екатерины I это было определяющим фактором, то после нее верховная власть наравне с обеспечением прежней системы вводила кажущиеся новыми элементы иного управления, во многом заимствованного из периода Московской Руси. В их эпоху оздоровление «нежизнеспособных» местных канцелярий производилось за счет сокращения

---

⁶¹⁸ О нечинении в Нижних Судах над виновными экзекуции без апробации Надворных Судов, и об наказаниях, каковые должно определять ворами и смертоубийцам // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1720. 10 ноября. Т. 6, № 3847. С. 452.

⁶¹⁹ Ананьев Д. А. Воеводское управление Сибири в XVIII веке... С. 118.

⁶²⁰ РГАДА. Ф. 494. Оп. 1. Ч. 1. Д. 110. Л. 86–87; Д. 207. Л. 45.

⁶²¹ РГАДА. Ф. 494. Оп. 1. Ч. 1. Д. 110. Л. 89.

расходов на содержание и уточнения функций, еще более ориентированных на фискально-ресурсное их назначение.

Центральный уровень власти. Значимые изменения в системе местного управления Сибири произошли в 1730 г., когда был восстановлен Сибирский приказ. Российская императрица Анна Иоанновна указом от 20 декабря 1730 г. постановила: «Сибирский приказ в Москве по прежнему возобновить и быть под ведением сенатским, определяя к тому судей два или три человека и поручить в дирекцию одному из сенаторов, а Камер-коллегию от того Приказа и от всех сибирских доходов отрешить»⁶²².

Восстановление Сибирского приказа было связано со стремлением остановить падение доходов от торговли пушниной и увеличить объемы ее поступлений в казну. Руководителем Сибирского приказа был назначен генерал-прокурор Сената П. И. Ягужинский. С этих пор Сибирский приказ являлся важным звеном в принятии решений коллегиями и губернской канцелярией по самым разным вопросам. Это свидетельствует об осознании центральной властью сложности в эффективном управлении огромными территориями за Уралом.

Вместе с тем в деятельности Сибирского приказа были и сложности. Все относящиеся к Сибири вопросы правительство стремилось сосредоточить в Сибирском приказе, но из-за коллегиального принципа управления и распределения властных полномочий между коллегиями и Сенатом в деятельности приказа возникала путаница.

В 1730-х гг. Сибирский приказ по организационной структуре больше соответствовал фискальному учреждению, чем центральному органу власти. В пользу этого свидетельствует то, что в ведении Сибирского приказа находилась канцелярия ревизии счетов. Канцелярия была учреждена в Тобольске и контролировала финансовую систему всей Сибири.

---

⁶²² Об учреждении в Москве Сибирского Приказа по прежнему и состоянии оному под ведением Сената под управлением Генерала Ягужинского и о подчинении оному Приказу всех Сибирских городов // ПСЗРИ. Собр. 1. 1730. 20 декабря. Т. 8, № 5659. С. 351.

В компетенцию Сибирского приказа входило, во-первых, утверждение чиновников в должности, кроме должностей губернатора и вице-губернаторов (их назначение входило в компетенцию только императрицы и Сената); во-вторых, изменение условий гражданской службы в Сибири, в-третьих, ходатайство перед Сенатом по кадровым вопросам, например, об увеличении штатов или замене основных должностных лиц⁶²³. Так, например, после многочисленных просьб Сибирского приказа Сенат указом от 14 июля 1744 г. продлил срок пребывания на должности сибирских воевод с двух до трех лет: «...в Сибирской губернии города находятся от Москвы в дальнем расстоянии, и ежели тем воеводам быть против прочих российских воевод по два года, то оные не столько будут у дел, как в проезде»⁶²⁴. В результате полномочия Сибирского приказа в сфере кадровых вопросов стали меньше, чем прежде.

Сибирский приказ быстро приобрел негативные характеристики типичного московского бюрократического учреждения, тяготившегося смешением полномочий и волокитой в делах. Однако важнее было другое. С расширением полномочий других центральных органов власти (коллегий, Кабинета и пр.) он потерял предмет своей работы, т. е., по сути, дублировал их функции. Кроме того, не было разграничения сферы деятельности между судьей Сибирского приказа и сибирским губернатором.

Таким образом, восстановление деятельности Сибирского приказа в 1730–1763 гг. было временной мерой, поскольку общие законы того периода целиком не учитывали особенности управления отдельными регионами. Сибирский приказ не имел полной самостоятельности – он был подведомственен Сенату. Существенная часть вопросов осталась вне компетенции приказа. Вместе с тем институт власти сибирского губернатора продолжал укрепляться, чему во многом способствовала система местного

---

⁶²³ Об учреждении в Москве Сибирского Приказа по прежнему и состоянию оному под ведением Сената под управлением Генерала Ягужинского и о подчинении оному Приказу всех Сибирских городов // ПСЗРИ. Собр. 1. 1730. 20 декабря. Т. 8, № 5659. С. 351.

⁶²⁴ О продаже соли в Москве по указанной цене; о допущении к покупке оной всех без различия, и о запрещении перекупа // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1743. 12 августа. Т. 11, № 8767. С. 874.

управления. Эта система напоминала «петровское» губернское правление 1711–1719 гг.

Губернский и провинциальный уровни управления. В 1726–1727 гг. были ликвидированы многие дорогостоящие и малоэффективные местные учреждения. В российских губерниях среди устраненных дорогостоящих и малоэффективных мест были Главный магистрат, земские и полковые комиссары, рентмейстерские и камерирские конторы, канцелярии вальдмейстерские и рекрутских дел, магистраты и надворные суды. В манифесте 9 января 1727 г. правительство было вынуждено признать трудное финансовое положение страны и, по утверждению Л. Ф. Писарьковой, признать необходимость сокращения штатов местного управления⁶²⁵.

Наказ губернаторам и воеводам от 12 сентября 1728 г. определил, что институт губернаторства и воеводства должен стать стержнем системы местной власти. В наказе было прописано, что в руках губернаторов и воевод должны быть сосредоточены фискальные, судебные и административно-полицейские функции. Таким образом, наказ предполагал крайнюю форму централизации местного управления, единого для всех губерний России. Стоит отметить, что наказ от 1728 г. в полной мере не учитывал специфику Сибири.

Порядок взаимного подчинения местных органов власти был установлен в 1727–1728 гг. Но фактически в условиях «недоуправляемости» Сибири названный порядок централизованной ответственности действовал уже с 1719 г. Так, все управители на местах подчинялись сибирскому губернатору. Воеводы провинций отвечали за работу воевод городов. Городские воеводы, в свою очередь, отвечали за управителей в подведомственных им пригородах (дистриктах).

Во главе Сибирской губернии находился губернатор – начальник Сибирского края. Исполнительным органом при губернаторе была сибирская губернская канцелярия, а при провинциальных воеводах (управителях) –

---

⁶²⁵ Писарькова Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. М., 2007. С 362.

канцелярии провинциальных воеводств. При провинциальных канцеляриях работали рентмейстерские конторы – особые финансовые органы. В 1740–1750-х гг. были созданы комиссарство и соляные и корчемные конторы. Соляные конторы и комиссарство относились к Главной соляной конторе, их целью был контроль добычи соли, ее транспортировки, продажи. Соляная контора в Тобольске действовала с 1740-х гг., соляное комиссарство в Иркутске было открыто в 1751 г. Указами от 1751 г. в Москве в составе Камер-коллегии была создана Корчемная канцелярия. В сферу ее деятельности входила борьба с тайным производством и торговлей спиртными напитками. Впоследствии свои корчемные конторы были созданы в Сибири: в Тобольске – в 1751 г., в Иркутске – в 1755 г.⁶²⁶. В их ведении была борьба с кормчеством (рис. 4).

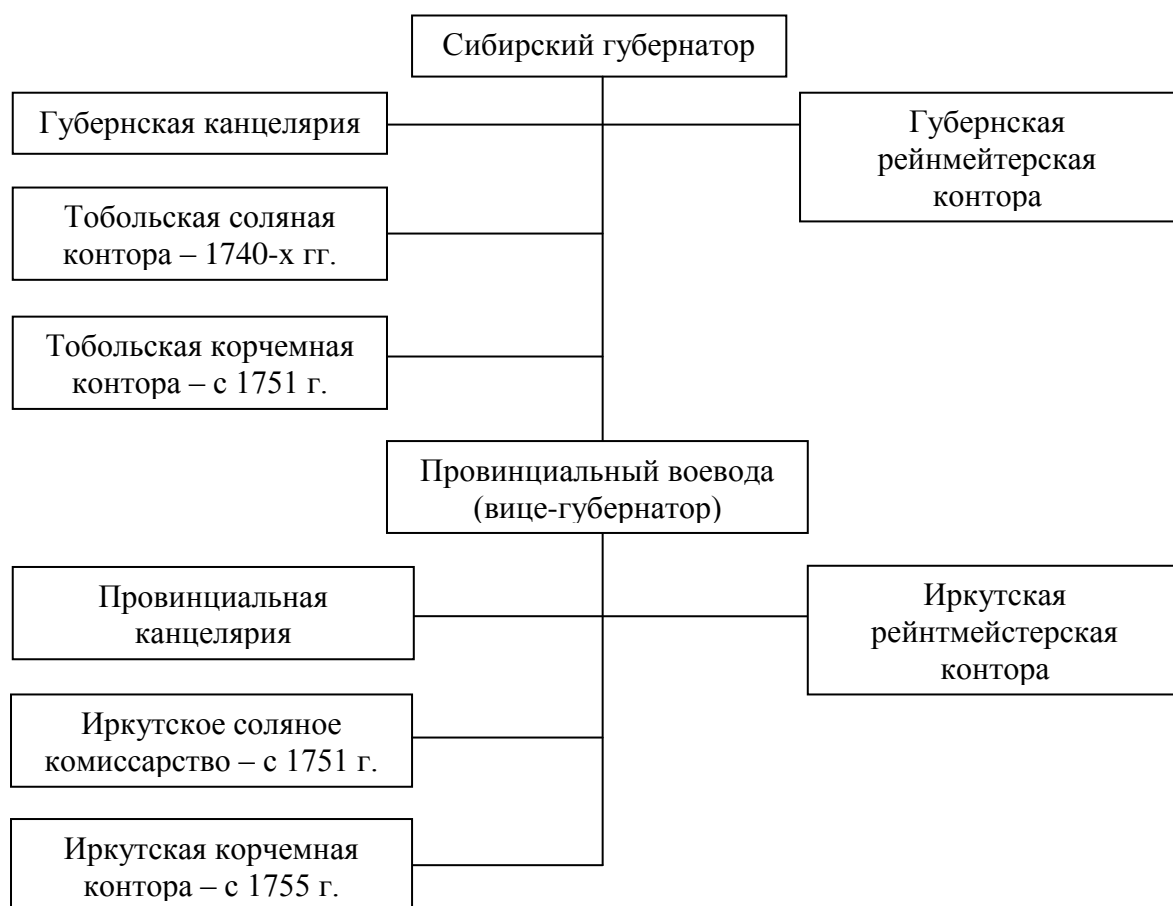

Рис. 4. Структура высшей власти в Сибири (1728–1762)

⁶²⁶ Быконя Г. Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири... С. 26.

В Енисейской и Исетской провинциях подобных административных учреждений создано не было.

Губернские и провинциальные канцелярии были организованы по одному принципу: в их структуре были присутствие, собственно канцелярия и внеканцелярские служители. И для губернии, и для провинции было характерно следующее: губернаторы и вице-губернаторы замещались согласно указам императора или Сената; губернаторы могли выносить решения по различным вопросам единолично, в отсутствие правления; наличие прокурора как контролирующего органа; наличие в штате канцелярии переводчиков. Работники канцелярии (канцеляристы, подканцеляристы, копиисты и писцы) назначались на должность губернатором и подчинялись секретарю.

Губернская рентмейстерская контора находилась в ведении губернатора, а иркутская рентмейстерская контора – иркутского вице-губернатора, при этом центральными регламентирующими органами власти были Сибирский приказ и Штатс-контор-коллегия. Порядок их работы регулировали Инструкция рентмейстерству, которая была издана в 1719 г., указы императора и Сибирского приказа, а также штаты канцелярии губернии от 1726 г. Сибирский приказ и Штатс-контор-коллегия выполняли функцию губернского и провинциального казначейства: они принимали, хранили и выдавали денежные средства, которые поступали к ним от населения или местных учреждений.

В 1726 г. была закрыта рентмейстерская контора в Иркутске, и ее функции были переданы провинциальной канцелярии. Однако в 1753 г. она вновь возобновила работу, поскольку с 1748 г. ежегодные поступления в провинциальную канцелярию увеличились до 30 тыс. руб.⁶²⁷

Для улучшения управления с 1736 г. Иркутская провинция напрямую была подчинена Сибирскому приказу. Отныне иркутский вице-губернатор

---

⁶²⁷ Об определении в Иркутскую Рентерию дворян с переменою погодно и о даче чиновникам сей Рентереи одного денежного жалованья по указу 1715 г. // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1754. 23 сентября. Т. 14, № 10300. С. 213.

состоял в «особой команде» Сибирского приказа, не подчиняясь тобольскому (сибирскому) губернатору⁶²⁸.

Самостоятельность иркутского вице-губернатора воспринималась чиновниками, занимавшими эту должность, как наличие у них широких финансовых возможностей для личного обогащения. Результатом работы следственных комиссий, отправленных из столицы, было выявление случаев взяточничества и казнокрадства со стороны двух первых иркутских вице-губернаторов, одного казненного смертью, а другого отрешенного от должности⁶²⁹.

Губернатор Сибири, как и прежде, назначался по велению Его Императорского Величества (Е. И. В.). Центральная власть относилась к выбору чиновника, назначавшегося на столь важную для государственного интереса должность, внимательно и по установленным критериям: «...потребно отправить туда такого человека, который бы в статских делах довольно искусен был, и о прибыли интересов Государственных, которые могут быть пополнены без отягощения Ее Императорского Величества подданных старание имел, правосудие любил, бедных людей от обид, грабежей и других насильственных причин охранять мог, и одним словом честный, умный, трудолюбивый и богобоязненный человек»⁶³⁰.

Правители городов и дистриктов, а также воеводы Иркутской провинции назначались указами Сибирского приказа и иркутского вице-губернатора. В ведении дел они были подотчетны иркутской провинциальной канцелярии.

В 1741 г. функции сибирского губернатора расширились и охватили административные, полицейские и военные полномочия: хранение губернских денежных средств и распоряжение ими в чрезвычайных случаях,

---

⁶²⁸ О разделении управления Сибирской Губернии на две части, с назначением в Иркутске Вице-Губернатора и о сношении его с Тобольским Губернатором промемориями // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1736. 30 января. Т. 9, № 6876. С. 733.

⁶²⁹ О учинении смертной казни Иркутскому Вице-Губернатору Жолобову за разные его законопротивные поступки // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1736. 9 июля. Т. 9, № 7009. С. 876.

⁶³⁰ О выборе кандидатов для определения из них Губернатора в Сибирскую губернию и о сочинении общей инструкции для управления сей Губернии // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1740. 27 августа. Т. 11, № 8218. С. 219.

наблюдение за политическими преступниками, руководство гарнизонами городов, формирование частей армии и их обеспечение, охрана государственных границ, борьба со шпионажем, содержание и постройка крепостей на границах и т. п. В полномочия Сибирского губернатора входили обязанности по проверке личного состава сибирских дворян и служилых. Сибирский губернатор обязан был реагировать на доносы «об измене», награждал доносчиков, например деньгами. В обязанности губернатора входили и дипломатические функции: забота о присоединении «аборигенных земель» или мирном с ними сосуществовании (калмыки), поддержка дипломатических отношений с Китаем⁶³¹. В перечень его ограничений – только запрещение увеличивать жалованье служащих, переводить их в чины, назначать на вакантные места с прежним окладом или без установленных надбавок.

Хозяйственная деятельность губернатора также подробно описывалась в инструкции 1741 г. Ему было поручено организовывать продовольственное снабжение населения на вверенной для управления ему территории, а именно следить за продуктивным использованием государевой пашни, наполнением хлебных магазинов, работой промысловиков и пр.

Государство в Сибири в середине XVIII в. обладало монополией на торговлю пушниной, солью, вином, табаком и ревенем. В инструкции губернатора 1741 г. упоминалась его обязанность контролировать запрет торговли «заповедными товарами»⁶³², а также брать ясак деньгами.

Так, губернатор в середине XVIII в. стал «монархом» в Сибири в условиях ее отдаленности, поскольку, например, между Санкт-Петербургом и Петропавловском-Камчатским, основанным в 1740 г., расстояние было примерно 9500 км.

Сибирь в середине XVIII в. в имперском дискурсе понималась как основной источник государственных доходов. Осуществленные изменения в

---

⁶³¹ Красняков Н. И. Общеимперские тенденции и попытки реализации местной специфики в управленческо-нормативной системе Сибири XVIII в. // Genesis: исторические исследования. 2015. № 6. С. 322–361.

⁶³² РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Кн. 180. Л. 401–402.

управлении на губернском и провинциальном уровнях управления шли в рамках понимания Сибири как особой части в составе империи. Проведенные реформы способствовали вхождению региона в состав государства, и в первую очередь его хозяйственному освоению. Погоня государства за получением максимальной экономической прибыли с сибирских территорий привела к расширению прав на местах и созданию сети местных фискально ориентированных учреждений. Стараясь, с одной стороны, увеличить размеры пушного налога (ясака) и, с другой – площади государевой пашни, империя передала в руки губернаторов огромные полномочия и тем самым заложила основу для создания наместничеств.

Уездное управление в 1727–1763 гг. Система государственного управления в уездах и дистриктах была выстроена с учетом изменений на губернском и провинциальном уровнях, т. е. сконцентрирована в руках воевод и их многопрофильных воеводских канцелярий.

В апреле 1727 г. вступил в силу Сенатский указ «Об определении Воевод в малые города и пригородки для исправления суда и наблюдения за сбором податей под надзором Провинциальных Воевод», согласно которому во главе подушного сбора были поставлены воеводы⁶³³. Они отвечали за составление ведомостей о численности податного населения, а также прием и отправку собранных денег в губернскую тобольскую канцелярию⁶³⁴. Работали воеводы в этом направлении при помощи отставных штаб-офицеров и воеводских канцелярий, поскольку камериры были упразднены в 1728 г. Заметим, что в дистриктах до начала 1760-х гг. названные обязанности воевод осуществляли сохраненные земские комиссары. Хотя было общепризнано, что «...Земские комиссары... те так разоряют, что жалко смотреть и слышать...»⁶³⁵. Дистрикты, отмененные в остальной России, были сохранены в Сибири (см. прил., табл. 2), а их управление,

⁶³³ Об определении Воевод в малые города и пригородки для исправления суда и наблюдения за сбором податей под надзором Провинциальных Воевод // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1727. 6 апреля. Т. 7, № 5056. С. 776.

⁶³⁴ РГАДА. Ф. 415. Оп. 2. Д. 300. Л. 13.

⁶³⁵ Цит. по: Ананьев Д. А. Проблемы взаимодействия органов городского самоуправления с воеводскими канцеляриями Сибири в XVIII веке // Местное самоуправление в истории Сибири XIX–XX веков. Новосибирск, 2004. С. 120.

сосредоточившееся в руках земского комиссара и его канцелярии, напрямую подотчетно губернатору и губернской канцелярии соответственно. Кроме того, Г. Ф. Быконя установил, что с 1730 г. подобное управление было выстроено в Абаканском и Каинском комиссарствах Енисейской провинции⁶³⁶.

В Тобольской и Иркутской провинциях воеводские канцелярии представляли собой разветвленные местные многопрофильные учреждения, нацеленные прежде всего на своевременный сбор доходов с подведомственного населения. Они обеспечивались за счет подготовки финансовой отчетности, перечневых ведомостей ясачного населения, составления и отправления в губернскую канцелярию приходно-расходных книг, «счетных выписок» и др. Кроме того, за воеводскими канцеляриями была сохранена обязанность надзора за хозяйственно-финансовой деятельностью городских ратуш, по сути, переименованных в 1727 г. магистратов⁶³⁷.

В связи с этим потребность в существовании провинциальных канцелярий была сведена на нет к 1730 г. И вплоть до 1775 г. провинциальный воевода и его канцелярия сохранились только в г. Енисейске, являвшемся до 1736 г. центром Енисейской провинции, а после ее ликвидации – центром одноименного уезда, важного в торгово-экономическом отношении (см. прил., табл. 2).

Важной целью реформ 1727–1728 гг. было уменьшение расходов на содержание административного аппарата. В связи с этим вопрос о служащих новых учреждений и обеспечении их жалованьем стоял очень остро.

Именным указом от 20 марта 1727 г. «О назначении Секретарям и подъячим, получавшим прежде в Приказах жалованье, и ныне равный оклад прежнему, и о бытии на прежнем положении тем из них, которые за неимением окладного жалованья довольствовались содержанием от дел; о

---

⁶³⁶ Быконя Г. Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVII – начале XIX вв.... С. 25.

⁶³⁷ РГАДА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 93. Л. 1–81 об.

смотрении за Секретарями судьям и о не определении Секретарей в те города, в которых не было прежде дьяков и новых штатов местного управления» денежные выплаты многим служащим были сокращены, при этом труд обслуживающего персонала канцелярии также еще централизованно не оплачивался⁶³⁸.

В наибольшей степени жалованье было сокращено у служителей канцелярии. Также был сокращен штат служащих приказа: так, должности секретарей воевод сохранились в тех воеводствах, где до преобразований Петра I были дьяки. В других городах была возвращена должность подьячих «с приписью». В результате этого указа фактически было легализовано взяточничество.

При этом в 1730 – начале 1760-х гг., как и ранее, значительная часть служащих местных канцелярий получали оплату за работу по усмотрению начальства⁶³⁹. Согласно сведениям из анкет В. Н. Татищева, в 1739 г. нерегулярные служащие кузнецкой воеводской канцелярии жалованья получали в следующих размерах (на чел.):

– «дворяне: денег – по 8 руб. 81 коп.; хлебной ржи и овса – по 2 четверти и 6 четвериков, и по 5 малых четвериков;

– дети боярские: денег – по 7 руб. 4 коп., хлеба – по 3 четверти, ржи – по 3 четверти, 7 четвериков и 1 малому четверику, овса – по 3 четверти, 6 четвериков и 7 малых четвериков;

– конные казаки: денег – по 6 руб. 16 1/2 коп., ржи – по 3 четверти, 1 четверику и 2 малых четверика, овса – по 1 четверти, 7 четвериков и 4 малых четверика»⁶⁴⁰.

---

⁶³⁸ О назначении Секретарям и подьячим, получавшим прежде в Приказах жалованье, и ныне равный оклад прежнему, и о бытии на прежнем положении тем из них, которые за неимением окладного жалованья довольствовались содержанием от дел; о смотрении за Секретарями судьям и о не определении Секретарей в те города, в которых не было прежде дьяков // ПСЗРИ. Собр. 1. 1727. 20 марта. Т. 7, № 5039. С. 764.

⁶³⁹ Рафиенко Л. С. Лоренц Ланг и Восточная Сибирь // Изв. СО АН СССР. Сер: Обществ. науки. 1977. Вып. 2, № 6. С. 130.

⁶⁴⁰ Историко-географические описания Верхнего Приобья и Прииртышья 1730–1740-х годов (по анкетам В. Н. Татищева): сб. док. / авт. вступ. ст. и археограф. спр. В. Б. Бородаев, А. В. Контев. СПб., 2010. С. 174.

В других уездах нерегулярные (наемные) служащие воеводских канцелярий оплату за службу имели чуть меньше или больше соразмерно описанной кузнецкой воеводской канцелярии. Например, в томской воеводской канцелярии дворяне имели (на чел.) по 14 руб. 9 1/2 коп. в год, дети боярские – по 7 руб. 4 коп., конные казаки – по 6 руб. 16 1/2 коп.⁶⁴¹

Архивные материалы свидетельствуют, что, согласно доношению Сибирской губернской канцелярии от 18 апреля 1748 г., служилые казаки в городах и форпостах Сибирской губернии были исключены из подушного оклада⁶⁴². При этом одним из наказаний за служебные проступки было лишение провинившихся должностных лиц материальных выплат, что было, например, применено именным указом от 20 апреля 1748 г. императрицы Елизаветы Петровны по отношению к Камчатскому коменданту капитану Лебедеву, обвиняемому «Иркутским сыном боярским Матвеем Новограбленным в злоупотреблениях служебным положением, во взяточничестве и самоуправстве, притеснении местного населения»⁶⁴³.

Таким образом, в эпоху дворцовых переворотов в целях экономии средств система местного управления на уездном уровне власти, включая дистрикты и комиссарства, была упрощена и сосредоточена в лице воеводы и воеводской канцелярии, а для дистрикта или комиссарства – земского комиссара и его канцелярии. На административные органы возлагались смешанные обязанности, ориентированные на ресурсную специализацию территории.

Так государство реализовывало основную цель своего участия в жизни сибирских жителей – сбор податей, при этом в связи с отсутствием помещичьего хозяйства развитие какой-либо социальной инфраструктуры в Сибири полностью отсутствовало. Безусловно, это накладывало ограничения на реализацию зарождавшегося в России процесса модернизации по всему спектру социально-экономических, политических и духовных

---

⁶⁴¹ Историко-географические описания Верхнего Приобья и Прииртышья... С. 90.

⁶⁴² РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Д. 187. Л. 329–342.

⁶⁴³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Д. 188. Л. 29–61 об.

трансформаций, что приводило к консервации свойственных только Сибири проблем (особенностей), не позволяя ей вступить в ряд равных с другими районами страны.

Горное управление 1730–1760-х гг. Третья декада XVIII в. знаменовалась активным развитием ведомств по управлению горными заводами: забайкальскими, алтайскими и уральскими. В 1721 г. была создана Нерчинская горная канцелярия⁶⁴⁴. В 1761 г. был введен пост главного командира Нерчинских заводов.

В период 1747–1779 гг. Кабинет Е. И. В. был центральным органом управления для Колывано-Воскресенских заводов. С этого времени на Алтае действовал военно-горный тип управления заводами и местным населением, который характеризовался следующими особенностями:

- управление Колывано-Воскресенским горным округом возлагалось императорским Кабинетом Е. И. В. на военную аристократию, сочетавшую в себе компетенции и функции горных инженеров;
- использовались милитаризованные организации: для охраны заводов и поддержания общественного порядка собственный военный корпус и ведомственная горная полиция соответственно;
- к деяниям служащих и офицеров горного округа применялось военно-уголовное законодательство;
- были организованы военно-судные комиссии как особая разновидность военных судов;
- горные инженеры приравнены были к офицерам;
- к заводам для удовлетворения потребностей в рабочих руках и необходимых продуктах были приписаны деревни с крестьянским населением.

Взятие заводов в царскую казну повлекло за собой изменение статуса ранее свободного населения. Крестьянство, жившее поблизости от заводов,

---

⁶⁴⁴ Клер Л. С. Органы управления горнорудной промышленностью Восточного Забайкалья в XVIII – начале XX в. // Государственно-правовые институты самодержавия в Сибири. Иркутск, 1982. С. 12.

было приписано казной к публичным предприятиям и несло повинности в пользу заводской канцелярии⁶⁴⁵.

В составе Кабинета Е. И. В. в период 1754–1758 гг. существовала особая экспедиция Колывано-Воскресенских заводов. В компетенцию экспедиции входили вопросы управления горными заводами. Кабинет же осуществлял общее стратегическое руководство территории и финансовый контроль. При этом местным чиновникам была предоставлена значительная свобода действий. Только в очень редких ситуациях Кабинет Е. И. В. осуществлял ревизии горного дела.

В 1747 г. после назначения главным командиром Колывано-Воскресенских заводов генерал-майора А. В. Беэра в ведомстве постепенно стал оформляться «военно-горный строй»⁶⁴⁶. На своем посту А. В. Беэр проработал до 1751 г., но и после него эта тенденция была продолжена и окончательно утвердилась в 1760-х гг. Характерными чертами данного положения стали: военизированная организация горнозаводских работ, военно-бюрократический статус местной администрации, наличие военного суда и проживание неженатых работников заводов в казармах⁶⁴⁷.

Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства подчинялась непосредственно главному командиру. Она состояла из общего присутствия и приказных служителей. В целом численность служащих канцелярии была не больше 37 человек.

При Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства в период 1750–1760-х гг. было сформировано комиссарское правление. Им руководил обер-офицер. Комиссарское правление занималось «учетом всех припасов, материалов и инструментов, провиантом, фуражом, заводским и

---

⁶⁴⁵ Перегожин А. А. Военизированная система управления Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа (1747–1871 гг.). Барнаул, 2005. С. 19–51.

⁶⁴⁶ Азиатская Россия. Издание переселенческого управления главного управления землеустройства и земледелия. Спб., 1914. Т. 1. С. 408.

⁶⁴⁷ Соболева Т. Н. Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). Управление и обслуживание. Барнаул, 1997. С. 29.

рудничным обозами, денежными средствами, учетом работ, оплатой труда мастеровых и работных людей, закупками всякого рода»⁶⁴⁸.

На местах управление горным делом осуществляли горные конторы. Их деятельность заключалась не только в организации производства, но и в решение всех вопросов, возникавших в связи с работой этой отрасли. Горные конторы предупреждали побег и совершение разных противоправных действий, обеспечивали снабжение населения горнозаводских поселений всем необходимым, вели судебные-следственные процедуры, если судебные дела входили в компетенцию Горной канцелярии, строили школы для детей при заводах, обеспечивали медицинское обслуживание⁶⁴⁹. Конторой на основе единоначалия руководил управляющий. Специалисты горного производства: унтер-шихтмейстеры, лекари и подлекари – входили в присутствие. Канцелярские служащие занимались делопроизводством.

Ведомственная система управления горнозаводским хозяйством была введена для обеспечения финансового интереса верховной и центральной власти. Сереброплавильное и медеплавильное производство входило в одно из ведущих направлений ресурсной специализации Сибири. В горном управлении Сибири в середине XVIII в. нашли отражение основополагающие начала приказной и коллежской систем, что соответствовало исторической эпохе.

Заметим, что после 1764 г. горное управление представляло собой обособленную часть центрального управления через внедрение в практику действия обособленных производственно-территориальных районов, во внутренние дела которых запрещалось вмешиваться местным администрациям⁶⁵⁰. Следовательно, после 1764 г. их рассмотрение не входит в предмет настоящего исследования, а требует особого исследования.

Таким образом, в 1727–1763 гг. отдельные принципы организации государственного управления допетровской эпохи нашли свое применение в

---

⁶⁴⁸ Соболева Т. Н. Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.)... С. 30.

⁶⁴⁹ Там же. С. 28.

⁶⁵⁰ Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Новосибирск, 2009. Т. 1. С. 404.

коллежской системе. При этом они были в значительной степени доработаны. Организация системы местного управления в середине XVIII в. дает основание говорить о преемственности управления конца XVII в., о которой не задумывались разработчики реформ «петровской» эпохи. Система местного управления, выстроенная при преемниках Петра I, просуществовала почти 40 лет, что было несравненно много в условиях XVIII в.

Рассмотренные материалы позволяют прийти к выводу о том, что одним из важнейших результатов губернских и провинциальных реформ 1700–1760-х гг. стало формирование единого унифицированного государственного пространства. В этом пространстве существовала единая централизованная система местного управления. Сибирь также входила в это пространство с учетом внутренних и внешних особенностей. Реформатор Петр I в преобразованиях местного управления ставил две цели – создание административной централизации (под единой верховной властью) и укрепление могущества государства. Организация государственного аппарата на бюрократических началах стала способом достижения поставленных целей. Подлинный культ административного учреждения был создан именно при Петре I.

Главной проблемой административного устройства Сибири в составе России оставалось несоответствие механизма взаимодействия центрального и местного управления историческим условиям, поскольку система государственной власти в регионе была выработана не эволюционным, а административным путем с большой долей заимствований из шведской системы управления. Соратники и ближайшие преемники Петра I организовали сибирское управление по принципам, выработанным Петром I, но с использованием наследия допетровского Московского государства. На их основе реформами 1726–1730-х гг. была создана новая система государственной власти в Сибири, действовавшая без существенных изменений до введения штатов 1763 г. При этом управление регионом на высшем уровне власти вновь стало характеризоваться как нерациональное в связи с несогласованностью в Центре и на

местах разграничения полномочий между Сенатом, коллегиями, Сибирским приказом, губернатором, воеводами и их канцеляриями.

В 1708–1763 гг. в имперском дискурсе за основу реформирования системы местного управления в Сибири было принято стремление на институциональном уровне копирования наиболее привлекательного образца, примененного для Центральной России. Основным импульс развитию давало государство. Реализация преобразований шла приблизительно по принципам догоняющей модели развития при широкой государственной поддержке и отсутствии сопротивления «снизу». Правительственные структуры не ожидали какой-либо значимой оппозиции внутри сибирского общества, что было связано с его социальной структурой и национальной составляющей. Поэтому единственным компонентом механизма реформирования административных структур было само государство, генерировавшее управленческое воздействие на основной объект управления – ресурсный и фискальный потенциал Сибири. При этом ее колониальное положение не было явным, так как верховная и центральная власть стремилась включить ее в состав других частей России на равных основаниях.

3.2. Наместническая, губернская, областная и уездная администрация в 1764–1822 гг.

Административное управление по губернской реформе Екатерины II. *Управление в наместничествах и губерниях.* Система управления Российской империей находилась под пристальным вниманием Екатерины II с самого начала ее правления. Сибирь, названная Сибирским губернатором Ф. И. Соймоновым «золотым дном» государства, входила в перечень территорий, удостоенных внимательного отношения императрицы.

Тайный советник Ф. И. Соймонов в докладе императрице писал: «Собрав все обстоятельства – состояние Сибирского приказа рассматривал, и нашел, что правление оногo интересам Вашего Императорского Величества убыточно, а сибирскому народу отяготительно. (...) при рассмотрении и

сочинении штату действительным тайным советником и сенатором – князем Шаховским, найдено, что в оном приказе по оказанным резонам, такое великое число присутствующих и приприказных служителей быть не подлежит, о чем у правительствующего сената всходственность его мнения для всевысочайшей Вашего Императорского Величества апробации имелась внесень. И для того до Всемилостевейшей того штата апробации, для сохранения Вашего Императорского Величества интереса и для скорейшего по Сибирской губернии исправления дел, и для того, чтоб излишние в Сибирском приказе присутствующие и иные служители излишнего для себя жалованья не брали. (...) не соизволите ли Ваше Императорское Величество повелеть быть в том приказе одному главному судье статскому советнику Сушкову, и при нем секретарю, протоколисту, двум канцеляристам, двум (...), шести копеистам...»⁶⁵¹.

В ответ на доклад бывшего губернатора согласно «Высочайшей резолюции» от 11 июня 1763 г. в Сибири начала свою работу Секретная комиссия (в лице губернатора), предоставлявшая сведения Екатерине II о реальном положении дел в отдаленной от Центра восточной окраине⁶⁵². Этим самым имперская власть подтверждала, что Сибирь ждут преобразования в административном управлении, нацеленные в первую очередь на усовершенствование ранее существовавшей системы. Однако вступили они в силу лишь в следующем десятилетии.

Территориальные изменения, выстроенные в Сибири по губернской реформе 1775 г., трансформировали систему органов местного управления на всех уровнях власти. Высшее звено управления, т. е. на уровнях Пермского и Тобольского генерал-губернаторства, Иркутского и Колыванского генерал-губернаторства, Тобольского, Иркутского и Колыванского наместничеств

⁶⁵¹ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 38. Л. 3–4.

⁶⁵² О бытии учрежденной в Сибири Секретной Комиссии и находящемуся там гарнизону в ведомстве Губернатора; об определении в Сибирь Лекарей, Аптекаря и к ним из отставных Обер-Офицеров и рядовых для призрения погибающих оспой, с производством жалованья из тамошних доходов; об освобождении Сибирских жителей от рекрутского набора впредь до указа; о поставке провианта вверх Иртышской крепости подрядом; о ежегодной отставке из Сибирских полков; о сборе с тамошнего купечества рекрут для поселения; о переписи и положении в подушный оклад бежавших в Сибирь крестьян и живущих там с просроченными паспортами // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1763. 11 июня. Т. 16, № 11860. С. 294.

(губерний), а также Тобольской, Томской, Иркутской, Якутской, Нерчинской и Охотской провинций (областей) определялись общегосударственным актом, которым был «Общий свод Штатов Наместничеств и Губерний в Царствование Государыни Императрицы Екатерины II», действовавший в Сибири по 1796 г.⁶⁵³

Согласно штату генерал-губернаторского правления во главе главных управлений Сибири стояли «Государевы Наместники», или «Генерал-Губернаторы». В Пермском и Тобольском генерал-губернаторстве ими были: Е. П. Кашкин (1782–1788), А. А. Волков (1788–1796)⁶⁵⁴; в Иркутском и Колыванском генерал-губернаторстве – И. В. Якоби (Якобий) (1783–1789), И. А. Пиль (Пилль) (1789–1795), И. О. Селифонтов (1796–1797)⁶⁵⁵.

Генерал-губернаторы в Сибири имели формально тот же статус, что и в других частях России, который был высок и соответствовал второму названию их должности – «Государев Наместник». Он подчинялся напрямую Императрице и Правительствующему Сенату. Жалованье генерал-губернаторов по всей стране, включая Сибирь, было единым и составляло 6000 руб. в год (без каких-либо дополнительных выплат сверх установленного оклада)⁶⁵⁶. Помимо этого, Иркутскому и Колыванскому генерал-губернатору полагалось в личное распоряжение еще ежегодно 1500 руб., которые расходовались им на почтовые услуги. В законе было сказано: «По отдаленности Иркутской и Колыванской губерний (авт. – Наместничеств) от столицы Нашей, для получения донесений о том крае, позволяем тамошнему генерал-губернатору присылать к нам курьеров, на что

---

⁶⁵³ Общий свод Штатов Наместничеств и Губерний в Царствование Государыни Императрицы Екатерины II // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1796. Т. 44, ч. 2, № 17494. С. 253.

⁶⁵⁴ Алексеев В. В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX вв. М., 2004. С. 345–346.

⁶⁵⁵ «Господин главный начальник края»: история Вост.-Сиб. и Иркут. генерал-губернаторств / ФГБОУ ВПО «ИГУ»; сост. И. П. Белоус (и др.); науч. ред. И. Л. Дамешек. Иркутск, 2013. С. 16–18.

⁶⁵⁶ Общий свод Штатов Наместничеств и Губерний в Царствование Государыни Императрицы Екатерины II... С. 253.

и определяем сумму по 1500 рублей на год, которую отпускать в распоряжение его»⁶⁵⁷.

В штат служащих, предназначенных для распоряжения генерал-губернатору, входили два адъютанта и один секретарь (II класса). Их жалованье находилось в зависимости от разряда территории, в которой они служили, и было представлено в диапазоне от 200 до 450 руб. в год. Разница в содержании генерал-губернаторского правления I и II разрядов составляла 400 руб. в год (табл. 8).

Таблица 8. Штаты генерал-губернаторского правления в Сибири (1781–1796)⁶⁵⁸

Звание чинов	Количество чиновников	Размер жалованья, руб. на 1 чел.	
		Пермское и Тобольское генерал-губернаторство, I разряд	Колыванское и Иркутское генерал-губернаторство, II разряд
Государев наместник / генерал-губернатор	1	6000	6000
Адъютанты	2	200	300
Секретарь II-го класса	1	250	450
Итого	4	6650	7050

Ниже генерал-губернаторского звена управления находилось наместническое правление, называвшееся на местах по традиции губернским правлением. Согласно штатам, применимым для Сибири, Тобольское, Иркутское и Колыванское наместничества возглавляли правители наместничеств; в Колыванском наместничестве, имевшем статус ближе к губернии, он чаще назывался губернатором. Реформа 1775 г. существенно не изменила полномочия «Правителя Наместничества», поскольку в условиях

⁶⁵⁷ О позволении Иркутской и Колыванской Губернии Генерал-Губернатору присылать к Ее Императорскому Величеству курьеров с донесениями // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1783. 12 мая. Т. 21, № 15734. С. 922.

⁶⁵⁸ РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 332. Л. 1–2; Общий свод Штатов Наместничеств и Губерний в Царствование Государыни Императрицы Екатерины II... С. 253–264.

территориальной отдаленности Сибири от Центра они не могли быть сужены⁶⁵⁹.

В «Учреждении» 1775 г. определялось, что губернатор был наместником императорского величества на вверенной ему территории, обеспечивавшим ее включение в состав единого политического, правового и экономического государственного пространства, а также представителем императорской власти для народа, защиту которого от внутреннего и внешнего врага он гарантировал от имени монарха⁶⁶⁰.

Должностной оклад правителей Тобольского и Колыванского наместничеств составлял 1800 руб. (по I разряду). Правитель Иркутского наместничества как глава более «особой» территории ввиду ее пограничного положения и малоосвоенности имел жалованье по II разряду – 2250 руб. Кроме того, правителям наместничества выдавались столовые деньги: тобольскому и колыванскому – по 1200 руб. в год, иркутскому – 1800 руб. В целом содержание наместнического правления по II разряду обходилось казне на 1950 руб. дороже, чем по I разряду.

В Центральной России, где было широко распространено крепостное право, правители 17 наместничеств (Тверского, Смоленского, Новгородского, Калужского, Ярославского, Псковского, Тульского, Курского, Нижегородского, Вологодского, Харьковского, Вятского, Пензенского, Симбирского, Саратовского, Московского, Екатеринославского) и полоцкий губернатор имели «на стол по 600 душ крепостных крестьян», при этом им не выплачивались столовые деньги⁶⁶¹.

Важным направлением «екатерининской» реформы 1775 г. было возвращение к идеям Петра I о разделении властей и об отраслевом управлении (см. прил. табл. 3).

---

⁶⁵⁹ Полное собрание узаконений о губерниях по хронологическому порядку с 1754 по 1818 июнь месяц. Спб., 1818. С. 2–138.

⁶⁶⁰ Власть в Сибири XVI – начало XX в. Новосибирск, 2002. С. 116.

⁶⁶¹ Общий свод Штатов Наместничеств и Губерний в Царствование Государыни Императрицы Екатерины II... С. 264.

Так, на всех уровнях местной администрации вместо канцелярий были созданы учреждения по полицейским, судебным и казенным делам. Эти учреждения считались особыми департаментами центральных коллегий, экспедиций и контор, что позволяло снизить загруженность последних⁶⁶².

На уровне Тобольского, Иркутского и Колыванского наместничеств в 1782–1783 гг. были открыты: 1) наместническое правление, представлявшее собой канцелярию правителя наместничества (административно-карательные полномочия); 2) при Камер- и Ревизион-коллегиях – казенная палата (хозяйственно-управленческие и фискально-налоговые функции); 3) при Юстиц-коллегии – палата уголовных и гражданских дел (судебные функции).

Таким способом существовавшее ранее отраслевое управление сблизилось с территориальным. Территориальное управление по принципам своей организации стало более комплексным и отраслевым. Однако этот прогрессивный подход ослаблялся сохранением узконаправленного предмета работы ряда учреждений.

Согласно штатному расписанию наместнического правления внутренними делами (кроме судебных и фискальных) управляли в рамках названной административно-территориальной единицы правление в составе правителя наместничества и двух советников (табл. 9).

Таблица 9. Штаты наместнического правления в Сибири (1781–1796)⁶⁶³

Звание чинов	Количество чиновников	Размер жалованья, в руб. на 1 чел.	
		Тобольское наместничество, Колыванское наместничество (губерния), I разряд	Иркутское наместничество, II разряд
Правитель наместничества / губернатор	1	1800, 1200 (столовые)	2250, 1800 (столовые)
Советники 6-го класса	2	600	750
Итого	3	4200	5550

⁶⁶² Быконя Г. Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVII – начале XIX в. ... С. 36.

⁶⁶³ РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 332. Л. 1–2; Общий свод Штатов Наместничеств и Губерний в Царствование Государыни Императрицы Екатерины II... С. 254–264.

При правителе наместничества находился секретарь и канцелярия со штатом писцов, не имевших чина, именуемых канцеляристами, а их помощники – подканцеляристами.

Наместническое правление было высшим исполнительным органом на территории подобно коллегиями, не принимавшим каких-либо законов помимо указов императрицы. Наместническое правление осуществляло надзор за исполнением на местах указов и постановлений высших органов верховной и центральной власти; контролировало деятельность всех должностных лиц в наместничестве⁶⁶⁴.

Штат наместнического правления включал должностных лиц, имевших узкопрофессиональную специализацию. Среди них были: губернский землемер, губернский архитектор, механик или машинный и мельничный мастер (табл. 10).

Таблица 10. Штат служащих при наместническом правлении (1781–1796)⁶⁶⁵

При Наместническом правлении			
Должность, чин	Кол-во чел.	Жалованье, руб. на 1 чел. в год	
		I разряд	II разряд
Губернский землемер	1	400	500
Губернский архитектор	1	300	400
Механик или машинный и мельничный мастер	1	200	300
Итого:		900	1200

В Иркутском наместничестве в связи с его пограничным положением была сохранена «канцелярия пограничных дел», подчинявшаяся правителю наместничества, а также центральным военной и иностранной коллегиям. Согласно ее штатному расписанию от 1783 г. в ней присутствовало два подразделения: первое было представлено секретарем, переводчиками и

⁶⁶⁴ Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата. М.; Новосибирск, 2003. С. 305.

⁶⁶⁵ Там же. С. 254.

толмачами, работавшими при наместнике; второе находилось в Троицкой крепости, при которой работал штат переводчиков.

В Тобольском, Иркутском и Колыванском наместничествах финансово-налоговыми и хозяйственно-попечительскими делами руководили казенные палаты, или, как их еще тогда называли, экспедиции экономии. Казенным палатам подчинялись областные (провинциальные) казначейства⁶⁶⁶.

Заметим, что управление горным делом с 1775 по 1787 г. вверялось формально казенным палатам. Однако Нерчинский округ с 1778 г. уже находился в ведении Сената и Берг-коллегии, а после 1787 г. – Кабинета Е. И. В., руководившего и Колывано-Воскресенскими предприятиями⁶⁶⁷.

Согласно Высочайше утвержденным штатам казенную палату возглавлял поручик правителя наместничества, который в Колыванском наместничестве (Колыванской губернии) назывался еще и вице-губернатором. Штат казенной палаты предусматривал присутствие «экономии директора», двух советников – советника и советника для таможенных дел и надзора (чин VI кл.), губернского казначея (VIII кл.), двух ассессоров (VIII кл.), присяжных из числа унтер-офицеров лейб-гвардии, секретаря и канцелярии (табл. 11).

Благодаря «Учреждению для управления губерний» от 1775 г. суды получили независимость от административной системы. Однако судам не была дана полная самостоятельность. Судебная система Сибири не была полностью построена по губернской реформе Екатерины II. Поскольку в Сибири дворянское землевладение отсутствовало, не было и крепостных крестьян, а владение государственными крестьянами и ясачными людьми имело свои отличительные черты. Приняв во внимание предложения пермского и тобольского генерал-губернатора Е. П. Кашкина, Екатерина II именным указом от 28 января 1782 г. повелела не учреждать в Сибири дворянских опеков и верхнего земского суда⁶⁶⁸.

---

⁶⁶⁶ Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века... С. 307–308.

⁶⁶⁷ Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Новосибирск, 2009. Т. 1. С. 404.

⁶⁶⁸ Быконя Г. Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX в... С. 273.

Таблица 11. Штат казенной палаты / экспедиции экономии в Сибири (1781–1796)⁶⁶⁹

Казенная палата / экспедиция экономии			
Должность, чин	Чел.	Жалованье, руб. на 1 чел. в год	
		I разряд	II разряд
Поручик правителя наместничества или вице-губернатор, V класс	1	1200	1875
Экономии директор	1	1000	1500
Советник для таможенных дел и надзора, VI класса	1	1000	1200
Советник, VI класса	1	600	750
Губернский казначей, VIII класса	1	300	450
Ассесоры, VIII класса	2	300	450
Присяжные, из отставных унтер-офицеров Гвардии	4	80	100
Итого:	11	4020	7075

В результате судебная система сибирских наместничеств (Иркутского, Тобольского, Колыванского) была представлена палатой уголовных и гражданских дел, в присутствии (совет) которой вошли председатель судебного департамента, два советника и два ассессора. Деятельность местных в рамках наместничества государственных структур контролировал губернский прокурор, ему помогали два губернских стряпчих (см. прил., табл. 7).

Таким образом, функциональная специализация наместнического (губернского) управления на том уровне общественного развития Сибири была ограничена, так как специализация чиновников была условной, поскольку служащие перенаправлялись из одного места в другое без учета их уже наработанного профессионального опыта⁶⁷⁰. Однако данная система наместнического управления все-таки имела прогрессивный характер,

⁶⁶⁹ Общий свод Штатов Наместничеств и Губерний в Царствование Государыни Императрицы Екатерины II... С. 254.

⁶⁷⁰ Карчаева Т. Г. Енисейская губернская администрация: численность и состав (1822–1917 гг.). Красноярск, 2017. С. 146.

действовала до 1797 г. и частично была повторена «Учреждением для управления Сибирских губерний» 1822 г.

Областное (провинциальное) управление. Система органов управления на провинциальном (областном) уровне государственной власти была выстроена по принципу наместнического правления. Образцом для организации системы власти в Тобольской и Томской провинциях (в рамках Тобольского наместничества, Пермского и Тобольского генерал-губернаторства), а также в Иркутской, Якутской, Охотской и Нерчинской провинциях (в рамках Иркутского наместничества, Колыванского и Иркутского генерал-губернаторства) было областное правление, выстроенное ранее в 1779 г. для Колыванской области, реорганизованное затем в 1783 г. в наместничество⁶⁷¹.

Во главе провинции (области) находился провинциальный (областной) правитель, при нем учреждение – провинциальное (областное) правление, в состав которого наравне с правителем входили два советника. В перечень полномочий провинциального правления входили административно-карательные функции в рамках обозначенной территории. Заметим, что для Колыванской области (с 1779 по 1783) и Нерчинской провинции в перечень полномочий правителя входил надзор за заводами. При этом горное управление, выведенное из системы местной государственной власти, было подотчетно уже Канцелярии Е. И. В. и строилось по военному принципу, так как представляло государственный интерес в силу высокой прибыльности⁶⁷².

Значимые изменения на уровне провинции (области) произошли в судебной системе – были введены совершенно новые и узкофункционально ориентированные сословные суды (провинциальный магистрат, верхняя расправа, верхний надворный суд), а также сословный совестный суд (рис. 5). Отметим, что упраздненный повсеместно надворный суд был

---

⁶⁷¹ Об учреждении Колыванской области // ПРЗ РИ. Собр. 1. 1779. 1 мая. Т. 20, № 14868. С. 814.

⁶⁷² Прим.: Горное управление как системная единица местной власти рассмотрено в период 1730–1764 гг.

оставлен для пришлого населения только в Сибири и городах Москве и Санкт-Петербурге, где уровень приезжих был очень высок⁶⁷³.

Рис. 5. Система судебных органов власти в Тобольской, Томской, Иркутской, Якутской, Охотской и Нерчинской провинциях (1782/83–1796)⁶⁷⁴

Анализ формулярных списков чиновников, после 1822 г. служивших в Енисейской губернии, показал, что в Сибири в связи с отсутствием помещичьего землевладения сословно-выборные должности в судебных учреждениях занимали назначаемые бессрочно правителем наместничества «свободные от службы штаб- и обер-офицеры», а также выборные от купцов, мещан и сельского населения, т. е. дворянские заседатели не выбирались⁶⁷⁵. При совестном суде служили два мещанских и сельских заседателя, при верхней расправе – десять заседателей⁶⁷⁶.

На уровне областного управления при судебном департаменте соответствовавшего наместничеству находились прокурор и двое стряпчих (по гражданским и уголовным делам), производившие надзор за законностью управления в рамках области (провинции). В наместничествах Сибири местные учреждения контролировались двумя стряпчими и губернским прокурором. При этом стряпчие заседали в губернском магистрате, верхнем надворном суде и верхней расправе⁶⁷⁷.

Фискально-налоговые и хозяйственные функции исполнял казенный департамент, в котором присутствовали поручик областного правителя,

⁶⁷³ Об учреждении Кольванской области // ПРЗ РИ. Собр. 1. 1779. 1 мая. Т. 20, № 14868. С. 814–817.

⁶⁷⁴ РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 332. Л. 1–2.

⁶⁷⁵ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1823. Д. 108. Л. 22, 38.

⁶⁷⁶ Быконя Г. Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVII – начале XIX в... С. 40–41.

⁶⁷⁷ Там же. С. 41–42.

директор экономии, советник и ассессор горных дел, ассессор, областной казначей. При этом все вопросы, касавшиеся доходов по горной части, разбирались в Кабинете Е. И. В., а прочие дела «Земского хозяйства» – в Сенате⁶⁷⁸. В областных городах Тобольского и Иркутского наместничеств (Тобольске, Томске, Иркутске, Охотске, Якутске и Нерчинске) были открыты областные казначейства, которым подчинялись уездные казначейства⁶⁷⁹.

Архивные материалы свидетельствуют, что сбор податей и отработка повинностей контролировались на провинциальном (областном) уровне власти. «Всякий род сбора законами установленной с каждого уезда да вносится в областное или провинциальное правление теми самими, кому сбор платить следует, или их поверенными, в указанный срок. Деньги отдаются в рентерею, а хлеба или лен, где таковые сборы, в магазины. По окончании срока областное казенное правление сочиняет два реестра, в первый вносит исправных, а во второй неисправных плательщиков, и недоимки. Первый реестр посылается губернатору, который отдает его в четвертый департамент своего правления, а второй наместническое правление посылает в нижний земской суд с приказанием о взыскании, и тогда от нижнего земского суда пошлетя в недоимочные места приказание, чтобы в четырех недельный срок сборы недоимочные внесены были, куда надлежит, и росписи данные им из областных казенных правлений, или из магазинов на суд представлены были»⁶⁸⁰.

На областном уровне власти был учрежден приказ общественного призрения. В сферу ответственности этого приказа входили народное образование, медицина, социальное обеспечение, исправительно-тюремные учреждения. Создание этого приказа было проявлением на местах политики «просвещенного абсолютизма» – впервые в истории России государственный орган выполнял не контрольно-надзорные функции, а следил за нуждами населения (табл. 12).

---

⁶⁷⁸ Об учреждении Кольванской области // ПРЗ РИ. Собр. 1. 1779. 1 мая. Т. 20, № 14868. С. 815–817.

⁶⁷⁹ Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века... С. 307–308.

⁶⁸⁰ РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 332. Л. 12 об.–13.

Таблица 12. Штат приказа общественного призрения и служащих при наместническом правлении (по I и II разрядам), 1781–1796 гг.⁶⁸¹

Приказ общественного призрения			
Должность, чин	Кол-во чел.	Жалованье, руб. на 1 чел. в год	
		I разряд	II разряд
Секретарь XI класса	1	250	450
На канцелярские расходы	–	100	150
На канцелярских служащих	По усмотрению правителя наместничества		
Итого:	1	350	600

Таким образом, выстроенное многоуровневое административное управление в Сибири казалось «на верхах» более эффективным, чем прежде, потому что включало большее количество на высшем уровне ответственных лиц и за счет «разветвленности» учреждений стало более приближенным к населению. Екатерина II, как и ее предшественники, выстроила местную власть в Сибири, чтобы решать «мезо- и микропроблемы» в русле системных свойственных для региона вызовов. Кроме того, в комплекс целеполагания действий верховной власти входила все та же ориентация на ресурсный потенциал Сибири, которым во многом определялась доходная часть государевой казны.

Уездное управление в 1764–1796 гг. С учетом предшествовавшего опыта и надежности («живучести») прежних уездных учреждений в Сибири верховной властью были сохранены местные управленческие институты 1727–1763 гг., универсальные для всей России. Штатное расписание, принятое Сенатом 31 декабря 1763 г.⁶⁸², установило уже опробованный состав уездного управления, представленного воеводой и воеводской канцелярией. В состав канцелярии вошли: товарищ воеводы, секретарь, канцеляристы, подканцеляристы, копиисты (канцелярские служащие) и сторож (табл. 13).

⁶⁸¹ Общій свод Штатов Наместничеств и Губерній в Царствование Государыни Императрицы Екатерины II... С. 254.

⁶⁸² Штаты // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1763. 31 декабря. Т. 16, ч. 1, № 11991. С. 468.

Таблица 13. Состав уездного управления в Сибири по штатам 1763 г.⁶⁸³

Должность	В одном уездном городе, чел.	В пригородке, чел.	Жалованье / содержание, в руб.
Воевода	1	–	250
Воеводский товарищ	1	–	200
Секретарь в ранге коллежского регистратора	1	–	200
Канцеляристы	3	2	По 60
Подканцеляристы	4	2	По 40
Копиисты	4	2	По 30
Сторож	1	1	18
На канцелярские расходы	–	–	50 руб. / 20 руб.
Итого	15	8	1353 руб. / 498 руб.

В состав воеводских канцелярий, кроме штатных, входили «нерегулярные» служащие, получавшие денежные выплаты по усмотрению начальства, т. е. «по трудам и заслугам»⁶⁸⁴.

Штатным расписанием для каждого уезда предусматривался корпус воинской команды в составе 29 чел., используемых по разным вопросам (для посылки денежной казны в наместничество или губернский центр, поимки воров и разбойников, обеспечения работы караулов и др.). Всем им было назначено казенное годовое жалованье: подпоручику – 126 руб. 31/2 коп., сержанту – 15 руб., двум капралам – по 11 руб., 24 солдатам – по 7 руб. 50 коп., барабанщику – 7 руб. 50 коп. Кроме того, оговаривалось, что штатная воинская команда уездного управления, помимо денежного жалованья, еще получает провиант и крупу «в натуре», покупаемые воеводской канцелярией на средства из денежных сборов, но не дороже общепринятых цен и из расчета определенной суммы на каждого человека⁶⁸⁵. Так, еще в конце XIII в. использовался феодальный принцип натуральных выплат за государственную службу, что считалось устаревшей практикой и на более высоких уровнях государственной власти не применялось.

⁶⁸³ Штаты // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1763. 31 декабря. Т. 16, ч. 1, № 11991. С. 70.

⁶⁸⁴ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1823 г. Д. 108. Л. 32–34, 46, 51.

⁶⁸⁵ Штаты: 22, 23 // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1763. 31 декабря. Т. 16, ч. 2, № 11991. С. 71.

Значимые изменения в организации уездного управления произошли с введением губернской реформы 1775 г. С момента внедрения ее положений в 1782–1783-х гг. система уездных органов власти представляла собой комплекс учреждений отраслевого назначения, т. е. вместо воевод и их канцелярий, а в Якутской области – комиссаров и их канцелярий, были учреждены специализированные судебные, финансовые, административно-полицейские органы власти, подчиненные отраслевым сначала губернским и затем областным ведомствам.

Так, во главе уезда встал капитан-исправник, назначаемый председателем губернского правления; финансовые функции исполняло уездное казначейство (во главе с уездным казначеем), судебные полномочия – нижний земский суд и сословные суды первой инстанции – нижний надворный суд (для пришлого населения), нижняя расправа (для государственных крестьян), городской магистрат (для горожан). Кроме того, штатным расписанием были предусмотрены «общие чины»: уездный землемер, подчинявшийся губернскому землемеру, стряпчий, доктор, лекарь, два подлекаря, два лекарских ученика (рис. 6).

Анализ архивных материалов показал, что сиротский и торговый словесный суды тяготели более к системе городского управления, поскольку являлись выборными учреждениями⁶⁸⁶.

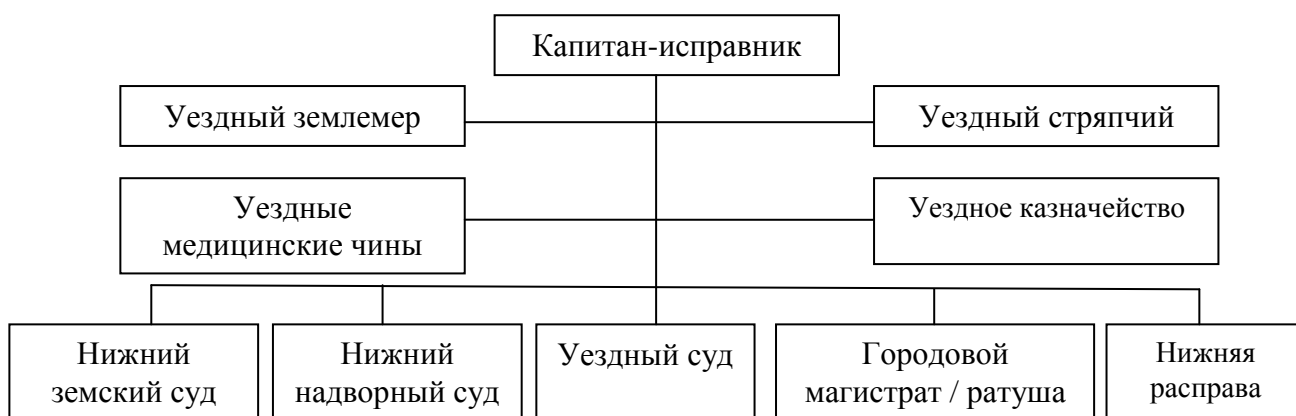

Рис. 6. Система уездных органов власти в Тобольском, Иркутском, Колыванском наместничествах (1782/83–1796)⁶⁸⁷

⁶⁸⁶ ГАКК. Ф. 46. Оп. 1. Д. Л. 13; Ф. 619. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–4; Д. 3. Л. 2–5; Д. 6. Л. 2–14.

Состав уездных учреждений и чиновничьих должностей на территории Сибири имел ряд особенностей. По сравнению с уездами губерний Центральной России за Уралом не было сословного уездного суда, ориентированного на дворянское население, а вместо него был введен нижний надворный суд, который, как было уже выше сказано, вводился только в столичных городах – Москве и Санкт-Петербурге, поскольку предназначался для пришлого населения. В его состав входили два надворных судьи, четыре заседателя и два секретаря⁶⁸⁸.

Анализ архивного материала показал, что, например, на территории Енисейского и Туруханского уездов Томской провинции, Кузнецкого уезда Колыванского наместничества уездные суды были созданы и функционировали до их отмены по всей России⁶⁸⁹. Однако если Кузнецкий суд, подчинявшийся судному департаменту Колыванского губернского (наместнического) правления, соответствовал по функциям общероссийскому, т. е. занимался рассмотрением судебных дел между представителями дворянского сословия, то Енисейский и Туруханский уездные суды в связи с территориальной отдаленностью уездов были разноплановыми учреждениями, осуществлявшими широкий спектр административно-судебных действий, требовавших государственного контроля или оформления. Примером будет «Дело о принуждении жителей г. Енисейска, совершающих акты купли-продажи недвижимости в городе, к заключению купчих крепостей через енисейскую нижнюю расправу и уплате пошлин» или составление рапортов о происшествиях на территории уезда, ведение реестровых книг записей гражданско-правовых актов и др.⁶⁹⁰

Нижние земские суды, подчинявшиеся губернскому правлению, были фактически административно-политическими органами в уезде. В Сибири они состояли из земского капитан-исправника, назначаемого властями, и

---

⁶⁸⁷ РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 332. Л. 1–2.

⁶⁸⁸ Быконя Г. Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVII – начале XIX в.... С. 42.

⁶⁸⁹ ГАКК. Ф. 909. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–47; Ф. 910. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–22.

⁶⁹⁰ ГАКК. Ф. 909. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–4; Д. 13. Л. 1–3.

двух-трех заседателей, а также внушительного штата канцелярских служащих, размер которого долгое время был тем больше, чем дальше территория, что объяснялось более широким спектром функций в связи с отсутствием других органов местной власти⁶⁹¹. Земские суды вели предварительные следствия по уголовным делам, побуждали население к уплате податей и сборов, к выполнению натуральных повинностей, осуществляли надзор за торговлей и продовольственным снабжением, контролировали состояние дорог и т. п.⁶⁹²

В нижней расправе – уездном сословном судебном учреждении для крестьян – наравне с судебными и следственными делами велся учет бракосочетаний, родившихся и умерших, составлялись ревизские сказки, купчие крепости и другие гражданско-правовые акты, требовавшие официального оформления⁶⁹³.

Интересной представляется роль уездного стряпчего в системе управления Сибири. Анализ архивных материалов показал, что уездный стряпчий в 1783 г. наравне с его прямыми функциями «прокурорского надзора в уезде»⁶⁹⁴ например, в г. Енисейске, еще временно исполнял обязанности главы города, а в 1792 г. осуществлял контроль и помощь в деятельности бургомистру и ратману енисейского городского магистрата, не справлявшихся с объемом служебных дел и «купеческих надобностей»⁶⁹⁵.

Заметим, что внедрение практики смешения полномочий в государственных учреждениях Сибири имело компенсаторную функцию, решавшую проблему «недоуправляемости» наиболее труднодоступных и отдаленных территорий. Выборные заседателями всех судебных уездных учреждений, как и на уровне области (провинции), имели различное сословно-социальное происхождение, включая крестьянское, поскольку представляли основные сословия населения.

---

⁶⁹¹ ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 249. Л. 3–23, 151–162, 451–512.

⁶⁹² ГАКК. Ф. 913. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–3.

⁶⁹³ ГАКК. Ф. 907. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–3; Д. 4. Л. 2–14.

⁶⁹⁴ ГАТО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 8. Л. 2–4.

⁶⁹⁵ ГАКК. Ф. 908. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–3.

В результате правления Екатерины II административно-территориальные преобразования в Сибири представляли собой затянувшиеся на десятилетия систематизацию и унификацию отдельных частей управления с внесением в него многого нового с ориентацией на региональные особенности в организации власти: беспрекословное подчинение нижестоящего вышестоящему, отсутствие излишней коллегиальности, наличие понимания у народа ближнего присутствия государственной власти, судебного контроля и надзора.

Управление по «павловским принципам» губерниями и уездами Сибири в 1797–1821 гг. Государственная система, созданная при Екатерине II, была необычайно разветвленной и требовала большого количества служащих. Содержание обширного административного аппарата ложилось тяжелым бременем на плечи простого народа, и особенно тяжелым это бремя было для малонаселенной Сибири. С приходом Павла I в организации местного управления произошли глубокие перемены соразмерно с изменениями в территориальном устройстве страны.

Линией реформирования местной администрации было стремление укрепить централизацию и бюрократизацию аппарата. Этого предполагалось достичь путем восстановления работы центральных учреждений, отменой института наместничества, сокращения ряда учреждений власти на местах, уменьшения административно-территориальных единиц, уменьшения выборного элемента в местном управлении, увеличения роли центрального правительства на местах.

При Павле I, как и при Екатерине II, губернии Российской империи делились на два разряда. Всего было 42 губернии. К первому разряду относились 35 губерний, управляемых по общему учреждению, и 7 губерний – с исключениями, содержащимися в наличии иного состава и количества должностных лиц и более высокого жалованья: Санкт-

Петербургская, Литовская, Выборгская, Курляндская, Эстляндская, Лифляндская и Иркутская⁶⁹⁶.

Тобольская губерния вошла в состав губерний по первому разряду под последним номером (№ 35), Иркутская губерния – в состав губерний второго разряда также под последним номером (№ 7), притом что столичные губернии, например Московская и Санкт-Петербургская, числилась в перечне губерний под первым номером (по первому и второму разряду соответственно).

Возможность подробного анализа структуры местных учреждений на губернском и уездном уровнях дает «Штат Городского Правления или Ратгауза в Губернском Городе с присовокуплением к оному всех предыдущих штатов с 1796 по 1801 гг. по управлению Губерниями», в котором прописаны наличие и состав присутственных мест и классные должности (табл. 14).

Таблица 14. Губернские и уездные учреждения в Сибири (1796–1801)⁶⁹⁷

Губерния / губернские учреждения, в ед.	Тобольская (по 1-му разряду)	Иркутская (по 2-му разряду)	Для сравнения: Курская (по 1-му разряду)	Для сравнения: Лифляндская (по 2-му разряду)
Правление губернское / ратгауз	1	1	1	1
Палата суда и расправы, разделенная на два департамента	1	1	1	–
Казенная палата	1	1	1	1
Приказ общественного призрения	1	1	1	1
По губернии вообще	1, по штату	1, по штату	1, по штату	1, по штату
Губернский надворный суд	–	–	–	1, «Гофгерихт»
Ландратские коллегии	–	–	–	3
Городничие со штатом	12	14	9	–
Уголовный суд	16	17	10	5, «Ландгерихт»

⁶⁹⁶ Штат Городского Правления или Ратгауза в Губернском Городе; с присовокуплением к оному всех предыдущих штатов с 1796 по 1801 г. по управлению Губерниями // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1800. 25 февраля. Т. 44, ч. 2, № 19763. С. 392.

⁶⁹⁷ Штат Городского Правления или Ратгауза в Губернском Городе; с присовокуплением к оному всех предыдущих штатов с 1796 по 1801 г. по управлению Губерниями // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1800. 25 февраля. Т. 44, ч. 2, № 19763. С. 397–398; ГАИО. Ф. 75. Оп. 2. Д. 1126. Л. 2–10.

Уездное казначейство	16	17	10	5
Дворянская опека	–	–	10	5
Штат земских судов	16	17	10	–
Штат чинов вообще по уезду	16	17	10	5
Экономическое правление	–	–	–	3
Число уездов	16	17	10	5
Общая сумма на содержание всех Присутственных мест и команд (на губернском и уездном уровнях), руб.	100 484	151 800	71 990	18 005

Анализ штатов показал, что структура местных учреждений упростилась при сохранении их специализации. Так, к 1800 г. в каждой губернии действовало только три губернских учреждения вместо ранее работавших девяти: губернское правление (при нем – медицинская управа и приказ общественного призрения); казенная палата; палата суда и расправы. Кроме того, на уровне губернии присутствовали и другие должностные лица: прокурор, архитектор, землемер, механик, мельничный мастер и др.

В отличие от других губерний, в которых, по общепринятому мнению, расходы сократились⁶⁹⁸, общая сумма на управление Сибирью (содержание всех присутственных мест и команд на губернском и уездном уровнях) была все так же огромна. Согласно расписанию штатных мест и должностей на Тобольскую губернию с 1797 г. выделялось 100 484 руб., на Иркутскую – 151 800 руб.⁶⁹⁹ Кроме того, на затраты по выплатам за службу канцелярским служащим, писцам и прочие расходы выделялось еще по 11 200 руб. на каждую (Тобольскую и Иркутскую) губернию⁷⁰⁰. Таким образом, капиталовложения в Сибирь со стороны государства были значительны.

Для сравнения – на содержание системы управления в Курской губернии (по первому разряду) государство выделяло 71 990 руб. (на 1/3 меньше), а на Лифляндскую губернию (из пяти уездов), относившуюся, как и

⁶⁹⁸ Быконя Г. Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVII – начале XIX в.... С. 48.

⁶⁹⁹ Прим.: Территория Азиатской России в начале XIX в. составляла около 13 млн кв. км, при этом на долю всей Европейской России ко времени отмены крепостного права приходилось 5,5 млн кв. км.

⁷⁰⁰ Штат Городского Правления или Ратгауза в Губернском Городе; с присовокуплением к оному всех предыдущих штатов с 1796 по 1801 г. по управлению Губерниями // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1800. 25 февраля. Т. 44, ч. 2, № 19763. С. 398.

Иркутская, ко второму разряду – всего 18 005 руб. (в 8,4 раза меньше)⁷⁰¹. При этом Тобольская и Иркутская губернии по площади превосходили сравнимые в десятки раз. Важно отметить, что территория Азиатской России в начале XIX в. составляла около 13 млн. кв. км, при этом на долю всей Европейской России ко времени отмены крепостного права приходилось 5,5 млн. кв. км.

В Сибири власть губернаторов, заменивших наместников, не была ограничена. Так, тобольский и иркутский губернаторы, т. е. два чиновника на территории огромной Сибири, играли ключевую роль в системе губернского управления. При Павле I губернатор сохранил роль представителя верховной власти на подвластной ему территории, сконцентрировав в руках все нити местного управления. Как итог – был ликвидирован институт наместничества, что в целом соответствовало правительственному курсу на дальнейшую централизацию власти.

В «павловское время» структура и содержание учреждения губернского правления в Сибири было таким же, что и по штатам Екатерины II. В Тобольской губернии (по первому разряду) – 4200 руб. в год, из которых 3000 руб. – губернатору (1800 руб. – жалованья, 1200 руб. столовых), по 600 руб. – на двух советников с чином VI класса. Расходы на содержание Губернского правления Иркутской губернии было на 600 руб. больше, чем других нестоличных четырех губерний по второму разряду, – 6150 руб., вместо 5550 в год, из которых 4650 руб. – губернатору (2250 руб. – жалованья, 2400 руб. – столовых) и по 750 руб. – на двух советников)⁷⁰². На «столовые» губернатору выделялась сумма, равная столичной, т. е. Санкт-Петербургской, а в других губерниях по второму разряду размер суммы на столовые деньги был равен 1800 руб., т. е. на 600 руб. меньше (табл. 15)⁷⁰³.

---

⁷⁰¹ Там же. С. 396–397.

⁷⁰² Штат Городского Правления или Ратгауза в Губернском Городе; с присовокуплением к оному всех предыдущих штатов с 1796 по 1801 г. по управлению Губерниями // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1800. 25 февраля. Т. 44, ч. 2, № 19763. С. 396.

⁷⁰³ Там же. С. 398.

Таблица 15. Штат губернского правления в Сибири 1796–1801 гг.⁷⁰⁴

Губернское правление			
Должность, чин	Чел.	Жалованье, на 1 чел. в год	
		I разряд	II разряд
Губернатор, V класс	1	1800, 1200 – столовых	2250, 2400
Советник, VI класса	2	600	750
Итого по I разряду	3	4200	6150

Согласно «особым узаконениям по части Губернских штатов» в губернских городах – Тобольске и Иркутске, с 1804 г. – и в Томске – были созданы медицинские управы (врачебные управы) в составе имевших звание доктора или штаб-лекаря врачебного инспектора / штаб-физика, оператора и акушера. В губерниях по первому разряду годовое жалованье врачебного инспектора / штаб-физика было установлено в размере 700 руб., оператора и акушера – по 500 руб. в год, на канцелярские расходы предусматривалась сумма в 80 руб. (на бумагу, сургуч, свечи, писцов), на ежегодные разъезды – 200 руб.⁷⁰⁵ При этом для Тобольской и Иркутской губерний на содержание докторов, лекарей и учеников по губернии и всем уездам устанавливалась конкретная сумма – 9920 руб.⁷⁰⁶

Приказ общественного призрения в Тобольской и Иркутской губерниях, не поменявший штат на общей основе, уже не имел своего председателя, а управлялся губернатором, который заимствовал канцелярских служителей из прочих губернских мест⁷⁰⁷.

В целях удешевления аппарата местной власти в 1799 г. Павел I разработал реформу введения учреждения «двухуровневого порядка» – «нового» губернского правления, или ратгауза. Так, с одной стороны, ратгауз должен был являться органом исполнительной власти на уровне губернии, а с другой – в связи с тем, что располагался в губернском городе, представлял

⁷⁰⁴ Там же. С. 394

⁷⁰⁵ Штат Городского Правления или Ратгауза в Губернском Городе; с присовокуплением к оному всех предыдущих штатов с 1796 по 1801 г. по управлению Губерниями // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1800. 25 февраля. Т. 44, ч. 2, № 19763. С. 403.

⁷⁰⁶ Там же. С. 398.

⁷⁰⁷ Там же. С. 398–399.

собой высшее учреждение городской власти, которому были подконтрольны городская ратуша и городской магистрат (городские управы и думы ликвидировались). При этом денежные средства на содержание ратгаузов взимались из городской казны губернского центра, не представляя расходов для государства (табл. 16).

Однако в отличие от городов Центральной России, в которых ратгаузы функционировали в течение года или нескольких лет (до 1801, в столицах – до 1802 г.), в Сибири они почти не работали: в г. Тобольске ратгауз функционировал несколько месяцев в течение 1801 г., в г. Иркутске – не был создан вообще.

Таблица 16. Штатное расписание ратгауза 1799–1801 гг.⁷⁰⁸

Звание чинов	Департамент юстицкий (первый), чел.	Департамент Камеральный (второй), чел.	Жалованье на 1 чел. (из доходов губернского города), в руб.
Президент VI класса	1	1	600
Директор экономии VII класса	–	1	500 (из сумм, выделенных на Приказ общественного призрения)
Бургермейстер VIII класса	1	1	400
Ратсгеры IX класса	2	2	250
Секретари X класса	1	1	300
Бухгалтер	1	1	По трудам
Кассир	–	1	По трудам

Штат служащих по губернии («вообще») для Тобольской и Иркутской губерний соответствовал общероссийскому и детализировался подробно, так как в нем впервые (по сравнению с екатерининским штатом 1796 г.) указывались суммы, выделяемые на канцелярские расходы губернаторам (табл. 17).

⁷⁰⁸ Штат Городского Правления или Ратгауза в Губернском Городе; с присовокуплением к оному всех предыдущих штатов с 1796 по 1801 г. по управлению Губерниями // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 44. Ч. 2: Штаты по гражданской части. 1800. 25 февраля. № 19763. С. 406.

По штатам «павловского времени» во главе главного губернского органа по финансовой части – казенной палате – стояли чиновники высшего V ранга (статский советник) – вице-губернаторы (табл. 18). До этого в наместничествах казенные палаты возглавляли поручики правителя наместничества.

Таблица 17. Штат служащих по губернии в Сибири (1796–1801)⁷⁰⁹

По губернии вообще			
Должность, чин	Кол-во чел.	Жалованье, руб. на 1 чел. в год	
		Тобольская, 1-го разряда	Иркутская, 2-го разряда
Губернский прокурор VI класса	1	600	750
Секретари:			
в губернском правлении	1		
в палате суда	1	250	450
в расправе	1	250	450
в казенной палате	3	250	450
На канцелярских чинов и служителей, канцелярский расход (всего)	по надобности	6980 (каждому – по трудам и заслугам)	10 000 (каждому – по трудам и заслугам)
Губернский землемер	1	400	500
Губернский архитектор	1	300	400
Механик или машинный и мельничный мастер	1	200	300
Итого по I разряду	10	9980	–
Итого по II разряду	10	–	14 650

Таблица 18. Штат казенной палаты в Сибири (1797–1800)⁷¹⁰

Казенная палата / Экспедиция экономии			
Должность, чин	Кол-во	Жалованье, руб. на 1 чел. в год	
		I разряд	II разряд
Вице-губернатор, V класс	1	1200	1350
Советник, VI класс	3	600	750
Губернский казначей, VIII класс	1	300	450
Ассессоры, VIII класс	3	300	450
Присяжные при Казне	4	80	100
Итого по I разряду	12	4520	–
Итого по II разряду	12	–	5800

⁷⁰⁹ Штат Городского Правления или Ратгауза в Губернском Городе; с присовокуплением к оному всех предыдущих штатов с 1796 по 1801 г. по управлению Губерниями... С. 398.

⁷¹⁰ Штат Городского Правления или Ратгауза в Губернском Городе; с присовокуплением к оному всех предыдущих штатов с 1796 по 1801 г. по управлению Губерниями... С. 394

В штат казенной палаты в 1896–1801 гг. вошли три советника VI класса, губернский казначей и три ассессора VIII класса, четыре присяжных при казне (без указания их отношения к Гвардии). Всего на содержание казенной палаты, а именно на 12 указанных штатных чиновников, выделялось для Тобольской губернии 4520 руб. в год, для Иркутской – 5800 руб. Так, по сравнению со штатами Екатерины II на 1796 г. государственные расходы на содержание казенной палаты Тобольской губернии (по первому разряду) увеличились на 500 руб., по второму разряду – стали дешевле на 1275 руб. в год, так как жалованье вице-губернатора иркутской казенной палаты вместо 1875 руб. (как в других губерниях по второму разряду) составляло всего 1300 руб.⁷¹¹

Новым для «павловской» казенной палаты стала ликвидация должностей «экономии директора», планируемого иметь в штате ратгауза, и «советника для таможенных дел и надзора». За счет убранных было увеличено число штатных мест советников и ассессоров – с двух до трех единиц каждого. Заметим, что общее количество штатных мест в сибирских казенных палатах оставалось тем же – 12 единиц.

Удешевление содержания штата иркутской казенной палаты можно объяснить тем, что из перечня ее полномочий были убраны функции по управлению заводами, т. е. ранее входившая в палату Горная экспедиция, возглавляемая «Советником Горных дел» была вынесена в город Нерчинск⁷¹².

Названное преобразование стало следствием изменений в Центральной власти, так как именным указом Павла I от 19 ноября 1796 г. (через два дня после смерти Екатерины II) «О восстановлении Берг, Мануфактур и Коммерц-Коллегии на таком основании, как оные находились до 1775 г.; о

---

⁷¹¹ Штат Городского Правления или Ратгауза в Губернском Городе; с присовокуплением к оному всех предыдущих штатов с 1796 по 1801 г. по управлению Губерниями... С. 402.

⁷¹² О восстановлении Берг, Мануфактур и Коммерц-Коллегии на таком основании, как оные находились до 1775 г.; о бытии по прежнему Нерчинским заводам в ведомстве в ведомстве Главного Директора оной; о государственных доходах Экспедиции горных дел, и существующих при Казенных Палатах Экспедиций для Горных и Таможенных дел, и о присоединении Экспедиции для хранения гербовой бумаги к Мануфактур-Коллегии // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1796. 19 ноября. Т. 24, № 17567. С. 9–11.

бытии по прежнему Нерчинским заводам в ведомстве берг-коллегии, а горному училищу – в ведомстве главного директора оной; об упразднении учрежденной при экспедиции о государственных доходах экспедиции горных дел, и существующих при казенных палатах экспедиций для горных и таможенных дел, и о присоединении экспедиции для хранения гербовой бумаги к мануфактур-коллегии» были установлены порядки, существовавшие до екатерининской губернской реформы⁷¹³.

Реформы Павла I коснулись в значительной степени органов судебной власти. Так, с 1797 г. в Тобольской и Иркутской губерниях, как и в большинстве губерний России, были закрыты прежние учреждения по ведомству юстиции: верхняя расправа (областной апелляционный суд для крестьян), областной магистрат (апелляционный суд для горожан), верхний надворный суд (для временных жителей губернии), совестный суд (межсословный судебный орган). В столичных губерниях магистраты сохранили свое положение, в западной части России действовали особые структуры, близкие к национальным особенностям прибалтийских народов и пр. Однако в Сибири, выведенной в этом направлении на общероссийский уровень, оставшиеся палата уголовных дел и палата гражданских дел были объединены в одно учреждение – «Палату Суда и Расправы», представлявшую собой на уровне губернии присутственное судебное место с апелляционными правами по отношению к нижестоящим судам. Она состояла из двух частей – гражданской и уголовной, которые носили названия «Гражданский Департамент» и «Уголовный Департамент». При этом расходы на содержание судебных мест на высшем звене местного управления были значительно сокращены, так как вместо шести учреждений (на уровне екатерининского наместничества) функционировало лишь одно,

---

⁷¹³ О восстановлении Берг, Мануфактур и Коммерц-Коллегии на таком основании, как оные находились до 1775 г.; о бытии по прежнему Нерчинским заводам в ведомстве в ведомстве Главного Директора оной; о государственных доходах Экспедиции горных дел, и существующих при Казенных Палатах Экспедиций для Горных и Таможенных дел, и о присоединении Экспедиции для хранения гербовой бумаги к Мануфактур-Коллегии» // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1796. 19 ноября. Т. 24, № 17567. С. 9–11.

траты на которое были соразмерны казенной палате или «Правлению Губернскому» (табл. 19).

Таблица 19. Штат палаты суда и расправы (1797–1801)⁷¹⁴

Палата суда и расправы			
Должность, чин	Кол-во	Жалованье, руб. на 1 чел. в год	
		I разряд	II разряд
Председатель, V класс	2	840	1350
Советник, VI класс	2	600	750
Ассесоры, VIII класс	3	300	450
Итого по I разряду	8	4080	–
Итого по II разряду	8	–	6000

Анализ законодательства показал, что сокращения коснулись отдельных должностей в 35 губерниях Центральной России. Так, были сокращены должности экономии директора, его советника и ассессора в казенных палатах.

В приказе общественного призрения были упразднены должности губернского стряпчего, секретаря. Исчезли такие должности, как губернский и уездный землемер (в связи с созданием специального для этого органа – губернской чертежной), а число прокуроров как блюстителей законности при всех учреждениях было сокращено до одного. Губернский прокурор стал единственным на всю губернию⁷¹⁵.

Однако усложнение социально-экономической жизни населения в Сибири требовало пересмотра установленных административных штатов, действовавших с 1797 г. Так, в 1800 г. именным указом в казенные палаты Тобольской и Иркутской губерний были добавлены по одному ассессору, потому что «в оных вино и соль – в казенной продаже... и в Иркутской губернии – для вымена ревеня». При Приказе общественного призрения (в Тобольской и Иркутской губерниях) среди должностных лиц добавлено место секретаря, так как «по удаленности расстояний губернатор отлучался в

⁷¹⁴ Штат Городского Правления или Ратгауза в Губернском Городе; с присовокуплением к оному всех предыдущих штатов с 1796 по 1801 г. по управлению Губерниями... С. 394; ГАИО. Ф 75. Оп. 2. Д. 1126. Л. 1.

⁷¹⁵ Штаты Губерний Российской империи // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1796. 31 декабря. Т. 44, ч. 2, № 17702. С. 362.

поездки на слишком длительный срок, а секретарь губернского правления в связи с этим не справлялся»⁷¹⁶.

С приходом к власти императора Александра I отказ от прежней политики на высшем уровне местного управления носил во многом формально-демократический характер.

13 июня 1801 г. на заседании Непременного совета было принято решение о необходимости введения должности генерал-губернатора повсеместно. После ревизии И. О. Селифонтова в 1803 г. должность генерал-губернатора была восстановлена. Тобольским и иркутским генерал-губернатором был назначен И. О. Селифонтов. С этого времени генерал-губернатор стал ключевой фигурой в управлении Сибирью, лично ответственной перед Императором и Сенатом. Ставка генерал-губернатора была расположена уже не в городе Тобольске, а в городе Иркутске, что ориентировало на смещение центра Сибири далее на Восток.

Генерал-губернатор Сибири получил огромные полномочия: перемещения, назначения и увольнения местных чиновников (за исключением губернатора, вице-губернатора (председателя казенной палаты), начальников департаментов палаты суда и расправы). Смещать чиновников отраслевого подчинения генерал-губернатор мог с согласия соответствующего министерства. Также генерал-губернатор имел право вмешиваться в дела горного управления⁷¹⁷.

Генерал-губернатор формировал должностные инструкции в форме предписаний нижестоящим местным чиновникам⁷¹⁸. Генерал-губернатор был обязан оберегать традиции коренных народов Сибири: «многими указами и другими актами повелено было оставить ясачных при их собственных правах и обычаях, по которым сами бы они разобрались во всех маловажных своих

---

⁷¹⁶ Об оставлении при Казенных палатах по одному Ассессору; об уничтожении Уездных землемеров; об обращении штатных Губернских и Уездных конных драгун в пехотную; о распределении остающейся от того суммы на прибавку окладов Ассессорам и прочим чинам, и о бытии особому Секретарю при Гражданских губернаторах // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1800. 18 февраля. Т. 44, ч. 2, № 19281. С. 38.

⁷¹⁷ Тобольскому и Иркутскому Генерал-губернатору Селифонтову // ПСЗРИ РИ. Собр. 1. 1803. 23 мая. Т. 27, № 20771. С. 627–628.

⁷¹⁸ Матханова Н. П. От Трескина до Муравьева-Амурского (биография сибирского чиновника) // Гуманитарные науки в Сибири. 1994. № 2. С. 74.

делах, не привлекая их к тяжбе и волоките по судному обряду... вы должны подтвердить, чтоб отнюдь никто не вмешивался в таковые дела ясачных, исключая уголовных или подлежащих особой важности, в таковых случаях должны они судимы быть по общим государственным узаконениям»⁷¹⁹.

Верховная власть поручила генерал-губернатору, разобравшись на месте, провести преобразования, нацеленные на ликвидацию беспорядков, выявленных им же в ходе ревизии. В ответ И. О. Селифонтов объединил отраслевые управления на уровне губерний и усилил в них роль губернатора. Первой губернией, принявшей преобразования, стала Томская⁷²⁰, созданная в рамках разукрупнения административных единиц после решения Павла I об их объединении в декабре 1896 г.⁷²¹

По новым штатам, разработанным «Генерал-губернатором Тобольским, Томским и Иркутским» И. О. Селифонтовым, высшим органом государственной власти на уровне губернии стало губернское правительство – учреждение, разделенное на две части – две экспедиции (рис. 7).

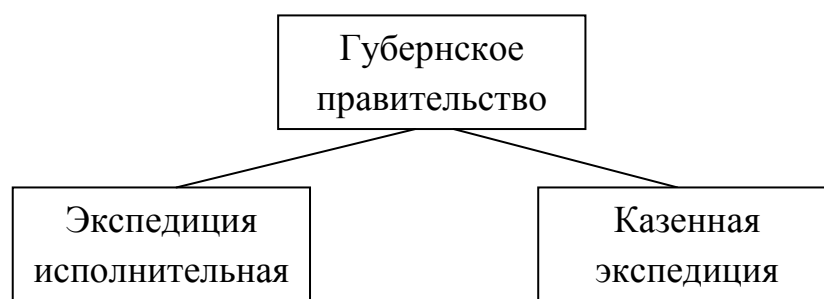

Рис. 7. Губернское правительство (1805–1822)⁷²²

Реорганизованное губернское правление было преобразовано в «первую экспедицию», или «экспедицию исполнительную», возглавляемую

⁷¹⁹ Тобольскому и Иркутскому Генерал-губернатору Селифонтову // ПСЗРИ РИ. Собр. 1. 1803. 23 мая. Т. 27, № 20771. С. 627–628.

⁷²⁰ О разделении Тобольской Губернии на две части и об учреждении Томской Губернии // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1804. 26 февраля. Т. 28, № 21183. С. 156.

⁷²¹ О новом разделении Государства на Губернии // ПСЗРИ. Собр. 1. 1796. 12 декабря. Т. 24, № 17634. С. 229–230.

⁷²² О разделении Иркутской Губернии на семь уездов, с присоединением города Охотска, а остающиеся уезды на Комиссарства; о соединении Губернского Правления с Казенной Палатой; об учреждении в городе Якутске Гражданского Правления, под именем Якутского Областного Правления и об упразднении в Нерчинске такового Правления // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1805. 22 апреля. Т. 28, № 21726. С. 1002.

губернатором. В ее штатный состав служащих вошли два советника, секретарь, а также губернский землемер и архитектор. Казенная палата, уже под названием «казенной экспедиции», или «второй экспедиции», составила вторую часть губернского правительства. Во главе Казенной экспедиции был поставлен вице-губернатор как второе лицо в губернии. К обеим экспедициям – исполнительной и казенной – относились губернский прокурор вместе со стряпчими (помощниками). С апреля 1805 г. программа преобразования местного управления была распространена и на Иркутскую губернию⁷²³.

В 1805 г. в губерниях были восстановлены межсословные суды. Их роль стали играть апелляционные учреждения – палаты уголовных дел и палаты гражданских дел. В этих палатах присутствовали заседатели от поселян, совестного суда и купечества.

Важно, что И. О. Селифонтов, являвшийся уже сибирским генерал-губернатором, обратил внимание на улучшение управленческой инфраструктуры, что создавало дополнительную привлекательность для поступающих на службу в Сибирь достойных чиновников. Так, при организации Томской губернии генерал-губернатор ходатайствовал о выделении 6000 руб., которые были нужны для строительства здания для присутственных мест⁷²⁴. Деньги были получены, и это позволило начать строительство⁷²⁵.

В ряде указов Александра I проводилась идея о том, что служба в Сибири должна была стать выгодным «проектом» для чиновников, желавших поднять свой служебный статус и материальное благосостояние.

Указ «О чиновниках, назначаемых к замещению вакансий в новооткрываемой Томской Губернии» позволил при заполнении вакансий

---

⁷²³ О разделении Иркутской Губернии на семь уездов, с присоединением города Охотска, а остающиеся уезды на Комиссарства; о соединении Губернского Правления с Казенной Палатой; об учреждении в городе Якутске Гражданского Правления, под именем Якутского Областного Правления и об упразднении в Нерчинске такового Правления // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1805. 22 апреля. Т. 28, № 21726. С. 1003.

⁷²⁴ ГИАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14. Л. 69.

⁷²⁵ Там же. Л. 74.

назначать на должность «желающих и честных людей» с чином на один ранг ниже установленного штатами 1801 г. правила (на один ранг выше или ниже), а если служба переводившегося чиновника была «отличной», то еще – с награждением следующим по рангу классным чином⁷²⁶. Однако вопрос пополнения мест государственной службы в Сибири достойными кадрами стоял остро. С 1804 г. вступили в силу указы об определении к штатным должностям в Сибирь, как и в Грузию, Новороссийскую, Астраханскую, Кавказскую губернии, не по чину, а по способностям и рекомендациям прежнего начальства⁷²⁷. Кроме этого, устанавливалось уголовное наказание за неявку чиновников на службу при определении их в Сибирь⁷²⁸. Архивные материалы свидетельствуют, что в качестве одной из привилегий службы в Восточной Сибири разрабатывался проект о возможном распределении государственных земель между чиновниками⁷²⁹, что затем применялось в Тобольской губернии, наиболее близкой по условиям к внутренним губерниям России⁷³⁰.

Новым сибирским генерал-губернатором Указом от 3 марта 1806 г. был назначен тайный советник, сенатор Иван Борисович Пестель⁷³¹. Он пытался наладить взаимодействие отраслевых министерств в столице и местных органов власти. В 1813–1819 гг. действовал комитет по сибирским делам, членами которого были министры юстиции, полиции, государственный контролер и сибирский генерал-губернатор. Архивные материалы свидетельствуют об организации некоего механизма межличностных взаимодействий в процедуре принятия управленческих решений, образцами которого были, например, указ губернского правительства о запрете

---

⁷²⁶ О чиновниках, назначаемых к замещению вакансий в новооткрываемой Томской Губернии // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1803. 17 ноября. Т. 27, № 21042. С. 1002.

⁷²⁷ Об определении, впредь до указа, к Статским должностям в Сибирских, Новороссийских, Астраханской и Кавказской Губерниях и в Грузии по усмотрению способностей и представлений Начальства // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1804. 22 апреля. Т. 28, № 21273. С. 287.

⁷²⁸ О предании Уголовному Суду чиновников, определенных на места, но не являющихся на службу // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1805. 17 января. Т. 28, № 21595. С. 789.

⁷²⁹ ГИАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 65А. Л. 228–229.

⁷³⁰ ГА г. Тобольска. Ф. И 329. Оп. 1. Д. 47. Л. 1–19.

⁷³¹ Ремнев А. В. Проконсул Сибири Иван Борисович Пестель // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 141–149.

иностранцам свободного переезда из одной губернии в другую, разработанный по предписанию управляющего министерством полиции⁷³², или практика скрывания доносов из Сибири на генерал-губернатора И. Б. Пестеля и иркутского губернатора Н. И. Трескина⁷³³. Подобная ситуация была результатом предшествовавшей эпохи и отражала давно сложившиеся особенности управления.

В 1818 г. была предпринята попытка со стороны министра внутренних дел О. П. Козодавлева санкционировать начало дальнейших преобразований в системе государственной власти в Сибири⁷³⁴. В его записке, адресованной Комитету министров, говорилось о назначении нового генерал-губернатора и особой инструкции о должностных его обязанностях. Так власть пришла к осознанию того, что недостатки в управлении Сибирью кроются не в отдельных личностях, а в самой системе государственных учреждений⁷³⁵.

Проведение очередной ревизии государственного управления в Сибири было поручено М. М. Сперанскому. В 1819 г. он был назначен генерал-губернатором. В план его преобразований входили реформы губернских учреждений и системы власти на всех уровнях⁷³⁶.

Разрабатывая проект реформ, М. М. Сперанский стремился учесть особенности исторического развития Сибири. Он считал, что одной из основных причин сложности в управлении Сибирью было отсутствие четкого определения полномочий местных органов власти.

Кроме того, громоздкий аппарат сибирского местного управления в 1800–1810-е гг. оставался весьма дорогостоящим, особенно для Восточной Сибири, где население все еще оставалось малочисленным. А. П. Величко и К. Г. Репнинский, работавшие под руководством М. М. Сперанского, считали, что административная реформа в Сибири необходима еще и потому, что ранее предпринятые преобразования не смогли убрать, а усугубили

---

⁷³² ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 158. Л. 1–3.

⁷³³ Середонин С. М. Исторический обзор деятельности Комитета министров. Спб., 1902. Т. 1. С. 15–17.

⁷³⁴ Гудошников М. Сибирь. Историческая хрестоматия. М.; Иркутск, 1932. С. 143.

⁷³⁵ Чтения общества истории и древностей российских. Спб., 1859. Кн. 3. С. 59–64.

⁷³⁶ Середонин С. М. М. М. Сперанский. Очерк государственной деятельности. Спб., 1909. С. 136.

«неудобства» управления. Среди основных недочетов были несовершенства, сформированные еще «Учреждением о губерниях... 1775 г.», а именно:

– при распространении на Сибирь местной реформы должным образом не учитывались значительные расстояния между административными центрами;

– в Сибири не хватало дворян, которые могли бы нести государственную службу;

– в то время как в Европейской России отмечалось развитие штатов администраций в результате предшествовавших реформ (императора Павла I и сибирского генерал-губернатора И. О. Селифонтова), в Сибири это наблюдалось в недостаточной степени;

– выбор для пополнения служащих администраций профессиональными кадрами практически отсутствовал;

– в полной мере не учитывался «недостаток русского населения», следствием чего уездными центрами могли стать небольшие селения из нескольких юрт;

– в отношении инородцев при управлении зачастую использовались те же методы, что и при управлении русскими старожилами⁷³⁷.

Таким образом, можно сделать вывод, что система административной власти в Сибири за период чуть более 50 лет имела три разных формы.

Во-первых, управление по «малой областной реформе» 1764 г., выстроенное в русле преобразований Петра I и его преемников, оно функционировало до начала 1780-х гг. Губернатор приобрел властные полномочия ликвидированного Сибирского приказа, что было осуществлено в рамках дальнейшей унификации управления Сибирью соразмерно другим территориям Российского государства. Две сибирские губернии (Тобольская и Иркутская), возглавляемые одноименными губернаторами, управлялись немногочисленным штатом губернских служащих, имевших при себе канцелярии, состоявшие из писцов, копиистов и других вспомогательных

---

⁷³⁷ Быконя Г. Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII–XIX вв.... С. 47.

служащих. Наверху иерархии территориального деления «Сибирского царства» находилась губерния-разряд, в состав которой вошли уезды, выделенная Енисейская провинция, дистрикты и недавно освоенная огромная по площади территория Охотского Приморского управления.

Во-вторых, введение в действие губернской реформы 1775 г. Екатерины II привело к созданию в начале 1780-х гг. системы местной власти, более приближенной к населению и состоявшей из четырех звеньев государственного управления:

1) генерал-губернаторское звено – во главе с генерал-губернатором или государевым наместником, имевшим при себе уже не канцелярию, а правление с советниками;

2) наместническое звено – при правителе наместничества (губернаторе) и учреждениях по административно-полицейской, финансово-хозяйственной, судебной части и надзору;

3) областное или провинциальное правление, занимавшее промежуточное положение между наместническим и уездным уровнями;

4) уездное звено – самый нижний и наиболее приближенный к населению уровень государственного управления, непосредственно контактировавший с городским и сельским самоуправлением.

В-третьих, правление Павла I сломила выстроенную Екатериной II систему государственной власти в Сибири. Государственное управление в период 1797–1821 гг. было более простым. Однако неразветвленные административные структуры усугубили проблему «недоуправляемости» Сибирью. Дальнейшие преобразования стали необходимостью. Укрепление позиции российских властей на не так давно освоенных восточных территориях зависело от организации государственного управления. Вопросы: как и на каких условиях – общих или исключительных – Сибирь в составе Российской империи будет развиваться – были особенно актуальны.

3.3. Административное управление Восточной и Западной Сибирью в 1823–1890-х гг.

Основной целью государственной власти в области управления в Сибири было создание более эффективной модели управления регионом. Политика имперского регионализма в отношении азиатской части России в этот период выстраивалась с учетом стремления улучшить стандарты социально-экономического развития Сибири, инфраструктуру производства, этнические отношения, а также более полного раскрытия возможностей ресурсного потенциала региона.

Основным субъектом проектирования новой системы управления Сибирью по-прежнему оставалось государство в лице верховной власти, правительственные структуры, а также наиболее влиятельные представители политической элиты сибирского общества. Управленческим центром планирования изменений был альянс институтов государственной власти центрального, генерал-губернаторского и губернского (областного) звеньев управления. Заметим, что институты зарождавшегося гражданского общества, самыми ярким представителем которых было в конце XIX в. движение «областников», в этот период не сумели составить значимой оппозиции официальному мнению, что объяснялось отсутствием их поддержки со стороны финансово-экономической элиты сибирского общества, а также применявшимися на протяжении веков принципами самодержавия.

Однако направление преобразований в Сибири имело осознанный характер. Выстроенная система государственного управления эффективно сочетала системное регулирование и адаптированную к местным условиям модель функционирования учреждений, что доказывает их существование на протяжении 70 лет сибирской истории.

Центральное управление. После возвращения М. М. Сперанского в Петербург 21 июня 1821 г. был создан Первый Сибирский комитет, одной из

задач которого было рассмотрение плана преобразований⁷³⁸. Учреждение комитета означало стремление использовать опыт Сибирского приказа. Существовала и действительная необходимость в административном органе, который бы позволил еще сильнее централизовать управление и освободить министерства от загруженности конкретно «сибирскими вопросами». Однако этот Сибирский комитет имел отличия от Комитета по делам Сибирского края. Сибирский комитет имел более широкие полномочия, более устойчивый кадровый состав, более длительный период деятельности⁷³⁹.

Результатом работы Сибирского комитета был пакет законодательных актов, утвержденных 22 июля 1822 г. императором Александром I. Законы регламентировали управление инородцами, земские повинности, хлебные запасы и многое другое⁷⁴⁰. Эти законы ответили на вопрос о принципах и условиях управления Сибирью, закрепив за ней статус особой территории, в которой вопросы даже самого нижнего уровня важности решались при участии местных правительственных структур⁷⁴¹.

«Учреждение для управления Сибирских губерний» установило многоступенную систему государственного управления подобно введенному Екатериной II по губернской реформе 1775 г.: главное управление (генерал-губернаторское), губернское и областное, окружное. Схожим был и отраслевой принцип функционирования местных учреждений, центрированных в профильных министерствах. При этом четкого разделения административно-полицейской и судебной властей произведено также не было.

Второй Сибирский комитет, с 1852 по 1864 г. координировавший организацию и функционирование местных органов власти, должен был преобразовать систему управления в соответствии с требованием времени и

---

⁷³⁸ Сибирский комитет // Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. СПб.: Наука, 1998. Т. 1. С. 72–73; Сибирский комитет // Государственность России: словарь-справочник. М.: Наука, 2001. Кн. 4. С. 96–97.

⁷³⁹ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 2. Л. 3–4.

⁷⁴⁰ Главное управление Западной Сибири // Государственность России: словарь-справочник, М.: Наука, 2001. Кн. 1. С. 183–184; Главное управление Восточной Сибири // Государственность России: словарь-справочник, М. Наука, 2001. Кн. 1. С. 178.

⁷⁴¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 379. Л. 2–6.

ликвидировать выделенные по докладным запискам ревизовавшего Западную Сибирь генерал-адъютанта Н. Анненкова «причины нестройства управления: в недостатке благонамеренных и способных чиновников (...); в неустройстве ссыльных и неполноте относящихся до них постановлений (...); в негодном управлении инородцами (...)»⁷⁴².

В Сибирском комитете сосредоточивалась вся поступавшая информация о Сибири: с мест – копии всеподданнейших отчетов генерал-губернаторов, списки формуляров штатных чиновников, официальные письма правительству о действиях и предложениях сибирских властей; из отраслевых министерств – копии царских распоряжений по сибирским делам, включая сведения о политических ссыльных, старообрядцах и др.⁷⁴³ Кроме того, при усилении цензуры через Сибирский комитет проходили все издания, в тексте которых упоминалась Сибирь.

Архивные материалы свидетельствуют о всестороннем и комплексном рассмотрении комитетом любых стоявших на повестке дня вопросов.

Например, в 1853 г. Второй Сибирский комитет инициировал указ Его Императорского Величества из Правительствующего Сената (от 10 июня 1853 г.) о дозволении избирать на общественные должности в Сибири людей из купеческого сословия: «купеческих детей и братьев, состоящих в капиталах, но не имеющих отдельной собственности и занимающихся по доверенности главы семейства коммерческими делами, с ответственностью за них или начальников семейств, или самого общества»⁷⁴⁴. Причинами принятия отличавшихся от общероссийского образца законодательных мер Второй комитет называл: малочисленность населения городов, нехватку «подходивших из дворян и купцов» кадров. А поводом к этому были выборы в г. Красноярске, по которым красноярский городской голова, 2-й гильдии купец Николай Токарев, в донесении своем от 26.11.1849 г. отчитался комитету, что городским судьей назначили купеческого сына (без капитала)

⁷⁴² РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–4.

⁷⁴³ РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 18. Л. 2–6.

⁷⁴⁴ РГИА. Ф. 1265. Оп. 2. Д. 54. Л. 3 об., 23.

Александра Худоногова, заседателем городского суда – сына красноярского купца 2-й гильдии Николая Иноземцева⁷⁴⁵.

Также Второй Сибирский комитет внес ясность в вопрос, обсуждавшийся с 1848 г. в Совете Главного управления Восточной Сибирью, о министерствах юстиции и государственных имуществ, о возрастном цензе избрания родовых старост (шуленгов), возникший в результате прецедента по выбору инородцами Идинского ведомства Янгутского рода 13-летнего сына умершего шуленги. При этом «комитет положил: в должности, замещаемые по выборам сибирских инородцев Зап. и Вост. Сибири дозволить избирать инородцев не моложе 21 года, имеющих собственное хозяйство и не только не опороченных судом и не оглашенных в дурном поведении, но и не состоящих под судом и следствием»⁷⁴⁶, что советовало общим постановлением о дворянских выборах (ст. 38, тома 3-го, Устава о службе по выбору) без учета самобытной инородческой специфики.

Современники отмечали, что за период работы комитета управляемость регионом стала более эффективной. Важные управленческие решения были приняты по инициативе его членов или при их участии. С большим количеством рассматриваемых дел комитет справлялся с помощью временных переводов должностных лиц из других ведомств. Архивные материалы свидетельствуют, что формальным оформлением судебных перемещений нижних чинов были отношения, составленные между руководителями учреждений. В 1852–1853 гг. такими «переведенцами» были перемещенные по договоренности между начальником Сибирского комитета В. П. Бутковым и директором Комитета военных поселений Г. Ф. Пиллара способные к службе и работавшие в канцелярии четыре писаря.

Причинами ликвидации Сибирского комитета были: отсутствие гибкости и оперативности в принятии решений, наличие ограниченной возможности достижения обоюдных соглашений между заинтересованными

---

⁷⁴⁵ РГИА. Ф. 1265. Оп. 2. Д. 54. Л. 10–12.

⁷⁴⁶ РГИА. Ф. 1265. Оп. 2. Д. 63. Л. 2, 5–5 об., 10, 14–15, 40 об.

министерствами или должностными лицами, выведение генерал-губернаторов из-под непосредственной ответственности перед верховной властью, так как промежуточное звено между генерал-губернатором и министерством выступало помехой на пути централизации управления и, как считалось, способствовало искусственному «раздуванию» штатов и обслуживающего персонала⁷⁴⁷.

Главное управление Западной и Восточной Сибирью. Первой и наивысшей ступенью местной государственной власти в Сибири стало Главное управление во главе с генерал-губернатором, при котором действовал Совет. Главное управление являлось «частью министерского установления, действовавшей на месте» и было новой формой учреждения как для Сибири, так и России. Совет Главного управления возглавлял генерал-губернатор, под началом которого находилось шесть «производителей дел». Они назначались на должности по предложению Министерства внутренних дел и генерал-губернатора. В Совет также входили высшие должностные лица губерний и лица, приглашаемые в соответствии с вопросами рассмотрения⁷⁴⁸.

Целью Главного управления Восточной и Западной Сибирью был контроль над местными административными органами. Помимо этого, Главное управление составляло списки чиновников к награждению или, наоборот, могло отстранить от службы за злоупотребления⁷⁴⁹.

Назначать генерал-губернатора имел право только император, который своим решением назначал и снимал с должностей городничих и окружных начальников, начальников отделений, советников губернских мест⁷⁵⁰. Министр юстиции по представлению генерал-губернатора назначал на должность губернских прокуроров и стряпчих⁷⁵¹.

---

⁷⁴⁷ РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 4. Л. 29.

⁷⁴⁸ Прим.: подробнее об этом см. Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 90.

⁷⁴⁹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 12. Л. 1–4; Д. 631. Л. 2–21.

⁷⁵⁰ ГАИО. Ф. 25. Оп. 3. Т. 1. Д. 331. Л. 8–157 об.

⁷⁵¹ Свод Учреждения для управления Сибирских губерний и областей // СЗ РИ. Свод учреждений государственных и губернских. Ч. II: Учреждения Губернские. Разд. II: Особенные губернские учреждения. Спб., 1833. Кн. VI. Ст. 1358. 1360. С. 317.

Архивные материалы свидетельствуют о «неоправданно больших расходах по Министерству внутренних дел»⁷⁵² на обеспечение системы Главного управления, включая генерал-губернаторов, по сути, дублировавших решения центральных властей: «исправляющему должность генерал-губернатора Восточной Сибири генерал-лейтенанту Н. Н. Муравьеву жалованья по чину – 1116 руб. 30 коп., по званию – 2802 руб., столовых денег – 3396 руб., на разъезды – 1715 руб. 40 коп. (итого – 9029 руб. 70 коп.); на Совет Главного Управления Восточной Сибири – 22461 руб. 43 коп.»⁷⁵³, что в разы превосходило стоимость губернского уровня власти⁷⁵⁴.

Организационная структура Главных управлений была относительно постоянной. Но в середине XIX в. были созданы новые отделения, что отвечало требованиям времени и проведенным в центральном уровне власти реформ.

Так, в 1848 г. было учреждено IV отделение Главного Управления Восточной Сибири по предметам государственных имуществ – в ответ на введение в 1837 г. Министерства государственных имуществ. По IV отделению Главного управления Восточной Сибири был утвержден штат чиновников: начальник отделения (1 чел.), жалование – 1144 руб.; столоначальники (2 чел.), жалование – по 543 руб. 40 коп.; помощники столоначальников (2 чел.) – по 241 руб. 70 коп., писцы 1-го разряда (2 чел.), – по 214 руб. 50 коп.; писцы 2-го разряда (2 чел.) – по 114 руб. 40 коп.; писцы 3 разряда (2 чел.) – по 85 руб. 80 коп.; журналист (1 чел.) – 271 руб. 70 коп.; чиновник особых поручений (1 чел.) – 572 руб. При этом на IV отделение Главного управления возлагалась полномочия управления государственными имуществами по всем губерниям, областям, краям и отдельным управлениям всей Восточной Сибири, так как губернские и областные управления государственных имуществ были созданы только в конце XIX в.⁷⁵⁵

---

⁷⁵² РГИА. Ф. 1265. Оп. 2. Д. 30. Л. 25–26.

⁷⁵³ РГИА. Ф. 1265. Оп. 2. Д. 30. Л. 27–28, 90–91 об.

⁷⁵⁴ ГИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 30. Л. 18–19.

⁷⁵⁵ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Раздел 2. Д. 1. Л. 3–5.

В 1851 г. состоялось открытие V отделения Главного управления Восточной Сибири, в функционал которого входило:

по 1-му столу:

1. обозрении губерний и областей, ревизия присутственных мест;
2. отношения с Китаем;
3. внешняя торговля с Кяхтой;
4. дела об иностранцах и иноверцах;
5. дела особо секретные;
6. дела по рыбным промыслам (общее устройство);
7. дела морские, за исключением части инспекторской;

по 2-му столу:

1. дела по устройству и обревизованию всех частей управления, проекты и предложения;
2. об иностранцах и Маманском Духовенстве, составление степных законов;
3. составление городских отчетов по управлению Восточной Сибири;
4. устройство казенных поселений⁷⁵⁶.

В 1854 г. по распределению дел в Главном Управлении Восточной Сибири произошли уточнения:

1. дела и отношения с Китаем передали дипломатической части;
2. дела по экспедициям Капитана Невельского передали V отделению;
3. дела о внешней Кяхтинской и Камчатской торговле переданы III отделению⁷⁵⁷.

Необходимость реформ осознавалась Сибирским комитетом, в котором с апреля 1852 по август 1860 г. разбирались докладные записки ревизовавшего Западную Сибирь генерал-адъютанта Н. Н. Анненкова, выявившего недостатки и предложившего изменения в порядке управления Сибирью.

---

⁷⁵⁶ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Раздел 2. Д. 1. Л. 24.

⁷⁵⁷ Там же. Л. 25.

Предложения содержали конструктивные меры по решению проблем функционирования местной власти, «ныне потребностям края уже не соответствующей», как, например:

«1. учреждение в Сибири высшего учебного заведения для приготовления юношества к гражданской службе. Но всегда будет опасность того, что дети местных чиновников, приобретя служебные права, не останутся долго в Сибири и по окончании определенных для них сроков службы воспользуются образованием своим и правами для получения мест во внутренних губерниях (...);

2. укоренение в Сибирской стране дворянского сословия (...);

3. устройство ссыльных в наименее заселенных частях Сибири;

4. обеспечение единства и содействия центрального министерского и всех частей сибирского управления и воссоединение губернского управления в нечто целое и совокупное (...);

5. введение удобной и простой власти среди инородцев (...))»⁷⁵⁸.

В 1882 г. Западно-Сибирское генерал-губернаторство было ликвидировано. В свою очередь, в связи с созданием в 1887 г. Иркутского генерал-губернаторства при нем была создана генерал-губернаторская канцелярия, имевшая несколько преобразованную структуру⁷⁵⁹.

Губернское управление в 1822–1895 гг. Второй ступенью государственной власти на местах было губернское управление. Во главе губернии, как и до 1822 г., находился губернатор. При этом в Сибири он мог состоять и при Министерстве финансов или Генеральном штабе. Ему подчинялись полицейские и гражданские чины, от него зависело назначение или смещение с должностей чиновников, их представление к наградам. Губернатор имел право пересмотра судебных решений, закреплявшее

---

⁷⁵⁸ РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–6 об.

⁷⁵⁹ Прим.: подробнее об этом см.: Дамешек И. Л. Институт генерал-губернаторов и специфика его функционирования в Сибири // Россия и Сибирь: интеграционные процессы в новом историческом измерении (XVIII – нач. XX в.). Иркутск, 2008. С. 238–254.

возможность вмешательства администрации в судебный процесс. Военному губернатору подчинялись внутренние войска губернии.

Пределы власти губернатора и круг его полномочий зависели от региональных особенностей. Во-первых, как доказано в работах Н. П. Матхановой, сфера компетенции генерал-губернатора ограничивала власть губернатора в Сибири⁷⁶⁰. Но при отсутствии генерал-губернатора начальники губерний, в центральных городах которых находились Главные управления Восточной и Западной Сибири, в периоды отсутствия генерал-губернаторов фактически их заменяли и были председательствующими в Советах⁷⁶¹. Во-вторых, предметы ведения губернатора в Сибири были шире, так как за Уралом не было создано земских учреждений. Помимо этого, губернатор отвечал за широкий круг вопросов: этапирование ссыльных, содержание тюрем, острогов. Губернатор рассматривал прошения и жалобы. В казачьих поселениях губернатор являлся наказным атаманом казачьего полка. Также губернатор контролировал, как осуществляется управление коренными жителями Сибири, устанавливал размер налогов с инородцев, утверждал должностных лиц по управлению коренным населением⁷⁶². Решения губернатора затем подтверждались генерал-губернатором.

Согласна анализу штатных расписаний губернского управления, формулярных списков губернаторов и расписаний фактических доходов и расходов по ведомствам и учреждениям Восточной и Западной Сибири, выплачиваемые государством суммы сибирским губернаторам были отличны между собой и от выплат губернаторам центральной части России (внутренних губерний), получавшим оплату за службу в среднем 3500 руб. в год⁷⁶³, что зависело скорее от количества возлагаемых на них обязанностей и сложности работы⁷⁶⁴:

---

⁷⁶⁰ Матханова Н. П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века... С. 36.

⁷⁶¹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 6. Т. 1. Д. 453. Л. 2.

⁷⁶² РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 22. Л. 4.

⁷⁶³ Карчаева Т. Г. Губернаторы Енисейской губернии (социальный портрет сибирского чиновничества) // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2014. Т. 7. С. 46.

⁷⁶⁴ Примеч.: данные за 1853 г.

– иркутский гражданский губернатор: жалованье 1681 руб. 20 коп., столовых – 1698 руб. 36 коп. (итого в год – 3379 руб. 56 коп.)⁷⁶⁵;

– «начальнику Енисейской губернии действ. стат. советнику Падалке, доколе он будет находиться в сей должности, приставлено содержание – 1960 руб. (т. е. исполнявшему обязанности), утвержденному гражданскому губернатору жалованье – 1681 р. 20 коп., столовых – 1698 руб. 36 коп., квартирных – 1713 руб. (итого в год – 5092 руб. 56 коп.)»⁷⁶⁶;

– «исправляющему должность генерал-губернатора Западной Сибири генерал-лейтенанту Гасфорду (и Тобольскому губернатору) – жалованья (по всем статьям) в сумме 9.800 руб.»⁷⁶⁷;

– томскому гражданскому губернатору: жалованья – 1681 руб. 20 коп.; столовых – 1698 руб. 25 коп.; «на найм дома покуда не будет построен казенный – 428 руб. (итого в год – 3807 руб. 45 коп.)»⁷⁶⁸.

При губернаторе, как и на главном уровне управления, функционировал губернский совет. В его состав входили представители губернских учреждений, объединявшиеся в присутствии совета, – председатели губернского правления, казенной палаты, губернский прокурор, а также штат служащих более низкого, штаб- и обер-офицерского ранга, канцелярские служители, работавшие в совете в составе его канцелярии. К ним можно отнести помощников столоначальников, столоначальников, начальников отделений, журналистов, экзекуторов, казначеев, курьеров из казаков, писцов второго разряда (табл. 20).

---

⁷⁶⁵ РГИА. Ф. 1265. Оп. 2. Д. 30. Л. 28.

⁷⁶⁶ Там же. Л. 90.

⁷⁶⁷ Там же. Л. 258.

⁷⁶⁸ Там же. Л. 208–208 об.

Таблица 20. Штаты губернского совета (1822–1895)⁷⁶⁹

Должность, статья расходов	1822–1837 гг.		1837–1856 гг.			1856–1874 гг.				1874–1895 гг.			
	Классный чин	Количество мест	Количество мест	Жалование на одного	Жалование на всех	Классный чин	Количество мест	Жалование на одного	Жалование на всех	Классный чин	Количество мест	Жалование на одного	Жалование на всех
Гражданский губернатор	IV	1	1	6000	6000	IV	1	4000	4000	IV	1	4000	4000
Председатели губернского правления, казенной палаты, губернского суда и губернский прокурор													
<i>Канцелярия</i>													
Начальники отделений	VIII	3	2	1900	3800	VIII	3	750	2250	VIII	3	1125	3375
Столоначальники	IX	6	6	950	5700	IX	7	400	2800	X	7	650	4480
Помощники столоначальников	X	6	6	650	3900	X	7	275	1925	XII	7	440	3080
Журналист	IX	1	1	950	950	X	1	400	400	X	1	640	640
Экзекутор и казначей	IX	1	1	950	950	IX	1	400	400	X	1	640	640
Курьеры из городских казаков	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Писцы 2 разряда 3 разряда	- -	- -	6 8	400 300	2400 2400	- -	- -	- -	- -	В общей сумме «на канцелярские расходы»			
Писцам на паек и обмундирование	-	-	-	100	1400	-	-	-	-				
Писцам на жалование и паек	+	+	-	-	-	-	-	-	3500				
На канцел. расходы, отопл. и освещение и др.	-	-	-	-	4000	-	-	-	2500				
Чиновники особых поручений	VIII	2	2	1500	3000	VIII	4	600	1200	VIII	4	900	1800
Итого	20		35	34500		24		18975		24		18015	

По реформе 1822 г. канцелярия губернатора была самостоятельным учреждением, разделенным на три отделения по образцу главного управления: исполнительного, судебного и финансового профилей. В Сибири должность вице-губернатора по штатам 1822 г. была упразднена, и в

⁷⁶⁹ Учреждение для управления сибирских губерний // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1822 г. 20 июля. Т. 38. № 29125. С. 343–354; О расписаниях чиновников и окладов по присутственным местам в Сибирских губерниях и Кавказской области ведомства Министерств: Финансов, Внутренних дел и Юстиции // ПСЗ РИ. Собр. 2. 1837. 17 декабря. Т. 12, ч. 2, № 10812. С. 266–294; О некоторых изменениях по управлению в Восточной и Западной Сибири // ПСЗ РИ. Собр. 2. 1856. 6 декабря. Т. 31, ч. 2, № 31222. С. 1041–1042; О новых штатах учреждений ведомства Министерства Внутренних дел в Восточной Сибири // ПСЗ РИ. Собр. 2. 1874. 11 ноября. Т. 49, ч. 2, № 54030. С. 362–364; О преобразовании губернских установлений ведомства Министерства Внутренних дел в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской и об учреждении штата означенных установлений // ПСЗ РИ. Собр. 3. 1895. 1 июня. Т. 15, № 11757. С. 170.

сибирских губерниях казенную палату возглавлял не вице-губернатор, а председатель казенной палаты. В Центральной России главный финансовый орган в губернии приобрел отдельного председателя намного позже – только в 1837 г.⁷⁷⁰

Общее губернское управление осуществляло надзор за всеми учреждениями и должностными лицами на территории губернии на всех уровнях власти, включая проведение ревизий⁷⁷¹, разрешение судебных споров (в качестве апелляционной инстанции после губернского суда), решение вопросов организации хозяйства в губернии, рассмотрение жалоб и др.⁷⁷²

Енисейский губернский совет по своим организационным принципам был устроен аналогично совету Главных управлений Западной и Восточной Сибири, которые были упразднены в 1882 и 1887 гг. соответственно⁷⁷³. В свою очередь, губернские советы в Томской, Тобольской, Иркутской, Енисейской губерниях продолжали действовать до июня 1895 г., когда был принят указ «О преобразовании губернских установлений ведомства Министерства Внутренних дел в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской и об учреждении штата означенных установлений»⁷⁷⁴.

Частное управление в губерниях Сибири составляли три правительственных учреждения по разным направлениям деятельности: вопросы внутреннего порядка на территории – губернское правление, организация хозяйства – казенная палата, разбирательства по гражданским и уголовным судебным делам – губернский суд.

---

⁷⁷⁰ Карчаева Т. Г. Енисейская губернская администрация: численность и состав (1822–1917 гг.). Красноярск, 2017. С. 20.

⁷⁷¹ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 56. Л. 2–15.

⁷⁷² ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4162. Л. 10 об. Л. 11.

⁷⁷³ О преобразовании Главного Управления Восточной Сибири // ПСЗ РИ. Собр. 3. 1887. 2 июня. Т. 7, ч. 1, № 4517. С. 291.

⁷⁷⁴ О преобразовании губернских установлений ведомства Министерства Внутренних дел в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской и об учреждении штата означенных установлений // ПСЗ РИ. Собр. 3. 1895. 1 июня. Т. 15. № 11757. С. 161.

Предшественниками названных учреждений были Палата гражданских дел, Казенная палата (экспедиция экономии), Палата уголовных дел и Палата гражданских дел (с 1797 – единая Палата гражданских и уголовных дел), впервые созданные по «Штатам Наместничеств и Губерний в Царствование Государыни Императрицы Екатерины II» (1781)⁷⁷⁵ и далее принятые с незначительными изменениями Павлом I (по «Штату Городского Правления или Ратгауза в Губернском Городе; с присовокуплением к оному всех предыдущих штатов с 1796 по 1801 г. по управлению Губерниями»)⁷⁷⁶ и Александром I (по указу «О разделении Иркутской Губернии на семь уездов, с присоединением города Охотска, а остающиеся уезды на Комиссарства; о соединении Губернского Правления с Казенной Палатой; об учреждении в городе Якутске Гражданского Правления, под именем Якутского Областного Правления и об упразднении в Нерчинске такового Правления»)⁷⁷⁷.

Губернское правление в 1822–1895 гг. состояло так же, как и при Екатерине II, из двух частей: присутствие, которое составляли председатель, старший советник и три советника, и канцелярия, в которую входили секретарь, помощник секретаря, редактор газеты (при наличии), общий регистратор, помощник общего регистратора, регистраторы, архивариус и его помощник, надсмотрщик крепостных дел, журналисты по отделениям, столоничальники, экзекутор или казначей, помощник экзекутора / казначея, помощники курьеры и сторожа, писцы второго и третьего разрядов.

Председатель губернского правления был вторым лицом в губернии после губернатора. Как и губернатор, он назначался именным Высочайшим указом и подчинялся Министерству внутренних дел. Канцелярия губернского правления была самостоятельным подразделением, за которым было

---

⁷⁷⁵ Общий свод Штатов Наместничеств и Губерний в Царствование Государыни Императрицы Екатерины II // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1796. Т. 44, ч. 2, № 17494. С. 254.

⁷⁷⁶ Штат Городского Правления или Ратгауза в Губернском Городе; с присовокуплением к оному всех предыдущих штатов с 1796 по 1801 г. по управлению Губерниями... С. 392–398.

⁷⁷⁷ О разделении Иркутской Губернии на семь уездов, с присоединением города Охотска, а остающиеся уезды на Комиссарства; о соединении Губернского Правления с Казенной Палатой; об учреждении в городе Якутске Гражданского Правления, под именем Якутского Областного Правления и об упразднении в Нерчинске такового Правления... С. 1002.

закреплено отчетное и контролирующее делопроизводство на уровне всей губернии.

При достаточно подробно описанных штатах верховная власть делегировала на места право определять количество канцелярских служащих и писцов, от которых, по сути, и зависела работоспособность учреждения.

Архивные материалы свидетельствуют, что кадровый вопрос в Сибири состоял «в недостатке благонамеренных и способных чиновников»: «право на вступление в гос. службу предоставлено у нас дворянству и в некоторых случаях лицам других свободных сословий, окончивших образование в высших учебных заведениях. Но как на всем пространстве от Урала до Восточного океана нет дворянства и нет высших учебных заведений (...) то местное начальство всегда встречает непреодолимые затруднения к приисканию чиновников благонамеренных, способных и бескорыстных»⁷⁷⁸. При некой самостоятельности в решении кадровых вопросов в Сибири суммарное жалованье «обслуживающего персонала» должно было оставаться в пределах суммы, указанной в штатном расписании⁷⁷⁹. Штатные расписания губернского правления подвергались трансформации за период функционирования более чем 60 лет всего лишь трижды – в 1837, 1856, 1874 гг. При этом их суть сводилась к ликвидации или, реже, введению должностей в канцелярии, что было ответом на изменения времени. Однако при общем сокращении штатных единиц губернского правления расходы на наем и оплату работы внештатных служащих и писцов увеличились в несколько раз (с учетом проводившейся политики деноминации), денежные суммы на содержание, освещение и отопление служебных помещений по штатам 1874 г. официально не выделялись (табл. 21).

---

⁷⁷⁸ РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

⁷⁷⁹ ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 80. Л. 2–3.

Таблица 21. Штаты губернского правления (1822–1895)⁷⁸⁰

Период, гг.	Количество штатных мест, ед.	Государственные годовые расходы, руб.			
		общая сумма	жалованье председателю и членам присутствия	оплата труда наемных внештатных служащих	канцелярские расходы, отопление, освещение служебных помещений
1822 – 1837	29	Нет сведений	Нет сведений	Нет сведений	Нет сведений
1837 – 1856	42	39 700	10 000	4600	4600
1856 – 1874	24	20 162	5687	3800	2000
1874 – 1895	21	25 737	6687	7500	–

Губернское правление не было подконтрольно губернатору полностью. Как и другие специализированные учреждения по управлению губернией, оно возглавлялось своим председателем. Губернатор контролировал Губернское правление в той же степени, что и другие губернские органы власти, в порядке общего контроля. Предметом деятельности губернского правления было «охранение безопасности лиц и имущества мерами предупреждения и пресечения», т. е. занималось все тем же – административно-полицейскими и хозяйственными вопросами⁷⁸¹.

Экспедиция о ссыльных была совершенно новым губернским учреждением, находившимся под началом приказа о ссыльных, учрежденного в 1823 г. в г. Тобольске и переведенного затем в г. Тюмень (табл. 22).

⁷⁸⁰ См. подробнее: Карчаева Т. Г. Енисейская губернская администрация: численность и состав (1822–1917 гг.)... С. 166–174.

⁷⁸¹ ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4162. Л. 12 об.

Таблица 22. Штатное расписание экспедиции о ссыльных (1822–1895)⁷⁸²

Период, гг.	Количество штатных мест, ед.	Государственные годовые расходы, руб.		
		общая сумма	жалованье управляющему	оплата труда наемных внештатных служащих
1822–1837	Нет сведений	Нет сведений	Нет сведений	Нет сведений
1837–1856	15	12900	2000	600
1856–1874	10	5125	1000	600
1874–1895	9	6420	1400	в сумме на губернское правление

Экспедиции о ссыльных, расположенные в губернских городах Тобольске, Томске, Красноярске, Иркутске, осуществляли надзор за передвижением по губернии ссыльных, которые ими распределялись по местам назначения и расселения⁷⁸³. Общеизвестно, что потребность рабочего люда в Сибири удовлетворялась выстроенной с XVII в. пеницитарной системой. Из материалов Приказа о ссыльных следует, что в период между 1823 и 1887 гг. в Сибирь было сослано 772 979 чел.⁷⁸⁴

В губернском управлении по Министерству внутренних дел до 1895 г. функционировали: врачебная управа, приказ общественного призрения, строительная часть (в период с 1822 по 1837 г.). Последнее присутственное место самостоятельности не имело, так как во главе с губернским архитектором до 1874 г. они находились в составе «общего штата губернского правления», а до 1895 г. – при начальнике губернии.

Дела по вопросам общественного призрения со времен Екатерины II находились в одноименных приказах – на уровне губернского управления (с 1781 по 1796 г. – наместнического правления). Территориально деятельность

⁷⁸² Учреждение для управления сибирских губерний // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1822 г. 20 июля. Т. 38. № 29125. С. 343–354; О расписаниях чиновников и окладов по присутственным местам в Сибирских губерниях и Кавказской области ведомства Министерств: Финансов, Внутренних дел и Юстиции // ПСЗ РИ. Собр. 2. 1837. 17 декабря. Т. 12, ч. 2, № 10812. С. 266–294; О некоторых изменениях по управлению в Восточной и Западной Сибири // ПСЗ РИ. Собр. 2. 1856. 6 декабря. Т. 31, ч. 2, № 31222. С. 1041–1042; О новых штатах учреждений ведомства Министерства Внутренних дел в Восточной Сибири // ПСЗ РИ. Собр. 2. 1874. 11 ноября. Т. 49, ч. 2, № 54030. С. 362–364; О преобразовании губернских установлений ведомства Министерства Внутренних дел в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской и об учреждении штата означенных установлений // ПСЗ РИ. Собр. 3. 1895. 1 июня. Т. 15, № 11757. С. 170.

⁷⁸³ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 88. Л. 2.

⁷⁸⁴ Кеннан Дж. Сибирь и ссылка (Очерки из жизни политических ссыльных). Спб., 1906. Ч. 1, 2. С. 24.

приказа общественного призрения ограничивалась границами одной губернии. В сферу деятельности приказа входило заведование больницами, школами, сиротскими, смирительными и работными домами, богадельнями. Структура приказа состояла из присутствия и канцелярии. Присутствие состояло из председателя губернского правления, врачебного инспектора, заседателя приказа и главы губернского города⁷⁸⁵. Канцелярия, в свою очередь, состояла из секретаря, бухгалтера, столоначальников и их помощников, а также писцов. Позже, в 1874 г. была добавлена должность журналиста⁷⁸⁶.

В губерниях Центральной России приказы общественного призрения в дальнейшем были ликвидированы в связи со вступлением в действие в 1860–1870-е гг. земских учреждений и городского общественного управления. Однако в Сибири приказы общественного призрения действовали до 1895 г. – до проведения «губернской реформы», т. е. продолжали параллельно работать с органами общественного городского управления⁷⁸⁷.

Согласно «Учреждению для управления Сибирских губерний» от 1822 г. высшим финансовым органом Енисейской губернии было то же учреждение, что и при Екатерине II, Павле I и Александре I, – Казенная палата. В ведение Казенной палаты входил широкий круг вопросов: управление государственным имуществом, распределение земли и межевание, назначение торгов на закупку хлеба, проверка всех счетов и составление годовых отчетов о расходах и доходах губернии, сбор и распределение налогов.

---

⁷⁸⁵ Гергилев Д. Н. Структура губернского и областного управления в Восточной Сибири в 1822–1917 гг.: принципы функционирования и региональные особенности // Genesis: исторические исследования. 2017. № 6. С. 56–69.

⁷⁸⁶ Учреждение для управления сибирских губерний // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1822 г. 20 июля. Т. 38. № 29125. С. 345.

⁷⁸⁷ О преобразовании губернских установлений ведомства Министерства Внутренних дел в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской и об учреждении штата означенных установлений // ПСЗ РИ. Собр. 3. 1895. 1 июня. Т. 15. № 11757. С. 174.; Экономическое состояние населения Енисейской и Иркутской губерний в связи с предположенным введением в них земских учреждений // Голос Сибири. Красноярск. 1906. № 6. 3 марта. С. 2.

Казенная палата была образована присутствием, канцелярией и архивом. В штате присутствия были председатель и советники. В канцелярии служили чиновники «при палате». Постепенно их состав менялся из-за усложнения хозяйственной жизни края. В сферу деятельности канцелярии входило делопроизводство. Согласно штатным расписаниям 1822, 1837 и 1856 гг. канцелярия Казенной палаты состояла из хозяйственного, винного отделений (с 1837 – винного и соляного, с 1856 – питейно-соляного). По штатным расписаниям с 1822 по 1837 г. соляная часть находилась отдельно. Ее состав учреждался особым штатом и состоял из комиссионера, ответственного за развоз соли, его помощников и соляных приставов. В штате присутствия казенной палаты также значился управляющий соляной части⁷⁸⁸. Стоит отметить, что казенные палаты в губерниях Центральной России с 1831 г. были образованы шестью отделениями: контрольным, соляным, хозяйственным (в 1838 г. было заменено ревизским), казначейством, лесным, питейных сборов.

Расходы на содержание губернской казенной палаты превышали суммы, предназначенные для других губернских учреждений, и постоянно росли⁷⁸⁹, что доказывает увеличивавшееся экономическое использование государством Сибирского региона, более богатого ресурсами по сравнению с другими частями страны (табл. 23).

Таблица 23. Штаты казенной палаты в Сибири (1822–1900)⁷⁹⁰

Период, гг.	Количество штатных административных и неадминистративных должностей, ед.	Государственные годовые расходы на палату, руб.
1822–1837	55	Нет сведений
1837–1856	68	64 150
1856–1878	49	30 645
1878–1900	42	38 975

⁷⁸⁸ Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи. Испр. на 1824. Спб., 1824. Ч. 2. С. 310.

⁷⁸⁹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 1. Раздел 1. Д. 159. Л. 2.

⁷⁹⁰ См. подробнее: Карчаева Т. Г. Енисейская губернская администрация: численность и состав (1822–1917 гг.)... С. 166–174.

Проведенный анализ структуры губернских учреждений (по Министерству финансов) показал, что происходило упорядочивание и специализация их деятельности. В 1865 г. из казенных палат выделились самостоятельные учреждения – казначейства, осуществлявшие сбор государственных доходов, производство платежей и передвижение денежных сумм, а в 1866 г. контрольные палаты – учреждения для контроля над финансами губернии (рис. 8).

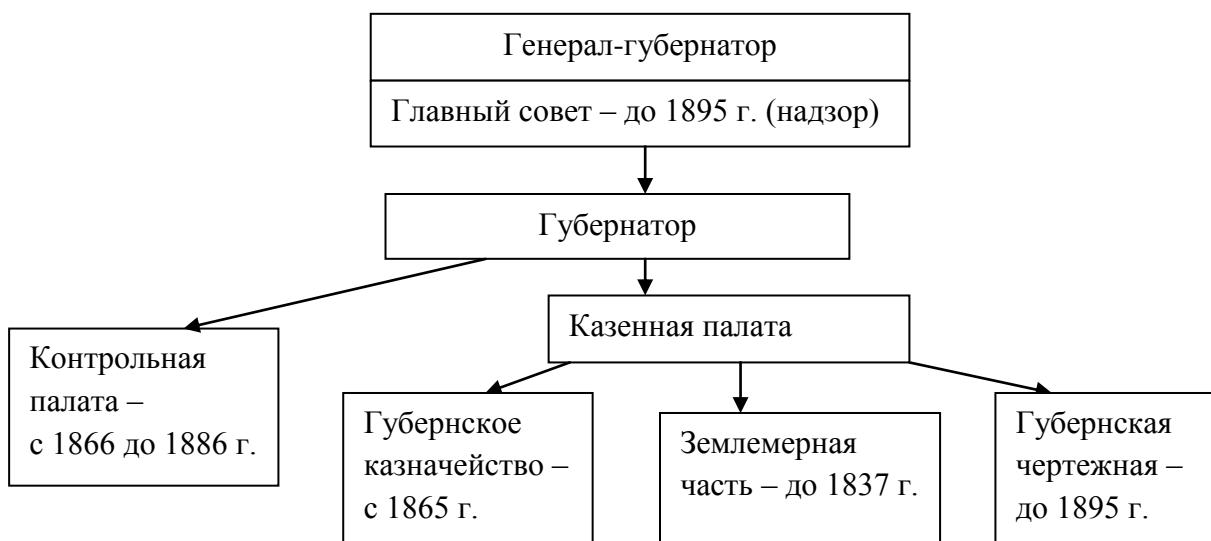

Рис. 8. Структура губернских учреждений по Министерству финансов относительно высших должностных лиц Министерства внутренних дел (1822–1895)⁷⁹¹

Так, с нарастанием торговых отношений и усложнением экономического развития региона государство в 1860-е гг. вступило на путь модернизации системы управления экономикой Сибири, представлявшей собой «государево хозяйство». Происходившие в России и Сибири технологические, социально-экономические преобразования заставили верховную и центральную власть критически подойти к постулатам и

⁷⁹¹ Учреждение для управления сибирских губерний // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1822 г. 20 июля. Т. 38. № 29125. С. 343–354; Об учреждении губернских казначейств и расходных отделений и преобразовании уездных казначейств // ПСЗ РИ. Собр. 2. 1865. 30 ноября. Т. 40, ч. 2, № 42728. С. 291–293; Об открытии с 1 января 1866 г. местных контрольных учреждений в губерниях, в которых вводится единство кассы // ПСЗ. Собр. 2. 1865. 9 декабря. Т. 40, ч. 2, № 42755. С. 324.

стереотипам в государственном управлении, объясняемым успешностью действия «Учреждения для управления Сибирских губерний» от 1822 г.

Губернские учреждения при Министерстве юстиции, как и при Министерстве финансов, были непосредственно связаны со стратегической и тактической целями государства, решаемыми в процессе управления Сибирью, т. е. обеспечивали правомерность хозяйственно-экономической жизни региона, выполнявшего роль источника ресурсов и фискальных поступлений в казну.

В 1822–1896 гг. в губернии работал губернский суд и осуществлялся прокурорский надзор, они на протяжении 75-летнего периода не подвергались каким-либо значимым изменениям и являлись органами административной власти на местах до 1897 г., когда была проведена судебная реформа в губерниях и областях Сибири⁷⁹². Губернский суд как результат реформы 1822 г. по сути являлся преобразованной формой ранее существовавшей палаты уголовных и гражданских дел, введенной ранее императором Павлом I в декабре 1796 г.⁷⁹³

В ведомство губернского суда входили как гражданские, так и уголовные дела. Штат суда был образован председателем и четырьмя советниками. Его структура была образована присутствием, канцелярией и архивом. В присутствие входили председатель суда, старший советник и три советника. Служащими канцелярии были секретарь и протоколист, столоначальники и их помощники, экзекутор по штатам и журналист. В архиве работали писец и архивариус (табл. 24).

Ответом на быстрое развитие хозяйственной жизни Сибири и быстрый численный рост населения стало требование общественности распространить на российском востоке положения судебной реформы 1864 г., а также самостоятельную нотариальную часть. Однако государство с его отношением

---

⁷⁹² ГАКК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 86. Л. 18.

⁷⁹³ Штат Городского Правления или Ратгауза в Губернском Городе; с присовокуплением к оному всех предыдущих штатов с 1796 по 1801 г. по управлению Губерниями // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1800. 25 февраля. Т. 44, ч. 2, № 19763. С. 394.

к Сибири как окраине не видело потребности введения на российском востоке реформированных судебных и нотариальных учреждений. Как следствие – первым нотариусом в Енисейской губернии стал избранный городской думой в 1883 г. купец, работавший частным предпринимателем⁷⁹⁴, а на территории Дальнего Востока – публичный нотариус, поставленный на это место в 1879 г. владивостокской городской думой⁷⁹⁵.

Таблица 24. Штаты губернского суда (1822–1896)⁷⁹⁶

Период, гг.	Кол-во штатных мест, ед.	Государственные годовые расходы, руб.			
		общая сумма	жалованье председателю и членам присутствия	оплата труда наемных внештатных служащих	канцелярские расходы, отопление, освещение служебных помещений
1822–1837	23	Нет сведений	Нет сведений	Нет сведений	Нет сведений
1837–1856	28	29 950	–	4600	3000
1856–1885	17	14 787	2000	3800	1500
1885–1897	17	21 600	4900	7500	–

Таким образом, система государственного управления на уровне губернии в Сибири с момента реформ М. М. Сперанского и до конца XIX в. функционировала более в консервативной форме. Некоторые изменения произошли только в структуре и деятельности казенной палаты и финансового регионального управления, чему способствовало развитие сельского хозяйства, винных откупов, местных пищевых предприятий, купеческой золотодобычи и другой промышленности. Рост экономической активности населения привел к изменению схемы поступления в «государеву казну» ресурсов из Сибири, что, в свою очередь, выявило общие недостатки

⁷⁹⁴ ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 1162. Л. 1–2, 31–31 об.

⁷⁹⁵ Друзяка А. В. Публичный выборный нотариат во Владивостоке (1880–1897 гг.) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 2 (28). С. 13.

⁷⁹⁶ Сост. по: Карчаева Т. Г. Енисейская губернская администрация: численность и состав... С. 186–187.

функционирования других губернских органов власти, вступивших на полосу изменений только в 1880–1890-е гг.

Областное управление по «Учреждению для управления Сибирских губерний» 1822 г. не было дополнительной или средней формой организации государственного управления между окружным и губернским начальством, а представляло собой для Омской области самостоятельное установление, а для Якутской области было частью губернского управления⁷⁹⁷. Областное управление в том и другом случае представляло собой адаптированную систему организации государственной власти на пограничных, географически отдаленных и малонаселенных территориях⁷⁹⁸.

Органы государственного управления в Омской и Якутской областях Сибири были представлены областным правлением во главе с областными начальниками, уровень привилегий которых соответствовал губернаторскому⁷⁹⁹. В областном правлении были областной землемер, который проверял окружных землемеров, архив и канцелярия⁸⁰⁰. Других органов государственной власти не было (рис. 9).

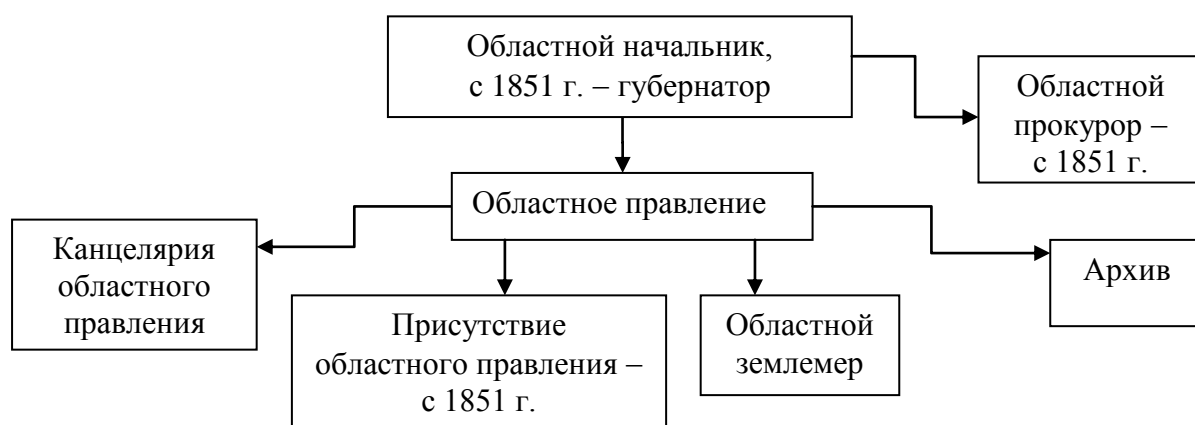

Рис. 9. Структура органов власти областного управления (1822–1895)

Областной начальник обладал широкими полномочиями, что было объяснимо отсутствием других высших чиновников в администрации,

⁷⁹⁷ РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 151. Л. 90–93 об.

⁷⁹⁸ Учреждение для управления Сибирских губерний // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1822. 38. № 29125. С. 574.

⁷⁹⁹ ГИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1348. Л. 375 – 376.

⁸⁰⁰ Учреждение для управления Сибирских губерний // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1822. 38. № 29125. С. 391.

например, как председатели казенной палаты или губернского суда на территории губерний. В перечень функций областного начальника входило контролирование деятельности должностных лиц и учреждений окружного уровня власти, кадровые вопросы, исполнение обязанностей по организации городского, волостного, инородческого самоуправления (утверждал гласных городской думы и суда, старост и волостных голов, инородных начальников и старшин)⁸⁰¹. Однако в Якутской области ее начальник ограничен был губернским начальством. Например, якутский областной начальник отправлял в иркутское губернское правление разносторонние отчеты и списки чиновников, которые затем доставлялись генерал-губернатору и далее в Сенат⁸⁰².

Полномочия областного правления на протяжении 1822–1851 гг. были следующие: контроль и организация деятельности мест окружного уровня власти, т. е. ревизии, проверка отчетности, принятие решений по жалобам; установление внутреннего порядка на территории всей области; представление отчетности в вышестоящие учреждения – совет генерал-губернатора (для Омской области) или губернский совет (для Якутской области), решение всех торговых вопросов, а для условно самостоятельной Якутской области – выполнение распоряжений казенной палаты Иркутска; суд имел все полномочия губернского суда, которые включали в себя рассмотрение и решение тяжёбных и уголовных дел, в том числе кассации и апелляции⁸⁰³.

В 1851 г. статус областного управления Якутской области изменился. Согласно положениям высочайше утвержденного положения «Об управлении Забайкальской областью»⁸⁰⁴ Чита приобрела статус областного города, что было основанием распространения влияния России далее на юго-

---

⁸⁰¹ Учреждение для управления Сибирских губерний // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1822. Т. 38. № 29125. С. 396.

⁸⁰² ГАРФ. Ф. 109. I эксп. 1837 г. Оп. 12. Д. 174. Л. 1–19.

⁸⁰³ Учреждение для управления Сибирских губерний // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1822. Т. 38. № 29125. С. 397.

⁸⁰⁴ Об управлении Забайкальской областью // ПСЗ РИ. Собр. 2. 1851. Т. 26, ч. 1, № 25394. С. 476.

восток, по положению «Об управлении Якутской областью»⁸⁰⁵ данная территория приобрела самостоятельность от Иркутской губернии и иркутского губернского начальства соответственно⁸⁰⁶.

На территории Западной Сибири, наоборот, областное управление было ликвидировано в 1854 г. в связи с тем, что Омская область была реорганизована в Область сибирских киргизов⁸⁰⁷, затем – Акмолинскую область (1868), управляемые уже не по «Учреждению для управления Сибирских губерний», а по инородческим принципам⁸⁰⁸.

В Восточной Сибири со второй половины XIX в. изменились полномочия основных должностных лиц в области. «Во главе названных административных единиц уже стояли губернаторы: в Забайкальской области – Военный губернатор (он же – Наказной Атаман Забайкальского казачьего войска); в Якутской области – гражданский губернатор. Функции работы Якутского Гражданского губернатора стали более широкими, чем были у Областного начальника до 1851 г. Заметим, никакой отчетности Якутский губернатор перед Иркутским губернатором более уже не нес, а напрямую, как и Областное правление, подчинялся Главному управлению Восточной Сибири, затем Сенату и соответствовавшим по отрасли министерствам»⁸⁰⁹.

Согласно архивным материалам, жалованье и дополнительные выплаты губернаторам Якутской и Забайкальской областей, по данным за 1853 г., были следующими:

– гражданский губернатор Якутской области: жалованье – 1906 руб., столовых денег – 1980 руб., квартирных – 857 руб. (итого в год – 4743 руб.);

---

⁸⁰⁵ Об управлении Якутской областью // ПСЗ РИ. Собр. 2. 1851. Т. 26, ч. 1, № 25395. С. 480.

⁸⁰⁶ Гергилев Д. Н. Структура губернского и областного управления в Восточной Сибири в 1822–1917 гг.: принципы функционирования и региональные особенности // Genesis: исторические исследования. 2017. № 6. С. 56–69. URL: http://e-notabene.ru/hr/article_22903.html.

⁸⁰⁷ ГИАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 17. Л. 3.

⁸⁰⁸ Василиев Д. В. Форпост империи. Административная политика России в Центральной Азии. Середина XIX века. М., 2015. С. 52.

⁸⁰⁹ Гергилев Д. Н. Структура губернского и областного управления в Восточной Сибири в 1822–1917 гг.: принципы функционирования и региональные особенности... С. 56–69.

– военный губернатор Забайкальской области: жалованье – 1960 руб.; столовых – 1980 руб. (итого в год – 3940 руб.)⁸¹⁰.

Архивные материалы свидетельствуют о систематическом поощрении через ходатайства чиновников на важных, по мнению генерал-губернатора, должностях, что было дополнительным способом удержать специалистов на территории: «Выплаты производились в размере 1000 руб. в год: областному архитектору, областному инженеру, титулярному советнику (без указания должности); 800 руб. в год – их помощникам и коллежскому секретарю (без указания должности)»⁸¹¹.

С 1851 г. государственное управление при Министерстве внутренних дел на территории Якутской и Забайкальской областей исполняло учреждение под названием «областное правление». В нем были выделены, подобно губернскому правлению, присутствие и канцелярия. Присутствие областного правления имело, как и губернский совет или совет при генерал-губернаторе, коллегиальный принцип деятельности, а канцелярия представляла собой форму учреждения, обеспечивавшего деятельность губернатора области.

В состав присутствия областного правления входили асессор и три советника. Как и в губернии, старший советник выполнял обязанности председателя. Кадровый состав канцелярии определялся высочайше утвержденным штатным расписанием.

Определенным новшеством в Якутской и Забайкальской областях, обеспечивавшим государственный контроль за местной властью, стало учреждение должности областного прокурора (Якутского и Забайкальского соответственно). Его статус полностью соответствовал губернскому прокурору, осуществлявшему надзор за администрацией областного и окружного уровней и городскими органами самоуправления⁸¹².

---

⁸¹⁰ РГИА. Ф. 1265. Оп. 2 Д. 30. Л. 136, 157.

⁸¹¹ ГАИО. Ф. 29. Оп. 1 (1). Д. 25. Л. 4.

⁸¹² Об управлении Якутской областью // ПСЗ РИ. Собр. 2. 1851. Т. 26, ч. 1, № 25395. С. 480–484.

При этом архивные материалы свидетельствуют о высокой степени недоуправляемости и злоупотреблений со стороны государственных служащих в Забайкальской области: «...дело зашло настолько далеко, что организуются уличные мошеннические шайки, открыто глумящиеся над законом и справедливостью. А причины этому: неудовлетворительное и несоответствующее устройство административной машины, неудовлетворительное, в экономическом отношении, положение административного персонала в ней. В области имеется нехватка учреждений и кадров: все дела по управлению скомканы в одном областном Правлении, которое представляет собой и канцелярию, и Казенную палату, и Управление государственным имуществом, и прочее. При этом Забайкальская область несет всю государственную натуральную и денежную повинности, а население Амурской и Приамурской области от них освобождены.»⁸¹³.

Генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев требовал от Кабинета Министров выделить дополнительных чиновников для работы, улучшить условия их труда, а также приблизить жалование к уровню по Приамурской области (табл. 25).

Таблица 25. Сравнение жалованья чиновников по областям⁸¹⁴

Должность	Приамурская область	Забайкальская область
Вице-губернатор	4000 руб.	2687 руб.
Старший советник	2812 руб. 50 коп.	1500 руб.
Советник	2475 руб.	1400 руб.
Ассессор	1620 руб.	1080 руб.
Столоначальник	900 руб.	640 руб.
Помощник	750 руб.	440 руб.

Недовольство вызывало состояние судебной системы в Забайкальской области, которую в письме в Кабинет министров Н. Н. Муравьев сравнил с другими губерниями:

⁸¹³ ГАИО. Ф. 29. Оп. 2. Д. 8. Л. 27.

⁸¹⁴ ГАИО. Ф. 29. Оп. 2. Д. 8. Л. 7.

1. Енисейская губерния: на 429 592 души 5 окружных судов, 1 губернский;
2. Иркутская губерния: на 398 873 души 3 окружных суда, 1 губернский;
3. Забайкальская область: 520 000 душ с большей частью каторжных и ссыльных 1 окружной суд.

Генерал-губернатор отмечал: «...эффективность суда сводится к нулю. Сложность форм гражданского делопроизводства и полное несоответствие штата областного управления с количеством лежащей на нем работы – характеристика управления области»⁸¹⁵.

Заметим, что Забайкальской и Якутской областях был введен «упрощенный» порядок ведения дел. Положение об управлении Якутской областью насчитывало 26 статей, Забайкальской областью – 39 статей. При этом должности советника в статьях не было⁸¹⁶.

В 1860 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев ходатайствовал перед правительством о введении такой же системы управления в Иркутской и Енисейской губерниях для экономии денежных средств. С его предложениями не согласился министр финансов А. М. Княжевич⁸¹⁷ из опасений, что в результате основательного пересмотра «Учреждения об управлении Сибирских губерний» (1822) и введения новых порядков могут сократиться налоговые поступления. Этого Н. Н. Муравьев в конечном итоге не исключал. Несогласие министра финансов с предложениями генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева при дальнейшем рассмотрении в высших правительственных инстанциях привело к тому, что проект был отклонен⁸¹⁸.

Окружное управление в 1822–1898 гг. Поиск оптимального варианта регионального управления привел к новой форме организации и самого

---

⁸¹⁵ ГАИО. Ф. 29. Оп. 2. Д. 8. Л. 3.

⁸¹⁶ РГИА. Ф. 1149. Оп. 4. Д. 1032. Л. 2–9; Дамешек Л. М. Институт генерал-губернаторской власти Азиатской России и его особенности. Иркутск, 2011. С. 43.

⁸¹⁷ РГИА. Ф. 365. Оп. 9. Д. 34510. Л. 4, 59.

⁸¹⁸ Дамешек Л. М. Институт генерал-губернаторской власти Азиатской России... С. 43.

нижнего звена государственной власти в Сибири – на уровне округа⁸¹⁹. Это было составляющим элементом комплексного подхода к решению проблемы «недоуправляемости» обширной территорией. Административная реформа 1822 г. в Сибири стала значительным шагом к повышению эффективности властей местного уровня, распространении правовых норм. Стоит отметить, что в целом реформы также имели бюрократический характер⁸²⁰.

Система окружного управления в губерниях и областях Сибири была в какой-то степени подобием вышестоящей губернской. Однако если областное управление с 1822 до 1851 г. представляло собой усеченный образ губернского (например, предусматривалась отчетность Якутского областного начальника перед Иркутским губернатором, верховенство в финансовых вопросах Иркутской казенной палаты перед Якутским областным правлением и пр.)⁸²¹, то окружное управление уже с 1822 г. функционировало на тех же самых основаниях в областях Сибири, что и в губернии⁸²².

В зависимости от географических условий и состава населения окружное управление подразделялось на четыре вида: 1) управление общее; 2) управление частное; 3) управление отделений округов; 4) управление малолюдных территорий (в составе округов), только земским исправником⁸²³.

Относительно многолюдными округами в Тобольской губернии были Тюменский, Тарский, Ишимский, в Томской губернии – Томский и Каинский, в Енисейской губернии – Енисейский и Минусинский, в Иркутской губернии – Нижнеудинский, Верхнеудинский, Нерчинский⁸²⁴.

В многолюдных округах организация государственной власти на окружном уровне была выстроена по принципу ее структурирования на общее и частное управления. Окружные полиция, суд и казначейство

---

⁸¹⁹ Прим.: вместо устаревшего термина «округа» употребляем далее термин «округ».

⁸²⁰ РГИА. Ф. 1265. Оп. 3. Д. 6. Л. 3–6.

⁸²¹ Учреждение для управления Сибирских губерний // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1822. Т. 38. № 29125. С. 345–345.

⁸²² Там же. С. 392–394.

⁸²³ Там же. С. 392–394.

⁸²³ Там же. С. 363.

⁸²⁴ Там же. С. 393

входили в так называемое частное управление, совокупно подчиненное управлению общему, представленному начальником округа и окружным советом (рис. 10).

Рис. 10. Округное управление в многолюдных округах Сибири⁸²⁵

В состав окружного совета входили: городничий, городской глава, в случае если в городе была дума, окружной казначей, окружной судья, стряпчий, земский исправник или старший заседатель земского суда.

Округной начальник выполнял функции председателя окружного совета (в его отсутствие им был старший член совета). Предметами ведения общего окружного управления были следующие обязанности: надзор за деятельностью учреждений окружного, городского и волостного уровней; увольнение и назначение на должности канцелярских служащих (вопросы замещения для классных чиновников); ведение отчетности перед общим губернским управлением; учет казенных сумм, имущества и хлебных запасов; ежемесячные ревизии денежных недоимок и раскладка городских, земских, волостных и инородных повинностей; контроль за работой учреждений приказа общественного призрения, системы наказания (тюрем и острогов) и пр.⁸²⁶

⁸²⁵ Учреждение для управления Сибирских губерний // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1822. Т. 38. № 29125. С. 358.

⁸²⁶ Там же. С. 364–368.

В округах средней людности, где не было общего окружного управления, все его надзорные функции в области финансовых вопросов исполняли городничий и прочие чиновники, на это уполномоченные⁸²⁷.

Деятельность окружных советов части критиковалась как различными ревизорами, так и местными властями. Попытки упразднить окружные советы были. Например, в 1838 г. П. Д. Горчаков, генерал-губернатор Западной Сибири, обратился с этим предложением в вышестоящие инстанции. Генерал-губернатор Н. Н. Муравьев, который был заинтересован в упрощении административного аппарата по управлению Восточной Сибирью, его поддержал. Тем не менее вопрос о судьбе окружных советов решался в различных инстанциях на протяжении десяти лет.

Частное окружное управление включало по Министерству финансов – казенное окружное управление, по Министерству юстиции – окружной суд и по Министерству внутренних дел – земский суд⁸²⁸.

Окружное казенное управление было представлено окружным казначеем, смотрителем питейной продажи (по требованию) и смотрителем продажи соляной, каждый из которых являлся главой подведомственного ему учреждения. Названные чиновники (высшие для округа) совместно входили в подобное губернскому коллегиальное общее присутствие, собиравшееся ежемесячно для проведения ревизии окружного казначейства, винной части и соляной части соответственно (отчеты по проведенным ревизиям предоставлялись казенной палате для их рассмотрения). Окружной землемер также входил в казенное управление, но не включался в присутствие⁸²⁹. Если в предметы ведения винной и соляной частей входили контроль и надзор за производством и продажей вина и соли, то окружное казначейство имело универсальные обязательства – сбор доходов окладных, а также за гербовую и вексельную бумагу, хранение и расходование денежных сумм (по

---

⁸²⁷ Учреждение для управления Сибирских губерний // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1822. Т. 38. № 29125. С. 369.

⁸²⁸ Там же. С. 370.

⁸²⁹ Там же. С. 380–383.

указаниям, выданным казенной палатой), ведение годовой отчетности по приходу, расходу и остаткам.

Окружной суд представлял собой первое звено гражданского и уголовного судебного процесса (рассмотрение проступков и преступлений должностных лиц велось в губернском суде). В состав окружного суда входили судья, три заседателя и стряпчий. При рассмотрении дел представителей из духовного, мещанского и купеческого сословия, если не было специальных для них городских судов, на заседании присутствовали депутаты (представители) этих сословий⁸³⁰.

Земский суд имел три вида полномочий: по суду – разбор маловажных споров на месте, поимка беглых, взятие обвиняемых, исполнение судебных приговоров и пр.; по хозяйству – контроль над государственным имуществом, сбор недоимок, составление ведомостей о засевах и урожаях, справочных местных ценах и пр.; по земской полиции – обнародование в округе указов и постановлений, обеспечение безопасности от пожаров, надзор за устройством больших проселочных дорог и работой почты, принятие мер в случае повальных болезней и скотских падежей, распределение ссыльных, надзор за тюремной полицией, обеспечение взыскания по бесспорным обязательствам и пр. В Земский суд входили земский исправник (он же председатель), четыре заседателя⁸³¹. Для Енисейского округа было положено два отдельных земских заседателя, возглавлявших сильно отдаленные от г. Енисейска, но входившие в округ Туруханское и Богучанское отдельные управления⁸³².

Так называемая окружная полиция в форме земского суда находилась с 1822 г. в ведомственном подчинении общего губернского управления как высшего административно-полицейского учреждения на уровне губернии, а через него и губернатора. В направлении к более низкому уровню власти земскому суду были подотчетны конно-полицейская стража, городовые,

---

⁸³⁰ Учреждение для управления Сибирских губерний // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1822. Т. 38. № 29125. С. 372–374.

⁸³¹ Там же. С. 375–379.

⁸³² ГАКК. Ф. 117. Оп. 1. Д. 43. Л. 2.

сотские, десятники, урядники и другие полицейские низшие чины городского, волостного и сельского управления⁸³³.

По указу Правительствующего сената от 15 июля 1867 г. «О преобразовании полиции Сибири»⁸³⁴ окружные земские суды были реорганизованы в окружные полицейские управления с непосредственной подчиненностью в губерниях – губернскому правлению, а в областях – областному правлению, а через них – губернаторам. Начальником специализированного на пресечении и расследовании уголовных дел полицейского окружного управления был окружной исправник, а в ряд его помощников вошли должностные лица в чине асессора, заседатели, секретарь как глава образованной при управлении канцелярии. В подчинение окружного управления вошли чиновники от полиции – участковые и становые приставы с помощниками, и полицейские надзиратели⁸³⁵.

Полицейские управления объединили в себе функции по пресечению и расследованию уголовных преступлений, правонарушений в фискальном праве, осуществляли санитарный и эпидемиологический надзор, строительный и пожарный надзор, а также отправляли уполномоченных лиц для содействия местным властям в следственных мероприятиях на золотых приисках. Окружные исправники обязаны были разбираться во всех поступающих к ним жалобах и предотвратить беспорядки⁸³⁶.

Кроме того, в округах Сибири, представлявших собой места уголовной и административной ссылки, была введена должность смотрителя поселения для ссыльнопоселенцев, при котором находились столоначальники уголовного, распорядительного и гражданского столов⁸³⁷.

Архивные материалы показали, что на территории Сибири полицейские окружные управления присутствовали на территории каждого округа. В частности, в Енисейской губернии они были учреждены в

---

⁸³³ ГАКК. Ф. 344. Оп. 1. Д. 26. Л. 3–10.

⁸³⁴ О преобразовании полиции Сибири // ПСЗРИ. Собр. 2. 1867. Т. 42, ч. 1. № 44681. С. 879.

⁸³⁵ ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.

⁸³⁶ ГАКК. Ф. 595. Оп. 48. Д. 894. Л. 2–3.

⁸³⁷ ГАКК. Ф. 595. Оп. 48. Д. 894. Л. 11–12.

многолюдных округах и округах средней людности – Красноярское окружное полицейское управление, Енисейское и Ачинское, в Тобольской губернии – Березовское, Сургутское, Ишимское, Тарское, Ялуторовское, курганское, туринское, тобольское, тюменское; в Томской губернии – Каинское, Бийское, Кузнецкое, Мариинское, Томское, Барнаульское, Курганское, Ишимское. В свою очередь, в малолюдных округах или отдельных управлениях округов окружная полиция была представлена полицейскими исправниками – единственными представителями административной власти⁸³⁸.

После создания полицейских окружных управлений возросло число полицейских участков в округах, например, Барнаульский и Томский округа стали делиться вместо трех на пять, Каинской – с трех до четырех. Однако этого было явно недостаточно для организации внутреннего надзора за спокойствием населения. Архивные материалы показали, что, например, Читинский округ Забайкальской области был поделен до 1889 г. всего на два полицейских участка, с 1889 г. – на три, к 1900 г. – на четыре⁸³⁹. При этом по административно-территориальному строению Читинский округ состоял из 10 волостей, одного отдельного Икаральского общества, четырех станичных правлений и двух степных дум, в которые входило 13 инородческих управ и 46 родовых правлений⁸⁴⁰.

В средних по населенности округах: Тюкалинском, Березовском, Туринском, Ялуторовском, Курганском, в Тобольской губернии – Тобольском; в Томской губернии – Колыванском, Бийском, Барнаульском, Кузнецком, Чарышском (до 1827); Ачинском, Красноярском и Канском в Енисейской губернии; Иркутском и Киренском в Иркутской губернии; в Якутской области – Якутском округе – существовало только частное

---

⁸³⁸ Храмов А. Б. Реформа полиции Западной Сибири в 1867 г. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4 ч. Ч. IV. С. 193–196.

⁸³⁹ Прим.: с 1906 г. Забайкальская область вновь вошла в состав Сибири в составе Иркутского генерал-губернаторства.

⁸⁴⁰ ГАИО. Ф. 75. Оп. 10. Д. 102. Л. 2–16.

окружное управление⁸⁴¹. Частное окружное управление было представлено полицией, судом и казначейством⁸⁴². Их полномочия были идентичны названным учреждениям в многолюдных округах. Но при этом в состав окружного и земского суда входило меньшее количество заседателей, что определялось более низкой плотностью населения⁸⁴³.

Малолюдные и отдаленные территории управлялись посредством особой структуры – особенного отделения, возглавляемого отдельными земскими заседателями, после реформы полицейского управления в 1867 г. – отдельными комиссарами.

В рамках Западной Сибири подобные административные центры были созданы на территории Тобольской губернии в Тобольском округе – Деньщиковское отделение, в Туринском округе – Пелымское отделение, в Березовском округе – Обдорское, Кондинское и Сургутское отделения; на территории Томской губернии в Томском округе – Тогурское отделение, в Чарышском округе – отделение за Бийской линией и управление Бухтарминского края⁸⁴⁴.

В рамках Восточной Сибири отдельное управление действовало только в Енисейской губернии при Енисейском окружном управлении – отдельное Туруханское управление и Богучанское отделение, потому что ранее в 1807–1822 гг. на данных территориях действовали комиссарства во главе с отдельными комиссарами⁸⁴⁵. В 1823 г. там должны были быть ликвидированы ранее существовавшие учреждения (например, в Туруханском крае – земский суд и городское правления), во главе Богучанского и Туруханского отделений – поставлены отдельные земские комиссары (из земского суда Енисейского округа), а все делопроизводственные бумаги и оставшиеся денежные суммы – в скорое

---

⁸⁴¹ Учреждение для управления Сибирских губерний // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1822. Т. 38. № 29125. С. 393.

⁸⁴² Там же. С. 359.

⁸⁴³ Там же. С. 372, 375.

⁸⁴⁴ Там же. С. 394.

⁸⁴⁵ Там же. С. 394.

время переданы в организованные присутственные места, находившиеся в городе Енисейске (центре Енисейского округа)⁸⁴⁶.

Архивные материалы свидетельствуют, что перевод управления проводился с присущими для Сибири недочетами, которые, в принципе, государство знало и пыталось предупредить на изначальном уровне. Так, например, ликвидацию бывших учреждений в городе Туруханске проводил беспристрастный чиновник, специально командированный туда енисейским окружным начальником. Туруханская казачья команда обеспечивала безопасное сопровождение до города Енисейска делопроизводственных бумаг, имущества и денежных сумм. Канцелярскими служителями составлялись подробные алфавитные описи всего перевозившегося, пакованного в тюки и коробки⁸⁴⁷.

Население, находившееся уже с 1823 г. формально под властью туруханского и богучанского отдельных комиссаров (управлений)⁸⁴⁸, фактически оставалось совсем без власти до 1827 г., что объяснялось отдаленностью и невозможностью своевременной передачи дел, ликвидации старых учреждений и создания новых. Так, местные чиновники не решались что-либо предпринимать, ссылаясь на отсутствие у них на это полномочий, а государственные служащие в учреждениях Енисейского округа отказывались что-либо делать по причине неприбытия документации, хранившейся где-то на складах или потерявшейся по дороге⁸⁴⁹.

Однако в связи с отдаленностью передача дел, ликвидация старых учреждений и создание новых – все это растянулось на несколько лет и было закончено, например, в Туруханском крае только в 1827 г. Население, находившееся уже с 1823 г. формально под властью туруханского и богучанского отдельных комиссаров (управлений), оставалось совсем без власти еще продолжительное время, поскольку местные чиновники не решались что-либо предпринимать, ссылаясь на отсутствие у них на это

⁸⁴⁶ ГАКК. Ф. 117. Оп. 1. Д. 43. Л. 1–2.

⁸⁴⁷ ГАКК. Ф. 117. Оп. 1. Д. 43. Л. 3.

⁸⁴⁸ Учреждение для управления Сибирских губерний // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1822. Т. 38. № 29125. С. 430–433.

⁸⁴⁹ ГАКК. Ф. 117. Оп. 1. Д. 43. Л. 3.

полномочий, а государственные служащие в учреждениях Енисейского округа отказывались что-либо делать по причине неприбытия документации, хранившейся где-то на складах или потерявшейся по дороге⁸⁵⁰.

Отдельные управления при Енисейском округе существовали вплоть до 1917 г., при этом, например, в Богучанской и Кежемской волостях, подчиненных после 1867 г. отдельному полицейскому исправнику, на полных правах действовали волостные правления. В 1909 г. енисейский губернатор А. И. Гирс планировал Туруханский край перевести в округ. Однако отдаленность названных территорий, и сегодня приравненных к территориям Севера, требовала внимательного отношения⁸⁵¹. После «Туруханского бунта» край по-прежнему управлялся окружным исправником, а штат туруханской полиции был увеличен до двух станových приставов и двух полицейских урядников⁸⁵². Иностранческие и отдаленные округа управлялись посредством одного должностного лица – исправника, соединявшего в себе функции полиции, финансовой и хозяйственной части. Территории данного вида присутствовали только в Восточной Сибири, и ими были округа Якутской области – Олекминский, Вилюйский, Верхне-Янский, Средне-Колымский, а также округа Охотского приморского управления – Охотский и Гижигинский (до 1849)⁸⁵³. После 1849 г. Гижигинский округ был передан в состав Камчатской области, а Охотский округ присоединен к Якутской области, а с 1858 г. к Приморской области.

Приморские управления (Охотское и Камчатское), а также пограничное управление (Троицко-Савское) организовывались по образцу окружного управления. Троицко-Савское пограничное управление было подведомственной территорией пограничного управления во главе с пограничным начальником, которое заменило собой окружной совет, а в его

---

⁸⁵⁰ Учреждение для управления Сибирских губерний // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1822. Т. 38. № 29125. С. 430–433.

⁸⁵¹ Столица северного края // Маяк Севера: общественно-политическая газета. URL: <http://mayaksevera.ru/article/94379/>.

⁸⁵² Гергилев Д. Н. Причины, ход и итоги «Туруханского бунта» 1908–1909 гг. // Общество: философия, история, культура. 2017. № 7. С. 97.

⁸⁵³ Учреждение для управления Сибирских губерний // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1822. Т. 38. № 29125. С. 394.

состав включались пограничные приставы и пограничники, а также заседатели от казаков⁸⁵⁴.

Территория Сибири до 1880-х гг. управлялась посредством особого властного института – генерал-губернаторства. «Применяемые на окраинах различные формы... устройства – губернии и области – были тем самым рычагом, с помощью которого государство приспособлялось к столь разным условиям распространения своей власти на огромной территории»⁸⁵⁵. В период с 1822 по 1851 г. губернское и областное управления имели четкие различия в структуре и полномочиях. Только в середине XIX в. государство отказалось от принципа ограниченности областного управления, подтвердив его самостоятельный статус, не зависевший от губернского. Проведенные преобразования представляли собой попытку верховной и центральной власти ликвидировать один из важных недостатков административной системы в имперской России – так называемую «недоуправляемость». Действия были направлены на укрепление централизации власти в Сибири.

3.4. Поиск формы организации государственной власти в Сибири в конце XIX – начале XX в.

Последняя четверть XIX в. характеризуется масштабным и быстрым освоением новых дальневосточных и среднеазиатских земель, что повлекло за собой необходимость разработки модели новой организационной формы государственного управления на территории всей Сибири. Целью верховной власти и правительственных структур была многокомпонентная и комплексная реформа. Акцентом в ее проведении должно было стать совершенствование организационной и институциональной структуры, позволявшей обеспечить уже не только устойчивое участие государства в

---

⁸⁵⁴ Гергилев Д. Н. Сибирь как пример оптимальных государственных механизмов управления // Вест. Том. гос. ун-та. 2017. № 421. С. 105.

⁸⁵⁵ Гергилев Д. Н. Структура губернского и областного управления в Восточной Сибири в 1822–1917 гг.: принципы функционирования и региональные особенности // Genesis: исторические исследования. 2017. № 6. С. 56–69.

использовании ресурсного потенциала Сибири, но и защиту своих границ, уже строго обозначенных на географических картах.

Одной из задач реформирования управления было создание комплекса идей и мер будущих административных преобразований. Основным организатором было государство, хотя представители институтов зарождавшегося гражданского общества (областничества), заявившие себя в качестве субъекта, вовлеченного в принятие управленческих решений, выдвигали более обоснованные идеи, чем ранее в 1860–1870-е гг.⁸⁵⁶, но консенсуса относительно целей и форм административной реорганизации между государством и обществом достигнуто не было. Инициатива изменений, что характерно, исходила одновременно уже и от общественных и от государственных структур – «областников» и представителей Министерств военного и внутренних дел⁸⁵⁷.

Иркутское генерал-губернаторское управление в 1887–1917 гг. Статус и полномочия местных органов власти, функционировавших без особых изменений в течение 70 лет, в последней четверти XIX в. уже не подходили к новой конфигурации административно-территориальных образований. Изменился национальный и социальный состав жителей огромной Сибири, значительную часть которых представляли уже не инородцы, численность которых сократилась, и вовсе не уголовные и политические ссыльные, а русские крестьяне-земледельцы, пришедшие за Урал в поисках свободных земель.

В 1882 г. была упразднена должность генерал-губернатора Западной Сибири. С этого времени губернаторы Тобольской и Томской губерний, вписанные в систему государственного управления на общих с другими губерниями Центральной России началах, усилили свои позиции в регионах. Это вело к повышению роли Министерства внутренних дел. Стоит отметить, что Министерство внутренних дел стремилось упразднить должность

---

⁸⁵⁶ РГИА. Ф. 1265. Оп. 4. Д. 2. Л. 1–2.

⁸⁵⁷ Прим.: подробнее об этом см. во второй главе данной диссертации.

генерал-губернатора Сибири, поскольку это также усилило бы его позиции. Согласимся с мнением историков Л. М. Дамешека и И. Л. Дамешек, считавших интеграцию западносибирских губерний в единое территориальное пространство России реакцией смены ориентиров империи с внешнеполитических вопросов на усилившиеся внутривластные проблемы. Это объясняет изменение в направлении векторов власти генерал-губернаторов, произошедшее во второй половине XIX в.⁸⁵⁸

В 1887 г. должность генерал-губернатора Восточной Сибири получила новое название – Иркутского генерал-губернатора. Иркутский генерал-губернатор, как и до этого, был подчинен Министерству внутренних дел. Круг его полномочий оставался прежним и включал даже функции дипломатического характера в дипломатических и торговых сношениях России, Монголии и Китая. Изменения полномочий иркутского генерал-губернатора произошли только в «географии» его власти, поскольку в июне 1884 г. было создано Приамурское генерал-губернаторство.

Однако органы бюрократической коллегиальности на генерал-губернаторском уровне власти были упразднены. Совет Главного управления Западной Сибири был ликвидирован в 1882 г. в связи с расформированием одноименного генерал-губернаторства. В 1887 г. одновременно с расформированием Главного управления Восточной Сибири была создана канцелярия иркутского генерал-губернатора. Она состояла из отделов по делопроизводству, ведавших различными отраслями управления краем: вопросами экономической жизни, финансами, податями и повинностями, школьным и медико-санитарным делами, административным устройством, тюрьмами, каторгой и ссылкой, полицией.

---

⁸⁵⁸ Дамешек И. Л. Имперская география генерал-губернаторской власти в России: от Александра I до Николая II // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: История. 2016. Т. 15. С. 15–21; Дамешек Л. М. Программы развития системы образования в Азиатской России в материалах второго сибирского комитета // Вест. Том. гос. ун-та. 2017. № 414. С. 92–97.

Губернское и областное управление в 1895–1917 гг. В конце XIX в. значимая перестройка сибирских губернских учреждений прошла по всем министерствам (рис. 11).

Первым в этом направлении были органы местной власти по Министерству внутренних дел 1895 г., что рассматривалось в качестве средства борьбы с дублированием функций разных отделов и должностных лиц, а также неразберихой в делах⁸⁵⁹.

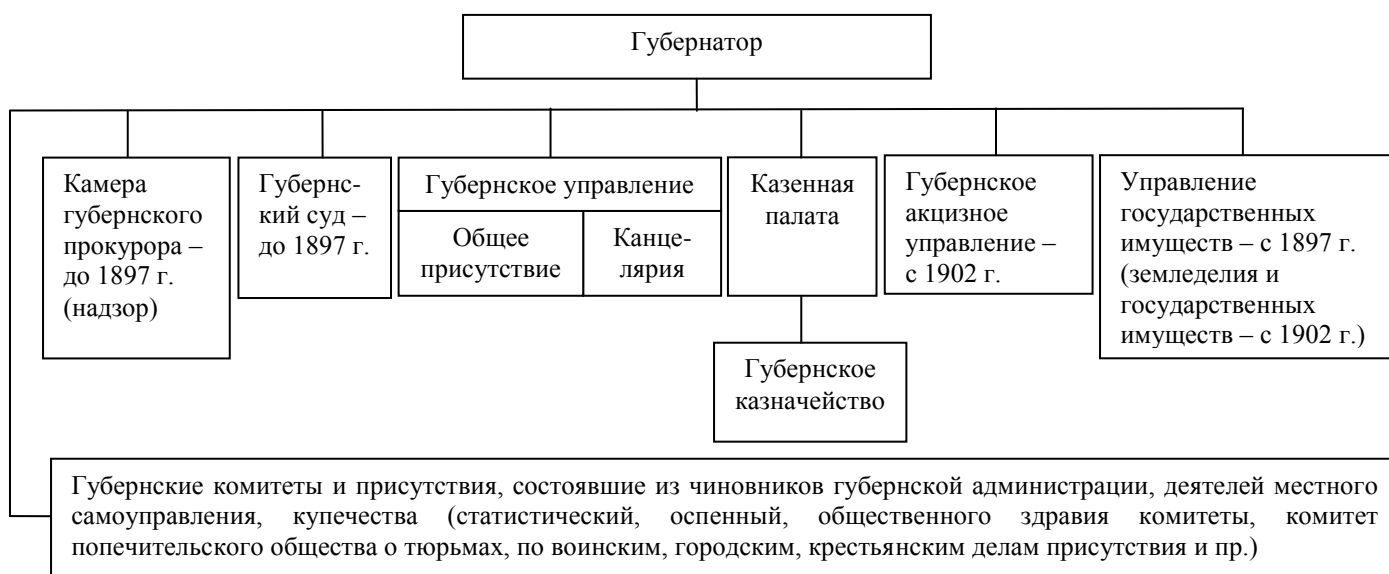

Рис.11. Структура губернского уровня власти в 1895–1917 гг.⁸⁶⁰

В Тобольской, Томской, Иркутской и Енисейской губерниях была проведена реформа многих учреждений. Так, были реорганизованы губернский совет с состоящими при нем правлениями и отделениями, приказ общественного призрения, комитеты оспенный и общественного здравия, врачебная управа. На месте этих учреждений было образовано губернское управление. В него входили губернатор, общее присутствие и канцелярия⁸⁶¹.

⁸⁵⁹ О преобразовании губернских установлений ведомства Министерства внутренних дел в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской и об утверждении штата означенных установлений // ПСЗ РИ. Собр. 3. 1895. 1 июня. Т. 15. № 11757. С. 358–362.

⁸⁶⁰ ГАКК. Ф. 156. Оп. 1. Д. 469. Л. 28 об. – 29.

⁸⁶¹ О преобразовании губернских установлений ведомства Министерства внутренних дел в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской и об утверждении штата означенных установлений // ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. 15. 1895. 1 июня. № 11757. С. 358.

После того как новый порядок управления на местах вступил в силу, полномочия губернатора расширились. Дело в том, что в общее присутствие губернского управления и канцелярию передавались некоторые компетенции ведомства губернского совета и губернского правления. Согласно реформе ряд вопросов, раньше находившихся в юрисдикции этих ведомств, вошел в список дел, по которым губернатор должен был принимать единоличные решения. Также по ряду вопросов были расширены компетенции общего присутствия губернского управления и вице-губернатора.⁸⁶²

Под председательством губернатора в общее присутствие губернского правления вошли вице-губернатор, председатель губернского суда, прокурор губернии (до 1897), непременные члены по крестьянским делам (с 1898 по 1917), врачебный инспектор губернии, губернский ветеринар, губернские инженер и архитектор (он имел право совещательного голоса), советники, губернский тюремный инспектор и его помощник, глава управления государственных имуществ (с 1897 по 1917). Все эти должности имели общее название членов общего присутствия губернского правления.

Согласно реформе должность председателя губернского правления заменялась должностью вице-губернатора⁸⁶³. Стоит отметить, что председатель губернского правления был помощником губернатора по всем вопросам управления. Он принимал участие во всех заседаниях общего присутствия губернского управления. И соответственно, управляющие казенной палатой и управления государственных имуществ, если рассматривались вопросы их ведомств, должны были находиться на

---

⁸⁶² О преобразовании губернских установлений ведомства Министерства внутренних дел в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской и об утверждении штата означенных установлений // ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. 15. 1895. 1 июня. № 11757. С. 359–360.

⁸⁶³ В России институт вице-губернатора имел давнюю историю. В Европейской России в XIX в., до 1837 г., так назывался председатель Казенной палаты, в случаях отсутствия или болезни губернатора имевший право заступать на его место. В 1837 г. Казенная палата получила особого председателя, а вице-губернатор был введен в состав Губернского правления в качестве старшего члена этого установления и помощника губернатора по общему управлению губернией. Он считался старшим лицом в губернии после губернатора, уступая первенство только губернскому предводителю дворянства (в тех случаях, когда не заменял губернатора).

заседаниях общего присутствия губернского управления, причем на равных правах с другими членами общего присутствия⁸⁶⁴.

Канцелярия губернского управления была специализирована и разделена на четыре отделения: распорядительное, тюремное, врачебное и строительное. Функционировали и специальные комитеты или присутствия, созданные для разрешения важных вопросов⁸⁶⁵. Ими могли быть комитеты общественного здоровья, оспенный, статистический, комитет попечительского общества о тюрьмах; а также присутствия по крестьянским, городским, воинским делам.

В то же время в Сибири функционировали переселенческие управления, занимавшиеся, помимо своих прямых обязанностей, также дорожным строительством, больничным и школьным делами. Эти органы имели большое значение для налаживания социальной инфраструктуры, они отсутствовали в Центральной России и в какой-то степени заменяли собой земства.

По Министерству финансов губернская казенная палата в конце XIX – начале XX в. потеряла некоторые функции, которые были переданы контрольной палате. Контрольная палата действовала в Сибири с 1866 по 1886 г. Также ряд полномочий был передан управлению государственных имуществ (действовало с 1897 по 1917), акцизному управлению (действовало с 1902 по 1917). Эти управления были созданы в Сибири гораздо позже по сравнению с Европейской Россией⁸⁶⁶.

По Министерству государственных имуществ в декабре 1896 г. в Сибири повсеместно были введены губернские учреждения для управления государственным имуществом. В их подчинении находились лесные ревизоры, лесничество, межевые чины. В губерниях Центральной России

---

⁸⁶⁴ О преобразовании губернских установлений ведомства Министерства внутренних дел в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской и об утверждении штата означенных установлений // ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. 15. 1895. 1 июня. № 11757. С. 358–359.

⁸⁶⁵ Там же. С. 359.

⁸⁶⁶ Карчаева Т. Г. Социальные ограничения доступа в органы государственной власти в XIX – первой трети XX вв. (на материалах Приенисейского края) // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2016. № 4 (26). С. 86.

управления государственных имуществ действовали согласно реформе 1837 г., а в Сибири, как и судебная реформа, были введены на десятилетия позже: в г. Омске для всей западной части Сибири – 1 марта 1884 г., а в 1894 г. разделились на три самостоятельных: Тобольское, Томское и для Степных областей, в Иркутской и Енисейской губерниях – с 1 мая 1897 г.⁸⁶⁷ До этого времени государственным имуществом в Сибири, т. е. землями, лесами, имениями, составляющими собственность казны и пр., распоряжались губернские казенные палаты и губернские правления⁸⁶⁸.

Архивные материалы свидетельствуют о разработке переселенческими местными структурами специальных проектов о включении приезжих в Сибирь крестьян в систему пользования государственными землями, что должно было препятствовать самовольному пользованию казенно-оброчными статьями по волостям, случаи по которым разбирались в казенных палатах⁸⁶⁹.

Выполнение «Временных правил о применении судебных уставов к губерниям и областям Сибири» от 1896 г. подразумевало вывод судебных учреждений из состава административной власти на всех уровнях управления⁸⁷⁰. Губернский суд и должности губернского и областного прокуроров были ликвидированы.

С 1897 г. территория Восточной Сибири вошла в один крупный Иркутский судебный округ, во главе которого стояла Иркутская судебная палата. Под ее начало вошли Иркутский, Красноярский, Томский, Читинский, Якутский, Благовещенский и Владивостокский окружные суды (рис. 12). В 1899 г. была учреждена Омская судебная палата (включавшая территорию Западной Сибири), что было вызвано введением судебных

---

⁸⁶⁷ Временные правила о применении судебных уставов к губерниям и областям Сибири // ПСЗ РИ. Изд. 3. 1896. 23 декабря. Т. 16, ч. 2, № 13582. С. 242.

⁸⁶⁸ Карчаева Т. Г. Енисейская губернская администрация: численность и состав (1822–1917 гг.)... С. 35–36.

⁸⁶⁹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 39. Л. 1, 15 об. – 17; Д. 78. Л. 3–5; Д. 221. Л. 2–4.

⁸⁷⁰ Временные правила о применении судебных уставов к губерниям и областям Сибири // ПСЗ РИ. Изд. 3. 1896. 13 мая. Т. 16, ч. 1, № 12932. С. 416–425.

уставов в степных областях. В сфере ее ведения входили Тобольская и Томская губернии, а также Акмолинская и Семипалатинская области.

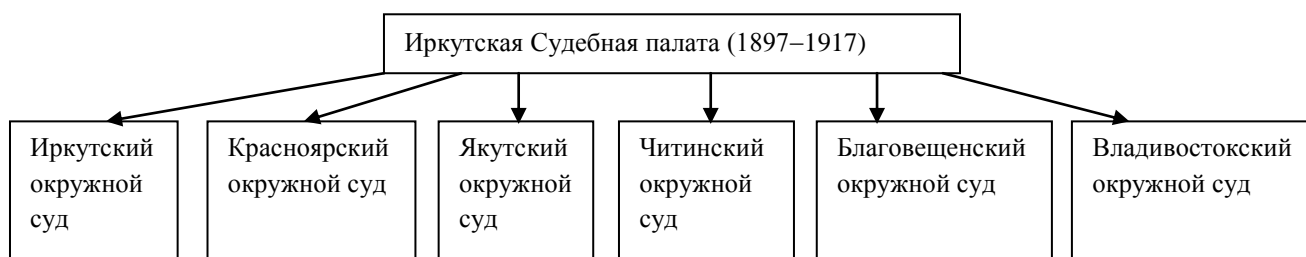

Рис. 12. Структура судебных учреждений в Сибири (1897–1917)⁸⁷¹

Территориальные рамки охвата подсудности дел не совпадали с административно-территориальными границами округов как составных частей сибирских губерний и областей. Окружной суд выступал апелляционной и кассационной инстанцией в отношении приговоров мировых судей, которые были включены в отдельную часть судопроизводства – мирового суда (всего 157 участков мировых судей по всей Сибири), не имевшего самостоятельной 2-ой инстанции в форме съездов мировых судей как в губерниях центральной части страны⁸⁷². При этом Туруханский край Енисейской губернии и Верхоянский и Колымский уезды Якутской области не были разбиты на участки мировых судей, а функции мирового суда до 1911 г. исполняли служащие местной полиции. Следовательно, отделение судебной от исполнительной (административной) власти прошло в усеченной форме. Так Иркутский судебный округ вошел в число российских 14 судебных округов и уступал по площади только округам Омской и Ташкентской судебных палат, поскольку площадь его была 8 967 681,8 кв. верст, а количество проживавшего на нем населения – 2 359 514 чел. (0,3 жителя на кв. версту)⁸⁷³.

⁸⁷¹ ГАКК. Ф. 156. Оп. 1. Д. 469. Л. 28 об. – 29.

⁸⁷² ГАТО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 1. Л. 2–13.

⁸⁷³ Сборник статистических сведений Министерства юстиции. Спб.: Тип. Правительствующего Сената, 1897. Вып. 12: Сведения о личном составе судебных установлений Европейской России, Кавказского края, Сибири и Туркестана и деятельности судебных установлений, образованных по Уставам Императора Александра II и коммерческих судов за 1896 год. С. 1–10, 54–56.

Таким образом, подобная система государственного управления сохранилась вплоть до февраля 1917 г. Основными ее характеристиками стали: разделение властей на исполнительную и судебную ветви власти, концентрация управления на губернском уровне управления, ликвидация разобщенности местных правительственных учреждений и создание новых с наделением их четко определенными полномочиями, централизация власти в лице губернаторов, объем обязанностей и властных полномочий которых был больше, чем у коллег в Центральной России. Считаем, что сохранение иркутского генерал-губернатора при отсутствии каких-либо изменений по его полномочиям оставалось в числе еще не решенных правительством вопросов. Енисейская губерния по социально-экономическому положению тяготела к ряду «внутренних» губерний Российской империи, однако была оставлена в числе территориальных единиц, требовавших особого управления в связи с пограничным положением, климатическими условиями и национальным составом населения, подобно как и Иркутская губерния, Якутская и Забайкальская области Иркутского генерал-губернаторства.

Уездное управление в 1898–1917 гг. Государственное управление в нижнем звене Сибирской администрации сталкивалось с рядом трудностей. Это было связано с тем, что коллегиальность в системе окружного управления, введенная еще в 1822 г., присутствовала лишь в сибирских многолюдных округах – в десяти из сорока⁸⁷⁴. При этом государственная власть в отдаленных и малолюдных округах или отдельных управлениях округов (фактически самостоятельных территориях) была, по праву, «полицейско-авторитарной», так как все направления власти до и после введения полицейского управления концентрировались здесь в одних руках – земского комиссара, а с 1867 г. – окружного исправника⁸⁷⁵.

Административно-территориальный состав сибирских округов был достаточно сложен и включал в себя разное количество волостей, сельских

---

⁸⁷⁴ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. Спб., 1892. С. 517.

⁸⁷⁵ Примеч.: подробнее о реформе окружного полицейского управления см. в параграфе 3.3. диссертации.

общностей, инородческих «ведомств»⁸⁷⁶. Пространственные размеры уездов после 1898 г. не сократились, так как в большей своей части по реформе введения крестьянских начальников были изменены только названия административно-территориальных единиц – с округов на уезды⁸⁷⁷.

По исследованию А. В. Гимельштейна, деление округов, например Иркутской губернии, в 1890-е гг. было следующим: в Верхотенском округе – 5 волостей, Нижнеудинском – 6, Иркутском – 10, Киренском и Балаганском – по 12 волостей. По имевшимся данным 1861 г., население Забайкальской области было примерно на 60 % представлено поровну инородцами и казачеством, в Иркутской области располагалось 13 крупных инородческих административных единиц (степных дум и инородных управ), а позже в Иркутской губернии – 24 инородных управы, среди которых в Балаганском округе их было 12. На территории Баргузинского, Верхнеудинского, Селенгинского, Нерчинского, Читинского округов Забайкальской области в 1874 г. проживали и бродячие инородцы, например бродячие ороченцы. В 1893 г. в составе народонаселения Якутской области инородцами были 93 % населения, а в Амурской области в таком же количестве проживало русское казачество, так как «сельские обыватели гражданского ведомства» на р. Амур составляли всего 6,3 %⁸⁷⁸.

В пограничных округах Сибири, например, в Минусинском округе, Усинском пограничном (с 1885) и Урянхайском краях (с 1913) Енисейской губернии, как и в Нижнеудинском округе Иркутской губернии, Бийском округе Томской губернии или инородческих округах Забайкальской области (после 1906), живущее на линии «фронта» население видело в государстве защитника от преступных действий представителей соседних народов, зачастую, находившихся на ином уровне цивилизационного развития. Кроме

---

⁸⁷⁶ Гергилев Д. Н. Сибирь как пример поисков оптимального административно-территориального устройства России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 6–1. С. 56–61.

⁸⁷⁷ О крестьянских начальниках в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской // ПСЗ РИ. Собр. 3. 1898. 2 июня. Т. 18. № 15503. С. 403–404.

⁸⁷⁸ Гимельштейн А. В. Сибирское общество в условиях становления и развития системы региональной власти (на материалах Восточной Сибири второй половины XIX века): дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2004. С. 38–39.

того, начавшаяся в конце XIX в. политика государства на перевод качующих и бродячих инородцев на оседлый образ жизни привела к столкновениям их интересов с русскими поселенцами, «наводнившими» земледельческие районы Сибири после постройки Транссибирской железной дороги и реформы П. А. Столыпина 1906–1911 гг. Материалы исследования по использованию земли и существовавшего хозяйственного уклада в сельской местности Иркутской и Енисейской губерний за 1893 г. показали, что крестьянское сословие в конце XIX в. пополнилось представителями коренных народов Сибири. Так, хлебопашеством занимались примерно 52 % всех хакасских хозяйств Минусинского округа⁸⁷⁹, а у сагайцев Аскизского ведомства данного округа количество засеянных хлебом земель с 1861 по 1890 г. увеличилось с 973,5 до 6 125,4 десятин⁸⁸⁰.

Сибирское население тяготилось прямыми налогами и натуральными повинностями, которые были среди различных социальных групп распределены неравномерно. Внутри волостей и улусов подати распределялись самими обществами, причем принималось в расчет главным образом количество земли, находившееся во владении у каждого из «общественников». Кроме того, на плечи государственных крестьян ложились обязанности по постройке и ремонту дорог, обеспечению зерном хлебозапасных магазинов и др.⁸⁸¹

Так, например даже в экономически более слабой по сравнению с другими частями Сибири Якутской области, согласно статистико-экономическим сведениям за 1906 г., крестьяне-старожилы и причисленные по приговорам к ним платили ежегодно по 81 коп. подушной подати, 12 коп. государственной подушной подати, 2 руб. 74 коп. оброчной подати, 1 руб. 87 коп. земских сборов, 5 коп. в хозяйственный капитал, 4 коп. в пожарный капитал, 3 коп. в межевой капитал, 26 коп. ружного сбора, а всего на одну

---

⁸⁷⁹ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутск, 1893. Т. 4. С. 647–648, 681–682.

⁸⁸⁰ НА РХ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 703. Л. 11; Д. 1012. Л. 15, 28.

⁸⁸¹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 8. Д. 247. Л. 1.

крестьянскую ревизскую душу приходилось 5 руб. 86 коп. всех податей. В свою очередь, крестьяне, причисленные без приговоров, и скопцы платили в год от 1 руб. 94 коп. до 2 руб. 14 коп.; мещане не центральных городов – по 1 руб. 57 1/2 коп., огромная часть населения, состоявшая из якутов, – около 2 руб. 33 коп. и ясаком от 90 коп. до 3 руб. 15 коп.; кочевые тунгусы, иноверцы, старообрядцы и сектанты – ясак натурой и деньгами 2 руб. 7 коп.; бродячие инородцы – только один ясак. В систему косвенного обложения входили денежные суммы, трижды превышавшие поступления от прямых налогов, и только по акцизному сбору с Якутской области поступало 816 038 руб. 82 коп.⁸⁸²

Российское государство, базировавшееся на административных методах управления в соответствии с выбранным маневром экономической стратегии в отношении Сибири, направленной еще с конца XVII в. на пополнение государевой казны, наравне с геополитическими интересами стремилось к расширению территории российского востока.

Во главе присоединенного в 1885 г. Усинского пограничного округа был поставлен пограничный усинский начальник, назначавшийся енисейским губернатором и утверждавшийся затем генерал-губернатором Восточной Сибири (с 1887 – иркутским генерал-губернатором). Его полномочия были схожи с обязанностями окружного исправника и заведующего горными промыслами в округе. В 1913 г. в связи с планировавшимся властями включением под протекторат России Урянхайского края в состав административного управления была введена должность заведующего пограничными делами Усинского округа. Поэтому с апреля 1914 г., т. е. после включения Урянхайской земли в состав России, русское население и население Усинского округа было включено под ведомственное управление учрежденного Государственной думой специального должностного лица – комиссара по делам Урянхайского края,

---

⁸⁸² Статистико-экономические итоги по Якутской области за 1906 г. Якутск, 1906. С. 234, 240.

упраздненное лишь в марте 1918 г. (резиденция – в селе Верхне-Усинском)⁸⁸³.

Компетенции комиссара по делам Урянхайского края Енисейской губернии и комиссара (с 1898 г. – отдельного пристава) Туруханского края, входившего в состав Енисейского округа Енисейской губернии, между собой были схожи, так как включали все без исключения дела по внутреннему управлению территориями (управление хозяйством, внутренним порядком, взыскание податей, обеспечение работы магазинов), а внешнеполитические вопросы Урянхайского края находились в компетенции Иркутского генерал-губернатора⁸⁸⁴.

Зачастую в отдаленных округах власть сосредоточивалась в руках низшего ранга чиновничества, что было вызвано частыми разъездами руководящего его состава. Это приводило к дискредитации власти, считавшейся в менталитете у русского народа происходящей «от всевышнего»⁸⁸⁵. Недостаток средств, выделяемых на управление, приводил к тому, что окружные чиновники низшего звена, т. е. секретари, регистраторы и пр., а также наемные служащие, являвшиеся еще в середине XIX в. представителями наследственной бюрократии, к началу следующего столетия рекрутировались из местных жителей различного происхождения⁸⁸⁶. Все это подрывало закрытость правящего сословия, обеспечивавшего его стабильность. Служащим окружной администрации были свойственны произвол и попустительство⁸⁸⁷.

Высочайше утвержденное положение «О крестьянских начальниках в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской», вступившее в силу со 2 июня 1898 г., согласно которому округа трансформировались в уезды, изменило управление лишь формально. Согласно его содержанию

---

⁸⁸³ Дацышен В. Г. Тувинское население Усинского пограничного округа Енисейской губернии. Из истории русско-тувинских отношений // Новые исследования Тувы. 2009. № 3. С. 127–138.

⁸⁸⁴ ГАКК. Ф. 117. Оп. 1. Д. 991. Л. 1–4.

⁸⁸⁵ Гергилев Д. Н. Отличительные черты деятельности губернских администраций в Сибири в XIX – начале XX вв. // Клио. 2017. № 8 (128). С. 114–117.

⁸⁸⁶ ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 66. Л. 1–20; Д. 70. Л. 1–94; Д. 75. Д. 1–120.

⁸⁸⁷ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. Спб., 1892. С. 501.

округи были переименованы в уезды, в связи с этим должностные лица и учреждения, которые до этого именовались окружными, стали называться уездными без каких-либо внутренних структурных или функциональных изменений, а земские заседатели стали называться становыми приставами⁸⁸⁸. Окружное полицейское управление было преобразовано в уездное, но функции его не изменились.

Примером несоответствия правительственных уездных структур требованиям времени может служить факт Туруханского бунта в 1908–1909 гг., суть которого заключалась в том, что представители правопорядка оказались неспособными подавить банду анархистов собственными силами: полиция была разбросана по станам, лишь небольшая ее часть находилась в городе, жандармерия оказалась сокращена, несколько охранных пунктов упразднены⁸⁸⁹. Наладить порядок в Енисейском округе местным властям удалось только после введения в Енисейской губернии военного положения и отправки военных сил из Центральной России для подавления бунтовщиков. Несогласованность действий администрации объяснялась несовершенством полицейского управления, являвшегося внутренней стражей спокойствия государства⁸⁹⁰.

Таким образом, система административного управления на окружном, с 1898 г. – уездном уровне не была едина во всей Сибири. В имперском дискурсе рациональным выбором модели организации местной государственной власти в конце XIX – начале XX в. оставался все тот же проект М. М. Сперанского. Динамичное развитие территории за счет присоединения пограничных земель на юге Енисейской губернии, выделение в самостоятельную административную единицу Приморского генерал-губернаторства и придание общего внутреннего статуса Тобольской и Томской губерниям – все это не изменило структурирование администрации

---

⁸⁸⁸ О крестьянских начальниках в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской // ПСЗ РИ. Собр. 3. 1898. 2 июня. Т. 18. № 15503. С. 403–404.

⁸⁸⁹ ГАКК. Ф. 42. Оп. 3. Д. 162. Л. 1–4.

⁸⁹⁰ Гергилев Д. Н. Причины, ход и итоги «Туруханского бунта» 1908–1909 гг. // Общество: философия, история, культура. 2017. № 7. С. 94, 97–98.

на окружном, с 1898 г. – уездном звене государственного управления. Отсутствие четкого разграничения в полномочиях и выросший объем делопроизводства государственных окружных властей полностью соответствовали схожим проблемам в губернских учреждениях, так же и в губернском совете, губернском правлении и казенной палате.

На основании вышесказанного мы утверждаем, что Восточная и Западная Сибирь имели особый статус в составе Российской империи. За период с 1822 по 1917 г. система административного устройства Сибири претерпела существенные изменения. Различные формы административного управления, губернского и областного, а также четыре формы окружного управления, до конца XIX в. сосредоточившиеся в «чрезвычайном» институте генерал-губернаторства, использовались государством для распространения своей власти на всю обширную территорию Сибири. По возможности это делалось с учетом местных особенностей.

В ходе реформы административного аппарата в губерниях и областях можно было выделить несколько этапов: рубежами этих этапов для Якутской и Забайкальской областей стали 1851 и 1895 гг., для Томской и Тобольской губерний – 1895 и 1882 гг., для Иркутской и Енисейской губерний – 1895 г. При этом нужно учитывать, что Забайкальская область вернулась в административный состав Сибири в 1906 г.

Основная суть преобразований на губернском уровне управления заключалась в принципиальных изменениях организации деятельности в сфере компетенций губернского правления. Они были осуществлены в ходе реформы местных органов власти Министерства внутренних дел в 1895 г. При этом губернские учреждения по Министерству финансов реформировались не столь радикально и суть преобразований в основном сводилась к передаче их функций в недавно созданные отдельные специализированные учреждения: такие как контрольная палата, управление государственных имуществ, акцизное управление. Реформа судебной системы в Сибири вступила в стадию реализации в 1896 г., при этом

создание отдельной судебной ветви власти видоизменило всю структуру органов этого ведомства, вышедших за границы административно-территориальных единиц путем создания ведомственных Иркутского и Омского судебного округов.

В рассмотренный период, с 1822 по 1917 г., реформирование областного управления было реализовано в два этапа, так как до 1851 г. оно было своего рода урезанной формой губернской системы. В течение второго этапа реформа носила более полный характер. В ходе преобразований 1851 г. якутская и забайкальская областные администрации были наделены широкими полномочиями. Принцип широких полномочий областных правлений просуществовал до 1917 г. Областное правление ранее возглавлял областной начальник, затем губернатор. При этом в системе государственного управления Забайкальской и Якутской областей присутствовало две линии – гражданская и военная, первая была, как и в губерниях, направлена на реализацию экономического и фискального интереса государства, а вторая – на достижение геополитической стабильности и военной безопасности российских границ. Устойчивый характер окружного управления в Сибири был объяснен применением с 1822 г. четырех форм его реализации: от многонаселенных до малонаселенных округов, что давало возможность приспособиться к разнообразным в национальном, культурном и экономическом отношении особенностям территорий, включенных в состав огромной Сибири. Однако консервативность, свойственная данному периоду имперской России, отягощала местное управление и не позволяла ему быть гибким и адаптированным к условиям времени. Ведь даже система административного управления новыми присоединенными к России землями, Усинским и Урянхайским краями Енисейской губернии была выстроена по ранее применимому в Туруханском крае образцу.

Выводы. Преддверием петровских реформ в управлении Сибирью были преобразования 1690-х гг., суть которых заключалась в ограничении

административной компетенции воеводского управления, повышении уровня персональной ответственности воевод и усилении над ними контроля со стороны других органов местного управления и выборных должностных лиц⁸⁹¹.

Губернская реформа 1708 г. вступила в стадию реализации на территории Сибири в 1710 г. Верховная власть выстраивала структурные компоненты местной администрации с пониманием, что они должны быть долговечны и готовы эффективно реализовывать принятые центральной властью решения, являвшиеся жизненно важными для обеспечения включенности «восточной окраины» в состав России и достижения тактических задач: организация заселения и производственной деятельности, контроль за фиском, надзор за более мелкими городскими и волостными структурами. При этом встающие перед местной властью проблемы воспринимались как ступени на пути к достижению стратегической цели, которая в отношении Сибири заключалась в увеличении прибывавших с ее территории ресурсов и совершенствовании налогообложения.

Первая четверть XVIII в. была примером исторического периода, за непродолжительное время которого происходило массовое создание новых управленческих структур. Так шел поиск идеальной формы учреждения, которое бы позволило обеспечить эффективное ведение хозяйственной деятельности в Сибири. Поскольку защита внешних рубежей восточных зауральских окраин была возложена в большей степени на губернскую и с 1719 г. еще и провинциальную администрацию, которые занимались и экономической деятельностью, то непосредственный сбор материальных и финансовых ресурсов возлагался на более низкие в иерархии органы. Ими как раз и были учреждения на уровне уездов и с 1719 г. еще и дистриктов (ландратских долей не было).

В имперском дискурсе административные местные структуры в Сибири, воспринимавшиеся в качестве зауральской «сухопутной» колонии,

---

⁸⁹¹ Ананьев Д. А. Воеводское управление Сибири в XVIII веке. Новосибирск, 2005. С. 88–90.

должны были быть адаптированы к реальным условиям. Администрация Енисейской губернии была важным звеном в единой системе управления Российской империей. От енисейской губернской администрации в значительной степени зависели общественный порядок и соблюдение интересов государства на территории губернии. Администрация Енисейской губернии была серьезно реформирована только в конце XIX в. В предшествующий период она была организована в виде общего и частного управлений.

Следует отметить, что на протяжении всего рассматриваемого периода времени губернская администрация представляла следующие ведомства: Министерства внутренних дел (было представлено губернским правлением во главе с губернатором, а после 1895 г. – губернским управлением); Министерства финансов (было представлено казенной палатой, в период с 1866 по 1886 г. – контрольной палатой, с 1902 г. – акцизным управлением); Министерства государственных имуществ (с 1902 г. было представлено одноименным управлением).

Существовали и региональные особенности, о которых необходимо упомянуть. Во-первых, в этот период сохранялась подведомственность главному управлению Восточной Сибири; во-вторых, губернатор имел особый статус и у казенной палаты со времени ее создания был свой председатель; в-третьих, до 1895 г. сохранялся принцип коллегиальности в управлении, не существовало должности вице-губернатора; в-четвертых, общероссийские реформы проводились в Енисейской губернии с некоторым запозданием (так, отделение судов от администрации и учреждение управления государственных имуществ произошло только в 1897 г.); в-пятых, до 1895 г. существовал приказ общественного призрения, что было связано с отсутствием земского и дворянского самоуправления (в свою очередь, это способствовало большему контролю государства над обществом).

На основании всего вышеизложенного мы делаем вывод, что во весь имперский период государственного управления Сибирью проведенные преобразования административного устройства органов государственной власти всех уровней и подведомственности носили систематичный всеохватывающий характер. Главной целью реформы административного устройства Российской империи было исправление «недоуправляемости» окраин. В конечном итоге реформы способствовали централизации государственного устройства.

Верховная и центральная власть через местные правительственные структуры реализовывала стратегическую цель государственного управления Сибирью – пополнение казны, развитие хозяйственного экономического потенциала государства, обеспечение его внутренней и внешней безопасности. При этом использовались разные модели административной модернизации – от многокомпонентной вестернизации до комплексного организационного и институционального совершенствования с использованием национальной специфики.

Глава 4. НИЗОВЫЕ ЗВЕНЬЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ СИБИРЬЮ

4.1. Города, остроги, слободы и ясашные волости в Сибири от Петра I до Екатерины II

Характер и этапы изменений всей структуры власти и управления страной в XVIII в. в целом инициировались административными реформами. Петр I в общих интересах феодального господствующего класса пытался взять на вооружение принципы «разделения властей» по функциям, ведомственную отраслевую специализацию, принцип коллегиального принятия решений, а также принцип централизации власти. При этом на низовом уровне управления скорость и масштаб изменений были менее значительны, что объяснялось наличием здесь своих традиционных порядков, вступавших в противоречие с общегосударственными законами.

Реформа местных органов власти в Сибири в XVIII–XIX вв. имела целью построение новой бюрократической системы. Тем не менее при осуществлении этой реформы губернаторы продолжали полагаться на мирское самоуправление и сложившуюся практику опроса местных жителей.

Большое значение для становления в Сибири административно-территориального аппарата имела попытка Петра I разделить военный и гражданский уровни местного управления. По указу от 28 января 1715 г. в городах, где отсутствовал военный гарнизон, должность коменданта упразднялась. Если в наличии был гарнизон, то комендант сосредоточивался на его командовании, поэтому фискальные и все гражданские функции управления переходили ландратам. Согласно Указу от 10 ноября 1715 г. ландратам предписывалось провести перепись тяглого населения⁸⁹². Тем не менее законы 1715 г., касающиеся ландратов, практически не были

---

⁸⁹² О переписи крестьянских, бобыльских и других дворов и в них людей // ПЗС РИ. Собр. 1. 1715. 10 декабря. Т. 5. № 2964. С. 185.

реализованы в Сибири. Дело в том, что в городах Сибири были размещены военные гарнизоны. Как следствие, там сохранялись должности комендантов, которые, как и прежде, выполняли свои обязанности. Поскольку в Санкт-Петербург ландратские переписные книги из Сибири так и не были присланы, несмотря на требование Сената, сложно говорить о существовании в Сибири ландратских долей, а также о том, что ландраты проводили перепись дворов⁸⁹³.

Исследователи пока не пришли к консенсусу о дефиниции «города» в России в XVIII в., поэтому их количество, а также численность и состав населения приводятся по-разному. Определяющим, по нашему мнению, можно считать характер деятельности населения, в применении к городам это торговля и промышленность. При этом архивные материалы свидетельствуют, что уже в марте 1714 г. Сенат запрашивал от Канцелярии Сибирской губернии сведения о сборе денег с городов на содержание «Посольского приказа, Артиллерийского приказа и Оружейной канцелярии, полков, положенных содержанием на Сибирскую губернию (в том числе находящихся в Померании), Адмиралтейского приказа, Мундирной канцелярии, Аптекарского приказа, и на содержание Петербургской губернии (строительство жилых домов в Петербурге, судов и гаваней в Кронштадте и на Котлинском острове)»⁸⁹⁴. При этом существование посадских общин в городах зависело от нашего понимания этого термина. Дело в том, что в источниках дефиниция «посадские люди» иногда применяется в значении «жители посада», а ими могли быть и крестьяне.

Термин «посадские» люди постепенно приобрел узкое значение, поскольку обозначал слои, выделившиеся из крестьянской среды массы населения, которые, во-первых, проживали на территории города-посада, во-вторых, обладали определенными правами, свойственными городской корпорации.

---

⁸⁹³ Ключков М. В. Население России при Петре Великом по переписям того времени. Спб., 1911. Т. 1.: Переписи дворов и населения (1678–1721). С. 318–350.

⁸⁹⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Д. 154. Л. 503.

Важное значение имела миграция населения в Сибирь из Поморья, она сочеталась с внутренними переселениями, однако неправильно понимать эти миграции как непрерывный безостановочный поток в Сибирь, ведь часто он заканчивался на Урале. Тем не менее в Западной Сибири еще имелись большие земельные массивы для новых поселенцев, а не желавшие заниматься земледелием переходили в категорию «гулящих людей», в основном работавших по найму. В Западной Сибири колонизация, как правило, была связана с миграцией в южном и восточном направлениях из соседних регионов, почти одновременной и волнообразной. Переселения из более отдаленных районов также имели место, но по объему миграции населения уступали переселению в пределах смежных районов. Можно утверждать, что при Петре I сформировалась внутрисословная категория государственных крестьян⁸⁹⁵.

Юридическое и фактическое оформление категории государственных крестьян произошло в результате реализации податной реформы 1720-х гг. В «Плакате о сборе подушном» ясачное население империи представлялось составной частью нового разряда крестьян. Необходимо отметить, что в XVIII столетии земледельческий труд не рассматривался в качестве обязательного условия для изменения социального состояния ясачных, что подразумевает их перевод в крестьянское сословие.

Ясак был выражением специфических политэкономических отношений, которые связывали метрополию и осваиваемые территории. Военно-политическое значение ясака значительно ослабевает в XVIII в., наполняясь соответствующим экономическим смыслом. Таким образом, из средства государственной идентификации иноземцев Сибири ясак превращается в социальный маркер, выполнявший роль регулятора жизни «ясачных людей». Сибирские «ясашные» по статусу представляли отдельную податную группу, которая сохранила не только особую форму натуральной подати в пользу государства, но и определяемое этими специфическими

---

⁸⁹⁵ Российское законодательство X–XX веков. М., 1986. Т. 4. С. 33.

чертами социально-правовое положение. Среди них были права на невнесенные в вертикаль российской власти самоуправления и отсутствие до начала XIX в. формальных должностных статусов у представителей элиты ясачного населения, именуемых «ясачный человек»⁸⁹⁶. Можно констатировать, что мысли о зачислении ясачных людей в государственное крестьянское сословие, характерные для некоторых правительственных деятелей первой четверти XVIII в., в Сибири не получили практической реализации, поэтому данная задача оставалась актуальной во время реформ М. М. Сперанского по отношению к оседлым инородцам.

Особый интерес для исследования административно-территориального развития Сибири представляют остроги, среди которых определенным своеобразием обладали крестьянские. Одним из таких особенных образцов русских острогов в Сибирском крае, который сохранился до наших дней, является Казымский острог, остатки которого детально изучались археологами в 1970-е гг. XX в. Пространство, которое образовали постройки, входившие в систему крестьянских острогов, являлось максимально замкнутым, что позволяло полностью использовать территорию острога не только в оборонном, но и в хозяйственном плане. Необходимо отметить, что образ острогов приобретал также символическое значение, поэтому на протяжении столетий трансформировалось их пространство, обусловленное изменением потребностей людей.

Петр I в наказе Тобольскому воеводе Черкасскому предписывал выбирать крестьянских старост, целовальников, десятских, главными функциями которых обозначены контроль над крестьянами, предотвращение нарушений закона, а именно побегов и воровства⁸⁹⁷. Наказ царя верхотуринским воеводам предписывает проводить выборы приказчиков для надзора над крестьянами, приписанными казне. Одновременно крестьянские сообщества из своего состава могли выбирать старост, целовальников и

---

⁸⁹⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Д. 187. Л. 57.

⁸⁹⁷ Наказ ближнему боярину князю Черкасскому, назначенному в Тобольск воеводою // ПСЗ РИ. 1697. 1 сентября. Т. 3. № 1594. С. 360.

десятских, которых обязывали доносить обо всех происшествиях приказчику⁸⁹⁸. Подобные документы являются примерами синергии местной государственной власти и крестьянского самоуправления, например, аналогичные должности перечислены в наказе нерчинскому воеводе⁸⁹⁹. В именном указе Сената о возвращении беглых крестьян и бобылей называются должности в дворцовых волостях и монастырских селах⁹⁰⁰. Особой задачей государства в крестьянской переселенческой политике было, наряду с физическим заполнением «русским людом» осваиваемых территорий, создание соразмерной с центрально-российскими реалиями системой управления крестьянскими острогами и поселениями. Важно подчеркнуть, что крестьянское самоуправление являлось инструментом продвижения и закрепления имперского элемента в восточных районах совместно с местным государственным управлением. Соотношение управления и самоуправления на местном уровне в Сибири представляло собой вынужденную синергию при главенстве государственного управления с использованием системы самоуправления, сложившейся в российских регионах переселения. Однако по причине дискретности контингента переселенцев продвижение крестьянских масс в сибирские земли разрушало общинный каркас. В этом состоят особенности сибирских сельских сообществ.

Крестьянство играло большую роль в удержании Сибири, особенно на южных рубежах на границе с кочевыми племенами. Крестьяне участвовали в возведении слободских и острожных укреплений, несли там караульную службу, а во время набегов аборигенных отрядов воевали в составе регулярных войск. Отвлечение крестьян от их основного рода деятельности вызывало недовольство, но не вело к активному сопротивлению властям,

---

⁸⁹⁸ Об управлении казенными, земскими и военными делами. Наказ Верхотуринским воеводам // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1697. 1 сентября. Т. 3. № 1595. С. 380.

⁸⁹⁹ Наказные статьи Нерчинскому воеводе. Об управлении казенными, земскими и военными делами // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1701. 5 января. Т. 4. № 1822. С. 118.

⁹⁰⁰ О посылке из Сената в Синод сведений о важных делах, за подписание всего Сенатом, а о неважных рукою обер-секретаря; о писании из коллегий и канцелярий из губерний и провинций доношениями; и о сведениях патриарших, архиерейских и монастырских вотчин по сборам в Синод // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1721. 3 марта. Т. 6. № 3749. С. 366–367.

поскольку колонисты осознавали важность строительства защитных сооружений и отражения агрессии кочевников, которые убивали и уводили в полон русских поселенцев⁹⁰¹. Важной особенностью административно-территориального развития являлся тот факт, что крестьянское освоение Сибири опережало государственное, обусловленное, в частности, проблемами с заимками, которые являлись собственностью крестьянина, хотя в правовом плане не были закреплены за ним.

Первая ревизия заложила оформление государственных крестьян как сословия, основой чему послужили государственные пашенные и оброчные крестьяне. Стоит отметить, что такие формы феодальной повинности, как оброк и десятинная пашня, существовали в Сибири до 1760-х гг., когда были заменены денежной формой. Поскольку в Сибири отсутствовало дворянское землевладение, сохранялась казенная пашня и оброк хлебом, функции управления государственными крестьянами были переданы земским комиссарам. Таким образом, фактически была восстановлена должность казенного приказчика с административными, фискальными и судебными полномочиями. Согласно традиции казенные приказчики в своей работе полагались на крестьянское «мирское» самоуправление.

В этом плане особую роль играли ясашные волости, где ясашные люди являли особую разновидность государственных крестьян, поскольку «ясак» представлял собой единицу обложения. Вместе с тем он также исполнял роль меры учета, поэтому определялся по количеству дворов, хотя это число, соответствовавшее ясаку, не было единым, а определялось его размерами, характером и качеством. Подобная ситуация затрудняла определение численности ясашных даже в случае сохранения данных о количестве обложенных ясаком. Важно также подчеркнуть, что ясаком обкладывались только главы семей.

Усиление колонизации Сибири в первой четверти XVIII в. было связано с роспуском Петром I стрелецкого войска в 1699 г. и ссылкой

---

⁹⁰¹ Пузанов В. Д. Военная служба крестьян Сибири в XVII–XVIII вв. // Вопросы истории. 2014. № 2. С. 97.

мятежников в отдаленные восточные районы. Все сибирские остроги имели в своем составе оставшихся в живых после суровой расправы царя представителей первого российского регулярного войска, дискредитировавшего себя в глазах молодого реформатора. Ссылка стрельцов преследовала утилитарную цель, заключающуюся в искуплении вины и помощи в освоении новых территорий. Последующие правители России активно использовали заложенный Петром I инструмент заселения Сибири при помощи административной ссылки преступных и порочных лиц.

Проведение городской реформы началось в 1720 г. с созданием Главного магистрата, а затем издания его Регламента. Согласно Регламенту магистраты становились органами местного самоуправления, хотя при этом сохранились земские старосты и посадские сходы. В 1726–1730-х гг. была сконструирована система местного управления, сохранившаяся без серьезных изменений до реформы 1763 г. Расширение функционала губернского уровня управления обусловило увеличение количества местных канцелярий и, способствовало если не росту рядов служащих, то сохранению их численности на уровне конца XVII в. В учреждениях последующего периода прослеживается стремление законодателя идти путем, характерным для его предшественников, и привлекать к делам управления выборный элемент. Новым в этом отношении было стремление получить выборных исполнителей прежде всего из числа дворян.

Подушная перепись и реформы в провинции привели к значительным изменениям в системе сословного самоуправления, поскольку в обеспечении этих реформ большую роль сыграл важный орган управления, который подчинялся непосредственно императору. В результате первой ревизии было сформировано сословие государственных крестьян. Согласно «Плакату о подушной подати» 1724 г., в это сословие также были включены инородцы, татары, ясашное население⁹⁰².

---

⁹⁰² Плакат о сборе подушных денег, о повинностях земских обывателей в пользу квартирующих войск и о наблюдении полковым начальством благочиния и порядка в селениях, войсками занимаемых // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1724. 26 июня. Т. 7. № 4533. С. 311.

Эти реформы привели к увеличению повинностей местного населения в виде сборов на содержание почт, ремонт дорог и пр. В 1727 г. сибирский губернатор М. В. Долгоруков отмечал в письме Сенату, что в некоторых городах судебным комиссарам не стоит работать, поскольку там проживают «одни ясачные иноверцы»⁹⁰³. Административное управление иноземцами в период присоединения аборигенных территорий носило щадящий характер для социальной организации включенных в состав России народов.

Архивные материалы свидетельствуют о нередких случаях поддержки центральной, губернской, областной (провинциальной) властью жалоб ясачных людей на управленцев местной администрации⁹⁰⁴. При этом аборигенные общины превращались в ясачные волости с неустойчивой внешней административной структурой. По организации внутренней структуры ясачные волости продолжали оставаться традиционными, управление осуществлялось главами родов.

Проведенные Петром I две реформы реорганизовали систему местного управления в Сибири, которая в силу обширности территории и недостатка подготовленных административных кадров носила иерархичный характер, что было призвано оптимизировать схему выполнения на местах решений центральных властей. Однако контрреформы 1727–1728 гг. привели к строгой централизации административно-территориального деления с концентрацией в руках губернатора и воевод всей полноты власти, а также контроля над местной государственной властью и органами местного самоуправления.

В целом реорганизация местной власти в Сибири в 1708–1762 гг. носила непоследовательный и фрагментарный характер при сохранении основного тренда на ускорение модернизации и бюрократизации системы управления.

---

⁹⁰³ О непредъявлении в дистрикты и города Тобольского округа судебных комиссаров и о назначении Сибирского губернатора Президентом Тобольского народного суда // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1727. 21 февраля. Т. 7. № 5015. С. 741.

⁹⁰⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Д. 248. Л. 140–148.

Время конца XVI – начала XVIII в. можно определить как первый этап «государственного строительства» в Сибири. Этот этап хронологически соотносится с периодом функционирования приказной системы на государственном уровне и воеводского управления на местном. В Сибири, как и в центрально-российских регионах, главной административно-территориальной структурной единицей был уезд, возглавлявшийся воеводой. В течение XVII в. здесь сформировалось двадцать уездов.

К первой четверти XVIII в. управление было распределено между высшими центральными органами московского государства в основном по территориальному принципу. Эта территориальная форма приказов как центральных учреждений до определенной степени скрывала отсутствие территориально-областного устройства⁹⁰⁵.

Центральной фигурой руководства и контроля «государевыми пашенными и оброчными крестьянами» был приказчик, который назначался комендантом. Сохранение института приказчика являлось пережитком системы кормлений, поэтому в слободах приказчиков должны были заменить бурмистры, выбираемые из числа крестьян. Так, в больших слободах полагалось выбирать по три бурмиистра, в малых слободах – по два. В ряде сибирских слобод должности приказчиков были отменены, хотя приказчики продолжали управлять острогами и после 1711 г.⁹⁰⁶ К 1716 г. должность казенного приказчика вернули в структуру местного самоуправления, однако в деревнях бурмистры продолжали свою работу и после этого. Так, например, согласно сохранившимся записям, в 1721 г. томские крестьяне на содержание выборных бурмиистров сдавали по три копейки с одной десятины пашни⁹⁰⁷.

В числе основных задач первой ревизии было увеличение доли городского населения, занятого в торговле и промышленности, – так называемое «посадское строение». Достичь этого предполагалось путем

---

⁹⁰⁵ Развитие русского права второй половины XVII–XVIII вв. М., 1992. С. 127–130; Административно-территориальное устройство России. История и современность. М., 2003. С. 58–98.

⁹⁰⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Д. 154. Л. 19–28.

⁹⁰⁷ РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1. Л. 69–73.

возвращения в посады беглых и их приписки к купцам и ремесленникам, проживавшим в городах.

Реформа административной системы в России в полной мере затронула и Сибирь. Основные векторы этих преобразований сводились к рационализации аппарата управления и нормативно-законодательному регулированию реформаций.

Законодательными актами 1727–1728 гг. в Российской империи был установлен новый порядок работы местных органов власти⁹⁰⁸. Однако стоит отметить, что в Сибири этот порядок фактически действовал с 1719 г. – времени начала провинциальной реформы. Уже в течение 1720-х гг. сибирский губернатор был ответственен за работу управителей в губернии. При этом провинциальные воеводы отчитывались о деятельности городских воевод, а городские воеводы – о деятельности управителей пригородов, которые находились у них в подчинении⁹⁰⁹. Характерной особенностью системы управления Сибирью после реформы 1727 г. стало сохранение дистриктов. Управители некоторых дистриктов назначались указом Сената, а с 1730 г. – Сибирским приказом. Такие дистрикты находились в подчинении губернской канцелярии и были сопоставимы по значению с уездами.

С целью приема и распределения денежных сборов были созданы комиссарство и конторы: соляные и кормчешные. Соляные конторы контролировали добычу и продажу соли, а также соляных сборщиков. Соляная контора и комиссарство были в ведении Главной соляной конторы.

В крупных Сибирских городах соляные конторы создавались примерно в одно и то же время: в Тобольске в 1740-х гг. была создана соляная контора, в Иркутске соляное комиссарство было образовано в 1751 г.⁹¹⁰ На основании указов 1751 г. в Москве была создана корчешная канцелярия. Она находилась в подчинении Камер-коллегии. Корчешные конторы были образованы и в

---

⁹⁰⁸ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 25. Л. 1–293.

⁹⁰⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Д. 154. Л. 19–28.

⁹¹⁰ Быконя Г. Ф. Русское неподатное население... С. 26.

Сибири: в 1751 г. в Тобольске и в 1755 г. в Иркутске⁹¹¹. В качестве одной из основных их обязанностей была борьба с кормчеством⁹¹².

Преобразования местного судебного управления в 1727 г. привели к переименованию магистратов в ратуши и подчинению их губернаторам и воеводам. С изданием Наказа губернаторам и воеводам 1728 г. хозяйственно-финансовая практика ратуш оставалась под контролем местной администрацией. Другими делами управляли ратуши, но воеводы являлись апелляционной инстанцией для горожан.

Одной из целей реформ 1727–1728 гг. было уменьшение трат на содержание административного аппарата. В связи с этим вопрос о содержании чиновников находился в центре внимания реформаторов.

Именным указом от 20 марта 1727 г. было сокращено денежное содержание воеводам, а отдельным категориям служащих вместо окладов позволено «довольствоваться от дел... по прежнему»⁹¹³. В соответствии с указом, военнотружущим в городах определялся «майорский ранг», а в пригородах – «поручий ранг»⁹¹⁴. Согласно указу от 14 декабря 1724 г. воеводы могли получать жалование вдвое меньшее, чем у соответствующих чинов в армии.

Для понимания сущности административно-территориального развития Сибири необходимо учитывать, что расширение государственного аппарата противоречило стремлению центральных властей снизить государственные расходы на чиновников. Изменилось взаимодействие центральных органов власти и местных администраций, что было связано с восстановлением

---

⁹¹¹ Быконя, Г. Ф. Русское неподатное население... С. 26.

⁹¹² Об учреждении Контор для пресечения корчемств и о даче, по требованиям винным компанейщикам и их поверенных, солдат из всех команд на казенной кошт // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1750. 30 апреля. Т. 13. № 9741. С. 258; О учреждении Корчемных контор в Санкт-Петербурге, Кронштадте, Шлиссельбурге, по каналу и во всей Ингерманландии для пресечения корчемств // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1750. 11 октября. Т. 13. № 9806. С. 360; Об учреждении в Новгороде Корчемной Конторы // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1750. 1 ноября. Т. 13. № 9815. С. 370.

⁹¹³ О назначении секретарям и подъячим, получавшим прежде в Приказах жалование, и ныне равный оклад прежнему, и о бытии на прежнем положении тем из них, которые за неимением окладного жалования довольствовались содержанием от дел; о смотре Секретарями судьям и о неопределении Секретарей в те города, в которых не было прежде дьяков // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1727. 20 марта. Т. 7. № 5039. С. 764.

⁹¹⁴ О жаловании коллежским членам, камерирам и рентмейстерам // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1724. 14 декабря. Т. 7. №. 4613. С. 384.

Сибирского приказа⁹¹⁵. За восстановление Сибирского приказа выступили сенаторы, поскольку снизились доходы от торговли и ухудшилась управляемость Сибирью.

В этот период Сибирский приказ стал важным связующим звеном между коллегиями и губернской администрацией. Однако Сибирский приказ стремительно бюрократизировался, обрастая штатными единицами, также он терял часть своих компетенций за счет их «перетекания» в другие центральные органы⁹¹⁶.

Исследование административного устройства Сибири в 1730–1763 гг. позволяет сделать вывод о том, что воссоздание Сибирского приказа было временным. Это было связано с тем, что Сибирский приказ так и не стал самостоятельным органом власти в полном смысле этого слова. Приказ подчинялся Сенату, ряд вопросов, ранее находившихся в его компетенции, оставался в распоряжении других ведомств. Одновременно с этим продолжался процесс укрепления института губернаторства. Этому способствовала система местного управления, сформированная в конце 1720-х гг. и во многом напоминавшая губернское правление 1711–1719 гг.

Широкие компетенции сибирских губернаторов и необходимость их регламентации привели к созданию особой инструкции сибирскому губернатору 1741 г., в ней определялись административно-полицейские функции губернатора: ему вменялся контроль над содержанием колодников, на особом учете должны были стоять политические дела. Военно-организационные обязанности губернатора по инструкции 1741 г. состояли в подчинении ему гарнизонов городов, полевых полков, организации рекрутских наборов, заботе о жизнедеятельности армейских подразделений в губернии, охране границ государства, возведении пограничных крепостей, состоянии гарнизонов. Инструкция предписывала сибирскому губернатору проверку личного состава дворян, детей боярских, служилых сословий. С

---

⁹¹⁵ Об учреждении в Москве Сибирского Приказа по прежнему и состоянию оному под ведением Сената под управлением генерала Ягужинского и о подчинении оному Приказу всех Сибирских городов // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1730. 20 декабря. Т. 8. № 5659. С. 351.

⁹¹⁶ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 25. Л. 255.

целью борьбы с инакомыслием губернатору вменялось поощрять доносы «об измене», причем в качестве поощрения предлагалась историческая «опричная» практика взыскания на эти цели имущества обвиняемого. Именно эта обязанность сибирского губернатора стала поводом для обсуждения в Сенате вопроса о необходимости работы Сибирского приказа. Сибирский губернатор И. Шипов предложил дополнить инструкцию положением о прямых сношениях губернатора и Сената, на что сенаторы ответили опасениями об увеличении потока дел и парализации деятельности Сената⁹¹⁷.

Монопольная торговля в Сибири пушниной, табаком, вином, ревенем и солью строго контролировалась российским государством. Инструкция 1741 г. обязала губернатора следить за тем, чтобы контролировался запрет торговли «заповедными товарами»⁹¹⁸. Особый раздел инструкции 1741 г. – губернаторские обязанности в сборе ясака⁹¹⁹. Законодательно предписывалось «ласково» обращаться с подвластным ясачным населением, не требовать немедленной уплаты ясака в случае голода или эпидемий⁹²⁰. Ясак собирался только в натуральном виде, и непромысловые ясачные были вынуждены покупать пушнину у соплеменников для уплаты ясака. Вводился строгий запрет для губернатора принимать подношения у подчиненных ясачных в виде мехов, не мог губернатор и скупать их.

Самовывоз ясака в города и остроги и сдача его в срок должны были поощряться губернатором, в этом случае на места не отправлялись государственные сборщики, а иноземные управленцы должны были получать материальное вознаграждение. Губернатор должен был контролировать деятельность сборщиков в ясачных волостях посылкой ревизоров навстречу меховым караванам с ясаком. Губернатор был обязан вести допрос всех ясачных, приезжавших в Тобольск, на предмет различных злоупотреблений со стороны сборщиков. В случае обнаружения фактов злоупотреблений,

---

⁹¹⁷ РГАДА. Ф. Оп. 4. Д. 188. Л. 34–39.

⁹¹⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Д. 314. Л. 355–412.

⁹¹⁹ Там же. Л. 401–402.

⁹²⁰ Там же. Л. 394 об.

сборщики подвергались наказанию батогами и конфискации всех мехов⁹²¹. 24 сентября 1745 г. Сенат издал указ с целью навести порядок в сборе ясака, в сибирскую командировку был отправлен полковник Вульф с группой офицеров для расследования должностных преступлений при сборе ясака⁹²².

Имперский центр прямо указывал губернским властям на необходимость сохранения добрососедских отношений с иноземцами: «...по заданию моего прошения посылать полки (...) по следам одного доносителя, а подследственного самого указом держать под арестом»⁹²³.

Таким образом, инструкция 1741 г., определяя особое место Сибири в составе империи и регламентируя административно-территориальный функционал губернских властей, способствовала инкорпорации региона в состав страны.

В 1743 г. был восстановлен Главный магистрат. Магистраты выполняли те же функции, что и прежде. Также был введен принцип подразделения магистратов на провинциальных, городских и губернских. Как уже отмечалось выше, губернские и провинциальные магистраты были переформатированы из бывших ратуш в городах – центрах губерний и провинции. В средних и малонаселенных городах городские магистраты по-прежнему продолжали называться ратушами.

Управление Канцелярией Кольвано-Воскресенского горного начальства находилось в руках главного командира. Канцелярия состояла из общего присутствия и приказных служителей. Численность служащих канцелярии была не больше 37 человек⁹²⁴.

Управление приписными крестьянами осуществлялось через приказные и судные (с 1762 – земские) избы и земские конторы. Избами и конторами руководили комиссары и приказчики. Они должны были способствовать мирскому самоуправлению в вопросах организации

---

⁹²¹ РГАДА. Ф. Оп. 5. Д. 248. Л. 88–112.

⁹²² О командировании в Сибирь полковника Вульфа для исследования обид и притеснений, учиненных тамошним народам при сборе ясака // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1745. 24 сентября. Т. 12. № 9210. С. 452.

⁹²³ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 7. Л. 4.

⁹²⁴ Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае... Барнаул, 1997. С. 27.

крестьянских повинностей на заводах, а также заниматься благоустройством деревень, помогать крестьянам в решении сельскохозяйственных вопросов и в целом работать на благо общества. В первой половине 1760-х гг. приказчики и комиссары образовали связующее звено между Канцелярией Колывано-Воскресенского горного начальства и крестьянской общиной. Так приказчики и комиссары стали земскими управителями⁹²⁵.

Таким образом, одним из главных результатов губернской реформы Петра I было образование интегрированного унифицированного казенного пространства с общегосударственной централизованной системой местного управления, в которое составной частью входила Сибирь.

Таким образом, во второй половине 20-х гг. XVIII в. правительства Екатерины I и Петра II попытались отказаться от части реформаторского наследия Петра I: были восстановлены некоторые приказы; проведена ломка системы органов местного управления, сформированной в годы провинциальной реформы, начатой Петром I; отменено жалованье для некоторых должностей. В определенной степени эти меры были вызваны своего рода ностальгией по прежним московским порядкам. Система местного управления, образованная в результате контрреформ, просуществовала долгое время.

4.2. Реформы в системе местной власти в Сибири, их реализация и изменения (1762–1822)

Фрагментарность и хаотичность реформирования местного управления при Петре I и частичная деструкция при его преемниках определили ее неустойчивый и аморфный характер. Взошедшая на престол в 1762 г. Екатерина II, осознавая важность укрепления власти на всех ее этажах в соответствии со своим представлением о роли просвещенного монарха,

---

⁹²⁵ Борблик Е. М. К вопросу о земских избах как низшем звене системы местного управления Колывано-Воскресенского горного округа во второй половине XVIII в. // Актуальные вопросы истории Алтая. Барнаул, 1980. С. 184–197.

занялась выстраиванием, в том числе и нижних ступеней, пирамиды власти, поскольку именно там произошли «тектонические колебания» во время Пугачевского бунта, который катализировал модернизацию управления, начатую в первые годы царствования.

19 октября 1764 г. императрица распорядилась учредить еще одну губернию – Иркутскую. В течение 10 лет на губернском и центральном уровнях по велению императрицы шла подготовка новой схемы деления сибирской территории. Было издано до 100 указов по вопросам структурирования властных органов. Еще при Петре III предлагались проекты по созданию надгубернского органа управления Сибирью – Генеральной директории (автор – Б. Миних), которая должна была подчиняться напрямую императору. После воцарения Екатерины II Б. Миних ушел в политическую тень и проект, предлагавший аналог Сибирскому приказу, реализован не был⁹²⁶.

Екатерина II отреагировала на жалобы о затруднении отношений с Сенатом из-за существования Сибирского приказа, и 15 декабря 1763 г. он был упразднен. Исчезло лишнее передаточное звено в административной машине управления, что подняло авторитет и усилило власть губернаторов.

«Учреждение для управления губерний» 1775 г. дало старт реформированию местного управления страны. По мнению М. О. Акишина, Екатерина II первоначально не намеревалась переносить его действие на Сибирь. Реформы предполагалось осуществить в Малороссии, Лифляндии и в других землях, но не в Сибири⁹²⁷. Хотя в письме Вольтеру в 1767 г. она писала о необходимости законов на всей территории империи для установления единства правового поля и на этой основе инкорпорирования огромных пространств в прочное государство⁹²⁸.

---

⁹²⁶ Григорьев В. А. Реформа местного управления при Екатерине II (Учреждение о губерниях 7 ноября 1775 г.). СПб., 1910. С. 100.

⁹²⁷ Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата. М.; Новосибирск, 2003. С. 257, 300.

⁹²⁸ Каминский А. Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII в. (опыт целостного анализа). М., 2001. С. 359.

В соответствии с «Учреждением» образовывались сословные судебные органы на всех уровнях управления. Для дворян в губерниях был сформирован верхний земский суд, в уезде – уездный суд; для мещан и купцов создавался губернский магистрат и на уездном уровне – городские магистраты и ратуши; для крестьян: областная верхняя и уездная нижняя расправы. Учреждались судебные палаты как общесословные суды с приданием им апелляционных полномочий; в областях – совестные суды для рассмотрения «особых» дел. Состав судов был выборно-назначаемым: от правительства назначали чиновников, от сословий – выборных заседателей⁹²⁹.

В уездных городах у городничего имелись не только административно-хозяйственными функции, но и судебно-полицейские полномочия, он назначался правлением наместничеств. Сферы ответственности нижнего земского суда как судебно-административного органа и функции городничего не пересекались⁹³⁰.

С созданием новых уездных учреждений в 1784 г. были разведены функции воеводы, который ранее объединял их в одном лице. Прокурорские обязанности стал исполнять стряпчий, финансовая сфера отошла уездному казначейству, для урегулирования конфликтов между купцами был образован третейский суд⁹³¹.

Распространяя на Сибирь действие «Учреждения» 1775 г., Екатерина II ясно осознавала специфические особенности этой территории, где в силу объективных миграционно-освоенческих процессов не сложилось помещичьего землевладения, поэтому здесь не создавались дворянские суды (уездный и верхний земский)⁹³².

Город был объявлен юридической и тяглой единицей еще в Манифесте Екатерины II о созыве Уложенной комиссии. По «Учреждению для

---

⁹²⁹ Учреждения для управления губерний Всероссийской империи. // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1775. 7 ноября. Т. 20. № 14392. С. 229.

⁹³⁰ РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 332. Л. 2–45.

⁹³¹ Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Иркутск, 2001. Т. 2. С. 59–60.

⁹³² Азиатская Россия: люди и структуры империи: сб. ст. К 50-летию со дня рождения профессора А. В. Ремнева. Омск, 2015. С. 66.

управления губерний» 1775 г. городские магистраты и ратуши стали органами самоуправления в населенных пунктах. Губернские магистраты были созданы в Тобольске, Иркутске, Колывани, областные – в Томске, Якутске, Нерчинске и Охотске, городские – в 38 городах (16 – в Тобольском наместничестве, 17 – в Иркутском, 5 – в Колыванском)⁹³³.

Городские магистраты и ратуши в малочисленных городах выполняли административно-судебные функции, они являлись сословными судебными органами для купцов и мещан, организовывали взимание податей. Словесные суды, разбиравшие мелкие дела о материальных правонарушениях, оставались под юрисдикцией магистратов⁹³⁴.

«Грамота на права и выгоды городам Российской Империи» 1785 г. подразделяла жителей на шесть категорий: 1) городская знать, владельцы недвижимости, чиновничество и офицерство; 2) купечество; 3) цеховые; 4) иногородние и иностранцы; 5) именитые горожане; 6) посадский люд. Многие разряды городских жителей сформировались раньше, Екатерина законодательно объединила их во всесословное общегородское самоуправление⁹³⁵. Городское общество становилось юридическим лицом, наделялось правом иметь собственность, получать доход с городского имущества, устанавливать сборы на нужды города.

«Грамота» вводила возрастную и имущественную цензу для участия в городском собрании: мужская часть населения в возрасте более 25 лет с доходом свыше 50 рублей ассигнациями. Собрание формировало градскую думу, собирающуюся каждые 3 года и имевшую распорядительные полномочия. Исполнительным органом градской думы по «Грамоте» 1785 г. была шестигласная дума, работавшая на постоянной основе и заседавшая обычно 1 раз в неделю⁹³⁶.

---

⁹³³ Рабцевич В. В. Государственные учреждения дореформенной Сибири. Последняя четверть XVIII – первая половина XIX века. Челябинск, 1998. С. 14–16.

⁹³⁴ РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 332. Л. 18.

⁹³⁵ Кизеветтер А. А. Городовое положение Екатерины II 1785 г.: опыт исторического комментария. М., 1909. С. 340.

⁹³⁶ ГА г. Тобольска. Ф. И 8. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–124.

На состав дум накладывали отпечаток местные сибирские сословно-демографические особенности. Например, в Тобольскую общую думу 1788 г. избирались по два представителя от духовенства, отставных и действующих штатских чиновников и военных, татар-неофитов, ямщиков, купцов, цеховых и мещан. Тарская общая дума в 1789 г. имела следующий состав: по два депутата от купеческого и мещанского сословий, по два – от цеховых, государственных крестьян, по одному – от духовенства, чиновников (штатских и военных), казаков, ямщиков, бухарцев и ясачных татар. Шестигласная дума Тары того же года была сформирована из городского головы, чиновника от первого разряда, депутатов от купцов, цеховых ремесленников и мещан. В Омской думе первого созыва в 1790 г. был священник, цеховой, винный пристав, мещанин, прапорщик из казаков и двое представителей пограничного батальона⁹³⁷. Иркутская дума 1787 г. состояла из депутата от первого разряда, мещанина, купца, городского обывателя и двоих цеховых под председательством купца 1 гильдии М. В. Сибирякова⁹³⁸.

Ключевыми задачами городских дум «Жалованная грамота» 1785 г. обозначала: обеспечение города припасами и продовольствием, соблюдение тишины, порядка и благочиния, предотвращение противостояния с другими городами, сохранение городской собственности, увеличение казны города, разрешение споров между цеховыми и ремесленниками⁹³⁹.

Функционирование шестигласных дум контролировалось губернаторами прежде всего в финансовой сфере и было хозяйственно-административным приложением к государственному аппарату управления⁹⁴⁰. Чрезмерная централизация и администрирование низводили городские думы до передаточного и зависимого звена имперской системы

---

⁹³⁷ Томилов И. С. Городское управление и самоуправление в городах Западной Сибири в последней четверти XVIII в. // Рябининские чтения. 2015. С. 156.

⁹³⁸ Шахеров В. П. Становление городского самоуправления и общества // Иркутск в панораме веков. Иркутск, 2002. С. 66.

⁹³⁹ Об устройении таможенной стражи в Выборгской губернии // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1785. 12 апреля. Т. 22. № 16187. С. 336.

⁹⁴⁰ Томилов И. Городское управление и самоуправление в городах Западной Сибири в последней четверти XVIII в.... С. 157.

управления, что привело к структурированию сословно-дворянского управления, которое замещало более «природное» земское⁹⁴¹.

Екатерина II своими указами расширила самоуправление в городах и деревнях: были введены выборные от тяглых сословий, в том числе от инородцев. Формирование сословных судов проводилось под контролем властей. Так, для замещения вакансий руководителей губернского магистрата, сельских верхней и нижней расправы предлагались проверенные губернским правлением кандидаты, которые утверждались Сенатом. В свою очередь, выборные заседатели (в магистратах – из купцов и мещан, в верхних и нижних расправах – из крестьян-однодворцев, черносошных, государственных), как правило, присутствовали, но существенного влияния на процесс принятия решения не оказывали. В таком же положении находились сельские заседатели в нижнем земском суде, который пришел на смену воеводской канцелярии. Выборные ратманы играли подчиненную роль в городских управах благочиния, учрежденных в 1782 г. «Полицейским уставом»⁹⁴². Контроль над управой благочиния осуществлял уездный стряпчий, возглавлял – комендант или городничий (в гарнизонных городах – обер-комендант), управа подразделялась на участки под руководством частного пристава, он проходил назначение в губернском правлении. Участки делились на кварталы под начальством квартального надзирателя. По «Уставу» управе предписывалось «сохранение благочиния, добронравия и порядка», полиция была обязана предотвращать мелкие уголовные правонарушения, а в случае их совершения проводить по ним следствие, разбирать нарушения общественного порядка, пресекать действия против православной церкви, бороться с взяточничеством, предотвращать преступления, посягающие на жизнь, здоровье и имущество горожан,

---

⁹⁴¹ Колупанов Н. П. Очерк внутреннего управления в России при императрице Екатерине II // Русская мысль. 1882. № 2. С. 97–99.

⁹⁴² Быконя Г. Ф. Русское неподатное население... С. 34–35.

принимать меры по сбережению городского имущества и торговых заведений⁹⁴³.

Регламентация местного государственного управления и городского самоуправления основывалась на децентрализации, имела сословный характер и выборность органов местного самоуправления.

Управление крестьянами Сибири на уровне волости было двухзвенным. Приказчики были начальниками административной власти, а приказные избы – органами самоуправления. Руководил приказной избой приказчик, у которого были помощники (целовальники, старосты, сотские и десятские). Функции государственного управления и самоуправления переплетались в части административно-полицейской, в то же время выборные представители крестьянского общества являлись выразителями интересов и просителями о нуждах его членов⁹⁴⁴.

Десятские избирались на две-три мелкие деревни или на одну крупную. Обязанностями десятского было обеспечение порядка на подконтрольной территории, транслирование крестьянам распоряжений властных органов, контроль подворных повинностей. Старосты избирались на уровне волости общим сходом на один год и имели аналогичный десятским, только более широкий функционал.

В поземельных вопросах исключительной прерогативой решения крестьянских споров обладал воевода как более высокая властная инстанция⁹⁴⁵.

С середины XVIII в. крестьянские миры в Сибири стали выбирать писчиков на условиях оплаты по договору, избирались также специальные представители для сбора подушной подати и недоимок. Сенатский указ 12 октября 1760 г. фиксировал практику выборов среди государственных

---

⁹⁴³ Устав благочиния или полицейский // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1782. 8 апреля. Т. 21. № 15379. С. 461.

⁹⁴⁴ РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 332. Л. 23–26.

⁹⁴⁵ РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 332. Л. 24–27.

крестьян «кого они похотят, по желанию своему»⁹⁴⁶, таким порядком избирались старосты, выборные и сотские.

В 1765 г. Иркутская губернская канцелярия издала распоряжение, предписывающее запрет назначения на должности приказчиков из офицеров, дворян и казаков. Остроги и слободы с винной, пивной и соляной торговлей под действие этого нормативного акта не попадали⁹⁴⁷. Однако через год выборными стали все приказчики, которые вступали в должность после утверждения в воеводской администрации.

Крестьянская община Сибири XVIII в. может быть стратифицирована на 4 уровня: 1) однодеревенскую; 2) сельскую (включавшую несколько населенных пунктов); 3) сельское общество; 4) волостную. Волость являлась и административной единицей и территориальной крестьянской общиной⁹⁴⁸. Низовой административно-территориальный уровень крестьянской общины представлял из себя компромисс между государственными и общественными интересами, поскольку крестьяне в силу общинных традиций доверяли защиту своих прав сложившейся организации, а государство было заинтересовано в контроле над крестьянским самоуправлением и эффективным сбором налогов.

Передав часть своих функций крестьянским выборным органам, воеводы ослабили вмешательство в волостные дела, сохраняя контроль над кадровой политикой в виде права смещения приказчиков за грубые правонарушения. Крестьянские миры без согласования с уездной администрацией могли переизбрать «выборного», обосновывая это решение, например его непорядочностью⁹⁴⁹.

С 60-х гг. XVIII в. приказные избы преобразовываются в мирские в составе приказчика, избираемого на сходах, помощника «выборного» – сотского (в крупных волостях), старосты, обладавшего административно-хозяйственными функциями. В 1767 г. Илимский воевода со своей

---

⁹⁴⁶ Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Иркутск, 1957. Т. 2. С. 135.

⁹⁴⁷ ГАИО. Ф. 75. Оп.2. Д. 1110. Л. 87–89; Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Иркутск, 2001. Т. 2. С. 128.

⁹⁴⁸ Крестьянская община Сибири XVII – начала XX вв. Новосибирск, 1977. С. 192.

⁹⁴⁹ Шерстобоев В. Н. Илимская пашня... С. 129.

администрацией составил инструкцию для выборного Тутурской слободы крестьянина Солоницына с перечислением его функций и полномочий: контроль налогов, сборов и недоимок; разбирательство по мелким делам; передача криминальных дел в волостную администрацию; борьба с воровством и разбоем; противодействие винокурению; организация противопожарной безопасности, особенно весной; защита жителей и проезжающих; неразглашение служебной информации⁹⁵⁰.

Административно-территориальное реформирование, проведенное пермским и тобольским генерал-губернатором Е. П. Кашкиным, привело к объединению низовых единиц (острогов, слобод, погостов) в волости. Этому способствовало объединение различных категорий населения в сословие государственных крестьян, реформирование налоговой системы⁹⁵¹. В 1783 г. Тобольская казенная палата попыталась перераспределить слободы по уездам, исходя из номинальной численности их населения в 20–25 тысяч ревизских душ. Однако этого сделать в полном объеме не удалось, и генерал-губернатор в «Наставлениях на постановление волостных судов» рекомендовал придерживаться численности волости от 400 до 800 душ мужского пола⁹⁵². Порядок податного обложения населения изменялся. В волость как первичную административно-территориальную структурную единицу включались государственные и экономические крестьяне, ямщики, однодворцы, поселенцы. Волости подразделялись на сотни и десятки с соответствующими начальниками для лучшего контроля порядка.

В 1797 г. Павел I утвердил доклад Экспедиции государственного хозяйства. Были установлены предельные размеры волостей по численности (до 3 тыс. р. д.), структура и полномочия крестьянского управления. На волостном уровне создавалось правление, в состав которого входили волостной голова, писарь и староста поселения, где располагалась изба

---

⁹⁵⁰ ГАИО. Ф. 75. Оп. 2. Д. 1126. Л. 28–30.

⁹⁵¹ Суворова Н. Г. Оформление низовой административно-территориальной структуры Сибирского региона Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в. // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001. С. 345–371, 355.

⁹⁵² Суворова Н. Г. Оформление низовой административно-территориальной структуры... С.357.

волостного правления. Полный контроль на подвластной территории должна была осуществлять волостная мирская изба под руководством земского суда. В селениях избирались старосты или выборные⁹⁵³.

Архивные материалы свидетельствуют, что размеры волостей по округам (уездам) губерний Сибири соответствовали нормативным значениям численности ревизских душ. Однако в связи с низкой плотностью населения территории, входившие в подведомственность волостных правлений, были огромны, а количество селений – порядка, 20–30 единиц (табл. 26).

Таблица 26. Ведомость Тобольского гражданского губернатора о количестве волостей Красноярского округа, декабрь 1800 г.⁹⁵⁴

Название волости	Количество ревизских душ (крестьян)	Число селений	Населенный пункт волостного правления
Нахвальская	2915	48	деревня Нахвальская
Рыбинская	2510	35	деревня Рыбинская
Ладейская	2507	36	деревня Ладейская
Заледеевская	2562	25	деревня Заледеевская
Боготольская	2058	19	деревня Боготольская
Минюсинская	2225	48	деревня Минюсинская
Новоселовская	2699	45	деревня Новоселовская
Балыхтинская	2446	40	деревня Ачинская
Ачинская	2475	29	деревня Балыхтинская
Итого во всей Красноярской «округе»	22 583	325	–

Следовательно, в политике центральных властей ориентация на учет региональных особенностей Сибири в «павловский» период правления проявлялась в меньшей степени, чем в предшествовавший «екатерининский». Данная тенденция на волостном уровне полностью соответствовала политике «губернского и уездного» управления, описанной во второй главе диссертации. При этом той четкой дефиниции понятий «округа» и «уезд» в системе местной власти не было, поскольку в делопроизводственных документах «на местах» вместо введенного в 1797 г. уездного

⁹⁵³ О разделении казенных селений на волости и о порядке внутреннего их управления // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1797. 7 августа. Т. 24. № 18082. С. 672.

⁹⁵⁴ ГА в г. Тобольске. Ф. И-329. Оп. 13. Д. 32. Л. 1–24.

административно-территориального деления все так же используется термин «окружное»⁹⁵⁵.

Крестьянские волости приобретали государственно-властные функции, включаясь в общегосударственную схему управления. Так, перевод крестьянских начальников на установленное властями жалование (собиралось миром) и требование строгого соблюдения соподчинения трансформировали систему местной власти в сторону бюрократизации и централизации⁹⁵⁶.

Иностранческая политика Российского государства в Сибири к середине XVIII в. видоизменилась в связи с этнодемографическими и социально-экономическими процессами, протекавшими в регионе в последние десятилетия. За счет переселенческих потоков из Центральной России увеличился удельный вес славян в составе сибирского социума. Трансформировалась экономическая структура местного хозяйства: увеличивались сегменты горной промышленности, торговли, в то же время уменьшалась доля «мягкой рухляди»⁹⁵⁷ в силу природно-промысловых причин. Власти задумывались над переводом аборигенов в крестьянский статус.

А. А. Борисов считает, что российская колонизация северо-восточных территорий имела в основном торгово-промышленный характер⁹⁵⁸. По нашему мнению, преобладание было у промыслово-аграрного сектора. В. Н. Шерстобоев на основе анализа большого массива источников делал вывод о том, что главными колонизаторами были крестьяне⁹⁵⁹. Однако нельзя не согласиться с мнением А. А. Борисова о сравнительно мирном характере колонизации, слабом уровне заселения региона и экономических контактов с

---

⁹⁵⁵ ГА в г. Тобольске. Ф. И329. Оп. 13. Д. 32. Л. 1–24.

⁹⁵⁶ ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 872. Л. 2–27.

⁹⁵⁷ РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 47. Л. 1–2 об.

⁹⁵⁸ Борисов А. А. Реформы самоуправления якутов в 1760–1830-е гг.: люди и идеи // Азиатская Россия: люди и структуры империи: сб. ст. К 50-летию со дня рождения профессора А. В. Ремнева. Омск, 2015. С. 263.

⁹⁵⁹ Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Иркутск, 2001. Т. 1–2.

метрополией, а также незначительном индустриальном развитии территории⁹⁶⁰.

Унификация административного управления империи во второй половине XVIII в. шла в направлении усиления роли родоплеменных правителей аборигенов при уходе от прямого вмешательства в общинное управление. Екатерина II своим указом 6 февраля 1763 г. направила в Сибирь Алексея Щербачева для мониторинга и анализа сбора ясака, поскольку до императрицы доходили сведения о грабеже и разорении местного населения сборщиками налогов. Глава экспедиции был повышен в звании, ему, как и всей команде, были удвоены оклады в связи с особой сложностью поставленных задач⁹⁶¹.

Работа первой ясачной комиссии Щербачева (1763–1769) преобразовала систему управления иноверцами: сбор индивидуального ясака заменялся общинной данью, сам сбор организовывался и контролировался главами родов, запрещалось аманатство, разрешалось заменять натуральный налог денежным. Концентрация сбора ясака в руках аборигенной знати усиливала ее власть на податной территории. Указ Екатерины II от 15 декабря 1763 г. призывал к ласковому отношению к ясачному населению, запрещал их «грабительства и разорения» под страхом сурового наказания⁹⁶². Практическая реализация указа императрицы уменьшила, но не искоренила притеснения иноверцев со стороны служилых людей, местной государственной администрации и купцов.

В попытке защиты интересов аборигенов избранный в «Уложенную комиссию» князец Софрон Сыранов привез в столицу наказы якутских улусов, написав к ним «Пополнение». Получив статус депутата в октябре 1768 г., С. Сыранов активно отстаивал нужды сородичей, доказывая правительству, что материальное положение якутов ухудшилось в связи с

---

⁹⁶⁰ Борисов А. А. Реформы самоуправления якутов в 1760–1830-е гг.... С. 263–264.

⁹⁶¹ Об отправлении капитана Щербачева с командой в Сибирь, для отвращения происходящих там беспорядков и взяток, вымогаемых при сборе ясака // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1763. 6 февраля. Т. 16. № 11749. С. 153.

⁹⁶² О постановлении штатов разным присутственным местам // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1763. 15 декабря. Т. 16. № 11989. С. 462.

большими затратами на выполнение ясака пушшиной, исполнением повинности по содержанию почтовых станций и выполнением извоза, а также изъятием инородческих покосов под крестьянские пашни. В «Пополнении» к наказам якутов С. Сыранов изложил свое видение решения обозначенных проблем⁹⁶³. Аналогичные предложения высказывал нерчинский депутат князь Павел Гантимуров, говоря о незащищенности тунгусов и «братских людей»⁹⁶⁴.

Со многими предложениями депутатов царская администрация согласилась. В частности, судопроизводство по незначительным правонарушениям передавалось аборигенным князьям, судебные разбирательства между русскими колонистами и инородцами стали вестись только с участием местных ясачных начальников (с 1776), закреплялось право обычая на судах о воровстве (с 1781)⁹⁶⁵, все не уголовные дела переходили под юрисдикцию родоначальников, которые вершили словесный суд по степным обычаям (с 1783)⁹⁶⁶. Таким образом, царизм консервировал родоплеменную судебную систему, одновременно встраивая инородческую знать в имперскую систему управления.

В 1789 г. Екатерине II борогонским головой Алексеем Аржаковым был представлен «План о якутах», предлагавший выборы якутского областного головы, который подчинялся бы только иркутскому наместнику и обладал бы судебными функциями. Кроме того, предлагался «совестный суд» для убыстрения судопроизводства, особенно по обычному праву. Эти предложения можно рассматривать как идею создания местного самоуправления якутов⁹⁶⁷. В «План» были включены пункты об освобождении от обслуживания ямских станций, необходимости знания исправниками якутского языка, преподавании местному населению русского языка и учреждению частнособственнической системы землепользования

---

⁹⁶³ Борисов А. А. Реформы самоуправления якутов в 1760–1830-е гг.... С. 266–267.

⁹⁶⁴ Головачев П. Сибирь в Екатерининской комиссии. Этюды по истории Сибири XVIII века. М., 1889. С. 66.

⁹⁶⁵ Борисов А. А. Реформы самоуправления якутов в 1760–1830-е гг.... С. 267.

⁹⁶⁶ Об устройстве Иркутского наместничества // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 21. 1783. 6 марта. № 15680. С. 875.

⁹⁶⁷ Борисов А. А. Реформы самоуправления якутов в 1760–1830-е гг.... С. 268 – 269.

инородцев⁹⁶⁸. Екатерина II план Аржакова одобрила, но сословно-дворянская система сопротивлялась его выполнению в силу явно автономистского характера и опасности посягательств на собственность привилегированного сословия.

Ясачные реформы второй половины XVIII в. закрепили привилегии якутских племенных князьков-тойонов в отношении центральной власти и местного населения, они стали избираться и называться «улусными головами». Выборы старост наслегов (поселков) и родовых старшин проходили на наследных сходах⁹⁶⁹.

Процесс строительства местных органов власти и органов самоуправления в Сибири базировался на децентрализации и распределении власти, с одной стороны, и инкорпорировании общественного управления в систему имперской власти – с другой. Реформирование местного управления привело к закреплению за крестьянскими волостями и городским самоуправлением представительских и распорядительных функций в пределах компетенций, обозначенных верховной властью.

Волостной административно-территориальный уровень крестьянской общины являлся компромиссом и взаимовыгодным симбиозом государственных и общественных интересов: общинный характер мироустройства был для крестьянского общества гарантией в защите его интересов, для власти – обеспечением притока налогов с использованием круговой поруки и контроля над самоуправлением.

Политика имперской власти в отношении местного коренного населения Сибири была направлена на интеграцию инородцев в административную систему государства с сохранением обычного права, общинного управления местного населения и с усилением роли родоплеменной знати.

---

⁹⁶⁸ Никифоров В. В. Материалы к истории якутского самоуправления // Якутская жизнь. 1908. № 33–34. С. 3.

⁹⁶⁹ Никитина С. Е. Самоуправление народа саха в Якутской области XVII–XIX вв. в контексте имперской государственности // Новые исследования Тувы. 2010. № 4. С. 199.

4.3. Волостное, городское, сельское и инородческое управления как самостоятельные звенья местного уровня власти в 1822–1880-х гг.

Увеличение численности жителей Сибири в начале XIX в., произвол местных властей в отношении ясачного населения, захват земель аборигенов крестьянами-поселенцами, необходимость сохранения и расширения налогооблагаемой базы вызвали необходимость регулирования в выстраивании управленческой схемы в регионе и гармонизации взаимоотношений с местным населением. Эта необходимость актуализировалась имевшимися особенностями Сибири – удаленностью, слабым освоением, полиэтничностью и минимальным наличием представителей дворянского сословия.

В 1806 г. в именном указе Сенату было предписано осуществить водворение 2000 поселенцев за Байкалом⁹⁷⁰. Александр I ссылался на указ своего отца от 17 октября 1799 г. о переселении 10 тыс. человек «в полуденную часть Сибири», этот указ не был исполнен в силу ряда объективных и субъективных факторов. По Павловскому указу на поселение отправлялись отставные солдаты, преступники – не каторжники, владельческие крестьяне в зачет рекрутов не старше 45 лет и без разлучения семей. Контроль за исполнением указа показал, что растянувшиеся потоки переселенцев плохо снабжались пищей и одеждой, имели в своем составе больных, «малоумных» и «безумных», много неспособных к поселению по возрасту и дряхлости⁹⁷¹. Ситуацию усугубил неурожай 1801 г., поэтому потоки было решено приостановить и подготовить инфраструктуру для приема поселенцев в виде построенных за казенный счет нескольких домов с последующим привлечением их самих для домостроительства. Поселенцам выделялась земля в размере 30 десятин на душу, выдавалась ссуда на 15 лет с отсрочкой начала платежа на 5 лет. Функции контроля и полная свобода

---

⁹⁷⁰ О производстве поселения за Байкалом и о принятии для водворения поселенцев, уступленных Хоринскими бурятами земель // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1806. 29 июня. Т. 29. № 22189. С. 395.

⁹⁷¹ Там же. С. 396.

действий при обещании ликвидации бюрократических препятствий давались губернаторам⁹⁷².

Более активно заселялись западные сибирские губернии, туда приезжали в основном «собственные» крестьяне, по их желанию. Так, в 1813 г. в Томской губернии поселилось 16 тыс. человек. В Прибайкалье в 1800–1819 гг. переехало 8 тыс. в основном принудительных колонистов⁹⁷³. В целом за первые два десятилетия XIX в. сибирское народонаселение приросло с 1200 тыс. человек в 1795 г. до 1694 тыс. в 1820 г.⁹⁷⁴ Усложнение этнодемографических параметров и увеличение их влияния на административное управление наслаивалось на недостатки бюрократического аппарата, зачастую по принципу помещичьих порядков центральной части России, вмешивавшегося в самобытные «сибирские» формы хозяйствования⁹⁷⁵.

Решение проблем управления Сибирью было поручено рескриптом императора от 22 марта 1822 г. М. М. Сперанскому. Ему были поставлены две главные задачи: ревизия региона и создание проекта новой схемы управления (наравне с губернским и окружным). Во время ревизии 1819–1822 гг. наряду с анализом губернского и уездного уровня власти были выявлены системные недостатки волостного управления, выразившиеся в бесконтрольности, отсутствии учета местной специфики в законодательстве, формализме и бюрократизме административного делопроизводства. Итогом ревизии М. М. Сперанского стало глубокое реформирование системы сибирского управления на всех уровнях.

Волостной уровень управления. В соответствии с «Учреждением для управления Сибирских губерний» волостное правление избиралось выборщиками от селений на один год, становилось исполнительным

---

⁹⁷² О производстве поселения за Байкалом и о принятии для водворения поселенцев, уступленных Хоринскими бурятами земель // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1806. 29 июня. Т. 29. № 22189. С. 405–406.

⁹⁷³ Кожухов Ю. В. Крестьянская колонизация Восточной Сибири и переселенческая политика царизма в первой половине XIX в. // Научные доклады высшей школы. Ист. науки. 1958. № 3. С. 56, 61.

⁹⁷⁴ Кабузан В. М., Троицкий С. М. Численность и состав населения Сибири в первой половине XIX в. // Русское население Поморья и Сибири: период феодализма. М. 1973; Историческая демография России эпохи феодализма. М., 1994. С. 18.

⁹⁷⁵ РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 194. Л. 1–9.

органом. «Учреждение» определяло состав волостного правления: волостной голова, староста, писарь. Состав волостного правления передавался на утверждение в губернское или областное правление⁹⁷⁶. Согласно российскому законодательству волостной писарь мог быть приглашен за вознаграждение из других местностей только с 1827 г. (при осознании центральными властями проблемы наличия грамотных претендентов на должность в самой волости), но его кандидатура обязательно должна была быть проголосована на мирском сходе⁹⁷⁷.

Функции волостного управления по полицейской части были аналогичны функциям земского суда в округе. В хозяйственной сфере волостное правление контролировало разверстку подушного обложения, совершало сбор податей и недоимок, контроль над деятельностью сельских магазинов, предоставление отчетной документации. В судебной сфере волостному правлению вменялось «исполнение судебных приговоров»⁹⁷⁸.

Волостной уровень административного устройства Сибири коррелировался с особенностями местных условий, выражавшихся в дефиците властных рычагов, отдаленностью территории и сложностями в коммуникации. В этих условиях реформаторы бюрократической вертикали видели выход в сохранении сословных мирских организаций как некоторой гарантии «сдержек и противовесов» злоупотреблений местных властей⁹⁷⁹. Унификация сибирской и центрально-русской волости как начального территориального звена управления осуществлялась в русле укрепления сословия государственных крестьян и модернизации податной системы⁹⁸⁰. Еще Е. П. Кашкин при проведении своих реформ (1781–1788) пытался

---

⁹⁷⁶ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (в 86 томах с иллюстрациями и дополнительными материалами) / Вехи: официальный сайт. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/>.

⁹⁷⁷ О дозволении казенным обществам нанимать в волостные писари людей из других состояний // ПСЗ РИ. Собр. 2. 1827. 19 июля. Т. 2. № 1251. С. 618.

⁹⁷⁸ О производстве поселения за Байкалом и о принятии для водворения поселенцев, уступленных Хоринскими бурятами земель // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1806. 29 июня. Т. 29. № 22189. С. 405.

⁹⁷⁹ Суворова Н. Г. Волость как инструмент интеграции русского и инородческого населения Сибири в конце XVIII – первой половине XX в. // Вест. Тюм. гос. ун-та. 2006. № 2. С. 160–173.

⁹⁸⁰ Рабцевич В. В. Административно-территориальное деление Сибири в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1979. С. 3–27.

привести сибирские волости к общероссийскому численному стандарту с помощью административного объединения неоднородных сельских обществ, включения в них переселенцев и ссыльных, что затрудняло формирование общественно-хозяйственного сообщества в пределах волости.

Изменение административных границ волостей с целью приближения к желаемому численному стандарту приводило к перемешиванию населения, разрыву хозяйственных взаимоотношений и размыванию института круговой поруки, что негативно сказывалось на платежеспособности населения⁹⁸¹. Размежевание земель между волостями, которое всегда вызывало недовольство одной из сторон, также доказывает эту тенденцию⁹⁸². В административном ракурсе реформа волостного управления в первой половине XIX в. может рассматриваться как постепенное внесение государственных начал в традиционное общинное руководство⁹⁸³.

Одним из ярких примеров «реформаторского» и «эволюционного» размежевания властных полномочий в системе местных элитарных структур были Шушенская и Абаканская волости Минусинского округа Енисейской губернии, которые находились на южных рубежах Приенисейской Сибири и до 1822 г. территориально входили в Минусинскую волость, по данным на 1799 г., охватывавшей 34 селения⁹⁸⁴ (при Красноярском уезде Тобольской губернии, после 1804 г. – Томской губернии).

Например, Шушенская волость была создана по реформе М. М. Сперанского в 1823 г., т. е. «решением сверху», в составе 19 селений (села, деревни, форпосты, выселки) во главе с наиболее социально-экономически «развитым» селом Шушенским (табл. 27).

---

⁹⁸¹ ГА г. Тобольска. Ф. И 329. Оп. 3. Д. 1. Л. 1–3.

⁹⁸² ГА г. Тобольска. Ф. И 329. Оп. 1. Д. 52. Л. 1–8.

⁹⁸³ Медушевский А. Н. Утверждение абсолютизма в России. М., 1993. С. 50.

⁹⁸⁴ АГМ. Ф. 34. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–2.

Таблица 27. Статистические сведения о населенных пунктах Шушенской волости Минусинского округа на 1823–1824 гг.⁹⁸⁵

№	Название населенного пункта	Число домов, ед.	Население, чел.		Браков в течение года, ед.	Рожденных в течение года, чел.	Умерших в течение года, чел.	
			муж.	женщ.			всего	из них детей
1	Деревня Городок	9	41	52	-	4	2	2
2	Деревня Кавказское	57	176	188	2	12	3	1
3	Деревня Потрошилово	35	111	116	2	16	5	4
4	Деревня Маломинусинская	41	68	57	2	3	3	2
5	Деревня Лугавская	45	120	133	4	18	9	6
6	Деревня Каменка	23	25	27	1	-	1	-
7	Деревня Табат	Нет сведений						
8	Село Бейское	30	69	78	4	11	7	5
9	Таштыпский форпост	-	12	14	-	-	-	-
10	Форпост Монок	24	44	46	1	2	-	-
11	Выселок Кальский	11	39	44	3	2	-	-
12	Выселок Очурский	20	51	61	1	5	5	4
13	Деревня Каптыревское	62	146	130	5	15	4	4
14	Село Шушенское	81	284	327	4	29	13	9
15	Деревня Козлово	18	54	50	-	7	3	2
16	Деревня Казанцевское	24	75	86	-	8	3	2
17	Деревня Чихачево	14	25	25	1	2	-	-
18	Деревня Усть-койская	26	64	59	1	1	2	1
19	Деревня Койская	19	53	75	1	5	1	1
Всего по Шушенской волости ⁹⁸⁶		611	1537	1657	Не подсчитано			

Напротив, архивные материалы свидетельствуют, что Абаканская волость как самостоятельная административно-территориальная единица с отдельными волостными органами управления в делопроизводственных документах Томского губернского правления (с 1804 г. территориально

⁹⁸⁵ АГМ. Ф. 42. О. 1. Д. 2. Л. 26–59.

⁹⁸⁶ Примеч.: приведенные количественные данные соответствуют оригиналам архивных документов.

относилась к Томской губернии) упоминалась уже 17 апреля 1806 г.⁹⁸⁷ При этом официальной датой образования Абаканской волости по императорскому указу все же считается 1827 г.⁹⁸⁸

Шушенская и Абаканская волости представляли собой «типовые» сибирские территории с большим расстоянием между «мелкими» населенными пунктами, в социально-экономическом и политическом отношении сложные в управлении и постоянно увеличивавшиеся в связи с политической и уголовной ссылкой, а также крестьянским переселением из Центральной России.

Примером этому была «типовая» для середины XIX в. казачья деревня Илекская, созданная в середине XVIII в. как вспомогательный при казачьем форпосте Таштыпе опорный защитный пункт от джунгар. В Илекской на 1859 г. имелось 15 дворов и 100 жителей, а от окружного города Минусинска ее отделяло 213 верст и от волостного центра села Шушенского – 160 верст⁹⁸⁹.

Архивные материалы свидетельствуют о значительном влиянии на административно-территориальное управление переселенческой политики в Сибири. В 1860-х гг. в «Енисейской Сибири» были образованы переселенцами следующие населенные пункты:

– в Минусинском округе Шушенской волости – деревня Салбинская (переселенцы Казанской губернии, 1861 г., 20 душ обоего пола) и Верхне-Койская (переселенцы Пермской губернии, 1865 г., 44 души обоего пола); в Абаканской волости – деревня Спасо-Преображенская (переселенцы Вятской губернии, 1864 г., 404 души обоего пола);

– в Ачинском округе Назаровской волости – деревня Павловская (переселенцы Пермской губернии, 1865 г., 5 душ обоего пола); Балахтинской

---

⁹⁸⁷ АГМ. Ф. 34. Оп. 1. Д. 170. Л. 31 об.

⁹⁸⁸ Краснотуранский район // Интернет-энциклопедия Красноярского края. URL: <http://my.krskstate.ru/docs/regions/krasnoturanskiy-rayon/>.

⁹⁸⁹ Списки населенных мест Российской империи. «Енисейская губерния». Изд. Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел: [По сведениям 1859]. Спб.: изд. Центр. стат. ком. Мин. внутр. дел, 1861–1885. С. 48–49.

волости – деревня Покровская (переселенцы Пермской губернии, 1868 г., 3 души обоего пола);

– в Красноярском округе Еловской волости – «селение под названием Пермь» (переселенцы Пермской губернии, 1864 г., 71 душа обоего пола) и деревня «Шошкина Пермь» (переселенцы Пермской губернии, 1864 г., 195 душ обоего пола)⁹⁹⁰.

При этом северо-восточные округа Енисейской губернии не имели статус переселенческих районов края, что говорит о большей по сравнению с другими формами хозяйствования земледельческой ориентации «добровольных» переселенцев из Центральной России, следовательно, является подтверждением начавшейся крестьянской колонизации Сибири.

Реформа государственной деревни П. Д. Киселева в сибирских реалиях выразилась в учреждении «образцовых» волостей, соотносимых по количеству и однородности населения с общероссийскими. Создание нового волостного формата не отменяло основных положений «Сибирского учреждения» 1822 г., а лишь дополняло его пунктами о введении сельских приходских училищ, а также волостных расправ, разверстке податей, благоустройстве мест проживания. Волостные администрации расширялись за счет увеличения волостного правления на двоих заседателей и помощника писаря, кроме того, вводились волостные расправы⁹⁹¹. Ревизии «образцового» управления показали, что волостное правление нового образца является более работоспособным в плане рекрутских наборов и порядка в делопроизводстве⁹⁹². В Западной Сибири в начале 1860-х гг. имелись уже 44 «образцовые» волости, именуемые таким термином на официальном уровне⁹⁹³. Архивные материалы свидетельствуют, что, например, в Томской губернии реструктуризация волостей, переселение крестьян из данных населенных пунктов в другие, перевод из села в село

---

⁹⁹⁰ ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 821. Л. 40–45.

⁹⁹¹ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (в 86 томах с иллюстрациями и дополнительными материалами) / Вехи: официальный сайт. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/>.

⁹⁹² ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 170. Л. 2–8.

⁹⁹³ Официальная часть // Тобольские губернские ведомости. 1860. 26 ноября. С. 1.

волостных местных учреждений было практикой второй половины XIX в., что олицетворяло поиск центральных и губернских структур наилучшей формы реализации местной власти среди крестьян⁹⁹⁴.

«Образцовые» волости формировались из сельских обществ, находящихся в одном уезде, общим числом от 300 до 2000 душ мужского пола. Управление волости включало волостной сход, крестьянский суд, волостное правление и старшину. Волостной сход выбирал и контролировал деятельность волостного правления, раскладывал повинности, обращался с ходатайствами в вышестоящие инстанции. Волостное правление включало волостного старшину, старост селений волости, сборщиков налогов, иногда в состав дополнительно включались до двух заседателей. Правление контролировало расходование средств, наем и увольнение должностных лиц, исполнение государственных или индивидуальных исков к крестьянам. Волостной суд состоял из троих судей, причем для ротации состава сход формировал команду до 12 очередных судей. В компетенции суда были дела по имущественным вопросам с незначительными по объему исками.

Вышестоящими относительно волостному управлению были окружные и сословные учреждения общего окружного⁹⁹⁵ и частного управления (во главе с окружным начальником)⁹⁹⁶, а также земский суд (во главе с земским исправником⁹⁹⁷ – до 1867 г.⁹⁹⁸, а после – окружное полицейское управление⁹⁹⁹, словесный суд (при словесном суде)¹⁰⁰⁰, а затем – учреждения губернской или областной администрации.

Вертикаль местной власти подтверждает, что волостное управление на всем имперском этапе российской истории было нижним звеном административно-территориального государственного управления и

---

⁹⁹⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 210. Л. 1–2; Оп. 18. Д. 215. Л. 1–4; Д. 584. Л. 2–4; Оп. 44. Д. 3. Л. 2–60; Д. 5. Л. 1–18; Д. 25. Л. 21 об.

⁹⁹⁵ Примеч.: в многолюдных округах.

⁹⁹⁶ Учреждение для управления Сибирских губерний // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1822. Т. 44, ч. 1, № 29125 С. 63; ГАКК. Ф. 303. Оп. 1. Д. 1. Л. 58, 112 об.

⁹⁹⁷ Примеч.: в малолюдных округах частного окружного управления не было – только земские исправники.

⁹⁹⁸ ГАКК. Ф. 303. Оп. 1. Д. 4. Л. 9.

⁹⁹⁹ О преобразовании полиции Сибири // ПСЗРИ. Собр. 2. 1867. Т. 42. Отд. I. № 44681. Отд. I. С. 879.

¹⁰⁰⁰ ГАКК. Ф. 303. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.

субъектом официального права (в отличие от сельского общества, которое таковым не являлось), но было стабилизирующим началом в организации жизни на первичном личностно-хозяйственном уровне.

Сельское самоуправление. Внутренняя жизнь сельских обществ базировалась на общинных ценностях, традициях и авторитете глав старожильческих родов. Несмотря на некоторую эрозию общинного каркаса в связи с переселением на далекие расстояния и мутацию устоявшихся связей, община продолжала оставаться цементирующим началом сельского мира, по крайней мере, в вопросах соблюдения порядка и социальной справедливости.

Коммуникация сельского общества с волостным правлением осуществлялась посредством сельских старшин и «добросовестных»¹⁰⁰¹. Сельские общества контролировали выполнение общинных методов землепользования. В Сибири к середине XIX в. сложился передельный характер уравнительного использования пахотной земли и покосов, причем земля подвергалась лишь «корректирующим» переделам, а выгоны для скота и леса были в общем пользовании.

Основная масса сибирского крестьянства была свободна от крепостной зависимости перед помещиком, но была в феодальной зависимости у государства. Общее количество крепостных крестьян в Сибири в 1858 г. составляло 3701 душу обоего пола (900 из них – дворовые)¹⁰⁰². По X ревизии (1857–1858) количество сибирского населения было около 2,5 млн чел.¹⁰⁰³, следовательно, процент крепостной зависимости сибиряков составил менее 0,15. Помещиков по всей Сибири, по X ревизии, насчитывалось 36 с имениями и 70 – беспоместных. В Восточной Сибири имелось 2 помещика с имениями и 9 имели только дворовых. Общее количество крепостных – 297,

---

¹⁰⁰¹ АГМ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 95. Л. 1.

¹⁰⁰² Михайлов К. П. Крепостничество в Сибири. Страницы из истории инородческой и крестьянской неволи // Сиб. сборник. 1886. Спб., 1886. Кн. 1. С. 130.

¹⁰⁰³ Колесников А. Д. Определение численности населения по итогам ревизий и на промежуточные даты // Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1982. Вып. 2. С. 43–55.

из которых 146 – дворовые¹⁰⁰⁴. В Западной Сибири – 34 помещика с именьями, 61 – беспоместный, при числе крепостных – 3404. Из 34 помещиков 19 были мелкопоместными (менее 20 душ мужского пола), 12 имели от 20 до 100 крепостных, и только трое – от 100 до 150 душ¹⁰⁰⁵.

После начала великих реформ 1860-х гг. бывшие крепостные крестьяне наряду с государственными получили общий правовой статус и образовали единое сословие.

Архивные материалы свидетельствуют о значительном росте количества и состава сельских обществ, менявшихся в соответствии с «приемными приговорами» крестьян. Так, с 1878 по 1885 г. в сельские общества по волостям пяти округов Енисейской губернии были приняты официально 742 души обоего пола. При этом лидировавшими по количественному составу приезжих крестьян были Абаканская волость Минусинского округа, в целом более других благоприятная для ведения сельского хозяйства. При этом сельское общество в деревне Спасопреображенской приняло по «приемным приговорам» только за 1864 г. 404 души обоего пола¹⁰⁰⁶.

Содержание приговоров сельских сходов позволят восстановить причины и понимание необходимости изменений в сельском самоуправлении второй половины XIX в.:

«Мы нижеподписавшиеся Енисейской губернии, Минусинского округа, Шушенской волости всех селений старшины и доверенные от обществ, были на волостном сходе, имели между собой рассуждение о том, что у нас должны быть образованы сельские общества и волости, а равно общественное-сельское и волостное управление на основании правил о крестьянах 19 февраля 1861 г. и в дополнительных к оному постановлениях. Убедившись вполне, что ныне существующую Шушенскую волость, как по большему числу населенную крестьянами, казаками и поселенцами, так и

---

¹⁰⁰⁴ Михайлов К. П. Крепостничество в Сибири... С. 130.

¹⁰⁰⁵ Там же. С. 131.

¹⁰⁰⁶ ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 821. Л. 14.

значительному расстоянию, на котором друг от друга находятся селения и существующее волостное правление, оставить в том виде, как оно ныне есть, считаем неудобным потому, что явка на волостной сход крестьян, требуемого по новому положению, в сравнении с ныне существующим порядком, гораздо больше, а именно от каждого сельского общества – сельская старшина, выборные доверенные от сельских обществ, государственные крестьяне, будучи созданные на волостной сход. Писарь, ведущий сельское производство, в особенности малограмотный, содержимый обществом для своих нужд за какие-то 45 рублей в год, а держать грамотного писаря и давать ему приличное содержание не каждое общество само в состоянии»¹⁰⁰⁷.

Приведенные материалы подтвердили, что как только управление крестьянами приобрело фактический образ самоуправления, то сразу же сельские сходы и волостные сходы стали прообразом институтов гражданского общества. Ярким примером этому может служить дело за 1888 г. «О выдаче Шушенскому обществу Минусинского округа из капитала общественной запашки 300 рублей на постройку мостов»¹⁰⁰⁸. Следовательно, к концу XIX в. крестьяне вышли на новый и уже «реальный» уровень защиты своих прав и решения проблем на сельском и волостном уровне, но все же с участием вышестоящей администрации, выдававшей резолюцию на решение финансовых вопросов.

Иностранческое управление. Русское крестьянство наряду с имперской вертикалью власти играло важную роль в инкорпорировании аборигенного населения в административное пространство России. В отношении крестьянства государство использовало симбиоз своих элементов и общинного устройства, в отношении иностранцев в первой половине XIX в. применялся метод постепенности и эволюционности¹⁰⁰⁹.

---

¹⁰⁰⁷ ГАКК. Ф. 807. Оп. 1. Д. 6. Л. 21.

¹⁰⁰⁸ ГАКК. Ф. 595. Оп. 19. Д. 3685. Л. 1.

¹⁰⁰⁹ Суворова Н. Г. Административная русификация крестьянских обществ Сибири: проекты и практика имперских экспертов в середине XIX в. // Изв. Иркут. гос. ун-та. 2014. Т. 10. С. 20–33;

«Устав об инородцах» М. М. Сперанского видоизменял административно-территориальное деление эндогенного населения. Под термином «индигенное» следует понимать население Сибири до заселения ее русскими, термин имеет несколько более широкий спектр в сравнении с «аборигенами» и «автохтонами»¹⁰¹⁰. В «Уставе» 1822 г. ясачные племена официально поименованы «инородцами», для причисления их к таковым использованы два критерия: современный гражданско-правовой статус и образ жизни аборигенов¹⁰¹¹. Все инородцы, как и в «Учреждении для управления сибирских губерний», подразделялись на три разряда. К первому разряду «оседлых» причислялись хлебопашцы, торговцы и ремесленники из аборигенов. Разряд «оседлых» приравнивался в правах и обязанностях к тому российскому сословию, в которое они вступят. Земледельцы из оседлых инородцев вливались в состав государственных крестьян. Остальные, «бродяче-кочевые» аборигены, становились отдельным инородческим сословием¹⁰¹². «Бродячие» инородцы не имели оседлости, занимались ловлей зверя и рыбы, оставались плательщиками ясака и сохраняли свое традиционное управление. «Кочевые» не имели постоянной оседлости, были подвержены сезонной миграции, в фискальном плане приравнивались к крестьянам, имели свой суд и управление. «Уставом» предусматривался постепенный переход «бродяче-кочевых» в разряд «оседлых» инородцев, а в дальнейшем – включение их в состав российского крестьянского сословия со всеми административно-правовыми обязанностями, кроме рекрутской повинности¹⁰¹³.

Органы управления и самоуправления инородцев подразделялись на три уровня, права и обязанности которых регламентировались «Уставом». Степные думы как высший уровень правления сибирских аборигенов были,

---

Конев А. Ю. О включении ясачных в сословие государственных крестьян (на материалах Западной Сибири) // Вест. ТГПУ. 2007. Вып. 3(66). С. 14.

¹⁰¹⁰ Конев А. Ю. Социальный статус инородцев Северо-Западной Сибири в их собственном представлении (XIX–XX в.) // Гум. науки в Сибири. 2012. № 4. С. 53.

¹⁰¹¹ Об управлении инородцев // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1822. 22 июля. Т. 38. № 29126. С. 394–395.

¹⁰¹² Дамешек Л. М. Организация управления народами Сибири в XIX – начале XX в. // Источниковедение истории государства и права дореволюционной России. Иркутск, 1983. С. 77.

¹⁰¹³ Об управлении инородцев // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1822. 22 июля. Т. 38. № 29126. С. 395.

по сути, «структурами в системе имперских институтов власти»¹⁰¹⁴. Первой была создана Хоринская степная дума в 1822 г. для управления бурят-скотоводов, она объединила под своей властью более 32 тыс. человек¹⁰¹⁵. В 1824 г. были образованы еще девять бурятских степных дум: Аларская, Балаганская, Баргузинская, Верхоленская, Идинская, Кударинская, Кудинская, Ольхонская, Тункинская. В 1825 г. была создана Селенгинская дума, а в 1839 г. из Хоринской думы выделилась самостоятельная Агинская степная дума. Общее число подвластного бурятским степным думам населения составляло около 160 тыс. чел.¹⁰¹⁶

Главными направлениями административной практики степных дум были: учет подвластного населения, разверстка и сбор налогов, учет и контроль общественного имущества, землепользование и земледелие, создание продовольственных запасов, организация торговли и извоза, социокультурные и другие вопросы.

Средним звеном в системе управления бурятами являлись инородные управы, которые объединяли несколько стойбищ и улусов. Возглавлял управу голова, в ее состав входили выборные и писарь-делопроизводитель. Управа являлась транслятором и исполнителем распоряжений высшего начальства, принимала противоэпидемические и противопожарные меры, занималась росписью ясака и сбором его и недоимок. «Перед российским правительством стояла задача унификации системы управления окраинами, которая являлась, безусловно, сложнейшей задачей»¹⁰¹⁷.

Нижним звеном самоуправления бурят был улус, который объединял более 15 семейств. Возглавляли улус старшина и два его помощника. Дела велись изустно в связи недостаточным количеством грамотных людей, способных к письмоводительству.

---

¹⁰¹⁴ Борисов А. А. Степные думы Сибири: исторический опыт самоуправления в имперской системе власти // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Политология. Религиоведение. 2011. № 1(6). С. 126.

¹⁰¹⁵ Там же. С. 128.

¹⁰¹⁶ Там же. С. 129.

¹⁰¹⁷ Дамешек Л. М. Местное самоуправление бурят в XIX – начале XX в.: от степных дум к волостным правлениям // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: История. 2018. Т. 23. С. 23.

На территории компактного проживания ачинских и минусинских «инородцев» в 1823 г. были созданы четыре степные думы: Кызыльская, Койбальская, Качинская, Сагайская (соединенных разрозненных племен).

В организации хакасских степных дум важную роль сыграл назначенный первый губернатор Енисейской губернии А. П. Степанов, который представил «Наставление степной думе койбальских племен» и велел собрать у «инородцев» просьбы о создании у них степных дум. А. П. Степанов инициировал принятие решения о создании дум, которое затем утвердил восточносибирский генерал-губернатор¹⁰¹⁸.

Хакасский нижний уровень самоуправления, так же как и у бурят, был представлен улусом с объединением десяти и более семейных юрт. Главами улусов были старшины с двумя помощниками. Они вершили словесный суд, наказывали за мелкие правонарушения, были ответственны за сбор ясака в рамках своей территориальной компетенции, контролировали исполнения начальственных распоряжений и указаний. «Эта структура позволяла хакасским обществам самостоятельно, в пределах своего ведомства решать административные, хозяйственные, судебные (кроме уголовных) вопросы, заниматься развитием народного образования, здравоохранения, социальным призреванием, благотворительностью, вопросами веры»¹⁰¹⁹.

Инородческая управа во главе с башлыком управляла административным родом, который не совпадал с кровным родом – сеоком, а объединял несколько улусов по территориальному принципу. В компетенции инородческой управы входили контроль над функционированием улусов, судопроизводство по неуголовным делам, роспись ясака между улусами.

Хакасские степные думы, учрежденные в 1823 г., возглавляли родона начальники и заседатели, которые утверждались Енисейским губернатором. Необходимо уточнить, что до 1826 г. хакасские роды относились к Кузнецкому уезду Томской губернии, об этом свидетельствуют

---

¹⁰¹⁸ История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. М., 1993. С. 255–256.

¹⁰¹⁹ Асочакова В. Н. Хакасские степные думы и вопросы христианизации коренного этноса: некоторые аспекты // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: История. 2018. Т. 23. С. 16.

печати родовых князцов на документах¹⁰²⁰. В штате думы состоял письмоводитель, занимавшийся оформлением всех дел в бумажном варианте. Обязанностями степной думы были административно-демографический учет, разверстка повинностей по родам, контроль за их сбором, учет имущества населения, наблюдение за санитарно-гигиеническим состоянием улусов. Губернатор А. П. Степанов расширил права степных дум, наделив их и судебной функцией, полагая, что устоявшееся обычное право необходимо для кочевых народов до тех пор, пока они не освоили российских законов¹⁰²¹.

Выбор князцов, письмоводителей и других должностных лиц осуществлялся приговором родовичей. При этом, например, архивный документ «О выборе князцов и о неимении письмоводителя за 1838 г.» Качинской степной думы подтверждает острый кадровый вопрос в связи с низкой грамотностью инородцев. Так, согласно делу, на место казначея Шалошина улуса Качинской степной думы был избран Апчей Котенев, знавший счетоводство, а место письмоводителя осталось вакантным¹⁰²².

Степные думы имели прямое подчинение перед окружным начальником (до 1855) и губернатором Енисейской губернии, все решения дум визировались непосредственными начальствующими лицами. Пост родоначальника степной думы был пожизненным, ему вручалась печать с символами российской государственности, которой он заверял свою подпись под решением думы. У каждого родового князца – члена степной думы тоже была печать¹⁰²³.

На территории компактного проживания ачинских и минусинских «инородцев» в 1823 г. были созданы 4 степные думы: Кызыльская, Койбальская, Качинская, Сагайская (соединенных разрозненных племен). Однако, злоупотребления князцов Качинской степной думы в 1851 г. и разногласия между должностными лицами Качинской думы и Соединенных

---

¹⁰²⁰ НА РХ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 35. Л. 6.

¹⁰²¹ Асочакова В. Н. Хакасские степные думы и вопросы христианизации коренного этноса: некоторые аспекты // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: История. 2018. Т. 23. С. 17.

¹⁰²² ГАКК. Ф. 303. Оп. 1. Д. 5. Л. 3–8.

¹⁰²³ ГАКК. Ф. 303. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–6 об., 58.

разнородных племен стали причиной ликвидации Качинской степной думы и замены ее в 1855 г. двумя управами – Абакаской и Июсской, которые имели прямое подчинение Земской полиции вместо исключительного подчинения окружному начальнику¹⁰²⁴.

Начальник Якутской области Н. И. Мягков внес большой вклад в создание Якутской степной думы, он внимательно отнесся к мнениям И. Е. Мигалкина и Н. О. Рыкунова, которые выступали за якутское самоуправление, приблизил их к себе, написал свод правил для создания и функционирования инородческих учреждений в Якутском округе¹⁰²⁵. Якутская степная дума была создана в 1827 г., объединив семь улусов, где на тот момент существовали инородные управы, во главе которых находились улусные головы, имевшие в подчинении старост наслегов (селений). Должность главного родоначальника была выборной (на срок в три года), в степной думе было семеро постоянных членов (по числу улусов) и семеро избираемых на один год, временных (наиболее знатных и авторитетных родовичей).

Общее число населения, оказавшееся под контролем степных дум Сибири, превышало 280 тыс. человек¹⁰²⁶.

Работа по реализации «Устава» 1822 г. об управлении инородцев началась с его перевода на автохтонные языки. Автор нормативного акта М. М. Сперанский внес в него идею кодификации норм права, сложившихся традиционно у местных народов, поскольку в силу объективных историко-культурных причин распространить на аборигенов российское законодательство в полном объеме не представлялось возможным. Для государственного узаконения норм обычного права аборигенов нужно было собрать и проанализировать весь массив местных законов и обычаев. Иркутский и енисейский губернаторы возглавили временные комитеты для осуществления этой задачи. В результате работы была представлена

---

¹⁰²⁴ НА РХ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 669. Л. 5–7.

¹⁰²⁵ Петухова З. И. Якутская Степная Дума (1828–1838 гг.). Якутск, 2007. С. 57–63.

¹⁰²⁶ Борисов А. А. Степные думы Сибири: исторический опыт самоуправления... С. 128.

первоначальная версия «Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири» из 1071 параграфа (иркутский проект составлял 844 параграфа, якутский – 154, енисейский – 74)¹⁰²⁷.

Доработка «Свода» велась с учетом китайского, монгольского и калмыцкого опыта степного управления, а также предшествующих российских нормативных документов, посвященных этому вопросу. Восточносибирский генерал-губернатор А. С. Лавинский в августе 1824 г. представил проект кодификационного акта в Сибирский комитет¹⁰²⁸, где он был подвергнут экспертному анализу и по настоянию руководителя комитета А. П. Величко в марте 1828 г. решено было создать новый проект¹⁰²⁹, что и произошло через три года. Еще пять лет понадобилось для бюрократических согласований, заключений и проверок. В 1836 г. тиражом в 50 экземпляров был опубликован второй вариант проекта, состоявшего из 540 параграфов¹⁰³⁰. Пока шло обсуждение очередного варианта, 9 января 1838 г. прекратил свою деятельность Сибирский комитет, и документ был передан в учреждение, специально созданное в 1826 г. для кодификации законов, II отделение. К 1841 г. появился доработанный А. П. Величко окончательный вариант свода степных законов (802 статьи), который обсуждался в высших властных инстанциях империи.

Наиболее серьезные замечания критиков проекта сводились к противоречивости и неполноте представленных норм, двусмысленности и многословию, сложности для инородцев письменной системы судопроизводства и излишней бытовой регламентации¹⁰³¹, отсутствию уверенности в аутентичности первичного материала, заложенного в свод¹⁰³². Многим критическим анализам нормы проекта казались недостаточными

---

¹⁰²⁷ Шангин А. М. Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири как начальная попытка кодификации обычного права сибирских народов // Труды ИГПРАН. 2009. № 4. С. 159; Борисов А. А. Степные думы Сибири: исторический опыт самоуправления... С. 131.

¹⁰²⁸ Дамешек Л. М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX – начале XX вв. Иркутск, 1983. С. 48.

¹⁰²⁹ Дамешек Л. М. Кодификация норм обычного права народов Сибири в XIX веке // Источниковедение теории государства и права дореволюционной России. Иркутск, 1983. С. 33.

¹⁰³⁰ Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири: проект. Спб., 1836. 176 с.

¹⁰³¹ Шангин А. М. Свод степных законов кочевых инородцев... С.165.

¹⁰³² Нольде А. А. К истории составления проекта «Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири». М., 1903. С. 5.

для племен с административно-политическим и социально-экономическим развитием выше среднего уровня и избыточными для неразвитых в этом отношении народов.

Архивные материалы свидетельствуют о формальном соотношении статуса волостного управления и инородческого, последний из которых был недостаточно приспособлен к традиционным российским формам власти и зарождавшегося самоуправления. В отличие от крестьянского волостного и сельского управления, многие административные структуры инородцев не имели возможности решать дела самостоятельно. Так, мор скота, эпидемии среди населения, пожары, наводнения, постройка объектов коммуникации и др. были заботой губернской администрации, в которую направлялись степной думой через окружное правление требования решить какой-либо вопрос. При этом приговоры родовичей зачастую содержали решение о призыве губернского ветеринарного врача, губернского архитектора или инспектора губернской врачебной управы без принятия собственного варианта решения проблемы¹⁰³³.

Финансирование инородческого звена управления осуществлялось за счет сбора денежных средств с инородцев в форме «избора великого», составлявшего на 1838 г. 10 руб. с податной души в год.

Так, например, князем Тубинского улуса Качинской степной думы Беком Картиным была подана следующая ведомость о приходе и расходе избора великого:

- собрано с 261 души по 10 руб. – 2610 руб. 00 коп.;
- сдано в Минусинское казначейство на содержание думы – 1646 руб. 98 ³/₄ коп.;
- выдано десятнику улусному – 50 руб.;
- выдано коморщику – 10 руб.;
- выдано заседателю Тутачикову – 5 руб.;
- куплено для общества скотины – на 25 руб.;

---

¹⁰³³ ГАКК. Ф. 303. Оп. 1. Д. 1. Л. 112 об., 113, 192 об.; Д. 3. Л. 5.

- выдано за печать – 10 руб.;
- всего израсходовано 1746 руб. 98 ³/₄ коп.;
- в остатке – 863 руб. 1 ¹/₄ коп.¹⁰³⁴

Обильное включение в проект российских правовых норм, мелочная регламентация утяжеляли «Свод», делая его нежизнеспособным. В итоге 1847 г. стал последним в обсуждении проекта. Опросив местные сибирские власти о целесообразности принятия «Свода» и получив отрицательный ответ, кодификационное отделение не стало продолжать работу в этом направлении, генерал-губернатор Н. Н. Муравьев тоже отложил этот вопрос в долгий ящик и больше к нему не возвращался.

В связи с интенсификацией крестьянской колонизации Сибири в XIX в. этноконфессиональное преобладание российского элемента стало явным и имперское руководство задумалось над ускорением интеграции русских коронных поселенцев и инородцев. Традиционные нормы права аборигенов, имплементированные царской властью, выполнили свою задачу на этапе распространения русского мира в Сибири по сохранению его основ и административно-политическому и социально-экономическому закреплению территорий за короной. При этом спорные вопросы между крестьянами и инородцами, интересы которых представляли волостное правление и степная дума соответственно, в 8 случаях из 10 решались окружным управлением в пользу крестьян, а не инородцев. Примером может служить разбирательство 1838 г. между Шушенским волостным правлением и Качинской степной думой по возврату отобранной по рапорту волостного правления у ясачного Троякова лошади, якобы ранее принадлежавшей крестьянину Сереткину, который не предоставил убедительных доказательств на право владения¹⁰³⁵.

Причины закрытия степных дум Сибири также объяснялись усилившимся крестьянским и мещанским началом образа жизни инородцев.

---

¹⁰³⁴ ГАКК. Ф. 303. Оп. 1. Д. 1. Л. 41.

¹⁰³⁵ ГАКК. Ф. 303. Оп. 1. Д. 1. Л. 58.

Архивные материалы свидетельствуют о перечислении инородцев в крестьяне и оседлое состояние, приобретаем массовое явление во второй половине XIX в. Так, по донесению словесного суда Ближнекачинского улуса Степной думы соединенных разрозненных племен в адрес хозяйственного отделения Енисейской казенной палаты от 1853 г., следует: «...ясачный Албаич, а по крещению Иван Бодюков Марткачаков, имеет в городе Минусинске оседлость, домообзаводство с мещанином Николаем Узуковым и занимается с ним хлебопашеством... в следствие его просьбы, поданной в казенную палату при составленных при оной увольнительного и приемного приговоров, данных ему подлежащих обществ на перечисление, в сословие мещан по гор. Минусинску причислить, согласно 1108 ст. 9 тома Устава о состояниях, 954 ст. 5 тома Устава о податях, с платежом податей и всех повинностей с начала будущего 1854 года, но с всегдашнею свободою от рекрутства...»¹⁰³⁶.

При этом переселенные инородцы из ясачных волостей воспринимали образ поведения русского населения. Примером может служить массовая документация о начислении на них штрафов за незаконное винокурение, ранее не свойственное в соответствии с традиционными ценностями инородцам¹⁰³⁷.

Итогом происходившего процесса смешения национальных и культурных ценностей коренных жителей Сибири и пришлого крестьянского населения стало отсутствие необходимости инороческих форм общественного (и все же административного) управления. Так, Якутская степная дума прекратила свое существование в 1838 г. из-за попыток чрезмерной самостоятельности и конфронтации с коронной администрацией, особенно в земельном вопросе. До конца XIX в. были закрыты большинство бурятских и хакасских степных дум, только три думы просуществовали до начала XX в. – Кударинская (1903), Хоринская (1904), Агинская (1904)¹⁰³⁸,

---

¹⁰³⁶ НА РХ. И-2. Оп. 1. Д. 519. Л. 1–9.

¹⁰³⁷ НА РХ. И-2. Оп. 1. Д. 527. Л. 1–9.

¹⁰³⁸ Борисов А. А. Степные думы Сибири: исторический опыт самоуправления... С. 127.

вместо дум учреждались инородные управы¹⁰³⁹. При этом на пограничных территориях «раннего заселения» более подходившей, согласно взгляду центральной власти, была крестьянская форма управления, которая при возможности заменяла инородческую и казацкую¹⁰⁴⁰.

Архивные материалы указывают, что на новоприсоединенных территориях «Русского Дальнего Востока» повторялись те же самые методы государственного участия в жизни инородцев, ранее использованные в «более западной части Сибири». Конфиденциальное письмо одного из служащих амурской местной администрации от 29 октября 1863 г. свидетельствует, что «обитающие на Амуре туземцы (гиляки, гольды и другие) до подчинения их России привыкли платить ясак Манжурскому правительству. Пользуясь обычаем, манжурские чиновники продолжали собирать ясак с туземцев. Посему находя необходимым для совершенного убеждения этих инородцев в полном подданстве Российскому Правительству, установить с них подать или ясак, хотя в небольшом размере, собственно, но как доказательство зависимости их от России...»¹⁰⁴¹. Однако ответом Военного губернатора Приморской области на письмо было сообщение от 18 февраля 1864 г. следующего содержания: «...по моему мнению мера эта во многих отношениях представляет большие неудобства. 1. Она не достигает предполагаемой цели и может дать результаты противные... 2. При настоящем не полном знакомстве с краем и недостатком средств нет никакой возможности установить этот налог правильно и чтобы ему подчинялись... 3. Для правительства доход от этого налога будет самый ничтожный, для плательщиков весьма жесткий»¹⁰⁴².

Таким образом, в системе реформированного инородческого управления XIX в. присутствовала линейность развития, определявшаяся стратегической задачей государства на всестороннее укрепление российских позиций.

---

¹⁰³⁹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 18. Л. 2.

¹⁰⁴⁰ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 17. Л. 17.

¹⁰⁴¹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 6. Т. 6. Д. 184. Л. 1 об.

¹⁰⁴² ГАИО. Ф. 24. Оп. 6. Т. 6. Д. 184. Л. 1–3.

Городское управление. «Сибирское учреждение» 1822 г.

М. М. Сперанского подразделяло города по количеству жителей на три категории с определенными особенностями управления в каждой. Многолюдные города (Тобольск, Томск, Енисейск, Красноярск, Иркутск) имели трехзвенную систему управления, состоявшую из полицейской части, хозяйственной части и суда¹⁰⁴³. Полицейскими вопросами занимались городничий и городская управа, имевшая подразделение на общую и частную. Территориальной юрисдикцией общей управы был весь город, ее штат состоял из городничего и частных приставов. Частная управа была ответственна за районы города и включала пристава административной части города и квартальных надзирателей.

Главной задачей полиции городов, как и губернского правления, «Учреждение» определило поддержание внутренней безопасности горожан и имущества посредством превентивных и репрессивных методов¹⁰⁴⁴. К предупредительным мерам законодательство отнесло: информирование населения о решениях властей, розыск людей, поддержание порядка на массовых мероприятиях, противопожарные и санитарные мероприятия, контроль за должным состоянием коммуникаций, медицинское обеспечение, мониторинг цен и объема хлеба, соли, вина¹⁰⁴⁵.

Мерами пресечения нормативным актом были обозначены: статистика правонарушений, предотвращение насилия, арест виновных, обеспечение должного порядка в тюрьмах, исполнение приговоров высших инстанций по всем видам дел, кроме политических, взыскание векселей по доказанным документам, прием и рассмотрение жалоб горожан¹⁰⁴⁶. Частные городские управы проводили предварительное следствие, а общие – проверяли процессуальную и материальную сторону дел и направляли их в суд.

---

¹⁰⁴³ Учреждение для управления Сибирских губерний // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1822. 22 июня. Т. 38. № 29125. С. 345–394.

¹⁰⁴⁴ Там же. С. 356.

¹⁰⁴⁵ Там же. С. 357.

¹⁰⁴⁶ Там же.. С. 358.

Вопросами городского хозяйства ведала дума, состоявшая из головы и от двоих до четверых гласных. Дума занималась администрированием доходов горожан, разверсткой и сбором податей, росписью бюджета полиции и собственной администрации, в случае дефицита городской казны позволялось дополнительное подворное или подоходное обложение. Сверстанный городской бюджет утверждался высшей инстанцией и реализовывался путем выделения сумм под конкретные задачи, остаток средств переводился в бюджет следующего года. Кроме того, функциями городской думы были: мониторинг цен и товаров первой необходимости, содержание городских судов, ежегодный отчет о бюджете с исходными документами для представления на ревизию, содержание имущества (зданий, мостов, городских пастбищ)¹⁰⁴⁷.

Городовой суд (магистрат) состоял из судьи (бургомистра) и двоих заседателей, штата писцов, кроме того, еще избирались кандидаты на время отлучки состава суда¹⁰⁴⁸. Городской суд был первой инстанцией по всем делам для мещан и купцов, включая регулирование внешнеторговых связей¹⁰⁴⁹. К городовому суду относился и словесный суд по маловажным делам¹⁰⁵⁰. При этом кажущаяся реализация идей самоуправления и начал самостоятельного судопроизводства подпиралась устоявшейся системой вертикали государственной власти, замыкавшейся на местном уровне в губернской администрации¹⁰⁵¹.

Средние сибирские города управлялись городничим и городской частной управой, в которую входили квартальные надзиратели. Функции управления аналогичны управлению в многолюдных городах. Вопросами хозяйства и суда для мещан и купцов ведала ратуша, состоявшая из судьи, двоих заседателей и троих кандидатов.

---

¹⁰⁴⁷ Т Учреждение для управления Сибирских губерний // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1822. 22 июня. Т. 38. № 29125. С. 357.

¹⁰⁴⁸ ГАТО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 25. Л. 2–17.

¹⁰⁴⁹ ГАТО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 42. Л. 2–35.

¹⁰⁵⁰ Учреждение для управления Сибирских губерний // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1822. 22 июня. Т. 38. № 29125. С. 357–358.

¹⁰⁵¹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 1. Т. 1. Раздел 2. Д. 82. Л. 2–4.

Управление в малых городах вершилось городничим, ведавшим полицией. Хозяйственными вопросами распоряжались городские старосты, совмещавшие в себе все органы городского управления. Уголовные и гражданские дела находились в ведении окружного суда, находившегося в окружном центре¹⁰⁵². Однако, были и исключения. Например, в городе Нарыме, включенном в «заштатный состав» с 1822 г., словесный суд функционировал до 1834 г.¹⁰⁵³

Во второй и третьей четверти XIX в. происходила интенсификация роста населения Сибири, в том числе в городах. С 1805 по 1860 г. городское население в Западной Сибири увеличилось на 54 %¹⁰⁵⁴. В целом по Сибири между 6 и 10 ревизиями (1811–1857) рост числа горожан составил 33 %¹⁰⁵⁵.

Истоками введения городской реформы 1870 г. являлись: продекларированное уравнивание в правах российских подданных после 1861 г., учреждение в 1864 г. органов самоуправления с использованием традиций низовой демократии, ликвидация сословного судопроизводства. Городовое положение базировалось на принципах сословности, разделения властей, самоуправления и ограничений по возрасту и доходам¹⁰⁵⁶. В целом выпущенный нормативно-правовой акт в логике имперского абсолютизма провозглашал городское самоуправление частью государственной системы управления. В пределах своих полномочий местное самоуправление имело право действовать самостоятельно, но в пределах закона.

Реформа 1870 г. проводилась в Сибири поэтапно. Городовое положение 1870 г. объявлялось действующим с момента принятия в пяти сибирских городах – Иркутске, Красноярске, Семипалатинске, Тобольске и

---

¹⁰⁵² Учреждение для управления Сибирских губерний // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1822. 22 июня. Т. 38. № 29125. С. 358.

¹⁰⁵³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 212. Л. 1.

¹⁰⁵⁴ Рутц М. Г. Динамика численности городского населения Западной Сибири в первой половине XIX в. // Города Сибири XVIII – начала XX в. Новосибирск, 2001. С.10–26.

¹⁰⁵⁵ Сибирь в составе Российской империи / под ред. Л. М. Дамешека, А. В. Ремнева. М., 2007. С. 347.

¹⁰⁵⁶ Коновалов И. А., Шиманис Б. Б. Структура муниципальных органов Западной Сибири по Городовому положению 1870 г. // Вест. Ом. ун-та. 2009. № 2(19). С. 26.

Томске. В остальных городах предписывалось не затягивать время и вводить его «по местным обстоятельствам»¹⁰⁵⁷.

Предварительные предвыборные работы в городах заключались в формировании электорального списка согласно Городовому положению 1870 г. Составлялся общий рейтинговый перечень горожан, плативших налоги в казну, затем он разделялся на три «разряда», которые и представляли «курии» избирателей. Причем жестких перегородок между разрядами не было, представители одного могли предложить в свои гласные людей не только из списка курии. Здесь можно усмотреть нарушение принципов представительства, «соразмерности прав и обязанностей»¹⁰⁵⁸.

Пассивным избирательным правом не обладали священники, иудеи, чиновники судов и казначейств¹⁰⁵⁹. Активным избирательным правом по Городовому положению 1870 г. были наделены мужчины – владельцы недвижимости и добросовестные налогоплательщики старше двадцати пяти лет, платившие налоги не в казну, а в пользу города. По одному представителю в городскую думу могли быть выбраны от плативших городские налоги акционерных обществ, религиозных и общественных объединений. Права голоса не имели рабочие, а также интеллигенты, не имевшие недвижимости, а снимавшие квартиры. Провозглашенная всесословность городских выборов, ограниченная цензовыми барьерами, подвергалась коррозии, что в конечном итоге способствовало нарушению принципа представительства. Разделение электората по разрядам во всех городах Сибири было неравномерным. Третьеразрядная система могла автоматически включать весь состав первого разряда в городскую думу. Так случилось на выборах в Барнауле, где квота от каждого разряда составляла 24 человека, а к первому относились только 19, поэтому все они вошли в

---

¹⁰⁵⁷ Высочайше утвержденное Городовое положение // ПСЗ РИ. Собр. 2. 1870. 16–28 июня. Т. 45. № 48498. С. 821.

¹⁰⁵⁸ Писарькова Л. Ф. Городовое положение 1870 г. и социальный состав городского управления в губерниях Центрально-Черноземного района // Буржуазные реформы в России второй половины XIX в. Воронеж, 1988. С. 72–81.

¹⁰⁵⁹ Высочайше утвержденное Городовое положение... С. 825.

представительный орган¹⁰⁶⁰. Тем не менее эта избирательная схема в условиях предшествующего отсутствия общественной практики заложила начало реформированию самоуправления¹⁰⁶¹. Кроме того, по мнению К. В. Лена, в сибирских городах высокообразованные представители интеллигенции (учителя, врачи, инженеры) обладали хорошими доходами и владели недвижимостью, следовательно, входили в число избирателей. Таким образом, «недостаток избирательной системы минимизировался особенностями российской провинциальной урбанизации»¹⁰⁶².

В Положении 1870 г. органами городского самоуправления обозначались избирательные собрания, городские думы и городские управы, они являлись юридическими лицами, были призваны заниматься местными проблемами и имели право в пределах своего ведения издавать местные законы. Главной функцией избирательных собраний было формирование депутатского корпуса (гласных). Все избранные лица приносили присягу с обещанием добросовестного исполнения возложенных на них обязанностей. Государственные органы не имели права вмешиваться в процесс формирования кадрового состава городских учреждений¹⁰⁶³.

Городские думы, занимавшие ведущую роль в системе местного самоуправления, имели исключительное право избирать голов и состав управ, определять им размеры жалованья, вершить городскую бюджетно-налоговую политику, принимать решения по вопросам градостроительства и благоустройства. Думы могли из своего состава создавать для рассмотрения стратегических вопросов собственной деятельности комитеты, которые распускались после решения поставленных задач¹⁰⁶⁴. Городские думы могли

---

¹⁰⁶⁰ Храмцов А. Б. Проблемы формирования органов местного самоуправления в городах Западной Сибири (1870-е гг.) // Вест. Том. гос. ун-та. 2016. № 410. С. 166.

¹⁰⁶¹ Лен К. В. «Городовое положение» 1870 г. сквозь призму истории российской провинции // Научный диалог. 2014. № 5 (29). С. 9.

¹⁰⁶² Там же. С. 11.

¹⁰⁶³ Высочайше утвержденное Городовое положение // ПСЗ РИ. Собр. 2. 1870. 16–28 июня. Т. 45. № 48498. С. 826.

¹⁰⁶⁴ Коновалов И. А. Структура муниципальных органов Западной Сибири по Городовому положению 1870 г. // Вест. Омс. ун-та. 2009. № 2(19). С. 23–28.

созываться по требованию губернатора, или городского головы, или группы гласных не менее 20 % списочного состава¹⁰⁶⁵.

Социальный состав городских дум обычно пропорционально соотносился с социальным составом города. В промышленно развитых Тюмени и Томске подавляющее число мандатов было у владельцев предприятий. В военно-административных городах Тобольске и Омске большинство составляло чиновничество и офицерство¹⁰⁶⁶. В Омской думе чиновники и офицеры имели более половины мест, в Томской – три четверти депутатов были купцами¹⁰⁶⁷.

Городские управы являлись исполнительными органами самоуправления и занимались административно-хозяйственными вопросами, представляли проект городского бюджета в думу, контролировали приход и расход муниципальных налогов, ревизовали торговые учреждения¹⁰⁶⁸. Небольшие города могли не избирать управу, возлагая исполнительные функции на городского голову.

Городской голова как руководитель самоуправления избирался гласными на заседании думы. Он входил в состав и имел право вести заседания думы, кроме случаев рассмотрения на заседании отчета городской управы и финансово-премиальных вопросов в отношении своих подчиненных. Голова не обладал правом вето по решениям, принятым думой. Он давал согласие или отвергал предложения о присутствии на заседаниях приглашенных лиц, причем инициаторы приглашения должны были предупреждать об этом за три дня. Положение 1870 г. минимизировало конфликт интересов при производстве городских работ, запрещая членам самоуправления участвовать в подрядах в качестве физических лиц¹⁰⁶⁹.

---

¹⁰⁶⁵ Городовое положение с дополнениями и разъяснениями. Спб., 1874. С. 56.

¹⁰⁶⁶ Коновалов И. А. Структура муниципальных органов Западной Сибири... С.27.

¹⁰⁶⁷ Дмитриенко Н. М. Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX века: управление, экономика, население. Томск, 2000. С. 58; Из истории Омска (1716–1917): очерки, документы, материалы. Омск, 1967. С. 118.

¹⁰⁶⁸ Городовое положение с дополнениями и разъяснениями... С. 69.

¹⁰⁶⁹ Там же. С. 82.

Первая выборная кампания в сибирских городах проходила не в одно время. В 1870 г. городское самоуправление было избрано в Красноярске и Иркутске, в 1871 г. – в Томске, в 1872 г. – в Тюмени, Тобольске, Таре, в 1873 г. – в Ишиме и Омске, в 1875 г. – в Тюкалинске, Владивостоке, Чите, в 1876 г. – в Березове, Колывани, в 1877 г. – в Барнауле и Бийске и других городах.

Электоральное право в соответствии с требованиями Положения 1870 г. получило меньшинство горожан (например, в Тобольске – 0,7 %, в Иркутске – 3,9 %), но и они, не имея общественного выборного опыта, не спешили его приобретать. Уровень явки на городских выборах составлял в Омске – 29,2 %¹⁰⁷⁰, в Тобольске – 10,8 %, Тюмени – 14,2 %, Ялуторовске – 14,4 %, Ишиме – 15,4 %, Тюкалинске – 36,5 %, Березове – 88,8 %¹⁰⁷¹, в Томске – 26 %, Барнауле – 6 %¹⁰⁷².

Несмотря на высокий уровень патернализма и амбиций государственных служащих, приводивших к вмешательству в практическую деятельность городского самоуправления, оно смогло занять свою нишу в развитии образования, здравоохранения, благоустройства, благотворительности. Малоэффективность самоуправления была связана с экономической слабостью сибирских городов и, как следствие, скудостью бюджета, кроме того, сказывалось отсутствие опыта местного самоуправления в условиях всеобщности.

Таким образом, в развитии местного самоуправления в Сибири в период 1822–1882 гг. прослеживается целенаправленная, но не систематизированная деятельность государственных органов империи по инкорпорированию местных полиэтничных обществ в административно-территориальную структуру государства. Необходимость увеличения числа

---

¹⁰⁷⁰ Энциклопедия города Омска / под ред. Г. А. Павлова: в 3 т. Т. 1. С. 148.

¹⁰⁷¹ Анкушева К. А. Тюменская городская дума в 1872 – феврале 1917 г. // Земля Тюменская: ежегодник Тюмен. област. краеведческого музея. 2004. Тюмень, 2005. Вып. 18. С. 48.

¹⁰⁷² Храмцов А. Б. Проблемы формирования органов местного самоуправления в городах Западной Сибири (1870-е гг.) // Вест. Том. гос. ун-та. 2016. № 410. С. 166.

налогоплательщиков подталкивало власти к гармонизации отношений с местным населением.

В усложнившихся этнодемографических условиях Сибири проведенная ревизия и реформа М. М. Сперанского, выявив системные недостатки в управлении, в том числе на волостном уровне, привели к глубокому реформированию всей системы сибирского управления. В административно-территориальном плане реформа волостного управления в первой половине XIX в. может быть рассмотрена как постепенное внесение государственных начал в традиционное общинное руководство. Унификация сибирской и центрально-российской волости как начального территориального звена управления осуществлялась в русле укрепления сословия государственных крестьян и модернизации податной системы.

На структуре волостного уровня административного устройства Сибири отразились особенности местных условий, выразившиеся в дефиците властных рычагов, отдаленности территории и сложности коммуникаций.

Традиционные нормы права инородцев, узаконенные имперской властью, выполнили свою задачу по сохранению российских основ, административно-политическому и социально-экономическому закреплению территорий за государством. Это явилось одной из причин закрытия степных дум Сибири.

Городовое Положение 1870 г. базировалось на принципах всесословности, разделения властей, самоуправления и ограничений по возрасту и доходам. В реальной практике городское самоуправление стало частью государственной системы управления. Интенсификация развития общественного управления городов заложила основы последующих модернизаций.

4.4. Организация местной власти в Сибири в конце XIX – начале XX в.

На рубеже XIX–XX вв. административно-территориальное устройство Сибири продолжало реформироваться центральной властью с целью унификации государственной системы управления. В 1898–1902 гг. в Сибири были упразднены округа и переименованы в уезды, которые делились на волости. Территориальные размеры сибирских волостей превосходили общероссийские по объективным причинам обширности земли и ее малонаселенности. Так, в Енисейской губернии средний размер волости был по данным на 1892 г., 1500–2000 кв. верст при населении от 4,5 до 14 тыс. жителей¹⁰⁷³, что территориально было сопоставимо с отдельными центрально-росийскими уездами.

В 80–90-е гг. XIX в. значительно усилился поток переселенцев в Сибирь, он составил около 50 тыс. человек в год. Это было вызвано отменой ограничений для переезжавших с государственного разрешения в восточные районы и введением для них различных льгот. Для централизованного регулирования и контролирования миграционных процессов в 1896 г. было создано Переселенческое управление.

Социально-экономические процессы конца века побудили имперские власти к введению в 1895 г. губернского управления¹⁰⁷⁴. Внутренняя противоречивость реформы была обусловлена несовместимостью идей децентрализации и практического объединения в одном ведомстве решения многообразных вопросов. Имперский центр искусственно пролонгировал введение в Сибири земской и судебной реформ. Следует отметить, что судебная реформа была реализована не на всей территории Сибири. Так, суд присяжных действовал только на территории Западной Сибири, что тормозило эволюцию местного самоуправления.

---

¹⁰⁷³ Скворцова О. В. Административно-территориальное устройство Восточной Сибири в конце XIX – начале XX века: проблемы организации и формирования регионального управления: дис.... канд. ист. наук. Иркутск, 2006. С. 114.

¹⁰⁷⁴ Штат губернских управлений в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской // ПСЗ РИ. Собр. 3. 1895. 1 июня. Т. 15. № 11757. С. 170–173.

2 июня 1898 г. император утвердил «Временное положение»¹⁰⁷⁵, по которому в Сибири вводились должности крестьянских начальников. Действие Положения не распространялось на некоторые удаленные и пограничные территории. Новые должностные лица контролировали принятые решения и вынесенные приговоры волостной администрации. У крестьянского начальника были полномочия заменять телесные наказания на арест до семи суток или штраф до трех рублей¹⁰⁷⁶. Судебные дела решались по инстанции, приговоры уездного суда являлись окончательными¹⁰⁷⁷.

Губернатору предоставлялось право смещать со своих постов представителей сельского, волостного и инородческого управлений. Исключением из этого правила были волостные старосты, которых губернатор мог только временно отрешать от должности до вынесения решения по этому вопросу уездного суда крестьянских начальников¹⁰⁷⁸. В целом крестьянское управление попадало под дополнительный контроль центральной администрации. Волостные старшины были обязаны предварительно представлять крестьянскому начальнику на утверждение повестку волостного схода. Решения сельских сходов предписывалось протоколировать и утверждать крестьянским начальникам или их уездным съездом¹⁰⁷⁹.

На должности крестьянских начальников и кандидатов могли назначаться на основании правил «Устава о службе» только обладавшие высшим и средним образованием или «выдержавшие соответственное испытание»¹⁰⁸⁰. Утверждение в должности и увольнение крестьянских начальников и кандидатов было в ведении иркутского генерал-губернатора, а также Министерства внутренних дел.

---

¹⁰⁷⁵ Высочайше утвержденное временное положение о крестьянских начальниках в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской // ПСЗ РИ. Собр. 3. Отд. 1. 1898. 2 июня. Т. 18. № 15503. С. 403–416.

¹⁰⁷⁶ Там же. С. 404.

¹⁰⁷⁷ ГАКК. Ф. 595. Оп. 4. Д. 80. Л. 2–6.

¹⁰⁷⁸ Высочайше утвержденное временное положение о крестьянских начальниках в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской... С. 405.

¹⁰⁷⁹ Там же. С. 405.

¹⁰⁸⁰ Там же. С. 407.

Крестьянские начальники как губернская структура исполняли поручения губернатора, осуществляли контроль и проверки деятельности крестьянского общественного управления, имея возможность подавать жалобы на должностных лиц, увольнять «неблагонадежных» писарей и их помощников. В пределах своего участка они могли утверждать приговоры сельских и волостных сходов об исключении из общества дискредитировавших себя членов¹⁰⁸¹. Крестьянским начальникам предписывалось следить за «нравственным состоянием» подведомственных жителей, что зачастую вызывало неприятие со стороны последних¹⁰⁸².

Имперская парадигма в административно-территориальной политике в Сибири отразилась в практической реализации закона 1898 г., выразившейся в концентрации судебной-административных функций в руках крестьянских начальников, подчиненных губернской администрации. Всего по Сибири было учреждено 86 должностей крестьянских начальников¹⁰⁸³. В Забайкальской области закон начал действовать с 1901 г., в Якутской области он не был введен.

Выполнение требований закона о качестве кадрового состава представляло определенные трудности. По сравнению с Центральной Россией процент дворянства в Сибири был значительно ниже, поэтому подбор кандидатов на должности крестьянских начальников был сопряжен со сложностями, и не все вакансии были заполнены. Подобрать штат вновь учрежденных должностей исключительно из дворян не представлялось возможным, поэтому после заполнения основных чиновничьих мест в начале XX в. оказалось, что на должностях крестьянских начальников в Западной Сибири было 35 % разночинцев, в Иркутской губернии – 65 %, в Енисейской – 68 %, в Забайкальской области – 98 %, в то же время в центрально-российских губерниях этот показатель не превышал 7 %¹⁰⁸⁴.

---

¹⁰⁸¹ Высочайше утвержденное временное положение о крестьянских начальниках в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской // ПСЗ РИ. Собр. 3. Отд. 1. 1898. 2 июня. Т. 18. № 15503. С. 407–408.

¹⁰⁸² ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 127. Л. 2–15; Оп. 2. Д. 39. Л. 2–38.

¹⁰⁸³ Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 238.

¹⁰⁸⁴ Там же. С. 238–239.

Низовое звено сельского самоуправления – сельский сход – оказался встроенным в более жесткую административно-распорядительную систему местной власти по «Временному положению» 1898 г. Традиционные самоуправленческие прерогативы сельского схода не подверглись секвестированию, но попали под плотный контроль центральной власти. На сельский сход могли собираться домовладельцы старше 25 лет, кворум составлял 2/3 от имевших право присутствия на собрании.

Основными вопросами, выносившимися на обсуждение схода, были земельные переделы, разверстка податей и повинностей, выборы на волостной сход, прием и исключение из общества, установление жалованья выборным лицам¹⁰⁸⁵. Следует отметить определенное размывание общинных основ крестьянского мироустройства, связанное с утратой социально-экономической однородности, обусловленной массовыми переселенческими процессами и усилившейся централизацией.

Начало практического исполнения «Временного положения о крестьянских начальниках» 1898 г. подвигло центральные власти к глубокому реформированию как местного управления, так и самоуправления народов Сибири, они, по мнению правительства, находились во взаимосвязи. Имперский центр недвусмысленно ставил задачу русификации инородцев, которая находилась в противоречии с существованием разделения аборигенов на разряды¹⁰⁸⁶. Госсовет в 1896 г. обсудил эту проблему и принял рамочное решение об упразднении поразрядной системы, поручив Министерству внутренних дел представить проект административной реформы, который глава министерства предложил составить И. И. Крафту. За 20 лет до этого возобновились дискуссии о необходимости модернизации и корректировки Свода степных законов 1822 г. Так, 18 февраля 1877 г. иркутский генерал-губернатор П. А. Фредерикс запросил мнение енисейского губернатора, стоит ли в настоящее время заменять инородческие

---

¹⁰⁸⁵ Скворцова О. В. Административно-территориальное устройство Восточной Сибири в конце XIX – начале XX века: проблемы организации и формирования регионального управления... С. 159.

¹⁰⁸⁶ Дамешек Л. М. Народы Сибири в административной системе... С. 79.

обычай письменным законом или дождаться эпохи, «когда законы эти, основанные на устных преданиях и обычаях, утратят свою силу, и инородцы сами собою воспримут полную гражданственность и сольются с местным русским населением»¹⁰⁸⁷. Преемник П. А. Фредерикса А. П. Игнатьев в 1887 г. представил проект реформирования административного управления, в котором рельефно была обозначена необходимость «обрусения инородцев»¹⁰⁸⁸.

И. И. Крафт в исследовании инородческого вопроса делал экспертное заключение о неполноте реформы Сперанского 1822 г. еще во время ее обнародования и предлагал проведение радикальных преобразований в управлении аборигенами, которое должно стать аналогичным управлению русскими крестьянами при подчинении тех и других крестьянским начальникам. Кроме того, важной задачей Крафт считал создание условий «для ускорения естественного процесса перехода кочевых инородцев к оседлости»¹⁰⁸⁹.

Действуя в правительственной парадигме унификации управления, русификации аборигенов и контроля над ними, Крафт представил «Правила об управлении инородцами в местностях, на которые распространяется действие временного положения о крестьянских начальниках». «Правила» полностью уравнивали в правах кочевых и оседлых инородцев с сельскими обывателями, в то же время отменяли «особые преимущества» почетных инородцев. Таким образом, законодательным путем закреплялся буржуазный вектор социально-экономического развития аборигенов при минимизации роли родовой знати.

Проект И. И. Крафта определял аборигенов в подчинение губернских и уездных властей на общих основаниях с сельскими обывателями. Большую роль автор отводил в управлении инородцев крестьянским начальникам. Общественное самоуправление оседлых инородцев полностью уравнивалось

---

¹⁰⁸⁷ ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 88. Л. 3 об.

¹⁰⁸⁸ Скворцова О. В. Административно-территориальное устройство Восточной Сибири... С. 164.

¹⁰⁸⁹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 15. Л. 187–188.

с крестьянским самоуправлением при территориальном подразделении на сельские сообщества и волости и при переименовании инородческих должностей на общекрестьянский манер.

Волостного старшину предписывалось определять голосованием на сходе выборных от каждых 25 дворов и сельских старост, причем кворум для избрания должен был превышать 67 %¹⁰⁹⁰. Кандидатами на должность могли быть мужчины не моложе 25 лет, не подвергавшиеся судебному преследованию более чем на семь дней ареста. В конфессионально неоднородных волостях должен был избираться помощник старшины из православных инородцев, что можно оценивать как дополнительный элемент контроля и унификации социокультурной жизни окраинных территорий.

«Правила» определяли для волостных старшин функционал административно-полицейского характера. Сельским старостам вменялись в обязанности созыв сходов, сбор податей, другие административно-хозяйственные мероприятия. Контроль над деятельностью и избранием старост осуществляли крестьянские начальники, что выражалось в определении регламента сходов, рекомендаций по кадровому составу и утверждении избранных лиц¹⁰⁹¹.

Управление кочевыми инородцами по проекту Крафта было аналогичным с управлением оседлыми аборигенами при некоторых особенностях. В частности, на волостных съездах при избрании волостного головы (старшины) было необязательным присутствие выборных от сельских обществ. Это объяснялось сложностью коммуникации между улусами и волостным центром, связанной с кочевым методом хозяйствования. Избранных волостных старшин следовало утверждать съездам крестьянских начальников, причем этот орган мог и не согласиться с мнением избирателей и предложить своего кандидата.

---

¹⁰⁹⁰ Дамешек Л. М. Народы Сибири в административной системе... С. 83.

¹⁰⁹¹ Там же. С. 84.

Система судопроизводства, предлагавшаяся И. И. Крафтом, учитывала хозяйственную специфику кочевых и оседлых аборигенов. Для оседлых инородцев предлагалось создать волостной суд, в который избирался один представитель от каждого сельского общества, возглавлять сформированный орган должен был волостной судья из наиболее уважаемых инородцев старше 40 лет. В случае получения образования в русских учебных заведениях кандидат на должность волостного судьи мог быть двадцатипятилетним или старше.

Для кочевых инородцев автором «Правил» предлагалось создать народные суды из кандидатов старше 35 лет, которые могли рассматривать мелкие хозяйственно-административные дела, поскольку из их подсудности проект изымал преступления против государственной религии, податной системы, собственности, а также дела об организованной преступности и укрывательстве беглых¹⁰⁹². Предложенный Крафтом посреднический суд должен был ведать межволостными вопросами и являться судом последней инстанции без возможности обжалования решений.

Поземельные вопросы в проекте Крафта занимали достаточно много места. Земельные угодья кочевников определялись в бессрочное общественное пользование. Споры по земельным проблемам рассматривались старостами (для уровня общины) и волостными съездами (для межобщинного уровня). Споры между волостями призваны были разрешать крестьянские начальники¹⁰⁹³. На отведенных участках кочевники могли возводить жилые и хозяйственные постройки, им можно было заниматься огородничеством, эти нормы проекта должны были стимулировать переход кочевых аборигенов в оседлое состояние.

В записке по вопросу об изменении законов об инородцах прокурор Д. Малинин 28 марта 1898 г. сообщал, что в Енисейской губернии находится 38 530 кочевых инородцев и 978 бродячих¹⁰⁹⁴. Сравнивая эти разряды

---

¹⁰⁹² Дамешек Л. М. Народы Сибири в административной системе... С. 86.

¹⁰⁹³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 15. Ч. 1. Л. 191–193 об.

¹⁰⁹⁴ ГАКК. Ф. 595. Оп. 30. Д. 1204. Л. 79.

аборигенов, прокурор отмечал, что «лишенный почти всяких признаков культурности строй жизни бродячих инородцев делает невозможным применение к ним начал нового суда»¹⁰⁹⁵. Необходимым считал губернский чиновник только конкретизацию статей о «возмущении» и «насилии» и установление уголовной ответственности для родовых старост за преступления по службе. Кочевые инородцы, по мнению Д. Малинина, «ничем не отличаются от ближайшего к ним крестьянского населения»¹⁰⁹⁶, переняв у них методы хозяйствования и образа жизни, правда, сохраняя пережитки «древних обычаев» в виде свободного брака и умыкания невест.

В обсуждении проекта И. И. Крафта принимали участие представители губернской администрации Сибири, крестьянские начальники, в губерниях создавались специальные совещания, которые по результатам своей работы представляли проекты инородческих реформ. Общим для всех проектов стало предложение ликвидировать поразрядную систему и уравнивать схему управления русских крестьян и аборигенов. В распоряжении от 11 сентября 1899 г. иркутский губернатор Горемыкин отмечал, что объединенное губернское присутствие высказало мнение, что «представлялось бы желательным уравнивать инородцев с оседлыми в отношении подведомственности тех и других общему судебному порядку»¹⁰⁹⁷. В целом, несмотря на терминологические расхождения, во всех губернских проектах главной была идея унификации местного управления русских крестьян и аборигенов¹⁰⁹⁸.

Изменения в административном управлении аборигенов Сибири коррелировались с податной реформой, по которой основная масса инородцев переводилась в 1898–1899 гг. на государственную оброчную подать, определяемую на пятилетие сибирским губерниям и

---

¹⁰⁹⁵ ГАКК. Ф. 595. Оп. 30. Д. 1204. Л. 79.

¹⁰⁹⁶ Там же. Л. 79 об.

¹⁰⁹⁷ Там же. Л. 1–7.

¹⁰⁹⁸ Дамешек Л. М. Народы Сибири в административной системе... С.89.

разверстываемую между сельскими обществами или селениями¹⁰⁹⁹. Фискальная задача являлась одной из важнейших в централизаторских устремлениях имперской власти при осуществлении сибирских преобразований.

Задачи усиления полицейского контроля над инородцами и их «обрусения» решало введение для них паспортов. 8 июня 1898 г. император узаконил мнение Госсовета «О видах на жительство для инородцев»¹¹⁰⁰. По этому документу оседлые аборигены приписывались к сельским обществам или волостям, что обязывало их уплачивать в казну крестьянские платежи¹¹⁰¹, а кочевые – в местах фактического проживания, в том числе во время «летовок и зимовок». Кочевые инородцы обязаны были иметь вид на жительство при найме на работу на речные суда, в услужение к оседлым, а также при проживании в городах, кроме случаев кратковременного посещения городских поселений вблизи их кочевий.

Паспорта инородцам выдавались на срок не более года, несмотря на возможные недоимки по государственным, волостным или общественным сборам. Продление паспорта было возможно только после уплаты недоимок¹¹⁰². Таким образом, введенная паспортная система для инородцев решала двуединую фискально-полицейскую задачу в укреплении имперского доминирования в восточных районах.

На рубеже XIX–XX вв. на имперском и губернском уровнях активно дискутировался вопрос возможности земского устройства в Сибири¹¹⁰³. Для местных властей учреждение земств виделось средством переложить решение мелких вопросов с губернского уровня на уровень местного самоуправления. Центральные власти к этому вопросу относились более настороженно. Например, глава Министерства внутренних дел Д. С. Сипягин заявлял о несвоевременности подобного решения, а министр финансов

---

¹⁰⁹⁹ О замене взимаемых в Сибири подушных сборов государственною оброчною и поземельною податями // ПСЗ РИ. Собр. 3. 1898. 19 января. Т. 18. № 14908. С. 46–49.

¹¹⁰⁰ О видах на жительство для инородцев // ПСЗ РИ. Собр. 3. 1898. 1 июня. Т. 18. № 15606. С. 518–519.

¹¹⁰¹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 6. Т. 1. Д. 70. Л. 2; Д. 70а. Л. 2; Д. 70б. Л. 4; Д. 70в. Л. 3; Д. 70г. Л. 3.

¹¹⁰² О видах на жительство для инородцев... С. 519.

¹¹⁰³ ГАКК. Ф. 595. Оп. 30. Д. 1204. Л. 2–8.

С. Ю. Витте говорил о бесполезности введения земств, он предлагал глубокую реформу местного самоуправления¹¹⁰⁴. Иркутский военный генерал-губернатор А. Д. Горемыкин, напротив, считал необходимым введение земской организации управления для Иркутской и Енисейской губерний с целью унификации власти и интеграции инородческого населения, он высказал эти мысли в отчете 1899 г.¹¹⁰⁵

Например, только в Енисейской губернии, согласно алфавитному списку инородческих племен и народностей, на 1899 г. проживали: абалтаевцы (родственные сибирским татарам), абугаи и арши (родственные кайбалам), байкаты, бельтиры, долгане, изушорцы и казановцы (родственные шорцам), кайбалы, камасинцы, карачерцы (родственные шорцам), карагассы, каргинцы, качинцы, качановцы (родственные шорцам), кивинцы, кизыльцы, кийцы, колоцы, остяки, сагайцы, мелетцы, самоеды, таражаковцы (родственные кайбалам), татары, татары сибирские, татары казанские, тувинцы, тунгузы (тунгусы), урянхайцы, шалошинцы (родственные сибирским татарам), шорцы, юраки, якуты¹¹⁰⁶.

Обозначенная на высоком губернском уровне проблема земств в Сибири стала активно обсуждаться общественностью, в печати появлялись проекты по реализации сибирской земской реформы. Острый вопрос сибирских земств поднимался в ходе «банкетной кампании» 1904 г. Рескриптом царя 3 апреля 1905 г. на имя П. И. Кутайсова иркутскому генерал-губернатору объявлялось о необходимости открыто обсуждать проблему земств местным населением. Однако революционные события в Сибири и введение военного положения приостановили дальнейшую разработку новых проектов и обсуждение уже представленных¹¹⁰⁷.

Появившийся в ходе первой русской революции новый орган власти не остался в стороне от проблемы земств в Сибири. 23 мая 1908 г. в

---

¹¹⁰⁴ Скворцова О. В. Административно-территориальное устройство Восточной Сибири... С. 142–143; Витте С. Ю. По поводу непреложности законов государственной жизни. Спб., 1914. С. 203.

¹¹⁰⁵ ГАКК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 208. Л. 1–5.

¹¹⁰⁶ ГАКК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 208. Л. 6–59.

¹¹⁰⁷ ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 2093. Л. 6.

Государственную думу было внесено депутатское предложение от имени 101 думца о распространении земского устройства в Сибири¹¹⁰⁸. По мере разработки законопроекта стало очевидным, что первоначальная идея инициаторов закона по распространению имевшейся в центральной России схемы земских учреждений сталкивается со значительными особенностями административно-территориального устройства сибирских регионов и различной плотностью населения в них. После длительных дискуссий было решено разработать два законопроекта¹¹⁰⁹. Причем отмечалась не принципиальная, а техническая необходимость двух проектов, поскольку общая редакция становилась слишком громоздкой из-за перечисления всех местных особенностей¹¹¹⁰.

Попытка утверждения закона о земствах в Сибири не увенчалась успехом. 5 мая 1912 г. Госсовет отклонил принятый III Госдумой законопроект. В августе 1915 г. сибирские парламентарии внесли на обсуждение новый законопроект на основе отклоненного три года назад. Одновременно с этим в Министерстве внутренних дел при участии сибирских губернаторов разрабатывается и 22 декабря 1916 г. презентуется свой проект земского самоуправления в Западной Сибири¹¹¹¹. По нему земства в Тобольской и Томской губерниях предлагалось учредить только в местностях преимущественного расселения русских крестьян, в трех казацких станицах они не вводились, а в районах без русского доминирования земскими вопросами должны были управлять уездные исправники и специальные комитеты, составленные из чиновников. В обосновании необходимости реформирования местного самоуправления решающим был аргумент унификации административного и хозяйственного строя¹¹¹².

---

¹¹⁰⁸ Приамурье. Факты, цифры, наблюдения: приложение к отчету Общеземской организации за 1908 год. М., 1909. С. 730.

¹¹⁰⁹ Тригуб Г. Я. Проблема введения земства на востоке России (конец XIX – начало XX в.) // Вест. Том. гос. ун-та. 2009. № 318. С. 133–135.

¹¹¹⁰ Некрасов Н. К. Законопроект о введении земств в Сибири // Сибирские вопросы. 1911. № 13–14.

¹¹¹¹ Шиловский М. В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск, 2015. С. 295.

¹¹¹² ГАКК. Ф. 595. Оп. 39. Д. 465. Л. 3–12.

Создаваемые по министерскому проекту земские органы самоуправления попадали под тотальный административный контроль. Проект вводил совмещение должностей государственного и общественного управления. Например, глава уездного съезда крестьянских начальников должен был руководить и уездным земским собранием, а в губернское земское собрание должны были входить уездные крестьянские начальники и другие представители высшей губернской номенклатуры¹¹¹³. Проект Министерства внутренних дел прошел все формальные согласования, но, встретив критику и со стороны правительственных структур и депутатского корпуса, не был представлен в Госдуму в качестве законопроекта. Его реализация стала возможной только после февраля 1917 г.

Городское самоуправление в период между городской реформой и контрреформой (1870–1892) добилось в Сибири определенных успехов в делах образования, здравоохранения, благоустройства, развития торговли¹¹¹⁴. В эти годы городские думы обращались с прошениями и ходатайствами к центральным властям о введении земского правления, установлении общегражданских свобод, неприкосновенности личности и имущества, о решении местных проблем¹¹¹⁵.

Чаще всего эти требования формулировались к «сибирскому дню» 26 октября. Начиная с 300-летия присоединения Сибири к России (188) и до 1919 г. в этот день городские думы и общественные организации устраивали торжественные мероприятия с заседаниями и концертами. Либеральные настроения думцев приходили в противоречие с монархическими установками и представлениями о власти консервативной части гласных. Так, в Иркутске с 1886 г. начала издаваться газета «Известия Иркутской городской думы», ставшая рупором либеральных сил, которые, почувствовав

---

¹¹¹³ Шиловский, М. В. Первая мировая война... С. 296–297.

¹¹¹⁴ Лен К. В. «Городовое положение» 1870 г. сквозь призму истории российской провинции... С. 6–16.

¹¹¹⁵ Шиловский М. В. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск, 1995. Вып. 2: Либералы. С. 215.

опору в виде печатного органа, стали активнее противостоять и конфликтовать с гласными от торговцев и промышленников¹¹¹⁶.

Число купцов и предпринимателей в Томской городской думе в 70–80-е гг. XIX в. составляло более 75 %, в Иркутской думе большинство также составляли купцы. В целом по сибирским городам доля купечества в городских думах составляла 60–70 %¹¹¹⁷. Как люди дела, купеческие гласные видели свою общественную деятельность в основном в благотворительности, особенно в этом отношении были заметны иркутские торговцы в период «золотого века» благотворительности (1870–1890-е). Либеральное крыло думцев по преимуществу занималось отстаиванием прав и свобод. Кроме идейных разногласий между гласными дум, были и материальные противоречия, в частности между купцами и чиновниками¹¹¹⁸. Еще одно противоречие представляло из себя двойственную позицию центральной власти по отношению к местному самоуправлению, выражавшуюся, с одной стороны, в дозволении его существования, а с другой – в желании усилить администрирование локальных самоуправляющихся организаций.

Новое городское Положение 1892 г. изменило систему организации и функционал городского самоуправления в Сибири. В реакционно-охранительной парадигме имперской политики Положение 1892 г. серьезно ограничивало полномочия и независимость городских самоуправлений. По предыдущему городскому законодательству 1870 г. государственной номенклатуре предписывалось оказывать содействие городским думам «к исполнению законных требований»¹¹¹⁹. Эта норма права была изъята из положения 1892 г., думы и управы оказывались под прессом контроля

---

¹¹¹⁶ История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX века / под ред. М. В. Шиловского. Новосибирск, 2006. С. 125.

¹¹¹⁷ Шиловский М. В. Политическая культура и политическая активность предпринимателей дореволюционной России. XX век. Новосибирск, 1998. Вып. 3. С. 43.

¹¹¹⁸ Там же. С. 127–130.

¹¹¹⁹ Высочайше утвержденное Городское положение // ПСЗ РИ. Собр. 2. 1870. 16–28 июня. Т. 45. № 48498. С. 823.

губернских властей. Спорные вопросы отныне решались в Губернском присутствии по городским делам¹¹²⁰.

Гласные городских дум в соответствии с Положением 1892 г. избирались на четыре года собраниями, сроки проведения которых назначались городской управой и утверждались губернатором (ст. 23). Правом голоса были наделены физические и юридические лица русского подданства, которые не менее года обладали городской недвижимостью и платили все сборы с нее. Сумма оценки недвижимости в губернских и крупных уездных городах составляла более тысячи рублей, для прочих городских поселений – более трехсот. Кроме того, голосовать имели право гильдейские купцы (первой и второй гильдии)¹¹²¹.

Лица, преодолевавшие имущественный ценз, но не достигшие двадцатипятилетнего возраста, а также женщины, могли голосовать только по доверенности. Права голоса были лишены осужденные за преступления, которые привели к изменению их прав состояния; уволенные с должностей; состоящие под следствием; духовные лица, лишившиеся сана; изъятые из списков сословных обществ; надзираемые гласным образом; виноторговцы и их клиенты; задолжавшие по городским налогам более 50 % годового сбора¹¹²². Специальная статья лишала избирательного права евреев, кроме городов, где разрешено их постоянное проживание, но в этом случае их представительство в городской думе или собрании не должно было превышать 10 %¹¹²³.

В условиях применения имущественного, возрастного, гендерного и социального цензов электоральная база значительно сократилась. В многотысячных городах орган самоуправления формировали несколько сот избирателей. Так, в первых выборах в Омскую городскую думу в 1893 г. участвовало 280 избирателей, а во вторых в 1901 г. при росте населения до

---

¹¹²⁰ Высочайше утвержденное Городовое положение // ПСЗ РИ. Собр. 3. 1892. 11 июня. Т. 12. № 8708. С. 430–456.

¹¹²¹ Там же. С. 437.

¹¹²² Там же. С. 438.

¹¹²³ Там же. С. 433.

54 448 человек – 632 выборщика¹¹²⁴. В Томске по новому положению процент избирателей от числа жителей снизился с 7,2 % в 1879–1883 гг. до 1,19 % в 1894–1898 гг., в кампании по выборам городской думы 1910–1914 гг. от 104 тыс. жителей могли принимать участие только 1,12 %¹¹²⁵. Поскольку порога явки на выборах не существовало, абсентеизм был повсеместным явлением. Так, в Томске в выборах 1902 г. приняло участие 28 % имевших право голоса, а в 1910 г. из 1170 избирателей голосовать явились 38 %¹¹²⁶.

Усложнение системы управления Сибирью по Положению 1892 г. по существу укрепляло ее административно-командный характер. Губернаторы, ранее следившие за соблюдением буквы закона в деятельности муниципальных органов, получили полномочия вмешиваться в их практическую работу.

Под губернаторским председательством создавался дополнительный контрольно-распорядительный орган – Присутствие по городским делам. Основной состав дел, рассматриваемых в присутствии, представляли протесты на организацию и итоги выборов, сметно-финансовые городские проблемы, споры об арендных платежах и общие вопросы исполнения обязанностей городских служб¹¹²⁷. Присутствия по городским делам состояли из нескольких высших губернских чиновников и одного представителя муниципалитета, таким образом, доминирование губернаторской точки зрения гарантировалось, причем законодательно деятельность присутствий практически никак не ограничивалась¹¹²⁸. Возможность апелляции в Сенат в течение шести недель после вынесения решений предоставлялась обеим сторонам.

---

¹¹²⁴ Энциклопедия города Омска: в 3 т. Т. 1... С. 151.

¹¹²⁵ Еремина Л. А. Органы городского самоуправления Томска в конце XIX – начале XX века (социальный состав, структура) // Вест НГУ. Сер.: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 1. С. 69.

¹¹²⁶ Там же. С. 69.

¹¹²⁷ Камынин В. Д. Губернаторы и города Сибири: к оценке конфликтности взаимодействия (1870–1917) // Былые годы. 2017. 44 (2). С. 544.

¹¹²⁸ ГАКК. Ф. 595. Оп. 7. Д. 549. Л. 2–7.

Воспользовавшись дополнительными контрольными полномочиями, губернаторы уже в ходе первых выборов в городские думы по новому положению часто не утверждали выбранных представителей городского самоуправления. Причинами такой политики могли быть как объективными (нарушение законодательства), так и субъективными (реагирование на доносы о политической неблагонадежности или о безнравственном поведении депутатов). Примером может служить случай в Ишиме в 1899 г., когда из-за ложного доноса о нарушении служебного долга О. А. Еманатов был вынужден покинуть пост головы, который он бессменно возглавлял двадцать лет¹¹²⁹.

Первая выборная кампания в сибирские городские думы по Положению 1892 г. была связана с многочисленными нарушениями и конфликтами. Так, например, в Мариинске результаты первых выборов отменяли четырежды, причинами были неявка избирателей и нарушения в составлении списков избирателей. Итоги выборов во второй кампании по выборам в Мариинскую городскую думу в 1900 г. губернатор утвердил только после третьей попытки, но местные купцы подали апелляцию в Сенат, и он вынес решение аннулировать результаты выборов¹¹³⁰.

Административный ресурс губернского и имперского уровня стал более активно использоваться для контроля над политической благонадежностью депутатов после событий 1905–1907 гг. По политическим соображениям был подвергнут остракизму левый кадет Е. Л. Зубашев, избранный в декабре 1909 г. томским городским головой. Местное отделение «Союза русского народа» организовало донос в Министерство внутренних дел с обвинениями его в потенциальной поддержке революционеров, и генерал-губернатор принял решение не только об отрешении Е. Л. Зубашева от должности, но и на основании введенного военного положения о высылке его за границы Западной Сибири. Были назначены новые выборы, но

---

¹¹²⁹ Камынин В. Д. Губернаторы и города Сибири... С 545.

¹¹³⁰ Там же. С. 546.

предложенная губернатором кандидатура предыдущего головы И. М. Некрасова дважды не проходила при голосовании в городской думе в связи с его серьезными, по мнению депутатов, ошибками в управлении. Думцы предложили свою кандидатуру предпринимателя и купца Д. Е. Зверева и проголосовали за него. Однако Д. Е. Зверев не был утвержден, и с подачи губернатора в Министерстве внутренних дел произошло утверждение в должности головы И. М. Некрасова. Это демонстративное пренебрежение со стороны губернской власти мнением органа городского самоуправления вызвало его ответную реакцию. Губернаторский «протез» не снискал уважения и авторитета в городе, дума пошла с ним на открытый конфликт, не разрешив в заявленное время уйти в отпуск, а когда И. М. Некрасов самовольно уехал, было решено не платить ему денежного содержания на период отпуска. На следующий срок этого одиозного управленца, правда, уже не предлагали¹¹³¹.

Губернатор или министр внутренних дел по Положению 1892 г. не только имел прерогативу утверждения состава выборных органов самоуправления, но и контролировал принятие всех значимых постановлений дум. Поводом к отмене решения муниципального выборного органа служило «экспертное мнение» главы губернии о несоответствии постановления кругу полномочий думы либо нарушение интересов жителей или государства¹¹³².

Усиление давления губернской власти на городскую думу, обусловленное общим объектом власти, а также произвольным толкованием и без того расширенных компетенций губернаторов, вызывало ответное желание городских самоуправлений защитить свои полномочия и расширить свободу деятельности. Первым этапом противостояния губернского и городского уровня управления был период введения нового закона (1892–1896), вторым – события первой русской революции, вызвавшие установление военного положения в Сибири (1905–1908). В связи с

---

¹¹³¹ Камынин В. Д. Губернаторы и города Сибири... С. 546–547.

¹¹³² Томилов И. С. Взаимоотношения органов самоуправления и административной власти в городах Тобольской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Русская старина. 2015. № 14 (2). С. 108–114.

общедемократическим «пробуждением» России в начале XX в. представители сибирских самоуправлений предлагали провести реформу местной власти на основе четырехзвенной системы выборов (всеобщее, равное, прямое, тайное голосование). Однако эти предложения наталкивались на стойкое нежелание центральных властей поступаться командно-административным характером центрального управления окраинами, и реформе самоуправления не суждено было осуществиться в имперский период.

Несмотря на различные уровни конфликтности в отдельные периоды с губернским руководством, сибирские городские думы и управы выполняли в основном свое предназначение по обеспечению управления городским хозяйством. Управы как исполнительные органы городского самоуправления по Положению 1892 г. становились более независимыми от думы как распорядительного органа. Члены управы приравнивались по чину к коллежскому асессору, получая льготы и привилегии государственной службы.

В 1900-е гг. в Омской городской управе состояло семь штатных членов и 38 технических специалистов. Рабочий день продолжался 13 часов. Работали с 9 часов утра до 10 часов вечера с перерывом на обед. Начало XX в. для Омска было временем усложнения социально-экономической структуры в связи со значительным увеличением числа жителей. Это привело к расширению городской думы до 60 человек внештатных сотрудников. Избранные гласные думы трудились в различных комиссиях. На постоянной основе работали комиссии: продовольственная, аптечная, библиотечная, мощения улиц, по делам богоделен, садовая, театральная, училищная, ревизионная¹¹³³.

Томская городская управа в 1910 г. состояла из семи отделов: распорядительного, земельного, бухгалтерского, военно-квартирного,

---

¹¹³³ Энциклопедия города Омска: в 3 т. Т. 1... С. 152.

справочного, стола ночной охраны и думского стола¹¹³⁴. В компетенции распорядительного отдела были вопросы городского имущества и хозяйства, планирования и благоустройства города, торговли, медицины, благотворительности. Главными направлениями работы земельного отдела было утверждение проектов строений и выделения под них земельных наделов, а также регламентирование аренды помещений. Сметными и счетными делами ведал бухгалтерский отдел. Предназначением военно-квартирного отдела было выделение жилья военнослужащим, ремонт армейских лазаретов, экспертиза и оценка недвижимости частных домовладельцев для сдачи ее в аренду через организацию торгов. Справочный отдел проводил мониторинг цен на продукты питания и промышленные товары. В соответствии с наименованием выполнял свое предназначение стол ночной охраны, в нем имелись списки всех городских домовладельцев. Думский стол был, по существу, секретариатом, контролирующим избирательную кампанию, повестки дня думы, выполнение принятых решений.

Для принятия наиболее обоснованных решений по вопросам городского хозяйства и привлечения широких слоев горожан – специалистов в своих вопросах создавались общественные комиссии. Председателем в комиссиях мог быть член городской думы или управы, комиссии представляли перед думой анализ рассматриваемых вопросов в сферах своих компетенций. Примечательным было решение, принятое Омской городской думой по докладу председателя училищной комиссии 17 августа 1910 г. о нехватке мест для почти четырехсот детей в приходских школах, выделить дополнительные средства из специального резервного фонда народного образования для открытия четырех училищ, в дальнейшем предлагалось контролировать ситуацию и включать в бюджет города необходимые суммы для нужд образования¹¹³⁵.

---

¹¹³⁴ Еремина Л. А. Органы городского самоуправления Томска в конце XIX – начале XX века (социальный состав, структура) // Вест. НГУ. Сер.: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 1. С. 69–73.

¹¹³⁵ Энциклопедия города Омска: в 3 т. Т. 1... С. 152.

Социально-экономические процессы конца XIX в. подвигли имперские власти к проведению реформирования местного управления в Сибири.

Административно-территориальная политика центральной власти, осуществляемая в имперско-командном стиле, отразилась в практической реализации «Временного положения о крестьянских начальниках» 1898 г., выразившейся в концентрации судебно-административных функций в руках крестьянских начальников, подчиненных губернской администрации. Крестьянское управление попадало под дополнительный контроль центральной администрации.

Выводы. Подводя итог анализу административно-территориальной власти низового уровня в Сибири в XVIII – начале XX в., следует заметить, что она являлась естественной частью общегосударственной властной системы и подвергался корреляции в зависимости от политики имперского центра.

Одним из главных результатов губернской реформы Петра I было образование интегрированного унифицированного казенного пространства с общегосударственной централизованной системой местного управления, в которое составной частью входила Сибирь.

Соотношение управления и самоуправления на местном уровне в Сибири представляло собой вынужденную синергию при главенстве государственного управления с использованием системы самоуправления, сложившейся в российских регионах, откуда были родом переселенцы. Однако по причине неравномерности продвижения контингента переселенцев в сибирские земли происходило разрушение крестьянской общины. В этом состоят особенности сибирских сельских сообществ.

Унификация административного управления империи во второй половине XVIII в. шла в направлении усиления роли родоплеменных правителей аборигенов при уходе от прямого вмешательства в общинное управление. Правительство консервировал родоплеменную судебную

систему, одновременно встраивая инородческую знать в имперскую систему управления.

Процесс «строительства» местных органов власти и органов самоуправления в Сибири базировался на децентрализации и распределении власти, с одной стороны, и инкорпорировании общественного управления в систему имперской власти – с другой. Реформирование местного управления привело к закреплению за крестьянскими волостями и городским самоуправлением представительских и распорядительных функций в пределах компетенций, обозначенных центральной властью.

Волостной административно-территориальный уровень крестьянской общины являлся компромиссом и взаимовыгодным симбиозом государственных и общественных интересов: общинный характер мироустройства был для крестьянского общества гарантией в защите его интересов, для власти – обеспечением притока налогов с использованием круговой поруки и контроля над самоуправлением.

В административном смысле реформа волостного управления представляла из себя процесс постепенного внесения государственных начал в традиционное общинное руководство.

В развитии местного самоуправления в Сибири в 1822–1882 гг. прослеживается целенаправленная, но не систематизированная деятельность государственных органов империи по инкорпорированию местных полиэтничных обществ в административно-территориальную структуру государства. Необходимость увеличения числа налогоплательщиков подталкивало центральные власти к гармонизации отношений с местным населением.

В административно-территориальном плане реформа волостного управления в первой половине XIX в. может быть рассмотрена как постепенное внесение государственных начал в традиционное общинное руководство. Унификация сибирской и центрально-российской волости как начального территориального звена управления осуществлялась в русле

укрепления сословия государственных крестьян и модернизации податной системы.

На структуре волостного уровня административного устройства Сибири отразились особенности местных условий, выразившиеся в дефиците властных рычагов, отдаленности территории и сложности в коммуникации.

Традиционные нормы права инородцев, узаконенные имперской властью, выполнили свою задачу по сохранению российских основ, административно-политическому и социально-экономическому закреплению территорий за короной. Это явилось одной из причин закрытия степных дум Сибири.

Городовое положение 1870 г. базировалось на принципах сословности, разделения властей, самоуправления и ограничений по возрасту и доходам. В реальной практике городское самоуправление стало частью государственной системы управления. Интенсификация развития общественного управления городов заложила основы последующих модернизаций.

В конце XIX в. имперские власти продолжили реформирование местного управления в Сибири, реагируя на интенсификацию социально-экономических процессов в стране. Административно-территориальная политика центральной власти, осуществляемая в имперско-командном стиле, отразилась в практической реализации «Временного положения о крестьянских начальниках» 1898 г., выразившейся в концентрации судебно-административных функций в руках крестьянских начальников, подчиненных губернской администрации. Крестьянское управление попадало под дополнительный контроль центральной администрации.

Крестьянские начальники, находясь в строгом подчинении губернской власти, исполняли поручения губернатора, осуществляли контроль и проверки деятельности крестьянского общественного управления, имея возможность подавать жалобы на должностных лиц, утверждать приговоры

сельских и волостных сходов об исключении из общества дискредитировавших себя членов.

Подбор кандидатов на должности крестьянских начальников был сопряжен со сложностями, поскольку в сравнении с Центральной Россией процент дворянства в Сибири был значительно ниже.

Сельский сход как низовое звено сельского самоуправления оказался встроенным в более жесткую административно-распорядительную систему местной власти. Традиционные самоуправленческие функции сельского схода не подверглись усечению, но попали под контроль вышестоящих властей. Происходило определенное размывание общинных основ крестьянского мироустройства, связанное с утратой социально-экономической однородности, обусловленной массовыми переселенческими процессами и усилившимся давлением имперской власти.

Имперский центр ставил задачу русификации инородцев, которая находилась в противоречии с существованием разделения аборигенов на разряды. «Правила об управлении инородцами в местностях, на которые распространяется действие временного положения о крестьянских начальниках», разработанные И. И. Крафтом, полностью уравнивали в правах кочевых и оседлых инородцев с сельскими обывателями, в то же время отменяли преимущества почетных инородцев. Таким образом, законодательным путем минимизировалась роль родовой знати.

Усложнение системы управления Сибирью по Положению 1892 г., по существу, укрепляло ее административно-командный характер. Губернаторы получали полномочия вмешиваться в практическую работу муниципальных органов через указания и предписания членам управ и возможность отрешения их от должности.

В начале XX в. представители сибирских самоуправлений предлагали провести реформу местной власти на основе четырехзвенной системы выборов, но из-за нежелания центральных властей поступаться командно-

административными полномочиями в управлении окраинами реформа самоуправления не была осуществлена.

Таким образом, в начале XX в. в результате реформирования местного самоуправления произошла унификация административного и хозяйственного строя Сибири и Европейской России. На всей территории империи функционировали органы местной власти без учета особых этнических, конфессиональных и общественных различий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Система административно-территориального устройства Сибири прошла длительный путь исторического развития. Рассмотренные модели управления Сибирью свидетельствуют о стремлении власти к учету местной специфики восточных окраин Российской империи. Вместе с тем не все модели управления, реализованные в Сибири, оказались удачными.

На протяжении рассматриваемого периода Сибирь выполняла роль поставщика сырья. При этом сырье, интересующее центральное правительство, в разные периоды было различным: в XVII в. и первой половине XVIII в. это была пушнина. В более поздний период, в связи с уменьшением численности пушных животных и открытием месторождений драгоценных металлов, Европейскую Россию в Сибири стало привлекать золото. Начиная со второй половины XIX в. основной статьёй экспорта из Сибири становится продукция сельского хозяйства, прежде всего масла. При этом Сибирь испытывала дефицит кадров, финансирования. Темпы и характер хозяйственного освоения территории Сибири определялись интересами государства и элитой Российской империи. Во внешней политике, где Сибирскому региону отводилась роль посредника, центральное правительство использовало геополитическое положение Сибири для усиления своего влияния в Центральной Азии, в торговых отношениях с Китаем и Монголией.

В хозяйственном освоении зауральской территории Российской империи можно выделить четыре основных этапа. В рамках первого этапа произошло военно-политическое присоединение зауральской территории к Российской империи. В ходе второго этапа произошло промысловое освоение. Наше исследование в основном охватывает третий этап колонизации – аграрный. Начавшийся в XVII в., он стал основным в XVIII в. В последующем XIX в. Сибирь стала аграрной провинцией Российской

империи. При этом земледелие играло ведущую роль вплоть до середины XX в. За два столетия в период с 1719 до 1917 г. население североазиатской части Российской империи выросло с 470 тыс. до 11 млн чел. Большую часть населения составляли сельские жители: в 1719 г. их было 86,9 %, а в 1917 г. – 86,8 %¹¹³⁶. При этом большинство крестьян переселились в Сибирь из Европейской России добровольно. Ссылные переселенцы в количественном отношении только в первой половине XIX в. оказывали заметное влияние на состав населения в крае – около 10 %¹¹³⁷. Четвертый этап был связан с экономическим развитием Сибири и Дальнего Востока. В соответствии с этапами хозяйственного освоения сибирской окраины происходило и развитие административного аппарата этой части Российской империи.

В целом экономическая политика правительства в Сибири защищала интересы Кабинета Его Императорского Величества, Казны, дворян и владельцев фабрик. В первую очередь власть заботилась о доходах императора. В силу этого права сибирских инородцев, плативших ясак в Кабинет, оказывались защищенными в большей степени, чем права крестьян, плативших подати в государственную казну. Так, например, при сборе ясака русским людям запрещался въезд в стойбища местных жителей. В XIX в. по мере истощения пушных ресурсов и уменьшения доли ясака в доходах Кабинета политика защиты инородцев сменилась политикой окрестьянивания, поскольку часть податей направлялась императору, бывшему собственником земли. Вследствие этого же обстоятельства местные администрации стремились вытеснить со своих территорий кочевников. Однако при переходе кочевников к оседлому образу жизни их преследование прекращалось.

В течение длительного времени Сибирь в Российской империи находилась на положении далекой восточной окраины. При этом система управления здесь носила военно-гражданский характер. В определенной

---

¹¹³⁶ Дацышен В. Г., Зиновьев В. П., Лысенко Ю. А. и др. Очерки истории освоения и изучения Северной Азии / отв. ред. В. П. Зиновьев. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2019. С. 333.

¹¹³⁷ Там же.

степени это способствовало централизации власти, в силу того что генерал-губернатор наделялся широкими полномочиями. С другой точки зрения, это означало децентрализацию, поскольку часть полномочий, являвшихся прерогативой центральной власти, передавалась на места. Такая система имела как свои преимущества, так и недостатки. Преимущества заключались в возможности более оперативного управления. Недостатки возникали вследствие зависимости работы местной администрации от личности генерал-губернатора, открывавшихся возможностей для злоупотреблений со стороны местной власти, усиления роли местных интриг.

С другой стороны, повсеместное распространение злоупотреблений позволяло местному населению действовать в обход закона, сводить к минимуму последствия бюрократического управления, прибегать к обычному праву в решении различных вопросов. Рост профессионализма и юридической подготовки бюрократического аппарата системы управления в Сибири происходил значительно медленнее чем в Европейской России.

Система управления Сибирью всегда имела свои особенности. На протяжении XVII столетия государственное управление Сибирью во многом формировалось спонтанно и не было четко выстроено. Только губернская реформа Петра I 1708–1710 гг. показала, что в имперском дискурсе произошло осознание территории к востоку от Уральских гор как неотъемлемой части России. С этого времени до 1763 г. правительство формировало систему местных органов власти Сибири по общероссийскому образцу.

В послепетровскую эпоху эффективность государственного управления в Сибири достигалась путем поиска оптимального сочетания основ гражданской, военной власти с хозяйственно-экономической политикой. Примером последней было горное управление, являвшееся в это время самостоятельной «ветвью» власти и сочетавшее в себе гражданские и военные принципы.

Внутригосударственные связи целенаправленно развивались в соответствии с государственной политикой, направленной на достижение стратегической цели – пополнение казны, для чего было необходимо государственное эффективное управление, выстраиваемое посредством соединения огромного практического опыта местных властей (губернаторов и президентов Сибирского приказа) и возможностей эксперимента в области управления.

Со второй четверти XVIII в. территориальная структура Сибири менялась в основном на уровне среднего звена административно-территориального управления. Сибирская губерния как основная административно-территориальная единица была сохранена. В ее составе с 1727 по 1736 г. находилось три провинции – Тобольская, Иркутская, Енисейская. Вятская и Соликамская провинции отошли в состав Казанской губернии, тем самым выйдя за административно-территориальные границы Сибири. Однако затем Енисейская провинция была включена в состав Иркутской. Самостоятельное управление огромной территорией Средней Сибири было низведено до нижнего (по сути, уездного) уровня.

Поиск наилучшей модели территориального деления и административного управления Сибирью в эпоху правления Екатерины II подразумевал сближение с западными моделями государственного управления. Программы преобразований разворачивались поступательно в зависимости от условий и обстоятельств (закрепление Российской империи на юге Сибири, выстраивание договорных отношений с соседними народами и др.). В соответствии с малой областной реформой 1764 г. произошло уменьшение административных единиц. В результате реформы Сибирский приказ был упразднен. Иркутский и тобольский губернаторы получили больше прав в управлении огромным краем, также произошло усиление прокурорского надзора.

Губернская реформа 1775 г. сформировала структуры местного управления Сибирью на принципах централизации подчинения,

множественности их количества, разноуровневого функционирования и многосторонности их деятельности. Таким образом, была реализована «релятивистская модель модернизации» системы управления Сибирью, заключающаяся в совмещении предшествовавшего опыта вестернизации местных государственных структур и национальных российских органов власти, также использованная в период Московской Руси и преемниками Петра I. В результате реформы управление огромными территориями было передано генерал-губернаторам или наместникам верховной власти, обладавшим широкими полномочиями. Генерал-губернаторы исполняли административную, надзорную, судебную, финансовую функции и имели право напрямую обращаться к верховной власти. В итоге неразрывность государственного правления на огромной территории достигалась не за счет широкого взаимодействия между центральными и местными органами власти, а за счет прямого взаимодействия императора и его доверенного лица – наместника. Была создана разветвленная сеть местных органов власти, судов, расширены штаты государственных служащих, выборный сословный элемент получил право более широкого участия в управлении. В наибольшей степени это проявилось в уездах, волостях, а также сельских обществах.

Такая организация управления, с одной стороны, позволила решить ряд задач, которые стояли перед центральной властью в 1760-е гг., но с другой – спровоцировала появление новых проблем. Упразднение центральных органов власти стало препятствием для обсуждения общих вопросов, что затрудняло обратную связь между государством и обществом, а на местах широко распространились различного рода злоупотребления. Ситуация осложнялась существованием в среде чиновничества круговой поруки, в результате чего злоупотребления приобретали коллективный характер.

Сущность губернской реформы 1782–1784 гг. в Сибири заключалась в попытке создать аппарат управления, отвечавший требованиям места и времени. Преемники Екатерины II стремились создать централизованную систему управления, но для этого им необходимо было трансформировать

административную систему, образованную в результате губернской реформы 1775 г., для работы в новых условиях. Однако этого не произошло.

Период правления Павла I и Александра I в отношении управления Сибирью характеризовался единым курсом на усиление централизации власти и ликвидацию разобщенности и сложности местного управления, эта политика проводилась еще для экономии финансовых и материальных средств, затраченных на выстраивание и функционирование государственной местной власти. Сформированная «павловская» модель управления имела такие недостатки, как сосредоточение в руках губернатора всей полноты власти, универсальной по своему характеру в отношении местных структур, хищническое ограбление и неправомерная эксплуатация сибирского населения.

М. М. Сперанским в 1822 г. было предложено административно-территориальное устройство с учетом географических, конфессиональных, природно-климатических особенностей региона. Было обосновано географическое разделение Сибири на Западную и Восточную. Сибирские реформы 1822 г. стали ответом на вопрос центрального правительства об оптимальном административном устройстве региона. Стоит отметить, что региональную политику с учетом местных особенностей в первой четверти XIX в. правительство проводило в Прибалтийских губерниях, Царстве Польском, Финляндии, на Кавказе. Реформы М. М. Сперанского стали первой попыткой правительства выработать комплексный подход к управлению Сибирью.

Во второй половине XIX в. произошло расширение границ России в Средней Азии и на р. Амур. На карте России появились новые области: Акмолинская, Семипалатинская, Уральская, Тургайская, Амурская. Важным событием в эволюции управления Сибирью стал перевод Тобольской и Томской губерний на общероссийское положение с непосредственным подчинением центральной власти. Произошло это благодаря тому, что Западная Сибирь по демографическому и социально-экономическому

развитию приблизилась к европейским регионам, потеряла свое пограничное положение.

Помимо этого, территории Сибири в ее наиболее дальней восточной части были исключены из состава сибирских территорий и получили собственное крупное административно-территориальное образование, окончательной формой которого стало Приморское генерал-губернаторство (при включении в него непродолжительное время существовавшего Владивостокского), что соответствовало продолжавшейся имперской политике России. При этом Иркутское генерал-губернаторство при смене его внешних (территориальных) форм сохранило прежнее содержание.

Важным направлением работы местных администраций было управление каторгой и ссылкой. Местные органы власти под контролем генерал-губернаторов обеспечивали прием, сопровождение и надзор за ссыльными. Компетенции генерал-губернаторов в вопросах политической ссылки ограничивались только распоряжениями императора, и в более поздний период – шефа жандармов¹¹³⁸.

Одной из особенностей управления Сибирью стало создание правительственных комитетов по делам Сибири в центральном правительстве. Так, в период 1821–1838 гг. и 1852–1864 гг. действовали Первый и Второй Сибирские комитеты, в 1892–1905 гг. действовал Комитет Сибирской железной дороги. Появление этих комитетов свидетельствовало об изменении роли Сибири в экономической системе страны. Комитеты учитывали особенности региона, позволили повысить эффективность управления. Стоит отметить, что создание особых органов управления было обусловлено теми задачами, которые стояли перед властью в определенные периоды. Вместе с тем их деятельность способствовала достижению большей унификации управления. Целью реформирования системы административного управления в конце XIX – начале XX в., создания

---

¹¹³⁸ Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.): монография. Изд. второе, испр. и доп. Иркутск: Оттиск, 2018. С. 110–111.

отдельных ведомственных структур финансового, хозяйственно-экономического и контрольного профилей было использование ресурсного потенциала Сибири.

В итоге управление Сибирью по сравнению с управлением Европейской Россией всегда имело свои особенности. К таким особенностям можно отнести сохранение на протяжении длительного времени военного стиля управления; наличие административных единиц, несоизмеримо больших по площади, чем в Европейской России; противоречия в административно-территориальном управлении регионом и дублирование функций. Вместе с тем, несмотря на колониальное положение и дефицит инвестиций, в Сибири активно развивались ремесленное производство, торговля, соледобыча, винокурение, крупная промышленность мануфактурного типа. Однако, безусловно, ведущей экономической отраслью в Сибири оставалось земледелие. Постепенный рост населения, усложнение хозяйственных связей, появление новых экономических центров и постепенное продвижение русских на восток требовали изменения административных границ. В итоге на протяжении всего рассматриваемого периода административно-территориальное деление Сибири оставалось динамичным.

Основной «вызов» Сибири в системе отношений с центральным правительством заключался в сохранении ею статуса окраины. Реформирование административно-территориальной системы, а также социально-экономической сферы зачастую носило ситуативный характер. Комплексной стратегической программы по освоению Сибири правительством разработано не было.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Нормативно-правовые акты

1. Временные правила о применении судебных уставов к губерниям и областям Сибири // ПСЗ РИ. Изд. 3. Т. 16, ч. 2. 23 декабря 1896. № 13582.
2. Высочайше утвержденное временное положение о крестьянских начальниках в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской // ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. 18. 1898. 2 июня. № 15503.
3. Высочайше утвержденное Городовое положение // ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. 12. 1892. 11 июня. № 8708.
4. Высочайше утвержденное Городовое положение // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 45. 1870. 16–28 июня. № 48498.
5. Наказ Ближнему Боярину Князю Черкасскому, назначенному в Тобольск Воеводою. Об управлении казенными земскими и военными делами // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 3. 1697. 1 сентября. № 1594.
6. Наказ Верхотурским Воеводам. Об управлении казенными земскими и военными делами // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 3. 1697. 1 сентября. № 1595.
7. Наказ Губернаторам и Воеводам и их товарищам, по которому они должны поступать // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 8. 1728. 12 сентября. № 5333.
8. Наказные статьи Нерчинским воеводам. Об управлении земскими и военными делами // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 3. 1696. 18 февраля. № 1542.
9. Наказные статьи Нерчинскому воеводе. Об управлении казенными, земскими и военными делами // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 4. 1701. 5 января. № 1822.
10. О бытии в Сибирской Губернии и в Иркутской Провинции особым Корчемным Конторам // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 13. 1751. 22 ноября. № 9907.

11. О бытии учрежденной в Сибири Секретной Комиссии и находящемся там гарнизону в ведомстве Губернатора; об определении в Сибирь Лекарей, Аптекаря и к ним из отставных Обер-Офицеров и рядовых для призрения погибающих оспой, с производством жалованья из тамошних доходов; об освобождении Сибирских жителей от рекрутского набора впредь до указа; о поставке провианта вверх Иртышской крепости подрядом; о ежегодной отставке из Сибирских полков; о сборе с тамошнего купечества рекрут для поселения; о переписи и положении в подушный оклад бежавших в Сибирь крестьян и живущих там с просроченными паспортами // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 16. 1763. 11 июня. № 11860.

12. О ведении судных дел Губернаторам и Воеводам, кроме тех городов, где учреждены Надворные Суды, и о назначении в некоторых городах особых судебных Комиссаров для суждения челобитчиковых дел до 50 рублей // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 6. 1722. 4 апреля. № 3935.

13. О взыскании с Воеводы и с таможенного Головы незаконно взятых пошлин, о непродаже мягкой рухляди и Китайских товаров из Сибирских таможен и о неприсвоении Воеводам власти по таможенным делам в противность наказов // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 3. 1696. 30 июля. № 1545.

14. О взятии показания с торговых людей в Сибирских городах о всех злоупотреблениях по управлению и о притеснениях торговым людям от бывших там Воеводами Князей Гагариных // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 3. 1696. 22 января. № 1535.

15. О видах на жительство для инородцев // ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. 18. Отд. 1. 1898. 1 июня. № 15606.

16. О восстановлении Берг, Мануфактур и Коммерц-Коллегии на таком основании, как оные находились до 1775 г.; о бытии по прежнему Нерчинским заводам в ведомстве Главного Директора оной; о Берг-Коллегии, а Горному Училищу упразднении учрежденной при Экспедиции о государственных доходах Экспедиции горных дел, и существующих при Казенных Палатах Экспедиций для Горных и Таможенных дел, и о

присоединении Экспедиции для хранения гербовой бумаги к Мануфактур-Коллегии // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 24. 1796. 19 ноября. № 17567.

17. О выборе кандидатов для определения из них Губернатора в Сибирскую губернию и о сочинении общей инструкции для управления сей Губернии // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 11. 1740. 27 августа. № 8218.

18. О делах, по которым Губернаторы должны рапортовать Правительственному Сенату // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 6. 1720. 8 февраля. № 3508.

19. О допущении в обороте новых серебряных рублей, четвертей и других мелких денег и о запрещении в Сибирских городах торговать медными деньгами // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 1. 1657. 8 апреля. № 204.

20. О жаловании разным лицам; об учреждении при Губернаторах и Вице-Губернаторах Ландратского Совета и о наказании вредителей государственного интереса // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 5. 1713. 24 апреля. № 2673.

21. О жалованье Коллежским Членам, Камерирам и Рентмейстерам // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 7. 1724. 14 декабря. № 4613.

22. О заведении целовальникам книг по приходу и расходу соболей и другой мягкой рухляди // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 3. 1695. 26 июня. № 1514.

23. О заготовлении в Сибирских Губерниях провианту, муки 13 236 четвертей и о собрании рекрут // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 4. 1710. 17 сентября. № 2295.

24. О замене взимаемых в Сибири подушных сборов государственною оброчною и поземельною податями // ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. 18. Отд. 1. 1898. 19 января. № 14908.

25. О запрещении Сибирским жителям, Русским и Азиатцам, торговать ревенем копытчатым и черенцовым // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 1. 1657. 21 ноября. № 215.

26. О командировании в Сибирь полковника Вульфа для исследования обид и притеснений, учиненных тамошним народам при сборе ясака // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 12. 1745. 24 сентября. № 9210.

27. О назначении Секретарям и подьячим, получавшим прежде в Приказах жалованье, и ныне равный оклад прежнему, и о бытии на прежнем положении тем из них, которые за неимением окладного жалованья довольствовались содержанием от дел; о смотреии за Секретарями судьям и о не определении Секретарей в те города, в которых не было прежде дьяков // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 7. 1727. 20 марта. № 5039.

28. О не выборе в Сибирских городах Бурмистров; о поручении сбора пошлин Головам и целовальникам из Русских и из Сибирских городов и о надзирании над ними Воеводами // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 3. 1699. 27 октября. № 1708.

29. О не провозе табаку в улусы к инородцам для мены на соболи и на всякую мягкую рухлядь, под смертной казней, и о не пропуске откупщиков из Сибири с соболями и с другой мягкой рухлядью, под опасением конфискации оных // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 3. 1697. 4 сентября. № 1590.

30. О не чинении в Нижних Судах над виновными экзекуции без апробации Надворных Судов, и об наказаниях, каковые должно определять ворам и смертоубийцам // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 6. 1720. 10 ноября. № 3847.

31. О невзятии торговым людям у Сибирских Воевод, Дьяков и их родственников соболей и других товаров для провоза и торга оными под своим именем // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 3. 1696. 16 января. № 1533.

32. О неисполнении в Сибирских городах предписаний приказов без послушных грамот из Сибирского приказа, под опасением штрафа и наказания // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 3. 1695. 4 сентября. № 1516.

33. О некоторых изменениях по управлению в Восточной и Западной Сибири // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 31, ч. 2. 1856. 6 декабря. № 31222.

34. О неподаче Государю прошений о таких делах, которые принадлежат до рассмотрения на то учрежденных Правительственных мест, и о нечинении жалоб на Сенат, под смертной казней // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 5. 1718. 22 декабря. № 3261.

35. О непредъявлении в дистрикты и города Тобольского округа судебных комиссаров и о назначении Сибирского губернатора Президентом Тобольского народного суда // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 7. 1727. 21 февраля. № 5015.

36. О непропуске всяких чинов, людей из Сибирских городов в Москву сторонними дорогами, мимо Верхотурья, и о взятии с провозимых ими товаров пошлин // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 3. 1695. 21 сентября. № 1518.

37. О новом разделении Государства на Губернии // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 24. 1796. 12 декабря. № 17634.

38. О новых штатах учреждений ведомства Министерства Внутренних дел в Восточной Сибири // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 49, ч. 2. 1874. 11 ноября. № 54030.

39. О переносе дел по апелляциям из нижних в высшие инстанции и об отводах тяжущимися судей по подозрениям // ПЗС РИ. Собр. 1. Т. 6. 1720. 4 мая. № 3577.

40. О переписи крестьянских, бобыльских и других дворов и в них людей // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 5. 1715. 10 декабря. № 2964.

41. О переписи крестьянских, бобыльских и других дворов и в них людей // ПЗС РИ. Собр. 1. Т. 5. 1715. 10 декабря. № 2964.

42. О платеже прогонных денег за ямские и почтовые подводы против прежнего вдвое, впредь до указа // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 16. 1762. 6 июля. № 11603.

43. О подряде к 1719 году провианта и о сборе вновь на сей предмет по рублю со двора // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 5. 1718. 20 ноября. № 3242.

44. О позволении Иркутской и Колыванской Губернии Генерал-Губернатору присылать к Ее Императорскому Величеству курьеров с донесениями // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 21. 1783. 12 мая. № 15734.

45. О покупке соболей и других мехов из казны и о неприводе оных из Сибири в Москву и в другие города без таможенной печати // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 3. 1697. 22 марта. № 1578.

46. О постановлении штатов разным присутственным местам // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 16. 1763. 15 декабря. № 11989.

47. О построении в Сибири казенного винокуренного двора и об уничтожении построенных по слободам и деревням частных винокуренных заводов // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 3. 1695. 4 сентября. № 1516.

48. О посылке из Сената в Синод сведений о важных делах, за подписание всего Сенатом, а о неважных рукою обер-секретаря; о писании из коллегий и канцелярий из губерний и провинций доношениями; и о сведении патриарших, архиерейских и монастырских вотчин по сборам в Синод // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 6. 1721. 3 марта. № 3749.

49. О предании Уголовному Суду чиновников, определенных на места, но не являющихся на службу // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 28. 1805. 17 января. № 21595.

50. О преобразовании Главного Управления Восточной Сибири // ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. 7, ч. 1. 2 июня 1887. № 4517.

51. О преобразовании губернских установлений ведомства Министерства Внутренних дел в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской и об учреждении штата означенных установлений // ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. 15, ч. 1, 2: Штаты и табели. 1895. 1 июня. № 11757.

52. О преобразовании полиции Сибири // ПСЗРИ. Собр. 2. 1867. Т. 42. Отд. I. № 44681.

53. О приеме в Сибирь на поселение от помещиков, дворцовых, синодальных, архиерейских, монастырских, купеческих и государственных крестьян, с зачетом их за рекруты, и о платеже из казны за жен и детей обоого пола тех отправляемых крестьян, по назначенной в сем указе цене // ПСЗ РИ. Т. 15. 1760. 13 декабря. № 11166.

54. О продаже в Сибирских городах на кружечных дворах вина простого по 1 рублю 20 копеек, двойного по 2 рубля по 40 копеек за ведро // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 3. 1698. 7 ноября. № 1652.

55. О продаже соли в Москве по указанной цене; о допущении к покупке оной всех без различия, и о запрещении перекупа // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 11. 1743. 12 августа. № 8767.

56. О производстве поселения за Байкалом и о принятии для водворения поселенцев, уступленных Хоринскими бурятами земель // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 29. 1806. 29 июня. № 22189.

57. О разделении Иркутской Губернии на семь уездов, с присоединением города Охотска, а остающиеся уезды на Комиссарства; о соединении Губернского Правления с Казенной Палатой; об учреждении в городе Якутске Гражданского Правления, под именем Якутского Областного Правления и об упразднении в Нерчинске такого Правления // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 28. 1805. 22 апреля. № 21726.

58. О разделении казенных селений на волости и о порядке внутреннего их управления // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 24. 1797. 7 августа. № 18082.

59. О разделении Тобольской Губернии на две части и об учреждении Томской Губернии // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1804. 26 февраля. № 21183.

60. О разделении управления Сибирской Губернии на две части, с назначением в Иркутске Вице-Губернатора и о сношении его с Тобольским Губернатором промемориями // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 9. 1736. 30 января. № 6876.

61. О расписании Сибирских городов на три провинции и об определении в оных двух вице-губернаторов // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 5. 1724. 26 ноября. № 4606.

62. О расписаниях чиновников и окладов по присутственным местам в Сибирских губерниях и Кавказской области ведомства Министерств: Финансов, Внутренних дел и Юстиции // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 12, ч. 2. 1837. 17 декабря. № 10812.

63. О рассылке из оной дел фискальских и при них доносителей и колодников по Губерниям в надлежащие судебные места // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 5. 1719. 16 ноября. № 3453.

64. О сборе в губерниях вновь рекрут с пятидесяти дворов по человеку // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 5. 1718. 20 ноября. № 3240.

65. О сборе пошлин в Сибирских городах с Русских, Сибирских, Китайских, Бухарских и со всяких товаров // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 3. 1693. 30 августа. № 1474.

66. О Сибирских заводах, о приписки города Кунгура к провинции Соли-Камской, об учреждении в Сибири почты, и об определении в приписных к заводам слободам Земских Комиссаров // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 5. 1724. 4 июня. № 4529.

67. О сформировании Президенту и Сибирских провинций Судьи Гагарину драгунского полка из Царедворцев и из вольных людей, городских Дворян, солдат, пушкарей и детей их, и о ведении ему сбора лошадей с городов: Орла, Болхова, Кромы и других // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 4. 1707. 27 января. № 2136.

68. О учинении смертной казни Иркутскому Вице-Губернатору Жолобову за разные его законопротивные поступки // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 9. 1736. 9 июля. № 7009.

69. О учреждении Корчемных Контор в Санкт-Петербурге, Кронштадте, Шлиссельбурге, по каналу и по всей Ингермаландии для пресечения корчемств // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 13. 1750. 11 октября. № 9806.

70. О чиновниках, назначаемых к замещению вакансий в новооткрываемой Томской Губернии // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 27. 1803. 17 ноября. № 21042.

71. Об определении в Иркутскую Рентерию дворян с переменою погодно и о даче чиновникам сей Рентереи одного денежного жалованья по указу 1715 г. // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 14. 1754. 23 сентября. № 10300.

72. Об определении Воевод в малые города и пригородки для исправления суда и наблюдения за сбором податей под надзором Провинциальных Воевод // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 7. 1727. 6 апреля. № 5056.

73. Об определении Римского Корсакова в Ингермаландскую губернию Земским судьей, и при оном статьи порядке управления сею Губерниею // ПЗС РИ. Собр. 1. Т. 4. 1706. 17 января. № 2135.

74. Об определении, впредь до указа, к Статским должностям в Сибирских, Новороссийских, Астраханской и Кавказской Губерниях и в Грузии по усмотрению способностей и представлений Начальства // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 28. 1804. 22 апреля. № 21273.

75. Об оставлении при Казенных палатах по одному Ассессору; об уничтожении Уездных землемеров: об обращении штатных Губернских и Уездных конных драгун в пехотную: о распределении остающейся от того суммы на прибавку окладов Ассессорам и прочим чинам, и о бытии особому Секретарю при Гражданских губернаторах // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 44, ч. 2. Книга штатов. 1800. 18 февраля. № 19281.

76. Об открытии новых судебных мест, об отношениях Московского Губернатора к Приказам Земского и Поместному, о присылке ведомостей решенным и нерешенным делам и Губернским чинам о порядке разбирательства спорных дел, о слушании докладных записок истцу и ответчику, о приложении к оным рук и о дополнении их, если важные обстоятельства и доводы допущены будут // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 5. 1719. 15 января. № 3282.

77. Об открытии с 1 января 1866 г. местных контрольных учреждений в губерниях, в которых вводится единство кассы // ПСЗ. Собр. 2. Т. 40, ч. 1, 2. 1865. 9 декабря. № 42755.

78. Об отправлении капитана Щербачева с командою в Сибирь, для отвращения происходящих там непорядков и взяток, вымогаемых при сборе ясака // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 16. 1763. 6 февраля. № 11749.

79. Об отсылке по требованиям Президентов Коллегий из Канцелярии Сената, также из Губерний от Губернаторов и прочих управителей всяких ведомостей, без замедления // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 3. 1718. 28 апреля. № 31965.

80. Об управлении Забайкальской областью // ПСЗ РИ. Собр. 2. 1851. Т. 26, ч. 1. № 25394.

81. Об управлении инородцев // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 38. 1822. 22 июля. № 29126.

82. Об управлении казенными, земскими и военными делами. Наказ Верхотуринским воеводам // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 3. 1697. 1 сентября. № 1595.

83. Об управлении Якутской областью // ПСЗ РИ. Собр. 2. 1851. Т. 26, ч. 1. № 25395.

84. Об учреждении в Москве Сибирского Приказа по прежнему и состоянию оному под ведением Сената под управлением Генерала Ягужинского и о подчинении оному Приказу всех Сибирских городов // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 8. 1730. 20 декабря. № 5659.

85. Об учреждении в Новгороде Корчемной Конторы // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 13. 1750. 1 ноября. № 9815.

86. Об учреждении губернских казначейств и расходных отделений и преобразовании уездных казначейств // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 40, ч. 2. 1865. 30 ноября. № 42728.

87. Об учреждении Колыванской области // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 20. 1779. 1 мая. № 14868.

88. Об учреждении Контор для пресечения корчемств и о даче, по требованиям винных компанейщиков и их поверенных, солдат из всех команд на казенной счет // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 13. 1750. 30 апреля. № 9741.

89. Общий свод Штатов Наместничеств и Губерний в Царствование Государыни Императрицы Екатерины II // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 44, ч. 2: Книга штатов. 1796. № 17494. Табл. II.

90. Плакат о сборе подушных денег, о повинностях земских обывателей в пользу квартирующих войск и о наблюдении полковым начальством благочиния и порядка в селениях, войсками занимаемых // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 7. 1724. 26 июня. № 4533.

91. Тобольскому и Иркутскому Генерал-губернатору Селифонтову // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 27. 1803. 23 мая. № 20771.

92. Учреждение для управления сибирских губерний // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 44. 1822. 20 июля. № 29125.

93. Учреждения для управления губерний Всероссийской империи. Часть первая // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 20. 1775. 7 ноября. № 14392.

94. Штат Генерал-Губернаторов, Губернаторов, Комендантов, Плац-майоров и Гарнизонных Канцелярий // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 44, ч. 1: Книга штатов. 1725. 17 августа. № 4764.

95. Штат Городского Правления или Ратгауза в Губернском Городе; с присовокуплением к оному всех предыдущих штатов с 1796 по 1801 г. по управлению Губерниями // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 44, ч. 2: Штаты по гражданской части. 1800. 25 февраля. № 19763.

96. Штат, находящийся в Именном указе о жалованье Губернаторам, Вице-Губернаторам и прочим чинам // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 44, ч. 2: Книга штатов. 1715. 28 января. № 2879.

97. Штаты // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 16, ч. 1. 1763. 31 декабря. № 11991.

98. Штаты Губерний Российской империи // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 44, ч. 2: Книга штатов. 1796. 31 декабря. № 17702.

99. Штаты юстиц-коллегии с 10 надворными Судами и Крепостными Конторами, и Вотчинной Коллегии // ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 44: Книга штатов. 1725. 24 февраля. № 4668.

Архивные материалы

Российский государственный архив древних актов

1. Ф. 9. Разряд IX. Кабинет Петра I и его продолжение – (объединение фондов) Государственного архива Российской империи.

оп. 1. – д. 1.

оп. 4. – д. 52.

2. Ф. 10. Кабинет Екатерины II и его продолжение – (объединение фондов) Государственного архива Российской Империи.

оп. 2. – д. 296, д. 332, д. 340.

оп. 3 – д. 23, д. 24, д. 47, д. 73, д. 74, д. 90, д. 194, д. 457.

3. Ф. 24. Разряд XXIV. Сибирский приказ и управление Сибирью – (коллекция) Государственного архива Российской империи.

оп. 1. – д. 7, д. 10, д. 25, д. 38, д. 48, д. 51.

оп. 4. – д. 161.

4. Ф. 199. Миллер Гергард-Фридрих (1705–1783), историк, член Российской Академии наук, управляющий Московским архивом Коллегии иностранных дел.

оп. 2. – д. 1, д. 2.

5. Ф. 214. Сибирский приказ, г. Москва.

оп. 5. – д. 842-а.

6. Ф. 248 Сенат и его учреждения – (объединение фондов), г. Петербург, Москва.

оп. 4. – д. 154, 180, 185, д. 187, д. 188, д. 314, д. 566, д. 227, д. 244,

оп. 5. – д. 248, д. 314, д. 942 а.

оп. 17. – д. 3.

7. Ф. 474. Верхотурская воеводская канцелярия, г. Верхотурье Тобольской провинции Сибирской губернии.

оп. 1. – д. 93.

8. Ф. 494. Илимская воеводская канцелярия, г. Илимск Иркутской провинции Сибирской губернии, с 1766 г. – Иркутской губернии.

оп. 1. – д. 110.

9. Ф. 517. Кузнецкая воеводская канцелярия, г. Кузнецк Енисейской провинции, с 1745 г. – Тобольской провинции Сибирской губернии.

оп. 1. – д. 4.

10. Ф. 684. Шадринский земский комиссар, Шадринская слобода Тобольской провинции Сибирской губернии.

оп. 1. – д. 1, д. 2.

11. Ф. 941. Тобольский надворный суд, г. Тобольск Тобольской провинции Сибирской губернии.

оп. 1. – д. 2.

12. Ф. 973. Слободская приказная изба, ландратская канцелярия и земский комиссар, г. Слободской Вятской провинции Сибирской губернии.

оп. 1. – д. 1, д. 2, д. 3, д. 4.

13. Ф. 1015. Кунгурская приказная изба, канцелярия судебных и розыскных дел и земский комиссар (Кунгурская ландратская канцелярия; Кунгурская приказная изба; Пермская провинциальная канцелярия).

оп. 1. – д. 1, д. 2, д. 3, д. 4, д. 5, д. 6, д. 7, д. 8, д. 9, д. 10, д. 11.

Российский государственный исторический архив

14. Ф. 1264. Первый Сибирский комитет.

оп. 1. – д. 1, д. 2, д. 3, д. 4, д. 5, д. 7, д. 8, д. 9, д. 10, д. 11, д. 12, д. 13, д. 18, д. 19, д. 20, д. 23, д. 26, д. 29, д. 30, д. 31, д. 32, д. 33, д. 36, д. 38, д. 40, д. 41, д. 42, д. 44, д. 45, д. 47, д. 56, д. 57, д. 58, д. 61, д. 62, д. 68, д. 72, д. 73, д. 76, д. 77, д. 78, д. 79, д. 80, д. 81, д. 82, д. 88, д. 96, д. 157.

15. РГИА. Ф. 1265. Второй Сибирский комитет.

оп. 1. – д. 1, д. 2, д. 3, д. 4, д. 7, д. 8, д. 18, д. 44, д. 61, д. 89.

оп. 2. – д. 14, д. 22, д. 30, д. 53, д. 54, д. 57, д. 62, д. 63, д. 73, д. 88.

оп. 12. – д. 3.

оп. 13. – д. 9.

16. Ф. 1284. Департамент общих дел МВД 1907–1917 гг.

оп. 47. – д. 151.

17. РГФ. 1349. Формулярные списки чинов гражданского ведомства (Коллекция). 1831 г.

оп. 4. – д. 102, д. 404.

оп. 6. – д. 829.

Государственный архив Российской Федерации

18. Ф. 109. Третье отделение Е. И. В. К. Первая экспедиция.

оп. 12. – д. 174, д. 218.

Российский государственный воено-исторический архив

19. Ф. 400. Главный штаб.

оп. 1. – д. 63, д. 4786.

оп. 258/908. – д. 8.

20. Ф. 365. Канцелярия Министерства Внутренних дел.

оп. 9. – д. 34510.

Центральный государственный архив Республики Казахстан

21. Ф. И-3. Пристав при киргизах Большой Орды. Начальник Алатавского округа киргизов Большой Орды, 1848–1856 гг.

оп. 1. – д. 6, д. 9, д. 487.

22. Ф. И-15. Семипалатинское областное правление Министерства Внутренних дел, 1844–1919 гг.

оп. 1. – д. 1, д. 4, д. 60, д. 65, д. 69.

23. Ф. И-4. Областное правление Оренбургскими киргизами Министерства Внутренних дел.

оп. 1. – д. 200, д. 261 а.

Национальный архив Республики Хакасия

24. Ф. И-2. Степная дума соединенных разнородных племен Минусинского окружного управления Минусинского округа Енисейской губернии.

оп. 1. – д. 519, д. 527, д. 703, д. 1012, д. 1408.

25. Ф. И-5. Абаканская инородная управа Минусинского окружного управления, с. Усть-Абаканское Минусинского округа Енисейской губернии.

оп. 1. – д. 7, д. 15, д. 37.

26. Ф. И-6. Аскизская инородная управа Минусинского окружного управления, с. Аскиз, Минусинского округа, Енисейской губернии.

оп. 1. – д. 1.

27. Ф. И-7. Бейское волостное правление Минусинского окружного управления, Минусинского округа, Енисейской губернии.

оп. 1. – д. 1, д. 5.

28. Ф. И-14. Кальское сельское управление, с. Калы, Бейской волости, Минусинского уезда, Енисейской губернии.

оп. 1. – д. 1, д. 3, д. 12.

Государственный архив Красноярского края

29. Ф. 31. Енисейский губернский статистический комитет.

оп. 1. – д. 208.

30. Ф. 117. Туруханское отдельное управление.

оп. 1. – д. 10, д. 43, д. 991.

31. Ф. 141. Енисейский губернский суд.

оп. 1. – д. 86, д. 110.

32. Ф. 160. Енисейская губернская казенная палата.

оп. 1. – д. 80, д. 170, д. 821.

33. Ф. 161. Красноярская городская управа.

оп. 2. – д. 1162.

34. Ф. 303. Качинская степная дума.

оп. 1. – д. 1, д. 3, д. 4, д. 5.

35. Ф. 344. Балахтинское окружное правление.

оп. 1. – д. 26.

36. Ф. 595. Енисейское губернское управление.

оп. 1. – д. 80, д. 88, д. 2093.

оп. 19. – д. 3685.

оп. 30. – д. 1204.

оп. 39. – д. 465.

оп. 45. – д. 66, д. 70, д. 75.

Оп. 48. – д. 894.

37. Ф. 796. Коллекция Г. В. Юдина, сибирского купца и промышленника, 1645–1912 гг.

оп. 1. – д. 4162, д. 4427, д. 4434.

38. Ф. 907. Енисейская нижняя расправа.

оп. 1. – д. 1.

39. Ф. 908. Енисейский уездный стряпчий.

оп. 1. – д. 1.

40. Ф. 909. Енисейский уездный суд.

оп. 1. – д. 1, д. 10, д. 13.

41. Ф. 910. Туруханский уездный суд.

оп. 1. – д. 2.

42. Ф. 913. Енисейский нижний земский суд.

оп. 1. – д. 1.

Государственный исторический архив Омской области

43. Ф. 2. Сибирский генерал-губернатор М. М. Сперанский.

оп. 1. – д. 14, д. 65А.

44. Ф. 3. Главное управление Западной Сибири.

оп. 1. – д. 30, д. 36, д. 1348, д. 1624.

Оп. 6. – д. 9392.

Государственный архив Иркутской области

45. Ф. 2. Усть-Киренская воеводская канцелярия Иркутской губернской канцелярии, г. Киренск Киренского уезда Иркутской губернии 1775–1784 гг.

оп. 1. – д. 14, д. 17.

46. Ф. 7. Киренский окружной суд Иркутского губернского суда, г. Киренск Киренской округи (Киренского округа) Иркутской губернии.

оп. 1. – д. 17, д. 40.

47. Ф. 24. Главное Управление Восточной Сибири.

оп. ОЦ. – д. 18, д. 533, д. 644, д. 650, д. 653, д. 675, д. 678, д. 679, д. 680, д. 781.

оп. 1. Т. 1. Раздел 2. – д. 82, д. 292.

оп. 1. Т. 1. Раздел 3. – д. 159, д. 160.

оп. 3. – д. 6.

оп. 6. Т. 1. – д. 12, д. 70, д. 70а, д. 70б, д. 70в, д. 70г.

оп. 6. Т. 2. – д. 70б.

оп. 6. Т. 3. – д. 70в.

оп. 6. Т. 4. – д. 70г.

оп. 6. Т. 5. – д. 112, д. 184.

оп. 8. – д. 247.

оп. 9. – д. 1, д. 14, д. 17, д. 18, д. 39

оп. 9. К. 1734. – д. 1, д. 78, д. 221.

оп. 9. Раздел 2. – д. 1.

оп. 10. – д. 9а, д. 31, д. 102.

оп. 11/3. – д. 10.

48. Ф. 29. Канцелярия Приамурского генерал-губернатора.

оп. 1 (1). – д. 25, д. 55.

оп. 2. – д. 8.

49. Ф. 75. Селенгинская городовая ратуша.

оп. 1. – д. 1110, д. 1126.

оп. 10. – д. 102.

Государственный архив Томской области

50. Ф. 1. Томское губернское правительство.

оп. 1. – д. 158, д. 249, д. 644, д. 872.

оп. 2. – д. 8, д. 25, д. 42.

51. Ф. 2. Канцелярия Томского губернатора, г. Томск.

оп. 1. – д. 11, д. 18, д. 127.

оп. 2. – д. 4, д. 39.

52. Ф. 3. Томское губернское управление, г. Томск.

оп. 1. – д. 212, д. 379.

оп. 2. – д. 12, д. 620.

оп. 6. – д. 1.

оп. 13. – д. 210.

оп. 11. – д. 1, д. 17, д. 24.

оп. 18. – д. 215, д. 584.

Оп. 44. – д. 3, д. 5, д. 25.

53. Ф. 196. Томская казенная палата.

оп. 1. – д. 2, д. 4, д. 7, д. 8.

54. Ф. 528. Кетская воеводская канцелярия.

оп. 1. – д. 1, д. 2, д. 3, д. 5.

Государственный архив в г. Тобольске

55. Ф. И 8. Тобольская городская управа, г. Тобольск Тобольской губернии (1785–1919 гг.).

оп. 1. – д. 9.

56. Ф. И 329. Тобольское губернское правление, г. Тобольск Тобольской губернии (1788–1895 гг.).

оп. 1. – д. 43, д. 47.

оп. 3. – д. 1.

оп. 13. – д. 32.

Архив города Минусинска

57. Ф. 34. Минусинское волостное правление, 1798–1823 гг.

оп. 1. – д. 2, д. 170.

58. Ф. 42. Шушенское волостное правление, 1822–1889 гг.

оп. 2. – д. 95, д. 145, д. 332.

Справочные и статистические издания

1. Адрес-календарь Тобольской губернии на 1901 год. – Тобольск, 1900. – 239 с.

2. Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера. Описи копийных книг: в 2 т. / отв. ред. Н. Н. Покровский; сост. Н. С. Гурьянова, А. Х. Элерт, Д. Я. Резун. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1993. – Т. 1. Сер.: История Сибири. Первоисточники. – 250 с.
3. Бабич, М. В. Государственные учреждения России XVIII в.: справ. пособие / М. В. Бабич. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 144 с.
4. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. – М.: Инфра-М, 2003. – 288 с.
5. Власть в Сибири. XVI – начало XX века: межархив. справ. / сост. М. О. Акишин, А. В. Ремнев; отв. ред. В. В. Моисеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Новосибирск: Сова, 2005. – 696 с.
6. Всеподданнейшие отчеты Генерал-губернатора за время с 1879 – 1882 г. и бумаги по общим вопросам управления гражданского // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Вып. 1. – Иркутск: Типография Штаба Восточно-Сибирского военного округа, 1884. – Т. 1: Всеподданнейшие отчеты Генерал-губернатора, Командующего войсками Восточного Сибирского военного округа и бумаги по общим вопросам управления гражданского и военного. – 285 с.
7. Гагемейстер, Ю. А. Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему его императорского величества повелению, при Сибирском комитете, действительным статским советником Гагемейстером: в 3 ч. / Ю. А. Гагемейстер. – Спб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1854. – Ч. 1. – 1227 с.; Ч. 2. – 697 с.; Ч. 3. – 112 с.
8. Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей, со включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран / сост. преп. Благовещ. муж. гимназии Александр Кириллов. – Благовещенск: тип. т-ва Д. О. Мокин и К°, 1894. – Прил. IV. – 543 с.

9. Географо-статистический словарь Российской империи. – Спб., 1867. – Т. 3. – 643 с.
10. Головачев, П. М. Сибирь / П. М. Головачев. – М.: Т-во «Дело» [не ранее 1911]. – 236 с.
11. Громачевский, Г. Положение о преимуществах гражданской службы в Сибири / Г. Громачевский // Сборник узаконений, относящихся до преобразования суда в Сибири. – Житомир: Паровая типолит. «Угер и Блох», 1897. – 108 с.
12. Долгоруков, В. А. Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азиатским владениям России / В. А. Долгоруков. – Томск, 1897. – 527 с.
13. Дунин-Горкавич, А. А. Справочная книжка Тобольской губернии / А. А. Дунин-Горкавич. – Тобольск, 1904. – 52 с.
14. Енисейский энциклопедический словарь / гл. ред. Н. И. Дроздов. – Красноярск: КОО Ассоциация «Русская энциклопедия», 1998. – 736 с.
15. Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / под общ. ред. П. П. Семенова. – Спб.: [Тип.] М. О. Вольф, 1881–1901. – Т. 10: Русская Средняя Азия. – 448 с.; Т. 11: Западная Сибирь. – 370 с.; Т. 12, ч. 1: Восточные окраины России. Восточная Сибирь. – 324 с.; Т. 12, ч. 2: Восточные окраины России. Приморская и Амурская области. – 470 с.
16. Журналы Комитета министров. Царствование императора Александра I, 1802–1826 гг.: в 2 т. – Спб.: Тип. В. Безобразова и К, 1888–1891. – Т. 1. – 503 с.; Т. 2. – 756 с.
17. Историко-географические описания Верхнего Приобья и Прииртышья 1730–1740-х годов: (по анкетам В. Н. Татищева): сб. док. / С.-Петербург. фил. Архива Рос. акад. наук: Барнаул. гос. пед. ун-т; ред. кол.: В. Б. Бородаев и др. – СПб.: Европ. Дом, 2010. – 259 с.

18. Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. / СО РАН. Ин-т истории; гл. ред. В. А. Ламин. – Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2010. – Т. 1: А – И. – 715 с.; Т. 2: К – Р. – 807 с.; Т. 3: С – Я. – 783 с.

19. Краткое показание о бывших как в Тобольске, так и во всех Сибирских городах и острогах с начала взятия Сибирского государства, воеводах и губернаторах, и прочих чинах, и кто они имянно, и в каких городах были, и кто какой город строил и когда. Писанное в Тобольском доме Архиерейском, 1791 года. – Тобольск: В типографии у Василья Корнильева, 1792. – 84 с.

20. Крафт, И. И. Тургайский областной архив. Описание архивных документов с 1731 г. по 1782 г., относящихся к управлению киргизами / И. И. Крафт. – Спб.: Тип. А. П. Лопухина в Спб., 1901. – 141 с.

21. Крафт, И. И. Из киргизской старины: отдельный оттиск из «Тургайских областных ведомостей» за 1891 и 1899 гг. и «Тургайской газеты» за 1896, 1897 и 1898 гг. / И. И. Крафт. – Оренбург: Типо-лит. Ф. Б. Сачкова, 1900. – 157 с.

22. Общественное хозяйство и устройство городов Российской империи. – Спб., 1859. – 705 с.

23. Обзор Акмолинской области за 1908 год. – Омск, 1909. – 33 с.

24. Обзор Акмолинской области за 1912 год. – Омск, 1913. – 73 с.

25. Обзор Иркутской губернии за 1895 г. – Иркутск: Изд-во Иркутского губернского стат. комитета, 1896. – 145 с.

26. Обзор Иркутской губернии за 1900 г. – Иркутск: Изд-во Иркутского губернского стат. комитета, 1903. – 109 с.

27. Обзор Иркутской губернии за 1911 г. – Иркутск: Изд-во Иркутского губернского стат. комитета, 1912. – 110 с.

28. Обзор Тобольской губернии за 1911 г. – Тобольск, 1913. – 41 с.

29. Обзор Якутской области за 1881 г.: Прил. ко всеподданнейшему отчету Якут. Губернатора. – Якутск: Тип. обл. правления, 1883. – 132 с.

30. Обзор Якутской области за 1902 г.: Прил. ко всеподданнейшему отчету Якут. Губернатора. – Якутск: Тип. обл. правления, 1904. – 167 с.
31. Общее обозрение Якутской области 1892–1902 гг. / изд. Якут. обл. стат. ком.; под ред. Э. К. Пекарского. – Якутск: Тип. обл. правления, 1902. – 95 с.
32. Обозрение главных оснований местного управления Сибири. – Спб.: Тип. Второго отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1841. – 151 с.
33. Памятная книжка Акмолинской области на 1909 г. Адрес-календарь / изд. Акмолин. обл. стат. ком.; под ред. секр. стат. ком. Н. Домнина. – Омск, 1909. – 211 с.
34. Памятная книжка Акмолинской области на 1912 г. Адрес-календарь / изд. Акмолин. обл. стат. ком.; под ред. секр. стат. ком. В. С. Недашковского. – Омск, 1912. – 203 с.
35. Памятная книжка Енисейской губернии 1890 года с адрес-календарем / сост. под ред. действ. чл.-секр. стат. ком. Г. А. Хотунцова. – Красноярск, 1891. – 255 с.
36. Памятная книжка Енисейской губернии на 1915 г. / изд. Енис. стат. ком. – Красноярск, 1915. – 128 с.
37. Памятная книжка Западной Сибири. – Омск, 1881. – 391 с.
38. Памятная книжка Иркутской губернии на 1914 г. / изд. Иркут. стат. ком. – Иркутск, 1914. – 356 с.
39. Памятная книжка Тобольской губернии на 1909 г. – Тобольск, 1909. – 367 с.
40. Памятная книжка Тобольской губернии на 1915 г. / сост. под ред. секр. ком. Е. Г. Юферова. – Тобольск, 1915. – 289 с.
41. Памятная книжка Томской губернии 1885 г. / изд. Том. стат. ком. – Томск, 1885. – 485 с.
42. Памятная книжка Томской губернии на 1915 г. / изд. Том. губерн. стат. ком. – Томск, 1915. – 282 с.

43. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 года: в 89 т. / под ред. Н. А. Тройницкого. – Спб.: Изд-е. Центр. стат. ком. М-ва вн. дел, 1904. – Т. 73: Енисейская губерния. – 201 с.

44. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 года: в 89 т. / под ред. Н. А. Тройницкого. – Спб.: Изд-е. Центр. стат. ком. М-ва вн. дел., 1904. – Т. 74: Забайкальская губерния. – 204 с.

45. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 года: в 89 т. / под ред. Н. А. Тройницкого. – Спб.: Изд-е. Центр. стат. ком. М-ва вн. дел, 1904. – Т. 75: Иркутская губерния. – 172 с.

46. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 года: в 89 т. / под ред. Н. А. Тройницкого. – Спб.: Изд-е. Центр. стат. ком. М-ва вн. дел, 1904. – Т. 78: Тобольская губерния. – 171 с.

47. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 года: в 89 т. / под ред. Н. А. Тройницкого. – Спб.: Изд. Центр. стат. ком. М-ва вн. дел, 1904. – Т. 79: Томская губерния. – 275 с.

48. Письма и бумаги императора Петра Великого. – Спб.: Б. и., 1907. – Т. V, вып. 1. – 569 с.

49. Положение об управлении в степных областях. Сост. по изд. 1892 г. и продолж. 1893 и 1895 гг. с разъяснениями Правительствующего сената и министерств / сост. старш. совет. Тургайск. обл. правл. И. И. Крафт. – Оренбург: Типолит. П. Н. Жаринова, 1898. – 282 с.

50. Приамурье. Факты, цифры, наблюдения. Собранные на Дальнем Востоке сотрудниками общеземской организации: приложение к отчету общеземской организации за 1908 год. С тремя картами. – М.: Городская типография, 1909. – 922 с.

51. Рабцевич, В. В. Государственные учреждения дореформенной Сибири: (Последняя четверть XVIII – первая половина XIX в.): справ. / В. В. Рабцевич. – Челябинск, 1998. – 270 с.

52. Российское законодательство X–XX веков: Законодательство периода становления абсолютизма: в 9 т. / отв. ред. А. Г. Маньков; под общ. ред. О. И. Чистяков. – М.: Юрид. лит., 1986. – Т. 4 – 512 с.
53. Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах: в 2 т. – Спб.: Русская скоропечатня (П. С. Нахимова), 1876. – Т. 2, вып. 1. – 461 с.
54. Сборник сведений по России за 1884–1885 годы. – Спб., 1887. – 310 с.
55. Сборник узаконений о киргизах степных областей / сост. И. И. Крафт. – Оренбург: Типолит. И. И. Жаринова, 1898. – 867 с.
56. Сибирь и Великая Сибирская железная дорога. – Спб., 1893. – 309 с.
57. Статистико-экономические итоги по Якутской области за 1906 г. – Якутск: Тип. обл. упр., 1906. – 290 с.
58. Статистическое обозрение Сибири, составленное на основании сведений, почерпнутых из Актов Правительства и других достоверных источников. – Спб.: Тип. Шнора, 1810. – 363 с.
59. Судебная часть в Туркестанском крае и степных областях / сост. И. И. Крафт. – Оренбург: Типолит. П. Н. Жаринова, 1898. – 341 с.
60. Татищев, В. Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской / В. Н. Татищев // Избр. произведения. – Л.: Наука, 1979. – С. 153–360.
61. Татищев, В. Н. Предложение о сочинении истории и географии российской / под ред., со вст. ст. и ком. А. И. Андреева. – М.: Географгиз, 1950. – 240 с.
62. Учебный атлас Российской империи, расположенной по бассейнам рек, с обозначением в нем пределов губерний и областей, городов губернских, уездных и мест замечательных в историческом и промышленном отношениях, приспособленный к курсу географии Российской империи / сост. Яковом Кузнецовым. Грав. А. Эргард. – Спб.: Б. и., 1852. – 22 л.

63. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев и др. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
64. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. / сост. И. В. Щеглов; под ред. В. И. Вагина. – Иркутск: Изд. Вост. Сиб. отдела Император. Рус. геогр. общ., 1883. – 778 с.
65. Экономика и право: слов.-справ. / сост. Л. П. Кураков, В. Л. Кураков, А. Л. Кураков. – М.: Вуз и школа, 2004. – 1072 с.
66. Экономическое состояние городских поселений Сибири. – Спб., 1882. – 442 с.
67. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: в 86 т. (с ил. и доп. Матер.) [Электронный ресурс] / Сайт библиотеки «Вехи». – Режим доступа: <http://www.vehi.net/brokgauz/>
68. Энциклопедия города Омска: в 3 т. / адм. г. Омска; науч.-ред. совет: В. Ф. Шрейдер (пред.) и др. – Омск: Лео, 2009–2011. – Т. 1: Омск от прошлого к настоящему: (период с 1716 по 2008 г.) / [редкол.: Д. А. Алисов и др.]. – 2009. – 919 с.; Т. 2: Хронограф Омска, 1716–2008 гг. / [редкол.: Г. А. Павлов (гл. ред.) и др.; сост. и науч. ред. П. П. Вибе]. – 2009. – 359 с.; Т. 3: Омск в лицах / [под ред. И. А. Кольца и др.]. – 2011. – Кн. 1: А – К. – 646 с.; Кн. 2: Л – Я. – 690 с.

Литература

1. Аблажей, Н. Н. Казахский миграционный маятник «Казахстан – Сынцзян». Эмиграция. Репатриация. Интеграция / Н. Н. Аблажей. – Караганды: Балашок-Баспа, 2014. – 273 с.
2. Абрамов, Н. Несколько сведений о Федоре Ивановиче Соймонове, бывшем сибирском губернаторе (1740–1763 гг.) / Н. Абрамов // Тобольские губернские ведомости. – 1857. – № 27.
3. Авдеева, О. А. Индивидуализация административно-судебной системы Сибири по «Учреждениям для управления губерний всероссийской

империи» 1775–1780 гг. / О. А. Авдеева // История государства и права. – 2004. – № 4. – С. 21–24.

4. Авдеева, О. А. Сибирь в государственно-правовой системе России в XVII – начале XX вв. / О. А. Авдеева. – Иркутск: Оттиск, 2007. – 343 с.

5. Авдеева, О. А. Судебная реформа М.М. Сперанского в Сибири / О. А. Авдеева // История государства и права. – 2002. – № 3. – С. 2–7.

6. Авдеева, О. А. Эволюция судебной системы коренных народов Иркутской губернии в XVII–XIX вв. / О. А. Авдеева // Иркутская область в панораме веков. – Иркутск, 1997. – С. 58–64.

7. Агеев, А. Д. Сибирь и американский запад: движение фронтиров / А. Д. Агеев. – М.: Аспект-пресс, 2005. – 330 с.

8. Административное и государственно-правовое развитие Сибири в XVII–XXI веках. – Иркутск: Вост.-Сиб. ин-т МВД России, 2003. – 240 с.

9. Административно-территориальное устройство России. История и современность / под общ. ред. А. В. Пыжикова. – М.: Олма-пресс, 2003. – 320 с.

10. Адрианов, А. В. Томск в прошлом и настоящем / А. В. Адрианов. – Томск, 1890. – 433 с.

11. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, К. И. Зубков, И. В. Побережников; Ин-т истории и археологии УрО. – М.: Наука, 2004. – 600 с.

12. Азиатская Россия: люди и структуры империи: сб. ст. К 50-летию со дня рождения профессора А. В. Ремнева / под ред. Н. Г. Суворовой. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2005. – 603 с.

13. Азиатская Россия: в 3 т. – Спб., 1914. – Т. 1: Люди и порядки за Уралом. – 576 с.

14. Акишин, М. О. Губернская реформа Екатерины II: особенности управления окраиной империи / М. О. Акишин // Российское самодержавие и бюрократия: сб. ст. в честь Н. Ф. Демидовой. – М.; Новосибирск, 2000. – С. 268–294.
15. Акишин, М. О. Дело губернатора Сухарева / М. О. Акишин // Родина. – 2000. – № 5. – С. 96–99.
16. Акишин, М. О. Деспотизм и просвещение: борьба с должностной преступностью и проведение губернской реформы в Сибири (1776–1781 гг.) / М. О. Акишин // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI–XX веков: матер. IV Регион. науч. конф. – Новосибирск, 1999. – С. 162–170.
17. Акишин, М. О. Дьяки посольского приказа и присоединение Сибири / М. О. Акишин // Рос. история. – 2015. – № 3. – С. 45–54.
18. Акишин, М. О. Интересы России при присоединении Сибири и их международно-правовые основания (XVI–XVII вв.) / М. О. Акишин // Интересы в праве. Жидковские чтения: матер. Всерос. науч. конф. Рос. ун-та дружбы народов; отв. ред. М. В. Немытина. – М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2017. – С. 495–501.
19. Акишин, М. О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого / М. О. Акишин. – Новосибирск: Автор, 1996. – 224 с.
20. Акишин, М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата / М. О. Акишин. – М.: Древлехранилище; Новосибирск, 2003. – 408 с.
21. Акишин, М. О. Этнические общности Сибири в истории российского права: проблема дефиниций / М. О. Акишин // Юридическая техника. – 2016. – № 10. – С. 60–67.
22. Актуальные вопросы истории Сибири: Научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина: 20 мая 1997 г. – Барнаул, 1998. – 267 с.

23. Альтшулер, М. И. Земство в Сибири / М. И. Альтшулер. – Томск, 1916. – 449 с.
24. Американский и сибирский фронт: сб. ст. / отв. ред. М. Я. Пелипась. – Томск: ТГУ, 1997. – Вып. 2. – 304 с.
25. Американские исследования в Сибири: сб. ст. / отв. ред. М. Я. Пелипась. – Томск: ТГУ, 1990. – Вып. 1. – 230 с.
26. Ананьев, Д. А. Воеводское управление Сибири в XVIII веке / Д. А. Ананьев. – М., 2005. – 264 с.
27. Ананьев, Д. А. Изучение дореволюционной истории Сибири в Германии в XX веке / Д. А. Ананьев // Гуманитарные науки в Сибири. – 2015. – № 3. – С. 55–59.
28. Ананьев, Д. А. История Сибири конца XVI–XIX веков в англо- и германоязычной историографии. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. – 289 с.
29. Ананьев, Д. А. Источники по дореволюционной истории Сибири в архивных и книжных собраниях Великобритании, США, Канады и Германии / Д. А. Ананьев // Вест. Кем. гос. ун-та. – 2015. – Вып. 2 (62), т. 4. – С. 11–16.
30. Ананьев, Д. А. Новые земли и освоение Сибири в XVII–XIX вв.: очерки истории и историографии / Д. А. Ананьев, Е. В. Комлева, Д. Я. Раев. – Новосибирск: Сова, 2006. – 227 с.
31. Андреева, О. А. Судебная система Восточной Сибири в XVII – первой половине XIX вв. / О. А. Андреева. – Иркутск: Изд. ИГЭА, 1999. – 204 с.
32. Андреева, О. А. Эволюция судебной системы инородцев Восточной Сибири в XVII – первой половины XIX вв. / О. А. Андреева // Ист. гос. и права. – 2000. – № 3. – С. 11–18.
33. Андриевич, В. К. Исторический очерк Сибири по данным, представляемым Полным Собранием Законов / В. К. Андриевич. – 1-е изд.

Красноярск: Тип. Кудрявцева, 1889. – Т. V: Екатерининский период. (Отделы: горное дело, духовенство, лихоимство и общий очерк). – 237 с.

34. Андриевич, В. К. Исторический очерк Сибири по данным, представляемым Полным Собранием Законов Российской Империи / В. К. Андриевич. – Томск: Изд-во военной литературы, 1889. – 337 с.

35. Андриевич, В. К. Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времен до 1762 года / В. К. Андриевич. – Спб.: Б. и., 1887. – 237 с.

36. Андриевич, В. К. Сибирь в XIX столетии / В. К. Андриевич. – Спб.: Б. и., 1889. – Ч. 1: Период от смерти императрицы Екатерины II до 1806 г. – 132 с.

37. Андриевич, В. К. Сибирь в XIX столетии / В. К. Андриевич. – Спб., 1889. – Т. 2. – 353 с.; Т. 3. – 338 с.

38. Андриевский, И. Е. О наместниках, воеводах и губернаторах (репринтное издание 1864 г.) / И. Е. Андриевский. – М.; Тверь: ИБПУ «Научная книга», 2008. – 156 с.

39. Аникеев, А. А. О некоторых вопросах современной методологии истории / А. А. Аникеев // Новая и новейшая история. – 1997. – № 2. – С. 167–172.

40. Анисимов, Е. В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России 1719–1728 гг. / Е. В. Анисимов; под. ред. Н. Е. Носова. – Л.: Наука, 1982. – 295 с.

41. Анкушева, К. А. Тюменская городская дума в 1872 – феврале 1917 г. / К. А. Анкушева // Земля Тюменская: ежегод. Тюм. обл. краевед. музея. – Тюмень, 2005. – С. 44–58.

42. Анучин, Е. Н. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России с Учреждения о губерниях 1775 года до последнего времени / Е. Н. Анучин. – Спб., 1872. – 238 с.

43. Арсеньев, К. И. Об устройстве управления в России с XV до исхода XVIII столетия / К. И. Арсеньев // Материалы для статистики Российской империи, издаваемые с Высочайшего соизволения при статистическом отделении совета МВД. – Спб.: в Тип. Мин-ва вн. дел, 1839. – С. 3–82.
44. Асочакова, В. Н. Хакасские степные думы и вопросы христианизации коренного этноса: некоторые аспекты / В. Н. Асочакова // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: История. – 2018. – Т. 23. – С. 16–21.
45. Ассонова, А. Ф. Из истории правительственного межевания земель Западной Сибири (1804–1843 гг.) / А. Ф. Ассонова // Вопросы истории Сибири. – Томск, 1970. – Вып. 5. – С. 130–137.
46. Базаров, Б. В. Буряты в этнополитическом пространстве России: от империи до федерации / Б. В. Базаров, М. Н. Балдано, О. В. Бураева, В. П. Кондратьев и др. – Улан-Удэ: ИМБиг СО РАН, 2017. – 320 с.
47. Барзилов, С. Регион как политическое пространство / С. Барзилов, А. Чернышев // Свободная мысль. – 1997. – № 2. – С. 3–13.
48. Бахрушин, С. В. Сибирские служилые татары в XVIII в. / С. В. Бахрушин // Исторические записки. – 1937. – № 1. – С. 55–80.
49. Бельский, К. С. О реформе губернаторской должности / К. С. Бельский // Государство и право. – 2001. – № 1. – С. 5–13.
50. Безобразов, В. П. Земские учреждения и самоуправление / В. П. Безобразов. – М., 1874. – 52 с.
51. Безобразов, В. П. Государство и общество. Управление, самоуправление и судебная власть: ст. / В. П. Безобразов. – Спб., 1882. – 737 с.
52. Белов, Е. И. Министерство внутренних дел 1802–2002: исторический очерк / Е. И. Белов, А. В. Борисов. – М., 2005. – 232 с.
53. Белов, И. Путевые записки и впечатления по Западной Сибири / И. Белов. – М., 1852. – 187 с.

54. Бердников, Л. П. Вся Красноярская власть: очерки истории местного управления и самоуправления. 1822–1916. Факты, события, люди / Л. П. Бердников. – Красноярск: Краснояр. книж. изд-во, 1995. – 320 с.
55. Бердников, Л. П. От денежной кладовой до Министерства финансов: очерки истории административно-хозяйственного управления Енисейской губернии Красноярского края (1822–2009) / Л. П. Бердников, С. Л. Лони́на. – Красноярск: Изд. Мин-ва финансов Красноярского края, 2009. – Ч. 1: Столетний путь Енисейской Казенной палаты. – 264 с.
56. Берендс, Э. Н. О прошлом и настоящем русской администрации: (Записка, сост. в дек. 1903 г.) / Э. Н. Берендс; вступ. ст., указ, примеч. А. С. Сенина. – М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2002. – 287 с.
57. Биби́ков, Г. Н. III отделение и надзор за губернской администрацией: случай губернатора И. Д. Талызина / Г. Н. Биби́ков // Вест. Том. гос. ун-та. История. – 2017. – № 50. – С. 11–21.
58. Ближайшие нужды Сибири: судебная реформа // Сибирская газета. – Томск, 1881. – № 7. – С. 188–191.
59. Блинов, И. А. Губернаторы: историко-юридический очерк: репринт. изд. 1905 г. / И. А. Блинов. – М.; Тверь: ИБПУ «Научная книга», 2008. – 271 с.
60. Бобрик, Е. М. Проблемы управления Колывано-Воскресенским горным округом в XVIII – первой четверти XIX в. в досоветской историографии / Е. М. Бобрик // Вопросы историографии Сибири и Алтая. – Барнаул, 1988. – С. 63–75.
61. Бобров, Д. С., Ведерников, В. В., Дегтярев, Д. С. и др. Историко-географические образы Алтая в трудах ученых, путешественников и чиновников XVIII – начала XX в. / под ред. Т. Н. Соболевой, Д. С. Боброва: монография – Барнаул: АЗБУКА, 2016. – 440 с.
62. Бобров, Д. С. Формирование российской границы в Верхнем Обь-Иртыше в оценках ученых и путешественников XVIII в. / Д. С. Бобров // Вест. Кем. гос. ун-та. – 2017. – № 1. – С. 12–18.

63. Боголепов, М. Н. Бюрократия и сибирские нужды / М. Н. Боголепов // Сибирские вопросы. 1906. – № 5. – С. 4–13.
64. Боголепов, М. Н. Финансовые отношения Сибири и Европейской России / М. Н. Боголепов // Сибирские вопросы. 1906. – № 2. – С. 3–18.
65. Богословский, М. М. Областная реформа Петра Великого. Провинция, 1719–1727 гг. / М. М. Богословский. – М.: Универ. тип., 1902. – 582 с.
66. Борисов, А. В. Министерство внутренних дел России (1802 – октябрь 1917 гг.) / А. В. Борисов. – М., 2000. – 44 с.
67. Борблик, Е. М. К вопросу о земских избах как низшем звене системы местного управления Колывано-Воскресенского горного округа во второй половине XVIII в. / Е. М. Борблик // Актуальные вопросы истории Алтая. Барнаул, – 1980. – С. 184–197.
68. Борблик, Е. М. Участие сибирской администрации в управлении ведомством Колывано-сибирских заводов в 1749–1779 гг. / Е. М. Борблик. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1989. – С. 43–53.
69. Борисов, А. А. Исторические предпосылки и значение образования Якутского областного управления (к постановке проблемы) / А. А. Борисов // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: История. – 2017. – Т. 19. – С. 6–16.
70. Борисов, А. А. Степные думы Сибири: исторический опыт самоуправления в имперской системе власти / А. А. Борисов, Л. М. Дамешек // Изв. Иркут. гос. ун-та. – Сер.: Политология. Религиоведение. – 2011. – № 1(6). – С. 123–135.
71. Бородаев, В. Б. Заглавие: Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720 гг. / В. Б. Бородаев, А. В. Контев: документальная монография. – Барнаул: Изд-во АлтГПУ, 2015. – 415 с.

72. Бродников, А. А. Енисейск и Енисейский уезд (очерки из истории XVII века) / А. А. Бродников: монография. – Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 2019. – 382 с.
73. Булычев, И. Д. Путешествие по Восточной Сибири / И. Д. Булычев. – Спб., 1856. – Ч. 1. – 298 с.
74. Быконя, Г. Ф. Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX века (демографо-сословный аспект) / Г. Ф. Быконя. – Красноярск, 2007. – 415 с.
75. Быконя, Г. Ф. О влиянии политической воли на развитие этнонациональной русской идентичности в XV–XVII вв. / Г. Ф. Быконя // Изв. Иркут. гос. ун-та. – Сер.: История. – 2017. – Т. 21. – С. 8–14.
76. Быконя, Г. Ф. Общее и особенное в развитии государственного феодализма на сибирской окраине России в XVII–XVIII вв. / Г. Ф. Быконя // Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России. – Воронеж: Изд-во Ворож. ун-та, 1983. – С. 78–85.
77. Быконя, Г. Ф. Особенности и результаты крещения ясачного населения Восточной Сибири в XVIII в. / Г. Ф. Быконя // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: История. – 2015. – Т. 13. – С. 25–30.
78. Быконя, Г. Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX вв. (Формирование военно-бюрократического дворянства) / Г. Ф. Быконя. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1985. – 300 с.
79. Вагин, В. И. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год: в 2 т: репринтное изд. 1872 г. – Спб.: Альфарет, 2011. – Т. 1. – 806 с.; Т. 2. – 768 с.
80. Вагин, В. И. Сороковые годы в Иркутске / В. И. Вагин // Восточное обозрение. – Спб., 1884. – С. 249–280.
81. Васильев, Д. В. Административная политика России в Казахской Степи: от реформ О. А. Игельстрома к реформам М. М. Сперанского / Д. В. Васильев // Кочевые народы Центральной Евразии XVIII–XIX вв.:

сравнит.-ист. анализ политики Рос. империи: сб. науч. ст. / отв. ред. Г. С. Султангалиева. – Алматы: Қазақ университеті, 2015. – С. 207–236.

82. Васильев, Д. В. Административное управление Малой казахской ордой в первой половине XIX в. / Д. В. Васильев // Гум. исслед. в Вост. Сиб. и на Дальнем Востоке. – 2015. – № 3. – С. 40–45.

83. Васильев, Д. В. Вступление казахов в подданство Российской империи как результат региональной дипломатии / Д. В. Васильев // Научное обозрение. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2015. – № 2. – С. 151–156.

84. Васильев, Д. В. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII – первая половина XIX века / Д. В. Васильев. – М.: РОССПЭН, 2014. – 471 с.

85. Васильев, Д. В. Туркестанская область: становление административного законодательства в Русском Туркестане. 1854–1866 / Д. В. Васильев // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2013. – № 4. – С. 174–180.

86. Васильев, Д. В. Форпост империи. Административная политика в Центральной Азии. Середина XIX века / Д. В. Васильев. – М.: ИБП, 2015. – 302 с.

87. Ватин (Быстрянский) В. А. Юбилей Потанина и Молодая Сибирь / В. А. Ватин // Сибирский архив (Иркутск). – 1915. – № 7. – С. 16.

88. Ведерников, В. В. Кабинетская цветная металлургия Сибири в XVIII – первой половине XIX в.: монография / В. В. Ведерников; науч. ред. В. А. Скубневский. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. – 186 с.

89. Верняев И. И. Бурятское общество и сибирский генерал-губернатор Михаил Сперанский / И. И. Верняев // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. История. – 2017. – Т. 62, вып. 1. – С. 148–163.

90. Верхотурова, Т. Г. Штаты и численность енисейской губернской администрации (1822–1917 гг.) / Т. Г. Верхотурова // Гум. науки в Сибири. – 2011. – № 1. – С. 19–23.

91. Вилков, А. Н. Некоторые аспекты административной и строительной культуры Тобольска в конце XVI – начале XVIII в. / А. Н. Вилков. – Новосибирск, 1999. – 341 с.
92. Вицын, А. И. Краткий очерк управления в России от Петра Великого до издания общего учреждения Министерств / А. И. Вицын. – Казань, 1855. – 299 с.
93. Воеводы и губернаторы Сибири и Тобольска с 1587 по 1917 г. // Тобольский хронограф. – Екатеринбург: Урал. рабочий, 1998. – 512 с.
94. Волчек, В. А. Осуществление имперской политики на восточных окраинах России в деятельности Второго Сибирского комитета / В. А. Волчек. – Новосибирск: Сибирская научная книга, 2006. – 375 с.
95. Воронцова, Л. Н. Проблема введения земства в Сибири и отношение к ней общественных группировок и политических партий в период первой российской революции / Л. Н. Воронцова // Вопросы истории Сибири XX века. – Новосибирск, 1993. – С. 4–13.
96. Выдающиеся губернаторы Тобольские и Сибирские / сост. С. Пархимович, С. Туров. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрика, 2000. – 488 с.
97. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг. – СПб.: Наука, 1998. – Т.1: Высшие государственные учреждения. – 302 с.
98. Гаврилов, Д. В. Губернское управление в дореволюционной России / Д. В. Гаврилов, Е. Ю. Алферова, В. Г. Железкин // Архивы Урала. – 1995. – № 2. – С. 187–196.
99. Гергилев, Д. Н. Административно-территориальное устройство Сибири в 1708–1917 гг.: монография / Д. Н. Гергилев. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. – 224 с.
100. Гергилев, Д. Н. История макрорегиона (Сибири): в 2 ч.: учеб.-метод. пособие / Д. Н. Гергилев, Э. Г. Колесник, М. Г. Тарасов. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. – Ч. I. – 68 с.

101. Гергилев, Д. Н. Особенности административно-территориальной политики в первые годы советской власти / Д. Н. Гергилев // Право и образование. – 2018. – № 5. – С. 131–136.

102. Гергилев, Д. Н. Исторические особенности административного управления Восточной Сибирью (с 1822 г. до середины XIX в.) / Д. Н. Гергилев // Изв. Алт. гос. ун-та. – 2018. – № 2 (100). – С. 41–45.

103. Гергилев, Д. Н. Интерпретация понятия «регион» в реформе районирования 1923 г. / Д. Н. Гергилев, Е. В. Полянский // Клио. – 2018. – № 6 (138). – С. 106–112.

104. Гергилев, Д. Н. Результат губернской реформы Екатерины II для регионов России (на примере Сибири) / Д. Н. Гергилев // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. – Сер.: Гуманитарные науки. – 2018. – № 3–2. – С. 11–13.

105. Гергилев, Д. Н. Особенности региональной политики в России в первой четверти XVIII в. (на примере Сибири) / Д. Н. Гергилев // Десятые Байкальские социально-гуманитарные чтения: материалы: в 2 т. – 2017. – Т. 1. – С. 213–218.

106. Гергилев, Д. Н. Сибирь как пример оптимальных государственных механизмов управления / Д. Н. Гергилев, Н. С. Дуреева // Вест. Том. гос. ун-та. – 2017. – № 421. – С. 103–108.

107. Гергилев, Д. Н. Пути решения проблем административно-территориального устройства России в начале XX века (на примере Сибири) / Д. Н. Гергилев // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2017. – № 5 (96). – С. 76–80.

108. Гергилев, Д. Н. Особенности административно-территориального положения России в начале XIX века (на примере Сибири) / Д. Н. Гергилев, Н. С. Дуреева // Вест. Кем. гос. ун-та. – 2017. – № 2. – С. 30–33.

109. Гергилев, Д. Н. Административно-территориальное реформирование Сибири в XIX – начале XX веков: опыт и необходимые выводы / Д. Н. Гергилев // Клио. – 2017. – № 4 (124). – С. 129–133.

110. Гергилев, Д. Н. Административно-территориальная реформа Екатерины II в контексте проблем управления регионами России (на примере Сибири) / Д. Н. Гергилев // Клио. – 2017. – № 5 (125). – С. 75–78.

111. Гергилев, Д. Н. Проблема административно-территориального реформирования Сибири в XIX в. / Д. Н. Гергилев // Клио. – 2017. – № 7 (127). – С. 74–79.

112. Гергилев, Д. Н. Отличительные черты деятельности губернских администраций в Сибири в XIX – начале XX вв. / Д. Н. Гергилев // Клио. – 2017. – № 8 (128). – С. 114–117.

113. Гергилев, Д. Н. К вопросу об административно-территориальном управлении Казахской степью в Сибири в начале XIX в. / Д. Н. Гергилев // Общество: философия, история, культура. – 2017. – № 6. – С. 61–64.

114. Гергилев, Д. Н. Причины, ход и итоги «Туруханского бунта» 1908–1909 гг. / Т. Г. Карчаева, Д. Н. Гергилев, А. В. Суржко // Общество: философия, история, культура. – 2017. – № 7. – С. 94–98.

115. Гергилев, Д. Н. Административно-территориальное деление России как фактор сохранения государственности (на примере Сибири в 1917–1923 гг.) / Д. Н. Гергилев // Общество: философия, история, культура. – 2017. – № 9. – С. 53–56.

116. Гергилев, Д. Н. Структура губернского и областного управления в Восточной Сибири в 1822–1917 гг.: принципы функционирования и региональные особенности / Д. Н. Гергилев // Genesis: исторические исследования. – 2017. – № 6. – С. 56–69.

117. Гергилев, Д. Н. Административное управление Сибирью в XVIII – первой трети XIX века: монография / Д. Н. Гергилев. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. – 172 с.

118. Гергилев, Д. Н. Роль реформ М. М. Сперанского в управлении Сибирью / Д. Н. Гергилев, Н. С. Дуреева // Вест. Том. гос. ун-та. – 2016. – № 413. – С. 88–93.

119. Гергилев, Д. Н. Сибирь как пример поисков оптимального административно-территориального устройства России / Д. Н. Гергилев // Историческая и социально-образовательная мысль – 2016. – Т. 8, № 6-1. – С. 56–61.

120. Гергилев, Д. Н. Особенности региональной политики в России в XVIII – начале XX в. (на примере Сибири) / Д. Н. Гергилев // Общество: философия, история, культура. – 2016. – № 12. – С. 106–108.

121. Гергилев, Д. Н. Ведущие факторы административно-территориального деления РФ (на примере Красноярского края) / Д. Н. Гергилев, М. Д. Северьянов, М. П. Яценко // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2016. – № 3 (25). – С. 99–103.

122. Гергилев, Д. Н. Административно-территориальные реформы в Сибири как пример выработки оптимального управленческого механизма / Д. Н. Гергилев // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. – Сер.: Гуманитарные науки. – 2016. – № 12. – С. 14–17.

123. Гергилев, Д. Н. Губернская реформа Екатерины II в контексте проблем административно-территориальной структуры России (на примере Сибири) / Д. Н. Гергилев // Научный диалог. – 2016. – № 11 (59). – С. 203–212.

124. Гергилев, Д. Н. Проекты административно-территориального реформирования Российской Федерации в конце XX – начале XXI вв. / Д. Н. Гергилев // Социокультурное освоение Сибири: матер. Сибирского исторического форума. Красноярск, 2–5 декабря 2014 г. – Красноярск: Резонанс, 2014. – С. 48–55.

125. Гергилев, Д. Н. Информационная система «Историко-культурное наследие города Енисейска» / М. В. Румянцев, Р. А. Барышев, А. С. Генвальд, А. В. Ёжкин, И. А. Меньщиков, А. Ю. Литвинцева, А. В. Волощук, Д. Н. Гергилев, А. Ю. Перебоев, И. Н. Рудов, Н. О. Пиков, Е. В. Гевель, К. Ю. Шумов, А. А. Смолин, А. П. Свитин. Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ RUS 2013613335 13.02.2013.

126. Гергилев, Д. Н. Роль Сибирского приказа в имперской политике управления Восточной окраиной Российской империи (1730–1763 гг.) / Д. Н. Гергилев // Вест. Том. гос. ун-та. – 2010. – № 330. – С. 81–83.

127. Гергилев, Д. Н. Рецензия на книгу «Дацышен В. Г. Китайцы в Сибири в XVII–XX вв.: проблемы миграции и адаптации». – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2008. – 327 с. / Д. Н. Гергилев, С. А. Комиссаров // Вест. Новосиб. гос. ун-та. – Сер.: История, филология. – 2009. – Т. 8, вып. 4: Востоковедение. – С. 173–176.

128. Гергилев, Д. Н. Ссылка как мера наказания в конце XVI – начале XIX вв. / Д. Н. Гергилев // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: сб. матер. XII Междунар. науч.-практ. конф. (19–20 февраля 2009 г.): в 3 ч. – Красноярск, 2009. – Ч. 1. – С. 346–349.

129. Гергилев, Д. Н. Административное управление Сибирью в конце XVIII – первой четверти XIX вв. (до ревизии М. М. Сперанского) / Д. Н. Гергилев // Мир Евразии. – 2008. – № 1. – С. 46–49.

130. Гергилев, Д. Н. Особенности реализации «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи» на территории Сибири / Д. Н. Гергилев // Матер. Вторых университетских социально-гуманитарных чтений, 2008 г. – Иркутск, 2008. – С. 249–255.

131. Гергилев, Д. Н. Проекты административных преобразований Восточной Сибири в 30-х годах XIX в. / Д. Н. Гергилев // Управление Россией. Опыт. Традиции. Новации. XVI–XX вв.: кол. монография / Рос. акад. наук; Ин-т Рос. истории; отв. ред.: А. Н. Сахаров. – М.: Наука, 2007. – С. 289–297.

132. Гергилев, Д. Н. К вопросу о структурных и административных изменениях в Сибири в результате губернской реформы 1822 года / Д. Н. Гергилев // Лесной и химический комплексы – проблемы и решения: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. 2006 г. – Красноярск, 2006. – С. 324–330.

133. Гергилев, Д. Н. Губернская реформа 1822 года / Д. Н. Гергилев // Красноярский край: исторические аспекты территориального,

экономического и культурного развития: тез. докл. и сообщ. науч. конф. 14 ноября 2006 г. Красноярск. – Красноярск, 2006. – С. 81–87.

134. Гергилев, Д. Н. М. М. Сперанский и его проекты / Д. Н. Гергилев // Парламентаризм в России: исторический опыт и современные проблемы: матер. Всерос. научн.-практ. конф., посвящ. 100-летию начала деятельности первой российской Государственной Думы, 18 мая 2006 г., Красноярск. – Красноярск, 2006. – С. 61–66.

135. Гергилев, Д. Н. Население и хозяйственная жизнь Красноярска в XVII–XIX вв. / Д. Н. Гергилев // Красноярск история и современность. К 375-летию со дня основания: матер. межвуз. научн.-теор. конф.– Красноярск, 2003. – Вып. 2. – С. 33–37.

136. Гергилев, Д. Н. Духоборы (духоборцы) в Сибири в первой четверти XIX в. / Д. Н. Гергилев // Матер. межвуз. научн.-практ. конф., Красноярск, 26 апреля 2002 г. – Красноярск, 2002. – Вып. VII. – С. 311–316.

137. Гессен, В. М. Вопросы местного управления / В. М. Гессен. – Спб.: Юрид. кн. склад «Право»; Типолит. А. Е. Ландау, 1904. – 120 с.

138. Гессен, В. М. Городское самоуправление. Дополнение к курсу государства и права / В. М. Гессен. – Спб., 1912. – 328 с.

139. Гессен, В. М. Губернатор как орган надзора / В. М. Гессен. – Спб.: Лит. Трофимова, 1912. – 216 с.

140. Гермизеева, В. В. Губернская администрация Западной Сибири (1895 – февраль 1917) / В. В. Гермизеева. – Омск: Изд-во Ом. тех. ун-та, 2016. – 180 с.

141. Головачев, П. М. Сибирская областная Дума / П. М. Головачев // Сибирские вопросы. – 1907. – № 14. – С. 1–7.

142. Головачев, П. М. Сибирь, природа, люди, жизнь / П. М. Головачев. – М., 1914. – 176 с.

143. Головачев, П. М. Экономическая география Сибири. Сибирь в Екатерининской комиссии. Этюд по истории Сибири XVIII века / П. М. Головачев. – М.: Тип. В. Ф. Рихтера, 1889. – 127 с.

144. Головнев, А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии) / А. В. Головнев. – Екатеринбург: УрО РАН; «Волот», 2009. – 496 с.
145. Голодников, К. М. Тобольская губерния накануне 300-летней годовщины завоевания Сибири / К. М. Голодников. – Тобольск, 1881. – 192 с.
146. Гольцев, В. А. Законодательство и нравы в России XVIII в. / В. А. Гольцев. – Спб., 1896. – 201 с.
147. Гончаров, Ю. М. Очерки истории города Бийска (вторая половина XIX – начало XX в.) / Ю. М. Гончаров, А. В. Литягина. – Барнаул: Азбука, 2009. – 276 с.
148. Гончаров, Ю. М. Очерки истории города Тары XVI – начала XX вв. / Ю. М. Гончаров, А. Р. Ивонин. – Барнаул: Азбука, 2010. – 256 с.
149. Горская, Н. А. Русская феодальная деревня в историографии XX века / Н. А. Горская. – М., 2006. – 365 с.
150. Горюшкин, Л. М. Место Сибири в составе России в период капитализма / Л. М. Горюшкин // Исторический опыт освоения Сибири. – Новосибирск, 1968. – С. 37–50.
151. Горюшкин, Л. М. Так начинался Новосибирск / Л. М. Горюшкин, Г. А. Бочанова. – Новосибирск: Запад.-Сибир. книж. изд-во, 1983. – 175 с.
152. Горюшкин, Л. М. Историография России дооктябрьского периода (конец XVII – начало XX в.) / Л. М. Горюшкин, Н. А. Миненко. – Новосибирск: НГУ, 1984. – 317 с.
153. Государственные и общественные структуры в Сибири: взаимодействие и конфликты (XVII – начало XX вв.) / Д. А. Ананьев и др.; отв. ред. М. В. Шиловский. – Новосибирск: Параллель, 2014. – 244 с.
154. Готье, Ю. В. История областного управления от Петра I до Екатерины II: в 2 т. / Ю. В. Готье. – М.; Л.: Имп. о-во истории древностей Рос. при Моск. ун-те, 1913. – Т. 1. – 472 с.
155. Готье, Ю. В. История управления России XVIII в. до учреждения о губерниях 7 ноября 1775 г. Ист.-юр. исслед. / Ю. В. Готье. – М., 1876. – Ч. 1. – 220 с.

156. Градовский, А. Д. Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуроры / А. Д. Градовский. – Спб., 1866. – 304 с.

157. Градовский, А. Д. Исторический очерк учреждения генерал-губернаторств в России / А. Д. Градовский // Собр. соч. – Спб., 1899. – Т. 1. – 437 с.

158. Градовский, А. Д. История местного управления в России / А. Д. Градовский. – Спб., 1868. – 527 с.

159. Градовский, А. Д. Начала русского государственного права: в 3 ч. Ч. 3: Органы местного управления / А. Д. Градовский // Собр. соч.: в 9 т. – Спб.: Тип. М. Стасюлевича, 1881. – Т. 2. – 580 с.

160. Григорьев, В. А. Реформа местного управления при Екатерине II: (Учреждение о губерниях 7 ноября 1775 г.) / В. А. Григорьев. – Спб.: Русская скоропечатня, 1910. – 387 с.

161. Гриценко, Н. В. К вопросу об управлении делами «общественного презрения» в Тобольской губернии // Пробл. истории местного управления Сибири конца XVI – начала XX веков / Н. В. Гриценко: матер. научн. конф. – Новосибирск, 1999. – С. 30–36.

162. Громько, М. М. Западная Сибирь в XVIII веке. Русское население и земледельческое освоение / М. М. Громько. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1965. – 267 с.

163. Громько, М. М. К характеристике сибирского дворянства XVIII в. / М. М. Громько // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма): сб. ст. – М., 1973. – С. 350–363.

164. Гурьев, Н. А. Сибирские чиновники былого времени / Н. А. Гурьев // Дорожник по Сибири и Азиатской России. – Томск, 1901. – Кн. 1. – С. 76–80; Кн. 2. – С. 48–57; Кн. 3. – С. 31–38; Кн. 4. – С. 67–70; Кн. 5. – С. 20–34; Кн. 6. – С. 25–35; Кн. 8. – С. 37–40.

165. Гурьев, Н. А. Тобольская губерния в ее прошлом и настоящем / Н. А. Гурьев // Дорожник по Сибири и Азиатской России. – Томск, 1900. – Кн. 5. – С. 1–13.

166. Дамешек, И. Л. Имперская география генерал-губернаторской власти в России: от Александра I до Николая II / И. Л. Дамешек // Извест. Иркут. гос. ун-та. – Сер.: История. – 2016. – Т. 15. – С. 15–21.

167. Дамешек, И. Л. Сибирские губернаторы: региональные особенности функционирования / И. Л. Дамешек // Иркутску 350 лет – история и современность: матер. Всерос. науч.-практ. конф. «Сибирские чтения». – Иркутск, 2011. – С. 114–119.

168. Дамешек, И. Л. Региональная власть и общественность Сибири / И. Л. Дамешек – Иркутск, 2007. – 347 с.

169. Дамешек, И. Л. Российская империя и окраины: типология и региональные особенности / И. Л. Дамешек // Сб. науч. тр. исследователей, аспирантов и соискателей. – Сер.: История. – Иркутск, 2006. – С. 67–73.

170. Дамешек, И. Л. Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX – начало XX вв.) / И. Л. Дамешек. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2005. – 264 с.

171. Дамешек, И. Л. Соотношение имперских принципов и регионализма в Российском законодательстве / И. Л. Дамешек // Гуманитарные науки в Сибири. – 2003. – № 2. – С. 53–55.

172. Дамешек, И. Л. Генерал-губернаторы Азиатской России как институт власти и его особенности / И. Л. Дамешек // Проблемы истории местного управления Сибири в XVI–XXI вв.: матер. V Всерос. науч. конф.– Новосибирск, 2003. – Ч. 1. – С. 38–41.

173. Дамешек, И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма (компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.) / И. Л. Дамешек. – Иркутск: Оттиск, 2002. – 207 с.

174. Дамешек, И. Л. Преобразования 1822 г. в Сибири / И. Л. Дамешек // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность: подготовительные матер. ко Второй Междунар. научн.-практ. конф. 11–14 августа 1997 г. – Иркутск, 1996. – С. 65–76.

175. Дамешек, И. Л. Преобразования 1822 г. в Сибири / И. Л. Дамешек // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность: Подготов. матер. ко Второй Междунар. науч.-практ. конф. 11–14 августа 1997 г. – Иркутск, 1996. – С. 65–76.

176. Дамешек, Л. М. Местное самоуправление бурят в XIX – начале XX в.: от степных дум к волостным правлениям / Л. М. Дамешек, Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас // Извест. Иркут. гос. ун-та. – Сер.: История. – 2018. – Т. 23. – С. 22–35.

177. Дамешек, Л. М. Сибирские реформы М. М. Сперанского 1822 г.: опыт административного регулирования интересов центра и региона / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек, Т. А. Перцева. – Иркутск: Из-во Иркут. гос. ун-та., 2017. – 339 с.

178. Дамешек, Л. М. Иркутск в 1917 г. Очерки политической истории города / Л. М. Дамешек. – Иркутск: Оттиск, 2017. – 544 с.

179. Дамешек, Л. М. Закон о крестьянских и «инородческих» начальниках в Сибири: обсуждение и разработка / Л. М. Дамешек // Гуманитарные науки в Сибири – 2016 – Т. 23, № 1. – С. 58–63.

180. Дамешек, Л. М. Деятельность губернаторов Восточной Сибири в сфере развития народного просвещения в XIX – начале XX в. / Л. М. Дамешек // Вест. Том. гос. ун-та. – 2016. – № 405. – С. 64–69.

181. Дамешек, Л. М. Ясак в Сибири в XVIII – начале XX веков / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек. – Иркутск: Изд-во ИГУ 2014. – 302 с.

182. Дамешек, Л. М. История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в.: монография / Л. М. Дамешек, Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас; отв. ред. Б. В. Базаров. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. – 503 с.

183. Дамешек, Л. М. Сибирь в империи – империя в Сибири: этнический фактор в окраинной политике Российской империи / Л. М. Дамешек // Вест. Бурят. науч. центра Сиб. отд-ния Рос. Акад. наук. – 2012. – № 4 (8). – С. 124–130.

184. Дамешек, Л. М. Сибирь в системе имперского регионализма. (1822–1917 гг.) / Л. М. Дамешек // Palmarium Akademik Publishing is a trademark of: LAP LAMBERT Akademik Publishing GmbH & Co. KG Heinrich – Bochkinh – Str.8, 66121 Saarbruchkn, Germanu. 2012. – 441 с.

185. Дамешек, Л. М. Российские окраины в имперской административной системе: принципы управления / Л. М. Дамешек // Извест Иркут. гос. ун-та. – Сер.: История. – 2009. – № 1. – С. 32–46.

186. Дамешек, Л. М. М. М. Сперанский: сибирский вариант имперского регионализма (К 180-летию сибирских реформ М. М. Сперанского) / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек, Т. А. Перцева, А. В. Ремнев. – Иркутск, 2003. – 264 с.

187. Дамешек, Л. М. Россия и народы Сибири: организация управления и административные реформы в XIX в. / Л. М. Дамешек // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: История и современность: докл. Междунар. науч.-практ. конф., 12–15 окт. 1995 г. – Иркутск, 1995. – Кн. 1. – С. 215–218.

188. Дамешек, Л. М. Историография и источниковедение истории народов Сибири эпохи капитализма / Л. М. Дамешек. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. – 84 с.

189. Дамешек, Л. М. Крестьянские начальники Иркутской губернии (1898–1917) / Л. М. Дамешек, Г. В. Оглезнева // Политика самодержавия в Сибири XIX – начала XX века. – Иркутск, 1988. – С. 21–35.

190. Дамешек, Л. М. Материалы жандармских ревизий 1828–1832 гг. как источник изучения деятельности сибирского аппарата управления / Л. М. Дамешек, С. В. Кодан, А. В. Шавров // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. – Новосибирск, 1988. – С. 84–95.

191. Дамешек, Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX в.) / Л. М. Дамешек. – Иркутск, 1986. – 235 с.

192. Дацышен, В. Г. История российско-китайских отношений в конце XIX – начале XX вв.: монография / В. Г. Дацышен. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 593 с.
193. Дацышен, В. Г. Китайцы в Сибири в XVII–XX вв.: проблемы миграции и адаптации / В. Г. Дацышен. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2008. – 327 с.
194. Дацышен, В. Г., Зиновьев В. П., Лысенко Ю. А. и др. Очерки истории освоения и изучения Северной Азии. / Отв. редактор В.П. Зиновьев. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2019. – 340 с.
195. Дацышен, В. Г. Саянский рубеж. Южная часть Приенисейского края и русско-тувинские отношения в 1616–1911 гг.: монография / В. Г. Дацышен. – М.; Берлин: Директ-Медиа, 2014. – 309 с.
196. Демидова, Н. Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII–XVIII вв. / Н. Ф. Демидова // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). – М., 1964. – С. 205–210.
197. Демидова, Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма / Н. Ф. Демидова. – М.: Наука, 1987. – 186 с.
198. Дитятин, И. Устройство и управление городов в России / И. Дитятин. – Спб., 1875. – Т. 1. – 555 с.
199. Диулина, О. А. Основные социально-правовые характеристики обычного права народов как факторы его интеграции в правовую систему Российской Империи (XVII–XIX вв.) / О. А. Диулина // Genesis: исторические исследования. – 2018. – № 1. – С. 10–19.
200. Дмитриенко, Н. М. Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX века: управление, экономика, население / Н. М. Дмитриенко. – Томск: Изд-во ТГУ, 2000. – 284 с.
201. Дмитриенко, Н. М. Управление Томском в период капитализма / Н. М. Дмитриенко // Из истории Томской области. – Томск, 1988. – С. 62–72.

202. Долидович, О. М. Эволюция общественных настроений в Енисейской губернии (1914–1917 гг.) / О. М. Долидович // Сибирские исторические исследования. – 2017. – № 3. – С. 175–191.

203. Доржу, З. Ю. Теория и методология истории: учебное пособие / З. Ю. Доржу, М. Д. Северьянов; Тыв. гос. ун-т. – Кызыл: Изд-во Тыв. ун-та (ТывГУ), 2008. – 159 с.

204. Еремина, Л. А. Органы городского самоуправления Томска в конце XIX – начале XX века (социальный состав, структура) / Л. А. Еремина // Вест. НГУ. – Сер.: История, филология. – 2011. – Т. 10, вып. 1. – С. 69–73.

205. Еремян, В. В. Местное самоуправление в России (XVII – начало XX вв.) / В. В. Еремян, М. В. Федоров. – М.: Новый Юрист, 1998. – 176 с.

206. Ермолаев, А. Н. Уездный Мариинск 1856–1917 гг. / А. Н. Ермолаев. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – 741 с.

207. Ерошкин, Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России / Н. П. Ерошкин. – М.: Высш. шк., 1983. – 352 с.

208. Ерошкин, Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты / Н. П. Ерошкин. – М.: Мысль, 1981. – 252 с.

209. Ерошкин, Н. П. Местные государственные учреждения дореволюционной России (1800–1860 гг.) / Н. П. Ерошкин; Моск. гос. ист.-архив. ин-т. – М.: Высш. шк., 1985. – 98 с.

210. Жабеева, Л. Б. История местного самоуправления / Л. Б. Жабеева // Вест. Бурят. науч. центра Сиб. отд-ния Рос. акад. наук. – 2013. – № 2 (10). – С. 257–260.

211. Жеравина, А. Г. Законодательство дореформенной России как источник для определения природы кабинетского землевладения в Сибири / А. Г. Жеравина // Проблемы источниковедения истории Сибири. – Барнаул, 1992. – С. 70–85.

212. Жеравина, А. Н. Кабинетское хозяйство в Сибири (1747–1861 гг.) / А. Н. Жеравина; ред. В. П. Зиновьев. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – 324 с.

213. Жеравина, А. Г. Управление приписными крестьянами Алтая во второй половине XVIII века / А. Г. Жеравина // Из истории Сибири. – Томск, 1974. – Вып. 13: Некоторые вопросы истории крестьянства Сибири. – С. 185–198.

214. Зайончковский, П. А. Кризис самодержавия на рубеже 70–80 гг. XIX в. / П. А. Зайончковский. – М.: Изд-во МГУ, 1964. – 512 с.

215. Зайончковский, П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. / П. А. Зайончковский. – М.: Мысль, 1978. – 288 с.

216. Зибарев, В. А. Юстиция у малых народов Севера (XVII–XIX вв.). / В. А. Зибарев. – Томск, 1990. – 208 с.

217. Зиннер, Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века / Э. П. Зиннер. – Иркутск: Вост.-Сиб. книж. изд-во, 1968. – 250 с.

218. Зиновьев, В. П. Г. Н. Потанин как друг азиатских народов / В. П. Зиновьев // Вест. Том. гос. ун-та. История. – 2011. – № 2. – С. 34–36.

219. Зиновьев, В. П. Региональные центры управления в России (на примере Томска, Омска и Иркутска) / В. П. Зиновьев // Извест. Иркут. гос. ун-та. – Сер.: История. – 2017. – Т. 21. – С. 68–71.

220. Зиновьев, В. П., Фоминых С.Ф. Сибирь как стратегический ресурс России в период Первой мировой войны / В. П. Зиновьев, С. Ф. Фоминых // Русин. – 2014. – № 3 (37). – С. 48–61.

221. Зиновьев, В. П. Традиции самоуправления и народного представительства в России / В. П. Зиновьев // Вест. Том. гос. ун-та. – История. – 2013. – № 5 (25). – С. 6–8.

222. Зиновьев, В. П. Очерки социальной истории индустриальной Сибири. XX – нач. XIX в. / В. П. Зиновьев. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. – 336 с.

223. Зиновьев, В. П. Октябрьские события 1905 г. в Томске / В. П. Зиновьев // Революция 1905–1907 годов и общественное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. – Омск, 1995. – С. 86–93.

224. Зубов, В. Е. Крестьянский аспект демографического поведения дореформенной сибирской бюрократии / В. Е. Зубов, В. В. Рабцевич // Социально-демографическое развитие сибирской деревни в досоветский период: межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск, 1987. – С. 32–43.

225. Зубов, В. Е. Уровень квалификации и способы подготовки кадров государственных служащих Сибири конца XVIII – первой половины XIX вв. / В. Е. Зубов // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI–XX веков: матер. науч. конф. – Новосибирск, 1999. – С. 43–48.

226. Зубов, В. Е. Численность и социальная роль местной администрации в городе и деревне Сибири (конец XVIII – перв. половины XIX в.) / В. Е. Зубов, В. В. Рабцевич // Город и деревня Сибири досоветского периода в их взаимосвязи: межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск, 1988. – С. 30–48.

227. Зуев, А. С. Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI – начале XVIII в. / А. С. Зуев, П. С. Игнаткин, В. А. Слугина; Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2017. – 444 с.

228. Зуев, А. С. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. / А. С. Зуев; Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 2002. – 330 с.

229. Иванов, А. А. Забайкальская периферия на переломе эпох (1880–1920-е гг.) / А. А. Иванов, Л. В. Кальмина, Л. В. Курас. – Иркутск: Оттиск, 2012. – 300 с.

230. Ивановский, В. В. Административное устройство наших окраин / В. В. Ивановский. – Казань, 1891. – 48 с.

231. Игнатьева, М. Н. Управление и суд в Сибири во второй половине XIX в. / М. Н. Игнатьева. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1995. – 67 с.

232. Из истории Омска (1716–1917 гг.). Очерки, документы, материалы. – Омск: Зап.-Сиб. книж. изд-во, 1967. – 222 с.

233. Иллюстрированная история Красноярья (XVI – начало XX века) / В. А. Безруких, Г. Ф. Быконя, В. И. Федорова. – Красноярск, 2015. – 240 с.

234. Иркутский край. Четыре века. История Иркутской губернии (области). XVII–XXI вв. / под ред. Л. М. Дамешека. – Иркутск: Востсибкнига, 2012. – 800 с.

235. История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. / гл. ред. А. П. Окладников. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968–1969. – Т. 1: Древняя Сибирь. – 460 с.; Т. 2: История Сибири с древнейших времен до наших дней. – 458 с.; Т. 3: Сибирь в эпоху капитализма. – 511 с.; Т. 4: Сибирь в период строительства социализма. – 504 с.; Т. 5: Сибирь в период завершения строительства социализма и перехода к коммунизму. – 455 с.

236. История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX века / под ред. М. В. Шиловского. – Новосибирск: Сова, 2006. – 352 с.

237. История Тувы: в 2 т. / под общ. ред. С. И. Вайнштейна, М. Х. Маннай-оола. – 3-е изд. Новосибирск: Наука, 2015. – Т. 1. – 367 с.

238. История Хакасии с древнейших времен до 1917 г. / под ред. Л. Р. Кызласова. – М.: Восточная литература, Наука, 1993. – 528 с.

239. Ищенко, О. В. Управление образованием в Западной Сибири в XIX – начале XX вв. / О. В. Ищенко // Теория и практика государственного и муниципального управления. – Тюмень, 2010. – С. 24–30.

240. Кабузан, В. М. Материалы ревизий как источник по истории населения России XVIII – первой половины XIX в. (1718–1858) / В. М. Кабузан // История СССР. – 1959. – № 5. – С. 128–140.

241. Кабузан, В. М. Народы России в первой половине XIX в.: Численность и этнический состав / В. М. Кабузан. – М.: Наука, 1992. – 230 с.

242. Кабузан, В. М. Численность и состав городского населения Сибири в 40–80-х гг. XVIII в. / В. М. Кабузан, С. М. Троицкий // Освоение

Сибири в эпоху феодализма (XVII–XIX вв.). – Новосибирск, 1968. – С. 165–177.

243. Казанцев, В. П. Русская Маньчжурия: опыт освоения и управления (1890-е годы – 1905 год) / В. П. Казанцев, Я. Л. Сологуб. – СПб., 2012. – 267 с.

244. Казарин, В. Н. Эволюция понятия «Сибирь» в научной и публицистической литературе 1920-х годов XX в. / В. Н. Казарин // Извест. Иркут. гос. ун-та. – 2012. – № 2 (3), ч. 1. – С. 105–110.

245. Каменский, А. Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII в. (опыт целостного анализа) / А. Б. Каменский. – М.: РГГУ, 2001. – 575 с.

246. Каменский, А. Б. Российская империя в XVIII веке: Традиции и модернизация / А. Б. Каменский. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – 328 с.

247. Камынин, В. Д. Губернаторы и города Сибири: к оценке конфликтности взаимодействия (1870–1917) / В. Д. Камынин, А. Б. Храмцов // Былые годы. – 2017. – № 44 (2). – С. 542–550.

248. Карнович, Е. П. Очерки наших порядков административных, судебных и общественных / Е. П. Карнович. – СПб.: Типография Скарятин, 1873. – 260 с.

249. Карпинский, В. Крестьянские начальники в Сибири / В. Карпинский // Сибирские вопросы. – 1909. – № 41. – С. 18–26.

250. Карчаева, Т. Г. Губернаторы Енисейской губернии (социальный портрет сибирского чиновничества) / Т. Г. Карчаева // Извест. Иркут. гос. ун-та. Сер.: История. – 2014. – Т. 7. – С. 44–50.

251. Карчаева, Т. Г. Енисейская губернская администрация: численность и состав (1822–1917 гг.) / Т. Г. Карчаева. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. – 252 с.

252. Карчаева, Т. Г. Енисейский вице-губернатор из рода князей Урусовых: к биографии чиновника конца XIX – начала XX в. / Т. Г. Карчаева // Общество: философия, история, культура. – 2016. – № 1. – С. 60–62.

253. Карчаева, Т. Г. Книжное собрание Г. В. Юдина как исторический источник изучения сибирского чиновничества XIX в. / Т. Г. Карчаева // VIII Юдинские чтения: матер. Междунар. научн.-практ. конф.: в 2 ч. / Гос. универ. науч. библиотека Краснояр. края. – Красноярск, 2015. – С. 70–74.

254. Карчаева, Т. Г. Привилегии государственной службы в Енисейской губернии: исторический аспект (1822–1917) / Т. Г. Карчаева // Вест. Краснояр. гос. аграрного ун-та. – 2012. – № 4. – С. 229–236.

255. Карчаева, Т. Г. Социальные ограничения доступа в органы государственной власти в XIX – первой трети XX вв. (на материалах Приенисейского края) / Т. Г. Карчаева // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2016. – № 4 (26). – С. 85–90.

256. Карчаева, Т. Г. Социокультурный портрет чиновников Енисейской губернии (1822–1917 гг.) / Т. Г. Карчаева // Гуманитар. науки и образование. – 2016. – № 1 (25). – С. 135–139.

257. Карчаева, Т. Г. Управленцы «особых» ведомственных учреждений енисейской губернской администрации: социальный состав сибирского чиновничества / Т. Г. Карчаева // Гуманитарные науки в Сибири. – 2013. – № 2. – С. 100–103.

258. Келле, В. Ж. Теория и история (Проблемы теории исторического процесса) / В. Ж. Келле, М. Я. Ковальзон. – М.: Политиздат, 1981. – 290 с.

259. Кизеветтер, А. А. Городовое положение Екатерины II 1785 г.: Опыт ист. коммент. / А. А. Кизеветтер. – М.: Тип. Имп. Моск. ун-та, 1909. – 473 с.

260. Кизеветтер, А. А. Местное самоуправление в России / А. А. Кизеветтер. – М., 1910. – 155 с.

261. Кирилов, И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства / И. К. Кирилов. – М.: Наука, 1977. – 444 с.
262. Кирьяков, В. В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь / В. В. Кирьяков. – М., 1902. – 371 с.
263. Клер, Л. С. Органы управления горнорудной промышленностью Восточного Забайкалья в XVIII– начале XX в. / Л. С. Клер // Государственно-правовые институты самодержавия в Сибири. – Иркутск, 1982. – С. 9–21.
264. Клочков, М. В. Население России при Петре Великом по переписям того времени / М. В. Клочков. – Спб.: Сенат. тип., 1911. – Т. 1: Переписи дворов и населения (1678–1721). – 435 с.
265. Ключевский, В. О. Сочинения: в 9 т. Ч. V: Курс русской истории / В. О. Ключевский. – М., 1989. – Т. 5. – 458 с.
266. Кодан, С. В. М. М. Сперанский и кодификация сибирского законодательства / С. В. Кодан // Политика самодержавия в Сибири XIX – начала XX века. – Иркутск, 1988. – С. 114–123.
267. Кодан, С. В. Ссылка и колонизация Сибири в 1820–1850-х годах (политико-правовой аспект) / С. В. Кодан // Экономическая политика царизма в Сибири в XIX – нач. XX века. – Иркутск, 1984. – С. 110–119.
268. Кожухов, Ю. В. Крестьянская колонизация Восточной Сибири и переселенческая политика царизма в первой половине XIX в. / Ю. В. Кожухов // Научные доклады высшей школы. Ист. науки. – 1958. – № 3. – С. 52–62.
269. Кожухов, Ю. В. Русские крестьяне Восточной Сибири в первой половине XIX века (1800–1861 гг.) / Ю. В. Кожухов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1967. – 384 с.
270. Козлов, В. И. Этническая общность // Советская историческая энциклопедия / В. И. Козлов; под ред. Е. М. Жукова. – М.: Советская энциклопедия. 1976. – Т. 16: Чжан Вэнь-Тянь – Яштух. Стб. 641–670.

271. Колесников, А. Д. Определение численности населения по итогам ревизий и на промежуточные даты / А. Д. Колесников // Проблемы исторической демографии СССР. – 1982. – Вып. 2. – С. 43–55.

272. Колесников, А. Д. Особенности русской колонизации Сибири / А. Б. Колесников // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем: тез. докл. Всесоюз. науч. конф. – Новосибирск, 1981. – Вып. 3: История и культура народов Сибири. – С. 85–87.

273. Колесников, А. Д. Темпы и источники роста населения Западной Сибири в XVIII–XIX вв. / А. Д. Колесников // Материалы по истории Сибири. Сибирь периода феодализма. – Новосибирск: Наука, 1968. – Вып. 3: Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII–XIX вв.). – 247 с.

274. Коллюпанов, Н. П. Очерк внутреннего управления в России при императрице Екатерине II / Н. П. Коллюпанов // Русская мысль. – 1882. – № 2. – С. 97–99.

275. Комлева, Е. В. Государственная политика и частная инициатива в области освоения северо-востока России в конце XVIII – первой половине XIX в. / Е. В. Комлева // Гуманитарные науки в Сибири. – 2014. – № 4. – С. 32–36.

276. Конев, А. Ю. О включении ясачных в сословие государственных крестьян (на материалах Западной Сибири) / А. Ю. Конев // Вест. ТГПУ. – 2007. – Вып. 3 (66). – С. 11–16.

277. Коновалов, И. А. Крестьянская община как предмет государственно-правового и муниципально-правового регулирования в Сибири в дореволюционный период / И. А. Коновалов // Вест. Ом. гос. ун-та. – Сер.: Право. – 2014. – № 3 (40). – С. 13–20.

278. Коновалов, И. А. Структура муниципальных органов Западной Сибири по Городовому положению 1870 г. / И. А. Коновалов, Б. Б. Шиманис // Вест. Ом. гос. ун-та. – 2009. – № 2 (19). – С. 23–28.

279. Коновалов, И. А. Управление и административно-территориальное устройство Сибири в дореволюционный период /

И. А. Коновалов, Е. А. Шаталин // Вест. Ом. гос. ун-та. – Сер.: Право. – 2013. – № 2 (35). – С. 21–27.

280. Коновалов, И. А. Управление и административно-территориальное устройство Сибири в XVIII в. / И. А. Коновалов // Вест. Ом. гос. ун-та. – Сер.: Право. – 2012. – № 4 (33). – С. 15–19.

281. Копылов, А. Н. Управление и политика царизма в Сибири в период феодализма / А. Н. Копылов // Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода. – Новосибирск: Наука, 1971. – С. 102–111.

282. Корф, М. Жизнь графа Сперанского / М. Корф. – Спб., 1861. – Т. 2. – 326 с.

283. Крадин, Н. Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики) / Н. Е. Крадин. – Владивосток: Дальнаука, 1992. – 240 с.

284. Крадин, Н. Н. Социальная структура хунну Забайкалья / Н. Н. Крадин, С. В. Данилов, П. Б. Коновалов. – Владивосток: Дальнаука, 2004. – 106 с.

285. Красняков, Н. И. Имперский фактор в государственном управлении России XVIII – начала XX в. / Н. И. Красняков. – М.: Nota bene, 2011. – 374 с.

286. Красняков, Н. И. Интеграция власти-территорий-населения в имперской России / Н. И. Красняков // Развитие территорий. – 2017. – № 2 (8). – С. 9–13.

287. Красняков, Н. И. Оптимизация властеотношений в Сибири по реформе 1822 года / Н. И. Красняков // Вест. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2016. – Т. 15, № 1. – С. 72–84.

288. Красняков, Н. И. Проблематика имперского периода России в трудах историков права / Н. И. Красняков // Genesis: исторические исследования. – 2015. – № 3. – С. 27–42.

289. Краткий очерк Алтайского округа ведомства Кабинета Его Императорского Величества / сост. М. И. Струков. – Спб.: Тип. гл. упр. уделов, 1896. – 78 с.

290. Крестьянников, Е. А. Судебная реформа 1864 г. в Западной Сибири / Е. А. Крестьянников. – Тюмень: ИПЦ «Экспресс», 2009. – 270 с.

291. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма / ред. Л. М. Горюшкин. – Новосибирск: Наука, 1983. – 398 с.

292. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма / А. П. Окладников, Н. Н. Покровский, А. В. Дулов и др.; редкол.: А. П. Окладников (отв. ред.) и др. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1982. – 504 с.

293. Крестьянская община Сибири XVII – начала XX вв.: сб. ст. / ред. Л. М. Горюшкин. – Новосибирск: Наука, 1977. – 287 с.

294. Крыжановский, В. Е. О состоянии и изменениях высшего местного управления Восточной Сибири с 1822 по 1887 год / В. Е. Крыжановский // Русский архив. – 1913. – № 7. – С. 17–25.

295. Кудряшев, В. Н. Проблемы формирования национальных государств в интерпретации российских либералов второй половины XIX в. / В. Н. Кудряшов // Вест. Том. гос. ун-та. – 2012. – № 356. – С. 62–68.

296. Кудряшев, В. Н. Концепт русской нации в общественно-политической мысли России второй половины XIX века / В. Н. Кудряшов. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2017. – 391 с.

297. Кузнецов, А. С. Второй Сибирский комитет / А. С. Кузнецов // Политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в. – Иркутск, 1987. – С. 3–21.

298. Курас, Л. В. Сибирь в империи – империя в Сибири: имперские процессы на окраинах России в XVII – начале XX вв. (историография проблемы в трудах профессора Льва Михайловича Дамешека) / Л. В. Курас // Сибирь в империи – империя в Сибири: имперские процессы на окраинах России XVII – начале XX вв.: сб. науч. ст. – Иркутск: Оттиск, 2013. – С. 14–30. – (Азиатская Россия).

299. Курас, Л. В. У истоков бурятской государственности / Л. В. Курас // Вест. Бурят. науч. центра Сиб. отд. Рос. акад. наук. – 2013. – № 2 (10). – С. 18–35.

300. Лаппо, Д. Е. Общественное управление минусинских инородцев: репринт. изд. / Д. Е. Лаппо. – М.: Книга по требованию, 2012. – 73 с.
301. Лаппо, Д. Е. Степное право и имперский закон / Д. Е. Лаппо. – Томск: Сиб. тов-во печат. дела, 1909. – 91 с.
302. Лен, К. В. «Городовое положение» 1870 г. сквозь призму истории российской провинции / К. В. Лен // Научный диалог. – 2014. – № 5 (29). – С. 6–16.
303. Ленин, В. И. Местное самоуправление как оплот против реакции / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – М., 1967. – Т. 16. – С. 311–317.
304. Ленин, В. И. О государстве. Лекции в Свердловском университете 11 июля 1919 г. / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – Изд. 5-е. – М., 1979. – Т. 39. – С. 239–247.
305. Литягина, А. В. Городское самоуправление Западной Сибири в конце XIX – начале XX века / А. В. Литягина. – Бийск, 2001. – 234 с.
306. Лохвицкий, Л. В. Губерния, ее земские и правительственные учреждения / Л. В. Лохвицкий. – Спб.: А. Ф. Базунов, 1864. – 224 с.
307. Лысенко, Л. М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XIX века) / Л. М. Лысенко. – М.: Изд-во МПГУ, 2001. – 358 с.
308. Любавский, М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века / М. К. Любавский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 688 с.
309. Любичанковский, С. В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в позднеимперской России (на материалах Урала, (1892–1914 гг.) / С. В. Любичанковский. – Самара-Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2007. – 750 с.
310. Любичанковский, С. В. Структурно-функциональный подход к истории местного управления Российской империи / С. В. Любичанковский. – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2005. – 410 с.

311. Макарчук, С. В. Гражданская культура городского населения Сибири: местное самоуправление во второй половине XIX – начале XX вв. / С. В. Макарчук, С. П. Звягин // Вест. Кем. гос. ун-та культ. и искус. – 2015. – № 4 (33-2). – С. 24–32.

312. Макарчук, С. В. Общественно-политическое движение начала XX века в документации музеев и архивов негубернских городов Восточной Сибири / С. В. Макарчук // Вест. Кем. гос. ун-та – 2014. – № 3–2 (59). – С. 210–215.

313. Манько, А. В. Блюстители верховной власти: Институт губернаторства в России / А. В. Манько. – М.: Аграф, 2004. – 247 с.

314. Маркова, И. Б. Вопросы организации управления Сибирью периода позднего феодализма в советской историографии / И. Б. Маркова // Вопросы истории Сибири и Алтая. – Барнаул, 1988. – С. 51–63.

315. Маркова, И. Б. Досуг сибирских чиновников первой половины XIX в. / И. Б. Маркова // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири XVIII – начала XIX вв. – Новосибирск, 1985. – С. 41–52.

316. Марченко, В. Г. Система управления сибирскими аборигенами в «Уставе об управлении инородцев» 1822 года / В. Г. Марченко // Археология и этнография Приобья: сб. ст. / ред. Н. В. Лукина. – Томск: Б. м., 1982. – С. 153–164.

317. Матханова, Н. П. Представители власти в записках сибирских казаков второй половины XIX века / Н. П. Матханова // Гуманитарные науки в Сибири. – 2018. – Т. 25, № 1. – С. 107–111.

318. Матханова, Н. П. Между имперской столицей и сибирским социумом: проблема региональной самоидентификации деятелей администрации XIX века / Н. П. Матханова // Изв. Иркут. гос. ун-та. – Сер.: История. – 2017. – Т. 21, № 3. – С. 44–50.

319. Матханова, Н. П. Власть и чиновники в мемуарах сибирского купечества XIX в. / Н. П. Матханова // Сибирские исторические исследования. – 2016. – № 2. – С. 58–75.

320. Матханова, Н. П. Деятельность генерал-губернаторов Восточной Сибири: закон и практика / Н. П. Матханова // Изв. Иркут. гос. ун-та. – Сер.: История. – 2016. – Т. 15. – С. 22–30.

321. Матханова, Н. П. Участие деятелей западносибирской администрации XIX века в освоении северных территорий / Н. П. Матханова // Гуманитарные науки в Сибири. – 2014. – № 4. – С. 28–32.

322. Матханова, Н. П. Поляки на государственной службе в Сибири: проблемы интеграции до и после Январского восстания / Н. П. Матханова // Проблемы российско-польской истории и культурный диалог: матер. Междунар. науч. конф. (Новосибирск, 23–24 апреля 2013 г.). – Новосибирск: Апостроф, 2013. – С. 133–142.

323. Матханова, Н. П. Отношение деятелей администрации Восточной Сибири к Великим реформам / Н. П. Матханова // Гуманитарные науки в Сибири. – 2011. – Вып. 2. – С. 3–7.

324. Матханова, Н. П. Присоединение Амурского края в записках современников / Н. П. Матханова // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2008. – № 2. – С. 7–10.

325. Матханова, Н. П. Мемуары сибирских генерал-губернаторов XIX в. / Н. П. Матханова // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России. XVII – начало XX в. – Новосибирск: РИПЭЛ, 2007 – С. 202–210.

326. Матханова, Н. П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в.: Проблемы социальной стратификации / Н. П. Матханова. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 2002. – 250 с.

327. Матханова, Н. П. Сибирские и тобольские губернаторы: Исторические портреты, документы / Н. П. Матханова. – Тюмень, 2000. – 320 с.

328. Матханова, Н. П. Губернаторские отчеты и жандармские донесения как источник по истории российского провинциального чиновничества середины XIX века / Н. П. Матханова // Источники по русской истории и литературе. Средневековье и Новое время. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. – Вып. XIX. – С. 204–236. – (Археография и источниковедение Сибири).

329. Матханова, Н. П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века / Н. П. Матханова. – Новосибирск: ОИГГМ СО РАН, 1998. – 428 с.

330. Матханова, Н. П. Генерал-губернатор в системе управления Российской империи: закон и практика (на примере Восточной Сибири середины XIX в.) // Проблемы истории местного управления Сибири XVII–XX веков: тез. регион. науч. конф. – Новосибирск, 1996. – С. 33–37.

331. Мамышева, Е. П. Национально-государственное строительство в Южной Сибири в 1917–1941 гг.: история, опыт, проблемы / Е. П. Мамышева. – Абакан: Бригантина, 2011. – 246 с.

332. Мамышева, Е. П. Столыпинская переселенческая политика и создание волостных учреждений в Енисейской губернии (на материалах минусинских инородцев) / Е. П. Мамышева // IV Центральноазиатские исторические чтения. Пространство культур: через призму единства и многообразия: сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф. (г. Кызыл, 20–23 сентября 2018 г.). – Кызыл: Изд-во ТувГУ, 2018. – С. 231–233.

333. Мамышева, Е. П. Хакасия: от Степных дум – к автономии (1822–1930) / Е. П. Мамышева. – Абакан, 2008. – 124 с.

334. Медушевский, А. Н. Утверждение абсолютизма в России / А. Н. Медушевский. – М.: Текст, 1993. – 320 с.

335. Мигунова, Т. Л. Административные реформы Екатерины Великой (Исторические предпосылки и результаты) / Т. Л. Мигунова; Нижегородская академия МВД России. – Нижний Новгород, 2001. – 147 с.

336. Мигунова, Т. Л. Российское общество накануне реформ Екатерины Великой (аспект правового сознания) / Т. Л. Мигунова. – М.: Водолей – XXI век, 2002. – 156 с.

337. Миллер, Г. Ф. Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов. Описание сибирских народов / Г. Ф. Миллер // Этнографические труды. – М.: Памятники исторической мысли, 2009. – 456 с.

338. Миллер, Г. Ф. Описание Сибирского царства / Г. Ф. Миллер. – М., 1998. – 504 с.

339. Миненко, Н.А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX в.) / Н. А. Миненко, Л. М. Горюшкин. – Новосибирск: Наука, 1984. – 317 с.

340. Мирзоев, В. Г. Историография Сибири / В. Г. Мирзоев. – М.: Наука, 1970. – 139 с.

341. Миронов, Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну / Б. Н. Миронов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. Т. 1. – 896 с.; Т. 2. – 912 с.; Т. 3. – 992 с.

342. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. / Б. Н. Миронов. – СПб., 1999. – Т. 2. – 568 с.

343. Михайлов, К. П. Крепостничество в Сибири. Страницы из истории инородческой и крестьянской неволи / К. П. Михайлов // Сиб. сб. 1886. – СПб., 1886. – Кн. 1. – С. 93–137.

344. Могильницкий, Б. Г. История исторической мысли XX века: курс лекций / Б. Г. Могильницкий. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2003. – Вып. II: Становление новой исторической науки. – 178 с.

345. Моллеров, Н. М. Урянхайский вопрос в политической истории России: возникновение и долговременная актуальность / Н. М. Моллекров, В. Д. Март-оол. – Кызыл, 2013. – 244 с.

346. Морякова, О. В. Местное управление в России во второй четверти XIX в. (по материалам сенаторских ревизий) / О. В. Морякова // Вест. Моск. ун-та. – Сер. 8: История. – 1994. – № 6. – С. 36–41.

347. Морякова, О. В. Система местного управления России при Николае I / О. В. Морякова. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 268 с.

348. Москвин, И. С. Воеводы и начальники г. Якутска и их действия / И. С. Москвин // Памятная книжка Якутской области на 1863 г. – Спб: Тип. Якут. обл. статист. комитета, 1864. – С. 165–202.

349. Москвин, И. С. Сибирские сатрапы. 1765–1819. Письмо барона В. Штейнгеля к А. П. Ермолову / И. С. Москвин // Ист. вест. – 1884. (август). – Т. 17. – С. 366–386.

350. Москвитин, Ю. Р. Административно-полицейская политика государства в Сибири во второй половине XIX в. / Ю. Р. Москвитин // Вест. Барнаул. юр. ин-та МВД РФ. – 2008. – № 2(15). – С. 147–149.

351. Мрочек-Дроздовский, П. Н. Областное управление России XVIII века до Учреждения о губерниях 7 ноября 1775 г. / П. Н. Мрочек-Дроздовский. – М.: Университетская типография М. Н. Каткова, 1876. – Ч. 1: Историко-юридическое исследование. – 368 с.

352. Нардова, В. А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х годов XIX в. / В. А. Нардова. – Л.: Наука, 1984. – 255 с.

353. Нардова, В. А. Городское самоуправление в России во второй половине XIX – начале XX вв.: власть и общество / В. А. Нардова. – СПб.: Лики России, 2014. – 568 с.

354. Недбай, Ю. Г. История Сибирского казачьего войска / Ю. Г. Недбай. – Омск: ОмГПУ, 2001. – Т. 1. – 404 с.

355. Немировский, В. Г. Социология. Классические и постнеклассические подходы к анализу социальной реальности / В. Г. Немировский, Д. Д. Невирко, С. В. Гришаев. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2003. – 557 с.

356. Никитина, С. Е. Самоуправление народа саха в Якутской области XVII–XIX вв. в контексте имперской государственности / С. Е. Никитина // Новые исследования Тувы. – 2010. – № 4. – С. 194–207.

357. Никифоров, В. В. Материалы к истории якутского самоуправления / В. В. Никифоров // Якут. жизнь. – 1908. – № 33–34. – С. 3–17.

358. Никулин, В. Н. Крестьянские начальники в Сибири / В. Н. Никулин // Вопросы истории. – 1987. – № 1. – С. 170–175.

359. Новиков, А. Вопросы местного управления / А. Новиков. – Спб., 1906. – 367 с.

360. Новомбергский, Н. Я. По Сибири / Н. Я. Новомбергский. – Спб.: Типография Дома Призрения Малолетних Бедных, 1903. – 350 с.

361. Нольде, А. Э. К истории составления проекта Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири / А. Э. Нольде. – М.: Книга по требованию, 2011. – 21 с.

362. Обзорение главных оснований местного управления Сибири. – Спб., 1841. – 61 с.

363. Огородников, В. Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI–XVIII вв. / В. Огородников. – Иркутск, 1921. – 231 с.

364. Олех, Л. Г. История Сибири: учеб. пособие / Л. Г. Олех. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Ростов н/Д: Феникс; Новосибирск: Сиб. соглашение, 2005. – 360 с.

365. Описание Тобольского наместничества / сост. А. Д. Колесников. – Новосибирск: Наука, 1982. – 320 с.

366. Опыт российских модернизаций XVIII–XX века / В. В. Алексеев, И. В. Побережников, А. С. Сенявский и др.; отв. ред. В. В. Алексеев. – М.: Наука, 2000. – 244 с.

367. Организация самоуправления в Тобольской губернии (вторая половина XIX – начало XX вв.). – Тюмень: ИПШ «Тюмень», 1995. – 186 с.

368. Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае: (Вторая половина XVIII – первая половина XIX в.): Упр. и обсуж. / Т. Н. Соболева, В. Н. Разгон; Упр. арх. дела администрации Алт. края; Алт. гос. ун-т. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. – 255 с.

369. Очерки истории Алтайского края. – Барнаул: Алт. книж. изд-во, 1987. – 448 с.

370. Очерки по истории города Омска / А. П. Толочко, А. В. Ремнев, И. А. Коновалов и др.– Омск, 1997. – Т. 1. – 291 с.

371. Очерки истории народного образования Красноярского края (XVII – начало XXI вв.): монография / Г. Ф. Быконя, В. И. Федорова, С. Н. Ценюга и др.; отв. ред. В. И. Федорова; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. – Красноярск, 2014. – 580 с.

372. Павленко, Н. И. Петр Великий / Н. И. Павленко. – М.: Мысль, 1990. – 591 с.

373. Пажитов, К. А. Городское и земское самоуправление / К. А. Пажитов. – Спб., 1913. – 114 с.

374. Парусов, А. И. К истории местного управления в России в первой четверти XIX столетия / А. И. Парусов // Уч. зап. Горьк. ун-та. – Горький, 1964. – Вып. 72. – Сер.: Историко-филологическая. – Т. 1. – С. 155–226.

375. Парусов, А. И. Ревизия и реформа аппарата управления Сибири в 1819–1822 гг. / А. И. Парусов // Уч. зап. Горьк. ун-та. – Горький, 1964. – Вып. 72. – Сер.: историко-филологическая. – Т. 1. – С. 41–92.

376. Пережогин, А. А. Чиновничество Алтая (1747–1871 гг.): справочник личного состава / А. А. Пережогин. – Барнаул: АЗБУКА, 2012. С. 1–52.

377. Пестражецкий, Д. Заселение окраин / Д. Пестражецкий. – Спб., 1908. – 55 с.

378. Петухова, З. И. Якутская степная Дума / З. И. Петухова. – Якутск: Көмүөл, 2007. – 192 с.

379. Писарькова, Л. Ф. Городовое положение 1870 г. и социальный состав городского управления в губерниях Центрально-Черноземного района / Л. Ф. Писарькова // Буржуазные реформы в России второй половины XIX в. – Воронеж, 1988. – С. 72–81.

380. Писарькова, Л. Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение / Л. Ф. Писарькова. – М.: Новый хронограф, 2012. – 456 с.

381. Писарькова, Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века / Л. Ф. Писарькова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 743 с.

382. Плотникова, М. М. На них держался Иркутск. Городской голова Владимир Сукачев / М. М. Плотникова // Изв. Алт. гос. ун-та. 2009. – № 2–4 (64). С. 164–169.

383. Плотникова, М. М. Роль Иркутской Городской Думы в ходе подготовки распространения на Сибирь земских учреждений / М. М. Плотникова // Изв. Иркут. гос. ун-та. – Сер.: История. 2011. – №. 1. С. 50–58.

384. Плотникова, М. М. Формирование коллективной идентичности в городах Восточной Сибири в конце XVIII – начале XIX вв.: монография / М. М. Плотникова. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. – 191 с.

385. Побережников, И. В. Акторы российской имперской модернизации: региональные кейсы / И. В. Побережников // Азиатская Россия: люди и структуры империи: сб. науч. тр. Ом. гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского. – Омск, 2016. – С. 25–33.

386. Побережников, И. В. Модернизации в истории России: направления и проблемы изучения / И. В. Побережников // Урал. ист. вест. – 2017. – № 4 (57). – С. 36–45.

387. Побережников, И. И. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации / И. И. Побережников. – М.: Роспэн, 2006. – 240 с.

388. Побережников, И. В. Россия в XVII – начале XX в.: региональные аспекты модернизации / И. В. Побережников. – Екатеринбург: УрО РАН, 2006. – 344 с.
389. Побережников, И. В. Russian Imperial modernization: the general and the specific / И. В. Побережников // Былые годы: рос. ист. журнал. – 2016. – № 41 – 1 (3). – С. 867–873.
390. Пожигайло, П. А. Столыпинская программа преобразования России / П. А. Пожигайло. – М: РОССПЕН, 2007. – 239 с.
391. Покшишевский, В. В. Заселение Сибири (историко-географический очерк) / В. В. Покшишевский. – Иркутск, 1951. – 207 с.
392. Постовой, Н. В. Местное самоуправление: история, теория, практика / Н. В. Постовой. – М., 1995. – 189 с.
393. Потанин, Г. Н. В чем еще нуждается Сибирь: (Автору Ожидания реформы в Сибири) / Г. Н. Потанин // Камско-Волжская газета. – 1873. – № 142. – 5 декабря. – С. 2–3.
394. Потанин, Г. Н. Где наш рынок сырья? (В Сибири) / Г. Н. Потанин // Неделя (Спб.). – 1872. – № 39/40. – С. 11–39.
395. Потанин, Г. Н. Заметки о Западной Сибири / Г. Н. Потанин // Русское слово. – 1860. – № 9, отд. 1. – С. 189–214.
396. Потанин, Г. Н. Материалы для истории Сибири / сост. Г. Н. Потанин. – М.: Изд. О-ва истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1867. – 324 с.
397. Потанин, Г. Н. Мысли о завоевании Сибири Ермаком / Г. Н. Потанин // Тобольские губернские ведомости. Неофициальная часть. – 1858. – № 44 (ноябрь). – С. 658–659.
398. Потанин, Г. Н. Объединение областей / Г. Н. Потанин // Камско-Волжская газета. – 1874. – № 8. – 18 января. – С. 3.
399. Потанин, Г. Н. Путешествие на озеро Зайсан (зимой 1863–1864 г.) / Г. Н. Потанин // Записки РГО. – Спб., 1867. – Т. 1. – С. 429–462.

400. Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XX в.: сб. матер. VII Всерос. науч. конф. / отв. ред. В. И. Шишкин. – Новосибирск: Нонпарель, 2011. – 279 с.

401. Прутченко, С. М. Сибирские окраины. Областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства: ист.-юрид. очерки: в 2 т. / С. М. Прутченко. – Спб., 1899. – 401 с.

402. Пузанов, В. Д. Военная служба крестьян Сибири в XVII–XVIII вв. / В. Д. Пузанов // Вопросы истории. – 2014. – № 2. – С. 91–99.

403. Рабцевич, В. В. К вопросу о социальном составе сибирской администрации в 80-х годах XVIII – первой четверти XIX в. / В. В. Рабцевич // Матер. науч. конф., посвящ. 100-летию Tobol. историко-архитектурного музея-заповедника. – Свердловск, 1975. – С. 50–72.

404. Рабцевич, В. В. Крестьянская община в системе местного управления Западной Сибири (1775–1825 гг.) / В. В. Рабцевич // Крестьянская община в Сибири, XVII – начала XX вв. – Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ин-т, 1977. – С. 3–27.

405. Рабцевич, В. В. Местный аппарат управления Западной Сибири и градостроительство в последней четверти XVIII – первой четверти XIX столетий / В. В. Рабцевич // Изв. Сиб. отд. АН СССР. – 1970. – № 6. – Сер. общественных наук. – Вып. 2. – С. 26–31.

406. Рабцевич, В. В. Политика абсолютизма по отношению к городам Западной Сибири в 80-х годах XVIII – первой четверти XIX в. / В. В. Рабцевич // Города Сибири: Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период: сб. ст. / отв. ред. О. Н. Вилков. – Новосибирск, 1974. – С. 186–203.

407. Рабцевич, В. В. Сибирский город в дореформенной системе управления / В. В. Рабцевич. – Новосибирск: Наука, 1984. – 197 с.

408. Развитие русского права второй половины XVII–XVIII вв. / сост. Е. А. Скрипилев, А. А. Преображенский, В. М. Клеандрова и др.; отв. ред. Е. А. Скрипилев. – М.: Наука, 1992. – 307 с.

409. Рафиенко, Л. С. Инструкция сибирскому губернатору 1741 г. / Л. С. Рафиенко // Археографический ежегодник за 1973 год. – М., 1974. – С. 51–70.

410. Рафиенко, Л. С. Компетенция сибирского губернатора в XVIII веке / Л. С. Рафиенко // Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма): сб. ст. памяти чл.-кор. АН СССР В. И. Шункова. – М., 1973. – С. 364–380.

411. Рафиенко, Л. С. Проблемы истории управления и культуры Сибири XVIII–XIX вв. / Л. С. Рафиенко. – Новосибирск: ИД Сова, 2006. – 304 с.

412. Резун, Д. Я. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов / Д. Я. Резун, М. В. Шиловский. – Новосибирск: Сова, 2005. – 193 с.

413. Резун, Д. Я. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное / Д. Я. Резун, В. А. Ламин, Т. С. Мамсик, М. В. Шиловский. – Новосибирск, 2001. – 115 с.

414. Резун, Д. Я. О работе Г. Ф. Миллера над источниками по истории городов Сибири XVII в. / Д. Я. Резун // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. – Новосибирск: Наука, 1982. – С. 142–158.

415. Ремнев, А. В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX вв. / А. В. Ремнев. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2015. – 580 с.

416. Ремнев, А. В. Колонизация азиатской России: имперский и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX вв. / А. В. Ремнев, Н. Г. Суворова. – Омск: Наука, 2013. – 248 с.

417. Ремнев, А. В. Обсуждение в правительственных сферах России вопроса об особых преимуществах государственной службы в Сибири и на

Дальнем Востоке / А. В. Ремнев // Проблемы социально-экономического развития и общественной жизни России. – Омск, 1994. – С. 28–34.

418. Ремнев, А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков / А. В. Ремнев. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1997. – 233 с.

419. Ремнев, А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX века / А. В. Ремнев. – Омск: Изд-во Ом. ун-та, 1995. – 237 с.

420. Ремнев, А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков / А. В. Ремнев. – Омск: Изд-во Ом. ун-та, 1995. – 240 с.

421. Ремнев, А. В. Управление Сибирью и Дальним Востоком в XIX – начале XX вв. / А. В. Ремнев. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1991. – 88 с.

422. Репина, Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л. П. Репина. – М.: Кругъ, 2011. – 560 с.

423. Репина, Л. П. Историческая наука сегодня. Теории, методы, перспективы / Л. П. Репина. – Изд. 2-е. – М.: Изд-во. ЛКИ, 2012. – 608 с.

424. Россия в 1917 году: институциональный ресурс, социальные риски и цивилизационный коллапс / М. О. Орлова, А. В. Иванов, В. П. Рожков, С. А. Данилов и др. – Саратов: ИЦ Наука, 2017. – 860 с.

425. Рощевская, Л. П. Последний осколок приказной системы / Л. П. Рощевская // Вопросы истории. – 1976. – № 12. – С. 203–208.

426. Рощупкина, Е. В. Сибирские реформы М. М. Сперанского / Е. В. Рощупкина // Иркутский историко-экономический ежегодник. – 1999. – Иркутск, 1999. – С. 35–40.

427. Рубинштейн, Н. А. Топографические описания наместничеств и губерний XVIII в. / Н. А. Рубинштейн // Вопросы географии: сб. 31. – М., 1953. – С. 39–89.

428. Румянцев, В. П. Использование теории фронта в сравнительно-исторических исследованиях: итоги и перспективы / В. П. Румянцев, Е. В. Хахалкина // «Славянский мир» Сибири: новые подходы в изучении процессов освоения Северной Азии. – Томск: ТГУ, 2009. – С. 106–126.

429. Румянцев, П. П. Борьба надзирающих за частной промышленностью в Сибири жандармских штаб-офицеров с коррумпированностью волостного крестьянского правления / П. П. Румянцев // Восточно-Европейский научный вестник. – 2017. – № 2 (10). – С. 60–64.

430. Рутц, М. Г. Динамика численности городского населения Западной Сибири в первой половине XIX в. / М. Г. Рутц // Города Сибири XVIII – начала XX в. – Новосибирск, 2001. – С. 10–26.

431. Савельева, И. М. Знание о прошлом: теория и история: в 2 т. / И. М. Савельева, А. В. Полеева. – СПб.: Наука, 2003. – Т. 1: Конструирование прошлого. – 632 с.; 2006. – Т. 2: Образы прошлого. – 751 с.

432. Савельева, И. М. Теория исторического знания / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – СПб.: Алетей; Ист. книга; М.: ГУ ВШУ, 2008. – 523 с.

433. Сафронов, С. А. Пьяный вопрос в России и сухой закон 1914–1925 годов: монография: в 2 т. / С. А. Сафронов. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. – Т. 2. – 546 с.

434. Северьянов, М. Д. К познанию социальной истории России / М. Д. Северьянов. – Красноярск: РГСУ КФ, КрасГАСА, 2006. – 144 с.

435. Северьянов, М. Д. Присяянье на перепутье эпох: люди, события, факты: монография. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. – 579 с.

436. Северьянов, М. Д. Революция как историческое явление: монография / М. Д. Северьянов, Л. Ю. Анисимова. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. – 324 с.

437. Северьянов, М. Д. Россия в конце XIX – начале XX вв.: историографические иллюзии и исторические реалии / М. Д. Северьянов // Духовно-исторические чтения: матер. регион. науч.-практ. конф. Красноярск

– Шира, 28 июня – 5 июля 2014 г. / под ред. М. Д. Северьянова. – Красноярск, 2014. – Вып. XVII – С. 118–127.

438. Северьянов, М. Д. Сибирская доколхозная деревня: землепользование, землеустройство и переселение (1861–1930 гг.): монография / М. Д. Северьянов; Мин-во образования и науки Российской Федерации, Тывинский гос. ун-т. – Кызыл, 2010. – 246 с.

439. Северьянов, М. Д. Современный этнофедерализм: российские проблемы в сравнительной перспективе / М. Д. Северьянов // Центральноазиатские исторические чтения: сб. матер. III Междунар. науч.-практ. конф. (г. Кызыл, 20–21 июня 2014 г.) / ред. З. Ю. Доржу, В. М. Дамдынчап, А. А. Стороженко. – Кызыл: РИО ТувГУ, 2014. – Вып. 3. – С. 181–183.

440. Семенов, Д. Д. Городское самоуправление. Очерки и опыты / Д. Д. Семенов. – Спб., 1901. – 387 с.

441. Сергиенко, В. А. Губернаторы Сибири (1708 – февраль 1917 гг.) в современной региональной историографии / В. А. Сергиенко // 55 лет Кемеровской области: матер. науч.-практ. конф. – Кемерово, 1998. – С. 105–119.

442. Сергиенко, В. А. Проблемы сословно-корпоративной эволюции и социально-правового статуса сибирского чиновничества (1708 – февр. 1917): Традиции отечественной историографии и основные источники / В. А. Сергиенко // Социальные процессы. – Кемерово, 1996. – С. 79–83.

443. Серебренников, И. И. Сибиреведение: конспект лекций по сибиреведению, читанных на кооперативных курсах в г. Харбине, в мае-июне 1920 года. – Харбин: Б. и., 1920. – С. 86–87.

444. Серов, Д. О. Строители империи: Очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I / Д. О. Серов. – Новосибирск, 1996. – 375 с.

445. Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы / под ред. В. В. Коновалова. – Тюмень, 2000. – 576 с.

446. Сибирские переселения: сб. док. / отв. ред. М. В. Шиловский. – Новосибирск: Параллель, 2010. – Вып. 3: Освоение Верхнего Прииртышья во второй половине XVII – начале XX вв. – 276 с.

447. Сибирь: 400 лет польской диаспоры. Ссылки, мученичество и заслуги поляков в освоении Сибири. Исторические очерки. Антология. – М.: МИК, 2015. – 736 с.

448. Сибирь в составе Российской империи / И. Л. Дамешек, Л. М. Дамешек, В. П. Зиновьев, А. В. Ремнев и др. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 368 с.

449. Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. – Спб., 1908. – 300 с.

450. Скопа, В.А. История статистических учреждений Западной Сибири и Степного края в XIX – начале XX в.: монография / В.А. Скопа. – Барнаул: АлтГПУ, 2015. – 411 с.

451. Скубневский, В. А. Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири (90-е гг. XIX в. – февраль 1917 гг.). / В. А. Скубневский – Томск: Изд-во ТГУ, 1991. – 272 с.

452. Словцов, П. А. Историческое обозрение Сибири: в 2 кн. / П. А. Словцов. – Спб., 1886. – Кн. 2. – 286 с.

453. Соболев, М. Н. К вопросу о реформе крестьянского управления в Сибири / М. Н. Соболев // Сибирские вопросы. – 1905. – № 1. – С. 86–99.

454. Соболева, Т. Н. Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.): управление и обслуживание / Т. Н. Соболева, В. Н. Разгон. – Барнаул, 1997. – 326 с.

455. Сорокин, П. А. Социальная и культурная динамика. – М.: Астрель, 2006. – 1176 с.

456. Сорокин, Ю. А. Российский абсолютизм в последней трети XVIII в. / Ю. А. Сорокин. – Омск: Издание ОмГУ, 1999. – 321 с.

457. Сословные и социокультурные трансформации населения Азиатской России (XVII – начало XX века): сб. матер. междунар. науч. конф. – Новосибирск: Параллель, 2014. – 314 с.

458. Старцев, А. В. Сибирь и сопредельные территории: история, историография, методология / А. В. Старцев. – Барнаул: БЮИ МВД России, 2016. – 445 с.

459. Страховский, И. М. Губернское устройство / И. М. Страховский // Журнал Министерства Юстиции. – 1913. – № 8. – С. 107.

460. Страховский, И. М. О волостных писарях / И. М. Страховский // Право. – 1902. – С. 2530–2538.

461. Стрелец, К. Е. Образ Горного Алтая по материалам обследований региона конца XIX – начала XX в. / К. Е. Стрелец // Изв. Алт. гос. ун-та. – 2016. – № 4 (92). – С. 139–143.

462. Суворова, Н. Г. Волость как инструмент интеграции русского и инородческого населения Сибири в конце XVIII – первой половине XIX в. / Н. Г. Суворова // Вест. Тюмен. гос. ун-та. – 2006. – № 2. – С. 160–173.

463. Суворова, Н. Г. Оформление низовой административно-территориальной структуры Сибирского региона Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в. / Н. Г. Суворова // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности: сб. ст. – М., 2001. – С. 345–371.

464. Суворова, Н. Г. Источники по истории организации и правовой регламентации органов самоуправления государственных крестьян Западной Сибири / Н. Г. Суворова // Вест. Ом. гос. ун-та. – 1998. – № 1. – С. 58–61.

465. Сунгуров, П. А. Уездные исправники Тобольской губернии (начало XX в.) / П. А. Сунгуров // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 4. – С. 93–95.

466. Съемщиков, А. Е. Государственная гражданская служба в Сибири в XIX в.: особенности структуры и кадрового обеспечения / А. Е. Съемщиков

// Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2016. – № 4 (38). – С. 47–53.

467. Тихомиров, Л. А. Монархическая государственность / Л. А. Тихомиров. – М.: ГУП «Облиздат», ТОО «Алмир», 1998. – 672 с.

468. Толочко, А. П. Городское самоуправление в Западной Сибири в дореволюционный период: становление и развитие / А. П. Толочко, И. А. Коновалов, Е. Ю. Меренкова, О. В. Чудаков. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2003. – 195 с.

469. Толочко, А. П. Омск в истории русско-казахских экономических, культурных и общественных связей (конец XIX – начало XX вв.) / А. П. Толочко. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2010. – 174 с.

470. Томилов, И. С. Взаимоотношения органов самоуправления и административной власти в городах Тобольской губернии в конце XIX – начале XX вв. / И. С. Томилов // Русская старина. – 2015. – № 14 (2). – С. 108–114.

471. Томилов, И. С. Городское управление и самоуправление в городах Западной Сибири в последней четверти XVIII в. / И. С. Томилов // Рябининские чтения – 2015: матер. VII конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера / Музей-заповедник «Кижы». – Петрозаводск, 2015. – С. 155–157.

472. Томсинов, В. А. Светило российской бюрократии: Исторический портрет М. М. Сперанского / В. А. Томсинов. – М.: Мол. гвардия, 1991. – 336 с.

473. Топчий, А. Т. Управление Томском и губернией в XIX веке / А. Т. Топчий // Томску 375 лет / отв. ред. И. М. Разгон. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1979. – С. 44–52.

474. Трансформация российской политической системы в период революции и гражданской войны: сибирская специфика: сб. науч. ст. / Рос. акад. наук. Сиб. отд., Ин-т истории; науч. ред. В. И. Шишкин. – Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2014. – 219 с.

475. Тригуб, Г. Я. Проблема введения земства на востоке России (конец XIX – начало XX в.) / Г. Я. Тригуб // Вест. Том. гос. ун-та. – 2009. – № 318. – С. 133–135.

476. Троицкий, С. М. Россия в XVIII веке: сб. ст. и публикаций / С. М. Троицкий. – М., 1982. – 253 с.

477. Троицкий, С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии / С. М. Троицкий. – М.: Наука, 1974. – 393 с.

478. Тяпкина, О.А. Малые города Западной Сибири во второй половине XIX в.: социально-экономическое исследование / О.А. Тяпкина – Новосибирск, 2008. – 304 с.

479. Фоминых, Е. Административное управление Сибирью в XIX в. / Е. Фоминых // Югра. – 1995. – № 1. – С 33.

480. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное: сб. ст. / отв. ред. Д. Я. Резун, В. А. Ламин, Т. С. Мамсик. – Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 2001. – Вып. 1. – 113 с.

481. Харусь, О. А. Реорганизация государственной власти в России начала XX века: проекты и рефлексия либеральной интеллигенции Томска (1905 – февраль 1917 гг.) // Вест. Том. гос. ун-та. – 2012. – № 365. – С. 85–92.

482. Хвостов, В. М. Теория исторического процесса: Очерки по философии и методологии истории: курс лекций. – 3-е изд., испр. и знач. доп. – М.: Моск. науч. изд. при Моск. науч. ин-те, 1919. – 392 с.

483. Храмцов, А. Б. Проблемы взаимодействия органов городского самоуправления и полиции в 1867–1917 гг. (на примере Тюмени) / А. Б. Храмцов // Вест. Том. гос. ун-та. История. – 2015. – № 1 (33). – С. 23–28.

484. Храмцов, А. Б. Проблемы формирования органов местного самоуправления в городах Западной Сибири (1870-е гг.) / А. Б. Храмцов // Вест. Том. гос. ун-та. – 2016. – № 410. – С. 164–167.

485. Хромых, А. С. Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность: материалы II Всерос. науч.-практ. интернет-конференции на сайте с 15 января по 1 ноября 2005 года. – Вып. 2: в 2 кн. / А. С. Хромых; отв.

ред. Н. И. Дроздов; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. – Красноярск, 2006. – Кн. 2. – С. 141–151.

486. Хромых, А. С. Сибирский фронт. Встреча цивилизаций от Урала до Енисея (Последняя треть XVI – первая четверть XVII века): монография / отв. ред. Г. Ф. Быконя; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. – Красноярск, 2012. – 312 с.

487. Ценюга, С. Н. Социальная политика Красноярской городской думы в период 1914–1917 гг. (по материалам Государственного архива Красноярского края) / С. Н. Ценюга, И. Н. Ценюга // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. – 2018. – № 2 (125). – С. 211–216.

488. Черепанов, С. К. Лохвицкий versus Куртуков: опыт анализа внутривластной ситуации в Енисейской губернии на рубеже 60–70-х гг. XIX в. / С. К. Черепанов // Изв. Иркут. гос. ун-та. – Сер.: История. – 2014. – Т. 7. – С. 51–62.

489. Черепанов, С. К. О внутренних конфликтах в системе финансового управления Енисейской губернии / С. К. Черепанов // Известия Иркут. гос. ун-та. – Сер.: История. – 2015. – Т. 13. – С. 112–132.

490. Чернуха, В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. / В. Г. Чернуха. – Л.: Наука, 1978. – 248 с.

491. Чичерин, Б. Н. Областные учреждения России в XVII веке / Б. Н. Чичерин. – М.: Тип. А. Семена, 1856. – 606 с.

492. Чуркин, М. К. Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации / М. К. Чуркин. – Омск: Ом. пед. ун-т, 2006. – 375 с.

493. Шангин, А. М. Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири как начальная попытка кодификации обычного права сибирских народов / А. М. Шангин // Труды ИГП РАН. – 2009. – № 4. – С. 158–168.

494. Шахеров, В. П. Становление городского самоуправления и общества / В. П. Шахеров // Иркутск в панораме веков. – Иркутск: Оттиск, 2002. – 511 с.

495. Шашков, С. С. Восточные окраины / С. С. Шашков // Дело. – 1870. – № 3, отд. 2. – С. 1–20.

496. Шерстобоев, В. Н. Илимская пашня: в 2. т. / В. Н. Шерстобоев. – Изд. 2-е. – Иркутск: ОГУП Иркут. обл. тип, 2001. – Т. 2: Илимский край во II–IV четвертях XVIII века. – № 1. – 636 с.

497. Шерстова, Л. И. Аборигенная политика России и этнополитические процессы в Сибири: конец XVI – начало XX в. / Л. И. Шерстова. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2017. – 252 с.

498. Шерстова, Л. И. Концепция фронта и освоение русскими Сибири / Л. И. Шерстова // Вест. Том. гос. ун-та. – 2018. – № 426. – С. 217–222.

499. Шиловский, Д. М. Административно-территориальное устройство и управленческий аппарат Азиатской России (конец XVI – начало XXI в.): монография / Д. М. Шиловский, М. В. Шиловский. – Новосибирск: НГУЭУ, 2018. – 347 с.

500. Шиловский, М. В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь / М. В. Шиловский. – Новосибирск: Автограф, 2015. – 330 с.

501. Шиловский, М. В. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX века / М. В. Шиловский. – Новосибирск: НГУ, 2012. – Вып. 1: Областники. – 179 с.

502. Шиловский, М. В. Первая русская революция 1905–1907 гг. в Сибири / М. В. Шиловский. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. – 320 с.

503. Шиловский, М. В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX вв. / М. В. Шиловский. – Новосибирск: Сова, 2008. – 270 с.

504. Шиловский, М. В. Сибирские областники как первые биографы Ч. Ч. Валиханова / М. В. Шиловский // Евразия: народы, культуры, социумы. – Астана, 2005. – С. 173–175.

505. Шиловский, М. В. Итоги и перспективы изучения городского самоуправления Сибири второй половины XIX – начала XX в. / М. В. Шиловский // Местное самоуправление в истории Сибири XIX–XX веков: сб. матер. регион. науч. конф. – Новосибирск, 2004. – С. 6–10.

506. Шиловский, М. В. Имперская окраина / М. В. Шиловский // Административное и государственно-правовое развитие Сибири XVII–XXI вв.: матер. науч.-теорет. семинара (12–13 ноября 2002 г.). – Иркутск, 2003. – С. 233–235.

507. Шиловский, М. В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. / М. В. Шиловский. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. – 428 с.

508. Шиловский, М. В. Политическая культура и политическая активность предпринимателей дореволюционной Сибири / М. В. Шиловский // Общественно-политическая жизнь Сибири XX век: сб. ст. – Новосибирск: НГУ, 1998. – Вып. 3. – С. 41–42.

509. Шиловский, М. В. Проблема регионализма в дореволюционной литературе / М. В. Шиловский // Из прошлого Сибири. – Новосибирск, 1995. – Вып. 2, ч. 1. – С. 22–29.

510. Шпонов, Б. М. Европейские исследования в Сибири / Б. М. Шпонов: матер. Всерос. науч. конф. «Американский и сибирский фронт» // Новая и новейшая история. – М., 2004. – 208 с.

511. Шторх, А. К. Летописи царствования Екатерины II. Самодержицы всероссийской / А. К. Шторх. – Спб.: Печатано в Имп. тип.; изданием И. Глазунова, 1801. – Ч. 1: Законодательство. – 376 с.

512. Шумилов, М. М. Губернская администрация и органы центрального управления России второй половины XIX в. / М. М. Шумилов. – Л., 1988. – 349 с.

513. Шапов, А. П. Сибирское общество до Сперанского / А. П. Шапов // Собр. соч.– Спб., 1908. – Т. 3. – С. 643–717.

514. Шапов, А. П. Социальные потребности Сибири накануне реформ / А. П. Шапов // Собр. соч. Доп. том к изд. 1905–1908 гг. – Иркутск, 1937. – С. 325–334.

515. Шукин, Н. С. Сибирские воеводы / Н. С. Шукин // Дело. – 1866. – № 1 (сентябрь). – С. 1–16.

516. Эксплуатация природных ресурсов Алтая императорским Кабинетом как фактор развития российской монархии (XVIII – начало XX в.): монография / Т. Н. Соболева, П. А. Афанасьев, Е. А. Кухаренко, Д. С. Бобров. – Барнаул: Азбука, 2012. – 260 с.

517. Элерт, А. Х. Историко-географическое описание Томского уезда Г. Ф. Миллера (1734 г.) / А. Х. Элерт // Источники по истории Сибири досоветского периода: сб. науч. тр. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988. – С. 59–101.

518. Элерт, А. Х. Описание уездов Сибири Г. Ф. Миллера как исторический источник / А. Х. Элерт // Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 97–104.

519. Элерт, А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири / А. Х. Элерт; отв. ред. Н. Н. Покровский. – Новосибирск: Наука, 1990. – 245 с.

520. Эткинд, А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / А. Эткинд; авт. пер. с англ. В. Макарова. – М.: Новое лит. обозрение, 2013. – 448 с.

521. Ядринцев, Н. М. Сибирь как колония: к юбилею трехсотлетия. Современное положение Сибири, ее нужды и потребности, ее прошлое и будущее / Н. М. Ядринцев. – Спб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. – 471 с.

522. Cherepanov, S. K. Anonymous sources of the conflict in the east Siberian provincial administration in the 1870s / S. K. Cherepanov, D. N. Gergilev,

A. G. Gryaznukhin // БЫЛЫЕ ГОДЫ. РОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ. – 2018. – № 47 (1). P. 328–338.

523. Field, D. The End of Serfdom: Nobility and Bureaucracy in Russia, 1855–1861 / D. Field. – Cambridge (Mass.), 1976. – 431 p.

524. Gergilev, D. N. Historical-philosophical analysis of Siberia administrative control / D. N. Gergilev, N. S. Dureeva // The Social Sciences. – 2016. – № 11 (Special issue 5). – P. 6993–6998.

525. Gmelin, J. Reisedurch Sibirien vonden Jahren 1733–1743. Teile I–IV. Gottingen, 1751–1752.

526. Golder, F. Russian Expansion to the Pacific (1641–1850) / F. Golder. – Cleveland, 1914. – P. 17–33.

527. Gryaznukhina, T. V. Intelligentsia and the folk between Russian Revolutions (1905–1917) / T. V. Gryaznukhina, A. A. Sejtkanova, A. G. Gryaznukhin, D. N. Gergilev, L. F. Malutina // БЫЛЫЕ ГОДЫ. Рос. ист. журнал. – 2017. – № 44 (2). – P. 625–634.

528. Karchaeva, T. G. Who were the clerks in Siberia? Professional characteristics of Russian Empire local governmental officials from the 19th to the early 20ies century / T. G. Karchaeva, D. N. Gergilev, M. D. Severyanov // БЫЛЫЕ ГОДЫ. Рос. ист. журнал. – 2017. – № 43 (1). – С. 86–93.

529. Lincoln, B. W. The Genesis of an «Enlightened» Bureaucracy in Russia, 1826–1856 / B. W. Lincoln // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. – 1972. – Vol. 3, № 20. – P. 321–330.

530. Miiller, G. F. Zur Geschichteder Akademie der Wissens chaftenzu S. Petersburg / G. F. Miiller // Материалы для истории императорской Академии наук.– Спб., 1890. – Т. 6.

531. Pintner, W. M. The Social Characteristics of the Early Nineteenth-Century Russian Bureaucracy / W. M. Pintner // Slavic Review. – 1970. – № 3. – P. 429–443.

Авторефераты диссертаций

1. Акишин, М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / М. О. Акишин. – СПб., 2003. – 43 с.
2. Васильев, Д. В. Организация административного управления в Казахской степи: государственная политика и региональные практики: XVIII – первая половина XIX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Д. В. Васильев. – М., 2017. – 54 с.
3. Гапонов, А. С. Сибирское управление и чиновничество XIX века в отечественной историографии: автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. С. Гапонов. – Томск, 2011. – 24 с.
4. Гермизеева, В. В. Высшая администрация Западной Сибири (1905–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. В. Гермизеева. – Омск, 2004. – 23 с.
5. Гордеева, М. А. Органы крестьянского самоуправления в Томской губернии (1898–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. В. Гермизеева. – Новосибирск, 2019 – 30 с.
6. Гриценко, Н. В. Организация управления Тобольской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н. В. Гриценко. – Омск, 2005. – 25 с.
7. Дамешек, И. Л. Сибирь в имперском регионализме: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / И. Л. Дамешек. – Омск, 2006. – 47 с.
8. Двойнев, А. В. Отечественная историография сибирского областничества (60-е годы XIX века – 20-е годы XX века): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. / А. В. Двойнев. – Омск, 2006. – 286 с.
9. Зубов, В. Е. Административный аппарат Западной Сибири конца XVIII – первой половины XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н. П. Зубов. – Новосибирск, 1997. – 26 с.
10. Карчаева, Т. Г. Енисейская губернская администрация: численность и состав: 1822–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Т. Г. Карчаева. – Иркутск, 2013. – 24 с.

11. Красняков, Н. И. Становление системы государственного управления в Сибири в XVIII – первой половине XIX вв.: автореф. дис. ... канд. юр. наук / Н. И. Красняков. – Екатеринбург, 2004. – 27 с.
12. Мамышева, Е. П. Возникновение и развитие национальной государственности хакасов, 1822–1930 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е. П. Мамышева. – Абакан, 1999. – 29 с.
13. Маркова, И. Б. Управление Сибирью в 20–60-е годы XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / И. Б. Маркова. – Новосибирск, 1985. – 27 с.
14. Матханова, Н. П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века: конец 1830-х – середина 1860-х годов: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Н. П. Матханова. – Новосибирск, 1999. – 44 с.
15. Палин, А. В. Томское губернское управление в 1895–1917 гг. (структура, компетенция, администрация): автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. В. Палин. – Кемерово, 2002. – 26 с.
16. Рафиенко, Л. С. Управление Сибирью в 20–80-е гг. XVIII в.; автореф. дис. ... канд. ист. наук / Л. С. Рафиенко. – Новосибирск, 1968. – 31 с.
17. Скворцова, О. В. Административно-территориальное устройство Восточной Сибири в конце XIX – начале XX века: Проблемы организации и реформирования регионального управления: автореф. дис. ... канд. ист. наук / О. В. Скворцова. – Улан-Удэ, 2006. – 26 с.
18. Соболева, Т. Н. Управление Кольвано-Воскресенского (Алтайского) горного округа (1822–1896 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Т. Н. Соболева. – Томск, 1987. – 18 с.
19. Суворова, Н. Г. Крестьянское самоуправление в государственной деревне Западной Сибири в 60-е гг. XVIII – первой половине XIX вв. (организация, функции, правовая регламентация): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н. Г. Суворова. – Омск, 1997. – 23 с.
20. Харусь, О. А. Либерализм в Сибири начала XX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / О. А. Харусь. – Томск, 1998. – 41 с.

21. Черемных, Е. А. Власть и общество в Прибайкалье в XVIII – начале XIX вв. (административное устройство, правовой статус; проблемы взаимодействия и конфронтации): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е. А. Черемных. – Иркутск, 2004. – 24 с.

22. Тяпкина, О.А. Социально-экономическое развитие малых городов Западной Сибири во второй половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / О.А. Тяпкина. – Барнаул, 2003. – 27 с.

СОКРАЩЕНИЯ

АГМ – Архив города Минусинска

ГА в г. Тобольске – Государственный архив в г. Тобольске

ГАИО – Государственный архив Иркутской области

ГАКК – Государственный архив Красноярского края

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

ГАТО – Государственный архив Томской области

ГИАОО – Государственный исторический архив Омской области

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГИА – Российский государственный исторический архив

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан

ПРИЛОЖЕНИЕ

Административно-территориальное деление Сибири

Таблица 1. Административно-территориальное деление Сибирской губернии по городам (1708–1719)¹¹³⁹

Города	Число облагаемых крестьянских и разночинских дворов (кроме посадских и необлагаемых сбором разночинских), по данным, собранным в 1710 г.	Расстояние между центральным городом провинции и указанными населенными пунктами, версты
1. Вятская провинция		
Вятка (Хлынов) и пригороды	6511	–
Кай городок	1195	250
Кунгур	3202	760
Итого в провинции	10908	–
2. Соликамская провинция		
Соль Камская	12005	–
Пермь Великая и Чердынь	1421	250
Итого в провинции	13426	–
3. Сибирские города (Тобольская провинция)		
Тобольск	18135	–
Тюмень	2075	180
Тара	1671	500
Верхотурье	3483	500
Туринск	863	207
Пельым	301	60
Березов	248	1600
Сургут	146	1000
Нарым	193	1000
Кецк	73	250
Томск	2532	300
Кузнецк	617	200
Енисейск	1406	900
Красноярск	927	300
Мангазея	174	600

¹¹³⁹ Об учреждении Губерний и о расписании к ним городов // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1708. 18 декабря. Т. 4, № 2218. С. 437–438; Об устройстве Губерний и об определении в оные правителей // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1719. 29 мая. Т. 5, № 3380. С. 701–710.

Илимск	1302	1000
Якутск	429	2000
Города	Число облагаемых крестьянских и разночинских дворов (кроме посадских и необлагаемых сбором разночинских), по данным, собранным в 1710 г.	Расстояние между центральным городом провинции и указанными населенными пунктами, версты
Иркутск	1740	600
Нерчинск	781	1300
Итого в 19 городах	37096	–

Таблица 2. Административно-территориальное деление Сибирской губернии по провинциям, уездам / дистриктам / крепостям¹¹⁴⁰ (1719–1764)¹¹⁴¹

Провинции	Уезды			
	1719–1724 гг.	1724–1726 гг.	1727–1736 гг.	1736–1764 гг.
1. Вятская провинция	1. Хлыновский	1. Хлыновский	В составе Казанской губернии	В составе Казанской губернии
	2. Слободской	2. Слободской		
	3. Котельничский	3. Котельнический		
	4. Орловский	4. Орловский		
	5. Шестаковский	5. Шестаковский		
	6. Кайгородский	6. Кайгородский		
	7. Кунгурский (до 1721)			
2. Соликамская провинция	1. Чердынский	1. Чердынский	В составе Казанской губернии	В составе Казанской губернии
	2. Соликамский	2. Соликамский		
	3. Кунгурский (после 1721)	3. Кунгурский		
3. Тобольская провинция; с 1736 г. – Сибирская провинция	1. Березовский	1. Березовский	1. Березовский	1. Березовский
	2. Верхотурский	2. Верхотурский	2. Верхотурский	2. Верхотурский
	3. Енисейский	3. Ишимский дистрикт	3. Ишимский дистрикт	3. Ишимский дистрикт
–	4. Илимский	4. Кузнецкий (с 1726)	4. Кузнецкий	4. Кузнецкий
	5. Ишимский	5. Краснослободской	5. Краснослободской дистрикт	5. Краснослободской дистрикт
	6. Кетский	6. Нарымский (с 1726)	6. Нарымский	6. Нарымский
	7. Краснослободской	7. Пельымский	7. Пельымский	7. Пельымский
	8. Красноярский	8. Сургутский	8. Сургутский	8. Сургутский

¹¹⁴⁰ При указании административно-территориальной единицы уезд считается «по умолчанию», дистрикт и крепость – указываются отдельно.

¹¹⁴¹ Сост. по: О разделении Сибири на три провинции // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1719. 29 мая. Т. 5, № 3378. С. 700; О расписании Сибирских городов на три провинции и об определении в оных двух вице-губернаторов // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1724. 26 ноября. Т. 5, № 4606. С. 380; О разделении управления Сибирской Губернии на две части, с назначением в Иркутске Вице-Губернатора и о сношении его с Тобольским Губернатором промемориями // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1736. 30 января. Т. 9, № 6876. С. 733; РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 25. Л. 1–17; Ф. 248. Кн. 156. Л. 128–129 об., 1197–1198 об.

Провинции	Уезды			
	1719–1724 гг.	1724–1726 гг.	1727–1736 гг.	1736–1764 гг.
–	9. Кузнецкий	9. Тарский	9. Тарский	9. Тарский
	10. Мангазейский	10. Тобольский	10. Тобольский	10. Тобольский
	11. Нарымский	11. Тобольский подгорный дистрикт	11. Тобольский подгорный дистрикт	11. Тобольский подгорный дистрикт
	12. Нерчинский	12. Томский (с 1726 г.)	12. Томский	12. Томский
	13. Пелымский	13. Туринский	13. Туринский	13. Туринский
	14. Сургутский	14. Тюменский	14. Тюменский	14. Тюменский
	15. Тарский	15. Ялуторовский дистрикт	15. Ялуторовский дистрикт	15. Ялуторовский дистрикт
	16. Тобольский			
	17. Тобольский подгорный	16. Ямышевская крепость	16. Ямышевская крепость	16. Ямышевская крепость
	18. Томский	17. Семипалатинская крепость	17. Семипалатинская крепость	17. Семипалатинская крепость
	19. Туринский	18. Усть-Каменогорская крепость	18. Усть-Каменогорская крепость	18. Усть-Каменогорская крепость
	20. Тюменский			
	21. Ялуторовский	19. Омская крепость	19. Омская крепость	19. Омская крепость
22. Якутский	20. Железинская крепость	20. Железинская крепость	20. Железинская	
–	–	–	–	1. Мангазейский
				2. Енисейский
				3. Красноярский
				4. Кетский
				5. Абаканское комиссарство

Провинции	Уезды			
	1719–1724 гг.	1724–1726 гг.	1727–1736 гг.	1736–1764 гг.
–	–	–	–	6. Каинское комиссарство
4. Енисейская провинция (до 1736)	–	1. Мангазейский (Туруханский)	1. Мангазейский	В составе Сибирской провинции
		2. Енисейский	2. Енисейский	
		3. Красноярский	3. Красноярский	
		4. Кетский	4. Кетский	
		5. Томский (до 1726)	5. Абаканское комиссарство	
		6. Кузнецкий (до 1726)	6. Каинское комиссарство	
		7. Нарымский (до 1726)	6. Каинское комиссарство	
5. Иркутская провинция (с 1736 г. – самостоятельная и равная Тобольской, с 1764 г. – Иркутская губерния)	–	1. Иркутский	1. Иркутский	1. Иркутский
		2. Илимский	2. Илимский	2. Илимский
		3. Нерчинский	3. Нерчинский	3. Нерчинский
		4. Якутский	4. Якутский	4. Якутский
		5. Верхоленский	5. Охотское приморское управление (с 1731 г.)	5. Охотское приморское управление (с 1731 г.)
		6. Балаганский	6. Балаганский дистрикт	6. Балаганский дистрикт
–	–	7. Селенгинский	7. Верхоленский дистрикт	7. Верхоленский дистрикт
–	–	8. Иркутский подгорный дистрикт	8. Иркутский подгорный дистрикт	8. Иркутский подгорный дистрикт

Провинции	Уезды			
	1719–1724 гг.	1724–1726 гг.	1727–1736 гг.	1736–1764 гг.
–	–	–	9. Селенгинский дистрикт (с 1736 – уезд)	9. Селенгинский уезд
6. Исетская провинция (1738–1744)	–	–	1. Окуневский дистрикт	Переведена в Оренбургскую губернию
			2. Шадринский дистрикт	
			3. Исетский дистрикт	

Таблица 3. Административно-территориальное деление Сибири по главным управлениям, наместничествам, губерниям, областям, уездам (1764–1796)¹¹⁴²

Админ.-тер. единицы	Годы		1764–1782 гг.		1782–1796 гг.	
			Сибирское царство		1. Тобольское и Пермское генерал-губернаторство (главное управление)	
1. Тобольская губерния (до 1770 г. – Сибирская губерния)	1. Березовский		1.1. Тобольское наместничество, с 1782 г.			
	2. Верхотурский					
	3. Ишимский					
	4. Краснослободской дистрикт					
	5. Кузнецкий					
	6. Нарымский					
	7. Пельымский					
	8. Сургутский					
–	9. Тарский		–		1.1.1. Тобольская провинция / область	
	10. Тобольский				1. Березовский	
	11. Тобольский подгорный дистрикт				2. Ишимский	
					3. Курганский	
					4. Сургутский	
					5. Омский	
					6. Тарский	
					7. Тобольский	
					8. Туринский	
					9. Тюменский	
					10. Ялуторовский	

¹¹⁴² Сост. по: Об учреждении в Сибирском Царстве другой Губернии, под названием Иркутской // ПРЗ РИ. Собр. 1. 1764. 19 октября. Т. 16, № 12269. С. 944; О новом разделении Иркутской Губернии на Провинции, Воеводства и Комиссарства и о назначении для правительственных мест городов и местечек // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1775. 31 января. Т. 20, № 14242. С. 21; Об учреждении Колыванской области // ПРЗ РИ. Собр. 1. 1779. 1 мая. Т. 20, № 14868. С. 814–817; О именовании Колыванской областью окружность Колывано-Воскресенских заводов и о назначении в оную Областного Правителя // ПРЗ РИ. Собр. 1. 1779. 27 мая. Т. 20, № 14882. С. 828–829; Об открытии Вологодского Наместничества и Областей Архангельской и Колыванской // ПРЗ РИ. Собр. 1. 1780. 17 сентября. Т. 20, № 15065. С. 988; Об учреждении Тобольского Наместничества из двух областей, Тобольской и Томской, и о разделении оных на уезды // ПРЗ РИ. Собр. 1. 1782. 19 января. Т. 21, № 15327. С. 385–386; Об открытии Управления в Колыванской области // ПРЗ РИ. Собр. 1. 1779. 14 августа. Т. 20, № 15044. С. 969; РГАДА. Ф. 248. Д. 6500. Ч. 3. Л. 84–85 об.; О новом разделении Государства на Губернии // ПСЗРИ. Собр. 1. 1796. 12 декабря. Т. 24, № 17634. С. 229–230.

Админ.-тер. единицы	Годы	1764–1782 гг.	1782–1796 гг.	
		12. Томский	1.1.2. Томская провинция / область	1. Томский
		13. Туринский		2. Ачинский
		14. Тюменский		3. Енисейский
		15. Ялуторовский		4. Каинский
		16. Ямышевская крепость		5. Нарымский
		17. Семипалатинская крепость		6. Туруханский
		18. Усть-Каменогорская крепость	2. Колыванское и Иркутское генерал-губернаторство (главное управление)	
		19. Омская крепость	2.1. Иркутское наместничество, с 1783 г.	
	Енисейская провинция	20. Железинская	2.1.1. Иркутская провинция / область	1. Иркутский
		21. Мангазейский		2. Верхоленский
		22. Енисейский		3. Нижне-Удинский
		23. Красноярский		4. Киренский
		24. Кетский	2.1.2. Якутская провинция / область (с 1784)	1. Якутский (до 1784)
		25. Абаканское комиссарство		2. Алданский (Алекминский)
		26. Каинское комиссарство		3. Оленский
				4. Жиганский
	Колыванская область, 1779–1783 гг.	1. Кузнецкий	2.1.3. Охотская провинция / область	1. Охотский
		2. Томский		2. Гижигинский
3. Бурлинский		3. Акланский		
4. Барнаульский		4. Нижнекамчатский		

Админ.-тер. единицы	1764–1782 гг.		1782–1796 гг.	
Годы				
2. Иркутская губерния	1. Иркутский уезд		2.1.4. Нерчинская провинция / область	1. Нерчинский уезд
	2. Илимский			2. Доронинский
	3. Нерчинский			3. Баргузинский
	4. Якутский			4. Сретенский
	5. Охотское приморское управление		2.2. Колыванское наместничество / губерния, с 1783 г.	
	6. Баргузинский дистрикт		Колыванская провинция / область	1. Колыванский
	7. Верхоленский дистрикт			2. Кузнецкий
	8. Иркутский подгорный дистрикт			3. Семипалатинский
	9. Селенгинский дистрикт			4. Бийский
			5. Абаканский	

Таблица 4. Административно-территориальное деление Сибири по губерниям, округам / уездам (1796–1822)¹¹⁴³

–		Тобольское и Иркутское генерал-губернаторство / с 1804 г. – Тобольское, Томское и Иркутское генерал-губернаторства	
Губерния, область	Годы	Губерния, область	Годы
	1797–1803 гг., округа		1803–1822 гг., уезд
Тобольская губерния	1. Кузнецкий	Тобольская губерния	1. Кузнецкий
	2. Семипалатинский		2. Семипалатинский
	3. Сургутский		3. Сургутский
	4. Красноярский		4. Красноярский
	5. Ишимский		5. Ишимский
	6. Ялуторовский		6. Ялуторовский
	7. Курганский		7. Курганский
	8. Березовский		8. Березовский
	9. Тарская		9. Тарский
	10. Туринская		10. Туринский
	11. Тюменская		11. Тюменский
	12. Тобольская		12. Тобольский

¹¹⁴³ Сост. по: Атлас уездов Иркутской области 1790–1797 годов. Сайт «Картоюг». URL: <http://maps.southklad.ru/forum/viewtopic.php?f=58&t=1896>; ГАИО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 40. Л. 133–140; ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14. Л. 7; О новом разделении Государства на Губернии // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1796. 12 декабря. Т. 24, № 17634. С. 229–230; О числе городов в Тобольской губернии // ПРЗ РИ. Собр. 1. 1797. 2 ноября. Т. 21, № 18233. С. 789; Об образе управления сими Губерниями (Тобольской и Иркутской) // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1803. 23 мая. Т. 27, № 20771. С. 628; О Высочайше подтвержденном положении об устройстве Областного Правления в Камчатке и предварительного управления в Охотске // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1803. 11 августа. Т. 27, № 20889. С. 823; О разделении Тобольской Губернии на две части и об учреждении Томской Губернии // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1804. 26 февраля. Т. 28, № 21183. С. 156; О разделении Иркутской Губернии на семь уездов, с присоединением города Охотска, а остающиеся уезды на Комиссарства; о соединении Губернского Правления с Казенной Палатою; об учреждении в городе Якутске Гражданского Правления, под именем Якутского Областного Правления и об упразднении в Нерчинске такового Правления // ПСЗ РИ. 1805. 22 апреля. Т. 28, № 21726. С. 1002; О преобразовании в Камчатке Воинской и Гражданской части, также об улучшении состояния тамошних жителей и вообще тамошнего края // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1812. 9 апреля. Т. 32, № 25081. С. 282.

Продолжение табл. 4

Губерния, область Годы	1797–1803 гг., округа	Губерния, область Годы	1803–1822 гг., уезд
	13. Томская	Томская губерния	1. Томский
	14. Нарымская		2. Нарымский
	15. Енисейская		3. Енисейский
	16. Туруханская		4. Туруханский
Иркутская губерния	1. Акланская	Иркутская губерния	5. Красноярский
	2. Баргузинская		6. Каинский
	3. Верхнеудинская		7. Колывано-Воскресенский (Алтайская)
	4. Жиганская		8. Бийский
	5. Инжигинская		1. Иркутский
	6. Иркутская		2. Нежне-Удинский
	7. Киренская		3. Верхне-Удинский
	8. Нижне-Удинская		4. Киренский
	9. Нижнекамчатская	5. Якутский	
	10. Олекминская	Якутская область (с 1805)	1. Акланский
	11. Зашиверская		2. Гижигинский (до 1803 и после 1812)
	12. Оленская		3. Нижнекамчатский
	13. Якутская		4. Гнжигинский (с 1803 до 1812)
	14. Нерчинский уезд (вошли Сретенский и Доронинский)		
Нерчинская область (с 1798)	–	Нерчинская область (до 1805)	Нерчинский уезд (с 1805)
Охотская область (с 1803)	–	Охотская область (с 1803); Охотское, Приморское управления (с 1812)	–
Камчатская область (с 1803)	–	Камчатское, Приморское управления (с 1812)	

Таблица 5. Административно-территориальное деление Сибири по губерниям, округам / уездам (1823–1917)¹¹⁴⁴

1823–1880-е гг.		1880-е – 1917 гг.	
Западносибирское генерал-губернаторство (до мая 1882)		Тобольская губерния (с мая 1882)	Тобольский
Тобольская губерния	Тобольский		Тюменский
	Тюменский		Сургутский
	Ялуторовский		Ялуторовский
	Курганский (с 1854 г. включил территории ликвидированного Петропавловского округа)		Курганский Туринский
	Ишимский (с 1854 г. включил Петропавловск и часть прилегавших к нему территорий)	Ишимский	
	Омский (1838–1854)	Томская область	Тюкалинский
	Тюкалинский (до 1854)		Тарский
	Тарский		Туринский
	Туринский		Березовский
	Березовский (территории Сургутского округа – до 1868 г.)		Томский

¹¹⁴⁴ Сост. по: О разделении Сибирских Губерний на Западное и Восточное Управления // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1822. 26 января. Т. 38, № 22892. С. 37; Учреждение для управления Сибирских губерний // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1822. Т. 44, ч. 1, № 29125. С. 44, 52, 162; Высочайше утвержденное положение об отдельном управлении Сибирскими Киргизами // ПСЗ РИ. Собр. 2. 1838. 6 апреля. Т. 13, № 11122. С. 272; О управлении Забайкальской областью // ПСЗ РИ. Собр. 2. 1851. Т. 26, ч. 1, № 25394. С. 476–480; Высочайше утвержденное положение об отдельном управлении Сибирскими Киргизами // ПСЗ РИ. Собр. 2. 1854. 6 апреля. Т. 13, № 11122. С. 272; Высочайше утвержденное положение об управлении Амурской области // ПСЗ РИ. Собр. 2. 1858. 8 декабря. Т. 33, ч. 1, № 33862. С. 452; Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей, со включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран / сост. преп. Благовещ. муж. гимназии Александр Кириллов. Благовещенск: тип. т-ва Д. О. Мокин и К°, 1894. С. 342; О преобразовании управления Киргизскими степями Оренбургского и Сибирского ведомств и Уральским и Сибирским казачьими войсками // ПСЗ РИ. Собр. 2. 1868. 21 октября. Т. 43, № 46380. С. 364; Временное положение об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях // ПСЗ РИ. Собр. 2. 1867. 11 июля. Т. 42, № 44831. С. 1150–1151; Иркутский край. Четыре века: История Иркутской губернии (области) XVII–XXI вв. Иркутск, 2012. С. 9; Энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 1. С. 531, 564, 647; Там же. Т. 3. С. 258, 266, 605; О крестьянских начальниках в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской // ПСЗ РИ. Собр. 3. 1898. 2 июня. Т. 18, № 15503. С. 403–404; Об образовании Усинского пограничного округа в Енисейской губернии и об упразднении некоторых должностей в Управлениях Восточной Сибири // ПСЗ РИ. Собр. 3. 1885. 30 декабря. Т. 5, № 3424. С. 542; Бичелдей К. А. Особенности исторического момента в Урянхайском крае между начертаниями Николая II «Согласен» и «Успешно» в 1914 году [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2014. № 3. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_23/7317-bicheldey.html.

Продолжение табл. 5

1823–1880-е гг.		1880-е – 1917 гг.		
Томская губерния	Сургутский (с 1868)		Мариинский	
	Томский		Бийский	
	Колыванский (Колывано-Воскресенский)		Каинский	
	Бийский (с 1854 г. включил Семипалатинск и Усть-Каменогорск с прилегавшими к ним территориями)		Змеиногорский	
	Каинский		Барнаульский	
	Чарышский		Кузнецкий	
	Барнаульский		Иркутское генерал-губернаторство (с 1887)	
	Кузнецкий		Иркутская губерния	Иркутский
Омская область (до 1838)	Омский (до 1838)		Балаганский	
	Петропавлоаский		Киренский	
	Семипалатинский		Нижне-Удинский	
	Усть-Каменогорский		Верхоленский	
	Каркаралинский (с 1824)		Олекминско-Витимский	
	Кокчетавский (с 1824)		Енисейская губерния	Красноярский
	Аягузский (с 1831)			Ачинский
	Акмолинский (с 1832)			Минусинский
Баян-Аульский (с 1833)		Енисейский		
Область Сибирских киргизов (1854–1868)	Каркаралинский		Усинский пограничный округ – до 1914 г. в составе Минусинского округа	
	Кокчетавский		Урянхайский край – с 1914 г.	
	Аягузский, Копальский (с 1867)		Якутская область	Канский
	Акмолинский			Якутский

1823–1880-е гг.		1880-е – 1917 гг.	
Область Сибирских киргизов (1854–1868)	Баян-Аульский	Якутская область	Вилуйский
	Аман-Карагайский		Колымский
	Сарысуйский (с 1878 – Атбасарский)		Верхоянский
Акмолинская область (с 1868)	Омский		Олекминский
	Акмолинский	Забайкальская область (с 1906)	Акшинский
	Кокчетавский		Баргузинский
	Петропавловский		Нерчинский
	Сарысуйский (с 1869)		Верхнеудинский
	Атбасарский (с 1878)		Нерчинско-Заводской
Семипалатинская область (с 1868)	Семипалатинский		Селенгинский
	Каркаралинский	Троицко-Савский	
	Усть-Каменогорский	Читинский	
Востоносибирское генерал-губернаторство			
Иркутская губерния	Иркутский		
	Нижне-Удинский		
	Верхне-Удинский (до 1851)		
	Нерчинский (до 1851)		
	Киренский		
	Балаганский (с 1859)		
	Верхоленский (с 1859)		
Енисейская губерния	Красноярский		
	Енисейский		

1823–1880-е гг.	
Енисейская губерния	Ачинский
	Минусинский
	Канский
Якутская область (до 1851 г. – под началом Иркутского губернского правления)	Якутский
	Олекминский
	Вилуйский
	Охотский (1849–1858)
	Верхне-Янский
	Средне-Колымский
Забайкальская область (с 1851)	Верхне-Удинский
	Нерчинский
	Троицко-Савское управление (1863–1872), Троицко-Савский округ (с 1872)
Камчатское приморское управление, Камчатская область (1849–1856), Приморская область (с 1856)	Петропавловский округ
	Гижигинский округ
	Охотский
	Командорские и Курильские острова
	Николаевский (с 1858)
	Софийский (с 1858)
	Удской (с 1858)
	Уссурийский край / участок (с 1860)
	Сайфунский, Ханкайский, Аввакумоский, Сучанский участки (к 1870)
Троицко-савское пограничное управление (до 1863)	–
Амурская область (с 1858)	–

Таблица 6. Штат Палат и «Общих для губернии чинов» по I и II разрядам (1781–1796)¹¹⁴⁵

Палата уголовных дел				Палата гражданских дел				Казенная палата / Экспедиция экономии				Общие для губернии чины			
Должность, чин	Чел.	Жалованье, руб. на 1 чел. в год		Должность, чин	Чел.	Жалованье, руб. на 1 чел. в год		Должность, чин	Чел.	Жалованье, руб. на 1 чел. в год		Должность, чин	Чел.	Жалованье, руб. на 1 чел. в год	
		I	II			I	II			I	II			I	II
Председатель, V класс	1	840	1350	Председатель, V класс	1	840	1350	Поручик Правителя наместничест ва или Вице- губернатор, V класс	1	1200	1875	Губернский прокурор, VI класс	1	600	750
Советники, VI класс	2	600	750	Советники, VI класс	2	600	750	Экономики Директор	1	1000	1500	Губернские стряпчие, VII класс	2	360	600
Ассессор, VIII класс	2	300	450	Ассессор, VIII класс	2	300	450	Советник для таможенных дел и надзора, VI класс	1	1000	1200	Секретари, XI класс: в правлении, в палатах, при директоре Экспедиции экономии	5	250	–
–	–	–	–	–	–	–	–	Советник, VI класс	1	600	750	Секретари при Советниках (по 2 чел.), II класс	(6)	–	450
–	–	–	–	–	–	–	–	Губернский казначей, VIII класс	1	300	450	На канцелярские расходы по Наместническому правлению и палатам, и на канцелярских служителей*	–	6980	11 200
–	–	–	–	–	–	–	–	Ассессоры, VIII класс	2	300	450	–	–	–	–

¹¹⁴⁵ Сост. по: Общий свод Штатов Наместничеств и Губерний в Царствование Государыни Императрицы Екатерины II // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1796. Т. 44, ч. 2, № 17494. С. 254.

Окончание табл. 6

Палата уголовных дел				Палата гражданских дел				Казенная палата / Экспедиция экономии				Общие для губернии чины			
Должность, чин	Чел.	Жалованье, руб. на 1 чел. в год		Должность, чин	Чел.	Жалованье, руб. на 1 чел. в год		Должность, чин	Чел.	Жалованье, руб. на 1 чел. в год		Должность, чин	Чел.	Жалованье, руб. на 1 чел. в год	
		I	II			I	II			I	II			I	II
–	–	–	–	–	–	–	–	Присяжные, из отставных унтер- офицеров Гвардии	4	80	100	–	–	–	–
Итого по I разряду	5	2640	–	Итого по I разряду	5	2640	–	Итого по I разряду	10	4020	–	Итого по I разряду	8	9550	–
Итого по II разряду	5	–	3750	Итого по II разряду	5	–	3750	Итого по II разряду	11	–	7075	Итого по II разряду	9	–	15 850
* т. е. протоколисты, регистраторы, архивариусы, писцы (служащие для письменных дел), переплетчики, сторожа и прочие – в количестве, установленном Наместническим правлением/															

Таблица 7. Штат губернских присутственных мест по судебному ведомству Российской империи (по I и II разрядам) (1781–1796)¹¹⁴⁶

Совестный Суд				Верхний Земский Суд				Губернский Магистрат*				Верхняя расправа			
Должность, чин	Кол-во чел.	Жалованье, руб. на 1 чел. в год		Должность, чин	Кол-во чел.	Жалованье, руб. на 1 чел. в год		Должность, чин	Кол-во чел.	Жалованье, руб. на 1 чел. в год		Должность, чин	Кол-во чел.	Жалованье, руб. на 1 чел. в год	
		I	II			I	II			I	II			I	II
Судья Совестного суда, VII класс	1	600	750	Первый председатель, VI класс	1	600	750	Первый председатель, VII класс	1	600	750	Первый председатель, VII класс	1	600	750
Дворянские заседатели, VII класс	2	360	600	Второй председатель, VI класс	1	600	750	Второй председатель, VII класс	1	600	750	Второй председатель, VII класс	1	600	750
Мещанские заседатели, X класс	2	200	300	Заседатели, VII класс	10	360	600	Заседатели	10	200	300	Заседатели	10	60	100
Сельские заседатели	2	60	100	Прокурор, VII класс	1	360	600	Прокурор, VIII класс	1	300	450	Прокурор, VIII класс	1	300	450
Канцелярские служители	–	390	600	Стряпчие, VIII класс	2	300	450	Стряпчие, X класс	2	200	300	Стряпчие, X класс	2	200	300
–	–	–	–	Секретари, XII класс	2	250	375	Секретари, XII класс	2	250	375	Секретари, XII класс	2	250	375
–	–	–	–	Канцелярские служители	–	2103	2500	Канцелярские служители	–	1448	1800	Канцелярские служители	–	1548	1548
Итого: по I разряду по II разряду	7 7	2230 –	– 3350	Итого: по I разряду по II разряду	17 17	8363 –	– 12250	Итого: по I разряду по II разряду	13 13	4668 –	– 6600	Итого: по I разряду по II разряду	17 17	4068 –	– 5548

* В штате Губернского магистрата в Тобольском, Колыванском и Иркутском наместничествах Сибири отсутствовала должность нотариуса (1 чел.), для которого было предусмотрено жалованье по I разряду 100 руб. в год, по II разряду – 200 руб. в год.

¹¹⁴⁶ Сост. по: Общий свод Штатов Наместничеств и Губерний в Царствование Государыни Императрицы Екатерины II // ПСЗ РИ. Собр. 1. 1796. Т. 44, ч. 2, № 17494. С. 254.